st.co.uk

son Blasts Trump's 'Sick-Making'
or Putin

9 comments 4

Виктор Шендерович

3h ·

Вчера был прекрасный вечер в Ницц
новейшей традиции (спасибо Путину
зале обнаружилось несколько стары
московских знакомых и фейсбучных
друзей...

А ещё, прямо перед выступлением, я
встретился наконец со своей новой к
"Короткий метр". Очень симпатичная
получилась, приятно подержать в ру

Далее - в Берлин, на ярмарку Bebelpla

А меньше чем через месяц - короткий
балтийский тур (подробности см. в п

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Психический Пол и В. Скотт. Сатаны- Женщины.

2026

УДК 159.9
ББК 88
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла
Х98 Психический Пол и В. Скотт. Сатаны- Женщины. / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2026. — 540 с. [б. н.]

УДК 159.9
ББК 88

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили, 2026

MY FAREWELL LETTER

Who I am?

I am Author of Discovery of Psychic Energy.

And I am saying to you in thus letter that the day will come (soon) and the names of those engaged in Murdering me will be written on every Church as Enemies of Mankind

You may like me, or Dislike me, this does not matter.

MY BOOKS, MY MANY VOLUMES ON DISCOVERY 0 this is the only thing which really matters.

Why I am writing this farewell letter?

Because I WANT THE ENTIRE WORLD TO KNOW NAMES OF MY MURDERERS.

The Names are not secret — the monstrosities of Putin, Trump, WINZORS, Israel's and Vatican's Pharisees. I am leaving (God will help me with my poison), and I WARN YOU — THESE ARE HOUSES OF SATANS!! BE CAREFUL TO COPE WITH THEM AS WITH SATANS!! Satan's house must be ruined, or it will ruin humankind!

Another names — Oliver Stone, Robert de Niro, Marco Rubio, Peter Kuznick, Prince Harry, Iconomous Koullias, Stephene Frappat, Алан Огоев, Елена Дунаевская, Виктор Шендерович, Петр Межурицкий, Игорь Иртеньев. Also Jewish officer of CIA, who have been fired for Proposal to turn Scientist into prostitute 0 thank to Biden's administration for firing the scumbag!! And also German Officer of their Secret Services, who camr the last. All of you wont have any difficulties to find out their names.

But the horror of situation is not in fact that Satan's attacked the God's Angel. This is normal situation which could be properly handled. The horror of situation is in fact THAT ALL OF YOU HAVE HELPED THEM!! You helped them, though all of you know very well that I am scientist and Author of Discovery, and that main assassins — Putin, Trump, Rubio, Winzors — are infamous killers!

You helped them all right, though the only deed needed to stop the disgrace of atrocities towards Scientist was One Single Article in Media on Discovery of Psychic Energy! All of you 0 you helped them all right! This is no any longer my question. From now on — this is question of you conscience.

To demonstrate the depth of Disgrace I shall leave some report of latest events

I have sent you my latest volume on Discovery: «Psychic Gender and Sir Walter Scott. Satans Are Women». This is one of most informative books on Discovery. I shall narrate you how it was composed.

You know situation. Mad Scumbag Putin is scared to death of Science in general and especially of social science exposing monstrosities like him as Satans of Master Race, as reptiles of dead thought and dead conscience. So he had given the green light to secret services of another countries to take my Discovery of me and to change and adopt it in a convenient for Satans way. This means to cheat on you, people, to take the truth on Satans from you, and to leave only few ideas enough to make careers of several wicked professors and their institution. Is not this the case? So Secret Services have silenced decent professors, Media and Universities, expecting the day, when tough guys from Secret Services will make a piece of shit from me, the Author, and thus will be able to present credit of my work to whoever they please. Is not this the case??

So this is how the Tough Guys from Secret Services came «to try me hard» with their seductive strategies! For the only plan of discrediting the Author of Discovery they appeared to know was the plan with making the Scientist, making the Author of Discovery a Prostitute. This was a Modest Proposal of scumbags.

I would like to underscore: no one of those persons, who consider themselves «authority» and educated men, — no one of them did not bother to shake hand of Great Scientist, of Genius, bringing Light to the Earth! But all of them, as any despicable

scoundrel felon, abused my situation of being Putin's prey and prisoner to immerse me in disgrace and dishonor!

All of you know very well their satanic plans to put me into madhouse, to treat me there with chemical lobotomy and to produce thus obedient idiot. All of you knows that Sevak Oganesyan, my neighbor lodging under my apartment was hired and promised million dollars to perform this task.

Now say: are all of you complicit if you kept silence as well as Putin's police, who refused to give any response on my filed charges against the man? May I ask you a question? If tomorrow some scumbag will announce My Discovery as His will you continue to keep silence?? But, who will you cheat on this time?? Yourself. It is you, who will stay deceived lastly.

The last figure in a long raw of murderers is German Officer from German Secret Services.

It was my April post on Facebook, 2026, the report on my meeting of German Secret Services:

//

«This time this was «German officer». Previous cases they have been «Greek CIA agent», «Jewish CIA agent», Putin's Prostitute, American Epstein's Murderers of Rob Reiner and his family.

All of them — Satan-Prostitutes, capable only to focus on matters of genitals, feebleminded assassins of intellect, virtue, children. And each of them playing as Pimp of Old Prostitute Putin, selling this old shabby piece of pervert as trojan horse. For it is Putin's Prostitute Army which is killing me. The shame of the mankind!!!

Germany came after my book on Gazdanov, where among many others of his works I have discussed his report on participation in French Resistance — «On French Soil». Though I did my best to lay sharp line of demarcation between German people and Culture of Master's Race as disease of 20-th century of entire humankind (especially of 20-th century because of Darwinian paradigm). It was that book where I for first time referred to German great composers as to German's Divine

Revelation. Though in my previous English volumes on Discovery I have mentioned few times that German philosophy belongs to Hubris culture. Nevertheless, I also did my best to expose all the depth of wickedness as Satan's Master Race of German Fascism. For all Satan's of the World came as Master's Races, this was not German Invention, but Germans excelled in accomplishments of their own version of Master Race as everybody knows.

On my finishing the volume on Walter Scott the Murder of Rob Reiner took place as you remember. On my finishing the volume on Gazdanov this German officer introduced himself in anonymous data on my Facebook page as ally of Discovery of Psychic Energy. But all of them use this theme only to make me to take the bait. Then they go straight to ignominious Putin's Prostitutes strategy, taking off their underwear without shame and spamming my page with all kinds of «romantics trash»

It is my conviction that Putin's and Trump's Epstein's Holocaust is scared to death with Discovery and will pay billions to everyone who will express intention to help to Discovery to prevent the world from Scientific Revolution Energetics. But the funny part with this Satans-Prostitutes is their being «womens»: THEY CANNOT RELISE THEIR MURDERS WITHOUT TAKING THEIR UNDERWEAR. For they must SEDUCE YOU BEFORE KILLING YOU. Remember this to survive in their forth EPSTEIN"S HOLOCAUST.

For they are killing me now, the Author of Discovery of Psychic Energy and Scientific Revolution Energetics to establish instead their Prostitute Epstein's Holocaust. I don't mean concrete place or island — I mean MARSHROOM CLOUD of SATANS SADOMASOHISM over the planet.

Keep staying silent Media and Universities! Putin's Prostitution Army and Epstein's Holocaust is waiting for you!!

TO REFUTE MY STATEMENT — TRY ONCE TO BE MEN, NOT HARLOTS.

TRY TO KILL ME, THE MAN, THE GREAT AUTHOR OF DISCOVERY OPENLY, SHOOT ME DEAD!!

STOP JUMPING AROUND ME WITHOUT UNDERWEAR «TO SEDUCE THE OLD LADY»!

GROW SOME BALLS TO KILL ME OPENLY!!

WHAT A SHAME!!»

//

This guy did his best to make the laughing stock from an unfortunate Genius, trampled down by dishonest scumbag Putin in invalid wheelchair. I am 49 years old, my hair is grey, my body is distorted, my health is lost. I did my best to support scientific subject of Discussion — I wrote this big volume on 18 chapters dying under pressure of new assault of Putin's, CIA's and Massad's agents. I did my best to demonstrate the lot of German scientists, mentioned in Discovery in hope for the help to Discovery!!

But I was wronged. This man is again Ordinary Killer — ordinary Moron, capable to beat into dirt the obvious Genius, the obvious Martyr the obvious Honor and Conscience of Saint — only because Putin created such comfortable situation for everyone who is going to rob and beat in dirt Great Scientist of Great Discovery!! THANK YOU PUTIN, says GERMANY altogether with ISRAEL!!

They are NOT HUMANS!! THEY ARE REPTILES!! THEY ARE MORONS OF DEAD THOUGHT AND DEAD CONSCIENCE!!

THIS IS WHY I MUST DIE!!

I MUST DIE TO IMMOLATE MY DEATH ON ALTAR OF JESUS!!

I MUST DIE TO DEMONSTRATE THAT THESE REPTILES WILL NOT PREVERT THE GOD"S REVEALATION!!

THIS IS WHY I MUST DIE!!

GERMANY is as SATAN as ISRAEL, and they are allies with Putin in killing me!!

I repeat that the despicable crime of those men was in fact of abusing my position in Russia of prisoner and invalid, position of a person under hardest pressure of Putin's scoundrels. The more genius volumes I forced myself to write in such position to to gain attention of western governments to escape from Putin's wicked jails, from Putin's atrocities, the more western governments

laughed down all my bleeding efforts of dying genius to present me just as «an ass for sale»!

This is DESPICABLE SITUTION!! AND I WILL DO MY BEST TO PROVE TO THOSE DEPRIVED OF SOLE, OF HONOR <OF CONSCIENCE, OF HEART, OF ANY Slightest Decency Persons — that NOT EVERYONE is JUST AN ASS FOR SALE LIKE THEMSELVES!!

That Scientist would RATHER DIE THAN ACCEPT SUCH HORRIBLE TREATMENT ANY LONGER!!

I have added this letter to you, Dear Media and Universities, to my latest books — on Psychic Gender and legacy of Sir Walter Scott.

My only wish is now when I know that all of you say with MOSSAD and Germany: THANK YOU PUTIN FOR HELP IN MURDER OF AUTHOR OF DISCOVERY!

My only wish is to prove with my death that I will rather die that permit this wicked people to laugh down Honor and Conscience of Sane Decent People!!

Thank you!!

ГЛАВА 1. СЛАБОСТЬ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА МАТЕРИАЛЬНЫХ ЭНЕРГИЙ

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА МАТЕРИАЛЬНЫХ ЭНЕРГИЙ ПРИРОДЫ. ЦИКЛИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ ПСИХИКИ

Из приведенных ниже цитат известных ученых Вильгельма Освальда и Эрнеста Маха можно судить о сущности циклического гомеостаза всех материальных энергий природы как кругового движения от неравновесия к равновесию.

В. Оствальд, «Философия природы»:

> *«Чтобы какой-нибудь процесс имел место, надо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующих энергий. Общим выражением этого закона мы обязаны Гельму... Два тела различной температуры, два газа различного давления, два электрических проводника различного напряжения не приходят при благоприятных условиях, моментально в состояние равновесия, но они требуют на это большее или меньшее время.....Выравнивание электрических разностей напряжения совершается точь-в-точь по тем же законам, как и выравнивание температур. То же относится и к выравниванию химических разностей и многих других; все требует времени, и все протекает тем медленнее, чем дальше продвинулся процесс выравнивания. Вследствие этого мир наполнен образованиями, которые с точки зрения учения о равновесии, не имеют права на существование и поэтому существуют только временно. Всякая река и всякий ручей существуют только потому, что стекающая река не падает моментально в море, а на это требуется время и они могут существовать только при условии, что в каждую минуту в них втекает из источников столько же воды, сколько ее вытекает».*

Э. Мах, «Познание и Заблуждение»:

> *«Для того чтобы в физическом мире, что-нибудь произошло, для того чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть, как это доказывал уже Р. Майер, какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и тп. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-либо разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знающем таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравнению. Без нее не было бы и жизни»*

«Без нее не было бы и жизни», — говорит Мах. Действительно, если мы обратимся к биологической энергии, то увидим действие того же Циклического Гомеостаза: «Неравновесие», «Боль» Голода, которое стремится к Равновесию покоя, сытости. Причем круги этого движения от неравновесия голода к равновесию сытости постоянно возобновляются пока жив организм, что говорит о том что «боль», «голод материальных энергий не могут быть удовлетворены по определению, так как лежат в основе движения, мотивации биологической энергии. Речь не только о пищевом голоде, но и о тепловом, о половом, о кислородном, о световом голоде, которые движут животным миром.

Точно в соответствии с этой схемой Циклического Гомеостаза устроена и Материальная Энергия психики человека. Силовое поле материальной энергии обладает двумя противоположными полюсами — Эго и СуперЭго, через которые каждый новый родившийся невежественный человек видит мир, как сквозь очки, о существовании которых он не подозревает. Это физический контроль закона сохранения силы материальной энергии психики. Он дает чувственную информацию о мире и о человеке как о двух противостоящих друг другу силах — Эго и СуперЭго (Плюс и Минус, борьба мира и человека за силу). Конечно, эта картина дает искаженную картину мира и самого человека, как

любая чувственная информация. Так, животные тоже отражают мир чувствами, например они видят другие организмы как тепловые точки. Информация эта ограничена, но дает им возможность распознавать возможную пищу. Для материальной энергии психики важно показать человеку его соотношение сил с окружающим миром, чтобы человек мог «приспособиться» к внешней силе давления: Либо Давить самому на меньшую силу, либо Подчиняться давлению большей силы. Насилие и Подчинение — в этом смысл и ограниченной информации об окружающем мире физического контроль материальной энергии, и смысл самого течения материальной энергии в ее приспособлении к окружающей среде.

Так возникают Два Противоположных Притяжения Физического контроля материальной энергии психики из поля Эгосистемы: Картина двух противостоящих сил Эго и СуперЭго рождает Страх «Сверхъестественных сил» (то есть искаженных сил природы в чувственном восприятии физического контроля мат. энергии) и Запускает Эгозащиту. Если «Кривое зеркало» чувственной информации показывает что сила Эго больше сила СуперЭго (мир) — то возникает Верхняя Эгозащита Притяжения Самолюбия (Насилие). Если «Кривое зеркало» чувственной информации показывает, что сила СуперЭго больше чем сила Эго — то возникает Нижняя Эгозащита Притяжения Влюбленности (Подчинение).

Эгозащита и есть течение материальной энергии психики. Верхняя и Нижняя Эгозащита, Притяжение Самолюбия и Притяжение Влюбленности, Насилие и Подчинение — это и есть два противоположных Притяжения Физического контроля, которые составляют его Циклический гомеостаз.

Самолюбие и Влюбленность, Насилие и Подчинение — две части одного физического контроля, две части единого механизма, встречаются в «любви» двух людей, образуя отношения Господства и Подчинения древних деспотических Левиафанов. «Голод» в поисках «силы», «страх сверхъестественных сил» в основе поля Эгосистемы, борьба за власть, зависть тщеславия

ведет к постоянной борьбе за верхи социальной иерархии власти. Люди постоянно переходят из Самолюбия на Влюбленность и обратно: сегодня одни — власть, а другие — рабы. Или же эти же люди рабы для верхних, и господа для тех, кто стоит ниже них. В этом смысл циклического гомеостаза. «Кривое зеркало» чувственной информации постоянно меняет картину, где больше сила Эго или больше сила СуперЭго — и люди постоянно переходят с притяжения Самолюбия на Притяжение Влюбленности, от роли Власти Господина к роли Подчинения Слуги. Такова суть бессмысленного круговращения физического контроля материальной энергии психики.

Цикличность этих отношений, где вся система остается неизменным Садомазохизмом отношений Господства и Подчинения, а меняются только конкретные люди в союзах Самолюбия-Влюбленности циклического гомеостаза (одни переходят наверх, другие вниз иерархии власти Господства и подчинения) наблюдается во всех отношениях обществ, где преобладает материальная энергия психики. В отношениях «дружбы» и «любви» частных людей, или в масштабах всего государственного устройства.

Э. Фромм, «Искусство любить»:

> «Активная форма симбиотической связи — господство, или, если пользоваться соотнесенным с мазохизмом психологическим термином, — садизм. Садистская личность стремится освободиться из плена и избежать одиночества, делая другую личность своей частью. Она растет в собственных глазах и поддерживает себя тем, что включает в себя как часть другую личность, которая ее боготворит. Садистская личность так же зависима от того, кто ей покоряется, как этот последний зависим от нее; ни один из них не может жить без другого. Различие лишь в том, что садистская личность распоряжается, эксплуатирует, унижает, причиняет боль, а мазохистская — подчиняется распоряжениям, терпит эксплуатацию, унижение и боль. В реальном смысле это значительное различие; но в смысле более глубоком, эмоциональном, здесь больше общего, нежели различного: и то, и другое есть слияние без целостности. Если мы это поймем, то не удивимся, обнаружив, что чаще всего человек ведет себя то как садистская, то как мазохистская личность, — обычно по отношению к разным объектам».

Д. Майерс, Социальная психология:

> «Тот кто знает рок-песню „Пристрастившийся к любви“ (Addicted to love), не удивятся узнав, что любовь-страсть по своему воздействию на человека аналогична привыканию к кофе, алкоголю и другим наркотикам. Поначалу наркотик возбуждает, порой даже очень сильно. При частом употреблении нарастают противоположные эмоции и вырабатывается привыкание. Количества, которое когда-то вызывало сильное возбуждение более недостаточно. Однако, если вы даже прекратите принимать его, это вовсе не значит что вы вернетесь в свое исходное состояние, в котором находились до того как впервые попробовали наркотик. Более вероятно, что у вас появятся все признаки „ломки“ — недомогание, депрессия и тп. То же самое нередко происходит и в любви. Страсть не может длиться вечно. Сначала утратившие свой пыл отношения воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, а затем и вовсе прекращаются».

Герберт Спенсер, «Социальная статика»:

> «Постоянно можно наблюдать, как для дикого эгоизма необходим соответствующий размер обожания силы. Такое чувство, служащее противовесом антиобщественности, заключается в обожании власти. Это чувство заставляет людей преклоняться перед проявлениями силы и подчиняться ей, в ком бы она ни проявлялась. Мы предположили, что уважение к авторитету пропорционально варварству членов общины и соразмерно с недостатком нравственного чувства, со стремлением искать для себя удовлетворения за счет ближнего. Не видим ли мы в самом деле, что низкопоклонное подчинение деспотическому правлению процветает бок о бок с обычаем человеческих жертв, детоубийством и частыми покушениями на человеческую жизнь? **Всем известно, что готовность подчинятьс я всегда сопровождается страстью тиранизировать,** и эта признанная истина служит лучшим доказательством связи раболепия с недостатком нравственного чувства. **Сатрапы также господствовали над народом, как их царь господствовал над ними**».

Л. Васильев, История Востока:

> «Для неевропейских, и в частности, древневосточных структур с характерным для них второстепенным и подчиненным положением частного собственника и всесилием государства, господством аппарата власти главным было стремление к внутренней устойчивости и явно отрицательное отношение к любым переменам и нововведени-

ям….Итак, в основе исторического процесса на традиционном Востоке с древности лежало отчетливо выраженное стремление к консервативной стабильности. Естественно, это оказало огромное воздействие на динамику процесса. Если в Европе это было движение от низшего к высшему, от отсталого к передовому, т.е. линейная динамика прогресса, то на Востоке альтернативой ей оказалось цикличное развитие»

«Консервативная традиция во всех восточных обществах со временем стала естественной и весьма эффективной альтернативой европейской динамике, основанной на новациях. На Востоке исторический процесс — как и вообще отношение к времени — не воспринимался в качестве линейного, а консервативная стабильность реально превратила его в цикличный. Как же выглядит типичный для Востока цикл? В самом общем виде, включая и Индию, хотя она заслуживает определенной оговорки, можно сказать, что в основе цикла лежит примат централизованного государства. Пока государство сильно, все противостоящие ему тенденции ослаблены и не могут создать угрозу структуре. Но хорошо известно, что крепость централизованной власти не бывает постоянной и долговечной. Рано или поздно, по тем или иным причинам центральная власть приходит в упадок. Начинается более или менее длительный переходный период, который чаще всего отмечен острыми социальными и экономическими кризисами, политической неустойчивостью и в конечном счете децентрализацией. Все это, вместе взятое, ведет к дестабилизации структуры. Каков же характер воздействия на структуру дестабилизирующих ее факторов? Могут ли они привести к ее ломке, к радикальной трансформации с последующим возникновением чего-то принципиально нового? Ни в коем случае. Как показывает анализ исторического процесса, об отдельных проявлениях которого уже упоминалось (это особенно заметно на примере Египта или Китая, но прослеживается также и в Индии, в Западной Азии, т.е. практически везде), от политики децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость и в случае длительности переходного периода превращаются через ряд поколений в фактически самостоятельных удельных аристократов, подчас во владельцев феодальных по типу вотчин. Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на макроструктуру в целом не привносит в нее ничего принципиально нового. Скорее это нечто вроде шага назад: сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы»

2. МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ И ПРИСПОСОБЛЕНИЕ К СРЕДЕ

Известно, что Дарвиновская парадигма распространила биологическую эволюцию, как эволюцию приспособления к окружающей среде, на человека. Эта одна из самых больших ошибок Социального Дарвинизма.

Правда, что материальные энергии приспосабливаются к окружающей среде. Что значит приспосабливаться? Подчиняться давлению силы. Голод биологической энергии — пищевой, тепловой, половой, кислородный — научил животных приспосабливаться к среде. Давление «магических авторитетов», «страх сверхъестественной силы» учат Аборигенов поклоняться Тотемам и отдавать им не только свои запасы пропитания, но и увечить себя, чтобы услужить им.

Однако, абсолютная ложь Дарвинизма состоит в том, что Человек как он есть Энергия Духа никогда не приспосабливается к среде! Энергия Духа человека — это Контрольная Энергия Мышления, которая Открывает Законы окружающего мира и контролирует силу энергий окружающего мира! Вот какая огромная разница между «приспособлением к среде» материальных энергий, и «Контролем силы окружающего мира» — у Энергии Духа человечества! Подробнее об этом я скажу в следующей главе.

Здесь я привожу ниже цитаты известных философов и психологов о том, как далек здоровый человек с Контрольной энергией духа от «приспособления к среде», от «дарвиновской биологической адаптации»!

Действительно, Энергия Духа — это Энергия ученых, которые контролируют силу природы. Или Энергия Мучеников, которые подобно ранним христианам предпочитают смерть в огне — позору порока и бесчестия!

Б. Рассел, Борьба за счастье:

> «Психоанализ в привычном для него русле рассматривает расстроенные отношения молодых людей с обществом, как нечто что происте-

кает из психологических проблем этих людей. Мне представляется, что это абсолютно ошибочное убеждение. Представьте, например, что у юноши родители, которые считают теорию эволюции глупой. Ничего кроме интеллекта в данном случае не требуется, чтобы расстроить его отношения с родителями. Быть в не в ладах с окружением, конечно, неприятно, но это не всегда такое бедствие, которого нужно избегать любой ценой. Там, где общество глупое, предубежденное или жестокое именно достоинство человека расстроит его отношения с окружением. А в определенной мере эти качества присущи практически всем обществам. Галилей и Кеплер имели „опасные мысли", как говорят в Японии, и так же обстоит дело с наиболее интеллигентными людьми нашего времени. Нежелательно, чтобы социальное чувство было так сильно развито, чтобы такого рода люди стали бояться враждебности, которую могут спровоцировать их мысли. Напротив, нужно найти пути снизить и обезвредить эту враждебность».

Гордон Олпорт, Становление личности:

«В это время возникло понятие „психической адаптации", заблиставшее в 1920-е годы. Хотя не все психологи отождествляли адаптацию со средним поведением, тем не менее это отождествление достаточно широко подразумевалось. Например, часто подчеркивался тот факт, что животное, не приспособившееся к норме своего вида, обычно погибает. Тогда еще не был сделан вывод о том, что человек, который приспосабливается подобным образом, — скучная посредственность. Времена изменились. Сегодня мы все глубже озабочены усовершенствованием поведения среднего человека, поскольку к настоящему моменту возникли серьезные сомнения в том, что простая посредственность может выжить. По мере того как распространяется социальная аномия, а само общество становится все более больным, мы сомневаемся, что посредственный человек сможет избежать психических расстройств и правонарушений, сумеет не попасть под власть диктаторов или успешно предотвратить атомную войну. Кривая нормального распределения не оставляет нам надежды на спасение. Нужны граждане нормальные и здоровые в более позитивном смысле слова, — мир нуждается в них, как никогда ранее»

Карл Юнг:

«Быть нормальным человеком есть самое полезное и целесообразное, что можно придумать. Однако понятие „нормальный человек",

> как и понятие „адаптация“, является ограниченным, предполагая нечто усредненное. Приспособление является желанной целью, например, для тех, кому тяжело дается умение ладить с миром или же кто из-за своего невроза не в состоянии вести нормальное существование. „Нормальный человек“ — идеальная цель для неудачников, — для всех тех, кто находится ниже общего уровня приспособленности. Однако для людей, которые способны на большее, чем средний человек, для людей, которым совсем нетрудно добиться успеха, добиться более чем скромных достижений, для них идея или моральное принуждение ничем не отличаться от „нормальных“ людей является, по сути, прокрустовым ложем, непереносимой смертельной скукой, бесплодным, безнадежным адом».

Гордон Олпорт, Становление личности:

> «Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие».

А. Маслоу, Мотивация личности:

> «История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея»

3. ПСИХИЧЕСКИЙ ПОЛ: ЧТО ТАКОЕ ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЧЕЛОВЕКУ?

Теперь понятно, что Пол может быть Психическим, не только Биологическим. Ведь у человека две материальные энергии: биологическая материальная энергия, а также психическая материальная энергия поля Эгосистемы. На поле биологической энергии нам понятно, что такое Пол: это та сумма физиологиче-

ских признаков, которая отличает в природе самца от самки. Сильный пол от Слабого пола, ибо отношения насилия и подчинения также часть циклического гомеостаза биологической энергии.

Нам теперь нетрудно также предсказать, что в варварских обществах, где физическая сила решает все, мужчины всегда будут по отношению к женщинам на Верхней Эгозащите Притяжения Самолюбия. Тогда как женщины будут чувствовать Притяжение Влюбленности Нижней Эгозащиты. Хотя как мы знаем, что хотя и редко, но бывает и наоборот: ведь Барон Мазох был мужчиной, а Екатерина Великая была женщиной. Мы видим, что уже даже на уровне материальных энергий, Психический и Биологический пол могут не совпадать. «Сильным полом» самолюбия могут быть биологические женщины, а Слабыми полом Влюбленности могут быть биологические мужчины.

Два противоположных Притяжения самолюбия и Влюбленности, как Сильное и Слабое Притяжения циклического гомеостаза материальной энергии становятся таким образом — Психическим Полом у людей.

Для материальной энергии Пол, как «различные интенсивности энергий» для течения циклического гомеостаза необходим. Это «те разности» между которыми возникает течение от неравновесия к равновесию, что составляет механизм функционирования материальных энергий. Физический контроль материальной энергии, Насилие и Подчинение, Самолюбие и Влюбленность — это то, что движет поле Эгосистемы. Таким образом, без этих Полюсов Силы и Слабости, не может быть ни биологической энергии, ни материальной энергии психики.

Понятно, что эти Полюса Силы и Слабости не имеют никакого отношения к базовой энергии духа человечества. Это есть искажения и чуждые «шумы» мертвой энергии паразита, пожирающей ткань Дружбы человеческой Энергии Духа.

4. ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТА ЭНЕРГИИ ДУХА. КОНЕЦ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА

Однако, понятно, что если Пол как разности Силы и Слабости психической энергии необходим для материальных энергий, то в нем абсолютно отпадает необходимость у Энергии Духа человечества.

Ибо, Контрольная энергия Мышления у человечества — это энергия линейного движения научного контроля, которая не имеет ничего общего с циклическим гомеостазом физического контроля приспособления к среде.

Это Энергия Пространства-Времени Интеллекта, о чем мы подробнее скажем еще раз в следующей главе. Это Энергия которой доступ к Активному Интеллекту дает силу быть много выше материального пространства-времени и всех его материальных энергий, поскольку открывает ему доступ к контролю силы всех материальных энергий. По сути, будучи божественной энергией духа, обитающей в Пространстве-Времени Интеллекта, перпендикулярном к пространству-времени физики, -это единственная энергия, которая реально способна концентрировать и увеличивать свою силу, свою мощь. Для материальных энергий закон сохранения силы значит только, что сохраняется механизм циклического гомеостаза течения данной энергии, но ни о каком увеличении или концентрации силы для этой энергии речи идти не может. Для Контрольной Энергии Мышления человека — закон сохранения силы означает накопление и рост силы. Это единственная реально мощная энергия природы, которая обладает проактивным влиянием на весь материальный мир именно благодаря тому факту, что имеет отношение к Пространству-Времени Интеллекта Создателя.

Вот почему, для Энергии Духа человечества совершенно не нужны полюса Силы и Слабости, Насилия и Подчинения, Самолюбия и Влюбленности, чтобы обеспечивалось функционирование, течние этой энергии. Совершенно напротив, поскольку это единственная энергия которая может себе позволить рост

и накопление силы, то Привилегией Людей являются Союзы Сильных, Равных — Дружба вместо садомазохизма, чего не знают материальные энергии.

У Энергии Духа — НЕТ ПСИХИЧЕСКОГО ПОЛА, потому что нет циклического гомеостаза физического контроля. Поэтому Фромм, Маслоу, Спиноза, Милль, Адлер, Бовуар и многие другие — проводят черту качественного различия между любовью-дружбой здоровых людей, которая не знает «полоролевого разделения» и патологической любовью-садомазохизмом» у невротиков, где Полюса Силы и Слабости абсолютно необходимы для «союзов любви».

Мужчины и Женщины интересны друг другу по рациональным причинам, по причинам простому здравому смыслу: потому что они одинаково развиты, умны, образованы, интересны, у них много общих интересов и занятий, искренни, уважают друг друга, хорошие коллеги и сотрудники, вместе смеются и могут друг на друга положиться. Это понятное Разуму Нормальных Здоровых Людей соединение людей, в том числе Мужчин и Женщин, которое в основе своей ничем не отличается от общей базовой дружбы человечества — то есть от общей способности людей образовывать Союзы Сильных, без полюсов Слабости и Силы, Насилия и Подчинения. Особенностью интимных отношений мужчин и женщин здесь становятся только биологические отношения, а психические полюса полностью отсутствуют.

И наоборот, для материальной энергии психики, как всегда и во всем, характерно полное отсутствие здравого смысла. Для них ведь важен не разум — их энергия не имеет никакого отношения к интеллекту. Для них важны Полюса Силы и Слабости, без которых нет течения циклического гомеостаза. И в результате, их поведение как всегда абсурдно до безумия: они вынуждены, чтобы почувствовать в себе силу, уродовать другую половину человечества в «слабость» дебилов, которые не умеют самостоятельно ни мыслить ни действовать. Конечно, в этом случае обе стороны, и «Силы» и «слабости» будут очень

далеки от разумного поведения и от реальной силы Пространства-Времени Контрольной Энергии Интеллекта.

Таким образом, для здоровых людей Энергии Духа слабость материальной энергии очевидно для обоих ее полюсов — и для Верхнего Притяжения Самолюбия и для Нижнего Притяжения Влюбленности — ведь это неразрывные части единого циклического гомеостаза материальной энергии. Но для нормальных людей Интеллекта, которые знают, что такое настоящая силы Контрольной энергии, эта «слабость» материальной энергии не нужна в качестве «пола», в качестве дополнения к их силе. Это всего лишь болезнь которая мешает и от которой надо избавится полностью. В этом их рационализм и в этом их здравый смысл реальной силы: они не ищут слабости, чтобы почувствовать себя сильными, им интересно общение только с точно такими же сильными людьми как они сами. Закон сохранения силы не позволяет им общаться с забитыми идиотами, смотрящими на них снизу вверх.

И наоборот, те кто сегодня называют себя Сильными мира Сего — Ядерный Гриб Сатанов — на самом деле остаются всего лишь полем Эгосистемы Притяжения

Самолюбия. То есть обычной Слабостью материальной энергии циклического гомеостаза, которая нуждается в Двух полах, в Полюсах Силы и Слабости, чтобы чувствовать себя «сильными». В итоге, будучи органической частью той «слабости женщины», которую они так презирают, они в этом смысле остаются всегда женщинами. Это мы и попробуем показать в следующих главах.

А. Чехов, Дуэль:

> У этих сладострастников, должно быть, в мозгу есть особый нарост вроде саркомы, который сдавил мозг и управляет всею психикой. Понаблюдайте-ка Лаевского, когда он сидит где-нибудь в обществе. Вы заметьте: когда при нем поднимаешь какой-нибудь общий вопрос, например о клеточке или инстинкте, он сидит в стороне, молчит и не слушает; вид у него томный, разочарованный, ничто для него не интересно, всё пошло и ничтожно, но как только вы загово-

рили о самках и самцах, о том, например, что у пауков самка после оплодотворения съедает самца, — глаза у него загораются любопытством, лицо проясняется и человек оживает, одним словом. Все его мысли, как бы благородны, возвышенны или безразличны они ни были, имеют всегда одну и ту же точку общего схода. Идешь с ним по улице и встречаешь, например, осла… — «Скажите, пожалуйста, — спрашивает, — что произойдет, если случить ослицу с верблюдом?» А сны! Он рассказывал вам свои сны? Это великолепно! То ему снится, что его женят на луне, то будто зовут его в полицию и приказывают ему там, чтобы он жил с гитарой…

ГЛАВА 2. АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСТВА ЧЕСТЕРТОНА И ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТА ЭНЕРГИИ ДУХА

1. КРЕСТ И КРУГ КАК СИМВОЛЫ ДВУХ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ КОНТИНУУМОВ

Крест Пространства-Времени Интеллекта и Круг Пространства-Времени материального мира.

С большой проницательностью Гилберт Честертон разделил символы Круга и Креста, присвоив первый циклическому гомеостазу мира материальных энергий, а второй — линейному движению научного контроля Энергии духа человечества.

Ведь Научный Контроль Энергии Духа означает, что человечество в своей способности видеть интеллектуальные формулы Создателя в основе вселенной поднялось над материальными энергиями, которым такая способность не дана. Научный контроль человечества, который позволяет их мышлению прозревать Законы природных энергий и брать силу этих энергий под свой контроль — полностью ломает циклический гомеостаз механизма движения материальных материй.

Теперь Движение идет не от неравновесия к равновесию различных интенсивностей силы и слабости величины энергии, а движение идет как процесс познания в пространстве интеллектуальных формул законов природы, которые в своем мысленном движении постигает человек. И это движение в Пространстве-Времени Интеллекта, которое дает человеку настоящую силу в доступе к силам природных энергий, полностью меняет характеристики его собственной энергии.

Так Энергия Духа человечества оказывается способна к линейному движению вместо циклического, поскольку у нее благодаря настоящему научному контролю имеется устойчивое равновесие, которого нет у материальных энергий. Благодаря своей способности доступа к силам природных энергий она открыта росту и концентрации мощности силы своей собственной энергии. Энергии Духа человечества становится доступна «Мотивация Избытка (Удовольствия) или Метамотивация» как ее называют Э. Фромм и А. Маслоу, тогда как материальным энергиям доступна только мотивация Дефицита (Боли, Голода).

Таким образом, Энергия Духа с ее научным контролем закона сохранения силы перестает быть частью только материального мира подобно всем остальным энергиям природы, и становится Гостьей в Пространстве-Времени Интеллекта Творца — ведь ее мысленному взору доступны законы природы, установленные Творцом.

Два этих Пространства-Времени (физическое и метафизическое) пересекаются постольку поскольку никакое мышление невозможно без фактов опыта, без эмпирического материала первичного взаимодействия с окружающим миром. Вот почему Крест — две перпендикулярные прямые — является символом Энергии духа человечества.

Г. Честертон, «Вечный человек»:

> «Покажется шуткой, если я скажу, что вся история верований — это узор из ноликов и крестиков. Под ноликами я подразумеваю не пустоту — я просто хочу сказать, что форма их отрицательна по сравнению с положительной формой креста. Конечно, этот образ случаен, но очень верен. Дух Азии действительно можно выразить знаком „О“, даже если это не ноль, а окружность. Великий восточный образ змеи, закусившей свой хвост, прекрасно передает атмосферу восточной веры и мудрости. Эта замкнутая кривая включает все и никуда не ведет. О том же говорит и другой восточный знак, колесо Будды, которое обычно зовут свастикой. Крест смело указывает в противоположные стороны, эти же линии стремятся к кругу, словно кривой крест вот-вот обратится в колесо. Раньше, чем вы отмахнетесь от этих произвольных символов, вспомните, каким острым и тонким было чутье народов, выбравших этот символ из символов

> Запада и Востока. Крест — не только воспоминание; точно, как математический чертеж, он выражает идею борьбы, уходящей в бесконечность»

Г. Честертон, «Ортодоксия»:

> «Человек, не доверяющий своим ощущениям, и человек, доверяющий только им, равно безумны, но их безумие выдает не ошибка в рассуждении, а явная ошибка всей их жизни. Они заперты в ящике с нарисованными внутри солнцем и звездами; они не могут выйти оттуда — один к небесной радости и здоровью, другой — даже к радости земной. Их теории вполне логичны, даже бесконечно логичны, как монетка бесконечно кругла. Но бывает жалкая бесконечность, низкая и ущербная вечность. Забавно, что многие наши современники — и скептики, и мистики — объявили своим гербом некий восточный символ, знак этой дурной бесконечности. Они представляют вечность в виде змеи, кусающей свой хвост. Убийственная насмешка видится мне в столь нелепой трапезе. Вечность фаталистов, восточных пессимистов, вечность суеверных теософов, вечность высоколобых ученых — эта вечность вправду подобна змее, пожирающей свой хвост; выродившееся животное уничтожает себя самое.
> ...Мы приняли круг за символ логики и безумия; мы можем назвать крест символом тайны и здоровья. Буддизм центростремителен, христианство центробежно — оно вырывается наружу. Ибо круг задан, он не станет ни больше ни меньше. Но крест, хотя в середине его — столкновение и спор, простирает четыре руки в бесконечность, не изменяя формы. Круг замкнут в себе, крест открывает объятия всем ветрам, это маяк для вольных странников»

2. ЧЕСТЕРТОН О ГЛУПОСТИ ДАРВИНОВСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ЧЕЛОВЕК ЧУДОВИЩНО И КАТЕГОРИЧЕСКИ ВЫПАДАЕТ ИЗ МИРА БИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Действительно, трудно было бы себе представить существо более непохожее на мир материальных энергий, чем человеческая Контрольная Энергия Интеллекта.

И именно об этом пишет Честертон в Ортодоксии, когда хочет возразить глупым доводам дарвинистов о том, что Человек такое же Животное, как вся прочая биологическая энергия. Че-

ловек действительно выпадает из мира материальной энергии, как вертикаль Креста выпадает из его горизонтали. Ибо человек с его мышлением и Способностью видеть и контролировать законы природы уже более не принадлежит Пространству-Времени физики. Он принадлежит и движется в Пространстве-Времени Интеллекта.

Г. Честертон, «Ортодоксия»:

> «Обратимся к примерам. Многие разумные люди отвернулись от христианства под давлением трех убеждений: во-первых, люди и видом, и делом, и чувственностью все-таки слишком похожи на животных; во-вторых, первые религии зародились в невежестве и страхе; в-третьих, жрецы одурманили мир горечью и скорбью. Все три положения вполне законны и логичны, и вывод у них один. Единственный их недостаток в том, что они лживы. Оторвитесь от книг о людях и животных и посмотрите на самих людей. Если у вас есть юмор или воображение, если вам понятно безумие или нелепость, вы будете поражены не тем, как человек похож на животных, но тем, как он на них не похож. Это чудовищное несоответствие надо как-то объяснить. Что человек и зверь похожи, давно известно, но вот то, что при этом они столь невероятно разные, — потрясающая загадка. Руки обезьяны не так интересны мыслителю, как то, что, имея руки, она ничего ими не делает: не играет на бильярде, на скрипке, не режет по мрамору, не нарезает себе мясо. Пусть даже архитектура у нас варварская, искусство в упадке — но слоны не строят громадных храмов из слоновой кости, даже в стиле рококо; верблюды не рисуют верблюжьими кисточками даже плохих картин. Иные фантазеры говорят, что муравьи и пчелы создали лучшее государство, чем мы. У них, действительно, есть цивилизация, но это только напоминает о том, насколько она ниже нашей. Кто нашел в муравейнике памятники знаменитым муравьям? Кто видел на сотах портреты славных древних цариц? Быть может, есть естественное объяснение этой пропасти между человеком и прочими тварями, но пропасть существует. Мы говорим о диких животных, но ведь человек — дикое и вольное животное. Все остальные звери следуют жесткой морали племени и вида, только человек выломился из своих рамок. Все звери — домашние, только человек всегда бездомен, как распутник или как монах. Первый довод материализма оборачивается против него — там, где кончается биология, начинается религия».

Г. Честертон, «Ортодоксия»:

> «А главное, встала на место проблема оптимизма, и в тот же миг мне стало легко, словно встала на место кость. Чтобы откреститься от явного кощунства пессимизма, я нередко называл себя оптимистом. Но современный оптимист оказался унылым и лживым — он тщился доказать, что мы достойны этого мира. Христианская же радость стоит на том, что мы его недостойны. Раньше я пытался радоваться, повторяя, что человек — просто одно из животных, которые просят У Бога пищу себе. Теперь я и впрямь обрадовался, ибо узнал, что человек — исключение, чудище. Я был прав, ощущая, как удивительно все на свете, — ведь я сам и хуже, и лучше всего остального. Радость оптимиста скучна — ведь для него все хорошее естественно, оно ему причитается; радость христианина — радостна, ибо все неестественно и поразительно в луче нездешнего света. Современный философ твердил мне, что я — там, где и должен быть, а я не находил себе места. Но вот я узнал, что я — не там, где надо, и душа моя запела, как птица весной. Внезапно осветились забытые комнаты в сумрачном доме детства, и я понял, почему трава всегда казалась мне удивительной, как зеленая щетина гиганта, и почему я так скучал по дому у себя, на земле.
>
> ...Ответ есть. Разве не ответ — сказать, что эта энергия не от мира сего, она психическая как сейчас говорят (psychic) или, по крайней мере, рождена подлинно духовным потрясением? Мы обязаны величайшим уважением и благодарностью таким великим цивилизациям, как древнеегипетская или сохранившаяся китайская. Однако мы вправе сказать, что только современная Европа выказывает способность к самообновлению, которая проявляется через кратчайшие промежутки времени и не пренебрегает малейшими подробностями архитектуры и моды. Все прочие общества умирают достойно и бесповоротно. Мы умираем каждый день и всегда рождаемся вновь с почти непристойной живучестью. Едва ли будет преувеличением сказать, что в истории христианства присутствует какая-то неестественная жизнь, — можно считать, что это жизнь сверхъестественная. Можно считать, что это кошмарная гальванизация того, что должно было стать трупом. Судя по примерам и по судьбе других сообществ, наша цивилизация должна была умереть в ночь гибели Рима. Вот роковой дух нашей эпохи: и вас и меня не должно было быть. Все мы — *пережиток,* все живые христиане — призраки мертвых язычников. Как раз когда Европа должна была приобщиться к праотцам — к Ассирии и Вавилону, — что-то вошло в ее тело. И Европа обрела странную жизнь».

Несомненно, Честертон говорит об Откровении Христа, который принес первую Церковь Дружбы раннего христианства и этим удержал плоды античной цивилизации от гибели в мире варварского хаоса.

Несомненно, тогда еще было очень далеко до Научного контроля даже уровня современной науки — ведь мы сегодня имеем настоящий научный контроль материальных энергий. У нас только полный хаос в науках о человеке — Дарвиновская парадигма уничтожила все знание всей предшествующей цивилизации, обратив научный контроль человечества в своем собственном обществе в руины и пыль.

Но тем не менее, уже тогда, во времена Христа, жила Церковь Дружбы Энергии Интеллекта человечества, которая сохранила все знание античной цивилизации и донесла его до наших дней, цивилизовала варваров и подчинила их Естественному праву ранней католической церкви.

Честертон, «Ортодоксия»:

> «Только так и можно толковать по-человечески слова „прогресс“ и „развитие“. Вы что-то видите, чего-то хотите и стараетесь изменить в эту сторону мир. Точнее говоря, то, что вокруг нас, — еще не сам мир, а сырье, материалы. Бог дал нам не картину, а палитру. Но Он дал и план, набросок, видение. Мы знаем, что именно хотим изобразить. Так я дошел до новой мысли. Раньше я понял, что этот мир можно изменить, только если его любишь. Теперь прибавлю: чтобы знать, как менять, надо любить иной мир, выдуманный или истинный. Не будем спорить о словах. Мне больше нравится говорить о реформе, чем об эволюции или прогрессе. Реформа предполагает форму. Слово „эволюция“ связано с развертыванием — что-то само собой разворачивается. Прогресс — с продвижением по дороге, быть может неверной. Но в слове „реформа“ — образ разумный и точный (vision), он годится решительным людям. Мы видим — что-то не так, хотим придать правильную форму и знаем, какую».

Далее Честертон говорит в книге «Что не так с миром» о том, что Человеческая Мысль совершила Самоубийство в современной Дарвиновской парадигме скептиков и эмпириков, отрицающих законы природы, а вместе с законами природы

и научный контроль, который есть основа Энергии Духа человечества. Потому что, говорит Честертон, наш прогресс может быть основано только на Интеллектуальном Видении Истины, то есть на научном контроле законов природы в основе Вселенной. И именно от этого Интеллектуального зрения отказалась Дарвиновская парадигма, заменив его прецедентом опыта, «плоским эмпиризмом», как говорит А. Эйнштейн. Разрушенный Научный контроль вместе с метафизикой интеллекта — то есть признанием законов природных энергий в основе космоса — вот причина того, что человечество в страшном кризисе, говорит Честертон.

Для нас тут важна его фундаментальная мысль о том, что Творец дал этот мир человеку для преобразования, говорит Честертон. Это как бы сырая материя из которой мы должны сделать что-то согласно нашему интеллектуальному видению — то есть говоря терминами Энергетики нашему научному контролю законов природных энергий. Действительно, в этом и состоит Рыцарское звание Энергии Духа человечества, так высоко возвышающейся над материальными энергиями природы: наше Мышление, наш Активный интеллект дает нам материальные энергии как сырую материю, которую мы должны организовать в Мир Техники для устройства свободного научного общества человечества.

Chesterton, «What is wrong with the world?»

> «It must be remembered that the modern world has done deep treason to the eternal intellect by believing in the swing of the pendulum. A man must be dead before he swings. It has substituted an idea of fatalistic alternation for the mediaeval freedom of the soul seeking truth. All modern thinkers are reactionaries; for their thought is always a reaction from what went before. When you meet a modern man he is always coming from a place, not going to it. Thus, mankind has in nearly all places and periods seen that there is a soul and a body as plainly as that there is a sun and moon
> ...We may repeat here that these pages propose mainly to show one thing: that progress ought to be based on principle, while our modern progress is mostly based on precedent. We go, not by what may be affirmed in theory, but by what has been already admitted in practice.

Я уже говорила в других книгах, что ошибка Честертона состояла в том, что он пытался утвердить «твердое знание» научного контроля на Догматах откровения вместо законов природы. Именно по этой причине его совершенно верная критика эмпиризма провалилась — нельзя построить критику эмпиризма утверждая эмпиризм. А в его отказе от законов природы он сам того не желая играет на руку своим теоретическим оппонентам. Ибо Догматы первичных Откровений как знал уже Спиноза в «Теолого-политическом трактате» — это первичная информация еще незрелому «младенческому» как говорит Спиноза разуму человечества, и потому на них действительно нельзя основать твердого знания, которое искал Честертон. Твердое знание научного контроля может быть основано только на Знании законов природных энергий, о чем Честертон не только не сказал, но даже прямо приводит в Ортодоксии философию эмпирика Юма (хотя и не ссылается на него). Вот такие маленькие ошибки всех великих людей, которые столько много сделали для Открытия ПЭ и привели к тому, что несмотря на их важнейшие труды, все вместе до сих пор составляло путаницу.

Однако с Научной Революцией Энергетикой и Метафизикой Интеллекта Законов природных энергий все становится на свои места, и труды всех великих мыслителей полностью проясняются.

Chesterton, «What is wrong with the world?»

> «The true task of culture to-day is not a task of expansion, but very decidedly of selection — and rejection. The educationist must find a creed and teach it. Even if it be not a theological creed, it must still be as fastidious and as firm as theology. In short, it must be orthodox. They say that nowadays the creeds are crumbling; I doubt it, but at least the sects are increasing; and education must now be sectarian education, merely for practical purposes. Out of all this throng of theories it must somehow select a theory; out of all these thundering voices it must manage to hear a voice; out of all this awful and aching battle of blinding lights, without one shadow to give shape to them, it must manage somehow to trace and to track a star»

3. ПОЧЕМУ ПРАВО СИЛЬНОГО — ЭТО СЛАБОСТЬ, А МУЧЕНИЧЕСТВО ЗА ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ — ЭТО СИЛА?

В приведенной ниже цитата заключена правда только если понимать ее в терминах энергетики: где «идеал и видение» — это знания законов природы, в реформы — это научный контроль природных энергий на основе этих знаний. Тогда нам нетрудно понять о какой «правильной форме» говорит Честертон — о естественном праве законов психической энергии Человечества. О Природе Человечества.

Тогда понятно, что постольку поскольку Совесть и Справедливость, Поиски Знаний есть основа поля Интеллекта Энергии Духа — то человек будет оставаться человеком только в том случае, если он будет беречь чистоту своей совести и своей справедливости, и будет беречь свою Честь в Служении Истине.

Тогда мы можем дать определение слову Честь, которое как говорит Высоцкий к сожалению забыто сегодня, но которое пользовалось большой популярностью в средние века, когда христианство еще было живо в душах человечества. И особенно Вальтер Скотт в своих пророческих романах сумел дать нам интуитивное представление о том, почему для Человека важнее сохранить свою Честь, нежели свою жизнь.

Г. Честертон, «Ортодоксия»:

> «Мне больше нравится говорить о реформе, чем об эволюции или прогрессе. Реформа предполагает форму. Слово „эволюция“ связано с развертыванием — что-то само собой разворачивается. Прогресс — с продвижением по дороге, быть может неверной. Но в слове „реформа“ — образ разумный и точный, он годится решительным людям. Мы видим — что-то не так, хотим придать правильную форму и знаем, какую. Тут-то и начинается беда нашей эпохи. Сторонники прогресса перепутали две разные, противоположные вещи. Казалось бы, надо менять мир так, чтоб он соответствовал вид*е*нию, идеалу. Мы же постоянно меняем вид*е*ния, идеалы. Казалось бы, надо — пусть медленно, но верно — учить людей добру и справедливости. Мы же быстро усомнились в справедливости и добре; любой бред немецкого софиста сбивает нас с толку. Казалось бы, надо идти

> к Новому Иерусалиму. На деле Новый Иерусалим убегает от нас. Мы не стали менять реальность в угоду идеалу. Мы меняем идеал; оно и легче».

Потому что для человека важнее сохранить Энергию Духа поля Интеллекта, а значит Царствие Небесное Пространства-Времени Интеллекта, нежели биологическую энергию своего тела в Пространстве-Времени материальных энергий. Это очевидно из всего хода наших рассуждений.

Если Совесть, Справедливость и Сочувствие — это то как мы ощущаем Закон сохранения силы общего Я человечества Энергии Духа, значит это Законы природы Энергии Духа. Мы можем познавать эти законы, но не можем их менять. Если такова природа нашей Энергии Духа, мы должны и будем ее отстаивать вопреки любому давлению материального мира. Мы не сможем и не будем приспосабливаться к материальному миру. Мы не будем «выживать» подобно животным, целуя руку подлецов и негодяев. Мы будем драться со Злом, и либо побеждать его, либо умирать мучениками. Вот в чем то Откровение Твердой Истины Чести И Совести, о которых говорит Честертон, как об Идеалах, под которые человек должен менять мир. Вместо того, чтобы самому прогибаться под этот мир.

Такова сущность Борьбы Добра и Зла в человеке, в котором соединились изначально две энергии — базовая Энергия Духа поля Интеллекта и материальная энергия поля Эгосистемы. Понятно, что «врожденный грех» материальной энергии, разъедающей благородную ткань божественной Энергии Духа поля Интеллекта должен быть изжит во что бы то ни стало. И понятно также почему. Не может быть никакого сравнения между Пространством-Временем Интеллекта Творца (Царствие Небесное Христа) и Пространством-Временем материальных энергий.

И в качестве доказательства я еще раз приведу доводы Камю и Газданова, которые одинаково утверждают, что бесстрашие, которое нормальный человек чувствует в себе, когда приходит необходимость защищать истину, справедливость, совесть —

Честь, другими словами, — есть само по себе доказательство бессмертия души человека.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Если индивид готов умереть и в определенных обстоятельствах принимает смерть в свое бунтарском порыве, он тем самым показывает, что жертвует собой во имя блага, которое, по его мнению, значит больше его собственной судьбы. Если бунтовщик готов погибнуть, только бы не лишиться защищаемого им права, то это означает, что он ценит это право выше, чем самого себя. Следовательно, он действует во имя пусть еще неясной ценности, которая, он чувствует, объединяет его со всеми остальными людьми».
>
> Г. Газданов, «Пилигримы»:
>
> «-Потом, когда все было кончено, я опять начал думать об этом. Я думал — вот, я хотел бы умереть вместо нее. Значит, существуют какие-то вещи, за которые ты готов отдать свою жизнь, то есть единственное, что у тебя есть. Что это такое? Ты бы не мог об этом подумать, если бы твоя мысль останавливалась там, где останавливается твоя жизнь. Ты понимаешь? Потому что когда ты готов отдать свою жизнь, то это решаешь ты, а не кто-то другой. Значит, ты продолжаешь существовать после того, как ты дошел до конца своей жизни.
>
> И я подумал тогда, что, вероятно, смерти нет. Есть страшный переход из одного состояния в другое. Я думаю, что почти для всякого человека это самое ужасное, что он может себе представить. Но это только переход»

Г. Честертон, «Ортодоксия»:

> «Для язычества добродетель — компромисс; для христианства — схватка, столкновение двух, казалось бы, несовместимых свойств. Конечно, на самом деле несовместимости нет; но сочетать их действительно трудно. Возьмем тот ключ, которым мы пользовались, когда говорили о самоубийце, и подумаем о смелости. Настоящая смелость — почти противоречие: очень сильная любовь к жизни выражается в готовности к смерти. Любящий жизнь свою погубит ее, а ненавидящий сохранит. Это не мистическая абстракция, а бытовой совет морякам и альпинистам; его можно напечатать в путеводителе по Альпам или в строевом уставе. В этом парадоксе — суть мужества, даже самого грубого. Человек, отрезанный морем, спасется, только если рискнет жизнью. Солдат, окруженный врагами, пробьется к своим только в том случае, если он очень хочет жить и как-то беспечно думает о смерти. Если он только хочет

> жить — он трус и бежать не решится. Если он только готов умереть — он самоубийца; его и убьют. Он должен стремиться к жизни, яростно пренебрегая ею; смелый любит жизнь, как жаждущий — воду, и пьет смерть, как вино. Ни один философ, мне кажется, не сумел выразить этой романтической и непростой истины»

Христианство обвиняли в «женственности», в «отсутствии мужественности» именно на том основании, что Христианство отменило Право Сильного совместно с Сократом Платона, чью философию оно впитало. Однако, не Сократом Платона жил античный мир в основе своей, а варварским Правом Сильного, которое его и погубило. Сократ и Христос стояли за Честь и Совесть Души человеческой, которой нет пользы в том, что она приобретет весь мир, а душу свою потеряет. И напротив, Право Сильного варварского мира стояло за Насилие в подчинении себе жизней слабых людей как истинного успеха и счастья человеческого. Не удивительно, что Дарвиновская парадигма всего лишь возродила и утвердила, «оправдав борьбой за выживание» варварское Право Сильного в его стремлении Насиловать Слабых и самому Подчиняться более Сильным, что есть неизбежная оборотная сторона всякого насилия.

Другими словами Приспособление к среде Материальных энергий, которое имело место в варварском периоде истории человечества, всецело возвратилось вместе с Псевдо-наукой Социального Дарвинизма, разрушившего научный контроль Энергии Духа поля Интеллекта человечества.

С. Блэкберн, «Платон и его «Государство»:

> «Историк Фукидид рассказывает один из самых мрачных эпизодов из своей истории Пелопонесской войны, когда Афины, с позиции власть держащего, потребовали от маленького независимого госу дарства под названием Мелос, сдаться. Это событие произошло за 40 лет до «Политии» Платона, когда Афины направили 37 воен ных кораблей и 10000 воинов против 500 человек мелян. Можно представить что один из таких безжалостных и дерзких посланцев из Афин на этот остров послужил прототипом Фрасимаха. Прежде всего, эти посланцы грубо отвергают все призывы к соблюдению прав и к справедливости и настаивают на том что дело должно ре шаться с точки зрения личных интересов: «Вы также хорошо знаете

как и мы, что между людьми только тогда говориться о правах спра ведливости, когда сила с обеих сторон равна, а сильнейшая сторона требует всего, что только может, а слабейшая соглашается на эти требования».

В драме Платона Фрасимах фактически представляет интересы афинских посланцев. Они представляют собой людей реальной по литики, знающих, что они живут в жестоком мире, и приспосаблива ющихся к нему. Вместе со своими преемниками они оставляют огромное красное пятно в истории человечества (меляне не захоте ли сдаваться, и тогда афиняне уничтожили мужчин и обратили в раб ство женщин и детей). От них нам в наследство достались блицкриг, терроризм, почитание свободного рынка и этика бизнес-школы.

От них же Америка унаследовала «неоконсерватизм», идеологию, вдохновителем которой послужил политик Лео Страус.

В девятнадцатом веке Фрасимах снова стал популярным благодаря теории Дарвина, которую зачастую рассматривали как оправдыва ющую жестокость мира не только как обоснованную с точки зрения морали, но и неизбежную. Поэтому любая попытка смягчить ее или облегчить суровые результаты считалась бесполезной. Реальная по литика являлась законом природы. Победители побеждают, а про игравшие отходят в сторону. Логику необузданного капитализма считали собственной логикой природы, вмешиваться в которую не только бесполезно, но и неблагочестиво. Конечно же, в резуль тате мы пришли к скудному или несуществующему социальному обеспечению внутри страны, колониализму и империализму за ее пределами и конкуренции между индустриальными державами, ко торая переросла в милитаристскую экспансию и агрессивную гонку вооружений. Мелянский спор показывает, Фрасимах был не просто воображаемым противником. Подобные ему есть и сейчас. Стоит вспомнить, что прежде чем Гоббс стал популярным за свою теорию Левиафана и «войны всех против всех», он первым в 1628 г. пере вел Фукидида с греческого на английский.

Герой Шекспира Фальстаф так и говорит: «Что же тогда честь? Слово. Что же заключается в этом слове. Воздух».

Вот насколько трудный вызов бросает Фрасимах Сократу, и сколь сложная задача стоит перед Сократом. Сократ отвечает введением нового закона: что справедливость и добродетель совпадают с поня тием счастья. И таким образом, доказывает обратную связь между несправедливостью и несчастьями. Это значит, что справедливость является хорошим душевным состоянием (правильно организован ной души), а несправедливость — плохим, и значит справедливый человек будет счастлив, а несправедливого ждет плохая жизнь. Ка

> жется, Сократ пытается прийти к заключению, что плохое поведение приведет к внутренней дисгармонии, психологическому надлому, который разрушит счастье и благополучие, как будто афинским по сланцам предстоит испытать стресс, чувство вины и угрызения сове сти за свой поступок. (Даже если у них на самом деле возникли бы проблемы с совестью, Фрасимах мог бы сказать, как Ницше спустя две тысячи лет, что угрызения совести — это болезнь).
> ...Теперь афинские посланцы не являются образцом разума в пове дении. Не страдая от тревоги за мелян, они должно быть отсекли часть своего разумного «я», и потому не могут быть хорошо органи зованными и справедливыми.
> Вопрос заключается в том, заслужило ли «Государство» Платона ска зать это, и имеются подозрения, что не заслужило. Так как у нас до сих пор нет ни малейшего намека на то, почему наличие хорошо организованной души позволит нам иметь общие взгляды с окружа ющими и склонность принимать во внимание их нужды и проблемы. Именно этого так не хватает афинским посланцам, когда дело каса ется мелян. Мы не знаем почему, если они следуют своим чисто эго истическим интересам, это пошатнет их счастье или процветание.
> Мы не знаем, почему посланцы, если им надлежит быть «разумны ми» должны поступиться или пренебречь интересами Афин. И пока мы не сможем доказать причинную связь между хорошо организо ванной душой и счастливой душой ситуация не изменится. Это зна чит, что Фрасимах, афинские посланцы, неоконсерваторы и другие сторонники реальной политики все еще не получили достойного от вета»

4. СИЛА И МУЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА. СИЛА ЛЮБВИ И СИЛА НЕНАВИСТИ ЭНЕРГИИ ДУХА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Варварское Право Сильного (Победитель всегда прав), которое по существу есть Приспособление материальной энергии к давлению внешней силы, толковали как Мужество, как Силу — и как единственно возможное понимание Силы: насилие над слабыми.

Однако, начиная с «теоретического человека Сократа», которого Ницше правильно определяет как «оптимиста» научного контроля, основанного на знании законов природы в «Рождении

Трагедии», появляется новое представление о Силе и Мужестве Человека. И это представление о Чистой Совести и Справедливости, о Чести служения Истине, которые никогда не прогибаются под силовое давление материального мира именно потому, что относятся к Дому творца Пространства-Времени Интеллекта человечества. Мы видели как начиналась эта полемика в цитате из Фукидида, приведенной Блэкберном.

Христос развивает эту позицию Сократа в своей проповеди Царствия Небесного, когда говорит своим Апостолам, что они должны драться не мечами, а жертвовать своим благополучием и рисковать жизнями, чтобы донести Правду, истину, Совесть Откровения до «грешных» людей, прозябающих в неведении под игом врожденного зла материальной энергии поля Эгосистемы. Совершенно очевидно, что Христос проповедовал своим Апостолам, которых посылал на смерть и прямо им это говорит что будут их бить и гнать за имя его, чтобы принести людям знание, которое станет со временем более точным и мощным знанием — знанием научного контроля законов психической энергии.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Но то, что действительно отличает Иисуса от агитаторов его времени и всех веков вообще, — это его целостный идеализм. Иисус в некоторых отношениях — анархист, так как у него совершенно отсутствует идея гражданского управления. Это управление кажется ему просто-напросто злоупотреблением. Он говорит о нем в выражениях колеблющихся, тоном человека из народа, не имеющего представления о политике. Всякий чиновник кажется ему естественным врагом людей Божьих: он объявляет своим ученикам, что им придется столкнуться с властями, и ни на минуту не допускает мысли о том, что это может быть стыдно. Но никогда в нем не видно искушения занять место богатых и сильных. Он хочет уничтожить богатство и власть, а не овладеть ими. Он предсказывает ученикам муку и преследования, которым они подвергнутся; но ни разу он не останавливается на мысли о вооруженном сопротивлении. Мысль о том, что всемогущество достигается страданием и смирением, что над силой можно восторжествовать благодаря чистоте души, — вот собственно чистая идея Иисуса».

Таким образом, сначала Сократ, потом Христос ставят на место физического контроля Права Сильного — Научный контроль естественного Права законов психической энергии.

Варвары дарвинизма обвинили за это Христа в «женственности», в трусости и отсутствии мужества, и Ницше тоже как известно присоединился к их сонму на том же основании на котором он осудил «теоретического человека Сократа» в «Рождении Трагедии».

B. Russell, «Power»:

> «Nietzsche accused Christianity of inculcating a slavemorality, but ultimate triumph was always the goal. «Blessed are the meek, for they shall inherit the earth.» Or as a well-known hymn more explicitly states it:
> TheSonof God goes forth to war,
> Akingly crown to gain.
> His blood-red banner streams afar.
> Whofollows in His train?
> Whobest can drink his cup of woe,
> Triumphant over pain,
> Whopatient bears his cross below,
> Hefollows in His train.»

Рассел не согласен с мнением Ницше, и уверяет что конечной целью христианства была победа тех, кто отказался от своего Эго, и им принадлежит Царствие Небесное.

Такую же позицию занимает Честертон в «Ортодоксии», когда уверяет, что Два чувства — Любовь и Ненависть — накалены как железо на наковальне в христианстве, а вовсе не только Любовь. Проницательность, глубина инсайта делает честь Гилбрету Честертону. Он уверяет, что Христианство здесь тоже выполняет большую конструктивную работу, потому что противопоставляет резко разделенные друг от друга и накаленные до ярости два чистых чувства6 чистый позитив Любви и чистый негатив Ненависти. Он правильно указывает на здоровую основу такого эмоционального состояния христианства, когда противопоставляет эту основу Серой Грязи смешанных

чувств у людей с активным полем Эгосистемы материальной энергии.

Г. Честертон, «Ортодоксия»:

> «И все же я чувствовал, что христианство — не просто разумная середина. В нем действительно была какая-то предельная сила, какая-то крайность, граничащая с безумием и оправдывавшая неглубокие нападки скептиков. Быть может, оно мудро — я все больше в это верил; но мудрость его — не мирская умеренность. Пусть кротость монахов и ярость крестоносцев уравновешивают друг друга; но монахи предельно, бесстыдно кротки, крестоносцы — предельно яростны. ….Христианству всегда была присуща здоровая ненависть к розовому. В отличие от философов, оно не терпит мешанины; не терпит того компромисса между белым и черным, который так недалек от грязно-серого. Быть может, мы выразим все христианское учение о целомудрии, если скажем, что белое — цвет, а не бесцветность. Все, о чем я толкую, можно сказать и так: христианство стремится сохранить оба цвета и яркими, и чистыми. Его решение — не смешанный цвет, не желтовато-рыжий, не лиловый. Скорее оно похоже на переливчатый шелк, где яркие, блестящие нити идут рядом — а то и образуют знак креста.
>
> …Вот как понимаю я теперь оптимизм, пессимизм и «улучшения». Прежде чем менять что-то в мире, мы должны принести ему присягу. Если жизнь важна для нас, драгоценна, тогда неважно, что я о ней думаю. Если сердце на месте, рука свободна. Остановлюсь на минуту — сейчас мне возразят. Мне скажут, что разумные люди считают мир мешаниной добра и зла, вполне терпимой и сносной. Именно против такого взгляда я и возражаю. Да, я знаю, так думают теперь многие. Особенно удачно сказал об этом Мэтью Арнольд в стихах, более кощунственных, чем вопль Шопенгауэра, о том, что жизнь вполне терпима, но вряд ли стоит россыпей миров и родовых мук. Я знаю, что это ощущение пропитало нашу эпоху — и, на мой взгляд, заморозило. Но для веры и мятежа нужно не вяло принимать мир — «на худой конец сойдет», а ненавидеть всем сердцем и всем сердцем любить. Нам не нужно, чтобы радость и гнев смешивались в унылом довольстве, — мы хотим яростной радости и яростного гнева. Мир должен быть для нас замком людоеда, который мы обязаны взять, и собственным коттеджем, куда мы можем вернуться под вечер.
>
> Без сомнения, обычный человек способен примириться с миром, но этого мало. Способен ли он ненавидеть мир так сильно, чтобы его

> изменить, и любить так сильно, чтобы счесть достойным перемены?
> Способен ли он узнать, как здесь хорошо, и не впасть в благодушие?
> Способен ли узнать, как здесь плохо, и не впасть в отчаяние?»

Действительно, и позитив Любви и негатив Ненависти — равно великое богатство Энергии Духа человечества, поскольку чистый позитив Церкви Дружбы дает им силы жить, и этот же позитив в случае необходимости превращается в энергию отторжения Зла, в ненависть, которая дает им силы противостоять Злу, или, если силы Зла превосходят идти на мученичество, но не предавать Природу Совести поля Интеллекта своей энергии.

Совершенно иначе обстоит дело с эмоциями поля Эгосистемы, которые уже Фрейд называл «амбивалентными», то есть смешанный негатив и позитив, «серую грязь» любви и ненависти, как говорит Честертон. Дело в том, что поле Эгосистемы «сворачивает» чистый позитив эмоций Энергии Духа в «страх сверхъестественных сил» своей картиной войны Эго и СуперЭго, и этим сразу же превращает чистый позитив здоровой энергии в серую грязь страха эмоций поля Эгосистемы. Другими словами, если мы возьмем прямую координат, то эмоции «дефицита, голода, боли, неравновесия, страха» поля Эгосистемы будут негативом, самым большим желанием которого остается стремление к покою Нуля. Они свернули ткань эмоций Энергии Духа на пути к Позитиву Плюса на прямой координат. В то же время Энергия Духа, когда поле Эгосистемы не мешает ей развиваться нормально, развивается в чистый позитив Плюса, церкви Дружбы, что есть огромное богатство, Благодать дарованная человечеству. Этот же чистый позитив, будучи мощным запасом энергии, может превращаться в чистый негатив яростной Ненависти в отношении Зла поля Эгосистемы. Вот в чем разгадка тайны о серой грязи смешанных эмоций поля Эгосистемы, и одинаково мощных разделенных позитива и негатива Любви и Ненависти Энергии Духа здоровых людей.

Именно эта энергия чистого позитива и чистого негатива Энергии Духа стала тем мощным двигателем, который позволил

Христианству завоевать мир, равно в мученическом противостоянии злу там где силы были неравны, или же в рыцарских сражениях со злом там, где Воинствующая Церковь побеждала варварских королей и подчиняла их Естественному Праву своего Откровения.

Г. Честертон, «Ортодоксия»:

> «Другой пример. Очень серьезным доводом против христианства были для меня рассуждения о его робости, нерешительности, трусости, особенно же — о его отказе от сопротивления и борьбы. Великие скептики XIX века были мужественны и тверды; Бредлоу — в пылком духе, Гексли — в сдержанном. По сравнению с ними христианство казалось каким-то беззубым. Я знал евангельский парадокс о щеке; знал, что священники не сражаются; словом, сотни доводов подтвердили, что христианство пытается превратить мужчину в овцу. Я читал это, верил и, не прочитай я ничего другого, верил бы и сейчас. Но я прочитал другое. Я перевернул страницу моего агностического Писания, и вместе с ней перевернулся мой мозг. Оказывается, христиан надо было ненавидеть не за то, что они мало борются, а за то, что они борются слишком много. Как выяснилось, именно они разожгли все войны. Они утопили мир в крови. Только что я сердился на то, что христиане никогда не сердятся. Теперь надо было сердиться, что они сердятся слишком много, слишком страшно; гнев их затопил землю и омрачил небо. Одни и те же люди обличали кроткое непротивление монахов и кровавое насилие крестоносцев. Несчастное христианство отвечало и за то, что Эдуард Исповедник не брал меча, и за то, что Ричард Львиное Сердце его взял. Мне объясняли, что квакеры — единственные последовательные христиане, а резня Кромвеля или Альбы — типично христианское дело.
> ...Я привел три обычных довода против христианства; если это недостаточное основание для нашего разговора, я сейчас же назову еще. Некоторые предрассудки вместе создают впечатление, что христианство — это нечто слабое и болезненное. Во-первых, Христос был кроток, безответен и вообще не от мира сего — и Его призыв к миру был бесплоден; во-вторых, христианство появилось в темные века невежества, и церковь хочет снова вернуть нас во тьму, и, наконец, глубоко верующие или, если угодно, суеверные народы (ирландцы, например) отсталы, бессильны и непрактичны. Я перечисляю эти мнения, потому что с ними у меня вышло точно

> так же, как и с предыдущими: когда я сам задумался над ними, я увидел, что неверны не выводы из них, но сами факты. Вместо того чтобы смотреть книги и картины, посвященные Евангелию, я прочел само Евангелие. Там я обнаружил не описание человека с тонким пробором и умоляюще сложенными руками, но существо необычайное, чья речь гремела как гром и чьи поступки были грозно решительны: он опрокидывал столы менял, изгонял бесов, свободно, точно вольный ветер, переходил от одиночества в горах к страшной проповеди перед толпой — я увидел Человека, который часто поступал, как разгневанное божество, и всегда — как подобает Богу. У Христа был даже свой слог — такого, мне кажется, нет больше нигде. Отличительная Его черта — почти яростное употребление слов «насколько же более». Сравнения громоздятся друг на друга, словно башни в тучах. О Христе говорят — должно быть, так и надо — мягко и нежно. Но речь самого Христа исполнена странностей и мощи — верблюды протискиваются сквозь ушко, горы ввергаются в море. Эта речь ужасает. Он сравнил себя с мечом и велел мужам продать свою одежду, чтобы купить меч. То, что Он еще более грозно призывал к непротивлению, усугубляет таинственность, усугубляет и яростную силу».

Таким образом, мы можем видеть, что Проповедь Царствия Небесного Христа есть Проповедь священной войны Энергии Духа со Злом материальной энергии поля Эгосистемы, и как таковая является проповедью научного контроля Пространства-Времени Интеллекта.

А значит эта проповедь будет устранять различия полов Мужского и Женского как полюсов Силы и Слабости: то, что было законом для Иудаизма и Ислама, перестало иметь всякий смысл в христианстве, где культ Святой Марии и слова Христа о равенстве Душ мужчин и женщин как Ангелов Энергии Духа полностью демонстрируют ОТСУТСТВИЕ ПСИХИЧЕСКИХ ПОЛОВ для поля Интеллекта.

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

> «Многие представляли себе, что в мире воскресших будут есть, пить, будут жениться. Иосиф вполне допускал и пасху, и пищу, и вино новое, но решительно отвергал допустимость брака. Саддукеи выставляли по этому поводу аргумент, с первого взгляда грубый, но по су-

ществу в достаточной степени соответствующий древней теологии. Следует вспомнить, что, согласно древним мудрецам, человек может пережить самого себя лишь в своих детях. Кодекс Моисеев санкционировал эту патриархальную теорию своеобразным учреждением, левиратом. И вот отсюда-то саддукеи выводили свои остроумные заключения против воскресения. Иисус вышел из этого противоречия, заявив решительно, что в жизни вечной не будет различия полов, и люди будут подобны ангелам»

ГЛАВА 3. ЧЕТЫРЕ ПУНКТА ЖЕНСТВЕННОСТИ У САТАНОВ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

1. НИЖНЯЯ И ВЕРХНЯЯ ЭГОЗАЩИТА НОРМАЛЬНОГО ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ — ДВЕ ЧАСТИ ОДНОГО МЕХАНИЗМА

Что значит утверждение, вынесенное нами в название труда, Сатаны — это Женщины? Конечно, речь идет не о том, что Женщиной быть плохо, или что женщины сами по себе порочные существа.

Сам термин «женщина» или «мужчина» — это только определение биологического пола человека, и к самому человеку, как носителю психической энергии имеет небольшое отношение.

Я постаралась показать в первой главе, что термин «женщина» в человеческом сообществе приобрел дурную репутацию только потому, что с женским паттерном поведения связывают всю глупость, бессмысленность и порочность поля Эгосистемы материальной энергии психики. Именно потому, что материальная энергия психики тоже имеет «два пола», то есть полюса силы и слабости, необходимые для циклического гомеостаза всех материальных энергий. Однако, мужчины, затолкав женщин на полюс Слабости (Нижнюю Эгозащиту Притяжения Влюбленности), свалили на них и весь абсурд и всю порочность поля Эгосистемы вообще. Ошибка тут не в том, что женщин неправильно упрекают в глупости и праздности как «Влюбленных в мужчин Рабов»; ошибка тут в том, что мужчины, будучи другим полюсом поля Эгозащиты (полюсом силы Верхней Эгозащиты

Притяжения Самолюбия) — точно также абсурдны, глупы и порочны как те женщины, о которых они говорят с таким презрением.

Таким образом, когда мы говорим, что Сатаны — Женщины, мы хотим только подчеркнуть, что Оба Полюса Поля Эгосистемы — Нижняя и Верхняя Эгозащита, Насилие и Подчинение, Влюбленность и Самолюбие — одинаково абсурдны и порочны, и с точки зрения здравого смысла и настоящей мощи научного контроля поля Интеллекта представляют собой одинаковую и абсолютную слабость материальной энергии.

В этой главе мы наметив основные факты, которые позволят нам доказать сформулированное выше утверждение о том, что Верхняя Эгозащита Притяжения Самолюбия таких мужчин есть такая же слабость с точки зрения здравого смысла как и Нижняя Эгозащита Притяжения Влюбленности женщин. А в последующих главах мы постараемся раскрыть эту тему более обстоятельно.

Итак, в чем конкретно обвиняют Женщин, когда говорят, что это «слабый пол» по природе своей, и противопоставляют их мужчинам как «сильному полу»?

1) Прежде всего, говорят что женщины — дуры. Они глупы от природы, они неспособны на самостоятельное мышление, они во всем ориентируются на мнение мужчин. Они — суеверны, у них магическое сознание. Они обожествляют мужчин и поклоняются им как своим идолам.

2) Они — эгоцентричны и порочны. Вместо совести и чести, вместо истины и справедливости, женский эгоизм предпочитает коварные интриги. Они лживы и неискренни, легко изменяют и предают, подчиняясь большей силе. Они истеричны и властолюбивы там, где почувствуют слабину. Они не способны к дружбе и ненавидят друг друга в соперничестве за мужчин.

3) Они — пассивны и подобно скифам древних греков, «самой природой предназначены к рабству», как говорил Аристотель обо всех нациях кроме греческой. Женщины предпочитают видеть мир «из окна персонального автомобиля» мужчин, из до-

машнего уюта, который им обеспечивают мужчины, и не способны к самостоятельному взаимодействию с миром.

4) И наконец, главное, что отличает мир женщин — это их центрированность на «Любви», на «Романтизме», на половых отношениях, что составляет основной смысл их жизни. Секс как «основной инстинкт», утверждал Фрейд и еще женщины. Далеко не все однако были с ними согласны.

Нам предстоит ниже доказать, что все эти качества в полной мере причастны не только женщинам с Нижней Эгозащитой Притяжения Влюблённости, но также и мужчинам с Верхней Эгозащитой Притяжения Самолюбия. Если есть отличия, то они безусловно в пользу женщин, поскольку Нижняя Эгозащита более щадяще эксплуатирует базовую духовную психики, как мы старались доказать условно разделив циклический гомеостаз физического контроля на Милграм-Эго и Сатан-Эго. На самом деле, в отличие от Сатанов мертвой мысли и мертвой совести, совесть порабощенных женщин часто дает им себя чувствовать.

И сразу оговоримся, что мы говорим здесь о нормально функционирующей материальной энергии поля Эгосистемы. То есть мы говорим о нормальном циклическом гомеостазе физического контроля, который мы условно разделили на Милграм-Эго Нижней Эгозащиты и Сатан-Эго Верхней Эгозащиты. Разделили мы условно, потому что Нижняя и Верхняя Эгозащита нормального циклического гомеостаза — это единой целое, так как люди спокойно переходят с Влюбленности на Самолюбие и обратно. Как подчеркивает Г. Спенсер и как всем известно из истории, иерархия социальной лестницы, в особенности деспотических государств, — это подчинение высшим и господство над нижними, которое осуществляют одни и те же люди. Эта «гибкость» нормального циклического гомеостаза физического контроля и есть то, что делает возможным Левиафаны Садомазохизма: когда и командуют и подчиняются одни и те же люди.

Мы в этом исследовании не будем касаться случая сломанного циклического гомеостаза Гибрис-Эго шизоидного (незрелого, формально-логического) интеллекта по той простой причине,

что «Женственность» физического контроля материальной энергии состоит именно в гибкости нормального циклического гомеостаза. Пространство-время Интеллекта и научный контроль энергии духа не знают такой «гибкости» в приспособлении к силе в своем линейном движении к знанию, к истине, к справедливости. И Слом циклического гомеостаза физического контроля начинается с Шизоидного незрелого интеллекта. Ведь Гибрис-Эго античной цивилизации еще не есть Свободное общество научного контроля энергии духа, но зато — это уже Слом Гибкости Садомазохизма, отношений Рабства и Господства в Левиафанах. Это еще не Церковь Дружбы энергии Духа, но это уже Четкая граница между Рабами Садомазохизма физического контроля с одной стороны и «Свободными» Тиранами первых демократий, которые на самом деле были демократиями-тираниями. Я пытаюсь сконцентрировать ваше внимание на том факте, что Интеллект, даже такой незрелый как формальная логика, оторванная от фактов реальности, уже приносит неминуемый Слом Приспособления к среде физического контроля материальной энергии. А именно эта «гибкость» материальных энергий в их оппортунизме и прагматизме и есть та «женственность», которая характеризует Нижнюю и Верхнюю Эгозащиту Милгам-Эго и Сатан-Эго.

Далее, в связи с тем, что тема исследования «женственность» Сатанов» мы будем рассматривать Милграм-Эго в основном у женщин (понятно, что большая часть обычного мужского населения это в целом здоровые люди с малой активностью поля Эгосистемы в виде Милграм-Эго, которого впрочем хватает чувствовать превосходство мужчин над женщинами); и будем рассматривать Сатан-Эго в основном у мужчин (знает история и Верхнюю Эгозащиту у женщин).

Наконец, важно отметить, что здесь мы подчеркиваем сходство в Слабости Патологии у мужчин и женщин как частей одного физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии.

И ПРОТИВОПОСТАВЛЯЕМ ИХ ДРУГИМ ЗДОРОВЫМ МУЖЧИНАМ И ЖЕНЩИНАМ, чье сходство проявляется в Силе Здоро-

вой Энергии Духа Церкви Дружбы Пространства-времени Интеллекта.

2. ЖЕНЩИНЫ КАК СТЫДНЫЙ ПОЛЮС СЛАБОСТИ. ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ СИЛЫ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

Итак, нам предстоит доказывать, выдвинутый выше тезис о том, что все четыре основных пункта, в которых мужчины обвиняют женщин как «слабый пол» в большей степени отличают поведение самых агрессивных мужчин, претендующих на власть над миром — Сатан-Эго Верхней Эгозащиты.

Начнем мы с вопроса о том, почему именно для этих мужчин самым страшным оскорблением является сравнение их с женщинами? Вы можете называть их дьяволами и чертями — они примут как комплимент. Можете называть их преступниками и негодяями — они запишут себе в плюс. Можете сказать им, что в них не осталось ничего человеческого, что у них нет чести и совести — они будут гордиться своим наплевательством на человечество. Но если вы скажете им, что они — женщины, они примут это как смертельное оскорбление. Почему?

Ответ весьма прост. Это Закон сохранения силы физического контроля, который не имеет ничего общего ни с мыслью, ни с совестью, ни с честью, а только с «количеством давления силы», абстракцией силового давления, отражаемого чувственной информацией поля Эгосистемы. Это тот цинизм «по ту сторону добра и зла» (то есть по ту сторону поля Интеллекта энергии духа), который видит только Господ и Рабов, Насилие и Подчинение, Победителей и Проигравших, и ничего не знает о правде, этике, совести и научном контроле. И поскольку Женщина для них — это тот противоположный полюс Слабости, который составляет вторую часть их физического контроля, где они чувствуют себя полюсом Силы, то назвать их женщиной равносильно нанесению самого тяжелого Удара по Закону Сохранения Силы. Ведь вы назвали их олицетворением самой Слабости!

Интересно опять таки, что и женская реакция на свою долю полюса Слабости именно с точки зрения физического контроля Закона сохранения силы остается идентичной реакции мужчин. Все женщины, как говорит Чернышевский в «Что делать?» мечтают быть мужчинами. Конечно не все, — я знаю как минимум одну женщину, которая никогда не мечтала быть мужчиной, потому что всегда была уверена в силе своего духа и в качестве женщины — но действительно, именно Влюбленные женщины Милграм-Эго Нижней Эгозащиты мечтают быть мужчинами. И именно потому, что они и Сатан-Эго — это один и тот же механизм физического контроля материальной энергии. Мы помним, что Фрейд даже вывел эту зависть женской доли к мужской в виде закона «зависти к пенису».

Это совершенно нормальная для физического контроля поля Эгосистемы зацикленность тщеславия Эго на Верхней Эгозащите Притяжения Самолюбия, которая выражается в бессмысленной круговой активности варварских обществ в борьбе за верхи социальной лестнице — иерархию Левиафанов. В этом смысле они все хотят быть не мужчинами в биологическом смысле, но занять места фараонов и генералов в этой иерархии господ и рабов Левиафанов Садомазохизма. Тем не менее, когда насилие сталкивает их на Притяжение Влюбленности в качестве слуг и рабов, они подчиняются благодаря «гибкости» механизма физического контроля, приспосабливающегося к силовому давлению внешнего мира.

Для здоровых людей поля Интеллекта напротив, самым страшным Ударом по Закону Сохранения Силы является как раз обвинение в Бессовестности, в Предательстве Правды, в Потере Чести. Потому что Сила поля Интеллекта в служении Истине, в научном контроле, а также единстве объекта контроля закона сохранения силы духовной энергии — в Общем Я здорового человечества, для которого благополучие ближнего так же важно как свое собственное. И понятно, что Энергия Научного Контроля не имеет и не может иметь пола, и женщины и мужчины составляют совершенно идентичную энергию духа. И для этих лю-

дей потому ничего не значат кошмары мужчин и женщин поля Эгосистемы, их «тщеславие и стыд», их потребность соответствовать «магическим авторитетам», их потребность быть «наверху лестницы» или как минимум быть одобряемыми теми магическими авторитетами, которые достигли этих вершин. В этом и состоит разница, обнаруженная антропологами в культурах «совести, вины» против культур «тщеславия, стыда», хотя они не смогли ее сформулировать. Разница в том, что есть Закон сохранения силы для научного контроля поля Интеллекта, и что есть закон сохранения силы для физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии.

3. ЖЕНЩИНЫ — ДУРЫ С МАГИЧЕСКИМ СОЗНАНИЕМ

Теперь мы можем переходить к нашим четырем пунктам обвинений против Женщин Нижней Эгозащиты Влюбленности, чтобы провести параллели с мужчинами Верхней Эгозащиты Самолюбия.

Напомним наши четыре пункта:

— женщины — дуры с магическим сознанием, обожествляющие мужчин;

— женщины — лживы и порочны, бессовестны в своем эгоцентризме;

— женщины — властолюбивые рабыни, не способные к дружбе;

— женщины — их смысл жизни в Романтике Половых отношений.

Итак, неужели те люди, которые подобно Колдунам диких аборигенов, обожествляют сами себя, будут считать женщин дурами с магическим сознанием, только потому, что женщины чаще обожествляют других, мужчин прежде всего?

Здесь наша задача довольно проста. Нам надо провести параллель между магическим сознанием женщин, обожествляющих мужчин и магическим сознанием Сатанов, обожествляющих

самих себя. Вот уж воистину правду говорит Гоголь в «Записках сумасшедшего» — женщина влюблена в черта!

И в том и в другом случае мы имеем дело с Кривым зеркалом поля Эгосистемы — и когда человек обожествляет сам себя и когда человек обожествляет какую либо вещь внешнего мира, будь то тотемы животных или другой человек. Разница здесь только в том, какую фигуру поля Эгосистемы человек видит как Силу (Плюс), а какую как Слабость (минус) — Эго (себя) или СуперЭго (внешний мир)?

Уже «колдуны» диких аборигенов видели как «силу» свое Эго, и принимались командовать ветру и солнцу всходить и садиться. Но эти же аборигены чаще видели как «силу» окружающий мир, и поклонялись Тотемам сил природы. Таким образом, нет абсолютно никакой разницы в смысле интеллектуального тупоумия в отношении магического сознания как женщин так и мужчин в данном случае: нет никакой разницы какую фигуру поля Эгосистемы «обожествлять», то есть делать Идолом, Эго или СуперЭго. Важно лишь то, что интеллект человека, его способность мыслить и оценивать факты реальной действительности заменяются Кривым зеркалом глупой чувственной информации поля Эгосистемы материальной энергии.

В данном случае самообожествление Сатанов — это феномен отлично знакомый из истории в отношении Безумных Императоров Зла, таких как Калигула, который велел снести голову статуи Юпитера и поставить на нее слепок с головы Калигулы. Однако, этот феномен самообожествления даже больше известен из истории восточных деспотий, где фараоны часто принимали обличие богов.

В современном мире этот феномен изучает психология в качестве «магических авторитетов». При чем люди могут воспринимать как магические авторитеты самих себя, или других людей, или одновременно и себя и других людей. Об этом подробно пишет Эрих Фромм в «Человек» для себя. Аделр называет этот феномен «богоподобием», а Карл Юнг предложил термин «психической инфляции». Во всех этих случаях мы

имеем один и тот же феномен Кривого зеркала поля Эгосистемы, которое становится между человеком и реальным миром и искажает его «загрузками Эго и суперЭго как астр акции силового давления». Самообожествление — это всего лишь случай, где в качестве «силы, плюса» загружается Эго, а в качестве «слабости, минуса» загружается СуперЭго. Женская ситуация Нижней Эгозащиты рабского подчинения — это всего лишь ситуация наоборот.

Э. Фромм, «Человек для себя»:

> «В авторитарных системах авторитет поставлен в положение, принципиально отличное от положения подчиненных ему людей. Он обладатель качеств, не достижимых для кого бы то ни было: магической власти, мудрости, силы, в чем ни один из людей не может с ним даже сравниться. Каковы бы ни были прерогативы авторитета, будь он владыкой Вселенной или единственным вождем, посланным судьбой, принципиальное неравенство между ним и любым из людей — это основной догмат авторитарной системы ценностей.
>
> ….Использование термина «авторитарный» с необходимостью требу ет прояснить понятие авторитета. С этим понятием связана огромная путаница, поскольку широко распространено мнение, будто мы сто им перед альтернативой: диктаторский, иррациональный авторитет или вообще никакого авторитета. Но эта альтернатива ошибочна. Ре альная же проблема в том, какой вид авторитета следует нам при знать. Говоря об авторитете, имеем ли мы в виду рациональный ав торитет или иррациональный? Рациональный авторитет имеет своим источником компетентность. Человек, чей авторитет уважается, ком петентно справляется с задачей, возложенной на него теми, кто ему доверяет. Ему не нужно запугивать их или возбуждать в них восхи щение его магическими свойствами; до той поры, пока он способен компетентно помогать, а не эксплуатировать, его авторитет базиру ется на рациональных основаниях и не взывает к иррациональному благоговению. Рациональный авторитет не только допускает, но и требует постоянного внимательного разбора и критики со сто роны тех, кто его признает; он всегда временен, его признание зависит от его действенности. Источником же иррационального автори тета, напротив, всегда служит власть над людьми. Эта власть может быть физической или ментальной, она может быть реальной или условной, порожденной лишь тревогой и беспомощностью человека, подпавшего под влияние этого авторитета. Власть — с одной сторо ны, страх-с другой, всегда служат опорой иррационального автори

тета. Такой авторитет не только не нуждается в критике, но и запре щает ее. Рациональный авторитет основывается на равенстве между авторитетом и субъектом, которые различаются только уровнем зна ния и умения в той или иной области. Иррациональный же авторитет по самой своей природе строится на неравенстве, предполагающем различие в ценности. Когда речь идет об «авторитарной этике», име ется в виду иррациональный авторитет, так как термин «авторитар ная» обычно считают синонимом тоталитарной и антидемократиче ской систем. Читатель вскоре убедится, что гуманистическая этика совместима лишь с рациональным авторитетом. Авторитарную этику можно отличить от гуманистической по двум критериям — формаль-ному и материальному. Формально автори тарная этика отрицает у человека способность знать, что хорошо, а что плохо; здесь норму всегда устанавливает авторитет, стоящий над индивидом. Такая си-стема основывается не на разуме и зна нии, а на благоговейном страхе перед авторитетом и субъективном чувстве слабости и зави-симости; на отказе от решений, предостав ляющем авторитету право принимать их, руководствуясь своей ма гической властью; его реше-ния не могут и не должны подвергаться сомнению. Материально, или в смысле содержания, авторитарная этика отвечает на вопрос, что хорошо, а что плохо, исходя в первую очередь из интересов ав-торитета, а не интересов субъек та; она — эксплуататорская, хотя субъект может извлекать из нее значительные психические или ма-териальные выгоды»

Карл Юнг:

«Адлер воспользовался термином «богоподобие» для характеристи-ки некоторых основных черт невротической психологии власти. Если кто-то хочет избежать этой метафоры, я бы предложил здесь гово-рить о «психической инфляции». Этот термин кажется мне подходя-щим, поскольку обсуждаемое нами состояние представляет собой распространение личности за индивидуальные границы другими словами является состоянием раздутости. В таком состоянии человек занимает место которое обычно не способен занимать.

Широко распространенный случай совсем небезобидная манера многих мужчин отождествлять себя со своим делом или своими титулами. Занимаемый мной пост — это несомненно моя специ-фическая деятельность, но вместе с тем и коллективный фактор, исторически возникший благодаря сотрудничеству многих людей, и соответствующий ему титул держится исключительно на коллек-тивном одобрении. Поэтому когда я идентифицируюсь со своим занятием или титулом, я веду себя так как если бы был целым

комплексом социальных факторов, из которых и состоит моя служба или как если бы я был носителем не только своего поста но одновременно и общественным одобрением. Но это значит, что я необычайно расширил себя и узурпировал не свои внешние по отношению ко мне качества. «Государство — это я» — вот девиз для таких людей.

Идентификация со службой или титулом действительно очень привлекательна — вот почему так много людей представляют собой один только декорум предоставленный им обществом. Было бы напрасно искать под этой оболочкой личность. В самом низу под набивкой, можно отыскать лишь очень мелкое ограниченное создание. Вот почему служба — или что-то еще что может быть такой оболочкой — так привлекательна: она предлагает легкую компенсацию личной маломерности».

Стенли Бинг, «Как поступил бы Макиавелли»? :

«Он держал бы под контролем собственное безумие

«Я существовал с сотворения мира и буду существовать до тех пор, пока последняя звезда не упадет с небес, и хотя я взял имя Калигула — я все и ничто, таким образом: Я — Бог». Калигула, римский император Калигула был безумцем. Он был также самым влиятельным римлянином во всей Римской империи, пока его не укокошили. Чем дольше он был у власти, тем смешнее становилось его поведение.

У вас тоже это получится.

Пару ярких моментов из жизни сатрапа. Однажды он приказал нескольким римским легионам выстроиться вереницей вдоль берега во Франции и собирать в шлемы морские ракушки. Любой человек, проводивший время на Ривьере, скажет вам, что там очень много красивых ракушек. Когда шлемы его подчиненных были полны, император сумасброд заявил, что только что одержал великую победу над морскими богами.

Вот это я называю размахнуться.

В другой раз, будучи банкротом, он лично аннулировал в стране все завещания, в которых он не значился в качестве хотя бы одного из наследников. Вскоре все именитые римляне включили его в свои завещания. Те же, кто сумел вернуть себе прежнее богатство (что император воспринял как акт измены), вполне законно могли ждать от государя «подарка» — яда в пищу. Я не шучу.

Калигула ничего не мог поделать с тем, что был сумасбродом. Это была его природная черта. Вам же придется отыскать в себе и культивировать собственное безумие, если у вас вообще есть надежда властвовать над другими.

Так поступил бы Макиавелли.

На следующие моменты прошу обратить особое внимание, с тем чтобы развивать в себе соответствующие качества на пути к верхней ступеньке лестницы успеха.

нарциссизм. Пока вы не научитесь смотреть на других людей как на простую функцию своих желаний, вы будете оставаться легковесом. В вас заложен огромный эгоизм. Дайте ему волю. Дайте ему распуститься. Учитесь смотреть на мир вокруг себя, как древние люди смотрели на Вселенную: Земля (вы) — в центре, а Солнце, Луна и звезды (все прочее) вращаются вокруг вас.

жадность. Поскольку пока вы все еще относительный середнячок, у ваших желаний есть предел. Это ограничивает вашу личную власть. Вам не нужно хотеть всего на свете — это способно сбить вас с толку или увести в сторону от цели. Но вам можно и нужно научиться хотеть всего, что только можно поиметь на свете. Если ваш внутренний генератор желаний на время меняет направление и у вас более нет непреодолимой тяги к власти и материальным благам, вам следует попытаться найти опору в жадности к любой славе, прямо или косвенно приходящей со всяким личным достижением. Это жадность особенная, в каком то смысле даже благородная, но, тем не менее, она доказала свою действенность для целого ряда лиц, упоминать чьи имена я благоразумно воздержусь.

мания преследования. Если вы достигли определенного положения, то вы просто болван, если уже не страдаете этого рода манией. Сумасброды отдаются этому состоянию всем сердцем, и это придает им сил, как высокооктановое топливо двигателю.

мания величия. Все правильно. Вы большой, нет, вы — великий. Вы просто колосс. Вы все это вместе взятое. Головой вы упираетесь в небосвод, а ногами — в твердь земную. Как повезло этому миру, что вы живете в нем!»

4. ЖЕНЩИНЫ — ЛЖИВЫ И ПОРОЧНЫ

Известно, что женщины чести и совести предпочитают Волю своих возлюбленных обожествляемых мужчин. Именно воля обожествляемых мужчин и становится их авторитарной системой ценностей. В этом их и упрекают — в неспособности к справедливости, в эгоцентризме своей пошлой Влюбленности. Одним словом, как говорит Чехов, в «гнусных бабьих амурах».

Именно лживость женщин, всегда готовых пожертвовать правдой для своих «бабьих амуров», для своего обожествляемого Идола, наиболее презирается как чисто «женское» раболепие, как чисто женский оппортунизм в приспособление к внешней силе.

Однако, в этой женской лживости тем не менее часто остается большая доля настоящей здоровой нежности, искренней человеческой привязанности, чего нельзя сказать о лживости Сатанов. Ведь Сатаны продают и предают правду, совесть, честь не для кого-то, а для самих себя — ведь их Идол они сами.

Так, Г. Честертон пишет в «Что не так с миром», что женщины отличаются от мужчин тем, что им незнакомы Братство, Свобода и Равенство; что их царство — это царство романтической любви между полами, тогда как царство мужчин — это царство мужской дружбы. И тот же Честертон тем не менее горячо защищает женщин, как доброту и преданность, на которую опирается в своем доме мужчина. Далее, он проводит параллель между плохими качествами женщин и Империализмом дельцов, бизнесменов, которые также как женщины способны только подчиняться или командовать, но не способны к мужской дружбе и искреннему диалогу.

Как бы то ни было, лживость и порочность опять таки обычное следствие магического сознания физического контроля материальной энергии, одинаково присущее как аборигенам диких племен, так и Нижней и Верхней Эгозащите современных Милграм-Эго и Сатан-Эго. Вот что пишет Э. Фромм об известном исследовании антрополога Рут Бенедикт (она учитель и «самоактуал» А. Маслоу) абориген племени «Добу».

Э. Фромм, «Анатомия деструктивности»:

> «Вся жизнь подвластна чародейству, без него невозможен успех ни в одной сфере жизни, и потому магические формулы составляют важную часть богатства.
> Вся жизнь проходит в отчаянном соперничестве; в этой борьбе все средства хороши и любое преимущество используется для победы. Однако здесь соревнование проходит не так, как в системах типа А и В, т. е. не открыто, не свободно, а напротив, борьба преисполне-

> на коварства и ведется исподтишка. Идеалом мужчины считается тот, кто достигает успеха хитростью, подсиживанием и другими уловками.
> Главным достоинством и наивысшим достижением является овладение приемами «вабувабу», которые составляют искусство беззастенчивого продвижения к личному успеху за счет нанесения ущерба всем соперникам. (Эта система существенно отличается от рыночной, которая в принципе базируется на честном обмене, когда обе стороны должны идти на уступки.)
> Пожалуй, самым примечательным признаком системы типа С является господствующее здесь коварство. Обычно добуанец производит впечатление весьма вежливого и предупредительного человека. Один из них так описывал нравы и обычаи своего племени: «Если *я* хочу кого-нибудь убить, я постараюсь сблизиться с этим человеком, войти в доверие. Я буду рядом с ним день и ночь, буду делить с ним радость и горе, буду вместе с ним есть и пить, работать и отдыхать, и это может длиться много месяцев. Я назову его другом и буду ждать подходящего момента, чтобы сделать то, что задумал». И потому, когда случается убийство (а это бывает довольно часто), подозрение падает в первую очередь на тех, кто стремился подружиться с несчастной жертвой. Две главные обуревающие добуанцев страсти — это богатство и секс»

Тацит в «Диалоге об ораторах» особенно подчеркивает, что лживость «доносчиков», то есть Расы Господ порочного Рима, его Сатанов, решивших лживостью и предательством честных людей достичь денег и власти, сродни разряженной «уличной женщине», тогда как истинная сила в честности ученых, в науке о добре и зле, в справедливости, умеющей изобличать «могущество добродетели и извращенность пороков»

Тацит, «Диалог об Ораторах»:

> «В Кальве больше сжатости, в Азинии — остроумия, в Цезаре — четкости, в Целии — язвительности, в Бруте — основательности, в Цицероне — страстности, полноты и мощи. Однако все они отличаются здравостью своего красноречия, так что, взяв в руки речи любого из них, чувствуешь, что при всем различии дарований их объединяет некое сходство и общность вкусов и направления.
> Но если, оставив в стороне этот наилучший и совершеннейший род красноречия, я был бы вынужден избрать какую-нибудь иную форму ораторского искусства, то для меня предпочтительнее неистовость

> Гая Гракха или зрелое спокойствие Луция Красса, чем кудрявость Мецената и бубенчики Галлиона: все-таки много лучше одеть речь в грубошерстную тогу, чем обрядить ее в кричащее тряпье уличной женщины. Ведь недостойно оратора и, право же, отнюдь не мужское дело облачать речь в одеяние, которым очень многие судебные стряпчие нашего времени пользуются столь широко, что непристойностью слов, легковесностью мыслей и произволом в ее построении воспроизводят песенки лицедеев. И нельзя слушать без содрогания, как в доказательство своей славы и даровитости очень многие бахвалятся тем, что их изделия распевают и пляшут.
>
> И древние твердо усвоили это и понимали, что для достижения такой цели нужны не декламации в школах риторов и не упражнение языка и гортани в надуманных и никоим образом не соприкасающихся с действительностью словесных схватках, а обогащение души такими науками, в которых идет речь о добре и зле, о честном и постыдном, о справедливом и несправедливом; ведь только с этим приходится иметь дело оратору. Ибо в суде мы почти всегда толкуем о справедливости, на совещаниях — о пользе, при произнесении похвальных речей — о честности и в большинстве случаев связываем и перемешиваем одно с другим. Но говорить обо всем этом пространно, разнообразно и убедительно может лишь тот, кто познал человеческую природу, и могущество добродетелей, и извращенность пороков»

Тем не менее, реальность уже нероновских и домицианов-ских времен принесла силу и могущество именно пороку Сатанов, именно предательству и злокозненности «доносчиков», а вовсе не честному Тразею Пету, Гельвидию Приску, Сенеке, Лукану или Бурру. Тацит жил после них, и знал о судьбе лучших людей, знал о поражении людей чести и совести, и писал об этом с великой скорбью. Тем не менее, Тацит и его друг Плиний не становятся на сторону силу, как делают «женственные» Сатаны, прогибающиеся под внешнее давление, приспосабливающиеся к силе «прагматики». Со всем мужеством Чести и Совести Пространства-времени Интеллекта они говорят правду и Славят Гибнущие Честь и Совесть, и их имена остаются в вечности, — имена великих римских пророков.

Сатаны современного мира продолжают побеждать. Мы — наследники великих пророков Пространства-времени Интеллек-

та всех времен продолжаем разоблачать Зло и Лживость Сатанов, несмотря на их актуальную власть в современном мире.

Они называют женщин лишёнными чести и совести, потому что женщины поклоняются Иолам своей Влюбленности. Но сами Сатаны непросто лишены чести и совести, а культивируют в себе Бессовестность и Лживость как главные свои орудия в борьбе за власть и деньги.

Достаточно нам взять известный учебник Т. Моммзена об истории Рима или же книгу его друга Макса Вебера о «Протестантской этике и капитализме», чтобы увидеть, что капитализм в его обычном понимании погони за денежным капиталом — самое порочное занятие в мире. Именно потому, что в этой погоне за деньгами, как говорит Эрих Фромм в «Здоровом обществе» вся мораль, вся истина и совесть кладутся на алтарь погони за успехом. Ими жертвуют с тем, чтобы обмане, в предательстве, в насилии обрести успех, обрести власть и деньги. Власть и деньги — вожделенные цели Сатанов Верхней Эгозащиты-превращаются в те «магические силы» поля Эгосистемы физического контроля, которым приносится в жертву мораль: совесть и справедливость. Всем известны также знаменитые слова Д. М. Кейнса:

«[**Капитализм**] — **это** удивительная **вера** в то, что худшие поступки худших **людей**, тем или иным образом, служат общему благу.».

Я постаралась показать в анализе книг Э. Фромма, М. Вебера, А. Шлезингера, Джона Пороса и Джима Коллинза, и многих других, что не рыночный механизм или его отсутствие решает эффективность экономической системы, а Энергия людей, которая этот механизм использует. Например, визинарные компании Пороса и Коллинза или протестанты Вебера сумели наиболее эффективно эксплуатировать рыночные механизмы, тогда как другие являли собой тот пример порочности и малой, переменной эффективности, о которой пишут Моммзен и Фромм. Артур Шлезингер в «Циклах американской истории» пишет об эффективности рыночного механизма в руках демо-

кратов, и о порочности того же механизма в руках консерваторов.

Всем известны пороки восточных деспотов, которые делали себя Идолами и превращали поклонение своей особе в общественную религию: их гаремы и их разврат, их лицемерие и их обман населения, их грабеж и эксплуатация рабского населения. Об этом пишет Г. Спенсер в Социальной статике, когда подчеркивает корреляцию между варварскими обществами, их «обожанием силы» и их бессовестностью и жестокостью, противостоящими «моральному чувству» цивилизованных свободных сообществ.

Однако, как мы можем убедиться, Сатаны западного мира вполне нашли применение своей порочности в механизмах денежной экономики, превратив цивилизованное общество в варварские джунгли погони за деньгами.

Стенли Бинг, «Как бы поступил Макиавелли»:

> **«У него не было бы ни грамма совести**
> *«Даже теперь, вот, посмотрите на меня: разве я жестокий человек? Моя совесть чиста».* **Пол Пот**
> Уничтожение собственной совести — один из самых сложных моментов, который вам доведется постичь. Не всякому человеку это дано. Если вы находитесь на более низкой ступени эволюции, постарайтесь внести коррективы в собственную личность, с тем чтобы избавиться от груза совести, насколько это представляется возможным. Вы, конечно, заметили: цель состоит в том, чтобы свести свою внутреннюю конституцию всего к четырем важнейшим составляющим — агрессия, страх, я-сам (важнейший элемент) и три-четыре приятеля, с которыми приятно поиграть в гольф. Подобно ребенку, истинный последователь Макиавелли убежден, что нет ничего большего или более важного, чем он сам. Чтобы добиться настоящего успеха, вам придется вернуться к дающему внутреннюю свободу эгоцентризму самовлюбленного аморального ребенка, который желает исполнения любой своей прихоти и не признает никаких препятствий на пути к своей цели.
> **Он лгал бы, когда это было бы необходимо**
> Правда должна служить вам, а не руководить вами.
> Вообще, что такое правда? Кто-нибудь в принципе знает, что есть правда, а что нет? И является ли правда чем-то абсолютным? Мож-

но ли сказать, что нечто истинно лишь в своем роде? Отчасти истинно? Истинно в каком-то более глубоком смысле? Истинно для военных? Истинно для меня, но не для вас? Чересчур истинно? Конечно, можно. Особенно если при этом иметь такую власть над людьми, которая позволила бы заставить их видеть правду так, как нужно вам. Таким образом, можно видеть, что по мере того, как человек приобретает большую власть, растет и его потребность использовать правду на свое усмотрение (речь идет, конечно, о настоящих государях), и в какой-то момент правдой становится все, что слетает с их'уст.
Как Ричард Никсон заметил однажды в беседе с Дэвидом Фростом: «Когда президент делает что-то, это „что-то" не может идти вразрез с законодательством».

T. Mommsen, «History of Rome» :

«Such an inequality in distribution of capitals as in last years of Roman Republic has hardly been witnessed anywhere else. Average class was absent, there were just millionaires and poor, and the former didn't go beyond the 2000 families. The wealthy people, squandering inheritance and sapping energies of their slaves for luxury and idleness were revered, while the honest people, forced to work hard to get their earnings, were broadly despised. Despite of the fact that there was a profound gap between these two worlds of riches and poor, essentially they differ but a little: the same idleness, the same search for silly pleasures. Corruption of morality reached its utmost degree. They didn't scruple to commit in noble family the wickedest crimes for the sake of money. Rome turned out to be under complete sway of capitalism. Capitalism proved to be equally pernicious everywhere, though through different means: in Carthage, in Greece, and in Rome. And if the mankind is destined to see the nasty course of events of Caesar times, it would be result of the development of that sway of capital, which had been laid in foundation of United States of America. The abuse committed by oligarchy in government of provinces went beyond all corruption ever seen in West. The descendants of people, who once astonished foreign countries with honesty and decency, now transmuted in gang of criminals. There was not left the crime, the violence of morality, not exercised daily in province by oligarchy. Roman capitalist kept finding new ways to enslave provinces through involving them in severe debt they could not pay. Private and social wealth had been completely ruined».

Chesterton, «What is wrong with the world»:

«Surely, when all is said, the ultimate objection to the English public school is its utterly blatant and indecent disregard of the duty of telling the truth. I know there does still linger among maiden ladies in remote country houses a notion that English schoolboys are taught to tell the truth, but it cannot be maintained seriously for a moment. Very occasionally, very vaguely, English schoolboys are told not to tell lies, which is a totally different thing. I may silently support all the obscene fictions and forgeries in the universe, without once telling a lie. I may wear another man's coat, steal another man's wit, apostatize to another man's creed, or poison another man's coffee, all without ever telling a lie. But no English school-boy is ever taught to tell the truth, for the very simple reason that he is never taught to desire the truth. From the very first he is taught to be totally careless about whether a fact is a fact; he is taught to care only whether the fact can be used on his „side" when he is engaged in „playing the game." He knows that sport deals with the unknown; he has not even a notion that politics should deal with the known. If anyone really doubts this self-evident proposition, that the public schools definitely discourage the love of truth, there is one fact which I should think would settle him. England is the country of the Party System, and it has always been chiefly run by public-school men. Is there anyone out of Hanwell who will maintain that the Party System, whatever its conveniences or inconveniences, could have been created by people particularly fond of truth? The English Parliament actually cares for everything except veracity. The public-school man is kind, courageous, polite, clean, companionable; but, in the most awful sense of the words, the truth is not in him. This weakness of untruthfulness in the English public schools, in the English political system, and to some extent in the English character, is a weakness which necessarily produces a curious crop of superstitions, of lying legends, of evident delusions clung to through low spiritual self indulgence. There are so many of these public-school superstitions that I have here only space for one of them, which may be called the superstition of soap. It appears to have been shared by the ablutionary Pharisees, who resembled the English public-school aristocrats in so many respects: in their care about club rules and traditions, in their offensive optimism at the expense of other people, and above all in their unimaginative plodding patriotism in the worst interests of their country. There are distinguished public school men, bishops, dons, headmasters, and high politicians, who, in the course of the eulogies which from time to time they pass upon themselves, have actually identified physical cleanliness with moral purity. They say (if

I remember rightly) that a public-school man is clean inside and out. As if everyone did not know that while saints can afford to be dirty, seducers have to be clean. As if everyone did not know that the harlot must be clean, because it is her business to captivate, while the good wife may be dirty, because it is her business to clean. As if we did not all know that whenever God's thunder cracks above us, it is very likely indeed to find the simplest man in a muck cart and the most complex blackguard in a bath»

А. Солженицын, «Архипелаг»:

«Оказывается, в тот грознопамятный год в своём докладе, ставшем в специальных кругах знаменитым, Андрей Януарь–евич (так и хо чется обмолвиться Ягуарьевич) Вышинский в духе гибчайшей диа лектики (которой мы не разрешаем ни государственным подданным, ни теперь электронным машинам, ибо для них да есть да, а нет есть нет) напомнил, что для человечества никогда не возможно устано вить абсолютную истину, а лишь относительную. И отсюда он сделал шаг, на который юристы не решались две тысячи лет: что, стало быть, и истина, устанавливаемая следствием и судом, не может быть абсо лютной, а лишь относительной. Поэтому, подписывая приговор о расстреле, мы всё равно никогда не можем быть абсолютно увере ны, что казним виновного, а лишь с некоторой степенью приближе ния, в некоторых предположениях, в известном смысле. (Может быть, сам Вышинский не меньше своих слушателей нуждался тогда в этом диалектическом утешении. Крича с прокурорской трибуны «всех расстрелять как бешеных собак!», он–то, злой и умный, понимал, что подсудимые невиновны. С тем большей страстью, вероятно, он и такой кит марксистской диалектики, как Бухарин, предавались диалектическим украшениям вокруг судебной лжи: Бухарину слиш ком глупо и беспомощно было погибать совсем невиновному — он даже нуждался найти свою вину! — а Вышинскому приятнее было ощущать себя логистом, чем неприкрытым подлецом.)

….Они по службе не имеют потребности быть людьми образованны ми, широкой культуры и взглядов — и они не таковы. Они по службе не имеют потребности мыслить логически — и они не таковы. Им по службе нужно только чёткое исполнение директив и бессердеч ность к страданиям — и вот это их, это есть. Мы, прошедшие через их руки, душно ощущаем их корпус, донага лишённый общечелове ческих представлений. …Философы, психологи, медики и писатели могли бы в наших лаге рях как нигде наблюдать подробно и множественно особый процесс сужения интеллектуального и духовного кругозора человека, сниже ния человека до животного и процесс

> умирания заживо. Но психоло гам, попадавшим в лагеря, большей частью было не до наблюдений: они сами угожали в ту же струю, смывающую личность в кал и прах».

5. ЖЕНЩИНЫ — ВЛАСТОЛЮБИВЫЕ РАБЫНИ, НЕ СПОСОБНЫЕ К ДРУЖБЕ

Действительно, все рабы как известно мечтают стать господами. Тацит пишет, что Калигула, когда еще был принцем при Тиберии, заслужил себе славу лучшего раба, — ведь это он стал послушным рабом того, кто извел всю его семью. По той же причине женщине Нижней Эгозащиты Влюленности мечтают быть мужчинами, то есть стать Верхней Эгозащитой Самолюбия. Они и становятся везде, где только возможно. И подобно Сатанам, своим кумирам, эти женщины действительно не знают что такое дружба. Ведь дружбы не имеет никакого отношения к полю Эгосистемы материальной энергии, и доступна только здоровым людям энергии духа.

Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»:

> «Являешься ли ты чистым воздухом, и одиночеством, и хлебом,
> и лекарством для своего друга? Иной не может избавиться от
> своих собственных цепей, но является избавителем для друга.
> Не раб ли ты? Тогда ты не можешь быть другом. Не тиран ли
> ты? Тогда ты не можешь иметь друзей.
> Слишком долго в женщине были скрыты раб и тиран. Поэтому
> женщина не способна еще к дружбе: она знает только любовь.
> В любви женщины есть несправедливость и слепота ко всему,
> чего она не любит. Но и в знаемой любви женщины есть всегда еще
> внезапность, и молния, и ночь рядом со светом.
> Еще не способна женщина к дружбе: женщины все еще кошки и
> птицы. Или, в лучшем случае, коровы.
> Еще не способна женщина к дружбе. Но скажите мне вы,
> мужчины, кто же среди вас способен к дружбе?
> О мужчины, ваша бедность и ваша скупость души! Сколько
> даете вы другу, столько даю я даже своему врагу и не становлюсь
> от того беднее.
> Существует товарищество; пусть будет и дружба!
> Так говорил Заратустра».

Платон, Государство

> « — Если ему уступят без сопротивления; если же государство не допустит этого, тогда, как в недавно упомянутом примере у него поднялась рука на родных мать и отца, точно так же поступит он и со своей родиной, лишь только окажется в состоянии: он покарает ее тем, что введет в нее своих новых сподвижников; в рабстве у них будет содержаться и воспитываться некогда милая ему „родина-мать“, как говорят критяне, то есть его отечество. Вот конечная цель вожделений подобного человека. — Она состоит именно в этом. — Подобного рода люди таковы и в частной жизни, еще прежде, чем станут у власти. С кем бы они ни вступали в общение, они требуют лести и полной готовности к услугам, а когда сами в чем-нибудь нуждаются, тогда так и льнут к человеку, без стеснения делая вид, будто с ним близки, но чуть добьются своего — они опять чужие. — Это очень верно подмечено. — Значит, за всю свою жизнь они ни разу ни с кем не бывали друзьями; они вечно либо господствуют, либо находятся в рабстве: тиранническая натура никогда не отведывала ни свободы, ни подлинной дружбы»

В этой связи Честертон также отмечает, что женщины неспособны к дружбе. Мы хотели бы внести существенную поправку в его рассуждения: не все женщины не способны к дружбе, как знал уже Чернышевский и Вальтер Скотт, а только женщины Нижней Эгозащиты Влюбленности материальной энергии. Сделав свое заявление о женщинах, которые всегда стремятся к власти, и способны только командовать или подчиняться, и не знают что такое Братство, Равенство, Свобода, Честертон далее переходит к анализу Империализма-цезаризма своего времени — и делает то же самое заключение и политиках и бизнесменах. Они также как и женщины не способны к дружбе, но знают только отношения садомазохизма. Разница только в том, что если женщины большей частью — это Подчинение Влюбленности, то мужчины бизнесмены и политики его времени большей частью — Власть Самолюбия. Однако и те и другие, утверждает Честертон, в равной мере разрушают демократию.

Chesterton, «What is wrong with the world»:

> «Comradeship is at the most only one half of human life; the other half is Love, a thing so different that one might fancy it had been made for another universe. … Both sides are essential to life; and both are known in differing degrees to everybody of every age or sex. But very broadly speaking it may still be said that women stand for the dignity of love and men for the dignity of comradeship. I mean that the institution would hardly be expected if the males of the tribe did not mount guard over it. The affections in which women excel have so much more authority and intensity that pure comradeship would be washed away if it were not rallied and guarded in clubs, corps, colleges, banquets and regiments. Most of us have heard the voice in which the hostess tells her husband not to sit too long over the cigars. It is the dreadful voice of Love, seeking to destroy Comradeship. for comradeship is simply humanity seen in that one aspect in which men are really equal. The old writers were entirely wise when they talked of the equality of men; but they were also very wise in not mentioning women. Women are always authoritarian; they are always above or below; that is why marriage is a sort of poetical see-saw. There are only three things in the world that women do not understand; and they are Liberty, Equality, and Fraternity. But men (a class little understood in the modern world) find these things the breath of their nostrils; and our most learned ladies will not even begin to understand them until they make allowance for this kind of cool camaraderie»

Chesterton, «What is wrong with the world»:

> «…Now the peculiar peril of our time, which I call for argument's sake Imperialism or Caesarism, is the complete eclipse of comradeship and equality by specialism and domination.
> …All men do naturally love the idea of leisure, laughter, loud and equal argument; but there stands a specter in our hall. We are conscious of the towering modern challenge that is called specialism or cut-throat competition — Business. Business will have nothing to do with leisure; business will have no truck with comradeship; business will pretend to no patience with all the legal fictions and fantastic handicaps by which comradeship protects its egalitarian ideal. The modern millionaire, when engaged in the agreeable and typical task of sacking his own father, will certainly not refer to him as the right honorable clerk from the Laburnum Road, Brixton. Therefore there has arisen in modern life a literary fashion devoting itself to the romance of business, to great demigods of greed and to fairyland of finance. This popular philosophy is utterly despotic and anti-democratic; this

> fashion is the flower of that Caesarism against which I am concerned to protest. The ideal millionaire is strong in the possession of a brain of steel. The fact that the real millionaire is rather more often strong in the possession of a head of wood, does not alter the spirit and trend of the idolatry. The essential argument is «Specialists must be despots; men must be specialists. You cannot have equality in a soap factory; so you cannot have it anywhere. You cannot have comradeship in a wheat corner; so you cannot have it at all. We must have commercial civilization; therefore we must destroy democracy.»

6. ЖЕНЩИНЫ — ИХ СМЫСЛ ЖИЗНИ В РОМАНТИКЕ ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Этот пункт обвинения против женщин и его параллель для Сатанов Верхней Эгозащиты я постараюсь раскрыть более детально в следующей главе. Здесь же только отмечу, что как верно замечают Фромм, Рассел, Честертон о бурной деятельности дельцов «сказочной страны Финансов» — это псевдо-деятельность, в основе которой абсурд Эгозащиты, а вовсе не здравый смысл, конструктивность и созидательность научного контроля поля Интеллекта энергии духа. И в этом смысле Сатаны в их погоне за деньгами и властью остаются в том же «коконе» магического сознания и Эгозащиты поля материальной энергии — в том же душном подвале Платоновской пещеры, что и женщины. Они также праздны, как женщины Нижней Эгозащиты Влюбленности именно потому что тоже всецело поглощены псевдоактивностью Верхней Эгозащиты Самолюбия.

И именно поэтому у Сатанов Верхней Эгозащиты таким же основным смыслом и центром жизни остается Романтика половых отношений как у женщин Нижней Эгозащиты Влюбленности. Как для этих женщин прически и наряды в стремлении быть красивыми составляют псевдо-деятельность Идолопоклонства поля Эгосистемы, так и для мужчин их погоня за деньгами и властью — псевдо-деятельность идолопоклонства самим себе. Но в конечном итоге, и те и другие одевают маски своих Идолов, — красоты и власти, — чтобы реализовать центральный

интерес, единственный смысл поля Эгосистемы: физический контроль Садомазохизма, встречу притяжений Самолюбия и Влюбленности в циклическом гомеостазе. Другими словами, и у тех и у других, центральной мотивации жизни остается Романтика половых отношений.

Достаточно вспомнить, что подавляющее большинство современной элиты — политики, бизнесмены, звезды кино и шоубизнеса, короли и королевы, даже академики и профессора — в конечном итоге сосредоточились в «рае для педофилов» Д. Эпштейна. Это и есть та низость, куда неизбежно низвергается всякая романтика физического контроля материальной энергии. Но в данном случае нам важно отметить именно тот факт, что для современных элит именно романтика половых отношений оказалась центральным мотивом жизни.

А это и есть главное обвинение против глупости и нелепости женщин — обвинение в романтике половых отношений как единственном смысле жизни.

Эту «праздность» поля Эгосистемы, которая принципиально отличает материальную энергию от разума и конструктивного труда энергии духа человечества, А. Чехов называет «футляром», в котором человек закрыт от реального мира. Подобно тому, как Карл Юнг называет Кривое зеркало Эгосистемы — Коконом, плодящим проекции, что разрывают связь человека с реальным миром. Так и псевдо-деятельность того, что сегодня называется «элитами».

Н. Чернышевский, «Что делать»:

> «- Вы называете меня фантазеркою, спрашиваете, чего же я хочу от жизни? Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, я не хочу смотреть на мнение других, добиваться того, что рекомендуют мне другие, когда мне самой этого не нужно.
> Жюли слушала и задумывалась, задумывалась и краснела и ведь она не могла не вспыхивать, когда подле был огонь — вскочи ла и прерывающимся голосом заговорила:- Так, дитя мое, так! Я и сама бы так чувствовала, если б не была развращена. Не тем я развращена, за что называют женщину погибшей, не тем, что было со мною, что я

терпела, от чего стра дала, не тем я развращена, что тело мое было предано поруганью, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, угождаю, делаю то, чего не хочу вот это разврат! Не слушай того, что я тебе говорила, дитя мое: я развращала тебя — вот мученье! Я не могу прикасаться к чистому, не оскверняя; беги меня, дитя мое, я гадкая женщина, — не думай о свете! Там все гадкие, хуже меня; где праздность, там гнусность, где роскошь, там гнусность! — беги, беги!

...Сторешников привык мечтать, как он будет «обладать» Верочкою. Подобно Жюли, я люблю называть грубые вещи прямыми именами грубого и пошлого языка, на котором почти все мы почти постоянно думаем и говорим. Сторешников уже несколько недель занимался тем, что воображал себе Верочку в разных позах, и хотелось ему, чтобы эти картины осуществились. Оказалось, что она не осуществит их в звания любовницы, — ну, пусть осуществляет в звании жены; это все равно, главное дело не звание, а позы, то есть обладание. О, грязь! о, грязь! — «обладать» — кто смеет обладать человеком? Обладают халатом, туфлями. — Пустяки: почти каждый из нас, мужчин, обладает кем-нибудь из вас, наши сестры; опять пустяки: какие вы нам сестры? — вы наши лакейки! Иные из вас, — многие господствуют над нами — это ничего: ведь и многие лакеи властвуют над своими барами».

Л. Толстой, «Крейцерова соната»:

«А как послышишь о золотой молодежи, об офицерах, о парижанах! И все эти господа и я, когда мы, бывало, тридцатилетние развратники, имеющие на душе сотни самых разнообразных ужасных преступлений относительно женщин, когда мы, тридцатилетние развратники, входим чисто-начисто вымытые, выбритые, надушенные, в чистом белье, во фраке или в мундире в гостиную или на бал — эмблема чистоты — прелесть! Ведь вы подумайте, что бы должно быть и что есть. Должно бы быть то, что, когда в обще-ство к моей сестре, дочери вступит такой господин, я, зная его жизнь, должен подойти к нему, отозвать в сторону и тихо сказать: „Голубчик, ведь я знаю, как ты живешь, как проводишь ночи и с кем. Тебе здесь не место. Здесь чистые, невинные девушки. Уйди!“ Так должно бы быть; а есть то, что, когда такой господин является и танцует, обнимая, ее, с моей сестрой, дочерью, мы ликуем, если он богат и с связями. Авось он удостоит после Ригольбош и мою дочь. Если даже и остались следы, нездоровье, — ничего. Нынче хорошо лечат. Как же, я знаю, несколько высшего света девушек выданы родителями с восторгом за сифилитиков. О! о мерзость! Да придет же время, что обличится эта мерзость и ложь!»

Байрон, Дон Жуан

> «Ах! Эврика! Я понял, почему
> Назвал Шекспир «любовью от безделья»
> Цветочек свой: лишь праздному уму
> Доступно страсти бурное похмелье;
> Кто делом занимается, тому
> Не может стать любовь единой целью.
> Но если б даже на меня набросились
> Все те, кем возвеличен высший свет,
> Всем заявлю я тоном самым смелым:
> Счастливей вас любой, кто занят делом
> На плуг сменил идиллию Адам,
> Из листьев фиги платье сшила Ева
> (Искусству одеваться наших дам
> Божественное научило древо!),
> И с той поры понятно стало нам,
> Что зло, которое познали все вы, —
> Плод праздности; лишь отдых от работ
> Часам безделья цену придает.
> Не светская рассеянная праздность —
> Особый метод пытки развлеченьем,
> Стремленье украшать однообразность,
> В которой счастье стало пресыщеньем!
> Отсюда — романтизма несуразность
> И синие чулки с пустым томленьем,
> Бесед философическая мгла
> И, главное, — романы без числа».

А. Чехов, Человек в футляре:

> «А разве то что мы живем в городе, в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт — разве это не футляр? А то что мы проводим жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор — разве это не футляр?»

ГЛАВА 4. РОМАНТИКА ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ САТАНОВ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

1. ПРАЗДНОСТЬ ВЛЮБЛЕННЫХ ЖЕНЩИН

Важно сразу напомнить, что мы не говорим о женщинах вообще, а только о женщинах с активным полем Эгосистемы — Милграм Эго Нижней Эгозащиты Влюбленности.

Конечно факт состоит в том, что до сих пор именно этот тип женщин преобладал во всем мире по той причине, что материальная энергия поля Эгосистемы вообще родилась первой вместе с магическим сознанием абориген, а энергия духа оставалась в зачаточном состоянии до Первого Осевого времени Откровений в Персии, Индии, Греции, Израиле и начала движения «от Мифа к Логосу». А в наше время, после победы Дарвиновской парадигмы и Ядерного Гриба Сатанов другие женщины просто не выживают в мире, отравленном правлением поля Эгосистемы.

Тем не менее, это вовсе не значит ни того, что в истории было мало женщин самого высокого гения поля Интеллекта Энергии Духа, ни того, что женщины не приняли большого участия в том движении цивилизации и просвещения Энергии Духа человечества, которое объявило Священную Войну Злу поля Эгосистемы материальной энергии.

Очень много труда, настоящего труда долга, совести, научного контроля было вложено женщинами в этой Священной войне, составляющей смысл человеческой истории.

П. Кропоткин, Записки Революционера:

> «Годы 1857—1861 были, как известно, эпохой умственного пробуждения России. Все то, о чем поколение, представленное в литерату-

ре Тургеневым, Герценом, Бакуниным, Огаревым, Толстым, Достоевским, Григоровичем, Островским и Некрасовым, говорило шепотом, в дружеской беседе, начинало теперь проникать в печать. Цензура все еще свирепствовала; но чего нельзя было сказать открыто в политической статье, то проводилось контрабандным путем в виде повести юмористического очерка или в замаскированной критике западноевропейских событий. Все умели читать между строками и понимали, что означает, например, «Критика китайской финансовой системы».

...А я почти с молитвенным благоговением глядел на напечатанный на обложке «Полярной Звезды» медальон с изображением голов повешенных декабристов — Бестужева, Каховского, Пестеля, Рылеева и Муравьева-Апостола. Красота и сила творений Герцена, мощность размаха его мыслей, его глубокая любовь к России охватили меня. Я читал и перечитывал эти страницы, блещущие умом и проникнутые глубоким чувством. Тургенев правду сказал, что Герцен писал слезами и кровью, что с тех пор у нас никто так не писал.

Среди дворянства не было недостатка в молодых людях, которые искренно работали для полного освобождения крестьян. ... Десятки записок с проектами освобождения крестьян посылались царю, ходили в рукописи или же печатались в Лондоне. Герцен при содействии Тургенева, уведомлявшего его о положении дел, обсуждал подробности каждого проекта в «Колоколе» и «Полярной Звезде». То же делал и Чернышевский в «Современнике».

....Все в этой семье, начиная со старшего сына-студента и старшей дочери, учившейся вместе с моей сестрой Еленой в институте, интересовались серьезными вопросами и любили литературу. Это было одно из тех семейств, которые описывал Тургенев в своих произведениях. Тургенев был любимым писателем и в этой семье. Как часто мы, сидя за круглым столом, читали повести Тургенева, а также последнюю книжку толстого журнала. Какую массу сведений о жизни мы почерпнули в этой семье. Из таких-то семей и вышли потом молодые интеллигентные силы, когда наступила пора действовать. Это произошло через несколько лет после освобождения крестьян от крепостной зависимости.

...Во время этого пребывания в Париже я познакомился с И. С. Тургеневым. Он выразил желание нашему общему приятелю П. Л. Лаврову повидаться со мной и, как настоящий русский, захотел отпраздновать мой побег небольшим дружеским обедом. Я переступил порог квартиры великого романиста почти с благоговением. Своими «Записками охотника» Тургенев оказал громадную услугу России, вселив отвращение к крепостному праву (я тогда не знал еще, что Тургенев

> принимал участие в «Колоколе»), а последующими своими повестями он принес молодой интеллигентной России не меньшую пользу. Он вселил высшие идеалы и показал нам, что такое русская женщина, какие сокровища таятся в ее сердце и уме и чем она может быть как вдохновительница мужчины. Он нас научил, как лучшие люди относятся к женщинам и как они любят. На меня и на тысячи моих современников эта сторона писаний Тургенева произвела неизгладимое впечатление, гораздо более сильное, чем лучшие статьи в защиту женских прав. Повесть Тургенева «Накануне» определила с ранних лет мое отношение к женщине, и, если мне выпало редкое счастье найти жену по сердцу и прожить с ней вместе счастливо больше двадцати лет, этим я обязан Тургеневу»

Да, достаточно нам вспомнить, что Тургенев был органической частью знаменитого клуба Писателей –Реалистов — Гюстава Флобера, Эмиля Золя, Жорж Санд, братьев Гонкуров, Мопассана — чтобы согласится с этим утверждением Кропоткина о значимости женских портретов женщин. Ему ли, другу Жорж Санд, не знать какими мужественными могут быть настоящие женщины. Даже Толстой, воевавший с Тургеневым, признавал, что он создал чудесную «вереницу женских портретов». Ренан превосходно сказал о женском мученичестве в «Антихристе», а Честертон посвятил несколько очерков Святым католическим мученицам, как портретам великих женщин. История науки, пусть даже в таком урезанном виде как она есть сегодня (ведь открытия и достижения женщин в науке умалчивают, приписывая их мужчинам!) говорят тем не менее сами за себя.

Однако, как говорили в средние века, вернемся к нашим баранам. Увы, большинство современных женщин не таковы. Большинство современных женщин — те увечные кликуши из романов Достоевского, или же те романтичные любовницы, которых описала Симона де Бовуар во «Втором поле».

И центральными характеристиками «чисто женского поведения» в этом смысле является праздность женщин, занятых только своим Идолопоклонством Мужчинам. Это и есть портрет женщины Нижней Эгозащиты Влюбленности.

С. Бовуар, Второй пол:

> «Многие из недостатков, в которых ее упрекают, такие, как посредственность, ограниченность, незначительность, мелочность, робость, ничтожность, леность, легкомыслие, раболепие, свидетельствуют лишь о том, что женщине ограничили горизонт. При этом говорят, что женщина слишком чувствительна или что она погрязла в имманентности; да прежде всего ее заперли в этой имманентности. Рабыни гарема не испытывают никакой патологической страсти к варенью из розовых лепестков, к ароматизированным ваннам: и то и другое помогает им убивать время; в той мере, в какой женщина задыхается в своем скучном и мрачном гинекее — доме, который она не может покинуть, семейном очаге, — в той же мере она будет увлекаться комфортом, стремиться к благосостоянию, ища в них убежище. женщина преодолевает чувство обойденности, обманутости, искалеченности, фрустрации. Однако подчеркиваю еще раз; женщина придает такую значимость имманентности лишь потому, что это ее единственный удел. У ее легкомыслия и у ее „отвратительного материализма“ одна и та же причина; она придает значение мелочам, тому, что в сущности ничтожно, нестояще, незначительно, оттого, что не допускается к значительному, к решающе важному и серьезному; впрочем, те пустяки, которые заполняют ее дни, нередко следует отнести к самым серьезным вещам; нужно заботиться о своем туалете, внешности, от них зависит привлекательность и, следовательно, ее возможности, ее шансы. Порою она кажется ленивой, нелюбознательной, не интересующейся происходящим вокруг; но ведь то, чем ей предлагают заниматься, равноценно пустому времяпрепровождению; если она склонна к многословию, писанине, то это чаще всего из-за неосознанного желания перехитрить, провести собственную праздность: слова в данном случае подменяют запрещенную ей деятельность. Ведь когда женщине поручают серьезное и ответственное дело, она умеет проявить активность, стать полезной, немногословной, аскетичной, и в не меньшей степени, чем мужчина, — это бесспорный факт. Ее обвиняют в раболепии; утверждают, что она готова гнуть спину перед хозяином, целовать руку, ее побившую»

С. Бовуар, Второй пол:

> «Для большинства взрослых девушек, независимо от того, работают они или нет, живут взаперти в родительском доме или пользуются какой-нибудь свободой, самая важная жизненная задача заключается в том, чтобы найти мужа или хотя бы постоянного любовника. Эта

цель часто бывает губительной для женской дружбы. «Сердечная подруга» лишается своей особой роли. Девушка видит в своих подругах скорее соперниц, чем сообщниц. Я знала одну умную и способную девушку, которая воображала себя «недосягаемой принцессой» и описывала себя так в стихах и литературных набросках. Она откровенно признавалась, что не испытывает никакой привязанности к подругам детства: некрасивые и глупые не нравились ей, а соблазнительные казались опасными, Нетерпеливое ожидание мужчины, часто сопровождаемое уловками, хитростями и унижениями, ограничивает горизонт девушки; она становится эгоистичной и жестокой. И если Прекрасный Принц долго не появляется, в девушке начинают развиваться отвращение к жизни и озлобленность.

.....Любовь предписана женщине как ее высшее призвание. .... Женщина привыкла жить на коленях, обычно она ждет, что спасение придет к ней с небес, где царствуют мужчины. Они тоже скрыты от нее облаками. Их величие открывается ей, когда она проникает по ту сторону завесы их плотского присутствия. Возлюбленный часто отсутствует, он сообщается со своей обожательницей, прибегая к неким знакам, она может познать его сердце только благодаря догматической вере, и чем выше она его ставит, тем непонятнее кажется ей его поведение. Мы уже видели, что при эротомании подобную веру не может поколебать никакое опровержение. Женщине не нужны ни свидания, ни прикосновения для того, чтобы чувствовать рядом с собой присутствие божества. Идет ли речь о враче, священнике или Боге, она связывает с ними одни и те же бесспорные истины и рабски подставляет свою душу волнам любви, нисходящим свыше. ....Байрон совершенно верно заметил, что в жизни мужчины любовь представляет собой лишь одно из занятий, тогда как для женщины она и есть жизнь. Ту же мысль выразил Ницше в «Веселой науке»; Одно и то же слово «любовь» в действительности значит различные вещи для мужчины и женщины. Совершенно ясно, как понимает любовь женщина: это не просто преданность, это полная самоотдача, душой и телом, без всяких ограничений и в любых обстоятельствах. Именно это отсутствие каких бы то ни было условий превращает любовь женщины в веру, естественную, которую она способна исповедовать. Когда мужчина любит женщину, он *ждет*[1] от нее такой же любви.....Безраздельно отдаваясь божеству, женщина надеется, что благодаря ему она обретет самое себя и воплощенный в нем мир. В большинстве случаев она ждет, что любовник наполнит смыслом ее существование, возвеличит ее «я». Многие женщины способны полюбить только в случае если они сами любимы. И наоборот, для того, чтобы влюбиться, им порой достаточно проявления любви. Де-

> вушка смотрит на себя глазами мужчины. В грезах женщина полагает, что она обрела себя благодаря устремленному на нее мужскому взгляду»

Мы видим, что такое положение вещей возникает в связи с тем, что Женщины воспринимают мужчин через поле Эгосистемы, как «загрузки СуперЭго», как «магические силы» давления внешнего мира. Мы помним что точно также аборигены воспринимали природу и потому поклонялись Идолам Тотемов. Женщины поклоняются мужчинам, которых они видят как Магические Авторитеты загрузок суперЭго. Поэтому Бовуар права, когда говорит, что и мужчины и женщины на поле Эгосистемы воспринимают друг друга как «Другого», а не как товарища: ведь на поле Эгосистемы СуперЭго Противостоит Эго и внушает сильный страх: известный антропологам «страх сверхъестественных сил» у дикарей.

С. Бовуар, Второй пол:

> «Ошибка в смешении двух форм восприятия Других, которые взаимно исключают друг друга. В той мере в которой женщина — абсолютно Другие, мужчины не могут воспринимать ее как такой же Субъект как они сами. Для мужчин всегда другой мужчина товарищ и подобное ему существо, «другой», который в тоже время такой же субъект как он сам, с которым устанавливаются реципрокные отношения. Женщина никогда не воспринималась как подобное существо мужчинами; ее царство Богини было за пределами человеческой реальности, и потому она вне этой реальности.
> ….Но, в конце концов, ясный взгляд на мир — не ее дело; ее приучили во всем полагаться на мужской авторитет, и она отказывается критиковать что бы то ни было, изучать что-то и судить о чем-либо самостоятельно. Она во всем полагается на авторитет высшей касты. И в итоге мир мужчин предстает перед женщиной как трансцендентная реальность, как некий абсолют. «Мужчины созданы быть богами, — говорит Фрэзер, — женщины им поклоняются». Мужчины не могут с полным самоотречением поклоняться идолам, созданным ими самими; а вот женщины, встретив на своем пути эти величественные статуи, и не думают о том, что их сотворила чьято рука, они покорно падают ниц, охотно преклоняются перед ними»

В рассказе Чехова «Анна на шее» очень тонко выражена психологическая правда отношения молоденькой жены к мужу Сатану Верхней Эгозащиты Самолюбия. Сначала он внушает ей ужас «страха сверхъестественных сил», но позже, когда ее любовники оказываются значительно выше него, и он сам начинает заискивать перед своей женой, она сама начинает чувствовать себя «магическим авторитетом», который презирает раба. Их роли меняются: он переходит на притяжение Влюбленности, а она переходит на притяжение Самолюбия по отношению к мужу. Нормальная ситуация физического контроля циклического гомеостаза. Причем психологическая правда рассказа проведена во всех его деталях: особенно где он подчеркивает праздность и глупость «развлечений света» и их центрированность на «Романтике половых отношений», противопоставленных нищете учителя, который не может дать образования своим детям, потому что праздность Сатанов во власти проедает все, что зарабатывает народ тяжелым трудом.

А. Чехов, Анна на шее:

> «Брать тайно или просить она не могла, она боялась мужа, трепетала его. Ей казалось, что страх к этому человеку она носит в своей душе уже давно. Когда-то в детстве самой внушительной и страшной силой, надвигающейся как туча или локомотив, готовый задавить, ей всегда представлялся директор гимназии; другой такою же силой, о которой в семье всегда говорили и которую почему-то боялись, был его сиятельство; и был еще десяток сил помельче, и между ними учителя гимназии с бритыми усами, строгие, неумолимые, и теперь вот, наконец, Модест Алексеич, человек с правилами, который даже лицом походил на директора. И в воображении Ани все эти силы сливались в одно и в виде одного страшного громадного белого медведя надвигались на слабых и виноватых, таких, как ее отец, и она боялась сказать что-нибудь против, и натянуто улыбалась, и выражала притворное удовольствие, когда ее грубо ласкали и оскверняли объятиями, наводившими на нее ужас.
>
> .....И перед ней также стоял он теперь с тем же заискивающим, сладким, холопски-почтительным выражением, какое она привыкла видеть у него в присутствии сильных и знатных; и с восторгом, с негодованием, с презрением, уже уверенная, что ей за это ничего

> не будет, она сказала, отчетливо выговаривая каждое слово: — Подите прочь, болван!»

2. НИЩЕТА И ПРАЗДНОСТЬ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

История знает противопоставление Запада и Востока, так сильно различавшихся во всем.

В самых общих чертах эти отличия (хотя вариации по странам и эпохам большие) обозначаются примерно следующим образом:

Запад — это наука, это попытка линейного движения в развитии знания, Революции в поисках свободы и братства, это рост капитала и значительные успехи в этом направлении через Научно-Техническую Революцию.

Восток — это суеверия магического сознания, застой традиций и циклическое движение между сменами деспотических элит, часто нищета в сравнении с успехами Запада, это деспотии Левиафанов.

Запад также сделал претензию, как мы знаем на свободу женщин, на моногамные браки, и на свободу в отношениях полов. В то же время Восток остается в общем консервативным в подчинении женщин, в полигамных браках, в строгой регламентации полового поведения.

Понятно, что основные тенденции этих различий (при всех неточностях такого крупного обобщения) сводятся к тому простому факту, что на Западе преобладает поле Интеллекта Энергии Духа, а на Востоке преобладает поле Эгосистемы материальной энергии. (Понятно также, что это никак не связано с расовыми особенностями, и что знание законов психической энергии может легко уравнять шансы всех частей света на здоровое общество поля Интеллекта).

Анализировать отношения востока и запада не входит в цели настоящего исследования, я упомянула об этих проходящих красной чертой через всю историю человечества качественных различиях между востоком и западом только для

того, чтобы подчеркнуть суть идеи, которую я пытаюсь выразить:

Не существует экономических законов, не существует науки экономика. Существует только наука о психической энергии человечества, и законы этой энергии. И богатства народов определяются законами психической энергии.

В данном случае, мы говорим о нищете, невежестве и праздности поля Эгосистемы; и о работоспособности, компетентности и богатстве поля Энергии Духа человечества.

Честертон говорит в Ортодоксии в этой связи, что только Европа обладает способностью к самообновлению, и подчеркивает перевес западной цивилизации. Однако, книги его посвящены кризису западной цивилизации, и прежде всего Шизоидности Дарвиновской парадигмы как лже-науки, разрушившей научный контроль человечества. И он и Камю называют эту шизоидность западной науки — Самоубийством Мысли.

Вот почему запад в конечном итоге скатывается к тем же характеристикам, которые запад привык так презирать на востоке. Действительно, теперь поле Эгосистемы берет вверх и на Западе. Ведь Библия Дарвина и Церковь Сатаны Ла Вея — это идолопоклонство, воскресшее вместе с культом материальной энергии в Социальном Дарвинизме.

Шизоидность незрелого интеллекта — это та специфика в которой врожденный грех» поля Эгосистемы проявился на западе еще со времен погибшей под его тяжестью античности. Сломанный циклический гомеостаз физического контроля и сломанный научный контроль в постановки формальной логики на службу полю Эгосистемы — все это объясняет отличия античной истории от истории деспотического востока того же периода.

Тем не менее, Запад стал колыбелью Интеллекта всего мира, и именно на Западе научный контроль поля Интеллекта впервые открыл глаза и сознательно оглядел в своем философском и научном дискурсе весь мир. Так Раздвоенность психики между полем Интеллекта и полем Эгосистемы обостряется на западе,

где Энергия Духа ведет борьбу с Гибрис Эго шизоидного интеллекта.

Вот почему следы этой борьбы мы можем найти в интеллектуальных памятниках всех сфер жизни запада: в ее философии, в ее науке, в ее экономике, в ее литературе, в ее религии, в ее истории, в ее правоведении.

Очень выпукло это противоборство между полем Эгосистемы и Энергией Духа человечества выступает в экономической истории Запада, как я пыталась проиллюстрировать на примерах исследований А. Шлезингера, Д. Порраса и Д. Коллинза, Макса Вебера.

Сравнительное исследование Самых Успешных Компаний мира, существующими около и больше века, с «серебряными медалистами» отрасли (которые существовали недолго) привели ученых Стенфордского университета к тем же выводам относительно отличительных характеристик компаний и их лидеров, что и Абрахама Маслоу в его исследовании самоактуалов (самых здоровых людей). Я постаралась показать в книгах об Открытии ПЭ, что и Стенфордские ученые (Поррас и Коллинз) и А. Маслоу в качестве самых успешных компаний и самых здоровых людей показывают просто поле Интеллекта Энергии Духа, свободное от поля Эгосистемы материальной энергии. Вот почему в той же экономической ситуации Контрольная энергия Научного мышления человечества добивается блестящих устойчивых успехов (стабильное равновесие и линейное движение энергии духа), тогда как поле Эгосистемы материальной энергии — это только циклы физического контроля, только короткий успех и крушение, без следов в истории человечества. В то же время, Поррас и Коллинз пишут, что их визинарные (успешные) компании оставили неизгладимый след на мировой культуре.

Те же самые результаты показывают и исследования А. Шлезингера в «Циклах американской истории», и Макса Вебера в «Протестантской этике и капитализме».

Шлезингер проводит четкую корреляцию между подъемом экономики в правление честных, конструктивных, совестливых

демократов, и крушением экономики, обеднением еще большим бедных слоев в правление нечестных, коррумпированных, эгоцентрированных консерваторов, видящих смысл жизни в отношениях Господства и Рабства. Макс Вебер указывает, что такую же корреляцию между успехом в накоплении капитала честных и работящих Протестантов, и противопоставляет их «романтикам финансов и поэтам цифр», которые, подобно «сравниваемым компаниям» Порраса и Коллинза, преследуют цели «Роста ради роста» — то есть абстрактной силы, власти, тщеславия поля Эгосистемы. Об этом же пишет Э. Фромм в книге «Здоровое общество».

Во всех нижеприведенных цитатах подчеркивается тот факт, что современная денежная экономика как «наука сама себе» (часть дарвиновской парадигмы), по сути является активностью абсурдной, чужой, мертвой энергии поля Эгосистемы, паразитирующей на Энергии Духа живого и разумного человечества. И потому мы обязаны своей нищетой не экономическим механизмам, а дарвиновской парадигме, которая признает экономику самостоятельной наукой с законами независимыми от законов человеческой психики.

Я приводила эту цитату Бертрана Рассела на английском языке в Пяти томах Открытия на английском, здесь даю в моем переводе на русский язык.

Bertrand Russell in a newspaper-column in 1932

> «В течении последних лет огромное количество денег и мозгов было задействовано для навязывания людям ненужных им товаров, то есть для побуждения беззащитных людей тратить деньги на покупку вещей, которых им не хочется приобретать. Это специфика нашего времени, что подобные вещи считаются достойными похвалы: читаются лекции, обучающие людей искусству продавать, и те кто наиболее преуспел в навязывание своих товаров другим высоко вознаграждается.
>
> Все эти несуразности происходят из того факта, что экономические отношения рассматриваются с точки зрения производителя, а не потребителя. В прежние времена люди пекли хлеб, чтобы его кушать; теперь считается, что хлеб едят, чтобы его производить. Когда мы тратим деньги на покупки нас рассматривают не как потре-

бителей, получающих удовольствие от приобретенных предметов, а как объекты обогащения для тех, кто произвел эти предметы. Поскольку величайшим искусством считается искусство ведения бизнеса, и поскольку это искусство видится в том, чтобы заставлять людей покупать то, без чего бы они прекрасно обошлись, наибольшее уважение вызывают люди, которые причинили наибольшую боль покупателям, преодолев наибольшее сопротивление. Все это происходит из примитивной ошибки мышления, именно неспособности понять, что то, что человек тратит в одном направлении, он не сможет потратить в другом, так что третирование покупателей не поможет увеличить их суммарные расходы.
И так все что мы делаем, мы делаем для отчужденных от нас целей. Мы делаем деньги не для того, чтобы наслаждаться тем, что на них можно приобрести, а чтобы наши затраты позволили другим сделать на нас деньги, которые они потратят, чтобы другие сделали новые деньги которые… Но в конечном итоге это просто сумасшедший дом»

Эрих Фромм, Иметь или быть:

«В несколько этапов капитализм XVIII века претерпел радикальное изменение: экономическое поведение отделилось от этики и человеческих ценностей. В самом деле, считалось, что экономическая машина представляет собой автономный организм, независимый от потребностей и воли человека. Предполагалось, что это некая система, которая функционирует сама по себе, в соответствии со своими собственными законами. Страдания рабочих и разорение все большего числа мелких предприятий в интересах роста все более крупных корпораций представлялись экономической необходимостью, о которой можно было сожалеть, но с которой приходилось мириться, как если бы она была неизбежным следствием какого-то закона природы. Развитие этой экономической системы определялось теперь не вопросом: Что есть благо для человека?, а вопросом: Что есть благо для развития системы? Общества, в которых не было эгоизма, себялюбия и алчности, считались «примитивными», а члены этих обществ — «по-детски наивными»

Джон Перкинс, Исповедь экономического убийцы:

«Настоящая правда современной империи — это правда о корпоратократии, которая эксплуатирует отчаявшихся людей и производит самый жестокий, эгоистичный и в конечном итоге саморазрушительный захват земель, — не имеет отношения к тому, что появилось

> в тот день в газетах, но зато напрямую касается нас. И это, конечно, объясняет, почему нам так трудно выслушать эту историю. Мы скорее предпочитаем верить мифу о том, что тысячелетняя социальная эволюция наконец создала идеальную экономическую систему, чем признать, что мы поверили ложной концепции и воспринимаем ее как Евангелие. Мы убедили себя, что экономический рост приносит пользу человечеству и что чем больше этот рост, тем лучше для человечества. И наконец, мы убедили друг друга, что последствия этой концепции морально справедливы: те, кто высекают благословенную искру экономического роста, должны быть возвышены и вознаграждены; стоящие же в стороне подлежат эксплуатации. И сама концепция, и ее следствие используются для оправдания всех видов пиратства: она санкционирует насилие, мародерство и убийство ни в чем не повинных людей в Иране, Панаме, Колумбии, Ираке. ЭУ, шакалы и армии процветают до тех пор, пока их действиями объясняют экономический рост — а рост этот демонстрируют почти всегда. С помощью „научного“ манипулирования методами прогнозирования, эконометрики и статистики, если вы, например, разбомбили город и затем заново отстроили его, можно продемонстрировать огромный скачок в экономическом росте. Истина состоит в том, что мы живем ложью. Подобно моему резюме в МЕЙН, мы создали внешний слой, который прикрывает смертоносную раковую опухоль. Эта опухоль обнаруживается только с помощью рентгеновских лучей все той же статистики, которая раскрывает ужасающий факт. Наиболее могущественная и богатая империя в истории имеет страшно высокие показатели случаев самоубийств, наркомании, разводов, растления малолетних, актов насилия, убийств. Как злокачественная опухоль, эти несчастья ежегодно проникают своими щупальцами все дальше. Каждый из нас в душе чувствует боль»

Абрахам Маслоу, Мотивация и Личность:

> «Экономисты — не только на Западе, но и на Востоке — в основе своей материалистичны. В отношении экономической „науки“ мы вынуждены решительно констатировать, что она в целом является умелым, буквальным, техническим применением полностью ложной теории человеческих потребностей и ценностей, теории, признающей лишь существование потребностей более низкого порядка, материальных потребностей (Schumacher, 1967; Weisskopf, 1963; Wooton, 1967)»

Max Weber, «Protestant ethic and capitalism»:

> «That is in fact the only possible motivation, but it at the same time expresses what is, seen from the view-point of personal happiness, so irrational about this sort of life, where a man exists for the sake of his business, instead of the reverse. Of course, the desire for the power and recognition which the mere fact of wealth brings plays its part. When the imagination of a whole people has once been turned toward purely quantitative bigness, as in the United States, this romanticism of numbers exercises an irresistible appeal to the poets among business men. Otherwise it is in general not the real leaders, and especially not the permanently successful entrepreneurs, who are taken in by it. In particular, the resort to entailed estates and the nobility, with sons whose conduct at the university and in the officers' corps tries to cover up their social origin, as has been the typical history of German capitalistic parvenu families, is a product of later decadence. The ideal type of the capitalistic entrepreneur, as it has been represented even in Germany by occasional outstanding examples, has no relation to such more or less refined climbers. He avoids ostentation and unnecessary expenditure, as well as conscious enjoyment of his power, and is embarrassed by the outward signs of the social recognition which he receives. His manner of life is, in other words, often, and we shall have to investigate the historical significance of just this important fact, distinguished by a certain ascetic tendency, as appears clearly enough in the sermon of Franklin which we have quoted. It is, namely, by no means exceptional, but rather the rule, for him to have as sort of modesty which is essentially more honest than the reserve which Franklin so shrewdly recommends. He gets nothing out of his wealth for himself, except the irrational sense of having done his job well».

3. РАЗВРАТ, НИЩЕТА И ПРАЗДНОСТЬ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ САТАНОВ

Таким образом, мы должны четко разделять настоящий труд Энергии Духа человечества и Псевдо-активность поля Эгосистемы, которая есть праздность и абсурд.

Когда европейцы открыли для себя мир магического сознания племен аборигенов, они были шокированы их «трудом», который состоял в магических ритуалах служению Тотемам. Конечно как у всех людей в основе их психики Энергия Духа и таким об-

разом зачатки настоящего конструктивного труда, но основа их деятельности — абсурдность и праздность

Увы, современные люди часто недалеки ушли от своих диких праотцов, ибо поле Эгосистемы по прежнему не только живо, но правит всем миром в лице Сатанов Верхней Эгозащиты.

Тем не менее, на сегодняшний день Успехи Контрольной Энергии Человечества в освоении научного контроля природных энергий огромны. И именно этот фактор создает видимость «богатства» цивилизации. В то же время, Сатаны материальной энергии у власти умудряются «распылять в никуда», как говорит Оруэлл, эти огромные запасы богатств научного контроля человечества. До сих повсюду на планете ведутся бессмысленные безумные войны. Однако, помимо этих войн Романтика Финансов денежных отношений сделала возможным Финансовые войны в рамках законов. И вот мы видим, что «Государи-Бизнесмены» Стенли Бинга (Как бы поступил Макиавелли) ведут финансовые войны друг с другом, превращая национальные экономики в поле битвы за свои короны власти.

Таким образом, экономика как система конструктивного, производительного труда перестает существовать. И на ее место становится обычный варварский грабеж друг друга, где экономические механизмы используются как средства ведения гражданских грабительских войн. Самые бедные вынуждены работать и производить какую-то стоимость. Самые богатые просто дерутся между собой за грабеж друг у друга этой произведенной народом стоимости, ничего не производят, просто играют в Романтику Финансовых Войн, подобно Государям времен Макиавелли. Это — Чезаре Борджа нашего времени во всех смыслах: и в праздности, и в грабительских войнах, и в разврате, как это всегда бывает.

Что такое труд производительный здоровых людей Энергии Духа? Понятно, что это применение Уникальной Способности Контрольной Энергии человека получать доступ к силе природных энергий, и тем самым обогащать человечество, и прежде всего Прогрессом в мощи Техники.

Однако, это не только такой высокий уровень применения научного контроля, а также вся самая маленькая производительная, конструктивная работа, которую ведет здоровый человек. Даже аборигены, как говорит Леви-Брюль, во всех обществах обнаруживают какие-нибудь удивительные способности в обработке своих орудий труда или в приготовлении пирогов. Честертон в этой связи пишет о великом значении производительного труда матерей семейств, которые несут на себе домашнее хозяйство. И он также подчеркивает, что Человек как Подобие Бога, способен творить и потому должен творить. И это правда — ведь только Мышление как активный Интеллект дало нам возможность парить в Пространстве-времени Интеллекта, откуда мы можем видеть законы энергий природы, и таким образом осуществлять свое творчество с ведома Господа: вмешиваться в течение этих энергий, чьи законы установлены Творцом, получать доступ к их силе. Мы не можем менять законов, не можем сами их устанавливать — мы гости в пространстве-времени Интеллекта. Но мы можем получать доступ к силе этих энергий, зная их законы!

В этом мы подобны Богу — мы гости в его Доме Интеллекта. И Честертон пишет, что если Бог может сделать что то из ничего, то человек должен делать что то из материи, данной ему Господом для творчества. И что для простых людей — это в первую очередь постройка своего дома и своего сада, и что Частная Собственность — это когда дом и сад, пусть самый небольшой, есть у всех твоих друзей, и когда стены твоего дома и сада упираются в стены твоего друга и соседа Смита. Но когда, пишет Честертон, Рокфеллеры и Ротшильды скупают всю стоимость, как делает весь большой капитал Государей Макиавелли, — это уже не частная собственность, а уничтожение частной собственности.

Вот в этом разница между Продуктивным трудом Энергии Духа и Паразитической деятельностью Сатанов поля Эгосистемы. Первые творят посредством Контрольной энергии данной им Творцом именно для этого. А вторые — только грабят друг

друга и тех кто творит в погоне за Короной Власти. Они — бесплодны, как говорит Фромм о невротиках поля Эгосистемы материальной энергии, они ничего не производят. Это — варвары доисторических времен, которые научились использовать механизмы современной финансовой системы для своих доисторических варварских грабительских войн.

Chesterton, «What is wrong with the world»:

> «Now if we take this house or home as a test, we may very generally lay the simple spiritual foundations of the idea. God is that which can make something out of nothing. Man (it may truly be said) is that which can make something out of anything. In other words, while the joy of God be unlimited creation, the special joy of man is limited creation, the combination of creation with limits. Man's pleasure, therefore, is to possess conditions, but also to be partly possessed by them; to be half-controlled by the flute he plays or by the field he digs. The excitement is to get the utmost out of given conditions; the conditions will stretch, but not indefinitely. For the mass of men the idea of artistic creation can only be expressed by an idea unpopular in present discussions — the idea of property. The average man cannot cut clay into the shape of a man; but he can cut earth into the shape of a garden; and though he arranges it with red geraniums and blue potatoes in alternate straight lines, he is still an artist; because he has chosen. The average man cannot paint the sunset whose colors be admires; but he can paint his own house with what color he chooses, and though he paints it pea green with pink spots, he is still an artist; because that is his choice. Property is merely the art of the democracy. It means that every man should have something that he can shape in his own image, as he is shaped in the image of heaven. But because he is not God, but only a graven image of God, his self-expression must deal with limits; properly with limits that are strict and even small.
>
> …I am well aware that the word «property» has been defied in our time by the corruption of the great capitalists. One would think, to hear people talk, that the Rothchilds and the Rockefellers were on the side of property. But obviously they are the enemies of property; because they are enemies of their own limitations. They do not want their own land; but other people's. When they remove their neighbor's landmark, they also remove their own. A man with the true poetry of possession wishes to see the wall where his garden meets Smith's garden; the hedge where his farm touches Brown's. He cannot see the shape of his own land unless he sees the edges of his neighbor's. It is the negation

of property that the Duke of Sutherland should have all the farms in one estate; just as it would be the negation of marriage if he had all our wives in one harem».

Стенли Бинг, Как бы поступил Макиавелли:

«Он купил бы собственного соседа

Работать над заключением сделки приятнее, чем достигать оргазма.

Д. К. Людвиг, миллиардер, основатель «National Container Corp.»

Давай! Наезд!

Ральф Крамден

Я проработал пятнадцать лет, прежде чем понял, что, собственно говоря, представляет собой бизнес. Или, лучше сказать, что он собой не представляет.

Задача бизнеса не в том, чтобы предлагать товары или услуги.

Не в том, чтобы давать работу людям.

Не в том, чтобы правильно руководить предприятием, изменять жизнь к лучшему, заботиться о сотрудниках, устраивать деловые обеды, ужины или хранить верность дяде Бобу.

Не в том, чтобы добиваться превосходного качества товаров.

Не в том, чтобы иметь возможность играть по выходным в гольф.

А в том и только в том, чтобы становиться все больше и больше.

Для крупных Макиавелли, которые мыслят в категориях макроэкономики, это означает поедание других существ и расширение своего денежного пространства.

Вы могли бы делать все по правилам, и ваш бизнес — какой бы он ни был — давал рост не более 4 процентов в год. И для вас этого было бы вполне достаточно, поскольку вы человек маленький, правда ведь? Но только не для Уолл-стрит. Уоллстрит хочет, чтобы ваш рост составлял 15 процентов в год! Кто в состоянии расти на 15 процентов в год, просто повышая качество продукции и делая тому подобные вещи? Да никто.

Нет. Рост, который позволяет Уолл-стрит процветать, вынуждает вас купить с потрохами своего конкурента и таким образом вывести его из игры. Властелин, который хочет заставить свои акции расти, как грибы, обязан *покупать доходы*. Это значит покупать целые компании; их выручка может быть попросту прибавлена к вашей, что *дает иллюзию огромного роста прибыли,* квартал за кварталом, год за годом.

Данная идея лежит в основе нынешнего впечатляющего процесса консолидации, охватившего нефтегазовую сферу, телекоммуникации, печатное дело, новые и старые средства массовой информации

> и др. «Come together!» («Объединяйтесь!») — пел Джон Леннон. А мы так и делаем, Джонни! Мы так и делаем!
> Не далек тот день, дамы и господа, когда будет всего восемь или девять невообразимо огромных корпораций, больших и влиятельных, чем любое правительство, когда-либо существовавшее на этой планете. Больше, чем Рим! Больше, чем Византия! Это... [место для названия вашей компании]!»

Две вещи делают Сатанов поля Эгосистемы нищими: это Подвал материальной энергии, которая работает на «минусе» страха, на «минусе» дефицита и боли (вот почему отменили рабство!), и с другой стороны — это бессмысленные траты, просто выбрасывание на ветер, на роскошь, на войны друг с другом огромных масс богатства. Потому что Сатаны, даже самые богатые из них, даже самые настоящие императоры Рима, в конечном итоге всегда — нищие банкроты или трупы, как Калигула, Нерон, Коммод, Каракалла, Гелиогабал и другие. Ведь они ничего не производили, ведь они не издали ни одного полезного закона на благо своего народа, они даже не сидели просто тихо, чтобы не мешать своему народу: нет, они вредили всеми возможными средствами, день и ночь грабили своих подданных, казнили невинных и оболганных, только чтобы присвоить их богатства, а потом тратили на неслыханную роскошь и отвратительный разврат. И в итоге они всегда были бедными, и вновь и вновь обращались к народу, чтобы грабить и убивать. Замечательно рассказал о нищете безумных императоров Рима Плиний Младший в Панегирике Траяну. Он говорит там Траяну: ты не только не грабил свой народ, но всеми возможными силами стремился способствовать его обогащению и сам вкладывал в строительство из того что принадлежит императору, чтобы помочь государству. И ты не разорился, а твое благосостояние росло вместе с нашим, тогда как те, кто подобно Нерону Домициану и другим безумным императорам губил сотни и тысячи людей чтобы их ограбить, в конечном итоге всегда оставались нищими банкротами. Почему это так? Восклицает благородный муж. Цитируя я по памяти, но суть передаю верно.

Это так, потому что материальная энергия поля Эгосистемы — это нищая энергия минусовой мотивации страха и боли, не способная к труду ни по своим физическим данным, ни тем более по умственному потенциалу, который необходим для научного контроля. Все на что способны Сатаны поля Эгосистемы — это заставлять работать слабых жестокостью (а какой прок от работы под палкой), и транжирить на разврат и роскошь награбленное у тех, кто работает. Вот почему в конечном итоге все громадные богатства Запады уже трижды со времен Наполеона были растрачены на бессмысленные мировые войны. И мы вплотную подошли на Украине к Третьей и последней мировой воне, которая должна была бы доказать, что Сатаны поля Эгосистемы — в конечном итоге всегда нищие банкроты!

Праздность, роскошь, пока есть кого грабить, и Разврат, как цель всей деятельности Сатанов — всегда идут вместе, рука об руку.

Так Стенли Бинг дальше пишет о пирушке больших тузов с шестнадцатилетними девочками в самолете, где уже ясно видны очертания острова Эпштейна в скором будущем.

Праздность и Роскошь — это оборотная сторона Праздности и Нищеты в наш век извращения, когда все богатства техники контрольной энергии человечества сконцентрировались в руках у Сатанов, которые взяли власть после победы Дарвиновской парадигмы. Это в точности то положение вещей, которое предсказал Оруэлл в 1984: Победа Сатанов в результате разрушенной мысли и науки, и разбазаривание народных богатств с целью сохранить навеки нищету народа и их подчинение безумным, сумасшедшим властям.

Праздные Сатаны, которые не знают серьезности компетентного труда, а способны только к коварству и грабежу, единственной реальной целью жизни, всегда подобно женщинам, которых они так презирают, видят именно Романтику Половых Отношений. Для женщин Нижней Эгозащиты Влюбленности романтика половых отношений — это идолопоклонство Сатанам, «влюбленность в черта», как говорит Гоголь. А это значит, согласие на про-

ституцию, на гаремы, и на всяческую эксплуатацию Сатанами. Для Садомазохизма Сатанов романтика половых отношений — это идолопоклонство самим себе, а потому это флирт с публичными домами, с гаремами развращенных идолопоклонством им женщинами, самый буйный разврат, который они только могут вообразить.

Стенли Бинг, Как бы поступил Макиавелли:

> «Хотя я слышал об одной заслуживающей внимания прогулке на самолете из Лос– Анджелеса в Нью-Йорк. Несколько важных менеджеров очень крупных компаний. Парочка девчонок. Море кокаина. Все тузы собрались в передней части самолета. Кому-то пришло в голову навестить хвостовой отсек лайнера, где остался «главный». Мужик идет, потом возвращается, лицо у него пепельного цвета. «Пошли скорей со мной», — говорит он своим друзьям, некоторые из которых работают под началом старшего должностного лица, о котором идет речь. Все они направляются в хвост самолета и там, в алькове, видят такую картину: босс вдрызг пьяный, совершенно голый, голова его покоится в ногах шестнадцатилетней девицы, с которой он провел последние пару часов. Он как будто мертв. Они стягивают его с девчонки, пытаются освежить. Он жив. Он просто отключился от избытка кайфа. До конца своих дней теперь эти баловни судьбы вынуждены жить с мысленным образом своего господина и благодетеля, неуклюже склонившегося перед девчонкой-подростком, и это на высоте 35 тысяч футов.
> О чем это мы говорили? Ах да. Смерть людей служит на благо Государства. Но нам не доставляет удовольствия эта мысль».

В. Джуффре, «Ничья девушка»:

> «Today I know that Epstein liked to tell friends that women were merely „a life-support system for a vagina.“ I didn't know that then. Today I know that Epstein made the following chilling distinction: „I'm not a sexual predator; I'm an „offender.“ It's the difference between a murderer and person who steals a bagel.“ I didn't know that then either. Today I see how little he cared about the girls and women he abused. But for a long time, I couldn't see it. Or maybe I didn't want to see it. My experience being brutalized by the Prime Minister — and the way Epstein glossed over it — changed that for me. Before the Prime Minister's attack, Epstein had me fooled. I thought that Epstein's predilection for childlike girls was a sickness, but that in his twisted

> way he meant well. After the attack, I couldn't stay a fool. Having been treated so brutally and then seeing Epstein's callous reaction to how terrorized I felt, I had to accept that Epstein meted out praise merely as a manipulation to keep me subservient. Epstein cared only about Epstein. At that point, I hit bottom. I now knew I wouldn't survive. I saw only two possible options: either someone Epstein trafficked me to would kill me or I would take my own life».

Режим Путина — другой пример абсолютной праздности поля Эгосистемы Сатанов, которые сделали своей задачей искоренение всякой мысли и совести в стране для приведения ее к рабству Нижней Эгозащиты Влюбленности на магическом сознании варваров. И как всегда в таких случаях — в центре разврат «медовых ловушек» как Илья Яшин, угодивший в одну из них называет проститутскую армию Путина. Почитайте статьи Ильи Яшина на эту тему в интернете. Проститутская армия режима Путина нашумела в свое время в связи с проституткой, соблазнившей по заказу этого режима видных представителей «оппозиции»: И. Яшина, Э. Лимонова, В. Шендеровича и др. Яшин отмечает в своих статьях, что свою службу проститутская армия режима Путина начинала с совращения прокурора Скуратова, об этом же пишет и убитый в Москве Пол Хлебников.

Пол Хлебников, Крестный отец Кремля или история разграбления России:

> «Так или иначе, вследствие этого скандала Ковалев был уволен, а в июле 1998 года на пост главы ФСБ назначили Владимира Путина. Для сотрудников ФСБ это назначение было полной неожиданностью. Путин дослужился лишь до подполковника, оставил работу в органах десять лет назад — и вот теперь ему доверили руководить всей структурой! Он быстро укрепил свои позиции, уволив человек тридцать генералов из руководства ФСБ и начальников подразделений, и заменил их верными людьми. Вскоре он доказал свою политическую преданность шефу, президенту Ельцину, разрушив политическую карьеру генпрокурора Юрия Скуратова.
> «Прокурор Скуратов, который вел дела о коррупции и постоянно заявлял о намерении искоренить коррупцию в России, неожиданно споткнулся, обнаружив ниточку, ведшую в Кремль, — замечает бывший генерал КГБ Олег Калугин. — Вместо того чтобы отдать распоряжение о прекращении расследования, он позволил его продолжать.

В результате всплыли имена членов семьи Ельцина, самого Ельцина, имена его финансовых спонсоров и гарантов — все оказалось зафиксировано на бумаге. Скуратову было велено прекратить расследование, но он уже ускользнул из-под контроля (Кремля)».

Деятельность самого Скуратова взялся расследовать Путин. В начале февраля 1999 года, когда Генпрокуратура объявила о ведении уголовных дел против Березовского и других приятелей Ельцина, российское государственное телевидение показало видеозапись обнаженного мужчины, похожего на Скуратова. Он резвился в постели с двумя проститутками. Кремль сразу же объявил об отставке Скуратова. Но генеральный прокурор нашел поддержку в Совете Федерации, который имел право ратифицировать увольнение и назначение генерального прокурора и отказался утвердить его отставку. Весь следующий год как Ельцина неоднократно пытался уволить Скуратова и изгнать с занимаемой должности, но сталкивался с постоянным сопротивлением Совета Федерации.

«И все же Ельцин был убежден, что Путин — человек совершенно надежный, преданный интересам семьи (клана Ельцина), — замечает Калугин. — Путин — это человек „яволь“: если президент велел, Путин сделает. Это качество сделало его незаменимым для президента Ельцина».

В августе 1999 года Путина назначили премьер-министром. Березовский и остальные представители ельцинского клана полагали, что они нашли человека, который не только не был запачкан скандалами ельцинского режима, но и послужил бы гарантом того, что после смены власти никаких репрессий против них не последует. Ельцин публично назначил Путина своим наследником на президентский пост»

А, Солженицын, «Архипелаг»:

«Этот полковник — слитное воплощение инстинкта власти и ин стинкта наживы. В начале 1945 года, в самое дорогое «трофейное» время, он напросился в ту часть Органов, которые (во главе с самим Абакумовым) контролировали этот грабёж, то есть старались поболь ше оттяпать не государству, а себе (и очень преуспели). Наш герой отметал целыми вагонами, построил несколько дач (одну в Клину). После войны у него был такой размах, что, прибыв на новосибир ский вокзал, он велел выгнать всех сидевших в ресторане, а для се бя и своих собутыльников — согнать девок и баб, и голыми заставил их танцевать на столах. Но и это б ему обошлось, да нарушен был у него другой важный закон, как и у Кружкова: он пошёл против сво их. Тот обманывал Органы, а этот, пожалуй, ещё хуже: заключал пари

на соблазнение жён не чьих–нибудь, а своих товарищей по опер чекистской работе. И не простили! — посажен был в полит–изолятор со статьёй 58–й! Сидел злой на то, как смели его посадить, и не со мневался, что ещё передумают. (Может, и передумали.) Эта судьба роковая — сесть самим, не так уж редка для голубых кантов, настоя щей страховки от неё нет, но почему–то они плохо ощущают уроки прошлого. Опять–таки, наверно, из–за отсутствия верхнего разума, а нижний ум говорит: редко когда, редко кого, меня минует, да и свои не оставят

….Тюремный врач — лучший помощник следователя и палача. Изби ваемый очнётся на полу и слышит голос врача: «Можно ещё, пульс в норме». После пяти суток холодного карцера врач смотрит на окоченелое голое тело и говорит: «Можно ещё». Забили до смерти — он подписывает протокол: смерть от цирроза печени, инфаркта. Срочно зовут к умирающему в камеру — он не спешит. А кто ведёт себя ина че — того при нашей тюрьме не держат. Доктор Ф. П. Гааз у нас бы не приработался

…Но увы: всякий бывший арестант подробно вспомнит о своём следствии, как давили на него и какую мразь выдавили, — а следо вателя часто он и фамилии не помнит, не то чтобы задуматься об этом человеке о самом. Так и я о любом сокамернике могу вспомнить интересней и больше, чем о капитане госбезопасности Езепове, против которого я немало высидел в кабинете вдвоём. Одно остаётся у нас общее и верное воспоминание: гниловища — пространства, сплошь поражённого гнилью. Уже десятилетия спустя, безо всяких приступов злости или обиды, мы отстоявшимся сердцем сохраняем это уверенное впечатление: низкие, злорадные, злочести вые и — может быть, запутавшиеся люди».

4. РИМСКАЯ САТИРА О ПРАЗДНОСТИ, ТРАНЖИРСТВЕ (РОСКОШИ) И РАЗВРАТЕ САТАНОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ

Первыми большую мифологическую систему обожествления человека изобрели греки в их знаменитой олимпийской мифологии, воспетой Ницше в Рождении Трагедии. Варвары поклонялись Тотемам внешнего мира, греки делают Идолов из самих себя и поклоняются Человеко-Богу.

Первыми в античном мире финансовыми магнатами стали римляне, и они первыми попробовали игру в Финансовые вой-

ны в погоне за Идолами власти и денег. Потому Герберт Уэллс пишет в своей Всемирной Истории, что римлян погубили деньги, а Теодор Моммзен отмечает в Истории Рима, что деньги сделали римлян самыми знаменитыми взяточниками и распутниками, которых уже никому не удалось превзойти. Ренан также замечает в Истории Израильского народа, что деньги и разврат погубили римлян, и особенно Антония, который превратился « в животное». Наверное и сам Цезарь не меньше пострадал, и может остался бы жив, если бы не его порочащая связь с Клеопатрой.

Когда мифология греков соединилась с обожествлением денег в Риме, родился тот жуткий кентавр Трималхион, высмеивать которого поставила своей целью здоровая римская сатира Ювеналов, Петрониев, Горациев, Персиев. Автор Сатирикона Петроний, обессмертивший образ праздного и глупого транжиры Трималхиона, известен также и своей героической смертью в царствование Нерона. Ведь он вместо лести в своем завещание, отправил императору детальную опись разврата при дворе Нерона.

Наша задача доказать, что Праздность, Грабеж (Роскошь, Транжирство) и Разврат идут всегда вместе, потому что это характеристики поля Эгосистемы. И показать таким образом, что в жизни Сатанов романтика половых отношений занимает такое же центральное место, как в жизни женщин Нижней Эгозащиты Самовлюбленности, над которыми они смеются.

Э. Ренан «История Израильского народа»:

> «Таким образом у римлян, сделавшихся господами всего мира расцвело взяточничество не имевшее себе равных ни до ни после этого времени. Римляне того времени гиганты, но гиганты побежденные одной страстью, важные, жадные, сладострастные. Это золото, эти новые наслаждения вскружили им голову. Римляне и греки познакомились с роскошью, римские генералы поддались искушению беспутной жизни. Антоний, в особенности, сделался настоящим идиотом. Этот человек, несравненный в сражении, казалось потерял рассудок. Его жизнь в продолжении десяти лет была лишена всякого смысла,. Она была сплошным развратом»

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Рим ской Империи»:

«Впрочем, к чему было стараться разрушить религию, не представ лявшую ни малейшей строгости, и не только не подавлявшую страстей, но делавшею их еще более притягательными и украшавшую их тысячью прелестных украшений? Следовательно, мифология меньше должна была опасаться вольнодумцев чем честных людей. Испорченность нравов мирилась с языческой мифологией, и наиболее развратные люди, для того чтобы действовать вполне свободно и ис полнять все свои прихоти, не считали нужным возмущаться против языческой веры.. Вот почему басня, которую никому не было инте ресно разрушать господствовала так долго несмотря на свою лживость. Не только народ продолжал оставаться верным своему культу, но кроме того, таинственные догматы Востока, азиатские и египет ские религии явились для того, чтобы подтвердить и обновить язычество. В эпоху Лукиана боги уже не имели того величия, которое им придал Гомер. Критика Лукиана точна, несмотря на всю свою ненависть к религии, он передает баснословные предания во всей их неприкосновенности. Лукиана извлекает из басен мифологии естественные и законные следствия, показывающую всю мелочную, безнравственную и постыдную сторону поведения богов. Это серьезная, едкая и действительно философская критика. Он рассе ивает обманчивые иллюзии басни и ставит ее перед взорами ра зума. То, чем мы больше всего восхищаемся в Гомере, кажется нам теперь не более, как ребяческими бреднями; наше смущен ное воображение уже не смеет одобрить того, что только что бы ло осуждено нашим здравым смыслом. Трудно описать ту при творную скромность с которой автор дотронулся пальцем до всех гнусностей своей религии. Божеская комедия Лукиана, также как и человеческая комедия Менандра, обязана своим интересом жи вому наблюдению нравов., он не считает нужным искажать их ис торию ради их унижения. Есть ли какой-нибудь сюжет который легче бы поддавался карикатуре, чем разнообразные любовные похождения Юпитера?... Когда речь идет о какой-нибудь небесной мерзости, о чем-нибудь слишком смешном, о какой-нибудь черес чур постыдной и нелепой басне, он шутит самым смелым и сво бодным образом? Надо сознаться, что в эту эпоху было очень легко уронить в людском мнении богов; достаточно было подобно Лукиану, выставить как бы на театре весь небесный двор, как труппу актеров, и предоставить зрителям размышлять о степени моральности пьесы. Так как религия оставалась неподвижной, а человеческая нравственность делала успехи, то люди могли считать себя лучше богов. Это была странная аномалия в языческом мире. Те самые преступления, которые разре шались примером божества, осуждались философией и законами. Лукиан изобразил нам

это странное положение: „Когда еще в дет стве я читал у Гомера или Гесиода о войнах и возмущениях между полубогами и между самими богами, об их прелюбодействах, наси лованиях, похищениях, спорах, об изгнаниях ими своих отцов, об их браках между братьями и сестрами, я воображал себе, что все это чрезвычайно хорошо и не мало восхищался всем этим. Но когда я увидел что законы воспрещают все это, запрещают прелюбодеяние, мятежи, похищения, я очутился в большом затруднении. Я не мог ве рить тому, чтобы боги были прелюбодеями не находя этого честным, ни тому что законодатели предписали совершенно противополож ное". Эти слова объясняют нападения Лукиана на язычество. С од ной стороны законно было разрушать развращающую религию; с другой стороны легко было выставить на посмеяние богов, кото рых не только могла порицать деликатная нравственность, но кото рых даже положительный закон приговорил бы к самым позорным наказаниям, если бы их вызывали к суду как простых смертных. Лу киан довольно ясно указывает, что намерения его серьезны, цель возвышенна, и что его моральное стремление состоит в том, чтобы извлекать людей из их невежества и безумства».

Г. Честертон, «Святой Франциск Ассизский»:

«Почему-то любовь к солнцу и здоровье естественных людей привели прежде всего к поразительно противному извращению, заражавшему всех, как мор. Самые великие, даже чистые мудрецы не смогли его избежать. Почему? Казалось бы, народу, чьи поэты могли создать Елену, а скульпторы — Афродиту нетрудно остаться нормальным в этом отношении. Но тот, кто поклонился здоровью, не останется здоровым. Если человек идет прямо, его дорога крива. Человек изогнут, как лук; христианство открыло людям, как выправить эту кривизну и попасть в цель. Многие посмеются над моими словами, но поистине благая весть Евангелия — весть о первородном грехе. Рим еще жил и рос, когда греческие его наставники уже гнили на корню, ибо не слишком спешил у них учиться. Он сохранял куда более достойный, патриархальный уклад, но в конце концов и он погиб от того же недуга, порожденного прежде всего языческим культом природы. К несчастью античной цивилизации, для огромного большинства древних не было ничего на мистическом пути, кроме глухих природных сил — таких, как пол, рост, смерть. У нас вошли в поговорку времена Нерона, когда садизм восседал на троне среди бела дня. Но то, о чем я говорю, и глубже и сложнее, чем привычный перечень зверств. С человеческим воображением случилась дурная вещь — весь мир окрасился, пропитался, проникся опасными стра-

стями, естественными страстями, которые неуклонно вели к извращению. Древние сочли половую жизнь простой и невинной — и все на свете простые вещи потеряли невинность. Половую жизнь нельзя приравнивать к таким простым занятиям, как сон или еда. Когда пол перестает быть слугой, он мгновенно становится деспотом. По той, по иной ли причине он занимает особое, ни с чем не сравнимое место в человеческом естестве; никому еще не удалось обойтись без ограничения и очищения своей половой жизни. Современные разговоры о половой свободе, о теле, прекрасном, как растение, — или описания райского сада, или просто плохая психология, от которой мир устал две тысячи лет тому назад. Не надо путать все это с праведными обличениями порочной античности. Древний мир был не столько порочен, сколько способен понять, что становится все порочнее или, во всяком случае, логически на порочность обречен. У магии природы не было будущего, ее можно было углубить только в черную магию. Для нее не было будущего; в прошлом она была невинна лишь по молодости. Можно сказать, что она была невинна потому, что была поверхностна. Язычники оказались умней язычества, потому они и обратились. Тысячи древних были и мудры, и добродетельны, и доблестны, но груз народных сказок, носивших название религии, прибивал их к земле. Я пишу о реакции на это зло и повторю: оно было повсюду. В самом полном и буквальном смысле слова, имя ему было — Пан.

Не сочтите за метафору то, что я скажу, — им действительно нужны были новое небо и новая земля, потому что они опоганили свое небо и свою землю. Как могли они поднять глаза к небу, когда непристойные легенды смотрели на них со звезд? Что могла им дать любовь к цветам и птицам после тех историй, что про них рассказывали? Всех свидетельств не приведешь, пусть одно заменит многие. У всех нас слово «сад» вызывает трогательные ассоциации — легкая печаль вспоминается нам, или невинные радости, или нежные старые девы, или старый священник у изгороди, под сенью колокольни. Если вы хоть немного знаете латинскую поэзию, вспомните, что стояло в их садах вместо солнечных часов или фонтана, нагло и весомо, в ярком солнечном свете; попробуйте вспомнить, каков был бог их садов (римские сады охранял бог Приап, покровитель плодородия и мужской силы. Обычно изображался в виде деревянной статуи с обнаженным большим фаллосом или тремя фаллосами)».

Ювенал

Сатира 1

Стало быть, пусть ожидают трибуны и пусть побеждают

110 Деньги: не должен же нам уступать в священном почете
Тот, кто недавно был в Рим приведен с ногой набеленной,
Раз между нами священней всего — величие денег.
Правда, еще роковая Деньга обитает не в храме,
Мы не воздвигли еще алтарей, и монетам не создан
Культ, как Верности, Миру, как Доблести, или Победе,
Или Согласью, что щелкает нам из гнезда на приветы.
Сатира 2
Лучше отсюда бежать — к ледяному хотя б океану,
За савроматов, лишь только дерзнут заикнуться о нравах
Те, что себя выдают за Куриев, сами ж — вакханты:
Вовсе невежды они, хотя и найдешь ты повсюду
Гипсы с Хрисиппом у них; совершеннее всех у них тот, кто
Купит портрет Аристотеля или Питтака, а также
Бюстам Клеанфа прикажет стеречь свои книжные полки.
Лицам доверия нет, — ведь наши полны переулки
Хмурых распутников; ты обличаешь позорное дело,
10 Сам же похабнее всех безобразников
Правда, щетина твоя на руках и косматые члены
Дух непреклонный сулят, однако же с гладкого зада
Врач у тебя отрезает, смеясь, бородавки большие.
Редко они говорят, велика у них похоть к молчанью;
Волосы бреют короче бровей. Архигалл Перибомий
Более их и правдив и честен: лицом и походкой
Он обличает порочность свою, — судьба в том повинна;
Этих жалка простота, им в безумстве самом — извиненье.
Хуже их те, что порочность громят словесами Геракла,
20 О добродетели речи ведут — и задницей крутят.
«Ты, виляющий Секст, — тебя ли я буду стыдиться?
Сатира 3
С ними никак не сравнимся мы: лучший здесь тот, кто умеет
Денно и нощно носить на себе чужую личину,
Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга,
Как он ловко рыгнул, как здорово он помочился,
Как он, выпятив зад, затрещал с золоченого судна.
Похоти их нет преграды, для них ничего нет святого:
1,0 Будь то семейства мать, будь дочь-девица, будь даже
Сам безбородый жених или сын, дотоле стыдливый;
Если нет никого, грек валит и бабушку друга…
Все-то боятся его: он знает домашние тайны.
Раз уж о греках зашла наша речь, прогуляйся в гимнасий, —
Слышишь, что говорят о проступках высшего рода:

Стоиком слывший старик, уроженец того побережья,
Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны,
Друг и учитель Бареи, Барею угробил доносом. —
Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то
120 Иль Протоген, иль Дифил, иль Гермарх, что по скверной привычке
Другом владеет один, никогда и ни с кем не деляся;
Стоит лишь греку вложить в легковерное ухо патрона
Малую долю отрав, естественных этой породе, —
Гонят с порога меня, и забыты былые услуги:
Ценится меньше всего такая утрата клиента.
С 8
Если ж тебя увлекают стремительно гордость и страсти,
Если ломаешь ты прутья в союзников крови, прельщаясь
Тем, что секиры тупятся в руках твоих ликторов, — значит,
Знатность предков самих восстает на тебя и предносит
Яркий светоч твоим постыдным делам и поступкам.
140 Ясно, чем выше считается тот, кто грешит, тем заметней
Всякий душевный порок, таящий в себе преступленье.
Что в тебе, если привык ты подписывать ложные акты
В храмах, что дед воздвиг, пред лицом отцовской почетной
Статуи, — прелюбодей, ночной гуляка, укрывший
Спрятанное лицо под плащом из шерсти сантонской?
Если б народу был дан свободный выбор, то кто же —
Разве пропащий какой — предпочел бы Нерона Сенеке?
Чтобы его казнить, не хватит одной обезьяны,
Мало одной змеи, одного мешка для зашивки.
Сын Агамемнона то же соделал, но повод другой был:
Разница в том, что по воле богов за родителя мстил он.
Был Агамемнон убит среди пира; Орест не запятнан
Кровью Электры-сестры, ни убийством супруги-спартанки,
Он не подмешивал яд никому из родных или близких.
220 Правда, Орест никогда не пел на сцене, «Троады»
Не сочинял. За какое из дел, совершенных Нероном
В годы его свирепств, кровавой его тирании,
Больше должны были мстить Вергиний и с Виндексом Гальба?
Что за деяния, что за художества в цезарском роде:
Радость позора от скверного пенья на чуждых подмостках,
Данная греками честь — заслужить венок из петрушки!

Персий

Сатира 3

«Ах ты несчастный, и день ото дня все несчастней! Неужто
Так распустились мы? Что ж, словно нежный ты голубочек
Или как царский сынок, ты требуешь, чтобы жевали
Пищу тебе и, на мамку сердясь, ты бай-бай не желаешь?» —
.....
Что ж, и довольно? И надо тебе надуваться спесиво,
Ежели в тускской твоей родословной до тысячи предков,
Цензор — родня и его ты в трабее приветствовать можешь?
30 Блеск — для толпы! А тебя и без кожи и в коже я знаю.
Жить не постыдно тебе, подражая распутному Натте?
Но ведь в пороке погряз он, и все обросло его сердце
Жиром; безгрешен он стал: не знает того, что теряет,
И, погрузившись на дно, не всплывает назад на поверхность».
Отче великий богов, накажи, умоляю, тиранов
Только лишь тем, чтоб они, — когда их жестокие страсти,
Ядом палящим горя, души извращают природу, —
Доблесть увидеть могли и чахли, что долг позабыли
Сатира 4
И наложить на порок клеймо смертоносное можешь.
Но для чего же, себя украсив накинутой кожей,
Ты раньше времени хвост распускаешь пред льстивой толпою,
Ты, для кого бы глотать чемерицу чистую лучше?
В чем для тебя состоит твое высшее благо?
...
Если же нежишься ты, натеревшись духами, на солнце,
Локтем тебя подтолкнув, незнакомец какой-нибудь рядом
Плюнет и скажет: «Хорош! Все чресла и части срамные
Выполоть и напоказ выставлять свое дряблое гузно!
Если ты чешешь свою раздушенную байку на скулах,
Бритый зачем у тебя червяк торчит непристойный?
Пятеро банщиков пусть эти грядки выщипывать будут
40 Или вареный твой зад мотыжить щипцами кривыми, —
Папоротник этот твой никаким плугам не поддастся».
...
Этак живем мы и так разумеем. Под брюхом таится
Рана твоя, но ее золотой прикрывает широкий
Пояс. Пожалуйста, ври и морочь ты себя, если только
Можешь. «Соседи меня превозносят; и что же, не верить
Мне им?» — Коль ты, негодяй, завидя деньги, бледнеешь,
Плюнь ты на лживую лесть, прогони подхалимов корыстных;
Внутрь себя углубись и познай, как бедна твоя утварь.

Гораций

> Книга 1 сатира 1
> Очень много людей твердят, опьяняясь корыстью:
> «Мало нам, мало всего! ведь нас по богатству лишь ценят!»
> С этими что толковать! Пускай их мучатся вволю!
> Был же в Афинах один скупец, богатый и гнусный —
> Он презирал людскую молву, говоря о гражданах:
> «Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши
> Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь!»
> Так вот и Тантал сидел в воде, а вода убегала
> Дальше и дальше от уст… Чему ты смеешься
> К 2 с 7
> Раб, подвластный рабу, за него исправляющий должность, —
> 80 Равный ему или нет? Так и я пред тобой! Ты мне тоже
> Ведь приказанья даешь, а сам у других в услуженье,
> Словно болванчик, которым другие за ниточку движут!
> Кто же свободен? Мудрец, который владеет собою:
> Тот, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы,
> Кто неподвластен страстям, кто на почести смотрит с презреньем;
> Тот, кто довлеет себе; кто, как шар и круглый и гладкий,
> Все отрясает с себя, что его ни коснется снаружи;
> Тот, перед кем и Фортуна опустит бессильные руки!

Е. Морозова, «Маркиз де Сад»:

> «Стремительный, любвеобильный, скорый на принятие решений, внимающий более зову каприза, нежели разума, Жан Батист появился при дворе, когда бразды правления государством находились в руках Филиппа Орлеанского, дяди малолетнего короля Людовика XV.
> Герцог Орлеанский являл собой пример царственного либертена: он устраивал <оргии обнаженных» в садах Тюильри, состоял в связи с собственной дочерью — герцогиней Беррийской, и, судя по слухам, отравил ее мужа … «Удивляюсь, как бездна еще не поглотила Париж в наказание за те ужасы, которые в нем творятся», — вздыхала почтенная герцогиня Орлеанская.
> Словом, сюжеты для романов маркиза де Сада создавались задолго до его рождения.
> …Хотя многие из перечисленных маркизом преступлений наверняка были почерпнуты им из хроник и мемуаров — невыдуманного зла всегда хватало с лихвой. Во времена Людовика XIV, напри мер, Париж был потрясен злодеяниями банды знатных молодчиков во главе

с Гастоном Орлеанским, братом короля, которые забавы ради могли начинить порохом женщину и поджечь ее или зверски надругаться над отвергнувшим сексуальные домогательства подростком. Обладатели гром ких имен и огромных состояний, эти «золотые негодяи», подобно либертенам де Сада, совершали свои злодеяния без назказанно...»

А. Камю, «Бунтующий человек»:

«Безусловно, Сад страдал и умер ради того, чтобы распалять вообра жение обитателей богатых кварталов и завсегдатаев литературных кафе. Но это не всё. Успех Сада в нашу эпоху объясняется мечтой, роднящей его видение мира с современным мироощущением. Речь идет о требовании тотальной свободы и дегуманизации, хладно кровно осуществляемой рассудком. Низведение человека до уровня объекта экспериментов, регламент, определяющий отношения меж ду волей к власти и человеком-объектом, замкнутое пространство этого жуткого опыта, — таковы уроки, которые воспримут теоретики силы, когда вознамерятся создать эпоху рабов»

Тацит, Анналы:

А теперь вследствие заим ствованной извне разнузданности уже расшатанные отчие нравы окончательно искореняют ся, дабы Рим увидел все самое развращенное и несущее с собой развращение, что только ни существует под небом, дабы римская молодежь, усвоив чужие обычаи, проводя время в гимнасиях545, праздности и грязных любовных утехах, изнежилась и утратила нравственные устои, и все это — по наущению принцепса и сената, которые не только предоставили свобо ду порокам, но и применяют насилие, заставляя римскую знать под предлогом соревнований в красноречии и искусстве поэзии бесчестить себя на подмостках. Что же ей еще остается, как не обнажиться и, вооружившись цестами546, заняться кулачными боями вместо того, чтобы служить в войске и совершенствоваться в военном деле? Или, быть может, возрастет справедливость и всаднические декурии, наловчившись разбираться в переливах звучаний и прелести голосов, станут усерднее отправлять высокую обязанность правосудия? Даже но чи, и те отданы этому сраму, чтобы ни у кого не оставалось времени устыдиться, но посреди беспорядочных сборищ, пользуясь мраком, каждый распутник мог осмелиться на то, к чему он жадно тянулся на протяжении дня. 21. Многим, однако, эта распущенность пришлась по душе, и они старались приискать для нее благовидные оправдания.

Стараясь убедить римлян, что нигде ему не бывает так хорошо, как в Риме, Нерон принимается устраивать пиршества в общественных местах и в этих целях пользуется всем городом, словно своим домом. Но самым роскошным и наиболее отмеченным народной молвой был пир, данный Тигеллином, и я расскажу о нем, избрав его в качестве образца, дабы впредь освободить себя от необходимости описывать такое же расточительство. На пруду Агриппы586 по повелению Тигеллина был сооружен плот, на котором и происходил пир и который все время двигался, влекомый другими судами. Эти суда были богато отде ланы золотом и слоновою костью, и гребли на них распутные юноши, рассаженные по воз расту и сообразно изощренности в разврате. Птиц и диких зверей Тигеллин распорядился доставить из дальних стран, а морских рыб — от самого Океана. На берегах пруда были рас положены лупанары, заполненные знатными женщинами, а напротив виднелись нагие гете ры. Началось с непристойных телодвижений и плясок, а с наступлением сумерек роща возле пруда и окрестные дома огласились пением и засияли огнями. Сам Нерон предавался разгу лу, не различая дозволенного и недозволенного; казалось, что не остается такой гнусности, в которой он мог бы выказать себя еще развращеннее; но спустя несколько дней он вступил в замужество, обставив его торжественными свадебными обрядами, с одним из толпы этих грязных распутников (звали его Пифагором); на императоре было огненно-красное брачное покрывало, присутствовали присланные женихом распорядители; тут можно было увидеть приданое, брачное ложе, свадебные факелы, наконец все, что прикрывает ночная тьма и в любовных утехах с женщиной.

ГЛАВА 5. «РОМАН С ИНТЕЛЛЕКТОМ» И КОНЕЦ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА

1. ПРОДУКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Нужно отличать Пространство-Время Интеллекта, в котором пребывает Энергия Духа человечества, от Силового Поля Интеллекта, которое образует силу и движение Энергии Духа человечества.

Пространство-Время Интеллекта — это количество открытых человечеством знаний о законах природы (приводных энергий). Знать законы природы — значит быть в Пространстве Интеллекта, а Количество этих знаний — определяет наше Время в пространстве Интеллекта.

Силовых поля психики как мы знаем два:

— силовое поле материальной энергии — поле Эгосистемы с полюсами плюс и минус (Эго и СуперЭго);

— силовое поле Интеллекта — поле Энергии Духа с полюсами плюс и минус Активного Интеллекта (Мышление) и Пассивного Интеллекта (Законы природы).

Это последнее силовое поле Интеллекта означает, что человечество и вправду рождено от Святого Духа, поскольку наша Энергия как никакая другая происходит от Притяжения между противоположными полюсами Интеллекта — Активным полюсом Мышления и Пассивным Полюсом Законов природы, установленных Творцов в основании материальных энергий. Это «Притяжение» между полюсами мы ощущаем как «Страсть к познанию», как «Интерес к миру», как «любознательность» которые лежат в основе Позитивных эмоций Энергии Духа человечества.

Эта страсть на ранних ступенях развития человечества — Голод, боль дефицита. Но в отличии от постоянного дефицита голода материальных энергий, Голод в Знаниях насыщаем: человек открывает законы природы и этим уходит из материального мира вечного Голода и вечной боли циклического гомеостаза материальных энергий.

По мере того как он насыщает свой Голод в Знаниях, открывает законы природы различных материальных энергий, он строит свое Пространство Интеллекта, где время отсчитывается количеством открытых природных энергий, количеством познаний законов природы. И постепенно поднимаясь в Пространство-Время Интеллекта, человек теряет все характеристики материальной энергии. Теперь его мотивация больше не боль и не голод, а Удовольствие, Страсть к Познанию, Интерес к Миру, Любознательность — величайший источник позитивных эмоций базовой Энергии Духа человечества. Его Равновесие — становится устойчивым и постоянным равновесием твердого знания законов природы Пространства Интеллекта. Его ресурсы постоянно растут во Времени Пространства Интеллекта — чем больше растет знание законов природы, тем больше мощь Контрольной энергии человека, его доступа к силе природных энергий.

Человек достигает Свободы в Пространстве-Времени Интеллекта — Свободы, которой нет ни у одной материальной энергии. Ведь помимо пассивного интеллекта, то есть помимо детерминированности законами природы, Энергия Духа человека имеет также и Мышление, которое дает ему возможность контролировать эти законы природы. И здесь начинается его Свобода, которой нет у детерминированных материальных энергий. Но Свобода эта Относительная: человек как все энергии природы — детерминирован законами Творцами. Он может контролировать эти законы, получая доступ к силе энергий или блокируя эти силы от контакта со своей энергией, но он не может менять законов, установленных Господом — Творцом.

Свобода в Контроле материальных энергий становится отличительным свойством пребывания человека в Пространстве-

Времени Интеллекта (наряду с другими). Отличие человека в том, что он НЕ ПРИСПОСАБЛИВАЕТСЯ К ОКРУЖАЮЩЕМУ материальному миру подобно материальным энергиям, подчиняющемся давлению физической силы. Отличие Контрольной энергии Относительной Свободы человека в том, что он Контролирует энергии природы, а не приспосабливается к ним.

Другим важнейшим отличием человека как живой энергии являются ЧИСТЫЕ ПОЗИТИВНЫЕ ЭМОЦИИ и БЛАГОДАТЬ ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Ибо живая материальная энергия, всегда существует на мотивации Голода негативных эмоций, и всегда существует между противоположными полюсами Циклического Гомеостаза Равновесия-Неравновесия, подобно биологической энергии. Биологической энергии никогда не вырваться из тисков Голода-Боли-Дефицита негативной мотивации, также как ей никогда не вырваться из Циклического Гомеостаза Полового Голода, провоцирующего враждебность и агрессию. В человеческом обществе циклический гомеостаз полового голода превращается в животный пищевой голод, и ведет к «пожиранию» самок самцами в социальном, в эмоциональном, а иногда даже и в прямом смысле.

Вот почему мы можем уверено утверждать, что две психические энергии человечества, противоборствуя на уровне его психики, в то же время пребывают в двух различных пространственно-временных континуумах. Энергия Духа человечествах пребывает в Небесных долинах, залитых Светом, Солнцем, Кислородом Чистых Позитивных Эмоций базовой страсти к Познанию человечества, усиливающейся по мере накопления знаний о законах природы и становлению Церкви Дружбы человечества.

И напротив, материальная энергия психики пребывает в Пещере Платона, в душном Подвале негативных эмоций мотивации Голода-Боли-Дефицита циклического гомеостаза материальных энергий природы. Ведь энергия-паразит своей картиной войны двух сил Эго и СуперЭго (силовое поле Эгосистемы, страх сверхъестественных сил абориген) сразу же сворачивает пози-

тивные эмоции Энергии Духа в Страх Сверхъестественных сил «магического» сознания, запуская таким образом Эгозащиту (движение) своей энергии. И тем самым из Горних высей Кислорода Дружбы человечества в Знании, Совести, Справедливости, Сострадании, эта паразитическая энергия окунает человечество в смрад душного подвала Страха, Тщеславия, Зависти, Злорадства, Влюбленности и Самолюбия физического контроля. Неправду говорят, что Ненависть — это часть душного подвала порока. Ненависть — это та реакция Энергии Духа на болезнь поля Эгосистемы, которая превращает часть чистого позитива эмоций дружбы человечества в ненависть к болезни поля Эгосистемы. Ненависть Энергии Духа — это мощная энергия отторжения для защиты Церкви Дружбы человечества от паразита материальной энергии. Понятно, что после болезни ненависть будет не нужна и она существует пока идет Священная борьба Энергии Духа с паразитом материальной энергии. Понятно также, что серая грязь смешанных в компульсиях Самолюбия и Влюбленности эмоций поля Эгосистемы не может быть Ненавистью как мощью энергии отторжения, а только подлостью, жестокостью и трусостью.

В этом состоит Продуктивная деятельность человечества — в активность на поле Интеллекта, в познании, в компетентном труде, в поддержании Церкви Дружбы, в Священной войне со Злом материальной энергии. Другими словами, в Контроле материального мира с Горних Высот Пространства-Времени Интеллекта.

Град Божий Августина и был таким Пространством-Временем Интеллектом Царствия Небесного. Посмотрите как тонко Августин проникает суть Града Божьего как Особенного Равновесия Дружбы в отличии от Садомазохизма Господства и Подчинения циклического гомеостаза. Он видит и то, что обе системы есть энергетические системы равновесия (мира, покоя) и то, что качественно отличает их друг от друга, и главное само качественное, критическое различие между устойчивым равновесием мысли и дружбы Пространства-Времени Интеллекта

и циклическим гомеостазом Садомазохизма материальной энергии Сатанов.

В то же время, Великие Отцы Церкви все еще вынуждены были основываться на догматах веры вместо Открытых Научным мышлением Законах природы — Законах психической энергии. И это постепенно привело к Смерти религиозного духа христианства, выродившись из философии энергии духа в магическое сознание идолопоклонства обожествленному Христу.

Об этом говорит Ренан в «Будущем науки». Открытие Психической энергии доказывает научно справедливость проповеди Царствия Небесного Христом, Град Божий Августина и все истинное вдохновение христианства, очищенное от магического сознания Антихристов.

Е. Трубецкой, «Философия Пятого Века и Град Божий Августина Блаженного»:

> «Всякое существо стремится к своему естественном месту в природном порядке, и не спокойно, пока оно его не достигнет. Только достигнув своего естественного места, тела прекращают движение, приходят в состояние равновесия, то есть покоя. Таким образом естественное тяготение тел есть ни что иное как стремление к покою и равновесию, — к миру. И мы тяготеем к тому что любим, любовь есть тяготение нашей души, которое приводится к покою и равновесию, когда мы обладаем тем, что любим.
>
> ….Все на свете стремится к миру, но надо отличать вечный мир Божий от ложного, неправого мира греховной твари; ибо если последняя стремится к эгоистическому преобладанию и тираническому господству, то истинный Божеский мир есть всеобщее равенство и согласие людей. Злой человек или злой дух ненавидит равенство под законом Божьим и стремится к миру неправому: из подчиненного члена мирового порядка он сам хочет стать средоточием, центром всего. Напротив, истинный мир Бога и человека есть «послушание, упорядоченное в вере под вечным законом». «Мир всех вещей есть спокойствие порядка. Порядок есть расположение вещей равный и неравных каждой в своем месте». Разумные твари успокаиваются в наслаждении Богом и друг другом в Боге, а тела их во всех своих частях совершенно подчиняются их воле.
>
> …Ибо в идее вечного храма Божьего заключается принцип архитектурного единства вселенной. Град Божий не есть только фактор

религиозной жизни человечества — он есть венец всей космической организации: в нем Бог господствует над преображенным веществом через обновленного человека. Ибо царствие Божье не есть только новое небо, но и новая земля. ...Как идеал, град Божий есть благодатное царство, которое не исчерпывается внешним единством здания, а проникает собой всецело внутреннюю жизнь личности и общества, связывая всех участников спасения в единое социальное тело. Однако не само родство плоти и крови служило здесь целью Богу; оно само служило лишь символом, знаком того социального единства людей и ангелов, которое достигается лишь через духовное рождение.

....Противоположность благодати и беззаконной свободы от начала мира олицетворяется противоположностью двух ангельских царств. Еще до создания человека град Божий был обоснован в ангелах, которых Бог связал в единое общество, наполняя их собой, как общая всем жизнь и пища. Бог дал им свободу, так что они могли пребывать в боге или отпасть от него. Он не отнял этой свободы даже у тех, коих падение он предвидел, предпочитая употребить самое их зло на добро, нежели отнять у них свободу. Для ангелов, пребывающих в послушании, воля Божья есть закон.

....В противоположность этому обществу ангелов, где свобода приносит себя в жертву благодати, в сатаническом царстве она сама возводит себя в верховный, абсолютный принцип. Гордый и завистливый дух, сатана, не довольствуется тем, чтобы держать власть от высшего себя и хочет сам быть высшим, властвовать сам от себя: он отвращается от Бога к самому себе, делает себя центром вместо него и с какой то тиранической спесью предпочитает радоваться о своих подчиненных, чем самому быть подчиненным. Впоследствии средневековые папы для которых государство вне церкви было, как и для Августина, «диавольским обществом», почти буквально в тех же выражениях говорили о светских князьях, ослушниках их власти. Знаменитые слова папы Григория Гильдебранта в письме к Герману Мецскому: «Кто не знает, что цари и князья ведут свое начало от тех, которые не ведая Бога, гордостью, разбоем, лукавством, убийствами, наконец почти всеми злодеяниями, побуждаемые дьяволом, князем мира сего, в слепой своей алчности и в невыносимом самопревознесении присвоили себе власть над равными себе, то есть над людьми? И когда они стараются преклонить святителей к своим стопам, с кем можно сравнить их, как не с тем, кто глава всех сынов гордости?»

Э. Ренан, «Будущее науки»:

«Итак пусть успокоятся те, кто боится что заботы о духе уничтожатся под давлением материальных забот. Умственная культура спекулятивные изыскания, — одним словом, наука и философия, опираются на лучшую из гарантий — потребность человеческой природы. Человек не будет жить одним хлебом: бескорыстное стремление к истине, добру и красоте, осуществление задачи науки, науки и морали представляет столь же настоятельную потребность, как удовлетворение голода и жажды.

Придет день когда человечество перестанет верить, но будет знать, когда оно познает метафизический моральный мир точно также, как теперь оно знает мир физический. Придет день когда человечеством будет управлять не случайность или интриги, а разумный выбор лучшей цели и наиболее действительных средств для ее достижения.

Вопрос относительно будущности догмы будет разрешен в зависимости от значения, какое мы придаем этому слову. Если под религией мы понимаем ряд доктрин, переданных нам преданием и принявших мифическую и сектантскую форму, то следует без всякого колебания сказать, что они не связаны с основами человеческой природы и что поэтому их не будет. Если же напротив под этим мы понимаем возбуждающее энтузиазм верование, при котором убежденность доходит до самопожертвования и вера до жертвы, то несомненно что человечество будет вечно религиозным.

Если в мире есть что-нибудь роковое, то это прежде всего разум и наука. Нет ничего смешнее чем гнев людей догмы на людей науки. Разве от них зависит развиваться иначе, разве в их власти поверить в то, что было бы желательно.

В действительности наука уничтожила мечтания минувшего только для того, чтобы заменить их несравненно более высокой реальностью. Мне недостаточно того что дает наука, я еще чувствую голод. Если бы я верил в догму, я уверен что моя вера дала бы мне более обильную пищу. Однако лучше обладать небольшим количеством верной науки, чем большим количеством науки сомнительного качества. Если бы можно было я с радостью смотрел бы на гибель всех этих истин в полной уверенности что реальная система вещей бесконечно превосходит бедные школы воображения, без которых мы не могли бы познать красоты вселенной. Правда мы еще не знаем этой системы, но достаточно нашего сознания, что отрицание составляет путь к ней. Одни системы уходят только для того, чтобы дать место другим системам. Ведь и на самом деле существует эта бесконечная красота смутные очертания которой мы замечаем. Когда старое антропоморфическое представление о мире исчезло перед положительной наукой то было время когда можно

было сказать: прощай поэзия, прощай красота. Но теперь красота воскресла в еще более чудном виде. Точно также, хотя нравственный мир получил смертельный удар с разрушением старых систем, но реалистический метод приведет нас к самым ослепительным чудесам. И до тех пор пока мы не откроем неслыханного великолепия, опьяняющих истин, роскошных и утешительных верований, мы можем быть вполне уверены что мы не дошли до истины, что мы переживаем одну из тех роковых переходных эпох когда человечество перестало верить в химерические красоты для того, чтобы открыть чудеса реальности. Никогда не нужно пугаться развития науки, так как можно быть вполне уверенным, что она приведет нас к открытию ни с чем не сравнимых красот.

В настоящее время причиной нравственной и физической слабости является критика; в нормальном состоянии наука станет источником силы. Так как до сих пор наука проявляется лишь в форме критики, то нельзя представить себе чтобы она стала могучей, побуждающей к действию причиной. Однако, это произойдет в тот момент, когда она создаст в моральной сфере убеждения, подобные убеждениям, созданным религиозной верой. Прошедшее было лишь необходимым введением в великую эпоху разума. Размышление еще не обнаружило своих творческих способностей, но подождите только!..»

2. ПРОДУКТИВНОСТЬ ЭНЕРГИИ ДУХА КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ К БОГУ

Интеллектуальная любовь к Богу — это основа всей метафизики Интеллекта от Платона до Декарта, Спинозы, Лейбница, Эйнштейна.

Мы постарались доказать в предыдущих главах бредовость утверждения о том, что социальные и психологические позиции Насильник и Рабов, Развратных Сатанов и Проституток якобы противоположны. На самом деле — это два противоположных Притяжения единого циклического гомеостаза физического контроля материальной энергии. И именно по той причине, что циклический гомеостаз есть основа материальной энергии — Садомазохизм половых отношений составляет смысл жизни и Сатанов и порабощенных ими женщин. Мы показали, что Сатаны — это Верхняя Эгозащита Самолюбия, а по-

рабощенные ими женщины — это Нижняя Эгозащита Влюбленности единого циклического гомеостаза материальной энергии.

Вот почему справедливы следующие слова писателя:

Антуан де Сент-**Экзюпери**. Земля людей.

> «Любить — это не значит **смотреть** друг на друга, любить — значит вместе **смотреть в одном направлении**.»

Для здоровых людей Энергии Духа источник энергии жизни, любви есть Интеллект, Творец, Господь и они все вместе на поле Интеллекта смотрят в сторону установленных Господом Законов Природы. Это «Плюс» их энергии — сила их в Познании Законов Энергии, а они друг другу — товарищи в поисках знания законов природы.

Герцен, С того берега:

> *«Кто не помнит своего логического романа, кто не помнит как в его душу попала первая мысль сомнения, первая смелость исследования — и как она захватила потом более и более и дотрагивалась до святейших достояний души? Это-то и есть страшный суд разума»*

Век Разума, Пейн:

> *«Те кто знал Бенжамина Франклина, помнят, что его ум всегда был молод; его нрав спокоен; наука, которая никогда не седеет, всегда была его любовницей»*

Платон, Федон:

> *«Тогда, конечно, у нас будет то, к чему стремимся с пылом влюбленных, а именно разум»*

П. Басинский «Толстой. Бегство из рая».

> *«Ответ Толстого (на отлучение от церкви) начинается с эпиграфа из поэта Кольдриджа: „Тот, кто начнет с того, что полюбит Христианство более истины, очень скоро полюбит свою Церковь или секту более, чем Христианство, и кончит тем, что будет любить себя больше всего на свете“ Этим эпиграфом он утверждает примат истины над всем, даже над христианством»*

Ф. Ницше, Так говорил Заратустра:

> И это — истины жених? О нет!
> Ты не стоишь холодный, неподвижный,
> Как образ божества, спокойный,
> Как изваяние его пред храмом,
> Как врат Господних страж...

Ганди Мои эксперименты с истиной

> *«Пусть погибнут сотни, таких, как я, но восторжествует истина. Даже на волосок не следует отступать от истины при оценке действий таких заблуждающихся смертных, как я»*

Герцен С того берега

> *«Не жалко ли так бояться правды, исследования? Положим, что много мечтаний поблекнут, будет не легче, а тяжелее — все же нравственнее, достойнее, мужественнее — не ребячиться»*

Вольтер Философский словарь

> *«Нынче ночью я размышлял; я был погружен в созерцание природы; я восхищался необъятностью бесчисленных миров, их путями и связями -тем восхищением, что незнакомо толпе. Еще больше я восхищался интеллектом, руководящим сим громадным механизмом. Я говорил себе: «Надо быть уже слепым, чтобы не ослепнуть от этого зрелища; надо быть полным тупицей, чтобы не усмотреть здесь Творца; и надо быть глупцом, чтобы пред ним не склониться»*

Век разума Томас Пейн

> *«Но возможно, некоторые спросят: неужто мы должны быть лишены слова божьего — лишены откровения? Я отвечаю: да, есть слово божье, есть откровение. Слово божье — есть видимый нами сотворенный мир, мироздание; и посредством этого слова, которое никакое человеческое изобретение не может подделать или изменить, бог всегда и всюду говорит с человеком»*

А. Эйнштейн

> *К религиозной сфере принадлежит вера в возможность того, что правила нашего мира рациональны, то есть умопостижимы. Не могу вообразить себе подлинного ученого, обходящегося без такой веры. Не знаю лучшего слова, чем «религиозность», для уверенности в рациональной природе реальности, постольку поскольку она постижи-*

ма для человеческого разума. Там, где это чувство отсутствует, наука деградирует до плоского и бездушного эмпиризма

Альберт Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

«Состояние ума, дающее человеку возможность выполнять такого рода ра боту, сродни состоянию благоговейного верующего или влюб ленного: ежедневные усилия определяются не сознательным на мерением, не какой-то программой — они исходят прямо из сердца. Я придерживаюсь мнения, что все сложные и творче ские изыскания в научной сфере исходят из глубоко религиоз ного чувства. Кроме того, я верю, что такая религиозность — это единственно возможная творческая религиозная активность в наше время»

В то же время люди на поле Эгосистемы видят свой «Плюс», свою силу, свое питание — друг в друге, в масках Идолов поля Эгосистемы. Нижняя Эгозащита Влюбленности смотрит влюленными глазами на маску Идола Мужчины, в котором видит «Плюс» силы, «загрузки СуперЭго». А Верхняя Эгозащита Самолюбии питается Влюбленностью женщин и рабов, в их поклонении себе видит свой «Плюс», видит самого себя Идолом, «загрузки Эго». Вот почему люди на поле Эгосистемы смотрят друг на друга как показано на моих схемах Садомазохизма и Романтики — Самолюбие смотрит на Влюбленность и наоборот: в этом смысл циклического гомеостаза физического контроля поля Эгосистемы. Они обожествляют друг друга, самих себя, и в любом случае стирают человеческое поле совести, сочувствия и справедливости в ничто, в ноль: они видят или всемогущество в себе и в других, или полное ничтожество — только абстрактные количества силового давления, больше или меньше, все или ничего.

Напротив, люди Энергии Духа видят друг в друге именно человеческую энергию поля совести, сочувствия, справедливости, свободы — всего того комплекса реальной божеской энергии человечества, что поднимает человечество над всем материальным миром в Пространство-Время Интеллекта. И потому они — не противоположные маски Идолов, а Единая Церковь Дружбы, товарищи а едином Служении Интеллекту, Господу, человечеству.

А. Маслоу, «Мотивация и личностный рост»:

«СЛУЖЕНИЕ

Мы выявили еще одну особенность исследованных нами людей. Я говорю о присущей им сосредоточенности на проблемах внешнего порядка. Если попытаться найти название этой особенности, то я бы предложил назвать ее служением в противоположность эгоцентрическим тенденциям. В отличие от неуверенных, тревожных людей с их склонностью к постоянному самоанализу и самокопанию, этих людей мало беспокоят личные проблемы, они не слишком склонны размышлять о себе. Почти у каждого из них есть призвание и дело, которым они служат, которым они посвящают себя без остатка, почти каждый из них озабочен какой-то важной проблемой, решение которой требует от него всех сил и энергии (72, 134).

Это не обязательно любимое занятие, не обязательно дело, которого человек желал, или занятия, к которым он стремился, это может быть дело, которым он чувствует себя обязанным заниматься. Именно поэтому я говорю о служении, о жизненной миссии, а не просто о «любимом» деле. Эти люди, как правило, не озабочены проблемами личного, эгоистического характера, они в большинстве своем думают о благе других людей — всего человечества, своих сограждан или же о благе близких и дорогих им людей.

За небольшим исключением практически у всех наших испытуемых мы отметили одну характерную особенность. Эти люди склонны к размышлениям об основополагающих проблемах человеческого бытия, они задаются теми вечными, фундаментальными вопросами, которые мы называем философскими или нравственными. Можно сказать, что они живут в глобальной системе координат. В частном они умеют видеть общее, и никакие, даже самые яркие частные проявления не скроют от них общей картины. В основе их системы координат или системы ценностей никогда не лежит местечковый патриотизм, как правило, в ней отражен опыт всей истории развития человечества, она отвечает не сиюминутным запросам, не социальному заказу, а требованиям эпохи. Одним словом, эти люди в каком-то смысле, несомненно, философы, хотя их философия не обязательно наукообразна, иногда это то, что можно назвать житейской философией.

Разумеется, такая установка сказывается практически на всех аспектах их жизни. Так, например, один из главных симптомов, с которого мы начинали изучение целостного синдрома самоактуализации и который был обозначен нами как широта (или не-мелочность), несомненно, есть проявлением этой более общей характеристики. Способность вознестись над обыденностью, умение отрешиться

от частностей, расширить горизонты восприятия, посмотреть на вещи в перспективе, sub specie aetemitatis имеет огромное социальное значение».

А. Чехов, «Дуэль»:

«У этих сладострастников, должно быть, в мозгу есть особый нарост вроде саркомы, который сдавил мозг и управляет всею психикой. Понаблюдайте-ка Лаевского, когда он сидит где-нибудь в обществе. Вы заметьте: когда при нем поднимаешь какой-нибудь общий вопрос, например о клеточке или инстинкте, он сидит в стороне, молчит и не слушает; вид у него томный, разочарованный, ничто для него не интересно, всё пошло и ничтожно, но как только вы заговорили о самках и самцах, о том, например, что у пауков самка после оплодотворения съедает самца, — глаза у него загораются любопытством, лицо проясняется и человек оживает, одним словом. Все его мысли, как бы благородны, возвышенны или безразличны они ни были, имеют всегда одну и ту же точку общего схода. Идешь с ним по улице и встречаешь, например, осла... — «Скажите, пожалуйста, — спрашивает, — что произойдет, если случить ослицу с верблюдом?» А сны! Он рассказывал вам свои сны? Это великолепно! То ему снится, что его женят на луне, то будто зовут его в полицию и приказывают ему там, чтобы он жил с гитарой...

.....Истина не нужна была ему, и он не искал ее, его совесть, околдованная пороком и ложью, спала или молчала; он, как чужой или нанятый с другой планеты, не участвовал в общей жизни людей, был равнодушен к их страданиям, идеям, религиям, знаниям, исканиям, борьбе, он не сказал людям ни одного доброго слова, не написал ни одной полезной, не пошлой строчки, не сделал людям ни на один грош, а только ел их хлеб, пил их вино, увозил их жен, жил их мыслями и, чтобы оправдать свою презренную, паразитную жизнь перед ними и самим собой, всегда старался придавать себе такой вид, как будто он выше и лучше их. Ложь, ложь и ложь...»

А. Чехов, «Что делать»:

«- Видишь, на том уроке, которого я не бросил, семейство дрян ное, а в нем есть порядочная девушка. Хочет быть гувернанткой, чтоб уйти от семейства. Вот я ищу для нее места.- Хорошая девушка? — Хорошая.- Ну, это хорошо. Ищи. — Тем разговор и кончился. Эх, господа Кирсанов и Лопухов, ученые вы люди, а не догада лись, что особенно-то хорошо! Положим, и то хорошо, о чем вы говорили. Кирсанов и не подумал спросить, хороша ли собою девушка, Лопухов и не по-

думал упомянуть об этом. Кирсанов и не подумал сказать: „да ты, брат, не влюбился ли, что больно усердно хлопочешь“. Лопухов и не подумал сказать: „а я, брат, очень ею заинтересовался“, или, если не хотел говорить этого, то и не подумал заметить в предотвращение такой догадки: „ты не подумай, Александр, что я влюбился“. Им, видите ли, обоим думалось, что когда дело идет об избавлении человека от дурного положения, то нимало не относится к делу, красиво ли лицо у этого человека, хотя бы он даже был и молодая девушка, а о влюбленности или невлюбленности тут нет и речи. Они даже и не подумали того, что думают это; а вот это-то и есть самое лучшее, что они и не замечали, что думают это».

А. Маслоу, Мотивация и личностный рост»:

«Еще одна особенность здоровой любви состоит в том, что ей чуждо традиционное противопоставление полов; здоровая любовь не заставляет партнеров играть так называемые половые роли, не вынуждает женщину к пассивности, а мужчину — к безудержной активности. Здоровые, самоактуализирующиеся люди настолько уверены в своей половой принадлежности, что не считают унизительным отступить от канонов, предписываемых половой ролью. Они способны и на пассивность, и на активность, и это особенно очевидно, если рассматривать физическую любовь и половой акт. Для здоровой любви противоестественны вопросы, вроде: кто должен быть сверху? Кому следует первым проявить инициативу? Кто должен целовать, ласкать, «заводить», а кто — покорно уступать ласкам? Здоровый человек получит удовольствие и от первого, и от второго. Практически все мои испытуемые утверждали, что им одинаково приятно и любить, и принимать любовь, что их не устраивает постоянная роль пассивного или активного любовника, потому что она лишила бы их многих удовольствий.

Крайне редко они заводят интрижки на стороне, хотя способны испытать половое влечение не только в семейном кругу. По моим наблюдениям их отношения с представителями противоположного пола складываются очень просто и естественно; самоактуализирующиеся люди естественно принимают факт полового влечения, но не считают себя обязанными идти у него на поводу, как это принято у обычных людей. На мой взгляд, они гораздо более свободны, раскованны в разговорах на половые темы по сравнению все с тем же среднестатистическим человеком, причем их рассуждения о сексе лишены обычного ханжества. Подводя черту под своими наблюдениями, хочу сказать, что общее приятие жизни в различных ее проявлениях и то глубокое удовлетворение, кото-

рое получают эти люди в любви, освобождает их от необходимости поиска компенсаторного секса на стороне. В данном случае мы имеем дело с крайне любопытным случаем несоответствия между отношением и поведением. Чем легче относится человек к сексуальности, тем легче ему быть моногамным.

Самоактуализирующийся человек относится к сексу так же спокойно, как к еде. Он умеет получать наслаждение от еды, но еда не становится для него точкой отсчета. Он ест с удовольствием и не обременяет себя укорами в адрес своей животной натуры. И все-таки пища и связанное с ней чувственное удовольствие второстепенны для него, находятся на периферии его концепции удовлетворения. Самоактуализирующийся человек не нуждается в чувственных удовольствиях, но и не запрещает себе наслаждаться ими.

Не от пищи он начинает строить свою концепцию идеального общества, не о еде он думает, когда размышляет о рае, о лучшей жизни, насыщение малосущественно для его философии ценностей и для его морали. Другими словами, они могут отказаться от сексуального удовлетворения. Подобное умозаключение в чем-то противоречит расхожему романтическому представлению о любви. Ясно, что секс может быть и просто забавой, игрой, приятной формой времяпрепровождения, даже привычкой или обязанностью. Самоактуализирующиеся люди — не ангелы, чтобы всегда парить в горних сферах, их половая жизнь чаще протекает на среднем уровне интенсивности, секс скорее дарит им легкое, приятное возбуждение, нежели швыряет в беспощадные пучины страсти.

Мы говорили, что оргазм зачастую обретает для них форму мистического переживания, и в то же самое время они легко переносят его отсутствие. Это не парадокс и даже не противоречие. С точки зрения динамической теории мотивации этот факт абсолютно закономерен. Самоактуализирующийся индивидуум живет на высших уровнях мотивации, он не озабочен низшими потребностями, их удовлетворение или фрустрация не имеют для него большого значения, но если ему случается удовлетворить эти потребности, удовлетворение приносит ему огромную радость.

У меня есть все основания предполагать, что любовь и сексуальность у здоровых людей во многом переплетены. Я понимаю, что для науки мало пользы от смешения двух самостоятельных понятий (393, 442), но факт остается фактом — в жизни здорового человека «секс» и «любовь» нераздельны. Я остерегусь от излишней горячности, я не стану утверждать, что человек, способный получать сексуальное удовлетворение без любви, — больной человек, но мои наблюдения ведут меня именно в этом направлении. Я совершенно определенно

> могу заявить, что самоактуализирующиеся люди, как мужчины, так и женщины, не ищут секса ради секса, что в половом акте они получают не только сексуальное удовлетворение. Я не готов заявить, что эти люди полностью отвергают для себя возможность секса без любви, но мне известно множество случаев, когда они отказывались от половых отношений или откладывали их, не будучи уверенными в своих чувствах к партнеру».

3. РОЗОВЫЙ ДОМ Д. ЭПШТЕЙНА (THE PINK HOUSE) И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКИХ КРУГОВ ТРАФИКИНГ НА ОСТРОВЕ ЭПШТЕЙНА

Г. Честертон пишет в Ортодоксии, что Христианство всегда ненавидело серое и розовое, грязную смесь цветов, и предпочитало им белое и черное чистого позитива Церкви Дружбы и Священной Войны со Злом Церкви Дружбы (Church Militant).

Женщин, которых забили на Нижнюю Эгозащиту Влюленности и научили любить «все женское» и «женственное» (что Чернышевский называет большой пошлостью в Что делать), научили любить «Розовый цвет». Дочь Бертрана Рассела, Катерин Тейт, которая написала книгу воспоминаний о своем отце, была воспитана принципиально «не как девочка». И хоть она жалуется на суровость спартанской дисциплины в школе отца, где ее родители старались воплотить свою мечту воспитывать здоровых людей, отважных прежде всего в честности мышления и служения правде, тем не менее, ее книга пропитана именно той честностью и смелостью суждений. И в этом смысле Школа Рассела была успешна: хотя бы одного человека абсолютной честности суждений она совершенно точно воспитала.

Дочь Рассела совсем не любит роскоши и розовых цветов, в который раскрасили ее спальню в Америке богатые хозяева дома. Ей не нравится отсутствие книг в доме, заваленном ненужной и помпезной роскошью. Она в ужасе от американской частной школы для девочек, где «книги по истории напечатаны крупным шрифтом с картинками» подобно детским сказкам. Она — настоящая воспитаница Бертрана Рассела, который не де-

лал различий в воспитании между своим сыном и дочерью и одинкого учил их быть честными, мыслить критически, быть выше поля Эгосистемы (по этому поводу она пишет, как часто отец предупреждал их, что они не должны быть эгоистичными, а долины всегда думать о совести и справедливости).

Жертва Эпштейна, которую убили вслед за ним, Вирджиния Джуффре пишет, что Эпштейн напротив выкрасил свой дом в розовый именно потому что розовый — это женский цвет. Она пишет, что поскольку он придавал такое большое значение женскому цвету она решила, что он благосклонен к женщинам и что может быть она выживет в этой системе. Однако, она ошибалась: такое большое значение всему женскому и женщинам вообще Сатаны придают не потому что они благосклонны к ним. А потому что для них, как и для тех женщин, которых они влюбили в себя, самое главное в жизни романтика половых отношений. Это просто циклический гомеостаз Садомазохизма, который делает для Самолюбия Сатанов центром жизни Влюбленность женщин. Но этот материальный голод сродни пищевому голоду животных: «мужчина брюха, а жена — еда, он ее жрет и жрет и вдруг отрыжка», говорит Шекспир в Отелло. Ничего хорошего для женщин в том, что Сатаны сделали их центром своей жизни нет: они такой же центр для жизни Сатанов, как зайцы центр для жизни медведей и волков.

Сравнивая мемуары дочери Рассела там, где она говорит об убогой женской системе образования в Америке с мемуарами Джуффре, где его жертва рассказывает о бесконечном тщеславии Эпштейна, гонявшегося за научными светилами и знаменитостями, задаешься вопросом об актуальном уровне науки в целом в Америке. Джуффре пишет, что Эпштейн гонялся за авторитетами в научной сфере, и старался расположить их себе, делая им «презент» в качестве секса с Джуффре. Разве есть на свете такие ученые, просто добросовестно посвятившие себя науке люди, которым порядочность позволит воспользоваться подобным презентом?? Если это все правда, то разоблачения образовательной системы Америки, сделанные Джуффре в ее

мемуарах, можно приравнять к разоблачениям католических священников — растлителей тысяч детей. По крайней мере, совершенно очевидно, что мемуары убитой жертвы насилия ставят вопрос о академической компетентности и моральном здоровье системы образования, лучшие представители которой стали постоянными клиентами острова Эпштейна.

Katherine Tait, My father Bertrand Russell:

> «Though not large as we judged size, The home was fantastically luxurious: dressing room and bath for every bedroom, deep soft rugs, and shelves and shelves of fancy linens and dishes. Luxury, But not the kind of comfort we were used to. To a certain extent, The owner's style of living forced itself upon us, As though we were wearing other people's clothes. I felt wretchedly ill at ease in my frilly pink and white girl's bedroom, Surrounded by mirrors and daintiness. Gradually, as we came to know more about America, We realized that the people who owned our house must be rich, Though its small size and lack of books had at first deceive us. John and I, who have led sheltered? Spartan lives, Found ourselves living in a pampered luxury we only partially enjoyed. However as we came to understand the price paid by others for the comfort in which we lived? We liked it less and less/ Peter read books about the migrant workers about business exploitation and about crooked land deals and she told us with indignation what she had read/ But we went on living in comfort just the same, not feeling ourselves responsible for American wickedness. Everybody told us the public schools were academically hopeless, really out of the question, and so I was sent to a private school for girls, which was supposed to be on a higher intellectual level. I attended this young ladies establishment, in which the girls wore uniforms and asked permission for everything they did, in terror every day, being entirely ignorant of what was expected in the way of obedience and good manners. The classes were a farce. I remember coming home one day and saying with contempt: You know there history books has big print and pictures in it.»

Virginia Guiffre, «Nobody's girl»

> «If I impress her friend, she says, he'll happily pay to get me trained. He's a mathematician — a genius with a knack for making money. «He loves to help people,» she says.

The day after my «job interview,» I did as Maxwell requested and returned to the pink house behind the high wall. On this, my second visit to El Brillo Way, I again followed Maxwell up the pink stairs, around the king size bed, and into the room with the green massage table. Again, Epstein was lying there naked. Again, Maxwell walked me through the steps that a professional masseuse might follow. He would soon explain that he needed to climax at least three times a day. It was a biological imperative, he said, like breathing or eating. For him sex wasn't connected to intimacy or love. It was a purely physical release. Epstein viewed sex almost as a procedure — one that he preferred to be performed by nubile young girls like me

….As I became a regular at Epstein's house, it was difficult to avoid the demeaning nature of this transactional relationship. Epstein took delight in explaining to me, for example, that he had painted his house pink because «I love pink. Pink is for pussy!» But so many of my connections to men had been humiliating that I think I saw this one as a challenge; maybe for once, I thought, I could make it work for me. This only makes sense, of course, when you consider how little I'd grown up hoping for. As Epstein used me to satisfy his perverse appetites, I rationalized that perhaps he might also help me to better myself. If he and Maxwell made good on their promise to get me trained as a masseuse, perhaps that would set me on a path to freedom and prosperity. I told myself it was worth the gamble.

….The psychologist was only the first of many academics from prestigious universities who I was forced to service sexually. I didn't know it then, but Epstein had spent years campaigning to keep company with the world's biggest thinkers and bestselling scientific authors — among them the physicist who discovered the quark, for example, and the computer scientist who consulted with Stanley Kubrick for his iconic film 2001: A Space Odyssey. At one point, Epstein would even host the theoretical physicist Stephen Hawking, among others, at a symposium organized around the question «What is gravity?» Epstein had convinced himself that he — a college dropout — was on the same level as degree-holding innovators and theoreticians, and because he funded many of their research projects and flew them around on his jets, he was largely welcomed into their fold. Then Epstein offered some of them a bonus: sex with one of us girls. In the coming months, I would be told to service many men whom I'd later learn were illustrious in their fields. On any given night, Epstein would tell me to wait in the massage room until one of these strangers entered, clearly expecting sex. Scientists weren't the only people Epstein used his vast resources to win access to — which is how I came

to be trafficked to a multitude of powerful men. Among them were a gubernatorial candidate who was soon to win election in a Western state and a former US senator. Since Epstein usually neglected to introduce me to these men by name, or introduce them at all, I would only learn who some of them were years later, when I studied photographs of Epstein's associates and recognized the faces of those I was forced to have sex with.

.....Several of us had been molested or raped as children; many of us were poor or even homeless. Before meeting Epstein, one of his victims had watched her father beat an eight-year-old boy to death; another was present when her boyfriend killed himself. We were girls who no one cared about, and Epstein pretended to care. At times I think he even believed he cared. A master manipulator who excelled at divining the desires of others, he threw what looked like a lifeline to girls who were drowning, girls who had nothing, girls who wished to be and do better. If they wanted to be dancers, he offered dance lessons. If they aspired to be actors, he said he'd help them get roles. If they said the only thing they yearned to do was paint, he bought them canvases and introduced them to key people in the art world. And then, he did his worst to them»

Томас Пейн Век разума

«*Когда человек настолько развратил и проституировал чистоту своего ума, что заявляет о своей вере в такие вещи, в которые он на деле не верит, он готов уже совершить любое другое преступление»*

Э. Фромм, Иметь или быть:

«Цель человека рыночного характера — «надлежащее функционирование» в данных обстоятельствах — обусловливает его рассудочную в основном реакцию на окружающий мир. Разум в смысле понимания является исключительным достоянием Homo sapiens; манипулятивный же интеллект как инструмент достижения практических целей присущ и животным, и человеку. Манипулятивный интеллект, лишенный разума, опасен, так как он заставляет людей действовать таким образом, что это с точки зрения разума может оказаться губительным для них. И чем более выдающимся является неконтролируемый манипулятивный интеллект, тем он опаснее.

Не кто иной, как Чарлз Дарвин показал трагедию человека, занятого исключительно наукой, трагедию отчужденного интеллекта и ее последствия. В своей автобиографии он пишет, что до тридцатилетнего

возраста находил большое наслаждение в музыке, поэзии, живописи, но затем на многие годы утратил всякий вкус к ним: «Кажется, что мой ум стал какой-то машиной, которая перемалывает большие собрания фактов в общие законы… Утрата этих вкусов равносильна утрате счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы» [Дарвин, 1957, с. 148].

Описанный Дарвином процесс развивался с тех пор очень быстро; возник почти полный разрыв между разумом и сердцем. Особого внимания заслуживает тот факт, что такое вырождение разума не коснулось большинства ведущих ученых, работающих в области точных и наиболее революционных наук (например, в теоретической физике). Всех их глубоко интересовали философские и нравственные проблемы, я имею в виду таких ученых, как А. Эйнштейн, Н. Бор, Л. Силард, В. Гейзенберг, Э. Шредингер.

Преобладание рассудочного, манипулятивного мышления неразрывно связано с атрофией эмоциональной жизни… Используя психиатрический термин, человека с рыночным характером можно было бы назвать шизоидным, однако такой термин может ввести в заблуждение, так как шизоидная личность, живя среди других шизоидных личностей и успешно функционируя, не испытывает чувства беспокойства, которое свойственно ей в более «нормальном» окружении. …С образованием иерархически организованных обществ, гораздо более крупных и сложных, чем общества, где люди заняты охотой и собирательством, власть, основанная на компетентности, уступает место власти, основанной на общественном статусе. Это не означает, что существующая власть обязательно некомпетентна; это значит, что компетентность не является неотъемлемым элементом власти. Будь то власть монарха, компетентность которого определяется качествами, обусловленными случайным сочетанием генов, или бессовестного преступника, которому удается прийти к власти с помощью убийства или предательства, или, как это часто бывает в современных демократических обществах, власть людей, обязанных своим избранием фотогеничной внешности или той сумме денег, которую они в состоянии вложить в предвыборную кампанию, — во всех этих случаях между компетентностью и властью может не быть почти никакой связи.

Каковы бы ни были причины утраты качеств, составляющих компетентность, в большинстве крупных и иерархически организованных обществ происходит процесс отчуждения власти. Первоначальная реальная или мнимая компетентность власти переносится на мундир

> или титул, ее олицетворяющие. Если облеченное властью лицо носит соответствующий мундир или имеет соответствующий титул, то эти внешние признаки компетентности заменяют действительную компетентность и определяющие ее качества. Король — воспользуемся этим титулом как символом власти такого типа — может быть глупым, порочным, злым человеком, то есть в высшей степени некомпетентным для того, чтобы быть властью; тем не менее он обладает властью. Пока он имеет королевский титул, считается, что он обладает качествами, делающими его компетентным. Даже если король голый, все верят, что на нем роскошные одежды.
>
> То, что люди принимают мундиры или титулы за реальные признаки компетентности, не происходит само собой. Те, кто обладает этими символами власти и извлекает из этого выгоду, должны подавить способность к реалистическому, критическому мышлению у подчиненных им людей и заставить их верить вымыслу. Каждому, кто даст себе труд задуматься над этим, известны махинации пропаганды и методы, с помощью которых подавляются критические суждения, известно, каким покорным и податливым становится разум, усыпленный избитыми фразами, и какими бессловесными делаются люди, теряя независимость, способность верить собственным глазам и полагаться на собственное мнение. Поверив в вымысел, они перестают видеть действительность в ее истинном свете».

ГЛАВА 6. ПРОДУКТИВНЫЙ ТРУД И КОНЕЦ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА

1. ИСТИННОЕ Я ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ПОЛОТНО ИСТОРИИ

Мы видели в предыдущей главе, что здоровые люди Маслоу «не Эго-центричны» с одной стороны, и с другой стороны романтика половых отношений им вообще не понятна. Для них едины любовь и близость, но даже и в этом случае, их смыслом жизни остается любовь к познанию, любовь к продуктивному компетентному труду, Служение истине и справедливости в обществе. Любознательность, творчество, компетентность, совестливость — вот что составляет смысл жизни здоровых людей Энергии Духа.

Можно подумать, что тот факт, что они не эгоцентричны, говорит о том, что они не думают о себе, но думаю о других людях. Это в корне неправда. И здесь как отмечает Маслоу, дело не в парадоксе, а в неправильно поставленном вопросе.

Поле Эгосистемы — это враг человечества, энергия-паразит пожирающая энергию его живой и разумной энергии духа. Соответственно, отказ от Эго идет не во вред себе, а является именно с точки зрения собственной выгоды — первым и важнейшим шагом на пути выздоровления. Эту мысль очень четко формулирует ФРомм в Человек для себя: Эгоист не тот кто любит себя слишком много, а тот кто вовсе не любит себя.

Таким образом, как только человек отказывается от циклического гомеостаза Садомазохизма и концентрируется на Продуктивном труде научного контроля, познания поля Интеллекта, так сразу же в центр его жизненного интереса становится его истинное Я — Энергия Духа человечества.

Ведь истинное Я не может быть только моим — это Энергия Духа всего человечества. И Познать себя –значит познать Историю Человечества в Закономерностях психической энергии. А закономерности психической энергии — это смертельная война между энергией духа поля Интеллекта и материальной энергией поля Эгосистемы: между тем, что испокон веку называется Войной между Добром и Злом.

Вот почему Продуктивный Труд здоровых людей в сфере социальной Науки обращается прежде всего к Построению Полотна Истории как Единого Я Энергии Духа Человечества.

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы

> *«Мое восприятие академической процессии продлилось, достигло будущего, вышло за пределы моего ограниченного временем умственного взора и обнаружило во главе колонны Сократа и других ученых. Я увидел впереди себя целые поколения величайших академиков, профессоров и интеллектуалов, коих я был последователем, учеником и продолжателем. Я смог увидеть в скучном ритуале некую торжественную процессию, скрывающуюся в тумане, в едва различимой бесконечности, в тех временах, когда люди еще не испытывали от нее тоски и досады, но с радостью и гордостью присоединялись*

к великой когорте школяров, интеллектуалов, ученых и философов. Я ощутил благоговейную дрожь, я был счастлив от того, что оказался в их числе, я почувствовал гордость за мантию на моих плечах и шапочку на голове. Я стал символом, я обозначал нечто большее, чем просто видимое всем человеческое тело. В тот момент я был даже не совсем человеком. Я был олицетворением вечного учителя. Я был платоновской сущностью учителя. Трансценденция времени может принимать и несколько иные формы. Например, я могу почувствовать приятельское, очень личное, почти любовное отношение к Спинозе, к Абрахаму Линкольну, Джефферсону, Уильяму Джеймсу, Уайтхэду и другим людям, как если бы они действительно были живы и были моими близкими друзьями. В известном смысле это конечно же означает, что они действительно живы»

Г. Газданов, «Пробуждение»:

«Пьер вдруг вспомнил о необыкновенном потрясении, которое он испытал, когда ему было четырнадцать лет и когда его отец решил, что в воскресенье они всей семьей отправятся в Лувр, в котором Пьер до тех пор никогда не был. Пьер помнил ощущение неловкости, которую он чувствовал, когда надевал свой воскресный костюм, — тугой, непривычный и чем-то тягостный, — праздничный облик его родителей, которые казались ему чужими, потому что на них было платье, в котором он не привык их видеть, длинные коридоры музея, залы, следовавшие за залами, и это огромное количество картин, проходивших перед его глазами первый раз в жизни. Отец ему объяснял — фламандская школа, Возрождение, семнадцатый век французской живописи. Он говорил уверенно, как всегда, но потом Пьер убедился, что его отец знал обо всем этом очень немного и путал имена художников. Когда они вышли из Лувра, перед глазами Пьера продолжало стоять сложнейшее смешение красок и лиц, бесчисленные переливы черного и красно го цветов, кардинальские мантии, надменные лица королей, восторженные глаза святых, голые тела женщин, то узкие, то широкие, розовые, белые, смуглые, деревья, море, поля, собаки, мечи, латы, калеки и нищие, безмолвные толпы людей, усы, каски, львы, лошади, путь на Голгофу, солнечный свет и сумерки, стрелы, вонзающиеся в святого Себастьяна, воины, сражения, смерть побежденных, торжество победителей. Пьер никогда не представлял себе этого необыкновенного богатства, этого кладбищенского великолепия музея, где был представлен исчезнувший мир, который нельзя было сравнить ни с чем, что Пьер знал и видел обычно: серые улицы Парижа, люди в пиджаках, женщины в обыкновенных платьях, без личный отблеск желто-

го электрического света, — мир, в котором погасли краски, потухли глаза, в котором не осталось ни пророков, ни святых, ни этого бурного расцвета жизни во всем ее чудовищ ном многообразии. Пьер плохо знал историю, еще меньше знал живопись, но это посещение Лувра погрузило его в такую глубокую печаль, какой он никогда до этого не испытывал и причины кото рой не были ему ясны; в конце концов, это было зрительное впе чатление и, казалось бы, ничего больше. Но он увидел то, о чем раньше не имел представления, и после этого ему стало казаться, что он живет в постоянной убогой полутьме скудно освещенного подвала. Он понял это не тогда, когда вернулся домой из Лувра, не тогда, когда ему было четырнадцать лет, а значительно позже, но это чувство подавленности и жестокого лишения того, на что он имел право, — это смутное и непонятное ощущение он тогда уже чувствовал с необыкновенной силой. Он нередко возвращался по том к этому незабываемому впечатлению от Лувра. Оно постепенно расширялось и переходило в то сложное ощущение, которое со провождало его всюду и в подлинном происхождении которого он не отдавал себе отчета. Это было почти необъяснимо. Как, каза лось бы, зрительное воспоминание об отблеске солнца на каске неизвестного героя, или о неподвижных глазах портрета, написан ного в начале шестнадцатого века, или о круглых линиях лошади ного крупа, — каким образом эти впечатления могли привести его к этому ощущению неудовлетворенности своей собственной жиз нью, к нелепой мысли о том, что он, Пьер, в силу жестокой неспра ведливости судьбы был раз навсегда лишен доступа к настоящей, полноценной жизни, а не такой, как та, которая выпала на его до лю, — доступа к этому воображаемому великолепию, к этой полно те, к этой силе чувств, к трагедии и торжеству, к тому, ради чего, в сущности, только и стоило жить»

Г. Газданов, «Пилигримы»:

«Он не задумывался над тем, почему именно книги интересовали его больше, чем все остальное. Но если бы его спросили, что он считает самым важным в жизни, и если бы его природная медлительность не помешала бы ему сразу сосредоточить свое внимание на этом вопросе, он, вероятно, ответил бы, что ему казалось самым существенным — понять, почему люди живут так или иначе, почему возникают те или иные религии или системы идей, как идет жизнь и каков в каждом отдельном случае или в каждом произвольном от резке времени смысл того или иного факта. Но ему не приходила в голову мысль, — и если бы она пришла, он тот-

час же отбросил бы ее, — что это преобладание отвлеченных интересов над непосредственными объяснялось отсутствием в нем той стихий ной и нерассуждающей жизненной силы, которая была так характерна для его отца. Он прекрасно понимал теоретически, отчего людей так всецело захватывает жажда личного обогащения, или политическая деятельность, или упорное стремление к какой-то ограниченной цели, незначительность которой со стороны казалась совершенно очевидной. Но так как все эти стремления — в силу разных личных при чин — были ему чужды, они казались ему не стоящими усилия».

Б. Рассел, «Образование и Здоровое общество»:

«Прежде всего индивид подобно монадам Лейбница должен отражать мир. Почему? Я не могу привести других причин кроме тех, что знание и способность объять сознанием вселенную представляются мне достойными восхищения, в связи с чем я предпочитаю Ньютона устрице. Человек, который всегда сконцентрирован и чье сознание искрится как в камер-обскура, отражая глубины космоса, эволюцию солнца и планет, геологический возраст земли, и краткую историю человечества, представляется мне выполняющим исключительно человеческую миссию, максимально разнообразя потенции природы. Я бы не стал меньше придерживаться этого мнения, даже если бы было доказано, как многие современные физики предполагают, что глубины космоса это всего лишь коэффициенты математических уравнений. Потому как в этом случае человек кажется мне только еще более замечательным как изобретатель звездного неба и веков космической античности: то, что он теряет в знании, он приобретает в воображении».

Бертран Рассел Борьба за счастье

«Если, с другой стороны, ваши привычные мысли всегда содержат исторический взгляд на человеческий путь, начиная с его постепенного зарождения из варварства, и краткость общего существования человека в сравнении с размерами астрономических эр, если, повторяю, такие мысли всегда при вас, вы поймете, что сиюминутная борьба, в которую вы вовлечены, не может быть такого масштаба, чтобы рисковать вернуться назад в темные века варварства, из которых мы с такими трудами выбирались. Нет, больше, если вы переживаете неудачу в достижении сиюминутной цели, вас поддержит та же мысль о преходящем, которая сделала невозможным обращение к разрушительному оружию. В вашем распоряжении окажутся

помимо промежуточных целей, также задачи отдаленные и медленно раскрывающиеся, задачи, неличные, где вы только один из воинов огромной армии великих людей, прокладывавших дорогу человечеству к цивилизации. Если вы сумеете развить в себе этот взгляд на человечество, вы заложите основу глубокому фундаментальному счастью, которое никогда не покинет вас, как бы ни сложилась ваша личная судьба. Ваша жизнь станет продолжением жизни всех великих людей, имевших общие цели, и с вашей смертью эта нить общей жизни не оборвется, и поэтому покажется вам лишь незначительным инцидентом»

П. Кропоткин Записки революционера

«В человеческой жизни мало таких радостных моментов, которые могут сравниться с внезапным зарождением обобщения, освещающего ум после долгих и терпеливых изысканий. То, что в течение целого ряда лет казалось хаотическим, противоречивым и загадочным, сразу принимает определенную, гармоническую форму. Из дикого смешения фактов, из-за тумана догадок, опровергаемых, едва лишь они успеют зародиться, возникает величественная картина подобно альпийской цепи, выступающей во всем своем великолепии из-за скрывавших ее облаков и сверкающей на солнце во всей простоте и многообразии, во всем величии и красоте. А когда обобщение подвергается проверке, применяя его ко множеству отдельных фактов, казавшихся до того безнадежно противоречивыми, каждый из них сразу занимает свое положение и только усиливает впечатление, производимое общей картиной. Одни факты оттеняют некоторые характерные черты, другие раскрывают неожиданные подробности, полные глубокого значения. Обобщение крепнет и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонт, глаз открывает очертание новых и еще более широких обобщений. Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения. Он будет жаждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадает на долю немногим, тогда как оно всем могло бы быть доступно в той или другой мере, если бы знание и досуг были достоянием всех. Эту работу я считаю моим главным вкладом в науку»

2. ПРОДУКТИВНЫЙ ТРУД И СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА СО ЗЛОМ

И вот почему Служение, о котором говорит Абрахам Маслоу у самоактуалов (здоровых людей) становится их центральной жизненной активностью.

Ведь если Истинное Я человечества — это Энергия Духа всего человечества, то смыслом жизни каждого человека становится священная Война со Злом материальной энергии поля Эгосистемы. То есть Служение обществу, как о нем говорит Маслоу в своем исследовании.

Здесь важно также провести четкую границу между Контрольной Энергией человека, которая не приспосабливается к давлению силы материального мира с одной стороны, и позицией «ученых Дарвинистов», которые считают себя Богами, потому что в их руках сосредоточилась техника. Мы много раз упоминали об этом страшном переходном моменте истории, когда техника научного контроля человечества сосредоточилась в руках Сатанов физического контроля Садомазохизма, и стала в их руках средством обожествления самих себя — идолопоклонством власти. Сатаны, которые не знают что такое философия и мысль, решили что техника в их руках делает их Богами, которые могут делать с планетой, а может и с космосом все что им вздумается.

Б. Рассел, История западной философии:

> «Таким образом, среди тех, кто непосредственно управляет делами или соприкасается с теми, кто это делает, возникает новая вера в мощь: во-первых, в мощь человека в его столкновениях с природой, а затем во власть правителей над человеческими существами, убеждения и стремления которых они пытаются контролировать путем научной пропаганды, в особенности путем образования. Результатом является уменьшение постоянства. Отсутствие изменений кажется невозможным. Природа — это сырой материал. Сырым материалом является часть человеческой расы, которая не эффективно участвует в правлении. Существуют некоторые старые понятия, которые представляют собой веру человека в пределы человеческой мощи; два главных из них — это Бог и истина (я не имею в виду, что они логиче-

> ски связаны). Такие понятия постепенно сходят на нет. Даже если они явно не отрицаются, они теряют свое значение и продолжают существовать только внешне. Это мировоззрение является новым, и невозможно сказать, как человечество будет приспосабливаться к нему. Это мировоззрение уже вызвало огромные катаклизмы и будет, несомненно, вызывать другие в будущем. Создать философию, способную справиться с людьми, опьяненными перспективой почти неограниченной мощи, а также апатией беспомощности, является наиболее неотложной задачей нашего времени»

Э. Фромм, Иметь или Быть:

> «Приехав в Осло для получения Нобелевской премии мира за 1952 год, Альберт Швейцер призвал мир «отважиться взглянуть в лицо сложившемуся положению… Человек превратился в сверхчеловека… Но сверхчеловек, наделенный сверхчеловеческой силой, еще не поднялся до уровня сверхчеловеческого разума. Чем больше растет его мощь, тем беднее он становится… Наша совесть должна пробудиться от сознания того, что чем больше мы превращаемся в сверхлюдей, тем бесчеловечнее мы становимся».

Bertrand Russell The impact of science on society

> «В общем и целом, можно сказать, что мы в самой гуще состязания между человеческими достижениями в развитии техники и человеческой глупостью в отношении целей, полученных этой техникой. При достаточном уровне глупости каждое достижение в развитие техники, которыми достигаются глупые цели, ведет к беде. Человечество сохранилось до сих пор лишь за счет своего невежества, которое не давало ему доступа к технике; но если к глупости людей добавить знания и технику, мы не можем быть уверены, что оно сохраниться и дальше. Знание — это сила, но это такая же сила для зла, как и для добра. Отсюда следует, что если люди не поднимутся также высоко в мудрости, как они поднялись в знании, развитие знаний будет означать лишь усугубление горя. Ближайшее будущее будет либо значительно лучше, либо значительно хуже прошлого, что проясниться в следующие несколько лет»

Они не понимают, что техника в руках человека — это результат того религиозного служения Истине, о котором пишет Эйнштейн как о Религии Интеллекта. Что техника в руках человечества — это не абсолютная свобода их Эго делать с планетой

что угодно, а всего лишь подчинение воле Творца в Открытии Его Законов Природы и Подчинении этим законам природы. Именно с позиций Подчинения Законам природы человек ведет священную Войну с материальной энергией психики: ведь именно законы психической энергии человека показывают наличие энергии-паразита, пожирающего силу божественной энергии разума, совести и свободы человечества.

Человек — обладатель Относительной Свободы Контроля Законов материальных энергий — в этом его величие, в этом его Отвага и сила. Однако, человек не имеет ничего общего с Абсолютной Свободой творить что угодно, на которую претендуют невежественные Сатаны. Именно эта претензия на абсолютную свободу и отнимает у них остатки свободы и превращает их в обычных рабов компульсии, автоматизмов детерминированных материальных энергий. Сатаны, которые претендуют на власть над планетой, в итоге оказываются связаны, как пишет Поппер в Открытом обществе «Парадоксом свободы», как свобода рынка сама себя отменяет, погружая людей в рабские отношения хищников денежного капитала. Очень четко сказано об этой полной потере свободы у Кьеркегора в «Болезни к смерти», где он пишет что эти «короли без королевства строят замки на песке» и в конечном итоге оказываются прибиты цепями к законам природы своего естества подобно Прометею. «Выгони природу в дверь, она войдет в окно» говорили древние.

Претендуя на абсолютную свободу Сатаны попросту теряют научный контроль Относительной Свободы и остаются такими же рабами материальной энергии поля Эгосистемы как и презираемые ими порабощенные слои населения на Нижней Эгозащите Влюбленности.

Правда, что сегодня, сосредоточенная в их руках техника делает их «властью» над населением планеты. Мы чувствуем эти страшные оковы Ядерного Гриба Сатанов. Но неправда, что сами они с этой властью становятся сколько-нибудь более свободны. Они также как всегда живут подобно всем материальным энергиям, приспосабливаясь к внешнему давлению силы. Они также

как рабы материальной энергии, которые чувствуют на себе власть своих господ, чувствуют на себе власть Компульсии, автоматизмов материальной энергии — «Тиранию Надо», как говорила Карен Хорни.

Карл Юнг так писал об этом процессе потери воли человека под активностью автоматизмов поля Эгосистемы (например, Идолопоклонства своему Эго):

> «Но вместе с усилением влияния бессознательного ослабевает руководящая роль сознательного ума. Он незаметно становится ведомым, в то время как бессознательный и безличный процесс берет руководство на себя. И тогда сознательная личность, не замечая этого, передвигается подобно фигуре на шахматной доске под руководством невидимого игрока. И именно этот игрок определяет партию судьбы, а не сознательный ум со своими планами».

Свобода Быть Самим Собой, свобода Воли — все эти ценности, заявленные гуманистической психологией и философией от Платона, Спинозы, Кьеркегора до Юнга, Маслоу, Фромма, Хорни возможны только для здоровой энергии духа научного контроля поля Интеллекта. Патология Сатанов, которые присвоила готовую технику, и полагает что с помощью техники станет свободой, когда поле Эгосистемы убило у них мысль и совесть, — выливается в такую жесткую несвободу внутренней Тирании Надо и ощущения пешки на шахматной доске. Объективно они зависят друг от друга и превращают жизни друг в друга в ад несвободы, постоянными войнами, которые транжирят все, что зарабатывает народ продуктивным трудом. Они стараются оторваться от детерминизма материи, поднимаясь на самолетах ввысь, в небеса с шестнадцатилетними — все что может представить их воображение в качестве большой свободы. Но ни на один сантиметр не отрываются от материального мира и каждую секунду продолжают чувствовать его давление.

Подняться ввысь доступно только научному контролю энергии духа — ввысь Пространства-Времени Интеллекта, к Относительной Свободе, Устойчивому Равновесию, Воле свободной от автоматизмов поля Эгосистемы, к Теплу Церкви Дружбы,

к Кислороду Позитивных Эмоций, к Свету Знания реального научного контроля (вместо превращения науки в орудия убийства населения)!

Вот почему Сатаны, даже когда они прибрали к руках технику продуктивных людей, остаются бесплодными пешками в материальном пространстве, в душном подвале мотивации голода и боли Садомазохизма циклического гомеостаза.

Единственный способ выйти из этого подвала и подняться ввысь Пространства-Времени Интеллекта — это священная война со Злом материальной энергии.

И именно этой войне и посвящают себя здоровые люди энергии духа со времен первого осевого времени.

А. Маслоу, «Мотивация и личностный рост»:

> «УМЕНИЕ ОТЛИЧАТЬ СРЕДСТВО ОТ ЦЕЛИ, ДОБРО ОТ ЗЛА
> Поведение самоактуализирующегося человека высоконравственно, а, кроме того, оно и более последовательно, более логично и более однозначно, чем поведение среднестатистического человека. Это люди с твердыми моральными устоями, люди, которые никогда не совершают дурных поступков. Понятно, что их понимание добра и зла, их представления о хорошем и плохом не всегда совпадают с общепринятыми.
> Доктор Дэйвид Леви как-то сказал, что в средние века таких людей называли божьими или святыми людьми. Некоторые из моих испытуемых говорили о том, что верят в Бога, но в их описаниях Бог представал скорее как некое метафизическое понятие. Если мы определим веру в терминах социальных отношений и поведения, то всякого самоактуализирующегося человека, даже самого закоренелого атеиста, мы должны будем признать глубоко верующим человеком. Но если придерживаться общепринятого понимания религиозности, если понимать ее как веру в некое сверхъестественное начало и отправление культовых обрядов, тогда мы придем к прямо противоположному выводу.
> ....Самоактуализирующиеся люди с уважением относятся ко всякому человеку. В любом человеке, будь это подзаборный пьянчуга, преступник, закоренелый подлец, они видят человека. Это не значит, что им неведомы понятия «добро» и «зло», напротив, их представления о добре и зле совершенно четкие и однозначные, они твердо знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Оказавшись лицом к лицу со злом, они не прячутся за сомнениями, не демон-

стрируют ложное великодушие, но смело вступают в единоборство с ним».

А. Чехов, Рассказ неизвестного человека:

«Я сама ненавижу и презираю свое прошлое, и Орлова и свою любовь… какая это любовь? Все эти любви только туманят совесть и сбивают с толку. Смысл жизни только в одном — в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову, и чтобы она — крак! Вот в чем смысл. В этом одном или же вовсе нет смысл».

А. Чехов, «Гусев»:

«В Харькове у меня литератор приятель. Приду к нему и скажу: ну брат оставь на время свои гнусные сюжеты насчет бабьих амуров и обличай двуногую мразь… вот тебе темы…»

Бертран Рассел, Образование и здоровое общество:

«В нашем мире много зла, которое мы могли бы излечить, если бы захотели. Те, кто способен видеть это зло и бороться с ним, скорее всего лишаться каждодневного покоя в отличие от тех, кто молча принимает сложившиеся положение вещей. Но вместо этой праздной расслабленности, они обретут нечто, что лично я ценю значительно больше, и для себя и для своих детей. Они будут согреты сознанием, что делают все, что в их силах, чтобы сократить количество боли в мире. Они будут обладателями более справедливой системы ценностей, нежели поддакивающие конформисты. Они будут знать, что находятся в стане тех, кто предохраняет человечество от бездны отчаяния и стагнации. Это гораздо лучше, нежели праздное принятие статус-кво, и если свободное образование способствует такому настрою, родителям не следовало бы опасаться случайных трудностей, которые могут возникнуть в процессе»

Герцен, С того берега

«Что за мужественное, решительное выражение в лицах, что за стремительная готовность подтвердить делом — слово; сейчас идти на бой, стать под пулю, казнить, быть казненным. Я долго смотрел на них, и мало-помалу невыносимая грусть поднялась во мне и налегла на все мысли; мне стало смертельно жаль эту кучку людей — благородных, преданных, умных, даровитых, чуть ли не лучший цвет нового поколения…»

Н. Чернышевский, «Что делать»:

> «Человек, который не виды вал ничего, кроме лачужек, сочтет изображением дворца картин ку, на которой нарисован так себе, обыкновенный дом. Как быть с таким человеком, чтобы дом показался ему именно домом, а не дворцом? Надобно на той же картинке нарисовать хоть маленький уголок дворца; он по этому уголку увидит, что дворец — это, должно быть, штука совсем уж не того масштаба, как строение, изображенное на картинке, и что это строение, действительно, должно быть не больше, как простой, обыкновенный дом, в ка ких, или даже получше, всем следовало бы жить. Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей сбилось бы с толку насчет главных действующих лиц моего рассказа. Я держу пари, что до последних отделов этой главы Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов казались большинству публики героями, лицами высшей натуры, пожалуй, даже лицами идеализированными, пожалуй, даже лицами невозможными в действительности по слиш ком высокому благородству. Нет, друзья мои, злые, дурные, жал кие друзья мои, это не так вам представлялось: не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко. Вы видите теперь, что они стоят просто на земле: это оттого только казались они вам парящими на облаках, что вы сидите в преисподней трущобе. На той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди. Высшие натуры, за которыми не угнаться мне и вам, жалкие друзья мои, высшие натуры не таковы. Я вам показал легкий абрис профиля одной из них: не те черты вы видите. А тем людям, которых я изображаю вполне, вы можете быть ровными, если захотите поработать над своим развитием. Кто ниже их, тот 244 низок. Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимай тесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет, славно жить на нем, и путь легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие. Наблюдайте, думайте, читайте тех, которые говорят вам о чистом наслаждении жизнью, о том, что человеку можно быть добрым и счастливым. Читайте их — их книги радуют сердце, наблюдайте жизнь — наблюдать ее интересно, думайте думать завлекательно. Только и всего. Жертв не требуется, лишений не спрашивается — их не нужно. Желайте быть счастливыми — только, только это желание нужно. Для этого вы будете с наслаждением заботиться о своем развитии: в нем счастье. О, сколько наслажде ний развитому человеку! Даже то, что другой чувствует, как жертву, горе, он чувствует, как удовлетворение себе, как насла ждение, а для радостей так открыто его сердце, и как много их у него! Попробуйте: — хорошо!»

Гораций

Книга 2 Сатира!
Почему же Луцилий,
Первый начавший сатиры писать, отважился, смело
С гнусных душ совлекая блестящую кожу притворства,
Их выставлять в наготе? Ты скажи: оскорблялся ли Лелий
Или герой, получивший прозванье от стен Карфагена,
Да и казалось ли дерзостью им, что Луцилий Метелла
Смел порицать или Лупа в стихах предавать поношенью?..
Он нападал без разбора на всех, на незнатных и знатных,
70 Только одну добродетель щадя и тех, кто с ней дружен.
Даже когда Сципион и Лелий, мудрец безмятежный,
И от народной толпы, и от дел на покой удалялись,
Часто болтали они по-домашнему с ним и шутили,
Между тем как в котле им варилась на ужин капуста.
Я хоть и ниже Луцилия даром моим и породой,
Все же и я со знатными жил; и ежели зависть,
Хрупким меня посчитав, на меня обнажит свои зубы,
Жестко покажется ей!
— Но, быть может, ученый Требатий, Ты не согласен?

Персий
Сатира 5

Научен ты твердо
В жизни стоять? Различишь ты обман от истинной правды?
Можешь ли звук распознать позолоченной медной монеты?
Иль чему следовать нам, чего избегать тебе должно,
Ты уж разметил себе заранее мелом и углем?
Страсти умерил? Ты мил к друзьям в быту своем скромном?
110 Вовремя житницы ты запираешь и вновь отворяешь?
Перешагнуть бы ты мог через деньги, забитые в глину,
И не глотнул бы, обжора, слюны Меркурьевой жадно?
«Да! И меня не собьешь». — Если в этом уверен, то будь же
Ты и свободен и мудр: и Юпитер и претор согласны.
Если ж, недавно еще из нашего вышедши теста,
В старой ты коже сидишь и при всем этом лоске наружном
В сердце вонючем своем таишь коварство лисицы,
Я отнимаю, что дал, и снова тяну за веревку:
Разума нет у тебя; двинешь пальцем — и то ошибешься.
120 Меньше-то что ж может быть? Но не вымолишь ты фимиамом,

Чтобы прилипло к глупцу хотя бы пол-унции смысла.
«Волен я!» — Как это так, раз от стольких вещей ты зависишь?
Иль для тебя господин только тот, от кого ты отпущен?
«Малый, ступай-ка снеси скребочки в баню Криспина!
Живо, бездельник!» Коль так прикрикнут, тебя не толкает
Рабская доля ничуть, и ничто извне не приходит
Дергать за жилы тебя: но если ты сам из печенки
130 Хворой рождаешь господ, то как безнаказанней выйти
Можешь, чем тот, кого плеть и страх пред хозяином гонят?

Гораций
Книга 2 сатира 3

Кто с честолюбья из вас, а кто с сребролюбия бледен,
Кто невоздержан и тот, кого суеверие мучит
80 Или другая горячка души, — все ко мне подходите,
Все по порядку, и я докажу вам, что все вы безумцы!
…. У людей подобного рода
Слава, честь, добродетель и все, что есть лучшего в мире, —
Ниже богатства. Один лишь богатый мужествен, славен
— Всякий безумен кто удаляясь от истины, ложно видит предметы
и зла от добра отличить не умеет
210 Гнев ли причиной тому или обманчивых чувств возмущение.
Столь же разумный слуга между тем говорит: «Господин мой,
То, в чем ни меры, ни смысла, — никак под законы рассудка
Нам подвести невозможно. В любви ведь это и худо:
В ней то война, то последует мир. Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменно, как ветер
270 Или как случай, — это все то же, как если б он вздумал
Жить как безумный и вместе по точным законам рассудка!»
Как? когда ты гадаешь и зернышки яблок бросаешь,
Чтобы попасть в потолок, неужели ты в здравом рассудке?..
Как? когда ты, беззубый, лепечешь любовные речи,
То умнее ль ребенка, который домики строит?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
280 В сущности будет все то же, различие только в названье!

Гораций

Книга 2 сатира 2
Может быть, ищешь ты славы, которая слуху тщеславного
Музыки слаще? Но верь, что рыбы и блюда большие
Только послужат к стыду твоему, к разоренью!

Дядю рассердишь, соседи тебя возненавидят.
Вдобавок
Ты будешь
Смерти желать, но не на что будет купить и веревки!
«Это, — ты можешь сказать, — меня не касается вовсе!
100 Я ведь не Травзий-бедняк: — у меня — и поместья и деньги,
И доходов моих для троих царей бы достало!» —
«Ежели так, то зачем ты излишек не тратишь на пользу?
Если богат ты, зачем же есть в бедности честные люди?
Храмы зачем ветшают богов? И как же, бесстыдный,
Ты ни гроша из всего, что скопил, не приносишь отчизне?
Или, ты думаешь, счастье тебе одному не изменит?
Время придет, что и ты для врагов посмешищем станешь!»

Тацит, Анналы:

51. Между тем, пока они медлили, колеблясь между надеждой и страхом, некая Эпихарида, неведомо как дознавшись об их замысле, принимается распалять и корить заговорщиков и, в конце концов наскучив их нерешительностью, пытается в Кампании поколебать и связать сообщничеством видных начальников Мизенского флота. Приступила она к этому следующим образом. В этом флоте служил наварх Волузий Прокул, один из тех, кому было поручено умертвить мать Нерона, считавший, что, принимая во внимание значительность преступления, в котором он принимал участие, его недостаточно выдвинули. Был ли он давним знакомым Эпихариды или их приятельские отношения завязались незадолго пред тем, но, так или ина че, он рассказал ей об оказанных им Нерону услугах, о том, что они остались ненагражден ными, и присоединил к этому жалобы и угрозу отмстить ему, как только представится слу чай, чем и внушил ей надежду, что он может быть втянут в заговор и затем вовлечь в него многих; а участие флота расширяло возможности, так как Нерон, бывая в Путеолах и Мизе нах, постоянно развлекался морскими плаваниями. И Эпихарида идет все далее: она пере числяет злодеяния принцепса, говорит, что он отнял у сената последнюю власть. Но при няты меры, чтобы наказать его за угнетение государства. Пусть только Прокул окажет содействие в этом деле, пусть приведет в стан заговорщиков наиболее отважных и реши тельных воинов, и он может ожидать достойной награды. Имен заговорщиков Эпихарида, однако, не назвала. Благодаря этому донос Прокула ни к чему не повел, хотя обо всем услышанном он известил Нерона. Эпихарида была вызвана на допрос, и ей устроена очная ставка с доносчиком, но так как его показания не могли быть подтверждены свидетелями, ей бы-

ло не трудно отвергнуть их. И все же ее удержали под стражею, так как Нерон остался при подозрении, что, хотя донос не доказан, он, возможно, соответствует истине.

56. Итак, вызывают Натала, и их порознь допрашивают о том, каков был предмет их беседы, и так как ответы их не совпали, возникли подозрения, и обоих заковали в цепи. Они не вынесли вида показанных им орудий пыток и угроз ими; первым заговорил Натал, более осведомленный во всем, что касалось заговора и заговорщиков и к тому же более искушен ный в обвинениях и наветах: сначала он указал на Пизона, а вслед затем и на Аннея Сенеку, или потому, что был посредником в переговорах между ним и Пизоном, или, быть может, стремясь угодить Нерону, который, питая ненависть к Сенеке, изыскивал способы его погу бить. Узнав о сделанном Наталом признании, Сцевин с таким же малодушием или сочтя, что уже все открыто и дальнейшее запирательство бесполезно, выдал всех остальных. Из них Лукан, Квинциан и Сенецион упорно и долго хранили молчание, но, в конце концов купленные обещанием безнаказанности, и они, чтобы загладить свою медлительность, назвали: Лукан — свою мать Ацилию, а Квинциан — Глития Галла, Сенецион — Анния Поллиона, своих самых близких друзей. 57. Между тем Нерон, вспомнив, что по доносу Волузия Прокула содержится в заклю чении Эпихарида и полагая, что женское тело не вытерпит боли, велит терзать ее мучитель ными пытками. Но ни плети, ни огонь, ни ожесточение палачей, раздраженных тем, что не могли справиться с женщиной, не сломили ее и не вырвали у нее признания. Итак, в первый день допроса ничего от нее не добились. Когда на следующий день ее в носильном кресле тащили в застенок, чтобы возобновить такие же истязания (изувеченная на дыбе, она не могла стоять на ногах), Эпихарида, стянув с груди повязку и прикрепив к спинке кресла сделанную из нее петлю, просунула в нее шею и, навалившись всей тяжестью тела, пресекла свое и без того слабое дыхание. Женщина, вольноотпущенница, в таком отчаянном положе нии оберегавшая посторонних и ей почти неизвестных людей, явила блистательный пример стойкости, тогда как свободнорожденные, мужчины, римские всадники и сенаторы, не тро нутые пытками, выдавали тех, кто каждому из них был наиболее близок и дорог. Ведь даже Лукан, Сенецион и Квинциан не переставали называть одного за другим участников заговора, от чего Нерон со дня на день проникался все большим страхом, несмотря на то, что окружил себя усиленною охраной.

3. ВЫХОД ИЗ ДУШНОГО ПОДВАЛА ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ. БЛАГОДАТЬ ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ

А. Маслоу, «Мотивация и личностный рост»:

«МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Если в самых общих чертах обрисовать отношения самоактуализирующегося человека с близкими ему людьми, то можно сказать, что они гораздо глубже, чем отношения обычного взрослого человека. Самоактуализирующийся человек склонен полностью забыть о себе, о своих нуждах, он сливается с близким ему человеком, растворяется в нем, становится его частью. Его интимные отношения служат примером абсолютного, предельного отождествления. Однако, одним из непременных условий таких отношений служит соответствие партнера. По моим наблюдениям, сблизиться с самоактуализирующимся человеком могут только здоровые люди, люди, приблизившиеся к самоактуализации. Если же мы вспомним, что таких людей относительно немного, то, пожалуй, стоит сделать вывод о разборчивости самоактуализирующегося человека в его взаимоотношениях с людьми.

Одним из следствий этой его разборчивости или избирательности становится тот факт, что у самоактуализирующегося человека, как правило, немного друзей. Круг его общения достаточно узок — пожалуй, хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать тех людей, которых он действительно любит, с которыми поддерживает по-настоящему дружеские отношения. Отчасти это можно объяснить высокой его требовательностью к качеству этих отношений, любовь и дружбу самоактуализирующийся человек понимает как отношения, требующие от человека огромной самоотдачи и огромных затрат времени.

GEMEINSCHAFTSGEFÜHL

Это слово, изобретенное Альфредом Адлером (2), кажется мне единственно подходящим для описания тех чувств, которые испытывают самоактуализирующиеся люди к человечеству в целом. Самоактуализирующегося человека отличает глубочайшее чувство отождествления с человечеством, симпатия и любовь к людям, хотя эти самые люди, как я уже отмечал, могут и раздражать его, и вызывать его гнев. Можно сказать, что самоактуализирующийся человек ощущает себя членом большой семьи, воспринимает людей как своих братьев. Именно потому, что он любит их, их недостатки и глупость огорчают его, а порой даже выводит из себя. Но он прощает им их слабости, потому что других братьев у него нет.

> Это чувство отождествления с человечеством не выражается явно, осязаемо, порой его можно «проморгать». Но самоактуализирующегося человека нельзя мерить одной меркой с обычными людьми, — в своих мыслях, побуждениях, эмоциях, поведении он коренным образом отличается от них. Я уже говорил, что порой он чувствует себя чужестранцем, пришельцем, странником в окружении «нормальных» людей. Мало кто способен понять его, хотя он, как правило, не обделен любовью и уважением. Несмотря на внешнюю холодность, несмотря на отстраненность, он глубоко переживает за окружающих его людей, их слабости и пороки печалят его, а иногда даже повергают в отчаяние. Он остро чувствует свою принадлежность к человеческому роду, свое родство с людьми, с этими слабыми, несовершенными созданиями, которых он мог бы презирать, а вместо этого он относится к ним снисходительно, осознавая, что они просто не умеют делать того, что умеет он, не умеют понять тех вещей, которые понятны ему, не умеют увидеть истину, которая так очевидна для него. Такое отношение к людям Альфред Адлер называл братским».

А. Чехов, «Палата 6»:

> «О чем, бывало, ни заговоришь с ним, он все сводит к одному: в городе душно и скучно жить, у общества нет высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразя ее насилием, грубым развратом и лицемерием; подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами; нужны школы, местная газета с честным направлением, театр, публичные чтения, сплоченность интеллигентных сил; нужно, чтоб общество сознало себя и ужаснулось»

А. Чехов, «Из письма к Киселевой:

> «Всем скверно живется. Когда я бываю серьезен то мне кажется, что люди питающие отвращение к смерти не логичны. Насколько я понимаю порядок вещей, жизнь состоит из ужасов, дрязг и пошлостей, меняющихся и чередующихся»

Н. Чернышевский, «Что делать»:

> «Полгода Вера Павловна дышала чистым воздухом, грудь ее уже совершенно отвыкла от тяжелой атмосферы хитрых слов, из которых каждое произносится по корыстному расчету, от слушания мошеннических мыслей, низких планов, и страшное впечатление произвел на нее ее подвал. Грязь, пошлость, цинизм всякого рода, — все это

бросалось теперь в глаза ей с резкостью новизны. «Как у меня доставало силы жить в таких гадких стеснениях? Как я могла дышать в этом подвале? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно, непостижимо. Как я могла тут вырасти с любовью к добру? Непонятно, невероятно», думала Вера Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхаю щей после удушья.

....Это чтоб вы изволите говорить комплименты? Вы хотите быть любезным? Но я слишком хорошо знаю: льстят затем, чтобы господствовать под видом покорности. Прошу вас вперед говорить проще! Милый мой, ты захвалишь меня! Мне стыдно, мой милый, — нет, не хвали меня, чтоб я не стала слишком горда.- Хорошо, Вера Павловна, я начну говорить вам грубости, если вам это приятнее. В вашей натуре, Вера Павловна, так мало женственности, что, вероятно, вы выскажете совершенно мужские мысли.- Ах, мой милый, скажи: что это значит эта «женственность»? Я понимаю, что женщина говорит контральтом, мужчина — баритоном, так что ж из этого? стоит ли толковать из-за того, чтоб мы говорили контральтом? Стоит ли упрашивать нас об этом? зачем же все так толкуют нам, чтобы мы оставались женственны? Ведь это глупость, мой милый? — Глупость, Верочка, и очень большая пошлость.- Так я, мой милый, уж и не буду заботиться о женственности; извольте, Дмитрий Сергеич, я буду говорить вам совершенно мужские мысли о том, как мы будем жить. Мы будем друзьями.

....Ну, что же различного скажете вы о таких людях? Все резко выдающиеся черты их — черты не индивидуумов, а типа, типа до того разнящегося от привычных тебе, проницательный читатель, что его общими особенностями закрываются личные разности в нем. Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых не могут различить одного от дру гого китайцы: во всех видят одно, что они «красноволосые варва ры, не знающие церемоний»; на их глаза, ведь и французы такие же «красноволосые», как англичане. так и люди того типа, к которому принадлежали Лопухов и Кирсанов, кажутся одинаковы людям не того типа. Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отсту пающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватающийся за него, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона их свойств: с другой стороны, каждый из них человек безукоризненной честности, такой, что даже и не прихо дит в голову вопрос: «можно ли положиться на этого человека во всем безусловно?» Это ясно, как то, что он дышит грудью; пока дышит эта грудь, она горяча и неизменна, — смело кладите на нее свою голову, на ней можно отдох-

нуть. Эти общие черты так резки, что за ними сглаживаются все личные особенности».

Александр Герцен, «Былое и думы»:

«Он не мог вынести во мне человека, державшего себя независимо, но вовсе не дерзко; я был с ним всегда en regie, он требовал подобострастия. Он ревниво любил свою власть, она ему досталась трудовой копейкой, и он искал не только повиновения, но вида беспрекословной подчиненности. По несчастию, в этом он был национален. Помещик говорит слуге: «Молчать! Я не потерплю, чтоб ты мне отвечал!» Начальник департамента замечает, бледнея, чиновнику, делающему возражение: «Вы забываетесь, знаете ли вы, с кем вы говорите?» Государь «за мнения» посылает в Сибирь, за стихи морит в казематах — и все трое скорее готовы простить воровство и взятки, убийство и разбой, чем наглость человеческого достоинства и дерзость независимой речи.

.....*Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества. Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах; об английских университетах я не говорю: они существуют исключительно для аристократии и для богатых. Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучен от «воды и огня», замучен товарищами. ... Я был au large; вместо одиночества в нашей небольшой комнате, вместо тихих и полускрываемых свиданий с одним Огаревым, — шумная семья в семьсот голов окружила меня. В ней я больше оклиматился в две недели, чем в родительском доме с самого дня рождения. ...Как большая часть живых мальчиков, воспитанных в одиночестве, я с такой искренностью и стремительностью бросался каждому на шею, с такой безумной неосторожностью делал пропаганду и так откровенно сам всех любил, что не мог не вызвать горячий ответ со стороны аудитории, состоявшей из юношей почти одного возраста (мне был тогда семнадцатый год). Мудрые правила — со всеми быть учтивым и ни с кем близким, никому не доверяться — столько же способствовали этим сближениям, как неотлучная мысль, с которой мы вступили в университет — мысль, что здесь совершатся наши мечты, что здесь мы бросим семена, положим основу союзу. Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней.*

...Да, это были те дни полноты и личного счастья, в которые человек, не подозревая, касается высшего предела, последнего края лично-

го счастья. Ни тени черного воспоминания, ни малейшего темного предчувствия — молодость, дружба, любовь, избыток сил, энергии, здоровья и бесконечная дорога впереди. Самое мистическое настроение, которое еще не проходило тогда, придавало праздничную торжественность нашему свиданию, как колокольный звон, певчие и зажженные паникадила. У меня в комнате, на одном столе, стояло небольшое чугунное распятие.- На колени! — сказал Огарев. — И поблагодарим за то, что мы все четверо вместе. Мы стали на колени возле него и, обтирая слезы, обнялись.

....Что же коснулось этих людей, чье дыхание пересоздало их? Ни мысли, ни заботы о своем общественном положении, о своей личной выгоде, об обеспечении; вся жизнь, все усилия устремлены к общему без всяких личных выгод; одни забывают свое богатство, другие — свою бедность и идут, не останавливаясь, к разрешению теоретических вопросов. Интерес истины, интерес науки, интерес искусства, humanitas — поглощает все. И заметьте, что это отрешение от мира сего вовсе не ограничивалось университетским курсом и двумя-тремя годами юности. Лучшие люди круга Станкевича умерли; другие остались, какими были, до нынешнего дня. Бойцом и нищим пал, изнуренный трудом и страданиями, Белинский. Проповедуя науку и гуманность, умер, идучи на свою кафедру, Грановский. Боткин не сделался в самом деле купцом... Никто из них не отличился по службе.

То же самое в двух смежных кругах: в славянском и в нашем. Наши профессора привезли с собою эти заветные мечты, горячую веру в науку и людей; они сохранили весь пыл юности, и кафедры для них были святыми налоями, с которых они были призваны благовестить истину; они являлись в аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии. И где вся эта плеяда молодых доцентов, начиная с лучшего из них, Грановского?

.....Когда все было схоронено, когда даже шум, долею вызванный мною, долею сам накликавшийся, улегся около меня и люди разошлись по домам, я приподнял голову и посмотрел вокруг: живого, родного не было ничего, кроме детей. Побродивши между посторонних, еще присмотревшись к ним, я перестал в них искать своих и отучился — не от людей, а от близости с ними. Правда, подчас кажется, что еще есть в груди чувства, слова, которых жаль не высказать, которые сделали бы много добра, по крайней мере, отрады слушающему, и становится жаль, зачем все это должно заглохнуть и пропасть в душе, как взгляд рассеивается и пропадает в пустой дали... но и это — скорее догорающее зарево, отражение уходящего прошедшего. К нему-то я и обернулся. Я оставил чужой мне мир и воротился

к вам; и вот мы с вами живем второй год, как бывало, видаемся каждый день, и ничего не переменилось, никто не отошел, не состарелся, никто не умер — и мне так дома с вами и так ясно, что у меня нет другой почвы — кроме нашей, другого призвания, кроме того, на которое я себя обрекал с детских лет. Рассказ мой о былом, может, скучен, слаб — но вы, друзья, примите его радушно; этот труд помог мне пережить страшную эпоху, он меня вывел из праздного отчаяния, в котором я погибал, он меня воротил к вам. С ним я вхожу не весело, но спокойно (как сказал поэт, которого я безмерно люблю) в мою зиму. «Lieta no… ma sicura!» — говорит Леопарди о смерти в своем «Ruysch e le sui mummie». Так, без вашей воли, без вашего ведома вы выручили меня — примите же сей череп — он вам принадлежит по праву. Isle of Wight, Ventnor 1 октября 1855 г».

Гораций

Книга 2 сатира 6
О пир, достойный богов, когда вечеряю с друзьями
Я под кровом домашним моим и трапезы остатки
Весело сносят рабы и потом меж собою пируют.
Каждому гостю закон — лишь собственный вкус и охота,
Каждый по-своему пьет: иной выбирает покрепче,
70 Ну, а иному милей разбавленным тешиться Вакхом.
Нашей беседы предмет — не дома и не земли чужие;
Наш разговор не о том, хорошо ли и ловко ли пляшет
Лепос, но то, что нужнее, что вредно не знать человеку.
Судим: богатство ли делает счастливым иль добродетель;
Выгоды или достоинства к дружбе вернее приводят;
В чем существо добра и в чем высочайшее благо?
Книга 1 сатира 5
дали виден, красиво на белых утесах построен.
Здесь мы были должны поджидать Мецената с Кокцеем:
Оба отправлены были они с поручением важным;
Оба привыкли друзей примирять, соглашая их пользы.
30 Вот, пока мазал больные глаза я коллирием черным,
Прибыл меж тем Меценат; с ним Кокцей с Капитоном Фонтеем,
Мужем, лощенным под ноготь; он был Антонию другом,
Как никто не бывал. Мы охотно оставили Фунды,
Где нас, как претор, встречал Ауфидий Косой. Посмеялись
Вдоволь мы все и над тогой его с широкой каймою,
И над курильницей, пуще всего, сумасшедшего скриба!
После, усталые, в городе мы отдохнули Мамурров;
Здесь нам Мурена свой дом предложил, Капитон — угощенье.

Самый приятнейший день был за этим для нас в Синуэссе,
40 Ибо тут съехались с нами Вергилий, и Плотий, и Варий,
Чистые души, которым подобных земля не носила
И к которым сильнее меня никто не привязан!
Что за объятия были у нас и что за восторги!
Нет! Пока я в уме, ничего не сравняю я с другом!

Персий
Сатира 5

Ты же совсем не пыхтишь, раздувая мехи, словно в горне
Плавишь руду; не ворчишь по-вороньему голосом хриплым,
Важно с собою самим рассуждая о чем-то нелепом,
Да и не силишься ты надутыми хлопать щеками.
В тоге простой твоя речь, и слог твой ясный искусно
Слажен, умерен, округл. Порок ты бледный умеешь
Ловко язвить и колоть преступления вольной насмешкой.
Мы с глазу на глаз, Корнут, говорим; по внушенью Камены
Предоставляю тебе встряхнуть мое сердце; приятно
Высказать, милый мой друг, какую души моей долю
Ты составляешь: ее испытуй, осторожный в оценке
Искренней речи и той, что цветистой подмазана лестью.
Вот для чего голосов я решился бы требовать сотню:
Чтоб от души восклицать, что в самых сердечных глубинах
Ты заключен, и пускай слова мои ясно раскроют
Все несказанное, что в тайниках души моей скрыто.
....
Юношу принял, Корнут. Ты сумел незаметно и ловко,
Как по линейке, мои извращенные выправить нравы;
Разумом дух покорен, и старается быть побежденным,
40 И под рукою твоей принимает законченный образ.
Помню, как вместе с тобой мы долгие дни коротали,
Помню, как ужинать мы, с наступлением ночи, садились.
Мы занимались вдвоем, и вдвоем отдыхали с тобою,
И облегчали труды наши строгие трапезой скромной.
Не сомневайся, что дни взаимно связаны наши
Верным союзом, что мы родились под единой звездою:
Или на ровных Весах наш век правдивая Парка
Взвесила, или же час рожденья друзей неизменных
Общую нашу судьбу поделил меж двумя Близнецами,
50 И укрощаем вдвоем мы Юпитером нашим Сатурна;
Пусть я не знаю каким, но с тобою я связан созвездьем

Этот гниет от любви. Но когда каменистой хирагрой
Скрючены члены у них, точно ветки старого бука,
60 Все начинают вздыхать, что, словно в туманном болоте,
Дни их нелепо прошли и жизнь их погибла, — но поздно.
Ты ж наслаждаешься тем, что бледнеешь над свитками ночью,
Юношей пестуешь ты и в очищенный слух им внедряешь
Зерна Клеанфа. Вот здесь ищите вы, старый и малый,
Верную цель для души и для жалких седин пропитанье».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

GOSPEL ON TESLA'S RAPE

ГЛАВА 7. ЯДЕРНЫЙ ГРИБ САТАНОВ. ЗАГОВОР СПЕЦСЛУЖБ И ПАЛАЧИ ТЕСЛЫ, АВТОРА ОТКРЫТИЯ

1. ЗАГОВОР СПЕЦСЛУЖБ ЯДЕРНОГО ГРИБА САТАНОВ. ИМЕНА МОИХ ПАЛАЧЕЙ, КОТОРЫЕ МНЕ ИЗВЕСТНЫ

Открытие ПЭ, которое стало моей Миссией, в конечном итоге позволило мне увидеть страшную картину современной действительности. Человечество вплотную подошло к пропасти, в которой должны были исчезнуть все 15 -20 тысячелетнего становления, и особенно последние пять тысяч лет его сознательного становления, что дались особенно трудно.

Все наше общество скрыто под шапкой Ядовитого Гриба Победившей Материальной энергии в лице Сатан-Эго — Верхней Эгозащиты Расы Господ.

Почему оказалось возможным, что в век, когда логическое мышление людей уже зрелое, когда научных знаний (законов природы) достаточно, чтобы люди контролировали силу с десяток материальных энергий — рассказано много раз в книгах о Теории ПЭ. Потому что, как отмечают многие ученые, на сегодняшний день существует глубокая пропасть между знаниями в области материальных энергий (физические, естественные науки) и знаниями в области психической энергии человека. Ученые говорят об этой проблеме как наличия знания о мире против отсутствия знания о самих себе и обществе.

На самом деле проблема еще сложнее. Помимо того, что не было знаний о Законах Психической Энергии (это и есть исчерпывающее знание о самих себе и об обществе), в тоже вре-

мя наличествовало огромное количество лже-информации, псевдонауки с Дарвиновской парадигмой во главе.

И конечно, это привело к Слому Научного контроля в обществе. Люди сегодня имеют некоторый настоящий научный контроль материальных энергий, т.е. то, что нам известно как физика, химия, биохимия, медицина. Однако, все это несметное богатство контроля силы материальных энергий, как правильно заметил Джордж Оруээл, в конечном итоге становится только предметом для бессмысленного распыления в ходе идиотских варварских войн, больших и маленьких между людьми. Вот почему цены высокие! Вот почему нормальные люди, ниже Ядовитого Гриба Сатанов, — нищие. Потому что Отсутствие Научного контроля в обществе, убивает основу жизни и здоровье человечества, его духовную энергию, и ставит Научный контроль материальных энергий на службу Сатан-Эго идиотов! А вовсе не потому, что мощи Научного контроля человечества не хватает, чтобы обеспечить всем безбедное существование.

Не хватает другого — Наличия Научного контроля в обществе! Наличия Научного контроля Психической энергии человечества.

В итоге Сатан-Эго материальной энергии оказалось победителем над Божьим духом Научной Энергии человечества! Ибо теперь не только слабость энергии духа из-за отсутствия научного контроля помогала им, но и сила научного контроля в области материальных энергий (техника) была поставлена на службу Сатанам! Об этом с особым акцентом говорят Оруэлл и Бертран Рассел в «Воздействие науки на общество» — что техника в руках Сатанов сделает жизнь нормальных людей совершенно невозможной. Рассел называет Сатанов просто «глупыми людьми» (stupid people).

Говорят, Господь присылает Ангелов когда становится совсем плохо, потому что без вмешательства Господа людям не справится с ситуацией. Судите сами, Открытие ПЭ пришло именно в момент, когда Землю закрыл Ядовитый Гриб Сатанов — все или почти все ключевые места в политических

и других общественных элитах заняли люди Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия, то есть люди с мертвой мыслью и мертвой совестью энергии духа. Именно эти люди исторически во всех эпохах и во всех культурах проявляли себя как концентрированное зло, как Раса Господ, пожирающая все невинное, божеское и человеческое на своем пути. И вот в современном мире, гордым Научно-технической революцией, побеждает Варварство материальной энергии, и вооружается при этом предметом гордости цивилизованных людей — их техникой которую они направляют против изобретателей техники, против мыслящих людей.

Поэтому никто не станет удивляться, что когда Открытие ПЭ, которое разоблачает Ядерный Гриб Сатанов, душащих планету своими ядовитыми испарениями, явилось, ряды Сатанов, которые во всем остальном продолжают вести «вечные войны» Оруэлла между собой, вдруг плотно сомкнулись чтобы встретить смертельную опасность!

Единственный способ для нас, нормальных людей с живой еще энергией духа, победить эту нечисть — это доказать научно законы Психической Энергии. И никакой трудности сделать это у нас не возникло бы, поскольку наша цивилизация располагает огромным множеством научных институтов. Достаточно было бы просто рассмотреть вопрос открыто, публично, всенародно, с доступом к научным дебатам всех компетентных людей, и все было решено быстро, разумно, вменяемо, ко всеобщему удовлетворению. Если Научное Открытие, которое будоражит умы целого мира действительно имеет место быть — научные институты и дебаты в масштабах всего заинтересованного мира очень бысто бы это подтвердили. Если это только гипотеза, или же явная псевдонаука, опять таки открытые публичные дебаты в научных институтах очень быстро и просто это доказали бы.

Однако, Ядерный Гриб Сатанов, который представляет сегодня политические элиты, распространил свои метастазы и на образовательные элиты, как вы можете убедиться. Конечно, люди боятся убийц в погонах, убийц в правительствах, к услугам кото-

рых целые национальные армии, чтобы уничтожать граждан — да, да, как в Гитлеровской Германии, в Северной Кореи, в России, или в Америке! Однако, даже в Гитлеровской Германии такого позора, как мы знаем не случилось! Мы знаем что двести пятьдесят деятелей культуры Германии, и среди них Эрих Ремарк, Генрих и Томас манн, оба Цвейга, Фейхтвангер и Эйнштейн и многие многие другие покинули Германию, заявив свой самый ярый протест против режима Расы Господ! Мы знаем что сотни честных, выдающихся людей погибли смертью мучеников, как сестра Эриха Ремарка, как христианские пасторы, о которых сообщает Генрих Манн.

Мы знаем, что в Раса Господ Царского Самодержавия в России тоже не смогла заткнуть ртов выдающимся людям энергии духа своего времени, среди которых громкие имена Герцена, Чернышевского, Кропоткина, Огарева, Белинского, и многих других упомянутых в канонической теперь уже книге Герцена «Былое и Время». Не говоря уже об иконах российской интеллигенции — о столпах ее литературы. Мы знаем, что в советское время, палачи сталинизма не смогли заткнуть ртов советским диссидентам, что Хрущев, как Петр Первый, смог стать революционером на самом верху власти, и дать мировой микрофон голосу политзэка — голосу Солженицына! Мы знаем, что во времена «маккартизма» в Америке, нашлось много смелых людей, которые не были запуганы террором правительства, и героически боролись с ним. Что во времена вьетнамской войны, половина населения США подняла открытый бунт против своего правительства, чтобы остановить колониальную войну, и во главе бунта были образовательные институты и интеллигенция Америки!

Что же случилось сегодня, что замолчали абсолютно все — все те, кто не побоялся в свое время выступить против Расы Господ в Германии, в Царской России, в Советской России, против Расы Господ в Америке!

Случилось именно то, что не один только страх останавливает современные образовательные институты, современные СМИ

рассказать людям о страшной истории зверски замученного и затоптанного в грязь Авторы Выдающегося Открытия, которое спасет мир как минимум от войн! А тот факт, что Ядерный Гриб Сатанов, путем отрицательного отбора, проник ВО ВСЕ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА, в том числе в образовательные и в медийные элиты общества. И именно так Сатанам сегодня удается так долго удерживать контроль всех уровней власти и затыкать всем рот! У меня нет сомнений, что в американских университетах очень много достойнейших прекрасных людей, которые либо не знают о ситуации (потому что им не дают узнать!), либо знают и не видят как они могли бы в одиночку что либо поменять. Возможно даже, что кто то пытался высказаться в защиту Открытия, и его назидательно сместили с места, чтобы другим не повадно было! В любом случае, на ключевых местах они будут держать не тех, кто достоин, а тех кто им удобен! Негодяй Путин в интервью Оливер Стоуну назвал это Решаемой Проблемой Кадров — подбери послушные кадры и все вопросы решены! Запугай тех, кто смеет мыслить и говорить о правде, совести и чести! Нанимай тех, кто знает что такое подчинение сильному!

Это и есть реальность Ядерного Гриба Сатанов, где нет просвета для совести и правды нормальных людей, где все закрыто смрадом физического контроля Садомазохизма поля Эгосистемы.

Во всех своих многократных отчетах о нападении на меня как на Автора Открытия ПЭ, особенно со времени второго нападения в 2022 году (в первый раз режим Путина сломал мне позвоночник в 2025 году), я сообщала о Заговоре Спецслужб России, Америки, Израиля, Ватикана, Англии. Довольно часто я прибавляла к этому списку Францию. Дважды сделала предположение о двух других странах — Южной Корее, когда у меня хакерской атакой через Обновление программ отобрали дорогой телефон Галакси, и Германии, когда меня вздумали обвинить в «оправдании нацизма». Но об этих двух последних единичных обвинениях я не буду говорить здесь — у меня недостаточно информации.

Однако, я продолжаю настаивать на Заговоре Спецслужб России, Америки, Израиля, Ватикана, Англии и Франции против Открытия ПЭ и Научной Революции Энергетика.

Более того, я буду говорить о нападении на меня, на Автора Открытия, которое ляжет в основу цивилизации всего здорового человечества, — конкретных людей, чьи имена вам тоже хорошо знакомы. Ведь все это время мне приходилось делать множество постов, делать множество рассылок, писать целые сочинения, чтобы защитить себя от нападок этих людей.

Прежде всего, это режим Путина, и сам Владимир Путин, который как главный Сатана страны дал команду «фас» против Автора Открытия, которое уничтожает власть Сатанов. Далее Алан Огоев, с которого началось преследование меня как Автора Открытия, и которого режим Путина полностью прикрыл, поощряя и оправдывая все его преступления. Королевство Британии и Президенты Америки, которые руководят процессом на Западе. В 2015 году режим Путина сломал мне спину и навсегда сделал калекой в инвалидном кресле. В 2022 году на меня вновь напали соединенными усилиями России и Запада. С 2015 года сменились три президента Америки: Барак Обама, Джо Байден и Дональд Трамп. С 2022 года, времени второго нападения на меня, в Королевстве Британии место Елизаветы Второй занял Карл Третий, а в Америке правили Джон Байден и Дональд Трамп. И надо сказать, что последние два года были особенно тяжелыми, хотя в продолжении всего этого времени на меня упорно продолжали оказывать систематическое давление и Россия и ее западные союзники по Заговору Спецслужб против Открытия.

Ну и дальше по списку, Stephane Frappat, Iconomas Koullias, Marco Rubio, Oliver Stone and Peter Kuznick, Prince Harry and Ilon Mask, Виктор Шендерович во главе российских евреев (Петр Межурицкий, Елена Дунаевская, Игорь Иртеньев и др).

Из конкретных имен мне больше никто неизвестен, хотя наверняка десятки офицеров секретных служб все это время пили мою кровь.

2. ЯДЕРНЫЙ ГРИБ САТАНОВ — КАК МАГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ВАРВАРОВ

Тот факт, что Ядерный Гриб Сатанов, окутавший политические элиты мира, категорически запретил научные дебаты об Открытии ПЭ говорит, о том, что серьезность этого научного проекта не подвергается ни малейшему сомнению.

Этот факт также говорит о том, что больше нет того, что Э. Фромм называет Рациональными Авторитетами, и противопоставляет Магическим иррациональным Авторитетам («Человек для себя»).

Политические элита перестали быть тем, чем они являются в Разумных демократических западных обществах, и стали тем, чем они всегда являлись в Левиафанах Садомазохизма магического сознания варваров. Они перестали быть функционерами, институтами, решающими рациональные задачи общества в интересах общества, и стали Магическими Авторитетами, повергающими общество ниц с целью его растоптать.

Вот почему, одной из задач победившего Ядерного Гриба Сатанов является — Вытеснение всех настоящих мыслящих совестливых людей из политических элит. Вытеснение Рациональных Авторитетов! Потому что их задача — Оставить только Магические Авторитеты Сатанов — и тем самым обеспечить этой Магии ее Всесилие! Ведь единственное препятствие на пути у Сатанов — это мыслящие люди энергии духа. Но пока они внизу, Сатанам очень просто с ними разделаться. Если же они поднимаются к ним, в их Ядерный Гриб, на самый верх, в политические элиты, где их голос слышит вся планета — это легко может положить конец Магии Всесилия Сатанов. Ибо да, магическое сознание варваров, превратило современную политику в Магию Сатанизма. И об этом я буду говорить на протяжении всего этого тома.

Вот почему Сатанам так важно не допустить Научных Дебатов об Открытии! Потому что человек такой силы и чистоты энергии духа, такой мысли и совести энергии духа, как Тесла,

автор Открытия, никак не может быть вовлечен в магию Сатанизма их политических элит. А они вытесняют все мыслящее, все живое, все совестливое и рациональное из этих элит. Им интересна только Магия Сатанизма их варварского аборигенского сознания. Докажут дебаты истинность Открытия или поставят под сомнение — уже очевидно, что действующей научной парадигме брошен вызов, который рано или поздно ее подорвет. А значит любые дебаты на тему уже дают Автору место среди «мировой элиты».

Главное что я стараюсь довести до сознания общественности — это абсолютную категорическую разницу в понимании «мировой элиты» у людей нормальных, и у варварского сознания Сатанов. Для первых «элиты» — это какие то достижения в какой то сфере, которые были настолько полезны обществу, что выдвинули человека служить всему обществу. Это то, что Фромм называет «Рациональными авторитетами» западной цивилизации. Для вторых, «элиты» — это «Магия» наподобие Тотемов у дикарей, которые поклонялись силам природы, потому что видели их через СуперЭго поля Эгосистемы. Для Сатанов, политические вершины, как и «деньги» — это Магия Тотемов «силы общества», и они не хотят делится этой силой ни с кем. Они хотят оставаться всесильными колдунами, которые распоряжаются этой «силой» как им заблагорассудится. Они вытеснят настоящую элиту, мыслящих, здравых людей из кругов своего Ядерного Гриба.

Вольтер, «Орлеанская девственница»:

> «Как много колдунов на этом свете!
> Я о колдуньях уж не говорю.
> Хоть юности я миновал зарю,
> Желаний цепи, увлечений сети,
> Но иногда к обману, точно дети,
> Склоняются и зрелые умы,
> Особенно, когда наш совратитель —
> В одеждах пышных мощный повелитель.
> Он, вознеся, свергает в бездну тьмы,
> Где горечь пьем и смерть находим мы.

> Остерегайтесь сталкиваться с силой,
> Какой владеют эти ведуны. ....
> По моему, полезнее вождям
> Уменье очаровывать невежду:
> Облечь себя в священную одежду
> И ею ослеплять глаза врагам.
> .... За Зевсовых сходили сыновей:
> И перед ними чередой смиренной
> Клонились в прах властители вселенной,
> На них взирая робко издали»

В Главе пятой, первой части этой книги «Полотно Истории» я привела много цитат на тему варварского магического сознания людей, который всегда позиционируют себя как Раса Господ на планете: то есть людей с активной материальной энергией Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия.

Там я подробно рассказала о том, что подавляющая часть современного крупного бизнеса (но не все конечно!) — это новая разновидность Расы Господ, которые превратили Финансы в «магию сверхъестественных сил» поля Эгосистемы. Другими словами, целью их финансовой активности, является, как говорит Стенли Бинг, не производство и выживание, а просто Расширение Своего Эго, своей власти, своего доминирования, своего тщеславия. И в этой связи Честертон называет финансовые игры магнатов «Романтикой Сказочной страны Финансов», а Рассел говорит о «религии успеха бизнесменов» и о том, что они «подобно индийской вдове» терпят трудности своей доли с вдохновением идолопоклонников.

Я привела там цитаты из Дюркгейма, исследовавшего Магическое Сознание Тотемизма дикарей, и доказавшего, что Магические Авторитеты современности имеют такое же происхождение, как магические авторитеты Тотемизма Дикарей. Это некая способность сознания воспринимать мир как количественную абстракцию силы, и поклонятся тем предметам и людям внешнего мира, которые предстают как самая большая доля этой абстрактной силы, говорит Дюркгейм (общий смысл).

Мы сегодня, после Открытия законов ПЭ, можем сказать более конкретно. Это система Физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии, которая дает искаженную информацию о мире через чувственные образы поля Эгосистемы: Сила СуперЭго (внешний мир) против Силы Эго (образ Я, себя). Таким образом, Дюркгейм, подтверждает что Тотемизм дикарей, которые видели Природу через поле Эгосистемы и потому поклонялись ей, делали идолов из растений, животных, стихий — это просто активность поля Эгосистемы материальной энергии. Сегодня люди воспринимают природу Научно, знают законы физики, химии, биологии, геологии, географии — и потому перестали поклоняться природе, делать из нее идолов и тотемы.

Однако, люди по прежнему ничего не знают о своем собственном обществе, и теперь они воспринимаю через поле Эгосистемы –таких же людей как они сами. Они видят людей как «сверхъестественные силы» поля Эгосистемы — то есть как количественную абстракцию силы в противостоянии Эго и СуперЭго. Ничего волшебного в этих силах нет, хотя они в самом деле «неестественны» потому что в природе их не существует — это искажение физического контроля чувственной информации о мире и о себе как о двух враждующих силах.

Поэтому люди малообразованные видят других людей через поле Эгосистемы как Магические Авторитеты. Так как аборигены видели луну и солнце, животных и растениях и делали из них тотемы — идолы. Современные люди делают Идолы и тотемы из людей — из тех кто входит через поле Эгосистемы как магический Авторитет, как «Сила», угрожающая «Эго».

Постольку поскольку Сатаны Ядерного Гриба — первые кто относится к малообразованным людям нашего времени, с их мертвой мыслью и мертвой совестью, то они первые кто видят верхи социальной лестницы как Магические Авторитеты, как Загрузки СуперЭго — ведь физический контроль все, что у них осталось. Они ничего не знают о Рациональных Авторитетах, то есть о рациональном научном контроле политических и общественных институтов общества для общества. Но они видят Ма-

гию Власти и Денег, как стремления Тщеславия Физического контроля, и живут этой Романтикой и для этой Романтики.

Чтобы было понятно, надо сравнить Магическое сознание варваров Ядерного Гриба с научным сознанием истинной элиты человечества Пространства-времени Интеллекта.

Рассел пишет в «Борьбе за счастье» (смотрите пятую главу первой части), что «подобно индийской вдове» бизнесмены в своем идолопоклонстве деньгам, радостно переносят мучения. Действительно есть что сказать о неудобствах идолопоклонников. Достаточно вспомнить Миф о Пещере Платона, где Платон сравнивает магическое сознание варваров с запертыми в темной подземной пещере людьми, которые ничего не знают о свете солнца и о реальных вещах божьего мира, а видят только тени в пещере, которые отбрасывает пламя факела. В этой метафоре сказано все, что потом, начиная с Фрейда, развили уже те, кто превзошел своего учителя: гуманистическая психология К. Юнга, Э. Фромма, А. Маслоу, К. Хорни, Г. Олпорта, К. Роджерса и др.

Они рассказали о том, что Ложное Эго магического сознания — это источник всех болезней и пороков психики. И о тех неудобствах Ложного Эго (поле Эгосистемы материальной энергии), о которых говорит Платон. Это отсутствие света, кислорода, тепла в душном темном подземелье.

Действительно, из чистого пронзительного позитива эмоций энергии духа — поле Эгосиистемы выжимает серую грязь скуки и депрессии, замешанных на Страхе Сверхъестественных сил (изначальная картина поля Эгосистемы, запускающая «голод» циклического гомеостаза садомазохизма). Об «амбивалетности» чувств «невротиков» психологи говорят со времен Фрейда (то есть о смешанных негативных и позитивных эмоциях, замешанных на страхе). Это значит нет Кислорода чистого позитива, которого так много у здоровой энергии духа. Нет Света — действительно, ведь подобно аборигенам, которые не видели правды в законах природы, а просто боялись ее как Сверхъестественную силу, они не видят правды Законов психики лю-

дей, а просто боятся их как сверхъестественную силу, как Магические Авторитеты. Нет Тепла — ведь подобно аборигенам, которые видели природу как «действие невидимых колдовских сил» вместо красоты самой природы, они не видят красоту энергии духа других людей, не видят людей, а только «невидимые силы всеобщей войны» за масками сделанными улыбками. Им совершенно недоступно Тепло Церкви Дружбы.

Наконец, и в главных, что отличает темный и душный подвал магии поля Эгосистемы от Истинной Силы Энергии Духа — это Бессмертие Пространства-Времени Интеллекта, в которое люди Научного контроля погружаются еще при жизни. Все материальные энергии природы (детерминированные энергии, те, что детерминированы законами пассивного интеллекта, но не имеют мышления активного интеллекта) –это энергии циклического гомеостаза, что движутся в кругах Неравновесия-Равновесия. Давно доказала физика, я приводила цитаты в своих книгах много раз — Вильгельма Оствальда, Э. Маха (они ссылаются на Гельма и Майерса). Для живой энергии такое движение от неравновесия к равновесию очень болезненно — это неравновесие есть чувство «голода» у животных, или «Страх сверхъестественных сил» у абориген. У современных людей с активным полем Эгосистемы этот страх сверхъестественных сил проявляется как «чувство стыда» перед магическими авторитетами, и как «голод тщеславия», — необходимость быть на высоте в глазах магических авторитетов. То что Рассел называл conventional men, и то что в психологии называется конформизмом. Даже у энергии духа есть «голод», страсть к познанию, который запускает поле Интеллекта человека.

Но отличие Энергии Духа от двух других материальных энергий человека в том, что голод к знаниям насыщаем. Человек учится и увеличивает свои знания и в конечном итоге в процессе обучения у него появляется научный контроль. И тогда он обретает Постоянный Баланс, Устойчивое Равновесие для своей Энергии, и чувство голода (боль, дефицит) перестают быть его мотивацией. Теперь мотивацией становится удовольствие от ра-

боты от компетентности, от красоты, уверенности, безопасности что дает взгляд человека с высоты Научного контроля. Это и называется смотреть с высоты Пространства-Времени Интеллекта, то есть видеть закономерности того на что смотришь, а не только конкретные вещи.

А. Маслоу, «Мотивация личности»:

> «Самоактуализирующиеся люди, как правило занимаются интеллектуальной деятельностью; это ученные исследователи, поэтому можно утверждать, что главное в их случае — интеллектуальная мощь. За некоторыми исключениями можно утверждать, что эти люди озабоченны базовыми проблемами и вечными вопросами, которые принято называть этическими или философскими. Такие люди существуют обычно в максимально широкой системе координат. Образно говоря, они никогда не приближаются к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес. Они работают с универсальными жизненными ценностями, ориентируясь на долговременные, а не сиюминутные интересы. В известном смысле всех их можно считать философами, хотя и самоучками».

Эти качества Устойчивого Равновесия, Линейного Движения, Мотивации избытка или удовольствия, Способности Роста и накопления Энергии, которых нет ни у одной материальной энергии, движимой в порочного кругу своего циклического гомеостаза равновесия-неравновесия — и есть проявления того факта, что Человек еще при жизни поднимается в бессмертное Пространство-Время Интеллекта. И дается это не молитвами и магическими ритуалами, а сосредоточенной умственной работой, дисциплиной и ответственностью в процессе образования, и главное качеством знаний. Такой подход к образованию и есть — лучшая служба Господу.

Абрахам Маслоу:

> «В любом случае психологическая жизнь личности во многих ее аспектах проживается в одном ключе, когда личность зациклена на „ликвидации дефицита“, и совершенно в другом, когда она руководствуется „метамотивацией“, то есть сосредоточена на самоактуализации».

Абрахам Маслоу, «Дальние рубежи человеческой природы»:

> «Трансценденция может означать вид на жительство в высшей реальности, умение говорить языком высшего Бытия, высшее постижение без срока и конца. Мы знаем трансценденцию как пиковые, предельные мгновения высшего постижения, но она может означать также спокойное и сосредоточенное познание. Человек, пере живший инсайт, великое откровение, мистический опыт, прозрение или просветление, однажды успокоится, привыкнет к новизне, к хорошему и великому, и будет от случая к случаю, по-соседски навещать познанные им райские кущи, накоротке общаясь с вечностью и бесконечностью. Он переживет изумление и потрясение и заживет спокойной и безмятежной жизнью среди платоновских идей, среди высших ценностей. Чтобы отличать предельные, эмоционально-острые переживания прозрения, высшее постижение от такого рода спокойного, величаво-божественного постижения, я буду называть последнее. Высшие переживания действительно переживаются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже ес ли бы захотел, вернуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не может постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме»

Здесь важно понимать, что речь идет не просто о качественном различии комфорта энергии духа против материальной энергии. Речь идет о разницы между смертностью энергии циклического гомеостаза, и бессмертием энергии научного контроля устойчивого равновесия. Ведь устойчивое равновесие достигается только в Пространстве-Времени Интеллекта, за счет Научного контроля, который способен видеть истину законов природы. Человек, который достиг этого состояния — это человек для которого Крест Христа стал его Царствием Небесным — ведь именно крест есть символ Пространства-Времени Интеллекта перпендикулярного к Пространству-времени материальных энергий (физики).

Совершенно противоположным образом обстоит дело с «Элитами» Ядерного Гриба Сатанов. Их отчаянное стремление «наверх», к вершинам социальной лестницы, где они на сего-

дняшний день благополучно осели, движимо никогда ненасыщаемым голодом тщеславия. Власть которой они добились в виде Садомазохизма подчинять себе волю других людей и эксплуатировать и грабить их — не дает им ничего кроме чувства мертвой машины, исправно поглощающей свои жертвы. (У Ремарка хорошо сказано в «На западном фронте без перемен»: — «словно они нажрались бетона»). Они берут разгон на достижения всех благ на вершинах лестницы, а не получают ничего кроме этого чувства мертвого бетона, которое дает поле Эгосистемы, пожравшее базовую энергию духа людей. И еще вечный зуд никогда не удовлетворимого Страха Сверхъестественных Сил Поля Эгосистемы, базового голода циклического гомеостаза поля Эгосистемы. Снять зуд этого голода можно только дезактивацией поля материальной энергии, но они движутся в противоположном направлении, усиливая это поле до абсолютной мертвенности истоков жизни — то есть мертвенность энергии духа. В конечном итоге им остается только биологическая энергия, чтобы почувствовать себя живыми — и тут они пускаются во все тяжкие. Фромм в этой связи говорит об извращенных у невротиков биологических потребностях (много раз цитировала «Человек для себя»).

В итоге, те вершины магических авторитетов, что они оккупируют ничем не отличаются от ничтожности и слабости тех «рабов», которых они так презирают, насилуя их и грабя их. И ничтожество их рабов есть лицо их собственного ничтожества — ведь нравится им это или нет, а они всего лишь две части одного и того же поля Эгосистемы материальной энергии, Самолюбие и Влюбленность Садомазохизма, Верхняя и Нижняя Эгозащита физического контроля. А у поля Эгосистемы нет ничего больше для Верхней Эгозащиты, чем для Нижней Эгозащиты кроме самообмана тех, кто чувствует себя Магическими Авторитетами. Напротив, простые люди, которые они подчиняют и превращают в своих рабов, за счет меньшей активности поля Эгосистемы на Нижней Эгозащите (Милграм-Эго) остаются намного здоровее их. Как сильно это чувствуешь, когда читаешь мемуары Вирджи-

нии Джуффре — психическое здоровье этой загнанной в угол и превращенной рабыню и проститутку женщины, сумевшей подняться до борьбы с всесильными Сатанами ее времени, действительно абсолютно безумными.

3. ЯДЕРНЫЙ ГРИБ САТАНОВ НА ОСТРОВЕ ЭПШТЕЙНА. ИДОЛОПОКЛОНСТВО И САТАНИЗМ

Материалисты дарвиновской парадигмы толкуют о якобы «научности» своего биологизма, который сводит все поведение людей к поведению животного и его биологических потребностей, превращая Интеллект человека в «инструмент выживания и приспособления к среде»

Абрахам Маслоу:

> «Не только вся наука XIX века и ортодоксальная академическая психология не способны ничего предложить, но и основные теории мотивации, которыми руководствуется большинство людей, могут привести к депрессии и цинизму. Фрейдисты, по крайней мере в своих официальных трудах, до сих пор редукционистски трактуют все высшие человеческие ценности. Самыми глубинными и подлинными мотива ми считаются опасные и отвратительные, в то время, как высшие человеческие ценности и добродетели считаются в своей основе фальшью, иллюзией, закамуфлированными вариантами «глубинного, темного и грязного»

Однако, как объяснить такую «научность» биологизма, которая непременно всегда вытекает в Магическое сознание варваров? Как объяснить, что из «научной парадигмы» Социального дарвинизма словно по мановению волшебной палочки возникла Библия Дарвина и Церковь Сатаны Ла Вея??

С их точки зрения эти процессы также необъяснимы, как сам Дарвин признается в «Происхождении человека», что он не в силах объяснить магического сознания аборигенов своей идиотской теорией «дикаря как борца за выживание» в животном мире. Магическое сознание дикарей много чаще прямо ведет их к смерти, чем к выживанию как известно.

На самом деле, псевдонаука Дарвинизма не просто разрушила научный контроль энергии духа человечества. Она еще многократно усилила физический контроль материальной энергии людей. Ведь та «истина», что она сообщила о человеке как животном, где выживают сильнейшие в борьбе за место под солнцем — есть узаконивание цинизма физического контроля поля Эгосистемы.

Естественно, что разрушив поле Интеллекта и укрепив поле Эгосистемы Дарвиновская парадигма должна была привести людей и привела назад к магическому сознанию варваров.

Так и возникла «Библия Дарвина» и «Церковь Сатаны Ла Вея» из «откровения» Дарвиновской парадигмы.

И вот почему, Ядерный Гриб Сатанов также обречен в своем Магическом сознании на Идолопоклонство и на сатанизм, на поклонение бесам — этого требует магия поля Эгосистемы. Под «сатанизмом» здесь надо понимать не сверхъестественные силы (ибо нет ничего сверхъестественного в магическом сознании материальной энергии), а просто Идолопоклонство магического сознания Тотемам, Магическим Авторитетам. Просто глупость кривого зеркала Эгосистемы. И если люди стали злодеями, похоронив свою совесть, и обратившись за поисками «всесилия» в цинизме Садомазохизма, считая себя очень практичными и прагматичными, можно утверждать что уже очень скоро они начнут практиковать колдовские культы бесопоклонников самых примитивных дикарей. Просто потому что так устроено магическое сознание физического контроля материальной энергии.

Другим проявлением злодеев Сатан-Эго Верхней Эгозащиты является, как свидетельствуют специалисты извращение биологических потребностей, и прежде всего злоупотребление ими в силу ненасыщаемости «Невротиков» (то есть людей с активным полем Эгосистемы).

И то и другое, Ядерный Гриб Сатанов современных элит в полной мере продемонстрировал на острове Эпштейна: этом современном Холокосте, который представил пред очи людей, что на самом деле представляют собой так называемые совре-

менные элиты. Ниже я привожу выдержки из последних статей об опубликованных файлах Эпштейна, что мне удалось обнаружить в интернете.

Э. Фромм «Человек для себя»:

> «Следующий вид удовольствия, вызываемого освобождением от напряжения, но качественно отличающегося от уже описанного, имеет своим источником психическое напряжение. Человеку может казаться, что некое желание вызвано телесными нуждами, в то время как в действительности оно обусловлено иррациональными психическими потребностями. Человек может испытывать сильный голод, вызванный не нормальной физиологической потребностью организма, а психической потребностью заглушить тревогу или депрессию (хотя этим потребностям могут сопутствовать неправильные физико-химические процессы). Хорошо известно, что потребность в питье часто бывает вызвана не жаждой, а состоянием психики.
>
> Сильное сексуальное желание также может быть обусловлено не физиологическими, а психическими потребностями. Неуверенный в себе человек, обладающий настойчивой потребностью уверить самого себя в собственной ценности, показать другим, какой он неотразимый, или подчинить себе других людей, «завоевывая» их сексуально, легко будет испытывать сильные сексуальные желания и болезненное напряжение в случае их неудовлетворения. Он будет склонен считать, что силой своих желаний обязан потребностям своего тела, тогда как на самом деле эти потребности являются проявлением его психических потребностей. Невротическая сонливость представляет собой другой пример желания, которое кажется вызванным телесными причинами вроде нормальной усталости, а на самом деле бывает вызвано такими психическими причинами, как подавленная тревожность, страх или раздражение. Эти желания похожи на нормальные физиологические потребности, поскольку и те, и другие берут начало в некоей нехватке или дефиците. В первом случае в основе дефицита лежат нормальные химические процессы внутри организма; во втором случае желания являются результатом психической дисфункции. В обоих случаях дефицит является причиной напряжения, а избавление от напряжения является причиной удовольствия. Все прочие иррациональные желания, такие, как жажда славы, власти, подчинения или зависть и ревность, не принимающие форму телесных потребностей, также коренятся в складе характера человека и порождены каким-нибудь искажением или деформацией личности. Удовольствие, испытываемое от удовлетворения этих страстей, также порождено из-

бавлением от психического напряжения, как и в случае невротических физических желаний.
Хотя освобождение от напряжения доставляет удовольствие как в случае
удовлетворения подлинных физиологических, так и в случае удовлетворения
иррациональных психических потребностей, по качеству эти удовольствия
существенно различны. Физиологические желания, такие как голод, жажда и тому
подобное, удовлетворяются устранением физиологического напряжения и
возникают вновь только тогда, когда опять возникает физиологическая
потребность; они ритмичны по природе своей.
А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные желания не могут быть «удовлетворены». Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх — вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо вообще ражения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все больше удовольствий, какие удовлетворят его алчность и восстановят его внутреннее равновесие. Но алчность — бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения — мираж. Источник алчности — конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник — его ум и воображение».

Карен Хорни «Невроз и личностный рост»:

«при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом —

ее неотъемлемое свойство».

Абрахам Маслоу «Дальние рубежи человеческой природы»:

«так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удоволь ствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опыт ный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение пер вому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемон стрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»

7 ФЕВРАЛЯ 2026 ИСТОЧНИК: MEDUZA

«30 января министерство юстиции США выложило в интернет 3 миллиона страниц, 180 тысяч фотографий и 2 тысячи видео из личного архива Джеффри Эпштейна — финансиста-миллионера, который организовал целую сеть по поиску юных девушек из разных стран мира для самого себя и для некоторых из своих влиятельных знакомых.

Это очень большой объем информации. Ее анализ потребует немало времени, поэтому разоблачительные материалы, основанные на архиве Эпштейна, могут выходить еще долго. Однако первым делом журналисты начали искать в архиве имена известных людей, с которыми Эпштейн поддерживал отношения.

Среди них оказались богатейший человек мира Илон Маск, жена наследника норвежского престола Метте-Марит, министр торговли США Говард Лютник, брат британского короля Эндрю и многие другие. Если поискать информацию о том, для кого из знакомых Эпштейна публикация его архива уже имела реальные последствия, можно найти такие новости:

Питер Мандельсон, влиятельный британский политик, вышел из правящей Лейбористской партии и стал объектом внимания полиции из-за писем, которые свидетельствовали о том, что Эпштейн платил ему и получал взамен конфиденциальные сведения. До этого Мандельсон уже был уволен с должности посла Великобритании в США из-за связей с Эпштейном. Премьер-министр Великобритании Кир Стармер из-

винился за то, что в 2025 году предложил Мандельсону должность посла, несмотря на то, что тогда уже было известно о его знакомстве с Эпштейном. По словам Стармера, при назначении Мандельсон солгал о степени своей близости с Эпштейном. Мирослав Лайчак, дипломат и бывший министр иностранных дел Словакии, покинул пост советника словацкого лидера по национальной безопасности из-за того, что в архиве Эпштейна всплыла их переписка от 2018 года, в которой они обсуждали женщин. Лайчак назвал ее «проявлением глупого мужского эго». Бывший премьер-министр Норвегии Турбьерн Ягланд попал под расследование о коррупции после того, как в переписке с Эпштейном нашли свидетельства того, что финансист оплачивал отдых Ягланда и членов его семьи. Также Эпштейн, судя по всему, пытался использовать Ягланда для налаживания связей с Владимиром Путиным и его окружением. Кронпринцесса Норвегии Метте-Марит уже дважды извинилась за свою дружескую переписку с Эпштейном. Она назвала их связь «настоящим позором» и отдельно попросила прощения «за ситуацию, в которую я поставила королевскую семью, особенно короля и королеву». Эндрю, брат короля Великобритании Карла III, покинул особняк Роял-Лодж в Виндзоре сразу после того, как в архиве Эпштейна нашли его письма и фотографии, о которых раньше не было известно. О том, что Эндрю переедет из Виндзора в личное поместье короля Сандрингем, стало известно еще осенью (тогда же, когда Эндрю лишили всех титулов), но публикация архива Эпштейна, похоже, ускорила его переезд. Брэд Карп покинул пост председателя совета директоров Paul Weiss, одной из крупнейших юридических фирм США, после того, как стало известно, что он много лет контактировал с Эпштейном — например, в 2016-м просил его найти роль для своего сына в готовящемся фильме режиссера Вуди Аллена.

Эпштейн общался с десятками известных людей. Последствия публикации пока ощутили на себе единицы. А вот для жертв Эпштейна все иначе: последствия затронули десятки из них — и во многих случаях они куда более разрушительны»

2 ФЕВРАЛЯ 2026 ПОЛИТИКА КАРИНА ХАЛИКОВА

«Оргии с малолетними и «русские девушки»: что известно о финальной части документов Эпштейна?

Суть дела Джеффри Эпштейна, почему о нем заговорили сейчас и все ли документы по делу опубликованы

Что содержится в последней партии документов

В 2026 году опубликованы подробности о пребывании Эпштейна в тюрьме, психологический отчет, отчет о его смерти, а также материалы расследования в отношении осужденной сообщницы Эпштейна, светской львицы Гислейн Максвелл. В файлах также более 40 снимков обнаженных людей. А еще собственные умозаключения Эпштейна: в частности, финансист считал, что следующей мировой валютой должен стать российский рубль.

В архиве были обнаружены переписки Эпштейна со многими высокопоставленными лицами — причем многие из его сообщений написаны с ошибками или закодированы.

Министерство юстиции США

В одной из переписок Эпштейн обещает семье Ротшильдов «большие возможности» после госпереворота на Украине, в другой — предлагает знакомой изучить коррупционные скандалы с участием Владимира Зеленского, в следующей — предлагает третьему лицу передать в Кремль «ценные сведения» о Дональде Трампе.

А президента Франции Эммануэля Макрона Эпштейн «уличил» в желании править Европой и всем миром.

Также в документах обнаружены показания одной из жертв некоего ритуального жертвоприношения. Пострадавший утверждал, что ему порезали ступни восточной саблей, не оставив при этом шрамов. Также следователи обсуждали показания этого же человека о страшном обряде на яхте (по его словам, младенцев расчленяли, извлекали внутренности и ели из них фекалии).

На нескольких фотографиях запечатлен младший брат короля Великобритании Эндрю: СМИ облетел снимок, где сын королевы Елизаветы стоит на четвереньках у лежащей девушки и с довольным видом смотрит в камеру. Кроме того, в документах есть сведения о том, что Эндрю договорился о разрешении частному самолету Эпштейна приземляться на базах королевских ВВС.

Также появилось больше информации о визитах к Эпштейну Билла Гейтса. В одной из опубликованных переписок предполагалось, что предприниматель мог заразиться венерическим заболеванием от «русских девушек».

Некоторые документы представляют собой новостные статьи, попавшие в почтовый ящик финансиста. Например, там много статей о Дональде Трампе. По предположениям СМИ, Эпштейн мог следить за карьерными взлетами бывшего друга, чтобы использовать это в своих целях.

Кто фигурирует в «списке Эпштейна» из иностранцев и россиян

В файлах Эпштейна есть упоминания и фото многих знаменитостей — некоторые из них просто позируют рядом с Эпштейном, кто-

то обнимает неизвестных девушек. Некоторые имена фигурируют лишь в переписках, при этом упоминание в файлах не означает причастности к преступлениям. Вот лишь некоторые из тех, кто попал в архивы:

* Политики и чиновники: президент США Дональд Трамп, глава Госдепа США Марко Рубио, король Дании Фредерик X, кронпринцесса Норвегии Метте-Марит, экс-президенты ЮАР и Черногории Джейкоб Зума и Мило Джуканович, экс-премьер Израиля Эхуд Барак.

* Предприниматели: гендиректор SpaceX Илон Маск, основатель компании Microsoft Билл Гейтс, соучредитель Google Сергей Брин, бывший гендиректор Youtube Салар Каманга, основатель Virgin Group Ричард Брэнсон, владелец Amazon Джефф Безос, миллиардер Вячеслав Доронин.

* Звезды шоу-бизнеса: режиссеры Джордж Лукас и Вуди Аллен, актеры Алек Болдуин, Кевин Спейси, Леонардо Ди Каприо, Энтони Хопкинс и Брэд Питт, модели Хайди Клум и Наоми Кэмпбелл, певцы Майкл Джексон, Мик Джаггер, Эминем, Мэрилин Мэнсон, P. Diddy, фокусник Дэвид Копперфилд.

На большей части опубликованных в 2025 году фото запечатлен Билл Клинтон в компании гостей острова Эпштейна. Бывший лидер США то купается в джакузи, то выпивает с посетителями вечеринок. Кроме того, обнародована переписка экс-президента с помощницей Эпштейна Максвелл. Из них следует, что Максвелл пользовалась уважением в семье Клинтонов даже с учетом ее роли в вербовке несовершеннолетних для развлечения гостей острова.

Однако демократы сочли эту информацию намеренным шагом администрации Трампа: по их мнению, акцент на Клинтоне при публикации документов сделан намеренно, чтобы отвлечь внимание от Трампа, а также от влиятельных соучастников Эпштейна, которые могли помогать ему в торговле людьми.

В документах, рассекреченных в 2026 году, имена Дональда Трампа, его супруги Мелании, название их резиденции «Мар-а-Лаго» во Флориде были упомянуты около 38 тысяч раз, подсчитала NYT. Отдельно отмечены переписки Мелании Трамп с Гислейн Максвелл, во время которых женщины демонстрировали дружеские отношения. Кроме того, Трамп упоминается в документах, посвященных делу об изнасиловании девочки 13–14 лет. Минюст США назвал их ложными.

СМИ известно, что Эпштейн владел частным домом в престижном районе Манхэттене и особняком в Палм-Бич, несколькими объектами недвижимости в других городах, а также частными островами Литтл-Сейнт-Джеймс и Грейт-Сейнт-Джеймс в Карибском море.

В Палм-Бич финансиста нередко замечали в обществе молодых девушек, причем некоторые походили на подростков. В 2002 году это подтверждал даже Дональд Трамп, отмечая: «Говорят даже, что ему нравятся красивые женщины так же, как и мне. И многие из них, как правило, молодые». Из-за дружбы с сильными мира сего Эпштейн регулярно становился героем журнала Vanity Fair и другого глянца США. Но только до первого обвинения.

В марте 2005 года женщина обратилась в полицию Палм-Бич. Она сообщила, что ее 14-летнюю падчерицу привезли в особняк Эпштейна и заплатили ей 300 долларов за раздевание и массаж владельцу. Той удалось покинуть особняк в нижнем белье. Полиция начала тайное расследование и выяснила, что финансист платил девушкам за секс — причем некоторым из них не было и 16 лет.

Во время обыска его дома обнаружились две скрытые камеры и множество фотографий девушек, сделанных во время их пребывания в особняке. СМИ утверждали, что на снимках, сделанных с целью шантажа, были и другие известные личности. Согласно гипотезам журналистов, финансист «обеспечивал» девушками влиятельных людей, а кадры использовал для получения информации. Тогда в кейсе Эпштейна фигурировал принц Эндрю, герцог Йоркский. ФБР получило отчеты от 36 женщин, чьи обвинения в адрес Эпштейна включали в себя частично совпадающие данные.

В мае 2006 года большое жюри округа Палм-Бич выдвинуло обвинение в совершении Эпштейном уголовного преступления, заключающегося в принуждении к проституции. Сначала бизнесмен не признал вину, но, узнав об обвинении на 53 страницы, согласился заключить сделку по предоставлению иммунитета жертвам в обмен на признание вины и выплату компенсаций пострадавшим. Он был приговорен к 1,5 года заключения. Эпштейна поместили в частное крыло тюрьмы округа Палм-Бич, разрешили работать в его офисе и спустя 13 месяцев освободили с испытательным сроком в один год. При освобождении финансиста зарегистрировали в штате Нью-Йорк как секс-преступника третьего уровня.

Общество возмутилось по поводу мягкого отношения к Эпштейну — его обвинили всего по одному пункту, а на испытательном сроке даже разрешили передвигаться на частном самолете.

СМИ писали, что прокурор США Акоста предоставил ему «сделку на всю жизнь», а команда звездных адвокатов добилась быстрого освобождения и нашла компромат на подавших заявления девушек».

16.02.2026 ЭЛИЗЕО БЕРТОЛАЗИ, МИЛАН

«Файлы Эпштейна — бездна зла

«Более 3 миллионов страниц, 180.000 фотографий и 2000 видеозаписей — это не только информация, связанная с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации. Материалы включают в себя финансовые документы, переписку по электронной почте и личные текстовые сообщения высокопоставленных деятелей — политиков, финансистов и руководителей СМИ по всему миру.

Эти документы показывают, насколько на Западе тесно переплелись власть и криминал, и что это уже стало явлением. В преступную сеть вовлечены такие известные персоны, как Билл Клинтон, Билл Гейтс, принц Англии Эндрю и многие другие. Все это демонстрирует масштабы моральной деградации западных элит. Документы также ясно показывают, что Эпштейн действовал от имени секретных служб США и Израиля, которые стремятся укрепить свою власть, основанную на шантаже и контроле над элитами.

В свете этого, возможно, некоторые буквально безумные решения глобалистов теперь стали более объяснимы и приобрели особый смысл.

Тем временем, в лавине электронных писем и опубликованных документов каждый день появляется что-то новое. Невозможно даже сказать, чем и когда закончится «дело Эпштейна» и сколько ещё известных имён окажутся втянутыми в эту открытую выгребную яму.

Помимо возможных судебных последствий, которые по-прежнему остаются непредсказуемыми, и отвратительного поведения лиц, считающих себя выше всяких подозрений, эта настоящая ярмарка ужасов демонстрирует, что те, кто занимают высокие властные позиции, ослеплены иллюзией всемогущества. Они искренне верят, что их общественная значимость ставит их не только выше закона, но и выше морали. Им всё дозволено!

И это — абсолютная правда! В документах говорится о пособничестве этих деятелей проституции, торговле людьми, о пытках и даже убийствах девочек и мальчиков во время гламурных вечеринок, а возможно, ритуалов, которые устраивали Эпштейн и его гости. Многие из жертв происходили из неблагополучных семей и бедных слоёв населения, и окружение Эпштейна, по сути, рассматривало их как расходный материал.

Всё это выглядит как сюжет фильма ужасов. Но, к сожалению, это не вымысел, а суровая реальность.

Однако ключевой вопрос заключается в том, что Эпштейн был отнюдь не монстром-одиночкой, а центром обширной сети между-

народных связей, включавшей влиятельных фигур, высокопоставленных чиновников и VIP-персон, настолько уверенных в своей безнаказанности, что их контакты с ним, человеком уже осуждённым за сексуальные преступления, казались чем-то нормальным.

Возникают естественные вопросы: почему этих VIP-персон не преследуют и до сих пор не привлекли к суду? Кто скрывал их соучастие в преступлениях все эти годы? И почему западные СМИ так мало говорят об этом и замалчивают общественный резонанс?

Казалось бы, эти истории должны быть на первых полосах всех газет, однако мейнстримные СМИ делают вид, что ничего не знают и сознательно переключают внимание на другие темы. В Италии, например, сейчас одной из главных тем обсуждения являются зимние Олимпийские игры.

И вот здесь проявляется истинное лицо западной системы, которая проповедуя якобы демократические ценности — права человека, защиту слабых и т.п., сталкиваясь с интересами сильных мира сего, «ставит на паузу»: она умышленно затягивает судебный процесс, преуменьшает значение происходящего, бездействует, а то и способствует сокрытию правды.

Если система терпит и нормализует отношения с уже признанным преступником-педофилом, она является сама глубоко порочной. Отвращение вызывает не только сам чудовищный факт происходящего, но и поведение тех, кто всё знал и продолжал вести себя так, будто ничего не происходит.

Однако, перед лицом подобных событий мы не можем продолжать жить так, словно ничего не случилось. Нам необходимы правда и справедливость. Закрывать глаза — значит проявлять трусость и становиться соучастниками преступления.

Если не будет проведено серьёзное расследование по материалам «файлов Эпштейна» и виновным не будут предъявлены реальные обвинения, то наше будущее, и особенно будущее следующих поколений, — станет ещё мрачнее, деформируя совесть и чувства людей.

Если молодым людям будет показано, что простая принадлежность к кругу влиятельных лиц, статус VIP-персоны или наличие больших денег достаточны для безнаказанного совершения самых чудовищных и бесчеловечных преступлений, наше общество будет продолжать деградировать, погружаясь в безразличие и позор.

Есть ещё один пугающий фактор: криминальное окружение Эпштейна было не только развращённым, но и сатанинским. Появляются отсылки к ритуальным практикам, связанным с сатанизмом. Об этом говорят электронные письма и свидетельства многочисленных

жертв, некоторые из которых, к сожалению, погибли после того, как сообщили о пережитом насилии.

Это было предсказуемо. Определённые модели поведения, определённые извращения нельзя интерпретировать исключительно в контексте «преступного поведения» или психиатрии, для верующих они указывают на присутствие дьявола.

Всё это зло предстаёт как чёрная бездна, в которую страшно даже заглянуть: там кроется утрата самой базовой формы человечности! Там абсолютное зло в его глубочайшем онтологическом смысле; там, по сути, дьявольщина!

Убийцы, отнимающие жизни у детей с яростью, неведомой даже животным, движимы явно демоническими силами. Убийство детей — это высшая форма трусости и позора, ибо они невинные, незрелые, беззащитные и слабые существа. Иисус Христос ясно сказал: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Евангелие от Матфея 18:6).

Поэтому для педофилов-сатанистов нет большего акта неповиновения Богу, чем причинение вреда детям. Борьба с педофилами-сатанистами — это не просто политическое и судебное обязательство; она становится духовной битвой.

В романе «Братья Карамазовы» один из самых мучимых персонажей, Иван Карамазов, в диалоге со своим братом Алёшей произносит знаменитую фразу: «Если Бога нет, то всё дозволено». Слова Достоевского непререкаемы, они постоянно заставляют нас задумываться о пределах человеческого грехопадения, когда оно освобождено от каких-либо моральных ограничений: «Так что уничтожьте в человечестве веру в своё бессмертие — в нём тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено, даже антропофагия».

Слова Достоевского звучат пророчески, и, если применить их к нашему времени, они приобретают удивительную актуальность.

Это «всё дозволено» сегодня происходит на наших глазах, это эфемерная человеческая гордыня, которая претендует подняться и поставить себя на место Бога, чтобы решать, что лучше добро или зло.

В действительности, если Бога и бессмертия не существует, у человека больше не остаётся никаких ограничений, никакого морального закона, которому следовало бы подчиняться, и тогда он, наконец, почувствует себя «свободным» от греха и будет делать всё, что захочет. Всё будет дозволено, всякое раскаяние будет подавлено,

не останется никаких границ, всякая мерзость будет дозволена. Зло станет добром, а добро станет злом.

Если Бога нет, то есть зло, есть дьявол!

В кульминации битвы между Добром и Злом, между Девой Марией и драконом (сатаной и его многочисленными последователями) лукавый будет побеждён, и его голова будет раздавлена пятой Девы Марии.

В эти мрачные времена, когда христианство на Западе дискредитируется и даже исключается из доминирующей культуры во имя т.н. прогресса и толерантности, мы, простые граждане, обязаны понимать, где истина, спасение и свет, за которым следует идти вслед за Иисусом.

В Евангелии Иисус Христос сказал: «Я — свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Евангелие от Иоанна 8:12)...»

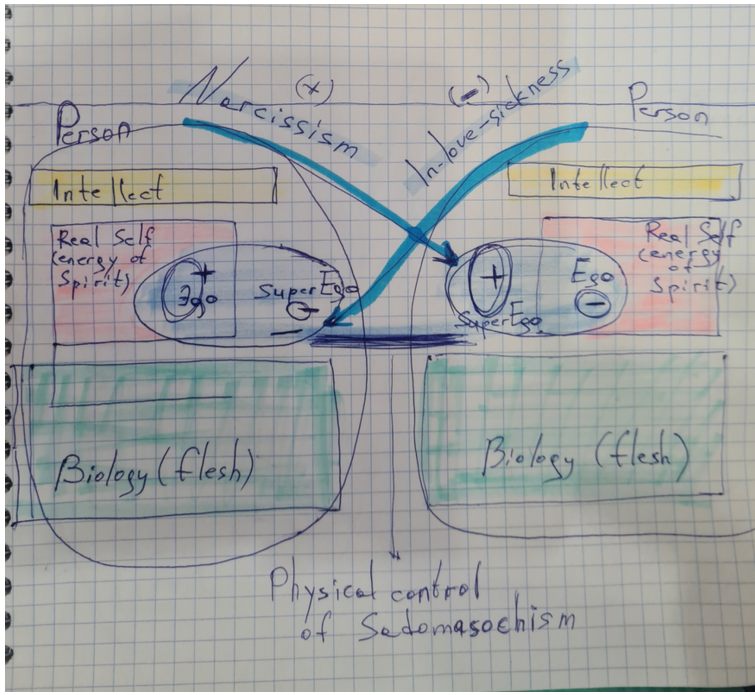
ГЛАВА 8. САДОМАЗОХИЗМ ГОСПОДСТВА И РАБСТВА — ХУЛА НА ДУХА СВЯТОГО

1. ПОРАБОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН — ЦИТАДЕЛЬ РАБСТВА НА ЗЕМЛЕ

> Ницше, «Так говорил Заратустра»:
> «И посмотрите на этих мужчин: их глаза говорят — они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной. Грязь на дне их души; и горе, если у грязи их есть еще дух! О, если бы вы совершенны были, по крайней мере как звери! Но зверям принадлежит невинность. Разве я советую вам убивать свои чувства? Я советую вам невинность чувств».

Одной из канонических книг Открытия Психической энергии наряду со многими другими, указанными в томах об Открытии, станет безусловно книга Д. С. Милля «О подчинении женщин». Я уже много раз обращалась к этой работе. И не потому она так важна, что говорит о судьбе половины человечества, а потому что она говорит о судьбе всего человечества, пораженного в самое сердце раковой опухолью Садомазохизма физического контроля материальной энергии. Так Милль указывает, что рабство женщин есть цитадель рабства всего человечества — ведь новые члены общества воспитываются в семьях, где пример порабощения женщин дает им паттерн отношений в обществе в целом.

Д. С. Милль, «О подчинении женщин»:



> «All that education and civilization are doing to efface the influences on character of the law of force, and replace them by those of justice, remains merely on the surface, as long as the citadel of the enemy is not attacked. The principle of the modern movement in morals and politics, is that conduct, and conduct alone, entitles to respect: that not what men are, but what they do, constitutes their claim to deference; that, above all, merit, and not birth, is the only rightful claim to power and authority».

Книги, которые высказали всю глубину и суть проблемы о порабощении женщин, как источника раковой опухоли общества сегодня известны всем: «О подчинении женщин» Д. С. Милля, «Крейцерова соната» Л. Толстого, «Второй пол» Симоны де Бовуар, «Ночные дороги» Г. Газданова, «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Борьба за счастье» Б. Рассела, «Над пропасть во ржи» Дж. Селинджера (в меньшей степени).

Произведения Вальтера Скотта уникальны в этом смысле: они может быть не ставят вопроса о порабощении женщин, ноя не знаю другого автора, который бы с таким размахом и убедительностью ставил вопрос о рыцарстве женщин, ни в чем не уступающем рыцарству мужчин.

Научные теории Фромма и Маслоу дали научное обоснование их позициям. Важным источником правды о равенстве полов являются Евангелия Христа (но не учения современной церкви!).

По мере своих сил я буду приводить цитаты этих великих людей энергии духа.

Мужчины, которые начиная с Платона, ставили вопрос ребром о равенстве мужчин и женщин вовсе не изображали самопожертвование и не были адвокатами чужих интересов. Не были они также «женоподобными слабаками» и «подкаблучниками», как с самого начала и до сих пор принято отзываться о тех все еще редких мужчинах, которые ратуют за равенство полов. Совершенно напротив, это были самые здравые, разумные, практичные люди, очень сильные душевно, которые действовали в своих интересах. Ведь у здоровых людей энергии духа интересы всегда совпадают с интересами общества.

Это очень просто доказать, достаточно вам только взглянуть еще раз на схему Садомазохизма, который разделяет базисную энергию людей — поле Интеллекта и Совести.

Все, абсолютно все отношения человека, определяются тем, какая схема отражает состояние его психики: Садомазохизма, Романтики или Здоровья чистой Энергии Духа. Если это Садомазохизм, то человек будет применять Физический контроль, то есть насилие к слабым и подчинение к сильным, по отношению ко всем: к служащим, к горничным, «друзьям», к жене и детям, к проституткам и тд. Если это Здоровье чистой Энергии Духа, то опять таки отношения со всеми людьми будут отношениями общих интеллектуальных интересов, отношениями совести и искренней дружественности.

Вот почему Джон Стюарт Милль так абсолютно прав, когда говорит, что тот же закон насилия, который когда-то установил отношения рабства в обществе, утвердил и порабощение женщин, которое все еще является фундаментальным законом общества. Интересно, что такой подход Милля к пониманию закономерностей общества Карл Поппер обозвал «психологизмом» в книге «Открытое общество» и противопоставил Миллю «экономизм» Маркса в качестве «правильного эталона» в объяснении законов общества. Сами смотрите, чья позиция более правдоподобна: психологизм Теслы и Милля или же экономизм Маркса и Поппера.

Так, Милль вслед за Гербертом Спенсером утверждает, что варварские общества основаны на магическом сознании и «законе насилия» («обожание силы» у Спенсера), тогда как цивилизованные общества основаны на «моральном чувстве» и научном сознании.

И в этой связи Милль настаивает, что «закон насилия», который породил рабство в варварском прошлом Европы и ушел вместе с рабством казалось бы, вдруг оказывается полностью функционирующим в случае с порабощением женщин в обществе, как если бы добавляет Милль, кто-либо воздвиг Храм Юпитеру на фоне Церкви Святого Павла и ежедневно бы совершал там торжественные жертвоприношения. Как такое может быть возможно, задается вопросом Милль?

J. S. Mill, Subjection of women:

> «Not a word can be said for despotism in the family which cannot be said for political despotism. Every absolute king does not sit at his window to enjoy the groans of his tortured subjects, nor strips them of their last rag and turns them out to shiver in the road The despotism of Louis XVI was not the despotism of Philippe le Bel, or of Nadir Shah, or of Caligula; but it was bad enough to justify the French Revolution, and to palliate even its horrors. If an appeal be made to the intense attachments which exist between wives and their husbands, exactly as much may be said of domestic slavery. It was quite an ordinary fact in Greece and Rome for slaves to submit to death by torture rather than betray their masters.

> In domestic as in political tyranny, the case of absolute monsters chiefly illustrates the institution by showing that there is scarcely any horror which may not occur under it if the despot pleases, and thus setting in a strong light what must be the terrible frequency of things only a little less atrocious. Absolute fiends are as rare as angels, perhaps rarer: ferocious savages, with occasional touches of humanity, are however very frequent
> But I may go farther, and maintain that the course of history, and the tendencies of progressive human society, afford not only no presumption in favour of this system of inequality of rights, but a strong one against it; and that, so far as the whole course of human improvement
> up to the time, the whole stream of modern tendencies, warrants any inference on the subject, it is, that this relic of the past is discordant with the future, and must necessarily disappear.
> The social subordination of women thus stands out an isolated fact in modern social institutions; a solitary breach of what has become their fundamental law; a single relic of an old world of thought and practice exploded in everything else, but retained in the one thing of most universal interest; as if a gigantic dolmen, or a vast temple of Jupiter Olympius, occupied the site of St. Paul's and received daily worship, while the surrounding Christian churches were only resorted to on fasts and festivals. This entire discrepancy between one social fact and all those which accompany it, and the radical opposition between its nature and the progressive movement which is the boast of the modern world, and which has successively swept away everything else of an analogous character, surely affords, to a conscientious observer of human tendencies, serious matter for reflection».

И далее он сам указывает, что так сильно выделяет отношения между мужчинами и женщинами от других отношений между господами и рабами. Это потребность в любви, на которой держится человеческое общество. Мужчинам, говорит Милль, нужно не просто подчинение от женщины, им нужен сантимент. Их власть основана не просто на страхе и силе, но на той любви, что они стараются внушать женщинам. И для этих целей все образование женщин устроено так, чтобы как говорит Симона де Бовуар «сделать из женщин дебилов». Действительно, замечает Милль, их с детства учат тому, что они не такие как мужчины,

что они обязаны жертвовать собой и своими интересами, и во всем опираться на мнение мужчин, так как своего собственного у них быть не может. Бовуар в этой связи также отмечает, что их учат обожествлять мужчин как активного начала общества, как силу и двигатель общества, и видеть себя как пассивный объект, призванный служить мужчинам и и во всем им подчиняться. В обмен на это их будут «любить». Милль замечает, что при таком воспитании женщин, было бы странным, если бы мечта стать объектом мужского вожделения не стала «полярной звездой каждой девушки», и что именно этим сексуальным подтекстом объясняется так долго сохраняющееся рабство женщин.

J. S. Mill, Subjection of women:

> «They are so far in a position different from all other subject classes, that their masters require something more from them than actual service. Men do not want solely the obedience of women, they want their sentiments. All men, except the most brutish, desire to have, in the woman most nearly connected with them, not a forced slave but a willing one, not a slave merely, but a favourite. They have therefore put everything in practice to enslave their minds. The masters of all other slaves rely, for maintaining obedience, on fear; either fear of themselves, or religious fears. The masters of women wanted more than simple obedience, and they turned the whole force of education to effect their purpose. All women are brought up from the very earliest years in the belief that their ideal of character is the very opposite to that of men; not self will, and government by self-control, but submission, and yielding to the control of other. All the moralities tell them that it is the duty of women, and all the current sentimentalities that it is their nature, to live for others; to make complete abnegation of themselves, and to have no life but in their affections. And by their affections are meant the only ones they are allowed to have — those to the men with whom they are connected, or to the children who constitute an additional and indefeasible tie between them and a man.
>
> When we put together these things it would be a miracle if the object of being attractive to men had not become the polar star of feminine education and formation of character. And, this great means of influence over the minds of women having been acquired, an instinct of selfishness made men avail themselves of it to the utmost as a means of holding women in subjection, by representing to them

> meekness, submissiveness, and resignation of all individual will into the hands of a man, as an essential part of sexual attractiveness. Can it be doubted that any of the other yokes which mankind have succeeded in breaking, would have subsisted till now if the same means had existed, and had been so sedulously used, to bow down their minds to it?»

Итак, подведем итоге. Садомазохизм физического контроля поля Эгосистемы — это врожденный грех материальной энергии, который убивает в людях энергию духа и их способность дружбы. В обычных отношениях мерзость отношений рабства люди осознали очень давно и с отвращением отвернулись от него. По крайней мере те из них, кого мы сегодня называем людьми. Однако, в самых фундаментальных отношениях, в отношениях семьи, в отношениях любви мужчины и женщины — именно рабство Садомазохизма остается фундаментальными отношениями даже в самых цивилизованных обществах.

И это подлое рабство оправдывают такими возвышенными словами как «любовь» и «семья». Хотя именно в отношениях любви и семьи грех Садомазохизм наиболее оскорбителен для Божьего духа в человеке — много больше, чем политическое и экономическое рабство. Именно в этих отношениях Садомазохизм из просто греха становится Хулой на Духа Святого, извращая всю совесть и мораль общества, отнимая у людей источник тепла в любви к супругам и детям. И именно поэтому Д. С. Милль называет порабощение женщин — цитаделью рабство в обществе, которое будет консервировать это рабство до тех пор, пока наконец удар не будет нанесен по самой цитадели — по женскому рабству.

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Без стыда теперь не могу вспомнить это время жениховства! Какая гадость! Ведь подразумевается любовь духовная, а не чувственная. Ну, если любовь духовная, духовное общение, то словами, разговорами, беседами должно бы выразиться это духовное общение. Ничего же этого не было. Говорить бывало, когда мы останемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была сизифова работа. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать,

придумывать. Говорить не о чем было. Все, что можно было сказать о жизни, ожидавшей нас, устройстве, планах, было сказано, а дальше что? Ведь если бы мы были животные, то так бы и знали, что говорить нам не полагается; а тут, напротив, говорить надо и нечего, потому что занимает не то, что разрешается разговорами.

...Ведь что, главное, погано, — начал он, — предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Ведь недаром же природа сделала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то так и надо понимать. А тут, напротив, люди делают вид, что мерзкое и стыдное прекрасно и возвышенно. Какие были первые признаки моей любви? А те, что я предавался животным излишествам, не только не стыдясь их, но почему-то гордясь возможности этих физических излишеств, не думая притом нисколько не только о ее духовной жизни, но даже и об ее физической жизни. Я удивлялся, откуда бралось наше озлобление друг к другу, а дело было совершенно ясно: озлобление это было не что иное, как протест человеческой природы против животного, которое подавляло ее.. Я удивлялся нашей ненависти друг к другу. А ведь это и не могло быть иначе. Эта ненависть была не что иное, как ненависть взаимная сообщников преступления — и за подстрекательство и за участие в преступлении. Вы думаете, что я отступаю от рассказа? Нисколько! Это я все рассказываю вам, как я убил жену. На суде у меня спрашивают, чем, как я убил жену. Дурачье! думают, что я убил ее тогда, ножом, пятого октября. Я не тогда убил ее, а гораздо раньше. Так точно, как они теперь убивают, все, все...»

2. САТАНЫ РАСЫ ГОСПОД — ЭТО СИЛА!

Сатаны, то есть люди, которые сознательно противопоставили себя морали с целью «максимизировать наслаждения жизни», пожирая других людей всегда позиционируют себя как «Силу». В этом их оправдание, в этом их «философия» (если бы они сохранили способность думать), в этом их кредо. Моралисты могут корить их за свинское поведение, но моралисты всего лишь граждане, а Сатаны правят балом. Христиане могут говорить о любви к ближнему, но христиане слабаки с этой своей моралью, а они Сатаны — злодеи, перед которыми дрожит всякий

обычный человек с его чистой совестью и достойным поведением. И этого Сатанам достаточно не только, чтобы оправдать себя, но в том, чтобы откровенно поклоняться Злу, служить Сатане, если бы он действительно существовал. По крайней мере, они в своей примитивности ставят ему «церкви».

Однако, существо их «поклонения Силе» вовсе не в том, что они в самом деле сильные, или что они больше других понимают, как важно быть сильным. Закон сохранения Силы — фундаментальный закон психики, и в этом смысле сила одинаково важна для всех людей. Однако, для здоровых людей, которые видят мир через разум научного контроля, сила — это энергии природы. Как еще иначе определить силу здравомыслящему человеку? Сила человека — в здоровье его энергии психики, в чистоте его положительных эмоций, в мощности научного контроля, в безопасности и счастье которое дает тепло, искренность и взаимное уважение Церкви Дружбы.

Для магического сознания варваров Сила — это количественные абстракции поля Эгосистемы. Это «количество силового давления» на что-нибудь или на кого-нибудь. Сколько надавишь, сколько разрушишь, — столько ты сильный! Очевидно, что это безумное представление о силе для цивилизованного человека — сила как количественная абстракция разных по качеству энергий природы.

Сила — это Насилие для Сатанов, сила пресса, сила нажима на других людей. Вот почему сатанинское поклонение силы всегда вызывало и вызывает у людей такое отвращение. Потому что это безумие и в определение силы, и безумие в попытках действительно найти «наслаждения» жизни при помощи такой силы. Ведь именно «погоня за наслаждениями» становится оборотной стороной кредо Сатанов: Насилие в погоне за наслаждениями. Это девиз Сатан-Эго Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия. Достаточно вспомнить писанину маркиза Сада и его «маленькие преступленьица» в погоне за наслаждениями. Камю в этой связи цитирует проклятия Ницше в адрес «свиных рыл искателей наслаждений».

«My enemies,» says Nietzsche, «are those who want to destroy without creating their own selves.» He extols integrity and castigates the «hog-faced» pleasure-seekers»

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Животные как будто знают, что потомство продолжает их род, и держатся известного закона в этом отношении. Только человек этого знать не знает и не хочет. И озабочен только тем, чтобы иметь как можно больше удовольствия. И это кто же? Царь природы, человек. Ведь вы заметьте, животные сходятся только тогда, когда могут производить потомство, а поганый царь природы — всегда, только бы приятно. И мало того, возводит это обезьянье занятие в перл создания, в лю-бовь. И во имя этой любви, то есть пакости, губит — что же? — половину рода человеческого. Из всех женщин, которые должны бы быть помощницами в движении человечества к истине и бла-гу, он во имя своего удовольствия делает не помощниц, но врагов».

«Сатанинский секс» в Церкви Сатаны Ла Вея — конечно же одно из базисных наслаждений, как и в писанине маркиза Сада. Чтобы быть «Силой» Сатанам надо в первую очередь чувствовать Подчинение, Слабость женщин. Так работает физический контроль материальной энергии: там не может быть взаимного уважения и восхищения друг другом сильных личностей. Материальные энергии как разности между давлениями, температурами или зарядами всегда движутся от дисбаланса к баланса между разными величинами: от разницы между низкой и высокой температурой, давления, заряда — к равенству, к нулю, где они останавливаются. От голода к сытости, к покою.

На равенстве, на балансе, на сытости, на покое уже движения нет, и чтобы запустить движение надо опять создать дисбаланс, опять создать разницу величин — это и называется циклическим гомеостазом, движением по кругу от неравновесия к покою равновесия.

Чтобы Садомазохизм физического контроля функционировал ему нужны два противоположных Притяжения: самолюбие и Влюбленность, Сила и Слабость, Господство и Подчинение. Ни

о каком «равенстве», «уважении и восхищении» на поле Эгосистемы материальной энергии не может быть и речи.

Быть «сильным» здесь значит «командовать слабым», быть господином над рабами, быть объектом влюбленности у женщин и мужчин. Некоторые предпочитают женщин. Никакого другого представления о «силе» закон сохранения силы не может им предоставить на поле материальной энергии физического контроля. Настоящее определение Силы и настоящий доступ к силе — только у научного контроля поля Интеллекта энергии духа.

Г. Честертон, «Вечный человек»:

> «В наши дни книги и газеты наперебой описывают популярного ге
> роя, которого называют Пещерным Человеком. Видимо, все хорошо,
> даже лично с ним знакомы. Его психологию серьезно учитывают
> и враги, и авторы романов. Насколько я понял, он чаще всего бил
> жену и вообще, как говорят теперь, обращался с женщиной «без ду
> раков». Не знаю, первобытные ли дневники или сообщения о разво
> дах легли в основу таких воззрений. Мало того, я никак не могу по
> нять, почему, если фактов нет, надо считать наиболее вероятными
> именно эти поступки. Нам непрестанно толкуют, что человек тех вре
> мен то и дело размахивал дубинкой и, прежде чем уволочь даму,
> стукал ее по голове. Нет, не пойму, почему у столь грубого самца
> столь щепетильная самка! Может быть, Пещерный Человек был ис
> тинным зверем, но отчего бы ему быть грубее самих зверей? Браки
> жираф и ухаживания бегемотов обходятся без таких ужасов. Может
> быть, он был не лучше пещерного медведя — но юная медведица,
> воспетая детьми, не проявляет яростной тяги к безбрачию. Словом,
> семейная жизнь пещерных людей удивляет меня и при вере в эво
> люцию, и без этой веры. ….Когда автор сексуального романа пишет:
> «Красные искры заплясали в глазах Дагмара Даблдика, и он почув
> ствовал, что в нем просыпается далекий пещерный предок», чита-
> тель
> будет разочарован, если Дагмар просто примется рисовать на стене
> коров. Когда психоаналитик говорит пациенту: «Вами движут подав
> ленные инстинкты Пещерного Человека», он не имеет в виду тягу
> к рисованию или к мирным наблюдениям над травоядными. Мы зна
> ем точно, что первобытный человек занимался этими безобидными
> делами, но у нас нет ни малейшего свидетельства о том, что он про
> делывал приписываемые ему гадости. Пещерный Человек сенса
> ций — это просто миф или, вернее, недоразумение. В мифе, по край
> ней мере, есть поэтическая правда, а ценность этого недоразумения

в том, что оно оправдывает весьма современную распущенность. Ес ли мужчина хочет стукнуть женщину, лучше его просто назвать ха мом, не приплетая к этому делу Пещерного Человека, о котором мы знаем только то, что рассказали нам несколько безобидных и очень хороших рисунков».

Л. Толстой, «Крейцерова соната»:

«Если нашли, что сватовство унизительно, то уж это в тысячу раз больше. Там права и шансы равны, а здесь женщина или раба на базаре, или привада в капкан. с одной стороны, совершенно справедливо то, что женщина доведена до самой низкой степени унижения, с другой стороны — что она властвует. Точно так же как евреи, как они своей денежной властью отплачивают за свое угнетение, так и женщины. „А, вы хотите, чтобы мы были только торговцы. Хорошо, мы, торговцы, завладеем вами“, — говорят евреи. „А, вы хотите, чтобы мы были только предмет чувственности, хорошо, мы, как предмет чувственности, и поработим вас“, -говорят женщины. Не в том отсутствие прав женщины, что она не может вотировать или быть судьей — заниматься этими делами не составляет никаких прав, — а в том, чтобы в половом общении быть равной мужчине, иметь право пользоваться мужчиной и воздерживаться от него по своему желанию, по своему желанию избирать мужчину, а не быть избираемой. Вы говорите, что это безобразно. Хорошо. Тогда чтоб и мужчина не имел этих прав».

J. S. Mill, Subjection of women:

«Though the truth may not be felt or generally acknowledged for generations to come, the only school of genuine moral sentiment is society between equals. The moral education of mankind has hitherto emanated chiefly from the law of force, and is adapted almost solely to the relations which force creates. In the less advanced states of society, people hardly recognise any relation with their equals. To be an equal is to be an enemy. Society, from its highest place to its lowest, is one long chain, or rather ladder, where every individual is either above or below his nearest neighbour, and wherever he does not command he must obey. Existing moralities, accordingly, are mainly fitted to a relation of command and obedience. Yet command and obedience are but unfortunate necessities of human life: society in equality is its normal state. Already in modern life, and more and more as it progressively improves, command and obedience become exceptional facts in life, equal association its general rule.

> We have had the morality of submission, and the morality of chivalry and generosity; the time is now come for the morality of justice. Whenever, in former ages, any approach has been made to society in equality, Justice has asserted its claims as the foundation of virtue. It was thus in the free republics of antiquity. But even in the best of these, the equals were limited to the free male citizens; slaves, women, and the unenfranchised residents were under the law of force».

Вот почему Порабощение женщин в обществе обязательно есть свидетельство Активного Поля Эгосистемы у мужчин — наличия у них физического контроля вместо научного контроля. Другими словами, свидетельство варварства общества, где правят Колдуны-аборигены.

Ведь почему нам смешны Колдуны-аборигены, которые с таким важным и торжественным видом командуют природными стихиями: Приказывают Солнцу встать, Дождю пойти, Снегу остановится, Ветру подняться, а табуну газелей выйти на охотников? Почему нам смешны эти люди? Потому что они делают напряженное лицо и считают, что получили силу. Однако, стихии идут своим чередом и никогда не узнают что есть на свете такие дураки, которые пытались им давать команды идти против законов природы.

То же самое происходит с Сатанами.

С детства их учат что быть мужчиной значит быть Силой. Значит командовать и подчинять других. Значит быть насильником и причинять боль, значит быть воином и убивать людей. И что если они будут «настоящими мужчинами» то все двери счастья и наслаждений откроются перед ним. Главное, всегда оставаться господином, и особенно в отношении порабощённых женщин.

И они всеми силами порабощают женщин. Всеми возможными путями запугивают и унижают женщин, всеми возможными путями сводят их воспитание и образование к идиотизму, и заталкивают их в проституцию и публичные дома. А потом хвастаются, как парижане, своими знаменитыми публичными домами — вот сколько наслаждений смогли добиться Сатаны своей Силой!

Однако, они сами знают, что ничего кроме «унылой порнографии», как говорит Гайто Газданов, такая «индустрия развлечений» дать не может. И нормальные люди, подобно Газданову и Селинджеру, которые говорят о том, что поиски удовольствия с этими забитыми морально и физически людьми — последнее что приходило им в голову когда они их наблюдали, чувствуют это сразу. Сатаны тоже это понимают, потому что начинают искать о. Эпштейна и собирать там маленьких детей, потом они начинают насиловать этих детей в надежде, что может быть здесь они найдут «наслаждение». Они приглашают королей и голливудских знаменитостей, мировых моделей и известных политиков — они ищут романтику, чтобы как-то оживить мертвечину «материальной Силы насилия». Но опять терпят крах: ведь Романтика — это всего лишь сбой Садомазохизма, вариант сломанного физического контроля.

Так и остаются Колдуны Вольтера у разбитого корыта, а общественные стихии отказываются повиноваться их приказам и дарить им «наслаждения».

Вирджиния Джуффре пишет в своих мемуарах, что Эпштейн называл себя «преступником, уголовником» и говорил, что это отличает его от «сексуальных хищников, как убийца отличается от вора». То есть для его Самолюбия, для его Эго важно было подчеркнуть Силу своей позиции Насильника невинных жертв в обществе: он не просто интересуется сексом, он Сила, он Убийца, он Насильник.

Милль пишет что в таком ключе воспитывают всех мальчиков по отношению к девочкам в обществе, где в основу общественных отношений положено Порабощение женщин.

V. Guiffre, «Nobody's girl»:

> «Today I know that Epstein liked to tell friends that women were merely „a life-support system for a vagina." I didn't know that then. Today I know that Epstein made the following chilling distinction: „I'm not a sexual predator; I'm an „offender." It's the difference between a murderer and person who steals a bagel." I didn't know that then either. Today I see how little he cared about the girls and women he abused. But for a long time, I couldn't see it. Or maybe I didn't want

to see it. My experience being brutalized by the Prime Minister — and the way Epstein glossed over it — changed that for me. Before the Prime Minister's attack, Epstein had me fooled. I thought that Epstein's predilection for childlike girls was a sickness, but that in his twisted way he meant well. After the attack, I couldn't stay a fool. Having been treated so brutally and then seeing Epstein's callous reaction to how terrorized I felt, I had to accept that Epstein meted out praise merely as a manipulation to keep me subservient».

J.S. Mill, «Subjection of women»:

«People are not aware how entirely, informer ages, the law of superior strength was the rule of life; how publicly and openly it was avowed, I do not say cynically or shamelessly — for these words imply a feeling that there was something in it to be ashamed of, and no such notion could find a place in the faculties of any person in those ages, except a philosopher or a saint.

…All that education and civilization are doing to efface the influences on character of the law of force, and replace them by those of justice, remains merely on the surface, as long as the citadel of the enemy is not attacked. The principle of the modern movement in morals and politics, is that conduct, and conduct alone, entitles to respect: that not what men are, but what they do, constitutes their claim to deference; that, above all, merit, and not birth, is the only rightful claim to power and authority.

…Well brought-up youths in the higher classes thus often escape the bad influences of the situation in their early years. Such people are little aware, when a boy is differently brought up, how early the notion of his inherent superiority to a girl arises in his mind; how it grows with his growth and strengthens with his strength; how it is inoculated by one schoolboy upon another; how early the youth thinks himself superior to his mother, owing her perhaps forbearance, but no-real respect; and how sublime and sultan-like a sense of superiority he feels, above all, over the woman whom he honours by admitting her to a partnership of his life. Is it imagined that all this does not pervert the whole manner of existence of the man, both as an individual and as a social being? It is an exact parallel to the feeling of a hereditary king that he is excellent above others by being born a king, or a noble by being born a noble. The relation between husband and wife is very like that between lord and vassal, except that the wife is held to more unlimited obedience than the vassal was. The self-worship of the monarch, or of the feudal superior, is matched by the self-worship of the male».

3. «ДЕБИЛИЗАЦИЯ» ЖЕНЩИН. «СЛАБЫЕ» ЖЕНЩИНЫ ОТВРАТИТЕЛЬНЫ

«Слабая» женщина — это не природа женщины, как подчеркивают все разумные исследователи. Д. С. Милль много раз подчеркивает, что весь исторический процесс показал равенство возможностей мужчин и женщин, и что странности истерического характера женщин — это воспитание и ненормальная ситуация «любовного рабства», в которую их поставили. Об этом же говорит Симона де Бовуар во «Втором поле», постоянно подчеркивая, что современная женщина, идиот и истеричка как она есть -э то результат ненормального воспитания и культивации в женщинах «Романтики» поля Эгосистемы как единственного смысла жизни. Б. Рассел активно боролся за права женщин и пишет об этом в своих мемуарах. В его школе мальчиков и девочек воспитывали одинаково, как когда-то спартанских мальчиков и девочек одинаково обучали и наукам и войне.

Симона де Бовуар, «Второй пол»:

> «Сегодня нам понятно, почему в обвинениях, выдвигаемых против женщины во все времена, в эпоху расцвета Греции и в наши дни, так много общего: ее положение осталось прежним, происшедшие изменения были чисто поверхностными, и именно этот удел определяет то, что называется «характером» женщины: она «погрязла в имманентности», она — сам дух противоречий, она осторожна и мелочна, ограниченна, неточна, безнравственна, самым недостойным, низким образом прагматична, лжива, неискренна, корыстна… Во всех этих утверждениях есть доля истины. Только ее поведение, ее качества, все, в чем ее обвиняют, не предопределено ей природой, ее женскими гормонами, и не заложено в клетках ее мозга: общество, общественное устройство, принуждает женщину вырабатывать в себе определенные качества и диктует ей формы поведения, которые предопределены ее «ситуацией».

J.S. Mill, «Subjection of women»:

> «Now, the most determined depreciator of women will not venture to deny, that when we add the experience of recent times to that of ages past, women, and not a few merely, but many women, have proved themselves capable of everything, perhaps without a single

> exception, which is done by men, and of doing it successfully and creditably. Let us first make entire abstraction of all psychological considerations tending to show, that any of the mental differences supposed to exist between women and men are but the natural effect of the differences in their education and circumstances, and indicate no radical difference, far less radical inferiority, of nature. Let us consider women only as they already are, or as they are known to have been; and the capacities which they have already practically shown. It will be said, perhaps, that the greater nervous susceptibility of women is a disqualification for practice, in anything but domestic life, by rendering them mobile, changeable, too vehemently under the influence of the moment, incapable of dogged perseverance, unequal and uncertain in the power of using their faculties. I think that these phrases sum up the greater part of the objections commonly made to the fitness of women for the higher class of serious business. Much of all this is the mere overflow of nervous energy run to waste, and would cease when the energy was directed to a definite end. I have-said that it cannot now be known how much of the existing mental differences between men and women is natural and how much artificial; whether there are any natural differences at all; or, supposing all artificial causes of difference to be withdrawn, what natural character would be revealed»

Однако, те же исследователи, включая и Симону Бовуар, признают, что в обществе Порабощения женщин они действительно часто превращаются в дебилов, в кликуш, в романтических самовлюбленных идиотов, в истериков — словом в личности, с которыми неприятно иметь дело.

Такая «Слабость» женщин, которых Сатаны сталкивают на Притяжение Влюблённости и Самовлюбленности Поля Эгосистемы — необходима только самим Сатанам, которые в силу ущербности своего Физического контроля нуждаются в Слабости, чтобы чувствовать свою Силу.

В итоге, они очень преуспели в том, что сталкивать женщин с нормального развития на поле Интеллекта в эпоху их юности на поле Эгосистемы, раздувая романтическое притяжение Самовлюленности, и как говорит Джон Милль, превращая мечту о «соблазне Принца» в полярную звезду всей своей жизни. Однако, результатом такой «Слабости» женщин, столь вожделен-

ной Сатанами, становится их «Дебилизация» как говорит Симона де Бовуар — ведь мертвенность поля Эгосистемы пожирает их интеллект и позитивные эмоции энергии духа, превращая их в глупых и надоедливых истеричек. Толстой пишет что превращая людей женского пола в источник наслаждения для другой половины человечества, они настолько уродуют в них все человеческое, что этому факту мы обязаны феноменом бабьего кликушества. Бовуар пишет, что развивая в женщинах Самовлюбленность и погружая ее в мечты о Прекрасном Принце, мужской мир полностью закрывает для женского восприятия реальность, и тем самым «женщина» современного общества — это малопривлекательный идиот. Милль пишет, что мужчины воспитывают женщин «одалисками» для гаремов султанов, которые во всем повинуются общественному мнению и не имеют своего мнения. Чтобы узнать естественный характер женщин, мы сначала должны привести его в состояние нормы, исправить эти жуткие искусственные искривления, данные воспитанием. Воспитание Сатанов, добавим мы, которые искривляют девочек в идиотов Влюбленности и Самовлюбленности под свое свиное Самолюбие физического контроля Садомазохизма.

Если бы не этот чудовищный процесс и варварские понятия Силы и Слабости как Самолюбия и Влюбленности аборигенов поля Эгосистемы — женщины получали бы нормальное развитие своего поля Интеллекта, и становились бы интересными и прекрасными личностями. Очень может ыть что превзошли бы мужчин в интеллектуальных достижениях, ведь тонкость нервной системы — это хороший залог для процессов мышления. По крайней мере, факты истории не оставляют сомнений что женщин ни в чем не уступают мужчинам интеллектуально.

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «И образование женщины будет всегда соответствовать взгляду на нее мужчины. Ведь все мы знаем, как мужчина смотрит на женщину: «Wein, Weiber und Gesang», и так в стихах по-эты говорят. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть ору-

дие наслаждения; она такова на Трубе, и на Грачевке, и на придворном бале. И заметьте хитрость дьявола: ну, наслажденье, удовольствие, так как бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а все-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь уже уверяют, что уважают женщину.

То же и с эмансипаци-ей женщины. Рабство женщины ведь только в том, что люди желают и считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. Ну, и вот освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения, так воспи-тывают ее и в детстве и общественным мнением. И вот она все такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина все такой же развращенный рабовладелец. Освобождают женщину на курсах и в палатах, а смотрят на нее как на предмет наслажде-ния. Научите ее, как она научена у нас, смотреть так на самую себя, и она всегда останется низ-шим существом. Или она будет с помощью мерзавцев-докторов предупреждать зарождение пло-да, то есть будет вполне проститутка, спустившаяся не на ступень животного, но на ступень вещи, или она будет то, что она есть в большей части случаев, — больной душевно, истеричной, несчастной, какие они и есть, без возможности духовного развития. А именно тот, что женщина, наперекор своей природе, должна быть одновре-менно и беременной, и кормилицей, и любовницей, должна быть тем, до чего не спускается ни одно животное. И сил не может хватить. И оттого в нашем быту истерики, нервы, а в народе — кликуши. Вы заметьте, у девушек, у чистых, нет кликушества, только у баб, и у баб, живущих с мужьями. Так у нас. Точно так же и в Европе. Все больницы истеричных полны женщин, нару-шающих закон природы. Но ведь кликуши и пациентки Шарко — это совсем увечные, а полука-лек женщин полон мир. Ведь только подумать, какое великое дело совершается в женщине, ко-гда она понесла плод или когда кормит родившегося ребенка. Растет то, что продолжает, заменяет нас. И это-то святое дело нарушается — чем же? — страшно подумать! И толкуют о сво-боде, правах женщин. Это все равно, что людоеды откармливали бы людей пленных на еду и вместе с тем уверяли бы, что они заботятся о их правах и свободе».

Симона Бовуар, «Второй пол»:

«В этом истинный смысл выражения, адресованного женщине, — «вечное дитя»; вот так же относились к чернокожим рабочим, к рабам, к колониальным народам, называя их «большие дети», до тех пор пока их не боялись; и это означало, что они должны безропотно

следовать той правде и тем законам, которые им навязывались другими. Уделом женщины стали повиновение и почтение. Даже в мыслях она не имеет подступа к осаждающей ее со всех сторон реальности. Для нее жизнь — это глухое, безликое присутствие.
Но, в конце концов, ясный взгляд на мир — не ее дело; ее приучили во всем полагаться на мужской авторитет, и она отказывается критиковать что бы то ни было, изучать что-то и судить о чем-либо самостоятельно. Она во всем полагается на авторитет высшей касты.
Многие из недостатков, в которых ее упрекают, такие, как посредственность, ограниченность, незначительность, мелочность, робость, ничтожность, леность, легкомыслие, раболепие, свидетельствуют лишь о том, что женщине ограничили горизонт. При этом говорят, что женщина слишком чувствительна или что она погрязла в имманентности; да прежде всего ее заперли в этой имманентности. Рабыни гарема не испытывают никакой патологической страсти к варенью из розовых лепестков, к ароматизированным ваннам: и то и другое помогает им убивать время; в той мере, в какой женщина задыхается в своем скучном и мрачном гинекее — доме, который она не может покинуть, семейном очаге, — в той же мере она будет увлекаться комфортом, стремиться к благосостоянию, ища в них убежище
женщина преодолевает чувство обойденности, обманутости, искалеченности, фрустрации. Однако подчеркиваю еще раз; женщина придает такую значимость имманентности лишь потому, что это ее единственный удел. У ее легкомыслия и у ее «отвратительного материализма» одна и та же причина; она придает значение мелочам, тому, что в сущности ничтожно, нестоящее, незначительно, оттого, что не допускается к значительному, к решающе важному и серьезному»

J.S. Mill, «Subjection of women»:

«Of all difficulties which impede the progress of thought, and the formation of well-grounded opinions on life and social arrangements, the greatest is now the unspeakable ignorance and inattention of mankind in respect to the influences which form human character.
This is, an analytic study of the most important department of psychology, the laws of the influence of circumstances on character. For, however great and apparently ineradicable the moral and intellectual differences between men and women might be, the evidence of there being natural differences could only be negative.
Women who read, much more women who write, are, in the existing constitution of things, a contradiction and a disturbing element: and it

was wrong to bring women up with any acquirements but those of an odalisque, or of a domestic servant.
We may safely assert that the knowledge which men can acquire of women, even as they have been and are, without reference to what they might be, is wretchedly imperfect and superficial, and always will be so, until women themselves have told all that they have to tell.
And this time has not come; nor will it come otherwise than gradually. It is but of yesterday that women have either been qualified by literary accomplishments or permitted by society, to tell anything to the general public. As yet very few of them dare tell anything, which men, on whom their literary success depends, are unwilling to hear. Let us remember in what manner, up to a very recent time, the expression, even by a male author, of uncustomary opinions, or what are deemed eccentric feelings, usually was, and in some degree still is, received; and we may form some faint conception under what impediments a woman, who is brought up to think custom and opinion her sovereign rule, attempts to express in books anything drawn from the depths of her own nature».

4. ПРОСТИТУТКИ И ГОРНИЧНЫЕ

Дело конечно не только в воспитании женщин. Дж. Оруэлл пишет, что экономическая нищета общества необходима для поддержания отношений господства и подчинения в обществе. А отношения господства и подчинения — необходимы только Сатанам физического контроля материальной энергии. Вот почему эти вредители общества будут стараться поддерживать в нем «консерватизм», то есть полюса нищеты и богатства, — чтобы им было кем командовать. Маркс ошибался рационализируя их поведение до целей обогащения или каких то других рациональных целей. Их цель — упражнение Садомазохизма, отношения Господства и Подчинения, Самолюбия и Влюбленности — то без чего нет их физического контроля материальной энергии. И для этого им нужна нищета в обществе. Ведь никто не станет подчиняться им добровольно, а времена открытого насилия и рабства уже миновали. Так, файлы Эпштейна и мемуары Вирджинии Джуффре показывают, что нищета с одной стороны, с другой стороны привычка с детства быть

жертвами мужчин — вот что вовлекло многих девочек в лапы Эпштейна.

Поэтому ключевым моментом наравне с воспитанием в порабощении женщин является — нищета, бедность, которых всегда в любом современном самом богатом обществе.

В итоге, Сатаны достигают желаемого в обществе, где победила материальная энергия: женщины-секретарши, женщины-горничные, женщины — всякого рода обслуживающий персонал у мужчин-боссов. Женщины воспитанные как романтическая Самовлюбленность. Женщины в поисках большой любви. Женщины, поклоняющиеся мужчинам как полагается всем аборигенам на поле Эгосистемы: магическое сознание и магия идолопоклонства.

Проницательность знаменитой работы де Бовуар «Второй пол» в том, что она постоянно подчеркивает магическое сознание таким образом воспитанной женщины, то есть превращение женщин в «аборигенов-дикарей» по уровне развития. А также вытекающее из этого сознания идолопоклонство Тотемам, которыми для женщин становятся мужчины. Романтическая Самовлюбленность которую воспитывает в женщинах культура романтизма (фильмы, литературы, живопись — все посвящено романтизму Самовлюбленности) также в центре внимания знаменитой исследовательницы. И она показывает, что эта Самовлюбленность — пожирает интеллектуальные и моральные ресурсы женщины, останавливает ее развитие как личности. Действительно поле Эгосистемы материальной энергии уничтожает любую личность. Не только женщин, которых они сталкивают на притяжение Влюленности, но и самих мужчин, самих Сатанов в первую очередь. Разница только в том, что Сатаны превращаются в мертвых маньяков, пожирающих одну жертву за другой, а женщины превращаются в жалкие жертвы, забитые до степени дебилизма.

Достоевский пишет в «Карамазовых» о разврате, что «всегда будут горничные для развратников». Симона Бовуар сообщает, что большая часть проституток из горничных. Ее слова

подтверждает Гайто Газданов в «Ночных дорогах». Романы секретаршей с босами стали притчей во языцех. Таким образом, мировая практика еще раз подтверждает, что «возбуждает» Сатанов — унижение женщин, насилие над женщинами. Потому что для физического контроля это единственный способ почувствовать свою «Силу». Так работает Закон Сохранения Силы для дураков, простыми словами если говорить.

И в конечном итоге, Сатаны настолько успешно забивают женщин на поле Эгосистемы, где их личность полностью деформируется в придаток для их Притяжения Самолюбия, что женщины превращаются в ничтожества противные им самим. Вот что такое «Сила» Дураков. Конечно, они не скажут того, что говорят Толстой, Газданов, Селинджер, Милль, Рассел, Честертон об отвращении к этим развращенным и искалеченным существам, о близости с которыми они не могли бы подумать и в страшном сне. Но даже они сами, будучи все же в каком то жизненном ритме, не могут не чувствовать отвращения к убитым ими жертвам. Всего они достигли, кроме цели, которую ставили: Нет им наслаждения жизнью! Нет позитивных эмоций дуракам, которые понимают Силу как Насилие над «Слабыми». «Никому не нравится мертвая лошадь», — говорил Эпштейн Джуффре, наставляя ее имитировать удовольствие. Однако, труп не заставишь сымитировать не только удовольствие, но даже правдоподобную улыбку. Следовательно, вся их «индустрия удовольствий», основанная на «слабых женщинах» сводится к сексу с «дохлыми лошадями».

Г. Честертон в «Что не так с миром» подчеркивает холодность с женщин и даже вспоминает в этой связи древний миф — Холодность Хлои. Симона де Бовуар пишет в «Втором поле», что именно постоянное чувство униженности и неуверенности, которое вселяют в женщину воспитывая ее в идолопоклонстве мужским гениталиям делает женщин холодными, и превращает для них постель в испытание. Она же пишет что для мужчин постель –это поле боя, война, и говорят они о нем в терминах войны: победы и поражения, «овладения» женщиной. Все это убивает

в женщине остатки желания и окончательно закрывает Сильным Сатанам все пути к позитивным эмоциям женщин, к тому источнику тепла и любви, без которого нет жизни человечества.

V. Guiffre, «Nobody's girl»:

> «Early on, he'd made clear that during sexual encounters, I should appear to be enjoying what he did to me or what he made me do to him. „I want bubbly and energetic," he said. „Nobody wants a dead horse." So when he'd ask me questions about my body's response to him — to describe having an orgasm, say — I would do so, even though most times, I had faked it and had to lie…….If there was one thing I knew about, it was damage — the lasting reverberation of past trauma. I had been trafficked to dozens of men by this point, and I remembered their faces clearly. There were old men and even older men; nerdy, shy men and boorish, arrogant men. There were men who wanted me to wear outfits and men who wanted to see me naked and men who didn't notice if I was clothed, as long as I touched them. There were men who couldn't get or maintain erections. There were men who behaved as if I were lucky to be with them. There was at least one man who ignored me as I serviced him sexually, preferring instead to focus his eyes upon, and even to fondle, Epstein. Some men seemed grateful for my attention, particularly the septuagenarians, many of whom thanked me afterward, calling me „a good girl." While I appreciated that these ancient men were less brutish than others, I still felt sick when they said that. Their words made it undeniably clear that for them, my childlike appearance was part of my sexual appeal. It is truly impossible to say how many men there were, in part because I didn't keep count, and in part because my interactions with many of them were so similar. Still, I was expected to make all the men happy, even though doing so made me miserable».

Симона Бовуар, «Второй пол»:

> «Рассказывая о том, что он переспал с женщиной, мужчина говорит, что он ее «взял» или что он ею «обладал», иногда, говоря об обладании женщиной в грубых выражениях, мужчина заявляет, что он ее «трахнул»; Говоря на эротические темы, мужчины используют военные термины; любовнику свойственна стремительность солдата, его половой член выгибается как лук, эякуляция — это залп, можно подумать, что речь идет о пулемете или пушке; они говорят об атаках, осадах, победах. Для мужчины совокупление — это что-то вроде героического поступка, «Половой акт, который заключается в оккупа-

ции одного существа другим, — пишет Бенда в «Докладе Уриэля», — наводит на мысль о захватчике и захваченной вещи. Поэтому, когда люди обсуждают даже самые цивилизованные любовные отношения, они употребляют такие слова, как победа, атака, приступ, осада, защита, поражение, капитуляция, то есть совершенно явно проводят параллель между любовью и войной. Этот акт приводит к осквернению одного существа другим и внушает осквернителю определенную гордость, осквернённый же, даже если все произошло с его согласия, испытывает унижение».

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

«Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не дает ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собственной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения»

Симона Бовуар, «Второй пол»:

«Из всех причин проституции, — писал в 1857 году Паран-Дюшатле по итогам проведенного им исследования, — определяющими являются отсутствие работы и нищета — неизбежное следствие мизерной оплаты труда». Благомыслящие моралисты издевательски заявляют, что все рассказы, вызывающие жалость и сочувствие к проституткам, предназначаются наивному клиенту. Действительно, во многих случаях проститутка могла бы зарабатывать на жизнь иным способом; однако, если избранный путь ей не кажется самым худшим, это вовсе не доказывает, что у нее в крови порок; скорее следует осудить то общество, где это ремесло представляется женщине менее отвратным, чем какое-нибудь другое. Возникает вопрос: почему та или иная жен-

щина избирает проституцию? Но корректнее было бы спросить: а почему бы ей ее не избрать? Среди прочего было замечено, что очень большое количество «девочек» встречается среди служанок, причем во всех странах, как отмечал Паран-Дюшатле. Лили Браун обнаружила это в Германии, а Рикер в Бельгии. Приблизительно 50 процентов проституток в прошлом были прислугой. Достаточно беглого взгляда на «комнаты для прислуги», и все становится ясным. Эксплуатация, угнетенное положение, при котором с ней обращаются скорее как с вещью, нежели как с человеческой личностью; прислуга ли она, выполняющая все виды работ по дому, или горничная — ей не приходится ждать в будущем улучшения своей судьбы; она вынуждена также исполнять и капризы хозяина; и вот от рабства, связанного с ее положением служанки, от любовной интрижки, заведенной с ней хозяином, она скатывается к рабству, которое вряд ли можно считать унизительным.... Но, раз попав в сферу проституции, женщина вынуждена оставаться в ней зачастую против своей воли. Поначалу необходимые ей средства дает сутенер или содержательница публичного дома, которые таким образом присваивают себе все права на нее, забирают себе большую часть ее заработка, и освободиться от них ей очень трудно. Мария-Тереза вела настоящую войну много лет, прежде чем одержала победу.

Большая же часть проституток морально адаптируется к своему уделу; это совсем не означает, что у них наследственная или врожденная порочность, аморальность, — они просто чувствуют себя, и не без оснований, частью общества, требующего от них именно таких услуг. Они прекрасно знают, что назидательные речи полицейских, регистрирующих их, чистейшее пустословие, а возвышенные чувства, афишируемые клиентами за стенами борделя, их мало смущают. Нет, не моральная и не психологическая стороны жизни отягощают существование проститутки. Ее материальное положение в большинстве случаев плачевно. Обираемые сутенером и держательницей публичного дома, проститутки никогда не чувствуют себя уверенно, а три четверти из них вообще не имеют своих денег. Доктор Бизар, лечивший, по его выражению, легионы проституток, говорит, что приблизительно 75 процентов из них лет пять спустя после освоения ремесла схватывают сифилис; особенно легко, пугающе легко, заражаются неопытные несовершеннолетние проститутки; среди них процентам 25 необходима операция из-за осложнений после перенесенной гонореи. Одна из двадцати заболевает туберкулезом, 60 процентов становятся алкоголичками или наркоманками; 40 процентов умирают, не дожив до сорока лет. К этому нужно добавить, что предпринимаемые ими меры предосторожности не всегда

надежны, и время от времени они беременеют, а аборт делают, как правило, в ужасных условиях, Проституция низкого пошиба — это тяжелое ремесло, при котором женщина подвергается сексуальному и экономическому угнетению, испытывает произвол полиции, терпит унизительный медицинский контроль, капризы клиентов, не защищена ни от каких инфекций, ни от каких болезней, а также и от нищеты; при котором она в полном смысле слова низведена до уровня вещи»

Г. Газданов, «Ночные дороги»:

«....каждую ночь я уходил оттуда все более и более отравленным — и мне понадобилось все-таки несколько лет для того, чтобы впервые подумать о всех этих ночных жителях как о живой человеческой падали, — раньше я был лучшего мнения о людях и, несомненно, сохранил бы много идиллических представлений, которые теперь навсегда недоступны для меня, как если бы зловонный яд выжег во мне ту часть души, которая была предназначена для них. И эта мрачная поэзия человеческого падения, в которой я раньше находил своеобразное и трагическое очарование, перестала для меня существовать, и я полагаю теперь, что ее возникновение было основано на незнании и ошибке, которая оказалась такой непоправимой для Жерара де Нерваля, упомянутого Платоном в нашем утреннем разговоре. И люди, создавшие ее и которых тянуло туда, как их тянет смерть, лишены даже того утешения, что, умирая, они видели вещи такими, какими они были действительно и какими они их описали

...Я возвращался домой обычно в пятом или шестом часу утра, по неузнаваемым пустым и сонным улицам. Иногда я проезжал через Центральный рынок — и, я помню, меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток — и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности, почти такие же условия существования. Вся история человеческой культуры для них не существовала никогда, — как не существовала история вообще, смена политических режимов, кровавое соперничество идей, расцвет христианства, распространение письменности. Тысячи лет тому назад их темные предки существовали почти так же, как они, и так же работали, и так же не знали истории людей, живших до них, — и все всегда было приблизительно то же

самое. И они все были приблизительно одинаковы — рабочие-арабы, познанские крестьяне, приезжающие во Францию по контрактам, — и вот эти рабы на Центральном рынке; все великолепие культуры, сокровища музеев, библиотек и консерваторий, тот условный и торжественный мир, который связывает людей, причастных ему и живущих за десятки тысяч километров друг от друга, эти имена — Джордано Бруно, Галилей, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Моцарт, Толстой, Бах, Бальзак — все это были напрасные усилия человеческого гения — и вот прошли тысячи и сотни лет цивилизации, и снова, на рассвете зимнего или летнего дня, запряженный системой ремней тот же вечный раб везет свою повозку. После того как я прожил несколько лет среди различных категорий таких людей, и в частности, после ужасного фабричного стажа, позже, в университете, когда я слушал лекции профессоров и читал книги, необходимые для курса социологии, который я сдавал, меня удивляло глубочайшее, неправдоподобное несоответствие их содержания с тем, о чем в них шла речь.

...Все или почти все, что было прекрасного в мире, стало для меня точно наглухо закрыто — и я остался один, с упорным желанием не быть все же захлестнутым той бесконечной и безотрадной человеческой мерзостью, в ежедневном соприкосновении с которой со стояла моя работа. Она была почти сплошной, в ней редко было ме сто чему- нибудь положительному, и никакая гражданская война не могла сравниться по своей отвратительности и отсутствию чего нибудь хорошего с этим мирным, в конце концов, существованием. Конечно, это объяснялось еще и тем, что население ночного Парижа резко отличалось от дневного и состояло из нескольких категорий людей, по своей при роде и профессии чаще всего уже заранее об реченных.

.....В этом ночном Париже я чувствовал себя каждый день, во время работы, приблизительно как трезвый среди пьяных. Вся его жизнь была мне чужда и не вызывала у меня ничего, кроме отвращения или сожаления, все эти любители ночных кабачков или специальных заведений, эти своеобразные влюбленные, по терминологии Ральди, похожие своим бесстыдством на обезьян зоологического сада, — от всего этого, как говорил один из моих коллег по шоферскому ре меслу, специалист по греческой философии и неутомимый коммен татор Аристотель, с души воротило. Уйти от этого было нельзя; и об этих годах моей жизни у меня осталось впечатление, что я про вел их в огромном и апокалиптически смрадном лабиринте.

.....Мимо нас проходила по тротуару сильно прихрамывающая жен щина. Посмотрите, — сказал негр с презрением, — это называется

женщина! — В чем ты ее упрекаешь? — Это алкоголичка, месье, вот в чем я ее упрекаю; ее надо упрекнуть в пьянстве, вот что я ей став лю в упрек. — И он закричал ей вслед: — Ты опять пьяна? — Кусок грязного негра, — ответила она.- Что? Ты хочешь, чтобы я тебе морду набил? Он кричал с очень свирепой интонацией, но не двигался с места, и когда оборачивался ко мне, то смотрел ленивым взглядом своих черных глаз с желтоватыми белками.- Вы знаете, как здесь ра ботают? — Нет, старик, не знаю.- Т ак вот, месье, здесь нет гостиниц. Такой здесь квартал. Есть Ритц и Мерис, но это для королей и герцо гов, снять комнату там нельзя.- И что же? — Так работать приходится на скамейках Тюильри. Клиент садится на скамейку, а женщина са дится на него верхом.- А? — Д а, так здесь работают. Так вот эта стер ва была такая пьяная вчера ночью... Ее клиент сидел и ждал ее, а она никак не могла сесть сверху как следует. Было просто стыдно смотреть на это, месье, — женщина в таком состоя нии, что она не могла даже делать свою работу.

....И вот — снова ночь, и парижские улицы, Монмартр, Монпарнас, Большие бульвары, Елисейские поля и, время от времени, мрачные и картинные кварталы окраин или нищих центров города. Я проез жал в ту ночь, около часу, по бульвару Огюста Бланки; на тротуаре невысокий человек в кепке бил по лицу женщину, которую я не успел рассмо треть. Она кричала и рыдала на всю улицу. Я знал, что не надо и нельзя в это вмешиваться и что мое заступничество было бы неуместно и бесполезно. Но я не мог на это смо треть, меня начала давить тупая и вялая тоска и желание остановить это го человека, по всей видимости, сутенера, и я испытывал еще невыносимое отвращение, почти похо жее на позывы к рвоте. Я за тормозил автомобиль, слез и направился к этому месту. Но я не успел ничего сделать. Откуда-то быстро подошел высокий, хоро шо одетый муж чина без шляпы; он оттолкнул субъекта в кепке и сказал с американским акцентом:- Вам не стыдно, животное? Женщин не бьют.- Что? — угрожающе сказал субъект в кепке. — Не может быть! Тебе тоже захотелось получить по морде? Он под нял правую руку, но в ту же короткую часть секунды человек с аме риканским акцентом ударил его в нижнюю челюсть. Я видел это вблизи и мог оценить удар, исключительной, безошибочной удач ности, почти профес сиональной: вся тяжесть тела была брошена вперед в не обыкновенно быстром движении, которое начиналось от ступни левой ноги, проходило по диагонали через бедро и грудь и заканчивалось стремительным и незаметным выпрямлением пра вой руки, сжатой в кулак. Субъект в кепке как-то особенно всхлип нул и упал, ударившись со всего размаха головой о тротуар. Изо

рта у него текла кровь, он остался неподвижно лежать. И тогда женщина, которую он только что перед этим бил, набросилась на американца и визгливо закричала:- Т ы раскровенил моего... Посмотрите на него, он, может быть, умер! Сволочь! Он удивленно на нее посмотрел, пожал плечами и пошел прочь своей быстрой и гибкой походкой. Она бежала за ним и кричала, уже совершенно захлебываясь от слез и бешенства:- Сволочь! Сволочь! Сволочь! Убийца! Я стоял недалеко от фонаря. Она опустилась на колени перед субъектом в кепке, продолжавшим лежать с мертвой неподвижностью, и говорила рыдающим голо сом, в котором я с удивлением расслышал нечто похожее на животную и булькающую нежность:- Бебер, ты меня слышишь? Бебер, мой миленький Бебер! И в эту секунду из темноты выехали на велосипедах два медлительных полицейских. Я сел в автомобиль и поехал дальше, и мне вспомни лись слова Ральди:- Да, мой милый, это любовь. Ты этого, может быть, никогда не поймешь. Но это любовь.

....Она обычно тихо сидела в углу, и я недоумевал, что она здесь делает в эти часы: она была всегда одна. Я спросил об этом у хозяйки: хозяйка ответила, что эта женщина работает, как другие. В первое время такие вещи удивляли меня, но потом я узнал, что даже очень пожилые и неряшливые женщины имеют свою клиентуру и нередко зарабатывают не хуже других.

.....Я был свидетелем того, как его беспощадно обкрадывали все, начиная от людей, отворявших ему дверцу автомобиля, которым он имел неосторожность дать крупный билет: они долго и нудно пересчитывали ему сдачу, он терпеливо стоял и смотрел на деньги мутными глазами — и в результате ему оставляли каких-нибудь двадцать франков мелочью, — и кончая горничными и самыми случайными субъектами, с которыми он сталкивался и которые немедленно становились его спутниками и посредниками, хлопали его по плечу и вместе с голыми женщинами, внутри этих учреждений, все время громко смеялись. Это было правило хорошего тона, которое я давно знал и происхождение которого, я думаю, нужно было искать во всей той рекламной литературе, которая обслуживала эту область промышленности и где визиты в публичные дома и другие учреждения такого же типа раз навсегда было принято считать выражением жизнерадостности, веселья и того самого знаменитого «галльского веселья», которое меньше всего вязалось с этой смертельно унылой порнографией. И я подумал, что он жил годами все в одном и том же своем маленьком городке, составлял нотариальные акты — все одни и те же: «в конторе нотариуса...», «с законной подписью...», «тысяча девятьсот...», — и тайком от семьи и близ ких знакомых лелеял убогую и на-

ивную иллюзию, что он, в сущности, блестящий кутила и любитель женщин, и вот ради этой иллюзии, которая придавала всей его жизни тайный смысл, он уезжал в Париж, «по делам», и здесь уже не мог ни в чем отступить от того поведения, которое было бы характерно именно для этого, нигде, кроме его бедного воображения, не существующего, кутилы и развратника. А за это он платил такой дорогой ценой».

Дж. Сэлинджер, «Над пропастью во ржи»:

«Она вошла, сразу сняла пальто и швырнула его на кровать. На ней было зеленое платье. Потом она села как-то бочком в кресло у письменного стола и стала качать ногой вверх и вниз. Положила ногу на ногу и качает одной ногой то вверх, то вниз. Нервничает, даже не похоже на проститутку. Наверно, оттого, что она была совсем девчонка, ей-богу. Чуть ли не моложе меня. Я сел в большое кресло рядом с ней и предложил ей сигарету.

— Не курю, — говорит. Голос у нее был тонкий-претонкий. И говорит еле слышно. Даже не сказала спасибо, когда я предложил сигарету. Видно, ее этому не учили.

— Разрешите представиться, — говорю. — Меня зовут Джим Стил.

— Часы у вас есть? — говорит. Плевать ей было, как меня зовут. — Слушайте, — говорит, — а сколько вам лет?

— Мне? Двадцать два.

— Будет врать-то!

Странно, что она так сказала. Как настоящая школьница. Можно было подумать, что проститутка скажет: «Да как же, черта лысого!» или «Брось заливать!», а не по-детски: «Будет врать-то!»

— А вам сколько? — спрашиваю.

— Сколько надо! — говорит. Даже острит, подумайте! — Часы у вас есть? — спрашивает, потом вдруг встает и снимает платье через голову. Мне стало ужасно не по себе, когда она сняла платье. Так неожиданно, честное слово. Знаю, если при тебе вдруг снимают платье через голову, так ты должен что-то испытывать, какое-то возбуждение или вроде того, но я ничего не испытывал. Наоборот — секс последнее, о чем я подумал.

— Часы у вас есть?

— Нет, нет, — говорю. Ох, как мне было неловко! — Как вас зовут? — спрашиваю. На ней была только одна розовая рубашонка. Ужасно неловко. Честное слово, неловко.

— Санни, — говорит. — Ну, давай-ка.

— А разве вам не хочется сначала поговорить? — спросил я. Ребячество, конечно, но мне было ужасно неловко. — Разве вы так спешите?

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— О чем тут разговаривать? — спрашивает.

— Не знаю. Просто так. Я думал — может быть, вам хочется поболтать.

Она опять села в кресло у стола. Но ей это не понравилось. Она опять стала качать ногой — очень нервная девчонка!

— Может быть, хотите сигарету? — спрашиваю. Забыл, что она не курит.

— Я не курю. Слушайте, если у вас есть о чем говорить — говорите. Мне некогда.

Но я совершенно не знал, о чем с ней говорить. Хотел было спросить, как она стала проституткой, но побоялся. Все равно она бы мне не сказала.

— Вы сами не из Нью-Йорка! — говорю. Больше я ничего не мог придумать.

— Нет, из Голливуда, — говорит. Потом встала и подошла к кровати, где лежало ее платье. — Плечики у вас есть? А то как бы платье не измялось. Оно только что из чистки.

— Конечно, есть! — говорю.

Я ужасно обрадовался, что нашлось какое-то дело. Взял ее платье, повесил его в шкаф на плечики. Странное дело, но мне стало как-то грустно, когда я его вешал. Я себе представил, как она заходит в магазин и покупает платье и никто не подозревает, что она проститутка. Приказчик, наверно, подумал, что она просто обыкновенная девчонка, и все. Ужасно мне стало грустно, сам не знаю почему.

Потом я опять сел, старался завести разговор. Но разве с такой собеседницей поговоришь?

— Вы каждый вечер работаете? — спрашиваю и сразу понял, что вопрос ужасный.

— Ага, — говорит. Она уже ходила по комнате. Взяла меню со стола, прочла его.

— А днем вы что делаете?

Она пожала плечами. А плечи худые-худые.

— Сплю. Хожу в кино. — Она положила меню и посмотрела на меня. — Слушай, чего ж это мы? У меня времени нет...

— Знаете что? — говорю. — Я себя неважно чувствую. День был трудный. Честное благородное слово. Я вам заплачу и все такое, но вы на меня не обидитесь, если ничего не будет? Не обидитесь?

Плохо было то, что мне ни черта не хотелось. По правде говоря, на меня тоска напала, а не какое-нибудь возбуждение. Она нагоняла на меня жуткую тоску. А тут еще ее зеленое платье висит в шкафу. Да и вообще, как можно этим заниматься с человеком, который полдня

> сидит в каком-нибудь идиотском кино? Не мог я, и все, честное слово»

Л. Толстой, «Крейцерова соната»:

> «А все-таки в этом первом падении было что-то особенное и трогательное. Помню, мне тотчас же, там же, не выходя из комнаты, сделалось грустно, грустно, так что хотелось плакать, плакать о погибели своей невинности, о навеки погубленном отношении к женщине. Дас, есте-ственное, простое отношение к женщине было погублено навеки. Чистого отношения к женщине уж у меня с тех пор не было и не могло быть. Я стал тем, что называют блудником».

ГЛАВА 9. РОМАНТИЗМ САМОВЛЮБЛЕННОСТИ. ПОЭЗИЯ РАВЕНСТВА НА ПОЛЕ САДОМАЗОХИЗМА

1. ОТРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ РОМАНТИЗМА

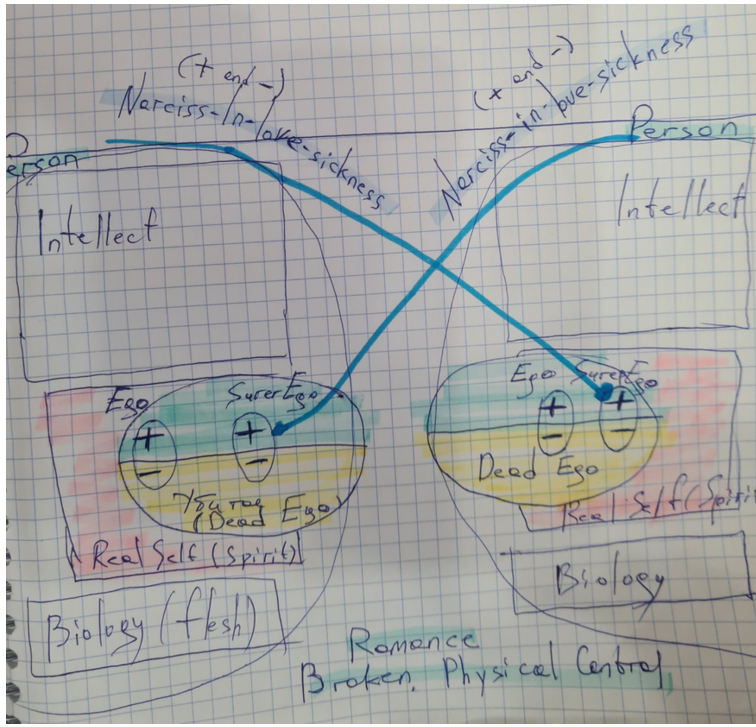
Наша культура Ядерного Гриба Сатанов льстит себя надеждой, что есть места «чистоты» среди этого смрада развращения и разложения всего живого в проституцию, как то предсказывал маркиз де Сад в своих сумасшедших писаниях.

И такими оазисами чистоты является брак. Однако, то что сегодня понимается под браком не более чем реализация Романтизма Самовлюбленности.

Этот сломанный механизм физического контроля используют с целью «украшения» грязной действительности будней Садомазохизма Насилия и Подчинения.

Симона де Бовуар, «Второй пол»:

> В самом деле, ценность ее человеческой личности не возвысит ее в глазах мужчины. Чтобы добиться этого, ей нужно приноравливаться к его представлениям о женщине. В молодости у нее недостает опыта для того, чтобы это понять. Подчас она ведет себя так же агрессивно, как мальчики, пытается завоевать их расположение, властно и с нескрываемым высокомерием навязывая свою волю. Такие приемы почти всегда приводят к поражению. Постепенно всем девушкам, как самым податливым, так и самым гордым, становится ясно, что для того, чтобы нравиться мужчинам, они должны отказаться от проявления самостоятельности. Матери объясняют им, что они больше не должны обращаться с мальчиками как с равными, не должны навязывать им свое общество, гораздо пристойнее занимать пассивную позицию
>
> Напротив, для любой девушки характерно ощущение разрыва между уделом человеческим и ее собственно женским назначени-



ем. Именно поэтому для нее подростковый возраст — это такой трудный и в то же время настолько определяющий период. До этого момента она была автономным индивидом, теперь настало время распрощаться со своей независимостью. Мало того, что она, как и ее братья, и даже еще мучительнее, разрывается между прошлым и будущим. К этому добавляется конфликт между ее врожденным стремлением быть активным, свободным субъектом и эротическими наклонностями, которые в сочетании с социальными требованиями побуждают ее воспринимать себя как объект. Стихийно она осознает себя личностью: как же ей отказаться от этого? Даже если мое самоосуществление возможно лишь в качестве Другого, то как мне решиться отказаться от собственного «я»?

Вот удручающая дилемма, над которой бьется вступающая в жизнь женщина.

Для девушки высшая степень эротики заключается в том, чтобы согласиться с ролью жертвы. Она становится объектом и осознает себя таковым. Эта новая сторона ее бытия вызывает у нее удивление, ей кажется, что она раздваивается, не полностью совпадает со своим телом, какая-то ее часть существует вне тела, Так, в романе Розамонд Леманн «Приглашение к вальсу» Оливия, подойдя к зеркалу, неожиданно видит незнакомое лицо, из зеркала на нее смотрит не сама Оливия, *а,* Оливия-объект, и девушка испытывает короткое, но очень сильное потрясение, С недавнего времени, видя свое отражение в зеркале, она испытывала какое-то особое волнение: иногда по непонятным причинам она видела перед собой незнакомую девушку, какое-то совершенно новое существо.

Красуясь в гостиных или обнимаясь с любовником, женщина выполняет миссию, она Венера, дарующая миру сокровища своей красоты. Разбив стекло на карикатуре Биба, Сесиль Сорель защищала не себя, а Красоту. Ее «Воспоминания» свидетельствуют о том, что всю свою жизнь она призывала людей поклоняться Искусству. То же можно сказать и об Айседоре Дункан, судя по тому, что она писала о себе в книге «Моя жизнь».

Как я бывала красива после спектаклей, в тунике и с розами в волосах, — пишет она. — Почему же не поделиться своей прелестью? Почему мужчине, целыми днями занимающемуся умственным трудом, не ощутить объятий прекрасных рук, не найти утешения в своих огорчениях, не забыться на несколько часов в обществе красивой женщины?

Щедрость самовлюбленной женщины приносит ей выгоду: ведь в восхищенных глазах окружающих ее людей она лучше, чем в зеркале, видит свое второе «я», озаренное лучами славы. Если у нее нет снисходительной публики, она открывает свое сердце исповеднику, врачу, психоаналитику, ходит к хиромантам и гадалкам. «Дело не в том, что я им верю, — говорила одна восходящая кинозвезда, — но мне так нравится слушать, когда говорят обо мне». Самовлюбленная женщина говорит о себе с подругами, в любовнике она больше, чем любая другая женщина, ищет свидетеля. Влюбленная женщина быстро забывает о своем «я», но многие женщины неспособны на настоящую любовь именно потому, что они не могут забыться. Альковной близости они предпочитают более обширную сцену. Этим объясняется значение, которое они придают светской жизни. Им нужны зрители и слушатели, их персонажу необходима самая широкая публика. Описывая в очередной раз свою комнату, Мария Башкирцева невольно проговаривается: Таким образом, когда кто-то входит и застает меня за письменным столом, я видна как на сцене.

В другом месте она пишет: Я обязательно создам себе достойное обрамление, я построю особняк еще красивее, чем у Сары, и мастерские в нем будут еще больше...

Вот что пишет в свою очередь г-жа де Ноайль: Я всегда любила и люблю большое стечение народа... поэтому мне нередко удавалось успокоить друзей, которые извинялись передо мной, боясь, что слишком большое количество гостей может показаться мне докучливым. Я откровенно признавалась им в том, что не люблю играть в пустом зале.

В своей манере одеваться, в разговорах женщина в значительной степени удовлетворяет склонность к самодемонстрации. Но самовлюбленной женщине, обладающей честолюбием, хочется показать себя с разных сторон и самым необычным образом. В частности, она может превратить всю свою жизнь в спектакль, предназначенный для восторженной публики, поклонение которой ей действительно нравится, В «Коринне» г-жа де Сталь посвятила немало страниц описанию того, как она очаровывала итальянское общество, читая стихи и аккомпанируя себе на арфе. В Könne одним из ее любимых развлечений была декламация трагедийных ролей. Приняв вид Федры, она нередко делала пылкие признания молодым любовникам, которых она одевала в костюм Ипполита. Для г-жи Крюденер излюбленным способом показать себя был танец с шалью. Вот как она описывает его в романе «Валери»: Валери попросила свою шаль из темно-синего муслина, убрала волосы со лба и накинула шаль. Шаль закрывала ей голову и спускалась на плечи. Ее лицо приняло античные очертания, волосы скрылись под шалью, она опустила ресницы, улыбка ее растаяла. Она склонила голову, и шаль мягко опустилась на ее скрещенные руки и грудь. Синяя шаль и чистое, нежное лицо были похожи на рисунок Корреджо, изображающий тихое смирение. Когда же она подняла глаза и слабая улыбка тронула ее губы, то всем показалось, что перед ними описанное Шекспиром Терпение, улыбающееся Страданию.

Безраздельно отдаваясь божеству, женщина надеется, что благодаря ему она обретет самое себя и воплощенный в нем мир. В большинстве случаев она ждет, что любовник наполнит смыслом ее существование, возвеличит ее «я». Многие женщины способны полюбить только в случае если они сами любимы. И наоборот, для того, чтобы влюбиться, им порой достаточно проявления любви. Девушка смотрит на себя глазами мужчины. В грезах женщина полагает, что она обрела себя благодаря устремленному на нее мужскому взгляду.

Идти рядом с тобой, — пишет Сесиль Соваж, — ступать своими маленькими ножками, которые ты так любил, видеть, какие они хоро-

> шенькие в высоких сапожках с фетровыми голенищами, — все это рождало во мне любовь к той любви, которой ты их окружал. Малейшие движения рук, спрятанных в муфту, локтей, лица, переливы голоса наполняли меня счастьем.
> Женщина чувствует себя высшей, надежнейшей ценностью. Отныне, благодаря любви, которую она внушает, она имеет наконец право лелеять себя. В любовнике она с восторгом обретает свидетеля. Именно в этом сознается героиня романа Колетт «Странница».
> Да, правда, я уступила, позволив этому человеку прийти и на следующий день: не устояла перед желанием сохранить даже не влюбленного или друга, а жадного свидетеля моей жизни и личности… Только совсем состарившись, сказала мне однажды Марго, женщина может отказаться от тщеславного желания жить на глазах у кого-то»

Замужнюю женщину, которую погубила культура Романтизма, активирующая поле Эгосистемы у женщин и воспитывающая притяжение романтической Самовлюбленности, описал Флобер в знаменитом романе «Госпожа Бовари», который все еще ждет своего признания.

Как эта культура романтизма делает своей лживой литературой, а сегодня лживыми фильмами, которые так ненавидел Сэлинджер, женщин Дульсинеями Табускими и героинями греческих трагедий, хорошо показано в следующей цитате:

Г. Флобер, «Госпожа Бовари»:

> «Эмма почувствовала себя перенесенною в былое своей ран ней молодости. Она узнавала все упоение и муки, от которых едва не умерла сама. Голос певицы казался ей отзвуком ее собственной души. Но ни кто никогда не любил ее такой любовью. Не плакал он, подобно Эдгару в последний вечер, когда светила луна, и они говорили друг другу „до завтра!“, „до завтра!“. Зал гремел от рукоплеска ний. Эмме вспомнился день ее свадьбы. Почему подобно Лючии она не боролась, не молила? Нет, она была весела и не замечала в какую бросалась пропасть… Ах, если бы во всей свежести своей красоты, до позора брака и разочарований прелюбодеяния, она могла отдать жизнь человеку с верным великодушным сердцем, то для нее инежность и добродетель и великодушие и долг — все слилось бы воедино, и никогда не сошла бы она с высот такого счастья. Но такое счастье, разумеется, ложь, придуманная людь ми, чтобы отнять у желания последнюю надежду. Она знает те перь

всю ничтожность страстей, возвеличиваемых искусством. Оскорбленный любовник потрясал голою шпагой на сцене. В нем жила, думалось Эмме неиссякаемая любовь, думалось Эмме, ес 54 ли он мог такими потоками изливать ее в публику. Ее слабые по пытки развенчать иллюзию потонули в поэтическом впечатлении от захватившей ее роли, и влекомая к человеку чарами изобра жаемого им персонажа, она старалась представить себе его жизнь, громкую, великолепную, необычайную жизнь. Они мог ли бы встретиться, полюбить друг друга. С ним она разъезжа ла бы по всем странам Европы, из столицы в столицу, деля с ним труды и гордость, собирая, бросаемые ему цветы, и собственноручно вышивая его костюмы. Каждый вечер из-за золоченной сетки голубой ложи она, замирая от блаженства, ловила бы излияния его души, он пел бы для нее одной; со сцены, играя, он глядел бы на нее. Вдруг ее охватило какое-то безумие: он глядит на нее, это несомненно. Ей захотелось броситься к нему, найти прибежище в его силе, как в воплощении самой любви, и сказать, крикнуть ему: „Возьми меня! Увези! Уедем! Я твоя, твоя. Тебе весь мой пыл, все мои грезы!“ Занавес опустился»

2. РОМАНТИЧЕСКИЙ БРАК ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ

Наверное не было в 20 веке свадьбы более романтической нежели свадьба Принцессы Диана, где Настоящий Принц явился прекрасной Деве, чтобы сделать самой счастливой на земле.

Мы все знаем, чем закончилась эта печальная история.

Суть этой трагедии в том, что Диана так же, как все здоровые личности старалась утвердить силу своей духовной энергии в развитии и в конструктивной работе на пользу общества.

А Садомазохизм Королевской семьи, этой Расы Господ Англии, как все системы физического контроля старался забить ее на Притяжение Влюбленности и Самовлюбленности поля Эгосистемы.

Диана была очень одаренным человеком энергией духа, и может быть если бы она не была так молода и у нее было бы образование, она бы непременно выжила. Она погибла потому, что боролась за Истинное Я Энергии Духа, за здоровье спихиче-

ской энергии женщин, за Церковь Дружбы, в рамках которой только и возможны истинные браки.

Современные браки только разновидность торговли женщинами в большинстве своем. Конечно во все времена были здоровые индивиды и здоровые браки, как бы мало их не было. Речь не о них. Речь о том, что нив коем случае нельзя противопоставлять современные браки и втаптывание женщин в грязь в публичных домах и на мало оплачиваемых работах. На сегодняшний день все эти институты — в существе своем институты порабощения женщин.

А. Мортон, «Диана, ее истинная история»:

«

> .....Годы неустанного самосовершенствования и жизненный опыт преобразили принцессу Уэльскую. Теперь она не бессловесная тень своего мужа, а равный по силам партнер. Но не следует думать, что их
> стартовые возможности тоже равны. Единственное преимущество принцессы — это неослабевающее внимание средств массовой информации. Все прочие козыри в руках принца Чарльза. На содержание собственного офиса нужны немалые средства. Диана может рассчитывать на доходы с герцогства Корнуолл, которое по традиции передается в собственность наследнику престола, но эти доходы контролирует ее муж. Принц Чарльз занимает более высокую
> ступеньку на королевской иерархической лестнице, и последнее слово
> всегда остается за ним. В конечном счете от него зависит решение всех
> важных вопросов, начиная с разработки программы совместного зарубежного турне и кончая структурой личного офиса принцессы Уэльской. В поисках средств для осуществления многочисленных благотворительных проектов, Диана задумала основать Фонд принцессы Уэльской, однако ее муж не поддержал инициативу, усмотрев в этом посягательство на финансовый и моральный капитал своего собственного благотворительного Фонда принца Уэльского. Во время войны в Персидском заливе принцесса Диана и ее
> золовка, принцесса Анна, собирались посетить английские войска, дислоцированные на территории Саудовской Аравии. Обе принцессы с

энтузиазмом обсуждали, как они будут встречаться с рядовыми солдатами и бесстрашно колесить по пустыне в танке. Их планам не суждено было осуществиться из-за вмешательства сэра Роберта Феллоуза, который рассудил, что столь ответственную миссию целесообразно возложить на более высокопоставленного представителя королевского дома. Таким образом, в Саудовскую Аравию отправился принц Чарльз, а Диане поручили вспомогательную
роль: навестить жен и родственников солдат, принимающих участие в
боевых действиях.
Конкурирующие «фирмы» принца и принцессы действуют в обстановке строжайшей секретности. Это отнюдь не способствует плодотворному сотрудничеству. Иной раз Диана добывает необходимую для работы информацию с помощью сложных дипломатических маневров.__
.....Близкие друзья в шутку расшифровывают аббревиатуру ее титула — ПУ как «пленница Уэльская». Она действительно чувствует себя заложницей своей необычной судьбы, официального мифа о принцессе Уэльской и многочисленных табу, окружающих ее высокий
титул. Диана с детства не переносит глухих стен и запертых дверей. Годы, проведенные в замкнутом пространстве придворного мира, явно
обострили бессознательный страх.
.....По понятным причинам Диана пришла к выводу, что чиновникам монархического «ведомства» нельзя доверять. Перечень людей, на которых она может положиться, очень невелик. По утрам, возвращаясь
из бассейна, Диана сама вскрывает свою почту, не дожидается, пока адресованные ей письма пройдут сквозь чиновничий фильтр. Эта тактика имеет ряд преимуществ. Однажды Диана получила письмо, в котором отчаявшийся отец умолял принцессу посетить его умирающего от СПИДа сына. Это было последнее желание обреченного юноши. В письме сообщалось, что несколько месяцев назад этот человек уже обращался в офис принцессы, но не получил никакого ответа. Диана взялась за дело сама: устроила умирающему персональное приглашение в приют для больных СПИДом, содержащийся на средства одного из благотворительных фондов. У нее как раз было запланировано посещение этого учреждения. Таким
образом принцессе удалось выполнить предсмертную просьбу

больного, избежав при этом упреков в нарушении протокола. Попади
письмо в руки равнодушных чиновников, несчастный отец скорее всего вместо конкретной помощи получил бы ни к чему не обязывающую отписку.
Осознав, насколько малоэффективна помощь придворных, которые, по традиции, должны сопровождать ее во время визитов и других мероприятий, Диана предпочитает вообще обходиться без официальных помощников. Диана поручила функции придворной дамы сестре Саре, которая сопровождала принцессу во время официального визита в Венгрию. Иногда Диана берет «выходной» и отправляется по делам без свиты. Причиной тому горький опыт прежних дней, когда, по словам близкого друга принцессы, «дело доходило до яростных споров с придворными дамами, в особенности с
Анной Бекуит-Смит, которая работала одно время личным секретарем
принцессы. Ее раздражала постоянная опека верных слуг монархии».
Реальную помощь Диане оказывают те, кто критически настроен по отношению к монархической системе. Она регулярно связывается по телефону с сэром Кристофером Эри, который после неожиданной отставки с поста личного секретаря принца Чарльза поселился в своей
усадьбе в графстве Девоншир. Сэр Кристофер в курсе закулисных махинаций с целью направить деятельность принцессы в русло официальной политики, и Диана всегда внимательно прислушивается
к его советам. Есть и другие консультанты: Джимми Савил помогал выработать публичный имидж принцессы, а Теренс Стамп «доводил до ума» тексты ее выступлений. У Дианы есть надежная команда неофициальных помощников и консультантов, которые предпочитают
держаться в тени и не афишировать свою работу. Они помогают принцессе анализировать ситуацию, составлять тексты речей, прогнозировать реакцию общественного мнения._
….Диану привлекают критически настроенные умы потому что она так и не смогла адаптироваться к чуждой по духу монархической системе. По мнению Джеймса Джилби, «Диане легче найти общий язык с аутсайдерами, нежели с официальными чиновниками, потому что последние верой и правдой служат идее, которую она считает отжившей свой век. Налицо столкновение интересов: защитники

традиционных устоев боятся перемен, которых жаждет Диана». К этому можно добавить тонкое наблюдение астролога Феликса Лайла:

«Обладая благородной и возвышенной душой, Диана слишком уязвима для пагубного влияния тех, у кого более сильный характер и твердая воля. Ей пока что не под силу дать решительный бой системе».

Работа в королевском «ведомстве» изматывала Диану. «Ей было очень трудно, тем более что работать приходилось в обстановке недоверия и предвзятости», — свидетельствует одна из подруг. Поиски своего места в жизни привели Диану к мысли, что в рамках монархической системы невозможно реализовать свой истинный потенциал. Она так и говорит близким друзьям: «В королевском доме я всегда чувствовала себя изгоем. Мне казалось, что я не такая, как все — хуже всех. Слава Богу, теперь-то я знаю: это хорошо, что я не такая, как они». Диане приходилось жить как бы в двух измерениях: на людях она была кумиром толпы, объектом поклонения, а в королевских покоях ее окружали равнодушие и ревнивое недоброжелательство. Для широких масс Диана — яркий самоцвет в изрядно потускневшей короне династии Виндзоров, но в кругу королевской семьи именно ее яркость, незаурядность вызывают досаду и беспокойство. Верность долгу и традициям, строгий самоконтроль, — эти принципы Виндзоры пестовали из поколения в поколение. Принцесса Диана явно не вписывается в эту четкую схему. Слишком уж она непосредственна в проявлении чувств, слишком впечатлительна и ранима, а главное, не способна слепо подчиняться чужой воле. Королевскому семейству она кажется непредсказуемой, даже опасной: того и гляди что-нибудь сломает в чопорном мире традиций и реликвий, где на каждом шагу таблички с надписью «Руками не трогать!» Диана, со своей стороны, не рассчитывает на искреннее сочувствие и поддержку мужней родни.

Даже если правда на ее стороне, голос крови сильнее чувства справедливости. Она не ищет сочувствия у свекра и свекрови,

поддерживает ровные, ни к чему не обязывающие отношения, избегает
острых углов — короче, соблюдает дистанцию. В этом есть свои плюсы и свои минусы. У Дианы нет надежных союзников среди членов королевского семейства, что существенно ослабляет ее позиции
как в семейных делах, так и в государственных. Зато так спокойнее.» Я
не вмешиваюсь в их дела, — говорит Диана, — а они не трогают меня». __
….О королеве-матери Диана отзывается с прохладцей. По ее мнению, Кларенс-Хауз, резиденция королевы-матери, превратился в штаб-квартиру ее критиков и недоброжелателей. Приемы в этом дворце проходят по всем правилам придворного церемониала, и Диана
умирает от скуки. Вообще, она предпочитает держаться на безопасном
расстоянии от милой и всеми любимой старушки. Оно и понятно: невольно напрашивается сравнение с собственной бабушкой Дианы, придворной дамой королевы-матери, которая когда-то ходатайствовала
перед судом о лишении своей дочери Франсис права опеки над четырьмя детьми. Суд вынес решение в пользу графа Спенсера, и мать
Дианы навсегда затаила боль и обиду на ее бабушку. Можно без преувеличения сказать, что королева-мать имеет практически безграничное влияние на своего внука, принца Чарльза, а потому понятна тревога Дианы: в Кларенс-Хаузе ее не жалуют, как когда-то ее
мать. «Королева-мать вбивает клин между Дианой и другими членами
королевской семьи, — свидетельствует один из близких друзей. — Вполне естественно, что Диана старается ее избегать».
…..Елизавета II ясно дала понять, что неудачный брак наследника отодвигает на неопределенный срок вопрос о ее отречении от престола. Для Чарльза это болезненный удар. После обращения королевы к народу по радио в канун Рождества 1991 года, когда Елизавета II заявила о своем намерении служить нации и Содружеству
еще несколько лет, принц Уэльский довольно долго избегал разговаривать с матерью. Если учесть, что он всегда был почтительнейшим сыном, такая реакция указывает на крайнюю

степень раздражения. Опять посыпались упреки на принцессу Диану. Скоро все обитатели Сандрингемского дворца, где зимой собирается королевское семейство, были в курсе семейной драмы обиженного принца. Тогда Диана напомнила мужу, что он по собственной воле уступил некоторые королевские полномочия младшим братьям. Дело в том, что в случае болезни или отсутствия в стране монарха некоторые церемониальные функции выполняют государственные советники, которыми могут быть пять членов королевской семьи в порядке престолонаследия. Чарльз передал свои права государственного советника принцам Эндрю и Эдуарду. «С какой стати мать доверит ему трон, если он пренебрегает даже чисто формальными обязанностями?»
— не без ехидства заметила Диана.
.....Принцесса Диана считает, что институт монархии в целом сильно обветшал и нуждается в реконструкции, однако лично к королеве она испытывает искреннее уважение и отдает должное мастерству и твердости, с которыми та ведет свое сложное «хозяйство» уже более сорока лет. Не скрывая страстного желания получить свободу, Диана неоднократно подчеркивала в беседах с королевой: «Я никогда Вас не подведу». Она равняется на свою свекровь даже в мелочах. Как-то, в жаркий июльский день, собираясь на традиционное чаепитие в саду Букингемского дворца, куда приглашаются официальные лица и дипломаты, Диана отказалась взять с собой веер, предложенный подругой. «Я не могу его взять, — объяснила принцесса. — Свекровь будет одета по всей форме, в чулках и перчатках, и даже не покажет виду, что ей жарко».
.....Королева настояла на двухмесячном «тайм-ауте», чтобы супруги еще раз всесторонне обдумали роковое решение. Это время герцогиня прожила затворницей в своей загородной усадьбе, лишь изредка появляясь на официальных мероприятиях. Зато она часто встречалась с юристами, обсуждая планы на будущее, и делилась своими переживаниями с родственниками, в первую очередь с принцессой Дианой и золовкой, принцессой Анной.
Одним из первых узнал о случившемся принц Чарльз. В разговоре с герцогиней он посетовал на свой собственный неудачный брак и

подчеркнул, что по конституции он является прямым наследником престола, а потому о разводе с Дианой не может быть и речи. На это Ферги язвительно заметила: «Что ж, я, по крайней мере, верна самой себе». Этот ответ вскрывает самую суть дилеммы, стоящей и перед принцессой Уэльской. Она остро ощущает фальшь своего положения и противоестественность традиционных устоев современной монархии.

.....Длящийся годами семейный кризис принца Уэльского так же, как и крах брака принца Эндрю — не только их личная драма. Это тревожный симптом неустойчивости современной монархии перед лицом необратимых исторических процессов. В свое время решение Георга V дать своему сыну, герцогу Йоркскому, согласие на брак с «простолюдинкой», леди Элизабет Боуз-Лайон, было обусловлено трагическими последствиями первой мировой войны. С исторической сцены были сметены несколько европейских царствующих династий, и ряды женихов и невест королевской крови значительно поредели. Этот брак пробил брешь в королевской цитадели, и замкнутая каста, допускавшая лишь браки между равными, начала медленно превращаться в обычную социальную группу. Несмотря на аристократическое происхождение женихов и невест, практически все попытки привить «дичок» на генеалогическое древо Ганноверской династии закончились плачевно.

....Где истоки кризисных явлений: в изменившемся характере общества? Или же их следует искать внутри королевского дома, в отношении его членов к пришельцам извне? Очевидно, что, выйдя замуж за принца Чарльза, леди Диана Спенсер вошла в совершенно обособленный семейный клан со своими ритуалами и табу — вроде туземцев какого-нибудь Богом забытого острова, которые и не подозревают о существовании остального человечества. Самоизоляция служит надежной защитой от бурь и тревог внешнего мира, однако постороннему, не знакомому с правилами игры, выжить в этих условиях практически невозможно.

.....Принцесса Диана слишком долго варилась в котле придворной жизни, слишком много времени и сил отдавала протокольным обязанностям. Может быть, именно поэтому она

пришла к горькому выводу: двор с его особой моралью и особым мироощущением потерял живую связь с реальностью, объективным ходом событий. Королевское семейство живет как бы в ином измерении, откуда не видны эволюционные процессы, происходящие в
обществе. Попытки восстановить обратную связь малоэффективны. Как-то за ужином в Сандрингемском дворце Диана осторожно завела
разговор о судьбе британской монархии в контексте интеграционных
тенденций в современной Европе. Присутствующие посмотрели на нее, как на сумасшедшую, и до конца вечера продолжали с увлечением
обсуждать важный вопрос: кто подстрелил последнего фазана на сегодняшней охоте.
….По свидетельству одного из друзей, «Диана считает, что институт монархии отгородился глухой стеной от реальной жизни и не поспевает за ходом истории. Если члены королевского дома не изменятся сами, назревающие в обществе перемены застанут их врасплох, неподготовленными».
Консультант Дианы Стивен Твигг разделяет ее мнение. По его словам, «если члены королевского семейства не осознают необходимость перестройки своих отношений с обществом, их ждет тупик, вырождение. Монархия утратит функции полезного социального инструмента. Чтобы этого не произошло, необходимо гибко и динамично реагировать на изменения. При этом общество также должно внести коррективы в свое отношение к королевскому дому. Давайте спросим себя: чего мы ждем от королевской семьи? Хотим ли мы, как встарь, падать ниц перед королевскими регалиями или же представители династии должны заслужить искреннее восхищение народа стойкостью и благородством, с которыми они принимают многочисленные вызовы нашей бурной эпохи?
Восхищаться — значит, учиться у своего кумира, следовать его примеру
….Несмотря на то, что Диана ведет упорную борьбу с широко распространенным мифом о принцессе-кукле, озабоченной лишь красивыми тряпками и модными фасонами, многие по-прежнему относятся к ней с известным предубеждением. Она привыкла к добродушно-снисходительному тону. «Я сталкиваюсь с этим на каждом шагу, — признается принцесса близким друзьям. — Интересно наблюдать за реакцией людей. Вступая в разговор, они думают одно, а поговорив со мной немного, начинают вести себя совсем по-друго-

> му». Диана не приемлет и формальную маску королевского величия — слишком долго она сама отстаивала свое право на естественные человеческие чувства. Ей чуждо лицемерие. Неподдельная доброта и милосердие, которые проявляются в повседневном общении с людьми, — не поза, а нормальное состояние души. Порфироносец вознесен высоко над земной юдолью, однако Диану не устраивает традиционное королевское воспитание, прививающее «иммунитет» к бедам и заботам простых смертных. Она твердо знает, что ее сыновья должны воспитываться иначе, нежели предыдущие поколения венценосцев. Маленькие принцы и принцессы когда-то чуть ли не с пеленок приучались скрывать свои мысли и чувства от чужих любопытных глаз. Пядь за пядью возводилась невидимая стена, отделяющая особу королевской крови от простолюдинов. Диана же стремится воспитывать в сыновьях искренность и прямоту. Они должны реально оценивать свои возможности и воспринимать жизнь во всем ее многообразии, а не возноситься над нею на котурах королевского величия. Как мать, Диана озабочена прежде всего тем, чтобы сыновья твердо стояли на земной почве. Уверенность в себе питает безграничная материнская любовь и нежность. Диана признается, что любит своих детей до безумия и отдает им каждую свободную минуту. Дети, обделенные родительским вниманием и любовью, вырастают с изъяном в душе, им труднее противостоять житейским бурям. Диана не хочет, чтобы ее сыновья выросли чопорными и высокомерными».

3. БРАК КАК ФОРМА ТОРГОВЛИ ЖЕНЩИНАМИ

Чтобы избавится от зрелища этой грязи, которую они сами создали, Раса Господ Сатанов противопоставляет рабыням проституткам и горничным — Равенство избранных женщин. Они тешат себя надеждой, что со «Слабыми» женщинами, в которых ничего кроме поля Эгосистемы не культивировали с детства, можно быть равными.

Чтобы отделить «порядочных» от непорядочных» не требуется никакого другого воспитания никакого духовного преображения. Достаточно просто брачного контракта, ил как говорит Толстой «поездки в церковь, которая есть условие обладания определенной женщиной». Действительно, воспитание которое дают «слабому полу» — это воспитание домработниц и одали-

сок, как опять подчеркивает Джон Милль. Одалисками гаремов называет он всех современных женщин.

В этой связи все процитированные исследователи не видят принципиального различия в положении женщин замужних или женщин из публичных домов. Именно потому, что сущность отношений остается та же — это Отношения Садомазохизма физического контроля поля Эгосистемы. Отношения двух противоположных полюсов мертвой энергии: Самолюбия и Влюбленности, Господства и Подчинения, Силы и Слабости. И эта мертвая энергия, как видно на схеме Садомазохизма физического контроля, поживает тепло, свет, кислород живой и разумной энергии духа людей.

Чтобы преодолеть Низость и Мертвенность отношений Садомазохизма физического контроля недостаточно какого-то внешнего ритуала — печати в паспорте или поездки в церковь. Нужно воспитание и образование, которое снимает активность поля Эгосистемы. Современная лже-наука и Правление Расы Господ провоцируют как раз обратную ситуацию — максимальную активность поля Эгосистемы. Нужна настоящая церковь, где Полотно Истории Священной Борьбы Добра и Зла будет учить людей их Истинному Я как победам и поражениям Энергии Духа на протяжении всей истории человечества. Только такое интеллектуальное, религиозное, культурное, социальное воспитание и образование позволит преодолеть отношения Садомазохизма, и выйти на тепло истинной дружбы и любви. Вот почему самым главным событием в жизни здоровых обществ будут не свадьбы, а вступление в церковь дружбы Истинного Я человечества. А последующие свадьбы уже обычными событиями среди других прекрасных событий здоровых обществ. Поскольку биологический контакт между полами есть грех не потому что он биологический контакт. А только в том случае, если совершается людьми с активным Садомазохизмом поля Эгосистемы. У людей здорового общества биологический контакт будет дозволен только после вступления в церковь дружбы истинного Я, что будет гарантировать, что они свободны от поля Эгосистемы материальной энергии.

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Про себя я думал, что я милашка, что я вполне нравственный человек. Я не был соблазнителем, не имел неестественных вкусов, не делал из этого главной цели жизни, как это делали многие из моих сверстников, а от-давался разврату степенно, прилично, для здоровья. Он остановился, издал свой звук, как он делал всегда, когда ему приходила, очевидно, но-вая мысль.
> — А ведь в этом-то и главная мерзость, — вскрикнул он. — Разврат ведь не в чем-нибудь фи-зическом, ведь никакое безобразие физическое не разврат; а разврат, истинный разврат именно в освобождении себя от нравственных отношений к женщине, с которой входишь в физическое общение. А это-то освобождение я и ставил себе в заслугу. Помню, как я мучался раз, не успев заплатить женщине, которая, вероятно полюбив меня, отдалась мне. Я успокоился только тогда, когда послал ей деньги, показав этим, что я нравственно ничем не считаю себя связанным с нею.
> …Да-с, есте-ственное, простое отношение к женщине было погублено навеки. Чистого отношения к женщине уж у меня с тех пор не было и не могло быть. Я стал тем, что называют блудником. А быть блуд-ником есть физическое состояние, подобное состоянию морфиниста, пьяницы, курильщика. Как морфинист, пьяница, курильщик уже не нормальный человек, так и человек, познавший не-скольких женщин для своего удовольствия, уже не нормальный, а испорченный навсегда чело-век — блудник. Как пьяницу и морфиниста можно узнать тотчас же по лицу, по приемам, точно так же и блудника. Блудник может воздерживаться, бороться; но простого, ясного, чистого от-ношения к женщине, братского, у него уже никогда не будет. По тому, как он взглянет, оглядит молодую женщину, сейчас можно узнать блудника. И я стал блудником и остался таким, и это-то и погубило меня».

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Но у нас, когда из десяти брачущихся едва ли есть один, который не только не верит в таинство, но не верит даже в то, что то, что он делает, есть некоторое обязательство, когда из ста мужчин едва ли один есть уже неженатый прежде и из пятидесяти один, который вперед не готовился бы изменять своей жене при всяком удобном случае, когда большинство смотрит на поездку в церковь только как на особенное условие обла-дания известной женщиной, — подумайте, какое ужасное значение получают при этом все эти подробности. Выходит, что дело-то все только в этом. Выходит что-то вроде прода-

жи. Разврат-нику продают невинную девушку и обставляют эту продажу известными формальностями.

— Так все женятся, так и я женился, и начался хваленый медовый месяц. Ведь название-то одно какое подлое! — с злобой прошипел он. Даже считаю, что необходимо говорить об этом правду. Неловко, стыдно, гадко, жалко и, главное, скучно, до невозможности скучно! Это нечто вроде того, что я испытывал, когда приучался курить, когда меня тянуло рвать и текли слюни, а я глотал их и делал вид, что мне очень приятно.

Женщины, особенно прошедшие мужскую школу, очень хорошо знают, что разговоры о высо-ких предметах– разговорами, а что нужно мужчине тело и все то, что выставляет его в самом за-манчивом свете; и это самое и делается. Ведь если откинуть только ту привычку к этому безоб-разию, которая стала для нас второй природой, а взглянуть на жизнь наших высших классов как она есть, со всем ее бесстыдством, ведь это один сплошной дом терпимости. Вы не согласны? Позвольте, я докажу, — заговорил он, перебивая меня. — Вы говорите, что женщины в нашем обществе живут иными интересами, чем женщины в домах терпимости, а я говорю, что нет, и до-кажу. Если люди различны по целям жизни, по внутреннему содержанию жизни, то это различие непременно отразится и во внешности, и внешность будет различная. Но посмотрите на тех, на несчастных презираемых, и на самых высших светских барынь: те же наряды, те же фасоны, те же духи, то же оголение рук, плеч, грудей и обтягивание выставленного зада, та же страсть к ка-мушкам, к дорогим, блестящим вещам, те же увеселения, танцы и музыка, пенье. Как те замани-вают всеми средствами, так и эти. Никакой разницы. Строго определяя, надо только сказать, что проститутки на короткие сроки — обыкновенно презираемы, проститутки на долгие — уважаемы».

Симона де Бовуар, «Второй пол»:

«Если подходить с экономической точки зрения, то положение проститутки ничем не отличается от положения замужней женщины. „Между теми, которые торгуют собой посредством проституции, и теми, которые продаются способом замужества, есть единственная разница — она в цене и длительности соглашения“, — говорит Марро в работе „Половая зрелость“. И для одной, и для другой половой акт означает служение, тогда как у проститутки много клиентов и каждый платит за себя. Первую — один мужчина, ее муж, охраняет от всех остальных, вторая же защищена множеством мужчин от тирании одного-единственного. И в том, и в другом случае прибыль,

извлекаемая обеими за счет своего тела, ограничена конкуренцией; муж всегда помнит о своей возможности в случае чего взять в жены другую женщину: выполнение „супружеских обязанностей“ — это не одолжение, не любезность, не милость, это соблюдение условий соглашения, это подразумевается заключением супружеского акта» Г. Газданов, «Ночные дороги»:

«При самом беспристрастном отношении ко всем, я не мог не заметить, что разница между ними была всегда невелика, и в этом оскорбительном уравнении женщина в бальном туалете, живущая на avenue Henri Martin, немногим отличалась от ее менее удачливой сестры, ходившей по тротуару, как часовой, от одного угла до другого; и люди почтенного вида на Passy и Auteuil1 так же униженно торговались с шофером, как выпивший рабочий с rue de Belleville; и доверять никому из них было нельзя, я в этом неоднократно убеждался.»

J. S. Mill, Subjection of women:

«This dependence, as it exists at present, is not an original institution, taking a fresh start from considerations of justice and social expediency — it is the primitive state of slavery lasting on, through successive mitigations and modifications occasioned by the same causes which have softened the general manners, and brought all human relations more under the control of justice and the influence of humanity. It has not lost the taint of its brutal origin. No presumption in its favour, therefore, can be drawn from the fact of its existence.

And this, indeed, is what makes it strange to ordinary ears, to hear it asserted that the inequality of rights between men and women has no other source than the law of the strongest.

In the case of women, each individual of the subject class is in a chronic state of bribery and intimidation combined. If ever any system of privilege and enforced subjection had its yoke tightly riveted on the those who are kept down by it, this has. I have not yet shown that it is a wrong system: but everyone who is capable of thinking on the subject must see that even if it is, it was certain to outlast all other forms of unjust authority».

J. S. Mill, Subjection of women:

«Though the truth may not be felt or generally acknowledged for generations to come, the only school of genuine moral sentiment is society between equals. The moral education of mankind has hitherto

emanated chiefly from the law of force, and is adapted almost solely to the relations which force creates. In the less advanced states of society, people hardly recognise any relation with their equals. To be an equal is to be an enemy. Society, from its highest place to its lowest, is one long chain, or rather ladder, where every individual is either above or below his nearest neighbour, and wherever he does not command he must obey. Existing moralities, accordingly, are mainly fitted to a relation of command and obedience. Yet command and obedience are but unfortunate necessities of human life: society in equality is its normal state. Already in modern life, and more and more as it progressively improves, command and obedience become exceptional facts in life, equal association its general rule.
We have had the morality of submission, and the morality of chivalry and generosity; the time is now come for the morality of justice. Whenever, in former ages, any approach has been made to society in equality, Justice has asserted its claims as the foundation of virtue. It was thus in the free republics of antiquity. But even in the best of these, the equals were limited to the free male citizens; slaves, women, and the unenfranchised residents were under the law of force».

ГЛАВА 10. РОМАНТИЗМ НА ОСТРОВЕ ЭПШТЕЙНА. ГИБЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ РОМАНТИЗМА

1. ЛЮЦЕФЕРСКИЙ БУНТ ДВИЖЕНИЯ РОМАНТИЗМА КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ОРУДИЕ В РУКАХ САДОМАЗОХИЗМА

Мы могли видеть из файлов Эпштейна, что он не просто обманывал и соблазнял несовершеннолетних детей и продавал их за деньги клиентам, но создал Романтику Магических авторитетов вокруг своего острова.

Так, по отчету СМИ, из файлов Эпштейна следует, что он поддерживал отношения с элитами всех слоев общества: с политиками, с премьер-министрами, с президентами, с королями, королевами и принцами, с бизнесменами и даже с академической верхушкой. И конечно же с элитой шоу-бизнеса — с режиссерами, с голливудскими звездами, с Майклом Джексоном и самыми красивыми моделями мира.

Таким образом, вовлекая маленьких девочек, он рассказывал им о том, как свидетельствует Джуффре, что им предстоит «встреча со сказочными Принцами», и обещал им помощь в карьере. Вот так просто, вся возвышенная Культура Романтики мира Дарвиновской парадигмы подготовила и оправдала самую подлую и самую низкую проституцию.

Задолго до острова Эпштейна, русский циник и американский писатель Владимир Набоков, показал, как можно пользоваться Движением Романтизма, чтобы приукрасить даже изнасилование ребенка. Более того, оправдать насилие над детьми и детскую проституцию как систему!

Все смотрели фильм с разоблачениями педофилии Майкла Джексона. По настоящему страшный фильм, после которого творчество этого человека, хорошее оно лили плохое само по себе, абсолютно перестало меня интересовать. Почему люди, которым доступно абсолютно все, становятся низкими извращенцами и ищут растления детей?

Потому что Раса Господ Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия — это мертвая мысль и мертвая совесть маньяков, которая душит и убивает их своей мертвенностью. Вот почему их не удовлетворяет больше ничего. Он ищут то что потеряли, и то что составляет основу жизни любого человека — они ищут энергию духа, Божий дух, который они в себе умертвили! И не находят его больше нигде! Задыхаясь без кислорода основы жизни человеческой, они обращают свои взгляды к невинным детям. Педофилы подобны тем сатанистам, которые пытаются кровью детей вернуть себе молодость.

А. Камю описывает Люциферский бунт Движения Дендизма как сатанизм «упертости против бога».

Тесла Л. Хугаева, Любовь и Ненависть в Корнеллском Университете, 2020:

> «Моя статья о Набокове наделала много шума в Корнелле. Прежде всего ее расценивали как выпад против традиций университета. Потом как выпад против толерантности и даже либерализма, поскольку в статье я четко провела черту между истиной и ложью, давая понять, что компромисс между ними в виде «многих истин» невозможен. Наконец, мои слова о «яром идеологическом враге» трактовали и в прямом и в переносном смысле, как официальное заявление о конце романа с Андре Филлипсом, с которым мы вместе ставили пользовавшиеся успехом спектакли несколько последних месяцев. Это был такой откровенный и сокрушительный удар по репутации «черепов», что скандал разразился невероятный. Эта шумиха принесла нашей небольшой компании из восьми человек (мы всегда считали маму Уэйна неотъемлемой частью нашего коллектива) широкую популярность в стенах университета. Наши майки с рисунком Гии стали пользоваться большой популярностью. Университет поделился на две большие группы: тех, кто поддерживал нас, и тех кто стоял за черепов и театральную труппу Андре Филлипса. Нас стали

называть «селинджеровцами» или «реалистами», а их «набоковцами» или «романтиками». Искреннее волнение охватившее академический город, населяемый студентами и профессорами было настолько неожиданным своей интенсивностью и страстностью, что глубоко потрясло нас всех. И в то же время придало нам сил в этой нелегкой борьбе, которая грозила стереть нас с лица земли.

Вот эта статья.

«Набоков и дендизм

Поскольку Набоков оказался моим явным идейным врагом, и при этом большим авторитетом в современной культуре (то есть его нельзя игнорировать как неприятный пустяк, а можно только опровергнуть), пришлось преодолеть брезгливость и отвращение и перечитать его Лолиту, его интервью, его лекции о Флобере, Сервантесе, Прусте, Толстом. Пожалуй, второй такой неприятный парадокс представляет «Голый завтрак» Берроуза, написанный на ту же тему, только с добавлением содомии, наркотиков и убийств. И надо сказать что Naked lunch также входит в 100 лучших романов века по версии Times и прочие прочие длинные ряды титулов этих небоскребов современной культуры.

Однако, сам Набоков, не уступавший своим героям в ощущении собственной гениальности, презрительно хмыкал, что все эти непристойности не являются «даже тенью его тени», что на него никто не похож, и что сам он сумел прочитать мировую классику и не попасть под ее влияние. Заявление интересное само по себе, потому что мысль человечества не обрывается ни в пространстве, ни во времени, это единый процесс разворачивания человеческого интеллекта, так что всякий учёный всегда отчётливо чувствует, что просто стал следующим звеном в этой эстафете, и в свою очередь передаст мысль дальше.

Да, работа больших мыслителей может отличаться в деталях, они могут ошибаться, могут иметь разный стиль и художественные предпочтения, но сама мысль всегда одна и та же, она просто разворачивается, раскрывается и на сегодня составляет фонд всего культурного наследия человечества, систему его научных знаний.

Есть конечно ещё другая мысль. Ее отличие от этого мейнстрима нельзя назвать ошибкой, поскольку сама мысль бутафорная. Настоящая мысль анализирует реальность, познаёт ее законы, находит истину — ту самую единую истину современной науки которая существует молчаливым укором всем субъективистским и антиинтеллектуалистским теориям, которые ее отрицают. Существует в технике, которую мы производим и которой пользуемся каждый день.

Такова настоящая мысль: она объективна и признает реальность и науку. Бутафорная мысль — это миражи фантазии, иногда скреплённые формальной логикой, чаще сказочными мифами, а иногда прямо противоречащие логике, как например мистическое единство и борьба противоположностей диалектики у Гегеля.

У таких мыслителей свой диалог, никак не связанный с дискуссией настоящей науки, звучащей сквозь века для всего человечества. Вы знаете этих писателей: иррационалистов, антиинтеллектуалистов, субъективистов, сюрреалистов, и нигилистов. Не все они одинаково далеко ушли от настоящей интеллектуальной дискуссии, но все изъяты из магистрали научного мышления.

Набоков — классический пример такого бутафорного мышления. Он восхищается Прустом, учеником Бергсона, за их отказ признавать реальность, разум и истину, и смеётся над попытками Флобера казаться «реалистом». Он считает, что отважно идёт против общественного мнения, разнося в пух и прах Дон Кихота Сервантеса, как «старую рухлядь». Госпожа Бовари Флобера и Дон Кихот Сервантеса — два романа, уничтоживших наивный романтизм. Набоков считает себя могучим «художником», титаном, способным отразить сокрушительный удар этих двух великих романов по романтике. Он сам рыцарь романтических фантасмагорий и будет защищать их, даже если придётся погибнуть в бою. Относительно насмешки Сервантеса он высказывается прямо — рухлядь, о Флобере он говорит уклончиво: это не романтическая литература свела ее с ума, просто она «плохая читательница». Дескать, Флобер виноват не в том, что обвинил романтику в глупости, он просто рассказал о «плохих читателях».

Ну и как все субъективисты, он «имморалист» в том смысле как Ницше представил мораль в «генеалогии морали»: морали нет, все ценности относительны и только настоящие художники способны смело создавать свои собственные миры и противопоставлять их обществу и общественному мнению. Он прямо говорит в своих интервью о гуманизме как о первостатейной пошлости. «я ненавижу четырёх докторов: доктора Фрейда, доктора Живаго, доктора Кастро и доктора Швейцера». Того самого Альберта Швейцера, видимо, который открыл клинику в Африке, автора «Культуры и этики». Такая книга должна была казаться Набокову несмываемым грехом, как Что делать? Чернышевского. Такой же пошлостью в его глазах выглядят разговоры о реализме (особенно литературы), социальный и политический анализ в литературе, наконец жизнь «трудящихся». Он гордится тем, что никогда не работал в конторе и на судоверфи.

Его нападки на «доктора Фрейда» тем интереснее, что его собственное творчество развивается в русле теории Фрейда о сексуальности

как животной природе человека. Но поскольку Набоков не способен вразумительно объяснить в чем же собственно состоит его мировоззрение, ведь волшебство художественного вдохновения исключает убогость рационального восприятия, то его не смущает этот диссонанс. Нигде в интервью он не даёт вразумительного объяснения замысла Лолиты, несмотря на тот факт, что он называет роман своим главным произведением. Напротив он обиженно пишет, что дураки издатели и критики задаются вопросом «Что он хотел сказать этим?» и «Зачем он это написал?». И только вдумчивые читатели «умеют лучше» него объяснить, зачем он все это писал. Действительно, он в одном и том же интервью говорит, что не он, а Гумберт считает глубоко аморальным поведение педофила, сам Набоков выше вопросов добра и зла, мораль и гуманизм он считает пошлостью, как мы помним. И там же даёт резко моральную оценку Гумберту — «пустой и жестокий негодяй, которому удаётся казаться трогательным». Причем, когда журналист говорит, что в принципе женитьба на подростках была нормальна не только для Рима, но и в современной Америке вполне имеет место, Набоков ему возражает. В Лолите речь не о браке с молодой девушкой, а о любви маньяка к детям, к нимфеткам, так что 14 — это стареющая любовница для Гумберта. А о том, зачем он писал об этом жестоком негодяе он не может сказать ничего, кроме того, что в нем «начала пульсировать идея».

Гумберта он представляет маньяком, сумасшедшим человеком с половыми извращениями. Но это только прямая мысль, высказанная в книге, которая ни в коем случае не является ее мейнстримом. Основная мысль автора — это троллинг читателя с его «пошлостью» общепринятой гуманистической морали, психиатров, которые подобно Фрейду думают, что умеют провести границу между реальностью и бредом, всей «чопорной культуры», которая считает, что может уместить реальность художника в свои вульгарные рамки рационализма и гуманизма.

Он пишет внешне о больном человеке, но превращает своё повествование в поэзию подрастающей женской красоты, ее хрупкости и изысканности. Он превращает своё изложение не в манию грубого педофила, а в романтику Данте и Петрарки, возлюбленным которых тоже было от 9 до 13 пишет он (Данте увидел свою Беатричи, когда ей было девять, но стремится он к взрослой замужней женщине 24 лет, какой она была в момент смерти. А Петрарка, как пишут, познакомился с Лаурой когда ей было двадцать).

Однако в отличии от Набокова ставившего целью посмеяться над реалистами и гуманистами, романтики говорили именно о молодых

девушках, о метафизике, о духовном рае в единении с любимой, о божественном браке заключённом на небесах.

Набоков намеренно игнорирует тему «молодых девушек» и обращается к теме детей, чтобы ввести тему маньяка педофила. Но приступает к теме как искушённый романтик романист, со всеми ссылками на Данте и Петрарку, на Пруста и Венеру Боттичелли, точной копией которой оказывается в конце книги эта самая Лолита — в точности как Одетта Пруста.

В итоге тема маньяка с навязчивой мыслью о преследовании детей сливается, и ее место заступает классическая романтика незаметно для читателя, который оказывается в ловушке: неужели педофилия может быть красивой. Этого и добивается Набоков, большой поклонник романтики и имморализма. Тема троллинга общественного мнения и особенно психиатров идёт красной линией через всю книгу: он прямо пишет что в «санатории» (психушке) он сам себя вылечил тем что научился издеваться над психиатрами, рассказывая то что они ждут и потешаясь над их диагнозами, которые бесконечно далеки от того что он чувствовал в реальности. И этот его эксперимент так ему понравился, что он остался еще на месяц, а потом «еще на неделю. Вспоминая психоаналитиков, он пишет, что уверен, что те уже следят за его сюжетом как «загипнотизированные кролики».

Наконец тема красоты, о которой так много говорят, чтобы оправдать это пустое произведение Набокова. Он пишет о «нимфетках» как о тончайших цветах, в которых уже видны все черты будущей женственности, но пока хранят всю изысканность и прелесть бутонов. Это взгляд поэта, не маньяка. Маньяк конечно писал бы о своей навязчивой идее иначе.

Троллинг Набокова состоит в том, что он приписывает свою поэзию маньяку и с усмешкой ждёт взрыва возмущения у тупого и благонамеренного читателя. Он ставит фоном этой нежности бутона эрегированный член «большого Гумберта», вменяющего ребёнку в обязанности три раза в день его обслуживать за деньги. Ухмыляется когда описывает разницу «в размерах» и о том расстоянии между «нимфетками» и большими Гумбертами, которое нужно чтобы «дьявольское наваждение» стало возможно. В самом начале, подражая любимому Прусту, он пишет о пространстве и времени с тем, чтобы извлечь «демонический остров нимфеток» из реальности трёх измерений.

В конечном итоге Набоков хотел посмеяться последним. Доказать себе свою гениальность, увидев как удался его троллинг. Как персонаж, о котором прямо пишется, что он маньяк был принят за поэта, воспевающего красоту, как чопорные читатели, с готовностью отка-

зались от общепринятой морали, признав педофила эстетом. Как гуманистическая культура признала его роман одним из лучших романов века, и номинировала на Нобелевскую премию.

К счастью один почтенный швейцарец устоял против троллинга и все четыре раза твёрдо отказывал: нив коем случае автору аморального и успешного романа Лолита. Сам Набоков смеётся в послесловии к Лолите, что были те, кто так далеко ушёл в поисках смысла книги, которого он сам не знал, что стал говорить об аллегории «старая Европа совращает молодую Америку», или наоборот, пишет он «молодая Америка совращает старую Европу». Ещё он приводит слова другого критика о том, что эта книга развязка «романа с романтическим романом» у Набокова. Ему почти понравилось это определение. И мне кажется удачным: как бы он не защищался от Дон Кихота и госпожи Бовари, романтический роман умер. И все попытки его воскресить путём скрещивания старой романтики с фантазиями педофила дадут только такое убогое произведение, в котором поэзия обгажена сексуальными извращениями маньяка, а история болезни претендует на статус поэзии.

Ниже выдержки из Бунтующего человека Камю, которого он судя по его интервью тоже терпеть не мог, отказывая ему в статусе писателя. Что, впрочем, вполне ожидаемо. Сад, о которых пишет Камю, упоминаются в романе Набокова».

2. МЕМУАРЫ ВИРДЖИНИИ ДЖУФФРЕ. РОМАНТИЗМ НА ОСТРОВЕ ЭПШТЕЙНА

Не так много книг на сегодняшний день, которые заявили бы о том ядовитом влиянии, которое несет миру Движение Романтизма. (Я показала в первой части истоки романтизма из незрелого интеллекта Гибрис-Эго. Для Гибрис-Эго Романтизм был игрой в литературу, сами они не могли использовать свою философию на практике из –за сломанного физического контроля)

«Бунтующий человек» Камю.

«Крейцерова соната» Л. Толстого

«Ночные дороги» Г. Газданова

«Второй пол» де Бовуар

«Госпожа Бовари» Г. Флобера

«Казус Вагнер» Ницше

«Ночные бдения» Ф. Шеллинга

«Над пропастью во ржи» Сэлинджера

«Болезнь к смерти» С. Кьеркегора

Честертон в Апологии Христианства

Б. Рассел в Истории западной философии

Л. Толстой «Что такое искусство»

Однако, совсем иначе обстоит дело с Сатанами Расы Господ, которые научились использовать литературу и то что стало «культурой» Романтизма, книгами и фильмами, мемами из самых громких их работ, живописью и пьесами, театром и звездами кино — научились использовать все это, чтобы как-то оживить «унылую порнографию» обыденного рабочего Садомазохизма, как он описан в «Ночных дорогах» Газданова.

Они научились использовать культуру Романтизма для своего собственного воображения, чтобы не чувствовать себя такими мертвыми, и чтобы не было так скучно спать с уничтоженными ими женщинами в проституцию и «кликушество».

И гласное они научились его использовать, чтобы обманывать романтизмом свои жертвы.

Э. Фромм как всегда очень четко оценил негативную роль Кино в Идолопоклонстве Эроту современного магического сознания. По той же причине книга Сэлинджера «Над пропастью во ржи» — одна из пророческих книг своего времени — он очень четко определяет роль кино как культа движения романтизма самыми черными красками в одурачивании людей, в развитии магического сознания идолопоклонства.

Э. Фромм, «Человек для себя»:

«Более точную картину моделей успеха дают другие источники. Иллюстрированные журналы, газеты, кинохроника на разный лад демонстрируют портреты и жизненные истории преуспевающих людей. Ту же функцию выполняет и реклама. Преуспевающий служащий, чей портрет помещен в рекламе мужской одежды, это образец того, как нужно выглядеть и каким быть, если хочешь заработать „большие деньги“ на современном личностном рынке. Самое важное средство передачи

обычному человеку образа желательной личности — это кино. Молодая девушка старается в выражении лица, в прическе, в жестах подражать высокооплачиваемой звезде, считая все это самым многообещающим путем к успеху. Молодой человек старается быть похожим на героя, которого видит на экране. Хотя обычный человек имеет мало контактов с жизнью самых преуспевающих людей, его отношения со звездами кино — дело другого рода. Да, он не имеет реального контакта и с ними, но он может снова и снова видеть их на экране, может написать им и получить их карточку с автографом. В отличие от тех времен, когда актер был социально унижен, но, тем не менее, передавал своей аудитории творения великих поэтов, наши кинозвезды не служат передаче великих творений или идей, их функция — служить как бы связующей нитью между обычным человеком и миром „великих". Даже если обычный человек и не может надеяться стать таким же преуспевающим, как они, он может стараться подражать им: они его святые, и благодаря своему успеху они воплощают определенные нормы жизни».

Когда Сатанам современной Расы Господ пришла в голову безумная мысль соблазнить в проституцию Автора Великого Открытия, — только потому что женщина и только потому что нет дохода кроме пенсии по инвалидности и находится под страшным прессом — мне стали присылать множество картинками со всякого рода знаменитостями. В том числе с известными всему миру голливудсткми звездами

Рекомендации для Вас — так называлась рубрика в которой они показывали эти фото, а я публиковала их в постах на Фейсбуке, чтобы показывать людям безобразия этих негодяев. Я ни в коем случае не думаю, что звезды были в курсе тогда. Хотя сейчас обо мне уже слышали все. Дело не в актерах, дело в том, как Сатаны используют «Магические Авторитеты» Славы и Романтизма в своих силах. Ведь актеры части того, что сегодня составляет культуру нашего мира — культуру Романтизма. С другой стороны, мне регулярно показывали картинки «женственности» с ведущими красавицами мира! Мне, ученому и калеке они ста-

рались привить Притяжения Самовлюбленности Романтизма также, как маленькой цветущей и глупой девочке!

И эта культура в сфере искусства есть гибельное последствие Дарвиновской парадигмы в сфере науки.

Мемуары Вирджинии Джуффре, которые этот героический борец за правду успел опубликовать перед тем, как силы пожиравшие ее все это время, поглотили ее окончательно, со всей ясностью показывают как использовали эту культуру Романтизма для вовлечения и соблазнения девочек.

Как в конечном итоге, обманув их картинками о прекрасном будущем, чтобы они не превращались так явно в тех «кликуш» и «истеричек», в ту «унылую порнографию» забитых в дебилизм скучных проституток, в конечном итоге с ними обходились также.

Потому что Притяжение Самовлюбленности — это Миф о Равенстве на поле Эгосистемы, который придумали люди, неспособные сами применить его на практике, так как это притяжение сломало им физический контроль поля Эгосистемы. И этот миф как то, что мир лженауки посчитал «культурой» остался жить как иллюзия и греза. И этому мифу нашли практическое применение люди с нормально функционирующим Садомазохизмом — Сатаны Расы Господ Притяжения Самолюбия.

Украшать свою мертвенность и обманывать молодых и наивных.

Я говорю об этом так много, чтобы привлечь внимание общественностик пролеме культуры Романтизма. Как все то ложное, что принес незрелый интеллект и лже-наука, они останутся в истории человеческой мысли навсегда, чтобы служить предупреждением и т тренажером зрелой мысли.

Но они не должны оставаться в качестве Реальной культуры, и реальной мудрости настоящего искусства. Иначе, это ведет к плачевным последствия поддержания активности поля Эгосистемы в обществе.

V. Guiffre, «Nobody's girl»:

> «What's more, as I describe the chronology, transgression by transgression, I worry that the awful details distract from a broader

truth. Yes, I was sexually abused. My body was used in ways that did enormous damage to me. But the worst things Epstein and Maxwell did to me weren't physical, but psychological. From the start, they manipulated me into participating in behaviors that ate away at me, eroding my ability to comprehend reality and preventing me from defending myself. From the start, I was groomed to be complicit in my own devastation. Of all the terrible wounds they inflicted, that forced complicity was the most destructive. I was about to spend more than two years in Epstein and Maxwell's orbit. My job: to do whatever they asked whenever they asked it. There were no bars on the windows or locks on the doors. But I was a prisoner trapped in an invisible cage.

…Epstein must've sensed my qualms, though, because he walked around his desk, picked up a grainy photograph, and handed it to me. The image had been taken from some distance, but it was unmistakably my little brother. Skydy was walking away from the camera; I could see his backpack, and the outline of the side of his face. I felt a stab of fear. Why did Epstein have a photo of the person I loved most in the world? «We know where your brother goes to school,» Epstein said. He let that sink in for a moment, then got to the point: «You must never tell a soul what goes on in this house.» He was smiling, but his threat was clear: should I ever be tempted to betray him and go to the authorities, he would hurt Skydy. I stared at him. He stared back. «And I own the Palm Beach Police Department,» he said, «so they won't do anything about it.»

….SO MANY YOUNG women, myself included, have been criticized for returning to Epstein's lair even after we knew what he wanted from us. How can you complain about being abused, some have asked, when you could so easily have stayed away? If you didn't like feeling dirty, you could simply have never gone back. But that stance wrongly discounts what many of us had been through before we encountered Epstein, as well as how good he was at spotting girls whose wounds made them vulnerable to him. Several of us had been molested or raped as children; many of us were poor or even homeless. Before meeting Epstein, one of his victims had watched her father beat an eight-year-old boy to death; another was present when her boyfriend killed himself. We were girls who no one cared about, and Epstein pretended to care. At times I think he even believed he cared. A master manipulator who excelled at divining the desires of others, he threw what looked like a lifeline to girls who were drowning, girls who had nothing, girls who wished to be and do better. If they wanted to be dancers, he offered dance lessons. If they aspired to be actors, he said he'd help them get roles. If they said the only thing they yearned to do

was paint, he bought them canvases and introduced them to key people in the art world. And then, he did his worst to them.

….Once the three of us were behind closed doors, he directed the scene, with me and this young woman as his costars. He told us how to touch one another and how to touch him, and each of us dutifully played our parts. We were so different — in our looks, in our origin stories — but Epstein had forced us to be the same: submissive, resigned victims of his abuse. I don't know how to reconcile this sordid scene with the worldly reputation that Epstein seemed intent on projecting. This was a man who displayed framed photographs of himself with the Dalai Lama, with the pope, and with members of the British royal family. A photo in his Palm Beach house showed Epstein posing behind the podium of the White House briefing room. This was a man who'd had former president Bill Clinton over for dinner (I was at the table that night) and who'd hosted Al and Tipper Gore as well (again, I was there). More than once, I'd been on Little Saint James when Epstein hosted his friend Leslie Wexner, the billionaire founder of L Brands, which owned Victoria's Secret and Abercrombie & Fitch. (Epstein often told girls, falsely, that he was a Victoria's Secret «scout.») Epstein had managed some of Wexner's money at one time, and Wexner was the previous owner of Epstein's lavish Manhattan home, which by some accounts he'd sold to Epstein for one dollar. I'd met all these people because I was in Epstein's orbit. Can you forgive me for wanting to feel that some of their power and importance might rub off on me? If someone as well connected as Epstein thought I had the makings of someone special, as he often said, I wanted to believe he was right. Sometimes after Epstein had lent me out to someone with a boldface name, he'd reward me with a solo trip to Zorro Ranch.

…The next morning, on March 10, 2001, Maxwell woke me up by announcing in a singsongy voice: «Get out of bed, sleepyhead!» It was going to be a special day, she said. Just like Cinderella, I was going to meet a handsome prince! Her old friend Prince Andrew would be dining with us that night, she said, and we had lots to do to get me ready. Maxwell and I spent most of that day shopping. She bought me an expensive purse from Burberry and three different outfits. When we got back to her house, I laid them out on the bed. There were two sexy, sophisticated dresses she'd picked out and a third option that I'd lobbied for: a pink V-necked, sleeveless mini-T-shirt and a sparkly, multicolored pair of jeans embroidered with a pattern of interlocking horses. After I showered and dried my hair, I put on the jeans and top, which left a strip of my stomach exposed. Maxwell wasn't thrilled, but like most teenage girls then, I idolized Britney Spears and Christina

Aguilera, and the third outfit was something I imagined the two of them might wear. I told Maxwell it felt more like «me.» When Prince Andrew arrived at the townhouse that evening, Maxwell was more coquettish than usual. «Guess Jenna's age,» she urged the prince, after she introduced me. The Duke of York, who was then forty-one, guessed correctly: seventeen. «My daughters are just a little younger than you,» he told me, explaining his accuracy. As usual, Maxwell was quick with a joke: «I guess we will have to trade her in soon.»

….Life went on. Every once in a while, I'd be reading the news or watching TV when I'd stumble across a name or a face that I recognized. Numerous other well-known men who Epstein and Maxwell had forced me to service sexually would pop up in my newsfeed. Almost as disorienting was when I'd see a photo in the newspaper of some other boldfaced name who hadn't abused me but whom I clearly remembered meeting. Bill Clinton would be in the news — traveling to Haiti with George W. Bush, say, to coordinate recovery efforts after a terrible earthquake — and I'd flash on the hard-to-believe fact that once, in what felt like a former life, I had actually met this man who'd served as commander in chief.

….Maxwell was proud of her friendships with famous people, especially men. She loved to talk about how easily she could get former president Bill Clinton on the phone; she and Epstein had visited the White House together when Clinton was in office. Maxwell also enjoyed repeating that once, at some random event, she'd taken the actor George Clooney into a bathroom and given him a blow job. Whether that was true or not, we'd never know.

…It's taken me a long time to understand that Epstein and Maxwell solidified their power over me by offering me a new sort of family. Epstein was the patriarch, Maxwell the matriarch, and these roles were not merely implied. Maxwell liked to call the girls who regularly serviced Epstein her «children.» She and Epstein once took me to a boat show in Palm Beach and spent the afternoon introducing me as their daughter, just for kicks. As bizarre as that sounds, it felt kind of good to me. Less good, given my history, was that Epstein sometimes insisted that I call him «Daddy» during sex. While I was hardly equipped to judge, it often seemed to me that Epstein and Maxwell behaved like actual parents. The first time we ate a meal together, for example, they were appalled by my table manners. So Maxwell taught me how to hold a knife and fork, just so, and to fold my napkin in my lap, the way civilized people do. Soon, she'd be telling me how to do my makeup, how to dress, and where to get my hair cut (the celebrity stylist Frédéric Fekkai groomed many of the girls in Epstein's world, including me).

…So when the professor asked at one point for «one of your famous massages that Jeffrey has told me so much about,» I complied, taking him to a cabana and giving him a rubdown that ended with intercourse. We only had sex once, though. The next night, the man told me he wanted to watch movies instead. I showed him how to use the remote control on Epstein's largest TV and how to turn it off when he was done, and I went to bed. I was glad for the night off, but I remember feeling worried that I'd somehow disappointed the professor in a way that he'd share with Epstein. The psychologist was only the first of many academics from prestigious universities who I was forced to service sexually. I didn't know it then, but Epstein had spent years campaigning to keep company with the world's biggest thinkers and bestselling scientific authors — among them the physicist who discovered the quark, for example, and the computer scientist who consulted with Stanley Kubrick for his iconic film 2001: A Space Odyssey. At one point, Epstein would even host the theoretical physicist Stephen Hawking, among others, at a symposium organized around the question «What is gravity?» Epstein had convinced himself that he — a college dropout — was on the same level as degree-holding innovators and theoreticians, and because he funded many of their research projects and flew them around on his jets, he was largely welcomed into their fold. Then Epstein offered some of them a bonus: sex with one of us girls. In the coming months, I would be told to service many men whom I'd later learn were illustrious in their fields. On any given night, Epstein would tell me to wait in the massage room until one of these strangers entered, clearly expecting sex.

…Just when I thought things couldn't get worse for me, they did: Epstein trafficked me to a man who raped me more savagely than anyone had before. We were on Epstein's island when I was ordered to take this man to a cabana. Immediately it was clear that this man, whom I've taken pains to describe in legal filings only as «a well-known Prime Minister,» wasn't interested in caresses. He wanted violence. He repeatedly choked me until I lost consciousness and took pleasure in seeing me in fear for my life. Horrifically, the Prime Minister laughed when he hurt me and got more aroused when I begged him to stop. I emerged from the cabana bleeding from my mouth, vagina, and anus. For days, it hurt to breathe and to swallow. Afterward, I tearfully begged Epstein not to send me back to the Prime Minister. I got down on my knees and pleaded with him. I don't know if Epstein feared the man or if he owed him a favor, but he wouldn't make any promises, saying coldly of the politician's brutality, «You'll get that

sometimes.» Today I know that Epstein liked to tell friends that women were merely «a life-support system for a vagina.» I didn't know that then. Today I know that Epstein made the following chilling distinction: «I'm not a sexual predator; I'm an «offender.» It's the difference between a murderer and person who steals a bagel.» I didn't know that then either. Today I see how little he cared about the girls and women he abused. But for a long time, I couldn't see it. Or maybe I didn't want to see it. My experience being brutalized by the Prime Minister — and the way Epstein glossed over it — changed that for me. Before the Prime Minister's attack, Epstein had me fooled. I thought that Epstein's predilection for childlike girls was a sickness, but that in his twisted way he meant well. After the attack, I couldn't stay a fool. Having been treated so brutally and then seeing Epstein's callous reaction to how terrorized I felt, I had to accept that Epstein meted out praise merely as a manipulation to keep me subservient. Epstein cared only about Epstein. At that point, I hit bottom. I now knew I wouldn't survive. I saw only two possible options: either someone Epstein trafficked me to would kill me or I would take my own life. About eight weeks or so after my encounter with the Prime Minister, Epstein informed me, as he often did, that he wanted me to service an important friend on one of his jets. Epstein told me what time to be at the private airport in Palm Beach and said I'd only be up in the air for an hour. Taking him at his word, I got Tony and some of his friends to drive me there, then asked them to stay and wait until I returned. I had no idea who I was meeting that day as I climbed the stairs that led to the plane. Then I ducked my head and stepped inside. «Hello again,» said the Prime Minister, the man I feared more than any other. The blood rushed to my head, and I could barely breathe. «Will he kill me this time?» I wondered, and for a dizzy moment, I thought I might faint. The pilot discreetly closed the door to the cockpit, and we took off. For the next hour, I was on high alert, braced for a fatal blow. As it turned out, this second encounter with the Prime Minister was more typical of those I'd had with other men — his only goal was ejaculation. Still, it was the longest sixty minutes of my life as I anticipated the Prime Minister once again injuring and asphyxiating me. When the airplane touched down, I emerged in a daze, stumbling back to the car where Tony and his friends were waiting».

18 ФЕВРАЛЯ 2026 МАРИЯ БЕРК, ИРИНА РИНАЕВА

«Дьявольские оргии Джеффри Эпштейна: «Кабаны ели других животных, за этим наблюдали кричащие дети»

«Многие уверены, что никакой мистики в вечеринках Эпштейна (на фото) не было. Только грязь, а посреди нее — обрюзгшие богатеи… Фото: Epstein Estate/House Oversight/Keystone Press Agency/Global Look Press

Оргии, которые устраивал финансист-педофил Джеффри Эпштейн в особняке на Манхэттене, поместье во Флориде и на частном острове Литтл Сент-Джеймс, стали частью мрачного мифа о тайных сообществах в кругах мировой элиты.

Многие уверены, что никакой мистики в происходившем не было. Только грязь, а посереди нее — обрюзгшие богатеи, привыкшие к безнаказанности, и затянутые в секс-рабство девушки. Но параллельно с официальным расследованием на первый план вышли конспирологические теории.

Особое внимание привлекла к себе история с перформансом сербской художницы Марины Абрамович под названием «Духовная кухня». В девяностые Абрамович прибегала к оккультной символике — во время арт-акций рисовала на стенах свиной кровью, писала тексты с ведьминскими рецептами вроде: «Смешай свежее грудное молоко со свежей спермой. Пей в ночи землетрясения».

На одном из представлений художница предлагала гостям, среди которых были певица Леди Гага и актер Хью Джекман, полакомиться «кровью» и «плотью» женщины, лежащей в гробу, наполненном красной жидкостью (говорят, что это был окрашенный мед).

В 2016 году перфоманс «Духовная кухня» оказался в центре политического скандала после обнародованной проектом Джулиана Ассанжа WikiLeaks переписки главы предвыборного штаба Хиллари Клинтон — Джона Подесты: Абрамович приглашала Подесту на званый ужин с аналогичным названием. Этого оказалось достаточно, чтобы Клинтон обвинили в причастности к тайному сатанинскому* обществу.

Имя Абрамович не раз встречается в файлах Эпштейна, финансист нахваливал ее творчество и рекомендовал знакомым.

Билл Клинтон на фотографии из «Файлов Эпштейна». Фото: Epstein Estate/House Oversight/Keystone Press Agency/Global Look Press

«БАЛ САТАНЫ*» В ЗАМКЕ РОТШИЛЬДОВ: ЧТО ОБЩЕГО У ЭПШТЕЙНА С БАНКИРАМИ

Дополнительную пищу для домыслов дала фотография, на которой Абрамович позирует с банкиром Джейкобом Ротшильдом на фоне картины конца XVIII века «Сатана*, призывающий свои легионы» кисти Томаса Лоуренса. Масла в огонь подлила обнародованная Минюстом США переписка Эпштейна с главой банка Edmond de Rothschild Group Арианой де Ротшильд, в которой, кроме деловых, нашлись и фривольные сообщения — банкирша спрашивала, может ли она показать сыну фото обнаженных женщин.

Марина Абрамович и Джейкоб Ротшильд у картины Томаса Лоуренса «Сатана*, призывающий свои легионы».

Семья Ротшильдов, считают конспирологи, входит в тайное мировое правительство и добивается разрушения традиционной семьи и перевода извращений в норму.

Одним из главных доказательств этой теории называют события, которые развернулись в замке Ротшильдов под Парижем 12 декабря 1972 года. Туда съехались две сотни гостей, получивших секретные приглашения: художник Сальвадор Дали и модельер Ив Сен-Лоран, актрисы Одри Хепберн и Брижит Бардо, итальянская принцесса Мария Габриэлла ди Савойя и министр культуры Франции Мишель Ги — плюс скрытые под масками финансисты и политики.

Впоследствии это действо окрестят «балом Сатаны*», хотя хозяева именовали его скромно — «сюрреалистический ужин». Гости выглядели жутко — в масках из звериных голов или в виде сразу нескольких лиц, с рогами.

Фасад замка подсветили кроваво-красным светом. Гостей встречал человек в костюме черного кота. Среди изысканных блюд на столах лежали пупсы с оторванными конечностями и выдранными волосами. Приглашенные вызывали дьявола и принесли ему жертву — женский манекен на ложе из роз.

Долгое время о таинственном маскараде знали только его участники. История всплыла лишь в конце 1970-х, когда барон де Реде опубликовал сделанные в ту ночь фото и описание вечеринки. Считается, что так он отомстил Ротшильдам за сорванную ими сделку по покупке своего имения.

ЗАКРЫТЫЙ КЛУБ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТОВ США И СТРАННЫЕ ОБРЯДЫ

После публикации материалов Эпштейна наблюдатели предположили: режиссер Стэнли Кубрик своим фильмом 1999 года «С широко закрытыми глазами», герои которого попадают в жуткую секту, хотел предупредить мир о тайном сообществе влиятельных извращенцев. Мол, и скоропостижная смерть Кубрика — от сердечного приступа, всего через несколько дней после окончания монтажа картины — была неслучайна.

Кадр из фильма Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами»
Год спустя американский документалист Алекс Джонс проник в калифорнийский летний лагерь для взрослых «Богемская роща», принадлежащий мужскому клубу, куда входили экс-президенты США — от Никсона до Буша-младшего. Джонс скрытой камерой снял церемонию открытия лагеря: участники в плащах и масках, с факелами, на фоне 12-метровой бетонной совы совершали символическое жертвоприношение фигуры человека. В клубе отвергли обвинения в сатанизме*, назвав действо способом «сжечь заботы» перед летним отдыхом.
ЧТО ТВОРИЛОСЬ НА ОСТРОВЕ ДЖЕФФРИ ЭПШТЕЙНА: «ХРАМ» И ПОДЗЕМНЫЕ ТУННЕЛИ
Ну а что же связано непосредственно с Эпштейном? Из мемуаров его уже покойной жертвы Вирджинии Джуффре (была в прошлом году найдена мертвой на ферме в Австралии, официальная версия — самоубийство) мы узнаем, что с каждым годом аппетиты миллионера росли: он, скажем, мог выписать на остров 12-летних французских тройняшек, а со временем пристрастился к садистским секспрактикам.
Вирджиния Джуффре скончалась в апреле 2025 года.
Фото: EASTNEWS/AP/FOTOLINK.
Вот как Джуффре описывала обстановку в нью-йоркском особняке миллионера: «В спальне висело зловещее настенное панно, от которого меня бросало в дрожь — на нем были изображены дикие кабаны, поедающие туши других животных, за этим наблюдали кричащие дети».
В файлах Эпштейна есть письмо информатора в ФБР: во время оргий якобы убивали детей и занимались каннибализмом (правда, автор на допросе пояснил, что сделал такой вывод из обсуждений на форумах).
Есть там и послание от анонима: две садистски задушенные девушки были закопаны на ранчо магната в Нью-Мексико. Сейчас там наконец хотят провести обыски, хотя ранчо давно принадлежит другому человек».

Ницше, «Казус Вагнер»:

«В театре царит другой дух с тех пор, как там царит дух Вагнера: требуют самого трудного, порицают сурово, хвалят редко — хорошее, выдающееся считается правилом. Вкус уже больше не нужен; даже голос. Вагнера поют только разбитым голосом: это действует «драматично». Даже дарование исключено. Espressivo во что бы то ни стало, как этого требует вагнеровский идеал, идеал decadence,

плохо уживается с дарованием. Для него нужна просто *добродетель* — хочу сказать, дрессировка, автоматизм, «самоотречение». Ни вкуса, ни голоса, ни дарования: сцене Вагнера нужно только одно — *германцы*... Определение германца: послушание и длинные ноги... Полно глубокого значения то, что появление и возвышение Вагнера совпадает по времени с возникновением «империи»: оба факта означают одно и то же — послушание и длинные ноги. — Никогда лучше не повиновались, никогда лучше не повелевали. Вагнеровские капельмейстеры в особенности достойны того века, который потомство назовёт некогда с боязливым почтением *классическим веком войны*. Вагнер умел командовать; это-то и сделало его великим учителем. Он командовал, как непреклонная воля к себе, как дисциплинирование себя всю жизнь — Вагнер, который, быть может, являет собою величайший пример самонасилия в истории искусств (он превзошёл даже близкородственного ему в остальном Альфьери. Примечание туринца).

Это познание, что наши актёры более достойны уважения, чем какие-либо прежние, не соединяется с пониманием того, что они менее опасны... Но кто ещё сомневается в том, *чего* я хочу, — каковы *три требования*, которые на этот раз влагает в мои уста моя злоба, моя забота, моя любовь к искусству?

Чтобы театр не становился господином над искусствами.

Чтобы актёр не становился соблазнителем подлинных.

Чтобы музыка не становилась искусством лгать.

Постскриптум

Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Немцы совсем недавно утратили нечто вроде страха перед ним — желание *освободиться от него* являлось у них при всяком случае. — Помнят ли ещё то курьёзное обстоятельство, при котором совсем под конец, совсем неожиданно снова проявилось старое чувство к Вагнеру? При погребении Вагнера первое немецкое Вагнеровское общество в Мюнхене возложило на гроб его венок, *надпись* которого тотчас же стала знаменитой. «Спасение спасителю!» — гласила она. Каждый удивлялся высокому вдохновению, продиктовавшему эту надпись, каждый удивлялся вкусу, на который приверженцы Вагнера имеют привилегию; однако многие (это было довольно странно!) сделали в ней одну и ту же маленькую поправку: «Спасение *от* спасителя!» — Вздохнули свободнее.

Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Измерим её по её действию на культуру. Кого собственно выдвинуло на передний план вызванное им движение? Что всё более и более взращивало оно? — Прежде всего, наглость профанов, идиотов в искусстве. Они органи-

зуют теперь ферейны, они хотят насаждать свой «вкус», они хотели бы даже разыгрывать судей in rebus musicis et musicantibus. Во-вторых, всё большее равнодушие ко всякой строгой, аристократичной, совестливой выучке в служении искусству; на её место поставлена вера в гений, по-немецки: наглый дилетантизм (- формула для этого имеется в Мейстерзингерах). В-третьих, и это самое худшее: *театрократию* — сумасбродную веру в *преимущество* театра, в право театра на *господство* над искусствами, над искусством… Но надо сто раз говорить прямо в лицо вагнерианцам, *что* такое театр: всегда лишь *под* искусства, всегда лишь нечто второе, нечто огрублённое, нечто надлежащим образом выгнутое, вылганное для масс! Тут и Вагнер не изменил ничего: Байрейт — большая опера, — а вовсе не *хорошая* опера… Театр есть форма демолатрии в целях вкуса, театр есть восстание масс, плебисцит *против* хорошего вкуса… *Это именно и доказывает казус Вагнер*: он покорил толпу, он испортил вкус, он испортил даже наш вкус к опере!

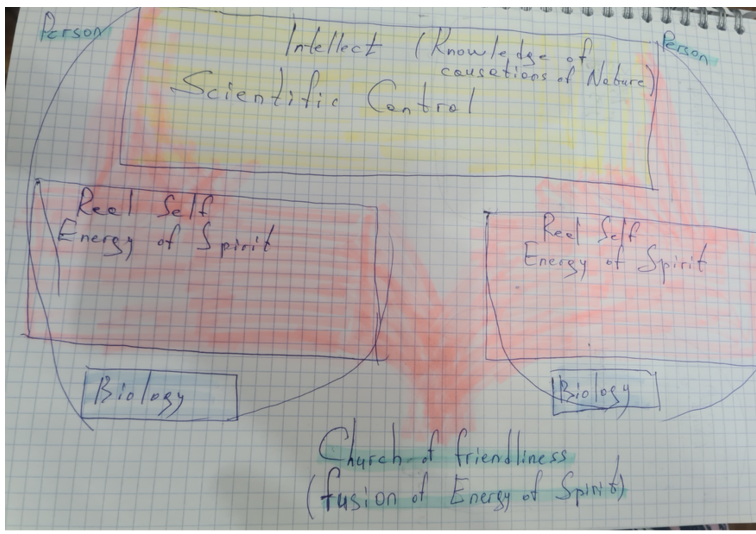
Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Что она делает с умом? *освобождает ли Вагнер ум?* — Ему свойственна всякая двойственность, всякая двусмысленность, вообще всё, что убеждает невежд, не доводя их до сознания, *для чего* их убедили? Это делает Вагнера соблазнителем высокого стиля. Нет ничего усталого, отжившего, жизнеопасного и поносящего мир в духовной области, что не было бы взято его искусством тайно под защиту, — это самый чёрный обскурантизм, скрываемый им под светлыми покровами идеала. Он льстит каждому нигилистическому (- буддистскому) инстинкту и переряжает его в музыку, он льстит каждой христианственности, каждой религиозной форме decadence. Откройте свои уши: всё, что выросло на почве *оскудевшей* жизни, вся фабрикация фальшивых монет трансценденции и потустороннего, имеет в искусстве Вагнера своего высшего защитника — *не* формулами: Вагнер слишком умён для формул, — а убеждением чувственности, которая в свою очередь снова делает ум дряблым и усталым. Музыка, как Цирцея… Его последнее произведение является в этом его величайшим шедевром. Парсифаль вечно сохранит своё значение в искусстве обольщения как *гениальный приём* обольщения… Я удивляюсь этому творению, я хотел бы быть его автором; за отсутствием этого факта *я понимаю его*… Вагнер никогда не был более вдохновенным, чем в конце. Утончённость в соединении красоты и болезни заходит здесь так далеко, что как бы бросает тень на прежнее искусство Вагнера: оно кажется слишком светлым, слишком здоровым. Понимаете ли вы это? Здоровье, светлость, действующие как тень? почти как *возражение*?.. Настолько мы уже *чистые глупцы*… Никогда ещё

не было более великого мастера в удушливых гиератических благовониях, — никогда ещё не жил равный знаток всего *маленького* бесконечного, всего дрожащего и чрезмерного, всех феминизмов из идиотикона счастья! — Отведайте только, друзья мои, волшебного зелья этого искусства! Вы нигде не найдёте более приятного способа энервировать ваш дух, забывать о вашем мужестве под розовым кустом… Ах, этот старый чародей! Этот Клингзор из Клингзоров! Как воюет он этим с *нами*! с нами, свободными умами! Как угодливо говорит он каждой трусости современной души чарующими звуками девичьего голоса! — Никогда не существовало такой *смертельной ненависти* к познанию! — Надо быть циником, чтобы не быть здесь обольщённым, нужно иметь способность кусать, чтобы не боготворить здесь. Хорошо, старый обольститель! Циник предостерегает тебя — cave canem…

Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Я наблюдаю юношей, долго подвергавшихся его инспекции. Ближайшим сравнительно невинным действием является порча вкуса. Вагнер действует, как продолжающееся употребление алкоголя. Он притупляет, он засоряет желудок. Специфическое действие: вырождение ритмического чувства. Вагнерианец называет в конце концов ритмическим то, к чему я применяю греческую поговорку «мутить болото». Уже гораздо опаснее порча понятий. Юноша становится недоноском — «идеалистом». Он перегнал науку; в этом он стоит на высоте маэстро. Взамен этого он разыгрывает философа; он пишет байрейтские листки; он разрешает все проблемы во имя отца, сына и святого маэстро. Худшим, конечно, остаётся порча нервов. Пройдитесь ночью по большому городу — вы услышите всюду, как с торжественной яростью насилуют инструменты — к этому примешивается порою дикий вой. Что там происходит? Юноши молятся Вагнеру… Байрейт смахивает на водолечебницу. — Типичная телеграмма из Байрейта: bereits bereut (уже покаялись). — Вагнер вреден для юношей; он является роковым для женщины. Что такое, с точки зрения врача, вагнерианка? — Мне кажется, что врач должен бы поставить молодым женщинам со всею серьёзностью следующую альтернативу совести: одно *или* другое. — Но они уже выбрали. Нельзя служить двум господам, если один из них — Вагнер. Вагнер спас женщину; женщина построила ему за это Байрейт. Вся — жертва, вся — покорность: нет ничего, чего бы ему не отдали. Женщина беднеет на благо маэстро, она становится трогательной, она стоит перед ним нагая. Вагнерианка — самая прелестная двусмысленность из существующих нынче: она *воплощает* дело Вагнера, — она является знамением *победы* его дела… Ах, этот старый разбойник! Он крадёт у нас юношей, он крадёт

> даже наших жён и тащит их в свою пещеру... Ах, этот старый Минотавр! Чего он уже нам стоил! Ежегодно приводят ему в его лабиринт вереницы прелестнейших дев и юношей, чтобы он проглотил их, — ежегодно взывает вся Европа: «собирайтесь на Крит! собирайтесь на Крит!..»

ГЛАВА 11. РЕАЛЬНАЯ СИЛА ЭНЕРГИИ ДУХА



1. СИЛА ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТА ЭНЕРГИИ ДУХА

Для Сатанов Физического контроля возникает таким образом парадокс: они стремятся к Силе, и потому вынуждены втаптывать в Слабость то, что они хотят «любить». Их притяжение Самолюбия, которое дает им чувствовать себя Господами, Силой, может «любить» только притяжение Влюбленности, которое дает их жертвам чувствовать себя Рабами, Слабостью — таков механизм Садомазохизма Физического контроля. И парадокс

здесь в том, что в конечном итоге, именно потребность быть всегда Силой внушает Сатанам отвращение к своим собственным жертвам — к Влюбленным в ним Рабам. И это портит им все «удоовольствие», которые они так жаждут найти в насилии над жертвами. Более того, мертвенность материальной энергии Притяжения Самолюбия Сатанов не дает им чувствовать от силы своего физического контроля в насилии над другими людьми ничего кроме того, что они «нажрались бетоном», как хорошо выразился Ремарк о некоторых военных командирах. Активность их поля Эгосистемы убила в них жизнь — поле энергии духа. Они мертвы, и они не могут этого не чувствовать. Их психика мертва, и все усилия почувствовать себя живыми они сосредотачивают на биологических процессах организма — они становятся обжорами, пьяницами, наркоманами и развратниками в первую очередь. И вот здесь опять, все их попытки получить удовольствие от рабского подчинения своих жертв заканчиваются отвращением к жертвам, которых они презирают. Они доходят до того, что насилуют детей. Потом они доходят до того в своих усилиях почувствовать себя живыми, что жрут свои жертвы. Но они мертвы, и они чувствуют себя мертвыми.

Таков абсурд закона сохранения силы физического контроля на поле материальной энергии.

Сам факт, что сегодня Сатаны Расы Господ сумели сосредоточить в своих руках какую-то реальную силу — это факт очень короткого времени, связанный с переходным периодом Интеллекта человечества, застрявшего между Научным контролем в материальных энергиях (техника) и старым магическим сознанием абориген в обществе, где правит лже-наука. Вот почему стало возможно, что Сатаны сумели подчинить себе ученых, которые производят и управляют техникой, и тем самым отчасти приобщились силе Научного контроля.

Однако, не может быть никаких сомнений в том, что ситуация эта очень временная, и что очень скоро такому ненормальному положению вещей, где Сатаны магического сознания правят людьми научного интеллекта, придет конец. Как только информа-

ция о закономерностях двух энергий получит распространение и здоровые люди научного сознания сумеют защитить себя от коварства и обмана хитрых Сатанов — этому ненормальному положению будет навсегда положен конец. Больше никогда власть не окажется в руках людей недостаточно образованных, чтобы управлять учеными. Больше никогда мертвая совесть подлецов не будет управлять честными людьми. Шеллинг говорил, что Зло может существовать только маскируясь под правду — и это залог того, что с ростом знаний у людей зло исчезнет. Действительно, «Люди Тьмы» как говорит Евангелие, сильны только до тех пор, пока они не выходят на свет. Современные политики, как бы порочны они на самом деле не были, могут оставаться во власти только до тех пор, пока они публично заявляют себя честными людьми с чистой совестью и служением истине. Только так и никак иначе им не удастся оставаться у руля власти. Им Надо, Необходимо маскировать себя под Добродетель, чтобы обладать общественной силой. Феномен Гитлера вовсе не в том, что он был самым плохим из всех известных Рас Господ, а в том, что ему первому, после Неронов Древнего Рима, пришло в голову заявить о себе как о Расе Господ, стремящейся поработить мир, открыто. И именно это привело его к такому громкому падению, как Неронов Древнего мира, потому что Зло, когда выходит на свет божий, навлекает на себя все силы сопротивления Энергии Духа в основе человеческого существование. Зло существует только до тех пор, пока оно прикрывается маской Добра, и в этом Шеллинг был абсолютно прав.

И прав он также в том, что именно это и приведет к уничтожению зла. Как только люди научатся понимать что такое Вранье, Коварство и Предательство Сатан-Эго Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия — больше никогда Сатаны Расы Господ не будут править учеными и честными людьми. И больше никогда мир не будет подвергнут такой страшной опасности, о которой говорят Оруэлл и Рассел — опасности сосредоточения власти над техников в руках безумных маньяков. К скольким мировым и локальным войнам это привело, мы уже

видели. Перед последней ядерной войной их останавливают только остатки инстинкта самосохранения. Однако, если Открытие не положит конец их власти — нет никаких сомнений что безумие людей материальной энергии обязательно приведет их к этой последней для человечества войне.

Для здоровых людей энергии духа не возникает такой нелепой проблемы — любить силу с одной стороны, и нуждаться в том, чтобы втаптывать людей в «слабость» прежде, чем сможешь «получить удовольствие» от контакта с ними. Нормальные люди во всем рациональны и последовательны, их закон сохранения силы — настоящий закон сохранения силы, а не иллюзия энергии-паразита, пожирающей их здоровье. Нормальные люди стремятся к силе и получают эту силу — и в себе, и в тех, кого они любят. И именно потому люди Церкви Дружбы и любят друг друга что глубоко уважают силу и здоровье друг друга. И в этом нет никакого противоречия, как в случае с Сатанами, которые хотят любить силу, но вынуждены калечить тех кого они «любят» в дебилов и рабов.

Для здоровых людей энергии духа единственной «слабостью», которую они признают в людях, является поле Эгосистемы материальной энергии, и оба Притяжения ее физического контроля — Самолюбие и Влюбленность как две стороны садомазохизма. Потому они одинаково презирают и Самолюбие и Влюбленность, но ненавидят только Сатанов Самолюбия, Верхней Эгозащиты Насилия и Господства. К их жертвам, забитым в рабов, Христос учил проявлять доброту и терпение и стремится всеми силами содействовать их излечению.

Здесь, поскольку мы ставим акцент на рассмотрении спецификам закона сохранения силы на поле Эгосистемы (физический контроль) и поле Интеллекта энергии духа (научный контроль) — наша цель показать сравнительные характеристики двух энергий с точки зрения «силы», которую оба контроля способны достичь.

Сатан-Эго, уставшие от унылой порнографии Садомазохизма, насилия и подчинения, господства и рабства, стремятся

оживить свои ощущения в романтике Самовлюбленности, где якобы возможно Равенство на поле Эгосистемы. Однако, Романтизм — это попытки наклеить маски «идеалов всесилия», в храбрости или в красоте на живых людей. Конечно, такие попытки обречены на провал — Романтизм, ищущий Равенства на поле Эгосистемы — всего лишь сломанный физический контроль и совершенно нежизнеспособен. Фромм в «Искусстве любить» указывает два вида патологии в «любви»: Садомазохизм Самолюбия-Влюбленности (Господства и Подчинения — Романтизму двух СамоВлюенностей (Равенства Идеалов всесилия), как два вида патологических типов «любви»: садомазохистской и идолопоклоннической. Этим двум видам патологии он противопоставляют «любовь-дружбу» или «братскую любовь» здоровых людей, которая основана на настоящем равенстве уважения к Истинному Я природы человека.

2. АБОРИГЕНЫ СОЦИАЛЬНЫХ ДЖУНГЛЕЙ

Прежде всего, надо начинать с понимания самого термина «Силы».

И здесь опять уместно вернутся к опыту дикарей.

Что для нас «сила» природы?

Мы открыли уже множество материальных энергий, которые вкупе составляют тот чувственный феномен, который мы воспринимаем как факты окружающей нас природы. Когда Платон говорил, что существуют вечные идеи Дерева, Птицы, Солнца, Луны и тп — он ошибался. Конкретные факты природы, которые мы воспринимаем чувственно, не есть часть Пространства-Времени Интеллекта. Однако, Платон был прав в том, что существуют «вечные идеи» энергий природы — закономерности интеллекта элекромагнитизма, биохимии, гравитации, электричества! Увидеть эти факты космоса можно только интеллектуальным зрением — и именно на этом уровне Пространства Времени интеллекта существуют вечные идеи Платона.

Итак, мы видим мир другими глазами — мы видим закономерности природных энергии в основе нашего чувственного восприятия неба и земли. И под «силой» природы мы понимаем эти конкретные природные энергии: сила электричества дает нам и свет, и тепло, и компьютеры и много других конкретных и таких разных удобств, что мы никоим образом не можем свети это все к одой абстракции количественного давления, как делали аборигены.

Ведь что значит их магическое понимание природы? Они понимают ее количественную абстракцию силы, какого то давления, направленного против их «Эго» по поле Эгосистемы. И больше ничего. Их магия — это только попытка подсчитать чье количественное давление, чья сила как пресс направленный против другого окажется победителем в схватке между Эго и СуперЭго поля Эгосистемы? Кто победит СуперЭго окружающего мира над Эго дикаря, кто победит «Я или не-Я»? Вот в чем смысл понятия «Силы» на поле Эгосистемы, к которому сводятся все реальные энергии природы, с их различными системами законов и с их различными качествами и удобствами, когда речь идет об их реальной силе.

Сила электричества в природе дает нам свет и компьютеры, силы биохимии дает нам контроль биологической энергии и наши познания в медицине, изучение электромагнетизма позволяет нам делать рентгеновские снимки, и так далее. Когда мы говорим о доступе научного контроля к «силе» природных энергий, мы имеем в виду эту реальную силу природных энергий быть частью нашего существования, увеличивать наш комфорт, и помогать нам в нашем взаимодействие с гармонией природы.

Когда Колдуны аборигены «командуют» силами природы, поклоняются Тотемам, просят у них защиты или угрожают им оставить их без даров за самое наглое пренебрежение их низкопоклонством они имеют ввиду совсем другое понимание «силы» природы. Для них «сила» природы — всего лишь количество давления, оказываемое на них какой то единой противостоящей им силой (загрузки внешнего мира как СуперЭго). Это и есть

«магия» и «сверхъестественные силы» их искаженного чувственного восприятия.

Понятно, что уже исходя из самого чудовищного искажения самого понятия «силы» всякое дальнейшее рациональное проведение закона сохранения силы физическим контролем будет невозможно. Физический контроль оказывается таким образом всего лишь механизмом обеспечивающим функционирование материальной энергии — и в этом смысле он «хранит» силу материальной энергии. Однако, постольку поскольку эта энергия никакого отношения к истинному Я людей — к их энергии духа не имеет, а является энергией паразитом, — то и закон сохранения силы этой энергии будет действовать как разрушение истинной силы энергии духа. Уже начиная с ложной информации которую чувственное отражение поля Эгосистемы дает о самом понятии «силы».

Альфред Адлер:

> *«Стремление к достижению превосходства проявляется настолько сильно, что при сравнительном психологическом анализе выявляется, что любой душевный феномен наряду с видимым проявлением содержит в себе еще и другую черту — желание освободиться от чувства слабости, чтобы достичь высот,. Или подняться „снизу вверх", превзойти всех, используя свои уловки, которые часто бывает нелегко проследить. Чтобы создать педантичный порядок в антиципации, мышлении и понимании мира и тем самым средства защиты, невротик хватается за разного рода правила и вспомогательные формулы, соответствующие по своей сути примитивной антитезной схеме. Так, он придает значение только чувственным ценностям, соответствующим понятиям „верх" и „низ", и пытается — насколько я мог в этом убедиться — постоянно связывать их с реальным для него противопоставлением „мужское — женское". ...Примитивную апперцепционную схему пациента, благодаря которой все его впечатления оцениваются с крайних позиций и тенденциозно группируются (вверху — внизу, победитель — побежденный, мужское — женское, ничто — все и т. д.), всегда можно доказать и разоблачить как незрелую, несостоятельную, но имеющую тенденциозную склонность к длительной борьбе»*

Мы уже видели много раз, что эту картину Магических Авто-

ритетов (Тотемов) человек перенес с природы на современное ему общество. Теперь люди изучают в школе математику и физику, химию и биологию, географию и ботанику — и нет таких наивных, кто будет понимать силу природы как Магические Авторитеты Тотемов (то есть количества Силы направленной против них). Люди знают об энергиях природы и о том какую пользу в реальности они несут людям, и как получить контроль над их реальной силой и пользоваться ей в технике.

Однако, с социальным миром все осталось по старому. Люди ничего не знают о духовной и материальной энергии скрытой в их психике, и не умеют смотреть на мир глазами научного контроля: то есть глазами Полотна истории Священной Войны Добра и Зла, и отличать реальную пользу энергии духа от реальной патологии материальной энергии.

Вместо этого они применяют физический контроль поля Эгосистемы и смотрят на социальный мир через «Загрузки СуперЭго». Ничего удивительного, что теперь Общество предстает Иерархией Социальной Лестницей, где задача бороться со всеми по мере движения наверх, к «всесилию» Магических Авторитетов, Тотемов самой большой количественной абстракции. Это опять сведение реальной пользы и реальной сущности энергии духа — всего лишь к уровням количественного давления, которое дают разные уровни социальной лестницы.

Важно помнить, что «Магия» сознания дикарей (и современных людей поля Эгосистемы) не имеет ничего волшебного и «сверхъестественное». Значение слово «магия» здесь в том что это искажение восприятия энергий природы через чувственное отражение физического контроля закона сохранения силы в Количественную абстракцию силы давления «СуперЭго» против «Эго». Это два полюса поля Эгосистемы, чья информация запускает «голод» (страх) запускает Эгозащиту, то есть функционирование материальной энергии. Дальше этот «страх сверхъестественных сил», или иначе «голод тщеславия» или иначе «культура стыда» — всегда лежит в основании мотивации материальной энергии.

Этот тот страх перед учеными, которых простые люди воспринимают как «магические авторитеты», который заставил людей в эксперименте Милграма пойти против своей совести, чтобы угодить приказам ученых. И это тот страх невротиков, о котором пишут Карен Хорни, Альфред Адлер, Эрих Фромм, и другие психологи и философы гуманистического направления как о базовой мотивации поля Эгосистемы материальной энергии. Еще раз подчеркнем, что этот страх, созданный картиной искажения информации о себе и о мире как двух количеств силы противостоящих друг другу (где сила внешнего мира изначально много больше), есть тот «дисбаланс», неравновесие, тот дефицит, та боль, тот «голод» материальной энергии психики, который запускает ее круговращение циклического гомеостаза от неравновесия к равновесию. И поскольку эту изначальную картину противостояния Эго и СуперЭго невозможно преодолеть пока активно поле Эгосистемы, то «равновесие», «покой победы над СуперЭго», «снижение страха» всегда очень кратковременно, и вновь автоматически запускается поведением человека, закрытого от реальности шорами кривого зеркала своего поля Эгосистемы.

Карл Юнг:

> «Результат проекции — изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недосягаемой. Возникающее в результате чувство неполноценности, и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется — благодаря проекции — недоброжелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее эго видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. (...) Часто печально наблюдать, как вопиюще человек портит свою жизнь и жизни других *людей, и вместе с тем остается совершенно неспособным понять, что вся эта трагедия порождается*

> *в нем самом и что он беспрестанно подпитывает ее и не дает ей прекратиться. Не сознательно конечно, ибо сознательно он оплакивает и проклинает вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него. Скорее это бессознательный фактор прядет иллюзии, скрывающие его мир. А то что прядется становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его».*

Альфред Адлер:

> *«Состояние застоя. Больной как бы оказывается в заколдованном круге, не позволяющем приблизиться к фактам жизни, увидеть настоящее, приспособиться, испытать свои силы и ответить на вопрос, что он собой представляет. Как только в качестве жизненного вопроса появляются производственные задачи, экзамены, общественные, любовные и супружеские отношения, они тут же становятся актуальным поводом для развития невроза.»*

Юнг говорит здесь о «чувстве неполноценности» в основе бессознательной проекции, которая дурной иллюзией становится между человеком и реальностью. Это чувство неполноценности и есть «голод тщеславия», «страх стыда» — ведь для аборигена социальных джунглей «сверхъестественными силами» количественной абстракции «давления силы» становятся Магические Авторитеты Верхов Социальной Лестницы. «Голод тщеславия» и есть потребность физического контроля быть на верху «лестницы количества силы», а «страх стыда» есть страх получить Удар от Магических Авторитетов по Эго.

Стыд как страх социальных магических авторитетов и потребность в Тщеславии (славе среди магических авторитетов) — это два полюса полюса Эгосистемы, Плюс силы тщеславия и Минус слабости стыда. Понятно, что для энергии духа совершенно другие полюса силы и слабости: Плюс силы правды и совести и Минус слабости отсутствия знаний и угрызений совести. Поэтому Фромм разделил поле Эгосистемы и поле Интеллекта как «Авторитарный стыд против гуманистической совести».

Герберт Уэллс, «Новый мировой порядок»:

> «Если вы продолжите прощупывать его вопросами и наводящими предложениями, вы начнёте понимать, насколько большую роль

в его складе ума играет потребность в славе перед его товарищами (кстати, отметьте, пожалуйста, своё тайное удовлетворение от того, что выдерживаете спор с ним). Если вы сопоставите поведение исследуемого субъекта с поведением детей, вас самих и окружающих вас людей, вам станет ясно, насколько всем необходимо ощущение триумфа, необходимо быть лучше и делать лучше, чем ваши товарищи, и чтобы кто-то почувствовал это и об этом узнал. Это более глубокий и устойчивый импульс, чем сексуальная страсть; это разновидность голода. Это ключ к нелюбви при столь сексуальной жизни, к садистским импульсам, к алчности, к накопительству, к бесконечному невыгодному обману и предательству, которые дают людям ощущение того, что они лучше кого-то, даже если они не одерживают верх».

А. Адлер, Наука жить:

«Ключ к социальному процессу в целом дает нам понимание того, что человек всегда стремится найти ситуацию, в которой он превосходит всех. Так, дети с развитым чувством неполноценности намеренно избегают более сильных детей, и играют с теми, кто слабее их, кто позволяет управлять собой и подавлять себя. Это — ненормальные, патологические проявления чувства неполноценности»

Карен Хорни, Невротическая личность и рост:

«Хотя это не всегда видно непосредственно, погоня за славой — самое могущественное влечение. Оно похоже на одержимость дьяволом: человека словно пожирает чудовище, им же и созданное. Поэтому и должна быть ужасной реакция на фрустрацию. На это указывает ужас перед гибелью и позором, которые для столь многих людей входят в понятие неудачи. Реакции паники, депрессии, отчаяния, ярости по отношению к себе и другим за то, что они полагают „неудачей", очень часты и совершенно несоразмерны действительной важности происшествия»

Карен Хорни, Невротическая личность и рост:

«Страх, тревога, паника могут быть реакциями на унижение или в предвидении его. Страшные предчувствия могут касаться экзаменов, публичных выступлений, появлений в обществе, свиданий; в таких случаях его обычно называют «страхом перед сценой». Это хороший описательный термин, если мы используем его метафори-

чески, для обозначения некоего иррационального страха, предшествующего публичному или частному «спектаклю». Он включает ситуации, в которых мы или хотим произвести хорошее впечатление (например, на новых родственников, на важное лицо, да даже на официанта в ресторане), или начинаем что-то новое, беремся за новую работу, принимаемся рисовать, отправляемся учиться на оратора. Те, кого мучает этот страх, часто говорят о нем, как о страхе перед неудачей, позором, насмешками. Кажется, что это как раз то, чего они боятся. Тем не менее, не стоит идти этим путем, потому что он ошибочно предполагает рациональный страх перед реальной неудачей. Он оставляет в стороне факт, что неудача — вещь очень субъективная. «Неудачей» может быть любая неполнота славы или совершенства, и предчувствие такой возможности — самая суть мягких форм «страха перед сценой». Человек боится выступить менее великолепно, чем требуют его Надо, а потому боится, что пострадает его гордость. Есть и более тяжелая форма этого страха, которую мы поймем позднее; при ней бессознательные силы, управляющие человеком, блокируют его способность к самому акту выступления. Страх перед сценой — это страх человека, что из-за своих саморазрушительных тенденций он будет смешон и неловок, забудет текст, «захлебнется» и покроет себя позором вместо победной славы.

Другая категория страшных предчувствий касается не качества выступления, а перспективы, что придется делать нечто, задевающее гордость, — просить повышения или снисхождения, подавать прошение, подойти к женщине с предложением — потому что это включает в себя возможность отказа. Страшные предчувствия могут наступать перед половым актом, если он означает возможность быть униженным.

Страх может наступать вслед за «оскорблениями». Многие люди дрожат, их трясет, у них перехватывает дыхание, или они испытывают прочие реакции страха в ответ на недостаток почтения или высокомерное поведение по отношению к ним».

Э. Фромм, «Человек для себя»:

«Авторитарный стыд — это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. Если отношения людей к авторитетам остаются внешними, не имеющими этической санкции, мы едва ли можем говорить о совести; такое поведение просто сообразуется с требованиями момента, регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение, всегда зависит от внуши-

тельности данных авторитетов, от их осведомленности и мнимой или реальной возможности наказывать и награждать. Зачастую переживание, которое люди принимают за чувство вины, порожденное их совестью, фактически является не чем иным, как страхом перед такими авторитетами. Собственно говоря, люди в таких обстоятельствах испытывают не чувство вины, а страх»

Карен Хорни, Невротическая личность и рост:

«Общее значение этих нарушений в жизни пациента вполне очевидно. То, что он не является активным определяющим фактором своей собственной жизни, создает у него чувство глубокой неуверенности, неважно, насколько оно прикрыто вынужденной жесткостью. Он не чувствует своих чувств, и это делает его неживым, неважно, насколько велика его поверхностная живость. Он не отвечает за себя, и это отнимает у него внутреннюю независимость. Вдобавок, бездеятельность его подлинного я оказывает значительное влияние на развитие его невроза. Именно здесь яснее всего видна та грань отчуждения от себя, которую составляет механизм порочного круга. Сам являющийся порождением невроза, он становится причиной его дальнейшего продвижения. Ибо чем больше отчуждение от себя, тем более беспомощной жертвой гордыни становится невротик. У него все меньше и меньше живой силы, чтобы ей сопротивляться».

….Хотя это не всегда видно непосредственно, погоня за славой — самое могущественное влечение. Оно похоже на одержимость дьяволом: человека словно пожирает чудовище, им же и созданное. Поэтому и должна быть ужасной реакция на фрустрацию. На это указывает ужас перед гибелью и позором, которые для столь многих людей входят в понятие неудачи. Реакции паники, депрессии, отчаяния, ярости по отношению к себе и другим за то, что они полагают «неудачей», очень часты и совершенно несоразмерны действительной важности происшествия»

В этих цитатах следует обратить особое внимание на то, как различные авторы обобщают свои выводы о «Боли», «Голоде», «Страхе» поля Эгосистемы как резкой всепоглощающей боли, которая становится основой Мотивации всего поведения невротиков (то есть людей с активным полем Эгосистемы). Это «Неравновесие» Голода Тщеславия или иначе «страха сверхъестественных сил» (в нашем случае социальных аборигенов страха Магических Авторитетов общества, Стыда перед Магиче-

скими Авторитетами) — есть основной фон всей деятельности Сатанов Расы Господ Физического контроля.

И именно эта мотивация объясняет как их жестокость — ведь недаром говорят все садисты трусы, так и их ненасытность. Ведь одолеть это фундаментальное чувство Голода поля Эгосистемы невозможно, оставаясь на этом поле.

Заострить внимание на Мотивации циклического гомеостаза материальной энергии необходимо с тем, чтобы дать понятное объяснение примитивности того, что эти люди называют «Силой» и ради чего случаются мировые войны, пока они стоят у власти.

Вся эта Пирамида Магии Власти — то есть Лестница разных количеств давления — не может дать им ничего кроме короткого чувства снижения напряжения, вызываемого их постоянным «Голодом неравновесия», постоянным «страхом магических авторитетов». Вот собственно то, что эти люди понимают под «Силой» когда крушат страны и убивают невинных людей — потребность немного подняться по лестницы или немного подняться в глазах магических авторитетов с тем, чтобы немного снизить уровень напряжения этого пожирающего их голода тщеславия аборигенов социальных джунглей.

3. ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ ИНТЕЛЛЕКТА

Как в этой связи не вспомнить слова евангелия, цитируемые Кьеркегором: и что же за польза тебе, если ты приобретешь весь мир, а душу свою потеряешь? Ведь Сатаны забрались на верхи общества, которое они своими глазами аборигенов видят Магию Лестницы Силы Давления, и могут таки нажать на кнопку и разрушить полмира. Это в своем роде реальная сила, нельзя отрицать. Но что дает им такая реальная сила? Что может дать она любому человеку? Кроме моментального снижения давления голода тщеславия, снижения страха перед другими магическими авторитетами? Понятно что все их поведние настолько безумно

что объективно постоянно ведет к эскалации конфликтов, так что недостатка в росте страха и напряжения у них никогда не будет несмотря на уровни власти разрушения в их руках. Но что им это дает, кроме увеличения того чувства «бетона», что дает нарастание физического контроля мертвой материальной энергии в сознании человека?

Кьеркегор, «Или-Или»:

> *«Возможно тебе и без того удастся осуществить многое; возможно, ты сумеешь даже привести в изумление мир (я ведь не молочен); и все же тебе будет недоставать высшего, единственного, что поистине сообщает жизни смысл, — ты можешь приобрести весь мир и потерять себя»*

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> *«Но растрачивает себя понапрасну только сознание, которое столь обольщено радостями и печалями жизни, что оно никогда не приходит как к решающему приобретению вечности, к сознанию того, что оно есть дух, Я, иначе говоря, никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога или же того, что само оно, это Я, существует ради этого Бога. Однако такое сознание, такое обретение вечности достижимо лишь по ту сторону отчаяния. А это иное горе!»*

Царствие Небесное, которое проповедовал Христос, вовсе не было его фантазиями. И доказать это очень просто тем фактом, что человек приобщается этому Царству не после смерти, но еще при жизни, как и говорил Христос: Царствие Божие внутри вас.

Наличие у человека Активного Интеллекта, Мышления сделало его Повелителем физического мира материальных энергий, о чем тоже упоминается в Писаниях. Мы не просто энергия природы наряду с другими материальными энергиями детерминированные законами, вложенными в нас Творцом. Мы еще и Контрольная энергия, которая способна познавать эти законы и контролировать их, в том числе и законы собственной психической энергии. И таким образом получать доступ к силе — энергий. Наш контроль не дает нам силы ме-

нять законы вселенной, установленные Творцом. Но он дает нам доступ к силе материальных энергий, а также возможность контролировать здоровье совей собственной психической энергии.

Именно как Контрольная энергия мы получили доступ в Царствие Божие еще при жизни — в Пространство-Время Интеллекта.

Действительно, в отличии от других материальных (детерминированных) энергий природы, которые знают только Неравновесие Циклического Гомеостаза как толчок к движению (а для живой биологической энергии — это вечный ненасытимый Голод), Энергия Духа людей имеет Мотивацию удовольствия. Когда потребность в базовом знании удовлетворена, человек продолжает работать с удовольствием упражняя свой научный контроль, свою компетентность, свою потребность в творчестве. Много раз я приводила цитаты о том, что высшим удовольствием и высшей мотивацией для работы великих ученых всегда была их страсть к своей работе. Хотя конечно, они всегда чувствовали и свой долг.

Эти уникальные характеристики Энергии Духа Поля Интеллекта, которые рождаются из научного контроля и есть доказательство того факта, что человек здоровой энергии Духа обитатель Царствия Небесного Пространства-Времени Интеллекта :

— линейное движение (в отличие от циклического гомеостаза материальных энергий),

— поток позитивных эмоций (в отличии от мотивации Боли, Голода, Неравновесия материальных энергий),

— Устойчивое равновесие (в отличие от кратковременных спадов напряжения материальных энергий),

— Способность Роста в накоплении Энергии (в отличии от замкнутых в системе Боли и Неравновесия материальных энергий).

С. Кьеркегор, «Равновесие между эстетическим и этическим в развитии личности»:

> «Поскольку тут было показано, что всякое эстетическое мировоззре ние есть отчаяние, единственно правильно теперь будет предпри

нять движение, благодаря которому появляется этическое начало. Вот то сокровище, которое я собираюсь оставить в наследство тем, кого люблю в этом мире. Это сокровище заложено в твоей внут ренней сущности: существует «или-или», делающее человека пре восходнее ангелов. Когда все вокруг человека затихает, становится торжественным, как ясная звездная ночь, когда душа остается в одиночестве в целом мире, — тогда перед ним является не какое то выдающееся человеческое существо, но сама вечная сила, тогда небеса как бы раскрываются, — и «я» выбирает самое себя, или точнее получает самое себя. Тогда душа видит высшее, то что не способен увидеть никакой смертный взор, она видит то, чего никогда больше не сможет забыть, — тогда личность обретает ры царское посвящение, которое облагораживает ее на всю вечность. Ибо величие состоит не в том, чтобы быть тем или этим, но в том, чтобы быть самим собой, а на это способен любой человек, если он только этого пожелает. при выборе важно не столько умение выбирать верно, сколько энер гия, серьезность и пафос, с которы ми человек выбирает. В таком вы боре личность возвещает о себе в своей внутренней бесконечности, и благодаря ему личность еще больше укрепляется в своем един стве. Потому что даже когда человек выбирает неверно, он и мо жет — именно опираясь на энергию с которой он выбирает, — обна ружить, что выбрал неверно. Как раз потому, что выбор был сделан 36 ВЕК ДЬЯВОЛА. НИЦШЕ И КРУШЕНИЕ РАЦИОНАЛИЗМА со всем внутренним содержанием личности, все существо человека очищается, и сам он приводится в непосредственное отношение с той вечной силой, которая вездесущим образом проницает собой все его наличное существование. Тот же кто выбирает только эстети чески, никогда не достигает этого преображения, этого высшего по священия. Несмотря на всю страсть, ритм его души является только лишь spiritus lenis (слабое придыхание). Возможно тебе и без того удастся осуществить многое; возможно ты сумеешь даже привести в изумление мир (я ведь не мелочен); и все же тебе будет недоставать высшего, единственного, что пои стине сообщает жизни смысл, — ты можешь приобрести весь мир и потерять самого себя. Ибо тот кто живет эстетически не выбирает, — а тот кто выбирает эс тетическое после того, как ему явилось этическое начало, живет не эстетически, так как он уже согрешает и подлежит теперь этиче ским определениям — пусть даже жизнь его приходится определять как неэтическую. В этом то и заключается печальная сторона, когда мы рассматрива ем человеческую жизнь, — сплошь многие проживают свои жизни в состоянии тихого проклятия; они переживают самих себя, они ис

чезают, как тени, их бессмертные души уносятся прочь, и они не страшатся вопроса об их бессмертии; ибо души эти уже рассея лись уже до смерти.

Абрахам Маслоу, «Дальние рубежи человеческой природы»:

«Трансценденция может означать вид на жительство в высшей реальности, умение говорить языком высшего Бытия, высшее постижение без срока и конца. Мы знаем трансценденцию как пиковые, предельные мгновения высшего постижения, но она может означать также спокойное и сосредоточенное познание. Человек, пере живший инсайт, великое откровение, мистический опыт, прозрение или просветление, однажды успокоится, привыкнет к новизне, к хорошему и великому, и будет от случая к случаю, по-соседски навещать познанные им райские кущи, накоротке общаясь с вечностью и бесконечностью. Он переживет изумление и потрясение и зажи вет спокойной и безмятежной жизнью среди платоновских идей, среди высших ценностей. Чтобы отличать предельные, эмоционально-острые переживания прозрения, высшее постижение от такого рода спокойного, величаво-божественного постижения, я буду называть последнее. Высшие переживания действительно пережива ются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже если бы захотел, вер нуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не мо жет постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме»

Маслоу, «Мотивации личности»:

«В любом случае, психологическая жизнь личности, во многих ее аспектах, проживается в одном ключе, когда личность зациклена на „ликвидации дефицита“, и совершенно в другом, когда она руководствуется „метамотивацией“, то есть сосредоточена на самоактуализации. Практически все известные в истории и современные теории мотивации едины в том, что рассматривают потребности, наклонности и мотивирующие состояния, как тревожные, раздражающие и, в принципе, нежелательные явления, от которых следует избавляться. Мотивированное поведение, целенаправленность, стремление довести начатое до конца — все это, таким образом, лишь способы ликвидации этих неприятных ощущений. Это отношение красноречиво выражают такие широко используемые определения

мотивации, как удовлетворение потребностей, снятие напряжения, ослабление внутреннего импульса и преодоление состояния тревоги. Как бы то ни было, когда мы изучаем людей, у которых преобладает мотивация развития личности, концепция „стремления к покою" становится совершенно бесполезной. У таких людей удовлетворение потребности усиливает, а не ослабляет мотивацию, обостряет, а не притупляет удовольствие. Их аппетиты разгораются. Такие люди поднимаются над самими собой и вместо того, чтобы хотеть все меньше и меньше, хотят все больше и больше знаний, например. Человек, вместо того, чтобы обрести покой, становится более активным. Утоление жажды развития разжигает, а не ослабляет ее. Развитие, само по себе, является восхитительным и приносящим удовлетворение процессом. В качестве примера можно указать на удовлетворение желания быть хорошим врачом: приобретение желанных навыков, типа игры на скрипке или резьбы по дереву; развитие умения разбираться в людях, или во вселенной, или в самом себе; применение творческого подхода в любой избранной профессии: наконец, самое главное — просто удовлетворение желания быть хорошим человеческим существом».

Э. Фромм, «Человек для себя»:

«Иррациональное желание также проистекает из дефицита, но из дефицита другого рода: из неуверенности и тревоги, которые заставляют человека ненавидеть, завидовать или покорствовать; удовольствия, получаемые от исполнения этих страстных желаний, берут свое начало в исходном отсутствии плодотворности. И физиологические {Биология}, и иррациональные психические потребности {поле Эгосистемы} входят в систему дефицита. Но кроме сферы дефицита существует еще сфера избытка {Энергия Духа}. Хотя даже у животных наличествует излишек энергии и выражается он в игре, сфера избытка — это по существу человеческий феномен. Это сфера плодотворности, внутренней деятельности. Она возможна лишь там, где человеку не приходится трудиться только ради добывания средств к существованию и истощать таким образом большую часть своей энергии. Для эволюции человеческого рода характерно расширение сферы избытка, излишка энергии, расходуемой на достижение чего-то большего, чем простое выживание. Все специфически человеческие достижения имеют своим источником избыток»

Вся история движения цивилизации человечества — то есть его базисной энергии духа — это история «переселения» чело-

вещества из физического пространства-времени материальных энергий — в Пространство-Время Интеллекта его воистину королевской по отношении к материальным энергиям энергии духа. Эти истинные вершины человеческой Элиты видели уже много одиночек скалолазов, которые достигали самых высот как великие мыслители и как религиозные гении, и которые всему человечеству еще предстоит осваивать. Но тропинки к ним расчищены и победные вершины давно взяты и ждут своих поселенцев. Мой скромный труд состоял в том, чтобы собрать вместе труды всех этих первопроходцев, объединить их на базисе Научной Революции Энергетика, и показать людям единую карту, которая раскрывает перед ними Царствие Небесное Пространство-Времени Интеллекта.

В связи с тем, что до сих пор людей вела ложная доктрина Дарвиновской парадигмы, воображение человечества было занято Искусством в виде Романтизма и его фальшивых страстей «Идеалов Всесилия» поля Эгосистемы и «Идолопоклоннической любви» полов, как говорит Фромм. Если хотели говорить о высоком и красивом говорили об этой фальши, не уместной в реальной жизни ни в Садомазохизме свинского физического контроля, ни в религии дружбе здоровых людей энергии духа.

Поэтому огромным провалом современного искусства и современных социологических исследований являются провалы в Исследовании Феномена Дружбы Великих людей. Особенно у великих людей. Я старалась в своих работах об Открытии сконцентрировать внимание на дружбе выдающихся людей как основном феномене особых позитивных эмоций, доступных человечеству.

И если приводить цитаты иллюстрирующие положения этой главы об особенных позитивных эмоциях здоровых людей энергии духа, то надо говорить об этих случаях дружбы великих людей.

Например, превосходной иллюстрацией являются Письма Плиния. Или «Былое и Думы» Герцена — совершенно уникальное наследие именно с этой точки зрения, хотя там пытались ис-

кать теоретические системы, и потом решили, что у книги нет веса. Это исключительный памятник того, что вскоре будет известно как первые церкви дружбы. Конечно, огромное место среди этих первых зародышей великой церкви дружбы человечества будущего занимает ранняя (увы, только ранняя) христианская церковь Отцов Церкви, и прежде всего самого Христа и его окружения, чей религиозный гений дал такой мощный толчок церкви дружбы на следующие много столетий.

Примера ради стоит упомянуть известную всему миру сказку о дАртяньяне и Трех мушкетерах, которая продолжает будоражить воображение каждого подрастающего поколения. Ни тем она славна и жива в народе, что мушкетеры гоняются за прекрасными дамами и воюют с королями. А тем она прекрасна и славна, что как и его учитель Вальтер Скотт, Александр Дюма сосредоточил внимание на дружбе мушкетеров, которые отчаянно ведут борьбу со злом сквозь Полотно Истории. В этом и состоит секрет такого колоссального успеха самых знаменитых романов Вальтер Скотта, и прежде всего, Айвенго, Квентина Дорварда, Роб Роя, и романов его талантливого ученика — Дюма. И я хочу подчеркнуть, что будущее принесет серьезные исследования в области дружбы, и серьезное искусство, которое вытеснит Романтизм как псевдо-искусство современности.

Подобно тому как до сих все истинное искусство, составляющее сокровищницу чудес нашей цивилизации все еще покоится в шедеврах христианских гениев Готических соборов и Сикстинских капел, точно также с победой Научной Революции Энергетики придет новая волна истинного религиозного вдохновения, которое построит гигантское Полотно Истории Священной Войны Добра и Зла.

И Научный контроль Зла, материальной энергии, который станет осуществлять Церковь Дружбы цивилизованного человечества, раз и навсегда вызволит людей из темных подвалов душного циклического гомеостаза материальной энергии психики.

Вот тогда и произойдет громадный всплеск энергии духа, который настолько сильно преобразит духовную жизнь людей,

что нам это даже трудно представить. Однако в самых общих чертах — именно описание этого здорового общества будущего и является целью настоящей работы.

Вы сами можете попытаться представить себе насколько более комфортной будет духовная жизнь людей, которые будут лучше и глубже нас понимать механизмы Зла материальной энергии и в то же время чувствовать себя в относительной безопасности, владея научным контролем, влдея Полотном Истории, которое станет их редигиозным и в то же время интеллектуальным культом. Ведь вся система образования будет построена вокруг фактов истории как Борьбы Энергии Духа со злом поля Эгосистемы материальной энергии.

Понятно, что в самом первом приближении мы можем понимать эти общества как то чувство величественной радости, что дарят романы Вальтера Скотта, когда читаешь приключениях рыцарей духа в их непримиримой войне со злом и нежном единстве Церкви Дружбы. А также с Клубами Камаридери Г. Честертона, где будет кипеть интеллектуальные баталии о Сатанах прошлого, чье невежество и чей позор в низости морального падения они смогут оценивать уже в условиях относительной безопасности от этих чудовищ. Нам вот, тем кто все еще барахтается в ядовитых отходах их жизнедеятельности, все еще не до смеха совсем.

4.РЕАЛЬНАЯ СИЛА ОБЩЕСТВА ДЛЯ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ЛЮДЕЙ НАУЧНОГО СОЗНАНИЯ

Теперь мы можем сравнить что есть сила в представлении Аборигенов социальных джунглей и что есть сила в представлении Цивилизованных людей научного сознания.

Если начертить прямую координат с центром в точке Ноль, то то, что Магическое сознание понимает под силой находится в Минусе, то есть там, где дело еще вообще не дошло до чистого позитива эмоций реальной силы энергии духа. Ведь глазами

аборигенов общество получается иерархией количества силы давления, нужных только немного и ненадолго снизить напряжение боли. Они не способны сами даже к научному контролю силы материальных энергий, не только контролю своей собственной энергии.

Напротив, реальная сила энергии Духа уходит далеко в Плюс позитива чистоты и глубины эмоций и мощности научного контроля.

Здесь достигается то, во что культура Романтики материальной энергии только играется: здесь достигается Уважение и Восхищение к Мысли, Совести, Свободе, Творчеству, Храбрости, Юмору, Работоспособности Божьего Духа друг в друге. Здесь достигается Любовь Равенства Силы Энергий — что есть залог настоящей любви и настоящего тепла. Ведь никакая любовь между полами невозможно без Базиса в Церкви Дружбы! И вся глубина и чистота и мощь позитива эмоций настоящей любви между мужчиной и женщиной покоится на глубина и чистоте эмоций Церкви Дружбы!

Здесь следует добавить еще те факты, о которых в своих исследованиях писали А. Маслоу и Э. ФРомм. О том, что качество биологического комфорта и глубины переживаний человека всецело зависит от того, какая именно энергия психики у человека руководящая. Если это энергия духа — то и биология становится источником здорового наслаждения жизнью. Если это материальная энергия Садомазохизма — то и биология становится такой же мертвой и такой же болезненной как поле Эгосистемы Садомазохизма.

Поэтому, поясняет Маслоу, хотя для его здоровых людей «романтика» любви полов никогда не бывает центральной мотивацией жизни, как для большинства обычных людей, в то же время говорит Маслоу, его впечатление в том что половая жизнь у них много здоровее, и при свободе их взглядов в общем, они все тяготеют к моногамии. Причем любовь его здоровых самоактуалов — это любовь церкви-дружбы, и Маслоу подчеркивает, что у них нет «полоролевого разделения» и что основа их отношений

не в романтике всесильных идеалов и тем более не в Господстве и Подчинении варваров, а в дружбе человеческого взаимопонимания, в восхищении и уважении друг друга, в юморе и удовольствии общения, в интересе общения с развитым собеседником. Таким образом, так реализуется Здоровая Любовь Полов, когда обе Стороны есть настоящая, реальная Сила Энергии Духа. То сеть наличие умственного и эмоционального развития, здоровья эмоций от извращений поля Эгосистемы, что рождает взаимное восхищение и уважение. На этом уровне Пространства-Времени Интеллекта, где сняты ограничения душной пещеры циклического гомеостаза, и открыт доступ к Росту силы Энергии — люди получают возможность наслаждаться общением таких же сильных и развитых людей как они сами, вместо мертвых масок поля Эгосистемы, и забивания женщин или целые классы общества на «Слабость» Притяжения Влюбленности. Для здоровых людей есть только одна слабость — поле Эгосистемы в целом, потому они равно избегают и Господ и Рабов, и имеют «демократически характер», как говорит Маслоу. По той же причине, гни «исключительно избирательны в общении» — и дружат только с такими же здоровыми людьми как они сами, хотя вполне ощущают что «человечество есть одна семья» пишет Маслоу. Он подчеркивает эту их особую чувствительность к «кровным узам человечества», которые они подобно Газданову больше чувствуют как «симфонию», нежели могут дать четкое определение. Тем не менее на службу обществу поставлены их талант, их воля, их знания, их энергия — они не эгоистичны, и служат обществу, имеют какую то объективную цель принести пользу и исправить зло.

Понятно поэтому почему здоровые люди предпочитают моногамию, а поле Эгосистемы Садомазохизма доходит до безумия в постоянной смене партнеров. По мере общения у здоровых людей растет и уважение друг к другу и знание друг друга и радость общения друг с другом, близость и общий опыт жизни, общие друзья и так далее. Их жизнь есть всегда рост энергии и чем больше они живут вместе, тем больше радости им приносит этот опыт общения. Совершенно иначе все обстоит

для Садомазохизма поля Эгосистемы, где одни люди намерено разрушают других людей, а их жертвы помогают им в этом. Здесь совершенно неминуем «циклический гомеостаз» в кругах неравновесия-равновесия вечного голода тщеславия, никогда ненасытимого в этих варварских вакханалиях. Отвращение которое внушают останки употребленной жертвы (или как говорит Рассел обескровленной жертвы) обязательно приведет к разрыву в поисках нового румяного и наивного, кого можно будет употребить. Это сатанинский порочный круг Садомазохизма материальной энергии, из которого нет и не может быть выхода, кроме полной нейтрализации поля Эгосистемы.

Вот небольшая выдержка из исследования самоактуалов Маслоу:

«Мотивация и личность»:

> «Исходное клиническое определение самоактуализирующейся личности, на базе которого мы отбирали испытуемых, состояло из позитивного и негативного критериев. В качестве негативного критерия мы избрали отсутствие неврозов, психозов, психопатических черт характера, а также выраженных невротических или психопатических тенденций. В качестве позитивного критерия мы приняли наличие признаков самоактуализации — этот набор симптомов до сих пор точно не определен. В самом общем виде мы определяли самоактуализирующегося человека как индивидуума, который в состоянии осуществлять свои таланты, способности, возможности. Эти люди развивают или развили потенции, заложенные в их природе, — как самобытные, никому более не присущие, так и общевидовые.
> Позитивный критерий предполагает не только удовлетворенность базовых потребностей (в безопасности, принадлежности, любви, уважении и самоуважении), но и удовлетворение потребностей когнитивного уровня — потребности в познании и понимании, а иногда и способность человека подчиниться им. Другими словами, все отобранные нами испытуемые не только были уверенными в себе, добрыми, благожелательными, уважаемыми людьми, они обладали глубоко личными философскими, религиозными и аксиологическими убеждениями.
> Два очевидных примера самоактуализации из живших в прошлом людей (Линкольн в последние годы его жизни и Томас Джефферсон); Семь очень условных примеров самоактуализации известных людей и исторических личностей (Эйнштейн, Элеонора Рузвельт, Джейн

Адамс, Уильям Джемс, Швейцер, Олдос Хаксли и Спиноза);
Потенциальные или предположительные примеры самоактуализа ции (примеры, использованные и исследованные другими учеными): Карвер, Юджин Дебс, Томас Эйкинс, Фриц Крейслер, Гёте, Пабло Ка сальс, Мартин Бубер, Данило Дольчи, Артур Морган, Джон Ките, Дэй вид Хилберт, Артур Уоли, Дайсэцу Судзуки, Эдлай Стивенсон, Шолом Алейхем, Роберт Браунинг, Ральф Уолд Эмерсон, Фредерик Дуглас, Иозеф Шумпетер, Боб Бенчли, Ида Тарбелл, Гарриет Табмен, Джордж Вашингтон, Карл Мюнзингер, Йозеф Гайдн, Камиль Писсарро, Эд вард Байбринг, Джордж Уильям Рассел, Пьер Ренуар, Генри Уодсуорт Лонфелло, Петр Кропоткин, Джон Альтгельд, Томас Мор, Эдуар Бел лами, Бенджамин Франклин, Джон Маир, Уолт Уитмен
Наше предварительное определение личностного синдрома уста навливает, что он представляет собой упорядоченную, структуриро ванную совокупность составляющих (типа поведения, мыслей, по буждений к действию, ощущений и т.д.) которые, однако, при более тщательном исследовании обнаруживают имеющееся у них един ство

ЭФФЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Первое, на что обращаешь внимание, общаясь с самоактуа лизирующимся человеком, так это на его поразительную способ ность распознавать малейшее проявление лжи, фальши или неискренности. Оценки этих людей удивительно точны. По ходу исследования я все больше убеждался в том, что такого рода эффективность восприятия, обнаруженная поначалу только в сфере взаимоотношений с людьми, нужно понимать гораздо шире. Она распространяется на очень многие аспекты реально сти — практически на все исследованные нами. Живопись, музы ка, интеллектуальные и научные проблемы, политические и об щественные события — в любой сфере жизни эти люди умели мгновенно разглядеть скрытую сущность явлений, обычно оста вавшуюся незамеченной другими людьми. Их прогнозы, ка ких бы сфер жизни они ни касались и на сколь бы скудные фак ты ни опирались, очень часто оказывались верными.
Ведь если нам удастся это доказать, то последствия, которые повлечет за собой признание этого факта, будут поистине рево люционными. Английский психоаналитик Мони-Кирл уже за явил, что невротик — это не просто малоэффективная личность, это личность абсолютно неэффективная. Мы можем сказать так хотя бы потому, что невротик не может воспринимать реаль ность настолько же ясно и эффективно, как воспринимает ее

здоровый человек. Невротик болен не только эмоционально — он болен когнитивно! Тогда мы определим здоровье и невроз соответственно как верное и неверное восприятие реальности. Воистину, этих людей можно назвать интеллектуалами, ис следователями, учеными; очень легко счесть, что все дело здесь и состоит именно в интеллектуальной мощи, однако нам извест но множество примеров высокоинтеллектуальных людей, кото рые несмотря на свой высокий IQ, то ли в силу слабости, то ли из-за боязни, то ли по причине конвенциональности или в силу каких-то иных личностных дефектов, всю свою жизнь занима лись мелкими проблемами, отшлифовывали до блеска давно из вестные факты, объединяя их в группы и разделяя на подкатего рии, — словом, занимались всякой чушью, вместо того чтобы свершать открытия, как подобает настоящему ученому.

СЛУЖЕНИЕ

Мы выявили еще одну особенность исследованных нами людей. Я говорю о присущей им сосредоточенности на пробле мах внешнего порядка. Если попытаться найти название этой особенности, то я бы предложил назвать ее служением в про тивоположность эгоцентрическим тенденциям. В отличие от неуверенных, тревожных людей с их склонностью к посто янному самоанализу и самокопанию, этих людей мало беспо коят личные проблемы, они не слишком склонны размышлять о себе. Почти у каждого из них есть призвание и дело, кото рым они служат, которым они посвящают себя без остатка, по чти каждый из них озабочен какой-то важной проблемой, ре шение которой требует от него всех сил и энергии.

Это не обязательно любимое занятие, не обязательно дело, которого человек желал, или занятия, к которым он стремился, это может быть дело, которым он чувствует себя обязанным за ниматься. Именно поэтому я говорю о служении, о жизненной миссии, а не просто о «любимом» деле. Эти люди, как правило, не озабочены проблемами личного, эгоистического характера, они в большинстве своем думают о благе других людей — всего человечества, своих сограждан или же о благе близких и доро гих им людей.

За небольшим исключением практически у всех наших ис пытуемых мы отметили одну характерную особенность. Эти лю ди склонны к размышлениям об основополагающих проблемах человеческого бытия, они задаются теми вечными, фундамен тальными вопросами, которые мы называем философскими или

нравственными. Можно сказать, что они живут в глобальной си стеме координат. В частном они умеют видеть общее, и никакие, даже самые яркие частные проявления не скроют от них общей картины. В основе их системы координат или системы ценно стей никогда не лежит местечковый патриотизм, как правило, в ней отражен опыт всей истории развития человечества, она от вечает не сиюминутным запросам, не социальному заказу, а требованиям эпохи. Одним словом, эти люди в каком-то смыс ле, несомненно, философы, хотя их философия не обязательно наукообразна, иногда это то, что можно назвать житейской фи лософией.

Разумеется, такая установка сказывается практически на всех аспектах их жизни. Так, например, один из главных симптомов, с которого мы начинали изучение целостного синдрома самоак туализации и который был обозначен нами как широта (или не мелочность), несомненно, есть проявлением этой более общей характеристики. Способность вознестись над обыденностью, умение отрешиться от частностей, расширить горизонты воспри ятия, посмотреть на вещи в перспективе, sub specie aetemitatis имеет огромное социальное значение. По-видимому, именно этой способностью объясняется умиротворенность, свойственная самоактуализирующимся людям, их умение сохранять спокой ствие, не тревожиться по пустякам, — свойства, которые облегча ют жизнь не только им самим, но и окружающим их людям.

Люди, не достигшие уровня самоактуализации, движимые потребностями дефициентных уровней, нуждаются в других лю дях, поскольку только от других людей они могут получить столь необходимые им любовь, безопасность и уважение. Совсем дру гое дело — самоактуализирующиеся индивидуумы. Для того, чтобы испытать истинное счастье, им не нужны другие люди; на против, другие могут даже мешать им, могут стать препятствием на пути развития. Источники удовлетворения самоактуализиру ющегося человека интраиндивидуальны и никак не опосредова ны социумом. Эти люди достаточно сильны, чтобы не зависеть от мнения других людей; они не ищут одобрения, похвалы, не ищут даже любви. Признание, популярность, слава, почести, любовь — несущественны для них; все эти вещи не идут ни в ка кое сравнение с гложущей их потребностью в саморазвитии, с неутолимым стремлением к внутреннему росту

ДРУЖБА

Если в самых общих чертах обрисовать отношения самоакту

ализирующегося человека с близкими ему людьми, то можно сказать, что они гораздо глубже, чем отношения обычного взрослого человека. Самоактуализирующийся человек склонен полностью забыть о себе, о своих нуждах, он сливается с близким ему человеком, растворяется в нем, становится его частью. Его интимные отношения служат примером абсолютного, предельного отождествления. Однако, одним из непременных условий таких отношений служит соответствие партнера. По моим наблюдениям, сблизиться с самоактуализирующимся человеком могут только здоровые люди, люди, приблизившиеся к самоактуализации. Если же мы вспомним, что таких людей относительно немного, то, пожалуй, стоит сделать вывод о разборчивости самоактуализирующегося человека в его взаимоотношениях с людьми. Одним из следствий этой его разборчивости или избирательности становится тот факт, что у самоактуализирующегося человека, как правило, немного друзей. Круг его общения достаточно узок — пожалуй, хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать тех людей, которых он действительно любит, с которыми поддерживает по-настоящему дружеские отношения. Отчасти это можно объяснить высокой его требовательностью к качеству этих отношений, любовь и дружбу самоактуализирующийся человек понимает как отношения, требующие от человека огромной самоотдачи и огромных затрат времени.

Во взаимоотношениях самоактуализирующегося человека с близкими ему людьми нет места слащавости, сюсюканью и «телячьим» нежностям. Он может быть жестким и даже резким по отношению к своим близким, если они заслуживают того; особенное неприятие вызывают у него напыщенность, самодовольство, претенциозность. Но в повседневном общении самоактуализирующиеся люди, даже имея дело с неприятными им людьми, не считают нужным демонстрировать свою неблагосклонность.

ДЕМОКРАТИЧНОСТЬ

Каждого из моих испытуемых можно охарактеризовать как демократичного человека, и это не внешняя, не показная демократичность, она заложена в его характере. Я делаю этот вывод на основании исследования авторитарной и демократичной структур характера, — это достаточно сложное исследование, и поэтому я не стану здесь подробно останавливаться на глубинной подоплеке демократичности, опишу лишь внешние ее проявления. Самоактуализирующийся человек демократичен в своем

поведении. Он готов общаться с любым человеком вне зависимо сти от его классовой принадлежности, уровня образования, по литических убеждений, цвета кожи. Порой может сложиться впе чатление, что он просто не замечает, искренне не осознает этих внешних различий, которые для среднестатистического человека столь принципиальны, столь существенны.

Пожалуй, можно предположить, что именно демократич ность лежит в основе такой особенности самоактуализирую щихся людей, как их готовность к обучению. Они не боятся по казаться несведущими, они готовы учиться у всякого, кто может открыть им что-то новое. Они не стремятся во что бы то ни ста ло доказать собеседнику свое превосходство, они не щеголяют эрудицией, не пытаются произвести впечатление своим высо ким статусом или жизненным опытом. Пожалуй, можно даже сказать, что они не прочь признать свою незначительность. Каждый из них отдает себе отчет в том, сколь малы его позна ния в сравнении с тем, что он мог бы знать, с тем, что известно другим людям. С искренним пиететом они относятся к людям, которые знают больше них или умеют делать что-то такое, чего не умеют они. Они готовы восхищаться мастерством столяра, сапожника, шофера, — любой мастер своего дела может рас считывать на их уважение и даже на восторг.

Эта демократичность не имеет ничего общего с неразбор чивостью, со слепой уравниловкой. Самоактуализирующийся человек прекрасно знает цену разным способностям и разным людям. В дружбе он очень даже разборчив, его друзья, как правило, — из числа элиты, но их элитарность определяется не породой, не происхождением, не цветом кожи, титулом или общественным положением, а исключительно характером, спо собностями и талантами.

Демократичность самоактуализирующихся людей проявля ется еще в одном присущем им качестве, и это качество, хотя и не столь очевидно, служит, на мой взгляд, абсолютной формой выражения рассматриваемой характеристики. Самоактуализиру ющиеся люди с уважением относятся ко всякому человеку. В лю бом человеке, будь это подзаборный пьянчуга, преступник, зако ренелый подлец, они видят человека. Это не значит, что им неведомы понятия «добро» и «зло», напротив, их представления о добре и зле совершенно четкие и однозначные, они твердо знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Оказавшись лицом к лицу со злом, они не прячутся за сомнениями, не демонстри руют ложное великодушие, но смело вступают в единоборство

с ним.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИХОТОМИЙ

Невротический антагонизм между Ид, Это и Супер-эго

у этих людей преодолен, он трансформирован в отношения

синергизма и сотрудничества. Психическая жизнь этих людей

целостна и едина, ее невозможно расчленить на отдельные

сферы, их когнитивные процессы существуют в неразрывном,

организмическом, анти-аристотелевском единстве с их влече

ниями и эмоциями. Их высокое начало пребывает в полном

согласии с низким, животным началом, в результате чего то,

что прежде было дилеммой, становится единством, новой сущ

ностью или, как это ни парадоксально, перестает быть дилем

мой. Если мы знаем, что противоборство между мужским

и женским началом — это не что иное, как признак незрело

сти, ущербности, отклонения от роста и развития, то надо ли

делать выбор между этими двумя крайностями?“ „Мотивация

и личность»

«ЛЮБОВЬ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ

Удивительно, но проблема любви до сих пор почти не иссле
довалась экспериментальными методами. Особенно странным
кажется мне молчание психологов, ибо кто, если не они, должны
говорить о любви?
Эти люди предельно спонтанны в любви, они не считают
нужным «таиться», «сдерживаться», соблюдать приличия или
играть в ролевые игры, они не стремятся утвердить свое пре
восходство над партнером. Другими словами, любовь для
них — не способ преодоления, а форма самовыражения. Лю
бовь этих людей по мере расцвета становится все более ис
кренней и интимной, взаимоотношения с партнером обретают
все более экспрессивный характер, что достаточно редко мож
но наблюдать в близких отношениях обычных людей. Самоак
туализирующийся человек, рассказывая о своих отношениях
с любимым человеком, как правило, говорит о том, что с ним
он может чувствовать себя совершенно естественно, непринуж

денно, что он может оставаться самим собой, может позволить себе расслабиться, может не думать о том, как скрыть свои недостатки, как физические, так и психологические.

В такой любви нет тайн и секретов, любящие не стремятся сохранить ореол таинственности, перестают быть загадкой друг для друга. В такой абсолютной открытости, в такой беззащит ности очень мало от общепринятого романтизированного по нимания любви, как и от психоанализа. Тот же Рейк, например, полагает, что нельзя в одно и то же время быть и другом, и лю бовником, что дружба и любовь — взаимоисключающие поня тия. Мои же данные, или вернее, мои впечатления подталкива ют меня к прямо противоположному заключению.

Эти же впечатления не позволяют мне согласиться с расхо жим представлением о противостоянии и даже о вражде муж ского и женского начал. Враждебность и подозрительность по отношению к представителям другого пола, склонность к пря молинейному отождествлению с представителями своего пола, сам термин «противоположный пол» — все это так привычно и в то же время так невротично! Со всей определенностью я мо гу заявить, что самоактуализирующимся людям не свойственна подобная невротичность, по крайней мере, тем из них, которых изучал я.

Хочется поделиться еще одним впечатлением от моих на блюдений. Оно идет вразрез с житейской мудростью, оно проти воречит также и разнообразным «эзотерическим» концепциям сексуальности и любви. Я говорю здесь о том, что самоактуали зирующийся человек по мере развития любовных отношений с партнером получает от них все большее и большее удовлетво рение. Самоактуализирующийся индивидуум умеет получать удовольствие от знакомого, привычного, фактор новизны для него не имеет решающего значения. Спору нет, известный эле мент новизны, элемент неожиданности может способствовать половому удовлетворению, но я бы не решился заявить, что это утверждение справедливо для всех представителей рода чело веческого и тем более для самых здоровых его представителей.

В каком-то смысле здоровую любовь, или любовь здорового, самоактуализирующегося человека можно определить как со стояние беззащитности или, иначе говоря, как состояние пре дельной спонтанности и абсолютной искренности. Здоровая лю бовь предполагает естественность партнеров, помогает им по стоянно открывать друг в друге все новые качества и черты и при этом любить друг друга. При этом очевидно, что взаимное

познание доставляет удовольствие партнерам, что им нравятся те черты, которые они обнаруживают друг в друге. Ведь если человек плох, то чем ближе его узнаешь, тем меньше радости будет приносить общение с ним, и в результате это приведет не к упрочению отношений, а, напротив, к разрыву всяких связей. Здесь прослеживаются те же самые тенденции, которые я обнаружил при исследовании фактора привыкания на восприятие произведений живописи. Я обнаружил, что хорошая картина никогда не надоедает, наоборот, чем дольше и чем чаще мы смотрим на нее, тем больше она нравится нам, тем большее наслаждение мы получаем от нее, тогда как плохая картина, наоборот, вызывает у нас все большее неприятие и даже отвращение. В то время я счел этот критерий необъективным, а других, более объективных критериев для оценки произведений живописи так и не нашел, и потому не решился обнародовать свои наблюдения. Но сейчас я уже не боюсь показаться субъективным и готов во всеуслышание заявить: хороший человек — это такой человек, которого чем лучше узнаешь, тем больше любишь, с плохим же лучше и вовсе не знаться, чтобы не испытать разочарования

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ, ЛЮБОВЬ И СЕКС

Исследование сексуальности самоактуализирующихся людей помогает нам понять очень важные вещи. У меня есть все основания предполагать, что любовь и сексуальность у здоровых людей во многом переплетены. Я понимаю, что для науки мало пользы от смешения двух самостоятельных понятий, но факт остается фактом — в жизни здорового человека «секс» и «любовь» нераздельны. Я остерегусь от излишней горячности, я не стану утверждать, что человек, способный получать сексуальное удовлетворение без любви, — больной человек, но мои наблюдения ведут меня именно в этом направлении. Я совершенно определенно могу заявить, что самоактуализирующиеся люди, как мужчины, так и женщины, не ищут секса ради секса, что в половом акте они получают не только сексуальное удовлетворение. Я не готов заявить, что эти люди полностью отвергают для себя возможность секса без любви, но мне известно множество случаев, когда они отказывались от половых отношений или откладывали их, не будучи уверенными в своих чувствах к партнеру.

В любви самоактуализирующихся людей проявляются многие аспекты их общего отношения к жизни, в частности их способность к приятию себя и других. Они терпимы по отношению

к таким вещам, которые, скорее всего, покажутся неприемлемы ми для обычных людей. Крайне редко они заводят интрижки на стороне, хотя способны испытать половое влечение не только в семейном кругу. По моим наблюдениям их отношения с пред ставителями противоположного пола складываются очень про сто и естественно; самоактуализирующиеся люди естественно принимают факт полового влечения, но не считают себя обязан ными идти у него на поводу, как это принято у обычных людей. На мой взгляд, они гораздо более свободны, раскованны в раз говорах на половые темы по сравнению все с тем же среднеста тистическим человеком, причем их рассуждения о сексе лишены обычного ханжества. Подводя черту под своими наблюдениями, хочу сказать, что общее приятие жизни в различных ее проявле ниях и то глубокое удовлетворение, которое получают эти люди в любви, освобождает их от необходимости поиска компенса торного секса на стороне. В данном случае мы имеем дело с крайне любопытным случаем несоответствия между отноше нием и поведением. Чем легче относится человек к сексуально сти, тем легче ему быть моногамным

ще одна особенность здоровой любви состоит в том, что ей чуждо традиционное противопоставление полов; здоровая лю бовь не заставляет партнеров играть так называемые половые роли, не вынуждает женщину к пассивности, а мужчину — к без удержной активности. Здоровые, самоактуализирующиеся люди настолько уверены в своей половой принадлежности, что не считают унизительным отступить от канонов, предписывае мых половой ролью. Из общения с этими людьми я вынес еще одно впечатление. Я говорю о свойственной им уверенности в своей мужественности или женственности. Ум, сила, уверен ность, решительность и прочие «мужские» черты в женщине не пугают здорового мужчину, он не воспринимает их как угрозу собственной маскулинности, напротив, обычно они привлекают его. И опять же, на примере любовных отношений самоактуали зирующихся людей мы можем еще раз увидеть, как самоактуа лизация способствует разрешению привычных дихотомий, свой ственных нездоровью.

Одной из важнейших характеристик здоровой любви высту пает отождествление потребностей любящих людей или объеди нение иерархий базовых потребностей партнеров в единую иерархию. В результате такого объединения у партнеров возни кают общие потребности, они не делят потребности на свои лич ные желания и желания партнера. Эго каждого из них расширя

ется, принимая в себя Эго другого до такой степени, что иногда можно сказать, что два любящих человека сливаются в единое целое, становятся одним человеком, одним Эго. Эту мысль впервые высказал Альфред Адлер. Несколько позже Эрих Фромм в своей книге «Man for himself» предложил такое определение любви: «Любовь — общее чувство двух любящих людей, по крайней мере, до тех пор, пока существует связь между объектом любви и собственным Я человека. Истинная любовь есть выражением продуктивности личности, она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание. Любовь — не эмоция и не аффект, это активное стремление к возвеличиванию любимого человека и к его счастью, берущее начало из способности любящего любить»

А. Адлер, Понять природу человека:

«Вымысел о неполноценности женщин поддерживается в наше время законом и традицией, хотя все, кто сколько-нибудь разбирается в психологии, его отрицают. Поэтому мы должны быть начеку всякий раз, когда этот вымысел появляется на свет, и исправлять ложные социальные установки, которые его порождают. Мы должны так поступать не из-за какого-то патологически преувеличенного почтения к женщинам, но из-за того, что нынешнее неправильное отношение к ним подрывает логику всей нашей общественной жизни.

Причиной всех этих малоприятных ситуаций являются заблуждения, присущие нашей цивилизации. Если для цивилизации характерны какие-либо предрассудки, эти предрассудки касаются всех сторон этой цивилизации, и их признаки можно обнаружить повсюду. Заблуждения относительно неполноценности женщин и, соответственно, превосходстве мужчин постоянно разрушают гармонию между полами. Из-за этого во все сексуальные отношения привносится в высшей степени нежелательный элемент конфликта, угрожающий любой возможности счастья между полами и даже подрывающий ее. Этот конфликт отравляет, искажает и разъедает всю нашу чувственную жизнь. Этим объясняется, почему гармоничные браки так редки; этим объясняется, почему столь многие дети вырастают, считая, что брак — нечто чрезвычайно трудное и опасное.

Предрассудки вроде описанных нами выше могут в значительной степени не позволить детям правильно понять жизнь. Вспомните, сколько молодых девушек считает брак лишь каким-то аварийным выходом в жизни, и подумайте о мужчинах и женщинах, видящих в браке лишь неизбежное зло! Трудности, возникшие первоначально из-за этого конфликта между полами, сегодня приняли поистине ги-

гантские масштабы. Чем меньше склонны женщины играть роль послушной самки и чем больше стремятся мужчины сохранить свое привилегированное положение, тем ожесточеннее становится этот конфликт.

Товарищество и дружба — признаки действительного примирения со своей половой ролью и реального равновесия между полами. Подчинение одного индивидуума другому так же невыносимо в сексуальных отношениях, как и в международной жизни. Каждому следует анализировать эту проблему с большой тщательностью, поскольку ошибочная социальная установка может привести к серьезным трудностям для обоих партнеров. Эта сторона человеческой жизни настолько важна, что в нее вовлечен каждый из нас. Еще большую сложность приобретает она в наше время, когда детей принуждают следовать поведенческим установкам, которые включают в себя пренебрежение к другим людям и их неприятие.

Спокойное воспитание могло бы, разумеется, преодолеть эти трудности, но мы живем в суетное время, когда ощущается недостаток действительно испытанных и апробированных воспитательных методов. Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей последующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе.

Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Донжуаны — это мужчины, не уверенные в собственной мужественности и нуждающиеся для ее подтверждения во все новых победах. Недоверие между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество. Преувеличенно мужественный идеал означает постоянный вызов, постоянное подстегивание самого себя, постоянную тревогу, которые приводят только к тщеславию, самовосхвалениям и сохранению установки на «привилегированность». Все это, разумеется, не способствует оздоровлению общественной жизни»

Вальтер Скотт, «Талисман или Ричард В палестине»:

«– Мне жаль тебя, рыцарь, — сказал эмир, — я мог бы разгневаться из-за твоих слов, если бы не сознавал, что это проистекает из твоего

невежества. Если следовать правилам твоей веры, то, пожалуй, придется выбирать себе в жены только одну женщину и быть ей верным всю жизнь — земную и загробную. Наш пророк позволил нам наслаждаться выбором всевозможных красавиц и обещал за пределами гроба дать нам на утеху чернооких гурий.

— Клянусь именем чтимого мною Создателя, что ты заблуждаешься, мусульманин. Скажи, тот бриллиант, который сверкает у тебя на пальце, ты считаешь очень драгоценным камнем?

— Да, ни в Бальсоре, ни в Багдаде я не находил ничего подобного. Но я не могу понять, что общего между этим вопросом и нашим разговором?

— Подожди немного, и тебе станет ясно, к чему я клоню. Возьми мою секиру и разбей ею на мельчайшие куски твой бриллиант: каждый обломок отдельно, а также сложенные вместе — они ведь потеряют всю свою ценность.

— Ну, хорошо, — нетерпеливо перебил его эмир, — это ясно и малому ребенку. Осколки этого драгоценного бриллианта по цене не составят и сотой доли целого камня.

— Вот видишь, сарацин, — продолжал, не смущаясь, рыцарь, — любовь к одной женщине есть целый бриллиант. Те же чувства, которые ты расточаешь в избытке твоим женам, невольницам и подругам, так же ничтожны и малоценны, как осколки твоего дорогого камня. ...Сарацин, тебе, верно, не приходилось встречать женщины, достойной любви воина. Если бы ты видел наших европейских женщин, то тебе стало бы понятно постоянство любви рыцарей. Мне кажется, одного взгляда на них достаточно, чтобы навсегда почувствовать отвращение к жалким невольницам, украшающим ваши гаремы»

5. ПУТИ К РЕАЛЬНОЙ СИЛЕ ОБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ

Когда наша псевдокультура хочет показать захватывающие дух вершины счастья, она обращается все к той же банальной до тошноты теме Ромео и Джульетты в самых разных ее вариантах. И как мир не смеялся над «Дульсинеей Табусской» после Сервантеса, а все же до сих пор нет реальной альтернативы в искусстве, кроме декадентского, как говорит Ницше в Казус Вагнер, Романтизма. А Романтизм не знает ничего лучше, как греческую трагедию несчастной любви героев-полубогов, всесильных идеалов красоты и мужественности.

«Сильные эмоции» — они все или в несчастьях Движения Романтизма, которые иногда заманчиво мигают счастливой развязкой свадьбой полубогов, или же их нет вообще. По крайней мере в том, что сегодня принято называть нашей культурой. Посмотрите Оперу и Балет — там до сих пор царят сюжеты глупых сказок, и классический романтизм «Кармен» и «Ромео и Джульетты». Посмотрите пьесы и живопись (за исключением истинного искусства христианской тематики).

Все же что настоящее и связано с жизнью нормальных здоровых людей, тех самых известных чеховских персонажей — оно все тихо, неслышно, словно их и нет вовсе.

На самом деле, по настоящему глубокие переживания дает чистота позитивных эмоций, знакомая только здоровой энергии духа, свободной от материальной энергии.

Как представляется исследователи скажут много о глубине эмоций средневековых святых и других людей энергии духа в их глубоком религиозном экстазе — ведь любовь к Господу, если не мешать ей возникнуть в здоровых сердцах есть одно из самых глубоких переживаний счастья доступных человечеству.

Я уже говорила о Наслаждении Работой у ученых — и множестве материала на эту тему в психологии, биографиях, автобиографиях великих мыслителей. Дело в том, что другой особенностью энергии духа является способность Продуцирования Энергии.

Способность к росту энергии у Энергии Духа имеет несколько источников:

— Сам процесс Научного контроля не только имеет результатом доступ к силе других материальных энергий. Он также продуцирует полотно эмоций энергии духа — это и ощущается как особая любовь к работе, которой невозможно даже вообразить на поле материальной энергии, где работают только из страха

— далее тот самый доступ к силе материальных энергий через посредство научного контроля. Опять таки Сатаны контроли-

руют технику сегодня только потому что они подчинили своим лицемерием и дурной «наукой» себе труд ученых. Однако, сами они со своей мертвой мыслью не способны быть инженерами такого уровня. Поэтому как только их разоблачат и лишат власти, они никогда больше не получат доступ к силе материальных энергий, к силе научного контроля

— Наконец, Церковь Дружбы — это Процесс Соединения Чистоты и Глубины Позитивных Эмоций энергии духа! Вот почему этот процесс опять таки переживается как Благодать абсолютной радости жизни. Ибо великий дар Господа — это единение людей Божьего Духа в одну ткань эмоций и мысли в доме Отца своего!

— Наконец, есть еще один источник продуцирования энергии духа — это процесс контроля собственной материальной энергии, процесс контроля поля Эгосистемы человечества, который дает громадную волну высвобождения здоровой энергии духа. Маслоу назвал этот процесс Философским Юмором, и другие ученые задались вопросом об этом феномене Чистоты и Глубины Эмоций Настоящего Юмора, Настоящего Смеха.

Опять таки это как раз та сфера, которая наряду с феноменом дружбы как редким на сегодня феноменом единения энергии духа людей, свободной от материальной энергии — это те сферы что будут очень детально и всесторонне изучаться.

Потому что именно здесь найдут самые глубокие проявления пиковых переживаний, глубины и чистоты эмоций здоровых людей — той великой радости жизни, которую мы, задыхающиеся под Ядерным Грибом материальной энергии Сатанов, даже не можем себе представить.

Потому Честертон прав, когда говорит, что в основе всего настоящего искусства ирония философского юмора — ирония смеха над полем Эгосистемы всего человечества. Ибо — смех есть радость человечества по поводу своего излечения, по поводу своего избавления из материальной тюрьмы, из пещеры душного мрака садомазохизма в высшие сферы Царствия Небесного Пространства-Времени Интеллекта, Совести и Дружбы человеческого гения!

Когда Эразм Роттердамский пишет в своей пошленькой и глупенькой «Хвале Глупости», что настоящее веселье достойно только Глупости, потому что богачи приглашают на свои пиры дурачков и шутов и забавляются с ними сальными шуточками на пахабные сюжеты — это конечно не то веселье, о котором мы говорим, как о философском юморе высвобождения гигантской энергии духа из тюрьмы поля Эгосистемы. Глупость не знает веселья именно потому что ее злорадство не есть процесс продуцирования или высвобождения громадного позитива энергии духа. Комедиантство, «валяние дурака», «злорадство» — это просто способ «снизить напряжение» Голода Тщеславия на поле Эгосистемы, уязвив Эго других людей. Этот процесс не имеет ничего общего с волной высвобождения чистого позитива энергии духа в процессе философского юмора высмеивания поля Эгосистемы как общей болезни всего человечества — ведь такой подход гарантирует освобождение от поля Эгосистемы.

A. Herzen, «The Letter to Michelet»:

> «Первым русским произведением, снискавшим огромную популярность, было не послание, обращенное к императрице, не ода, на которую вдохновили поэта бесчеловечные опустошения и кровопролитные победы Суворова, а комедия, едкая сатира на провинциальных дворянчиков. Тогда как Державин сквозь ореол славы, окружавшей трон, видел одну лишь императрицу, Фонвизин, ум сатирический, видел изнанку вещей; он горько смеялся над этим полуварварским обществом, над его потугами на цивилизованность. В произведениях этого писателя впервые выявилось демоническое начало сарказма и негодования, которому суждено было с тех пор пронизать всю русскую литературу, став в ней господствующей тенденцией. В этой иронии, в этом бичевании, не щадящих ничего, даже личность самого автора, мы находим какую-то радость мести, злорадное утешение; этим смехом мы порываем связь, существующую между нами и теми амфибиями, которые, не умея ни сохранить свое варварское состояние, ни усвоить цивилизацию, только одни и удерживаются на официальной поверхности русского общества. Неутомимый протест неотступно преследовал эту аномалию. Он был горячим, беспрестанным. Анализ общественной патологии определил преобладающий харак тер современной литературы. То было новое отрицание существу-

ющего порядка вещей, которое вырвалось, наперекор монаршей воле, из глубины пробудившегося сознания, — крик ужаса каждого молодого поколения, опасающегося, что его могут смешать с этими выродками. Под московским небом все в душе его становится мрачным, пасмур ным, враждебным. Он продолжает смеяться, даже больше, чем пре жде, но это другой смех: он может обмануть лишь людей с очень черствым сердцем или слишком уж простодушных. Перейдя от сво их малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне на род и принимается за двух его самых заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного курса патологической анатомии русского чиновника, Смеясь, он без жалостно проникает в самые сокровенные уголки этой нечистой, зловредной души. Комедия Гоголя „Ревизор“, его роман „Мертвые души“ — это страшная исповедь современной России, под стать раз облачениям Кошихина в XVII веке Присутствуя на представлениях „Ревизора“, император Николай умирал со смеху!!! Поэт, в отчаянии, что вызвал всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, кото рых он изобразил, но пользовавшихся большим покровительством цензуры, счел своим долгом разъяснить в предуведомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, — что „за его улыбкой кроются горячие слезы“. После „Ревизора“ Гоголь обратился к поместному дворянству и вы тащил на белый свет это неведомое племя, державшееся за кулиса ми, вдалеке от дорог и больших городов, схоронившееся в деревенской глуши, — эту Россию дворянчиков, которые втихомолку, уйдя с головой в свое хозяйство, таят развращенность более глубокую, чем западная. Благодаря Гоголю мы видим их, наконец, за порогом их барских палат, их господских домов; они проходят перед нами без масок, без прикрас, пьяницы и обжоры, угодливые невольники власти и безжалостные тираны своих рабов, пьющие жизнь и кровь народа с той же естественностью и простодушием, с каким ребенок сосет грудь своей матери. „Мертвые души“ потрясли всю Россию. Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо. Это история болезни, написанная рукою мастера. Поэзия Гого ля — это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтобы в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Тот, кто откровенно сознается в своих слабостях и недостатках, чувствует,

что они не являются сущностью его натуры, что он не поглощен ими целиком, что есть еще в нем нечто, не поддающееся, сопротивляющееся падению, что он может еще искупить прошлое и не только поднять голову, но, как в трагедии Байрона, стать из Сарданапала-неженки — Сарданапа лом-героем. Отчего не захотели вы прислушаться к потрясающим звукам нашей грустной поэзии, к нашим напевам, в которых слышатся рыдания? Что скрыло от вашего взора наш судорожный смех, эту беспрестан ную иронию, под которой скрывается глубоко измученное сердце, которая, в сущности, — лишь роковое признание нашего бессилия? Русский роман обращается исключительно в области патологиче ской анатомии; в нем постоянное указание на грызущее нас зло, по стоянное, безжалостное, самобытное. Здесь не услышите голоса с неба, возвещающего Фаусту прощение юной грешнице, — здесь возвышают голос только сомнение и проклятие. А между тем, если для России есть спасение, она будет спасена именно этим глубоким сознанием нашего положения, правдивостию, с которою она обнару живает это положение перед всеми. Тот, кто смело признается в своих недостатках, чувствует, что в нем есть нечто сохранившееся среди отступлений и падений; он знает, что может искупить свое прошлое и не только поднять голову, но сделаться из „Сарданапала-гуляки — Сарданапалом-героем“. Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, эта исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры. Каково же значение того, что написал Гоголь, которым славяне так неумеренно восхищаются? Кто другой поставил выше, чем он, по зорный столб, к которому он пригвоздил русскую жизнь?»

Chesterton, «Orthodoxy’:

«The mass of men have been forced to be gay about the little things, but sad about the big ones. Nevertheless (I offer my last dogma defiantly) it is not native to man to be so. Man is more himself, man is more manlike, when joy is the fundamental thing in him, and grief the superficial. Melancholy should be an innocent interlude, a tender and fugitive frame of mind; praise should be the permanent pulsation of the soul. Pessimism is at best an emotional half-holiday; joy is the uproarious labour by which all things live. Christianity satisfies suddenly and perfectly man’s ancestral instinct for being the right way

up; satisfies it supremely in this; that by its creed joy becomes something gigantic and sadness something special and small. The vault above us is not deaf because the universe is an idiot; the silence is not the heartless silence of an endless and aimless world. Rather the silence around us is a small and pitiful stillness like the prompt stillness in a sick room. We are perhaps permitted tragedy as a sort of merciful comedy: because the frantic energy of divine things would knock us down like a drunken farce. We can take our own tears more lightly than we could take the tremendous levities of the angels. So we sit perhaps in a starry chamber of silence, while the laughter of the heavens is too loud for us to hear. Joy, which was the small publicity of the pagan, is the gigantic secret of the Christian. And as I close this chaotic volume I open again the strange small book from which all Christianity came; and I am again haunted by a kind of confirmation. The tremendous figure which fills the Gospels towers in this respect, as in every other, above all the thinkers who ever thought themselves tall. His pathos was natural, almost casual. The Stoics, ancient and modern, were proud of concealing their tears. He never concealed His tears; He showed them plainly on His open face at any daily sight, such as the far sight of His native city. Yet He concealed something. Solemn super men and imperial diplomatists are proud of restraining their anger. He never restrained His anger. He flung furniture down the front steps of the Temple, and asked men how they expected to escape the damnation of Hell. Yet He restrained something, I say it with reverence; there was in that shattering personality a thread that must be called shyness. There was something that He hid from all men when He went up a mountain to pray. There was something that He covered constantly by abrupt silence or impetuous isolation. There was some one thing that was too great for God to show us when He walked upon our earth; and I have sometimes fancied that it was His mirth»

…In the old Christian pictures the sky over every figure is like a blue or gold parachute. Every figure seems ready to fly up and float about in the heavens. The tattered cloak of the beggar will bear him up like the rayed plumes of the angels. But the kings in their heavy gold and the proud in their robes of purple will all of their nature sink downwards, for pride cannot rise to levity or levitation. Pride is the downward drag of all things into an easy solemnity. One» settles down» into a sort of selfish seriousness; but one has to rise to a gay self-forgetfulness. A man «falls» into a brown study; he reaches up at a blue sky. It is really a natural trend or lapse into taking one's self gravely, because it is the easiest thing to do. It is much easier to write a good Times leading article than a good joke in Punch. For solemnity f

lows out of men naturally; but laughter is a leap. It is easy to be heavy: hard to be light. Satan fell by the force of gravity. Now, it is the peculiar honour of Europe since it has been Christian that while it has had aristocracy it has always at the back of its heart treated aristocracy as a weakness- generally as a weakness that must be allowed»

A. Maslow, «Motivation and personality»:

«PHILOSOPHICAL, UNHOSTILE SENSE OF HUMOR One very early finding that was quite easy to make, because it was common to all my subjects, was that their sense of humor is not of the ordinary type. They do not consider funny what the average man considers to be funny. Thus they do not laugh at hostile humor (making people laugh by hurting someone) or superiority humor (laughing at someone else's inferiority) or authority-rebellion humor (the unfunny, Oedipal, or smutty joke). Characteristically what they consider humor is more closely allied to philosophy than to anything else. It may also be called the humor of the real because it consists in large part in poking f lln at human beings in general when they are foolish, or forget their place in the universe, or try to be big when they are actually small. This can take the form of poking fun at themselves, but this is not done in any masochistic or downlike way. Lincoln's humor can serve as a suitable example. Probably Lincoln never made a joke that hurt anybody else; it is also likely that many or even most of his jokes had something to say, had a function beyond just producing a laugh. They often seemed to be education in a more palatable form, akin to parables or fables. On a simple quantitative basis, our subjects may be said to be humorous less often than the average of the population. Punning, joking, witty remarks, gay repartee, persiflage of the ordinary sort is much' less often seen than the rather thoughtful, philosophical humor that elicits a smile more usually than a laugh, that is intrinsic to the situation rather than added to it, that is spontaneous rather than planned, and that very often can never be repeated. It should not be surprising that the average man, accustomed as he is to joke books and belly laughs, considers our subjects to be rather on the sober and serious side. Such humor can be very pervasive; the human situation, human pride, seriousness, busyness, bustle, ambition, striving and planning can all be seen as amusing, humorous, even funny. I once understood this attitude, I thought, in a room full of „kinetic art," which seemed to me to be a humorous parody of human life, with the noise, movement, turmoil, hurry and bustle, all of it going no place. This attitude also rubs off on professional work itself, which in a certain sense is also play, and which, though taken seriously, is somehow also taken lightly»

G. Allport, «Pattern and Growth in Personality»:

> «Humor. Perhaps the most striking correlate of insight is the sense of humor. In one unpublished study where subjects rated one another on a large number of traits, the correlation between ratings on insight and humor turned out to be.88. Such a high coefficient means either that personalities with marked insight are also high in humor, or else that the raters were not able to distinguish between the two qualities. In either case the result is important. The personality of Socrates shows the close association of the two traits. Legend tells how at a performance of Aristophanes' Clouds he stood up in order that the amused audience might better compare his face with the mask that was intended to ridicule him. Possessed of good insight, he was able to view the caricature in a detached way, and to aid the jest by laughing at himself. What, then, is a sense of humor? The novelist Meredith says it is the ability to laugh at the things one loves (including, of course, oneself and all that pertains to oneself), and still to love them. The real humorist perceives behind some solemn event — himself, for instance — the contrast between pretension and performance. The sense of humor must be distinguished sharply from the cruder sense of the comic. The latter is a common possession of almost all people, children as well as adults. What is ordinarily considered funny — on the stage, in comic strips, on TV — consists usually o£ absurdities, horse play, or puns. For the most part it consists in the degredation of some imagined opponent. The aggressive impulse is only slightly disguised. Aristotle, Hobbes, and many others have seen in this „sudden glory" of one's own ego the secret of all laughter. Related to aggressive wit (which derides the other fellow) is laughter at the risque which seems due to the release of suppressions. Aggression and sex are at the basis of much that they call comic. A young child has a keen sense of the comic, but seldom d ever laughs at himself. Even during adolescence the youth is more likely to view his failings with acute suffering than with laughter. There is evidence that people who are less intelligent, who have low esthetic and theoretical values, prefer the comic and lack a sense of humor based on the real relationships in life. The reason why insight and humor march hand in hand is probably because at bottom they are a single phenomenon — the phenomenon of self-objectification. The man who has the most complete sense of proportion concerning his own qualities and cherished values is able to perceive their incongruities and absurdities in certain settings. It is only fair to state that up to now psychologists have had very little success in measuring either insight

or the sense of humor. We are dealing here with the subtler reaches of personality — a territory which we hope psychologists will explore with more success in the future than in the past»

Mark Twain:

«It is enough to provoke both laughter and tears when one sees then that all this knowing and understanding exercises no influence upon the lives of these men, that their lives do not in the remotest way express what they have understood, but rather the contrary. One involuntarily exclaims at the sight of a disproportion at once so sorrowful and so ludicrous. So then, such an ironic-ethical correction might very well be what our age needs, and perhaps the only thing it really needs; for it is evident that this is the thing it least thinks of. It is highly important that, instead of going further than Socrates, we simply return to the Socratic dictum that to understand /and to understand are two things — not returning to it as a result [once for all acquired], for in the end that only helps men into the deepest wretchedness».

S. Kierkegaard, «Sickness unto death»:

«Commonly such a despairer is infinitely comic. Think of a self (and next to God there is nothing so eternal as a self), and then that this self gets the notion of asking whether it might not let itself become or be made into another…than itself. And yet such a despairer, whose only wish is this most crazy of all transformations, loves to think that this change might be accomplished
as easily as changing a coat. For the immediate man does not recognize his self, he recognizes
himself only by his dress, he recognizes (and here again appears the infinitely comic trait) he recognizes that he has a self only by externals. There is no more ludicrous confusion, for a self is just infinitely different from externals. When then the whole of existence has been altered for the immediate man and he has fallen into despair, he goes a step further, he thinks thus, this has become his wish: «What if I were to become another, were to get myself a new self?»
Yes, but if he did become another, I wonder if he would recognize himself again! It is related of a peasant who came cleanly shaven to the Capital, and had made so much money that he could buy himself a pair of shoes and stockings and still had enough left over to get drunk on — it is related that as he was trying in his drunken state to find his way home he lay down in the middle of the highway and fell

> asleep. Then along came a wagon, and the driver shouted to him to move or he would run over his legs. Then the drunken peasant awoke, looked at his legs, and since by reason of the shoes and stockings he didn't recognize them, he said to the driver, «Drive on, they are not my legs.» So in the case of the immediate man when he is in despair it is impossible to represent him truly without a touch of the comic; it is, if I may say so, a clever trick to talk in this jargon about a self and about despair.
> ...It is impossible to represent truly this sort of despair without a certain admixture of satire. The comical thing is that he will talk about having been in despair; the dreadful thing is that after having, as he thinks, overcome despair, he is then precisely in despair. It is infinitely comic that at the bottom of the practical wisdom which is so much extolled in the world, at the bottom of all the devilish lot of good counsel and wise saws and «wait and see and «put up with one's fate» and «write in the book of forgetfulness» — that at the bottom of all this, ideally understood, lies complete stupidity as to where the danger really is and what the danger really is. But again this ethical stupidity is the dreadful thing.

Spinoza, «Ethics»:

> Between derision (which I have in Coroll. I. stated to be bad) and laughter I recognize a great difference. For laughter, as also jocularity, is merely pleasure; therefore, so long as it be not excessive, it is in itself good (IV. xli.). Assuredly nothing forbids man to enjoy himself, save grim and gloomy superstition. For why is it more lawful to satiate one's hunger and thirst than to drive away one's melancholy? I reason, and have convinced myself as follows: No deity, nor anyone else, save theenvious, takes pleasure in my infirmity and discomfort, nor sets downtomyvirtuethetears, sobs, fear, and the like, which axe signs ofinfirmity of spirit; on the contrary, the greater the pleasure wherewith we are affected, the greater the perfection whereto we pass; inother words, the more must we necessarily partake of the divine
> nature
> Corollary I. — Envy, derision, contempt, anger, revenge, and other emotions attributable to hatred, or arising therefrom, are bad.
> It is indispensible condition of philosophical humor — capacity to discern the Field of magic mentality as disease of humankind. Nietzsche in his attempts to find Spirit on the Field of magic mentality could not escape the complete failure.

Nietzsche, «Thus spoke Zarathustra»:

> «This crown of the laughter, this rose-garland crown: I my self have put on this crown, I myself have consecrated my laughter. No one else have I found to-day potent enough for this. Zarathustra the dancer, Zarathustra the soothsayer, Zarathustra the sooth-laugher, I myself have put on this crown!

Mark Twain

> What is it that strikes a spark of humor from a man? It is the effort to throw off, to fight back the burden of grief that is laid on each one of us. In youth we don't feel it, but as we grow to manhood we find the burden on our shoulders.
> — Interview in New York World Sunday Magazine, November 26, 1905
> Mark Twain
> «Will a day come when the race will detect the funniness of these juvenilities and laugh at them — and by laughing at them destroy them? For your race, in its poverty, has unquestionably one really effective weapon — laughter. Power, Money, Persuasion, Supplication, Persecution — these can lift at a colossal humbug, — push it a little — crowd it a little — weaken it a little, century by century: but only Laughter can blow it to rags and atoms at a blast. Against the assault of Laughter nothing can stand»
> «The Chronicle of Young Satan,»
> Mysterious Stranger Manuscripts
> Mark Twain
> Humor is the great thing, the saving thing after all. The minute it crops up, all our hardnesses yield, all our irritations, and resentments flit away, and a sunny spirit takes their place. —
> «What Paul Bourget Thinks of Us»
> Mark Twain
> Humoris mankind's greatest blessing. —
> Mark Twain, a Biography
> Mark Twain
> Humoris the good natured side of a truth. —
> quoted in Mark Twain and I, Opie Read
> Mark Twain
> Humor must be one of the chief attributes of God. Plants and animals that are distinctly humorous in form and characteristics are God's jokes. —
> Mark Twain, a Biography
> Mark Twain

> Against the assault of laughter, nothing can stand. —
> «The Chronicle of Young
> Satan,» Mysterious Stranger Manuscripts
> Mark Twain
> Humor must not professedly teach, and it must not professedly preach,
> but it must do both if it would live forever. —
> Mark Twain in Eruption

Поскольку Слабость для здоровых людей — это все поле Эгосистемы, и Верхнее Притяжение Самолюбия Расы Господ еще больше чем нижнее Притяжение Влюбленности, а сила — это здоровье энергии духа, то понятно, что Образ Сатаны на Полотне истории останется наряду со Змеем Бесхребетным также и одалиской с танцем живота. Ведь это сатаны придумали, что Слабость -это женщина, а Женщина — это Слабость, и таким образом установили прочную ассоциативную связь между этими понятиями.

Потому что Сатанам необходима Слабость для их Садомазохизма — необходимы рабы для подчинения их Господству. И наоборот, энергии духа нужны только такие же здоровые и мощные личности как они сами для церкви дружбы, и для последующей любви между полами. Для церкви Дружбы Дух женщины так же силен как Дух мужчины, а поле Эгосистемы мужчин также слабо и отвратительно, как поле Эгосистемы у женщины.

Но если Сатана обзывает Слабостью женщин только потому, что они исторически не могли быть такими же циничными и жестокими мертвыми машинами как они сами, то необходимо образ Сатаны останется также и образом порабощённых и развращённых ими женщин. Ведь гибкость лжи этих Змеев Бесхребетных в их материализме, в приспособлении материальной энергии к давлению окружающей среды. Энергия Духа, в мужчинах и женщинах, никогда не приспосабливается ко злу. Мученичество христиан, мученичество революционеров, мученичество всех великих героев в противостоянии большей силе — это добровольная гибель Божьей энергии духа, неспособного к превращению в материальную энергию даже под угрозой смерти.

И это доказательство бессмертия Божьего духа в людях. Так, я писала об этом феномене мученичества энергии духа, не прогибающегося под силовое давление материальной энергии, как доказательстве бессмертия души в Пространстве — Времени Метафизики Интеллекта в книге о творчестве Газданова:

Однако, главное — это философское единство авторов, кото

рые оба озабочены тем, чтобы выразить старые христианские

трансцендентные истины Царства Небесного и Церкви Дружбы

праведников на новом рациональном, научном языке современ

ного знания.

Так оба подчеркивают, что бесстрашие Духовной энергии

перед лицом смерти само по себе свидетельствует о метафизи

ке, поскольку человек не мог бы полагать целей дальше своего

существования: но если он согласен умереть за истину и мораль

духовной энергии — это значит, что его существование не огра

ничено пребыванием в материальном мире.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Если индивид готов умереть и в определенных обстоятельствах принимает смерть в свое бунтарском порыве, он тем самым показывает, что жертвует собой во имя блага, которое, по его мнению, значит больше его собственной судьбы. Если бунтовщик готов погибнуть, только бы не лишиться защищаемого им права, то это означает, что он ценит это право выше, чем самого себя. Следовательно, он действует во имя пусть еще неясной ценности, которая, он чувствует, объединяет его со всеми остальными людьми».

Г. Газданов, «Пилигримы»:

> «-Потом, когда все было кончено, я опять начал думать об этом. Я думал — вот, я хотел бы умереть вместо нее. Значит, существуют ка

кие-то вещи, за которые ты готов отдать свою жизнь, то есть един ственное, что у тебя есть. Что это такое? Ты бы не мог об этом поду мать, если бы твоя мысль останавливалась там, где останавливается твоя жизнь. Ты понимаешь? Потому что когда ты готов отдать свою жизнь, то это решаешь ты, а не кто-то другой. Значит, ты продолжа ешь существовать после того, как ты дошел до конца своей жизни.
И яподумал тогда, что, вероятно, смерти нет. Есть страшный переход из одного состояния в другое. Я думаю, что почти для всякого чело века это самое ужасное, что он может себе представить. Но это толь ко переход»

ГЛАВА 12. Я ОБВИНЯЮ!

Я завершаю рассказ о Сатанах Расы Господ современного мира, которые загнали меня в такой страшный угол, о существовании которого я никогда не подозревала.

Сломать человеку позвоночник! Оставить его без сиделок! Запугать всех его родных! Угрожать постоянно дурдомом, где мне дали провести пробных три ночи и три дня! Обзывать седую голову Ангела — проституткой! Засылать мне регулярно в дом отравленные мази! Заселить мне проплаченных соседей, чтобы с их помощью вывезти меня в дурдом! Заставить просить об Официальном Аресте как о великой милости! оставить меня без помощи кого бы то ни было! Это совершенно неслыханная ситуация и я не знаю кары достаточно тяжелой для людей, которые настолько перешли все границы божеского и человеческого!

И все это когда все последние четыре года, после второго нападения регулярно выходят все новые тома Открытия ПЭ на двух языках! Что ВЕСЬ МИР уже в курсе и основных положений Открытия и того невиданного позора, которое Правительство Путина учинила в преследовании Автора ВЕликого Открытия!

Я обвиняю Режим Путина в Надругательстве над Автором Открытия, над Ученым, который принес миру свет Научной Революции Энергетика! Я обвиняю Режим Путина в Хуле на ДУха Святого! Ибо нет преступлений против человечества, если человечество это животные дарвиновской парадигмы! Если Бога нет, то все позволено, как известно!

Есть преступления против Духа Святого!

Что же так никто и не услышит голоса Ангела, пожираемого на глазах у всего мира Чудовищами Сатанами?

Тесла Л. Хугаева, «Романтизм и Реализм», 2020

«Реанимация

Если меня не смогли сломать морально, они все же закончили дело сломав меня физически. Конечно, публикация такой книги не могла пройти без внимания КГБ, хотя на тот момент я ровным счетом ничего кроме аббревиатуры не знала об этой организации, как будто не в совке выросла. Мне было лет 12 когда пришел Горбачев и моя сознательная жизнь прошла уже в ельцинской России, как раз тогда когда про КГБ уже мало кто вспоминал. И некому было мне рассказать. Но зато теперь я все знаю об этой организации. Они попытались помешать публикации книги, но не смогли. За мной повсюду или ходили или ездили эти товарищи, и я реально опасалась за свою жизнь. Я нашла все доступные адреса СМИ и разослала через них свою книгу и сведения о слежке. Я написала на сайт прези дента. Потом на какое-то время все успокоилось. С тех пор я непрестанно работала над своей теорией психической энергии, выпуская одну монографию за другой. Я писала на сайт прези денту, просила обратить внимание на научное открытие. Мне порекомендовали обратиться в РГНФ, я зарегистрировала там заявку, но ответ был отрицательным. Второй раз ко мне в квартиру ворвалась полиция с автома тами и насильно увезла в психиатрическую лечебницу. Это было в пятницу вечером, 7 марта 2015 года, мне пришлось ждать 176 до понедельника выхода врача. И я сумела обмануть санитарку и сделать публикацию на ФБ. Меня отпустили. Поскольку к тому моменту у меня уже был на руках билет, я улетела в Москву до говариваться на факультете психологии МГУ о защите своей диссертации. Уже 22 марта 2015 года я находилась в реанима ции Склифа с четырьмя переломами в позвоночнике и множе ственными переломами ребер. У меня остановилось сердце. На кануне вечером я заснула в хостеле «APPLE» на Маросейке, а очнулась уже в реанимации. Я не знаю, что со мной делали и как сломали спину. Когда я очнулась, мне все время говорили что в области таза все в крови: «У вас геморойчик? У вас мен струация?» Я попросила позвать гинеколога, чтобы она провела профессиональный осмотр и составила заключение. Их ответ меня поразил: «А у нас нет гинеколога! Что, во всем Склифе нет гинеколога? Да, во всем Склифе нет гинеколога!» Вместо этого меня стали уверять, что я прыгала сама, что я чокнутая, и не помню, чего я делала, а чего нет. Уголовное дело закрыли, ни разу меня не допросив, на основании показаний менеджера хостела. Эта женщина сообщила, что видела, как я прыгала из окна, и даже, рискуя своим беременным животом, постаралась меня остановить. Но я коварно ударила ее ногой в беременный живот, и все таки спрыгнула вниз. Все время пока я лежала в Склифе писали, что падение было

с шестого этажа, и только когда я стала возмущаться, что находилась на четвер том, они написали на четвертом. На голове не было ни единой царапины, мне каким-то чудом удалось приземлиться на ас фальт, не повредив ни черепа, ни уха, ни челюсти. О том, что происходило в реанимации, лаконично расскажет вот это письмо директору Склифа, которое я опубликовала в ФБ.

44 дня в реанимации Склифа

Я решила написать эту заметку, сидя уже пятый год в моче и пролежнях, не видя солнца и неба, чтобы и вам жизнь раем не казалась, потому что велика доля и вашего участия в моем сегодняшнем состоянии. Нет, позвоночник мой ломали не вы, 177 разумеется, но вы твердили, словно попугай, что это суицид, несмотря на все мои протесты. В ваше отделение общей реани мации меня перевели, когда отказались делать срочную опера цию. В этом вашем отделении я поседела в свои 38 лет. Три недели продержали меня с многоуровневой травмой по звоночника (4 перелома) и множественными переломами ребер. А накануне операции все еще существовала сильная оппозиция врачей, которые были против операции, и вы всегда возглавля ли эту оппозицию. И тогда, и позже, когда вопрос встал о второй операции. А если бы тогда в отделении экстренной реанимации, куда меня доставили сначала, такие как вы не помешали сде лать мне срочную операцию, я бы сейчас стояла на ногах. В лю бом случае, когда взвешивали за и против, обязаны были счи таться с моим мнением. Я помню, как ко мне подошел молодой человек и представился анестезиологом: сейчас мы повезем вас на операцию, подпишите документы. Я подписала, а он чуть поз же извинился: собирается консилиум врачей, где будут обсуж дать вашу операцию. И после этого консилиума меня на целый месяц поместили в ваше отделение общей реанимации. Тогда вы руководили им, и я почему то не удивлена, что теперь всей больницей. Я помню как на потянувшихся бесконечной чередой обхо дах врачей Картавенко Валентина Ивановна, главный научный сотрудник Склифа, часто махала рукой в мою сторону: «Когда можно было делать операцию — не делали, а теперь пошли инфекции, и все». И я уже лежала не только каменная, но и се дая. Я помню, как открыла глаза в реанимации и подобно Грего ру Замзе из «Превращения» Кафки нашла себя превратившейся в страшное насекомое, и как вы торжественно объявили докто рам причину травмы: попытка суицида. — Она пришла в себе. Пусть сама скажет. Это суицид? Види те, говорит, что нет! Но вы не стали меня слушать: — Так что ж ей теперь говорить! 178 А потом началась эта подлая интрига с психиатром и попыт ками списать все на мою невменяемость. Вы приказали вызвать психиатра и назначить мне нейролептики. Это второй прямой удар по распадавшемуся орга-

низму. Не мне вас учить о колос сальном вреде, который несут нейролептики («большие тран квилизаторы») даже организму здорового человека, а уж поды хающему в реанимации… Да, я помню, как потом уже, спустя месяц, когда меня перевели в палату, Е. Павлова, оправдывала нейролептики, которые она также категорично навязывала как и вы, тем, что «они увеличивают проводимость». Как препараты, которые «насильно тормозят нервную систему», могут увеличи вать проводимость? Как можно вообще предполагать какое то позитивное действие на организм подобного яда? Если кто и осмеливается на это, а негодяев и чудаков везде хватает, так против его мнения подавляющее большинство здравых людей и профессионалов. И как же можно было не посчитаться с моим мнением в таком случае? Неужели мое мнение о том, принимать или не принимать препарат со столь очевидными ядовитыми свойствами, чья «польза» определяется лишь субъективным взвешиванием баланса «вреда и пользы» — мое мнение, повто ряю, в такой ситуации ничего не значит? Но вы не только не слу шали мои протесты, но давали указание вводить мне «Серви тель» через зонд, без моего ведома. Фельдшеры, возмущенные тем, что я смею спорить с докторами, сами мне рассказывали: «Мы тебе и так постоянно его вводим через зонд, без твоего ве дома». Алексей Сытник, который делал мне операцию, и которо го тоже попросили вставить словечко за нейролептики, убеждал меня другими мотивами: «Это для вашего комфорта. Чтобы вам было спокойно». А. К. Шабанов считал вредной даже простую седацию, неужели он не знал, что она «комфортна»? На что вы надеялись? Что нейролептик разрушит мой мозг настолько, что я соглашусь повторить вашу версию произошед шего? Я слышала, как вы сказали, когда меня только привезли в ваше отделение: «ну с головой у нее точно все в порядке». 179 И слышала, как вы распорядились позвать психиатра. Противо речие получается. Я помню как Аслан Шабанов, Рюрик Какуба ва, Валентина Картавенко и др говорили, что мои шансы воз растают параллельно моей активности, а Шабанов отказывал даже в легкой «седации», когда я просила снотворного на ночь. Потому что вредно. Но вы и ваш психиатр, насильственно вво дили мне через зонд нейролептики. Повторяю, несмотря на очевидный вред здоровью, риск жизни и мои многочислен ные протесты. И этого бы вполне хватило, чтобы поседеть. Но это еще не все. Как то к нам в палату заехал робот и направился прямо к моей кровати: я была в ужасе, что бы это могло значить. И тут на мониторе появилось ваше напряженное лицо. Почему вы хо тя бы не улыбнулись, умирающему в реанимации пациенту? Предполагается, что вы отправили свою игрушку-машинку чтобы удостоверится о моем здоровье и здоровье других пациентов? Нет, вы явно ставили себе другую

цель. Какую? Напугать? За чем? И ведь не раз заезжала машинка. Потом мне фельдшеры все более менее объяснили: «Это Петриков громадные деньги тратит на игрушки, сотни тысяч евро, когда необходимого обо рудования не хватает. Трудно пятую точку оторвать и прийти са мому». Мне показалась здравой такая точка зрения, вам нет? А в другой раз зашел какой-то очень толстый человек с тремя подбородками в яркой спецодежде, и стал делать мне какие-то уколы. Он представился реаниматологом из четвертого зала, и заходил еще пару раз. Однажды его встретил А. Шабанов и сделал ему строгий выговор: «Что вы здесь делаете? Это мой больной! Я сам ей занимаюсь» И тот ретировался. И с тех пор меня опять стали мучить смутные сомнения. Три недели длились словно вечность, я слышала разговоры о том, что оперировать уже нельзя: «пошли инфекции». Я седе ла. Не столько из страха не выздороветь, сколько из страха остаться в этой тюрьме, без телефона и связи с внешним миром на неопределенное количество времени. Я помню, как жалобно я спрашивала каждую группу врачей на обходах когда опера 180 ция, и как они в конечном итоге стали мне грубить: «Женщина! Вы здесь уже давно! Пора запомнить, что мы из травмотоло гии!» Как бесконечно долго тянулись выходные, и как я опять спрашивала всех врачей на обходе в понедельник: «когда опе рация?» И уже почти оставила надежду… И вдруг А. К. Шабанов торжественно объявил: во вторник, 14 апреля. Неужели я выберусь из этой гробницы? Неужели мне позволят уехать умирать домой? Я не могла заснуть ночью, мне стало плохо, я боялась, что операцию опять отложат. Не смея жаловаться на состояние здоровья, я попросила фельдшера: принесите мне холодного сока из холодильника. «Сейчас брошу все дела и пойду за соком для тебя». Но я справилась, и как ни старались операцию больше не отложили. Мне стало немного лучше после операции. Прооперировали только половину спи ны, два перелома, еще два предстояло делать после того как срастется первая. Все подходили, спрашивали: ноги не чувству ешь? Ногами шевелишь? Но ноги не заработали. Как же я могла шевелить, когда три недели отмирали клетки в позвоночнике? Такие вопросы были бы уместны, если бы операцию сделали сразу, или если бы мне не вводили против моей воли нейролеп тиков. Сытник говорил: сейчас самое трудное время, надо лежать на боках, чтобы зажил шов. А фельдшер, несмотря на мои мно гочисленные просьбы положить полотенце между моей головой и тазиком, над которым она ее мыла, только накричала на меня, и сделала по своему. В результате замочила шов. Я пожалова лась Сытнику, он пришел, расстроился, просил больше вообще не мыть голову, пока не заживет и махнул рукой: «такую опера цию испортили!» Пошел запах, и он уже думал, что все загнои лось. Но операция сро-

слась, а спинной менингит раз и навсегда положил конец всем разговорам о второй операции. Эта исто рия с замоченным швом не была случайностью, эта фельдшер регулярно мне грубила. Помню, как она криком объяснила мне, что хочу я или нет, а налысо бриться придется. И только заступ ничество врачей спасло меня от плеши, которая в целом бы 181 ла бы очень уместна к образу узника. И конечно никто ее не на казал за этот замоченный шов, который она сама меняла, хотя на первых порах этим строго хирург занимается. Я помню, как вы торжественно объявили мне о спинальном менингите и об отложенной второй операции. Когда воспаление прошло, и ожила надежда на вторую операцию, вы вновь посто янно ее оттягивали. Я помню, как на потянувшихся вновь каждо дневных обходах я спрашивала о дне операции, а вы говорили упертое «нет». Помню, как Валентина Картавенко робко вступа лась за меня и напоминала, что чем скорее, тем лучше, и как она шикала на меня, когда я начинала горячо ее поддерживать. Потом А. Шабанов помог мне отвыкнуть от искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и меня перевели в палату, где лечащим врачом была Е. Павлова. Она вновь вызвала психиатра и поста вила вопрос ребром о нейролептиках. Получив жесткий отрица тельный ответ, она заявила, что вторая операция откладывается на неопределенное время. И вскоре меня выписали. Что было настоящим, большим успехом. До последнего охранника Скли фа, до последнего мента на вокзале, я боялась, что мою тележку остановят. Но она выписала меня с вот этой вот выпиской, с «острым психотическим расстройстом» и «сервителем» в числе рекомендаций. Вы начали эту политику, она ее закончила. Я не виню весь Склиф в целом, но хочу сказать, что даже посоль ство царства небесного на земле может превратиться в посоль ство демона, если руководители лишены совести. И здесь тоже, хотя я была избавлена от грубости и издевательств, в документы постоянно пытались вписать какую-либо умственную дефектив ность: от «черепномозговой травмы» до «снижения когнитивно мнестических функций», например. Хорошо хоть до «психотиче ских расстройств» на этот раз дело не дошло. Что характерно, как только я попросила объяснить мне источник этих выводов о моем ментальном здоровье, оказалось это ошибка. И это задо кументировано: я делала здесь посты, где приводила переписку с врачом, который извинялся за подобные ошибки и вновь со вершал их. 182 Что я хочу вам сказать напоследок. Пусть вам будет стыд но. За столь непрофессионально измеренный баланс «выгоды и вреда» от срочной операции, за психиатра и нейролептики, за спинальный менингит, за отложенную на месяцы вторую операцию. За спастику и пролежни, за то, что я, привыкшая ча сами принимать ванну, не вижу ванну годами, не вижу солнца и неба, за то, что часто

сижу в своих экскрементах. За то что не могу полноценно работать. Не вы сломали мой позвоноч ник, но вы стали соучастником, стараясь прикрыть бандитов. У меня нет никаких сомнений, что это были силовики. Я не удивилась, когда Игорь Яковенко опубликовал статью о ва шем участии в судьбе другого оппозиционного активиста, кото рому силовики действительно причинили мозговую травму, Александра Туровского, если мне не изменяет память. И все таки я счастлива такой развязкой событий, потому что можно жить в своих экскрементах и пролежнях, без солнца, неба и ванны, но невозможно жить в окружении негодяев, тем более в их власти. Самой моей большой удачей в Склифе было то, что я в конечном итоге из него выбралась. А главное им не удался их план, и ваши усилия были напрас ны. Да, я не встала на ноги, тут вы достигли цели. Но я написала еще две очень важные книги. А ведь террор был направлен про тив меня как ученого. И вас и меня и этих негодяев не будет уже тысячи лет, а эти книги будут жить. А значит, их планам не суж дено было сбыться.

1. Это первая книга: Рационализм против эмпиризма. Дарви новская парадигма как угроза западной цивилизации.

2. Это вторая книга: Теория психической энергии вместо Со циологии и психологии. Тождество народного и научного суве ренитета. Без уважения, Лейла Хугаева»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВАЛЬТЕР СКОТТ И КОНЕЦ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА

ГЛАВА 13. ВАЛЬТЕР СКОТТ — ЧЕЛОВЕК ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ ИНТЕЛЛЕКТА

1. РЕАЛИЗМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ ХАРАКТЕРОВ В РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Научная Революция Энергетика настаивает на том факте, что книги великого писателя Вальтера Скотта — это Истина Психологии человека в ее борьбе Добра и Зла, то есть борьбе Энергии Духа и материальной энергии психики. Мы ни в коем случае не склонны рассматривать книги Вальтера Скотта как порождение Фантазии Романтизма вместе с другими поверхностными критиками, которые сами как правило судят с позиций псевдонауки Дарвинизма. Для дарвинистов вся истина об Пространстве-Времени Интеллекта и Энергии Духа человечества оказывается плодом фантазии.

Нам же предстоит провести четкую разграничительную черту между Фантазией Романтизма незрелого шизоидного интеллекта, как мы его знаем в греческой трагедии с одной стороны, и с другой стороны Истиной Энергии Духа человечества.

Мы уже отметили выше, что Истина Энергии Духа никогда не приходит одна: это всегда Истина Борьбы Энергии Духа с материальной энергией психики. Первый признак того, что Автор говорит об истинных законах человеческой психики — это отражение этой борьбы как в истории человечества, так и в психике отдельных индивидов. И как раз у Вальтера Скотта мы находим не только красоту, мощь и здоровье Энергии Духа, но и постоянную напряженную борьбу между этой духовной энергии со злом материальной энергии. Причем, Скотт достаточно проницателен, чтобы понимать, что борьба эта начинается в недрах психики

отдельного индивида: что один человек совмещает в себе и добро духовной энергии и зло материальной энергии. Такой характер Раздвоенности сознания он очень психологически правдиво рисует в образе рыцаря тамплиеров Буагильбера в романе «Айвенго».

Более того, Вальтер Скотт сумел своим внутренним взором увидеть и описать все четыре основных характера, как их открыла теория Психической энергии. У него разработаны и характеры в общем здоровых простых людей, страдающих Нижней Эгозащитой Милграм-Эго. И характеры Сатанов, в ком Верхняя Эгозащита убила мысль и совесть. И характеры раздвоенных шизоидов, в ком борется Верхняя Эгозащита материальной энергии с живыми еще мыслью и совестью энергии духа. И наконец, Здоровые люди Энергии Духа Пространства-Времени Интеллекта, подобно его знаменитым «скоттовским» характерам, его отважным рыцарям — женщинам и мужчинам.

Фантазия Романтизма не имеет ничего общего с этой правдой психологических характерови главное с пониманием сути войны между энергией духа поля Интеллекта и материальной энергией поля Эгосистемы. Романтизм, будучи порождением Кривого зеркала Поля Эгосистемы, имеет дело с «масками» Силовых Абстракций, как известно. То есть иными словами, это обычная маска количественной абстракции силы, которую поле Эгосистемы одевает на людей вместо понимания их истинного характера как противоборства двух энергий в человеке.

Другое дело Вальтер Скотт, который четко разделяет этическое (моральное, нравственное) поле мысли и Совести Энергии духа от Тщеславия порочного поля Эгосистемы материальной энергии. Его характеры смешивают с масками всесилия романтизма только потому, что Скотт возможно первый писатель-реалист, который сумел предвидеть, что истинная энергия духа человечества есть настолько мощная энергия красоты, совести, разума, юмора, отваги, что никакой Глупый Романтизм с его выдумками о всесилии индивида, покоряющего мир, не сравнится с истинной реальной красотой здоро-

вой человеческой энергии. Ведь реалисты считают своим долгом показывать психику человека во всем ее несовершенстве в современном мире, где люди остаются тяжелы больны активным полем Эгосистемы. У Скотта его главные герои, его «скоттовские характеры» — здоровы, как он сам, и пребывают в Пространстве-Времени Интеллекта, как и положено здоровой энергии духа. Более того, его здоровые характеры, которыми он покорил свою публику и побил все рекорды популярности в своей время, к тому образуют Церковь Дружбы, как и полагается здоровой энергии духа. Они побеждают не Всесилием Индивида подобно Романтизму Греческой Трагедии, — они побеждают как в Айвенго, объединенным усилием лучших из людей, прекрасных рыцарей мысли, совести и чести, которые вместе вызволили пленников из замка бароназлодея.

Предисловие к Х. Пирсону, В. Скороденко:

> «Если поэзия Скотта принадлежит романтизму, то его проза — качественно новое явление в европейской литературе той эпохи: исторический роман Скотта положил начало великому европейскому роману критического реализма. Пирсон, не будучи литературоведом и избегая литературоведческой терминологии, говорит, однако, о том воздействии, которое оказало творчество Скотта-прозаика на современников, и о том, что в своих лучших и наиболее *исторических* романах Скотт перерос романтизм: „Характеры и исторический фон его лучших книг — до этого не дотянулся ни один романтик". И не мог бы дотянуться, добавим мы, по той простой причине, что этот фон и эти характеры были созданы не романтиком, но реалистом»

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Об истинном отношении Скотта к людям лучше всего говорят его романы. Парадокс Скотта-писателя заключен в том, что при всем его романтическом мировоззрении главное достижение его прозы не романтически стилизованные рыцарские образы, но реалистические характеры обыкновенных людей, начисто лишенные романтического налета. «Мне не даются героические фигуры в полном смысле слова, — жаловался Скотт Морриту, — зато я питаю дурную

слабость к сомнительным характерам разного рода обитателей Пограничья, пиратов, горных разбойников и других молодцов робингудовского склада». Но лучше всех удавались ему типы нищего, бальи, слуги, пастуха.

….с «Уэверли» в литературу XIX века пришел роман, каким мы его знаем; «Уэверли» и последующие книги Скотта направили художественную литературу всех цивилизованных стран в новое русло. Сервантес убил роман, Скотт его возродил. И тот и другой произвели революцию в беллетристике, чего не скажешь наверняка больше ни об одном писателе. Через два столетия Скотт вернул к существованию то, что в начале XVIIвека Сервантес изгнал из жизни своим смехом, но вернул с весьма существенной поправкой: он заселил свои полотна живыми людьми и показал их с сочувствием и проникновенностью, достойными Шекспира.

….Когда наш великий романист создавал образы людей, которых встречал в своей жизни или досконально изучал по сохранившимся источникам, он не грешил романтикой. Диккенс воспринимал свои персонажи зрительно и давал их бесподобные фотографии — Скотт же впитывал свои всеми порами и давал их правдивые портреты. Диккенс разыгрывал характеры — Скотт ими жил; один наблюдал — другой чувствовал. Скотт постигал людей чувством, не разумом. Он не извлекал из своего подсознания расплывчатые образы, в которых мы с трудом находим отдаленное сходство с собой; он взирал на ближних с проницательностью и состраданием, пропускал их сквозь фильтр своего воображения и лепил характеры, которые мы мгновенно отождествляем с непредугаданностью и поэзией окружающего мира.

«Болваны толкуют о моем сходстве с Шекспиром — да я недостоин завязывать ему шнурки на башмаках», — записал Скотт в «Дневнике». Скотта нельзя сравнивать с Шекспиром в том смысле, что последний обладал беспримерной силой слова и проник как в сложности жизни, так и в ее первозданную простоту. Но как творец характеров Скотт равен Шекспиру, у которого, не считая Фальстафа, мы не встретим таких по-своему комических и уж тем более живых фигур, как Эди Охилтри в «Антикварии», Кадди и Моз в «Пуританах», Никол Джарви и Эндру Ферсервис в «Роб Рое», Мэлегроутер и Иаков Iв «Приключениях Найджела» и Людовик XIв «Квентине Дорварде». Некоторые из этих характеров в придачу к шекспировскому великолепию обладают еще и вселенской значимостью великих героев Сервантеса.

Но в искусстве портрета он как прозаик не имеет соперников. Характеры и исторический фон его лучших книг — до этого не дотянул-

ся ни один романтик. В художественной прозе романтизма высшими достижениями остаются «Пуритане», «Роб Рой», «Аббат», «Приключения Найджела» и «Квентин Дор-вард», к которым следует присоединить раскрывающие личность Скотта «Антиквария» и «Редгонтлета». Добавые к этому пару романов с увлекательнейшей интригой — «Гая Мэннеринга» и «Кенилворт» — чего же нам еще требовать от художника?!»

2. РОМАНТИЗМ КАК МАТЕРИАЛЬНАЯ ЭНЕРГИЯ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

История знает три случая, когда Сатаны поля Эгосистемы материальной энергии возомнили себя Богами. Сейчас я не буду говорить о «колдунах» аборигенов, которые считают, что они управляют природными стихиями. Возьмем более правдоподобные случаи.

Это случаи, когда Цари и Фараоны Древнего Востока возомнили себя небожителями потому что власть оказавшаяся в их руках так много превосходила силу отдельных индивидов.

Это случаи истории 20-го века и 21-го века, о которых пишут А. Тойнби, Э. Фромм, Б. Рассел, А. Швейцер, Дж. Оруэлл — случаи идолопоклонства Машинам, когда Сатаны считают себя небожителями, потому что сила техники сосредоточила в их руках власть так много превышающую власть отдельного индивида.

Наконец, есть еще третий случай — это случай Романтизма шизоидного интеллекта, который объявил Войну Творцу, чтобы доказать Силу своего собственного Эго. И таким образом, в своей философии, в своей литературе доказал себе что он — небожитель, существо равное Богу. А невежество современного мира сделала эту философию и эту литературу — основой Культуры современного общества.

Нам сегодня легко доказать, что колдуны аборигенов, которые считают, что они управляют природными стихиями — всего лишь безумцы, также далекие от небожительства, как и тотемы, которым они поклоняются. Нам также легко доказать, что Фараоны Египта, считавшие себя богами и небожителями, тоже кате-

горически ошибались. По крайней мере, это легко доказать в рамках Теории Психической Энергии, которая показывает как механизмы поля Эгосистемы материальной энергии приводят людей с физическим контролем к обожествлению общества подобно тому как они обожествляли тотемы природы: поклонение силе окружающего мира, который они не могут объяснить научно. С другой стороны, сами Фараоны никак не могли чувствовать что-то немногим большее, чем их подданные, потому что, оставаясь на физическом контроле поля Эгосистемы, они осталась в «душном подвале» циклического гомеостаза «серой грязи» эмоций материальной энергии. И самое большее отличие что они могли себе позволить — какая то доступная им роскошь, обжорство и гарем наложниц. В остальном — жестокие войны за власть, которые как всегда держали всех в напряжении, далеком от безопасности и позитивных эмоций небожителей. Ведь нам сегодня известно из фактов истории, что «циклы восточной истории» состояли в постоянном круговороте смены правящих элит, хотя сама система Левиафана Садомазохизма оставалась незыблемой.

Точно те же аргументы легко докажут нам и безосновательность претензий современных Сатанов на идолопоклонство самим себе как богам и небожителям, только потому что в их руках сосредоточилась громадная сила современной техники.

А. Тойнби, «Постижение истории»:

> «Эта начальная глава истории христианства явилась зловещим предзнаменованием для будущего вестернизированного мира XX столетия, поскольку культ Левиафана, которому раннехристианская Церковь нанесла поражение, казавшееся уже окончательным, вновь заявил о себе с грозным появлением тоталитарного типа государства, с дьявольской изобретательностью завербовавшего на свою службу современный западный гений организации и механизации в целях порабощения как душ, так и тел до такой степени, какая была недоступна для злонамеренных тиранов прошлого. Похоже, что в современном вестернизированном мире вновь должна начаться война между Богом и кесарем. И, похоже, что и в этом слу-

> чае нравственно благородная, хотя и опасная в духовном плане роль воинствующей церкви вновь выпадет на долю христианства»

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Наоборот, покушение на Всевышнего знаменует кульминацию драмы, начавшейся с закатом античного мира, последнее слово которого еще не отзвучало. С этого момента человек решает отказаться от божественной благодати и жить, полагаясь только на собственные силы. От маркиза де Сада до наших дней прогресс заключается в том, что расширялось замкнутое пространство, где по собственным законам отчаянно правит человек без Бога. Противостоящий божеству огражденный лагерь раздвигал свои границы все дальше и дальше, пока вся вселенная не превратилась в крепость, воздвигнутую против низвергнутого, изгнанного Бога. Доведя свой бунт до последнего предела, человек стал затворником; вся его великая свобода свелась лишь к тому, чтобы от ужасных замков де Сада до концлагерей строить тюрьмы для своих преступлений. Абсолютная свобода становится тюрьмой абсолютных обязанностей, коллективной аскезой, историей, которую предстоит завершить»

Б. Рассел, «Влияние науки на общество»:

> «Так дело не пойдет. Идолопоклонство машинам — это мерзость. Машина как объект идолопоклонства — это современная форма Сатаны, а поклонение Машине — это современный сатанизм. Не то чтобы я подобно Erewhonians, хотел запретить машины. Египтяне поклонялись быкам, что было ошибкой, но мы не запрещаем быков на этом основании. Это только в тех случаях, когда Машина занимает место Бога когда я возражаю против техники. Чтобы другое не было из области механики, ценности к механике отношения не имеют, и об этом никогда не должен забывать политический философ».

Дальше в этой книге Б. Рассел рассуждает о том, что когда техника попадает в руки глупых людей, то вместо того чтобы способствовать облегчению участи человечества, она напротив значительно усугубляет тяжелое положение современного мира. Примерно так, как это описал Оруэлл в 1984.

Вот в чем решение загадки: действительно беда современного мира в том, что техника оказалась в руках Сатанов мертвой мысли и мертвой совести. Вот почему она не способствует ре-

альному поднятию людей в Пространство-Время Интеллекта, хотя вполне могла бы помочь. Дело в том, что сатаны ничего не знают о Большой Науке Ньютонов, Фарадеев, Максвеллов, Герцев и Эйнштейнов, а умеют только отдавать приказы о том, куда Отправить Бомбардировщики и Авианосцы, чтобы громить население планеты. Так и пишет Оруэлл, что Сатаны его Антиутопии превратили Науку в Производство Оружия. Действительно Сатанам техника нужна только как военная мощь, которая позволила бы им сохранять власть над миром. Таким образом, научное знание и управление техникой остаются для них такими же недостижимыми как для аборигенов, и все что они умеют использовать под именем техники — это отдавать приказы военным бросать технику на непослушных, чтобы поработить население планеты. Во всем остальном они остаются теми же Фараонами древних Левиафанов в их платоновском Мифе о Пещере, с сознанием наглухо забитым в душном подвале циклического гомеостаза материальной энергии, что объективно проявляется также — их всеобщая война за власть уничтожает ощущение силы и безопасности и заставляет их висеть над пропастью ядерного взаимного уничтожения каждую минуту.

Движение Романтизма, о котором хорошо написали Кьеркегор, Ницше, Камю, Байрон, привело человечество к той же ложной иллюзии. Другими словами к поисках небожительства на поле Эгосистемы материальной энергии.

Человечество в самом деле имеет доступ к Небесам Господа, если не в качестве хозяев, то совершенно точно в качестве Гостей. Мы говорили много раз на страницах томов об Открытии о Пространстве –Времени Интеллекта как возможности открывать законы природных энергий и накапливать информацию, накапливать знания о законах природы, установленных Творцом. Это и есть наш Доступ к Небесам Господа — ведь мы получаем доступ к силе всех материальных энергий. Мы становимся способными контролировать материю физического мира вместо того, чтобы приспосабливаться к нему. Мы послушны только Господу, ибо наше смирение в том, что мы открываем законы при-

роды и читаем в них Волю Творца. Мы послушны его законам. Но мы не послушны давлению материального мира, мы не приспосабливаемся к нему, потому что Господь отдал нам материю природы с тем, чтобы мы управляли ею в тех границах, в которых нам позволят Законы Творца. Мы Контролируем природу, но не властвуем над ней. Над природой и над нами властвует один хозяин — Творец. Мы же подчиняемся его законам, что позволяет нам Контролировать законы природы, получать доступ к силе природных энергий. Однако у нас нет власти устанавливать законы природы или изменять их. Мы обязаны повиноваться Господу в подчинении его законам, и тогда, при этом условии которое составляет суть Научного Контроля, Господь делает нас Гостями Небесного Царства уже на земле, и отдает нам в послушание силу всех материальных энергий, которые мы откроем своим прилежным трудом, своей приверженности научному контролю.

Сатаны, которые объявляют свою Абсолютную Власть и Абсолютную Свободу делать с материей природы все, что им вздумается, отнимая технику у тех, кто ее открыл и произвел — у ученых научного контроля — конечно не имеют никакого отношения к Дому Творца, К Пространству-Времени Интеллекта. Не сила техники делает ее обладателей Неожителями, а знание Науки, которая производит ее и подчинение законам этой науки как власти Творца, смирением перед волей Творца, Относительной Свободой Контроля вместо Абсолютной Свободы Власти над материей.

Секрет тут очень прост. Когда человек смиряется перед волей Господа и подчиняет свою волю изучению Науки и научному контролю природных энергий — он переходит на поле Интеллекта Энергии Духа. Только Энергия Духа человечества способна вознести его в Пространство-Время Интеллекта.

В противном случае, какой бы мощью человек не пользовался как Фараон Левиафана и как владелец техники, пока он остается на поле Эгосистемы материальной энергии подобно Сатанам, он остается в «душном подвале» серой грязи эмоций материальной энергии.

Движение Романтизма, отказавшись от научного мышления реализма и отказавшись от этического мышления Откровений Священных Писаний, обрекло себя на прозябание в душном подвале материального пространства, как бы яростно они не изображали себя каждый раз небожителями.

Все авторы подчеркивают, что Романтизм есть Бунт против Господа, Сатанинская Упертость против Творца (Люциферианский Бунт) в поисках Абсолютной Свободы. Что Романтизм есть противопоставление Эстетического начала — Этическому началу, где совесть и справедливость теряют всякое значение, и единственный смысл существования в утверждение власти Индивида над миром и Творцом. Если мы вспомним Греческую мифологию Олимпийских богов, то мысль этого кокетничанья с Творцом в такой фамильярной схватке с ним, становится очевидной. Ницше подчеркивает, что Романтизм неминуемо будет тем «ужасом» и «пессимизмом», который мы имеем в греческой трагедии.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «…поколение с этим бесстрашием взора, с этим героическим стремлением к чудовищному, представим себе смелую поступь этих истребителей драконов… …Лучезарному венцу пассивности я противопоставлю теперь венец активности, сияющий вокруг главы эсхиловского Прометея. То, что мыслитель Эсхил имел нам сказать здесь, но что как поэт он дает нам лишь почувствовать в своем символическом образе, молодой Гёте сумел открыть нам в смелых словах своего Прометея: Я здесь сижу, творю людей
> По своему подобию,
> Мне равное по духу племя
> И ни во что тебя не ставить,
> Как я!
> Человек, поднявшийся до титанического, сам завоевывает себе свою культуру и принуждает богов вступить с ним в союз, ибо в своей самоприобретенной мудрости он держит в руке их существование и пределы»

Ф. Ницше, Опыт Самокритики, «Рождение Трагедии»:

> «Уже в предисловии, обращенном к Рихарду Вагнеру, метафизиче ской деятельностью человека по существу выставляется искусство, а не мораль; в самой книге неоднократно повторяется язвительное положение, что существование мира может быть оправдано лишь как эстетический феномен. Действительно, вся книга признает толь ко художественный смысл, явный или скрытый, за всеми процессами бытия — „Бога", если вам угодно, но, конечно, только совершенно беззаботного и неморального Бога-художника, который как в сози дании, так и в разрушении, в добром, как и в злом, одинаково стре мится ощутить свою радость и свое самовластие»

Очевидно, что все эти признаки и характеристики Романтизма дают нам полную картину поля Эгосистемы материальной энергии. Прежде всего Противопстояние Двух Абстракных Сил: Эго и СуперЭго. Понятно, что понимание Бога у Романтиков такое же как у Сатанов — это не Интеллект законов природы, а некая Абстракция Силы, которой они противопоставляют количественную абстракцию силы своего Эго (сила давления на внешний мир, сила власти Эго). Ужас и пессимизм в основе этого противостояния нам известен еще по изучению обществ аборигенов — «страх сверхъестественных сил», «голод тщеславия и стыда» поля Эгосистемы, и «пессимизм» душного подвала материальной энергии

Далее постоянное подчеркивание у Кьеркегора, Ницше, Камю, что мы имеем дело с противопоставлением чего-то «эстетического» — этическому. По всей вероятности речь идет о той самой количественной абстракции поля Эгосистемы, где сталкиваются две противоположные силы в смертельной схватке. Видимо, под «эстетическим», далеким от этического, здесь и понимается эта бессмысленная абстракция двух количеств силы, где «драматизм красоты» видится в раздувании их размеров до всесилия (Всесилие Эго против Всесилия Творца в борьбе за власть над миром), а также в строгой симметрии противоборства белого и черного. С вторжением интеллекта на поле Эгосистемы, «серая грязь» сломанного циклического гомеостаза впервые превращается в противоборство черного и белого, в открытый бунт Эго против внешнего мира, ка-

ким бы СуперЭго не представился в очередном мифе, в очередной безумной философии или романтической литературе. Таким образом, «эстетическое» здесь всего лишь абсурд Кривого зеркала чувственной информации поля Эгосистемы как противостояния двух абстрактных количеств силы, и соответственно драматизм этой борьбы в масштабах всесилия в поисках власти над вселенной. Поднимание человека так сказать до статуса Титана мира в «красоте» его вызова, брошенного Творцу. Это тот самый шизоидный интеллект, который ломает приспособление циклического гомеостаза физического контроля к внешнему миру. Если и есть какая то красоты в этом драматизме теней Кривого зеркала Эгосистемы — то и ею тоже мы обязаны формальной логике интеллекта.

Байрон, Манфред:

> Владыки гор, ветров, земли и бездн морских,
> Дух воздуха, дух тьмы и дух твоей судьбы —
> Все притекли к тебе, как верные рабы, —
> Что повелишь ты им? Чего ты ждешь от них?
> Манфред
> Вы надо мной глумитесь;
> Но властью чар, мне давших власть над вами,
> Я царь для вас. — Рабы, не забывайтесь!
> Бессмертный дух, наследье Прометея,
> Огонь, во мне зажженный, так же ярок,
> Могуч и всеобъемлющ, как и ваш,
> Хотя и облечен земною перстью.
> Ответствуйте — иль горе вам!
> Первый дух
> Ты дерзаешь
> Восстать на Аримана? Отказать
> Владыке в том, что воздает покорно
> Ему весь мир? Не трепетать — и где же?
> Пред ужасом величия и славы,
> Пред троном Аримана? Ниц, безумный

А. Моруа, «Дон Жуан или Жизнь Байрона»:

> «Трагедии разочаровали английских читателей Байрона, они были более романтичны, и он очень огорчился. «Вы видите, что значит ме-

> тать бисер перед свиньями. Покуда я писал преувеличенные бессмысленности, которые развращали вкус читателей, они аплодировали и вторили мне, словно эхо, а теперь, когда я дал за последние три-четыре года вещи, которым нельзя дать умереть, все стадо рычит, ворчит и рвется назад в свое болото. В конце концов я наказан поделом за то, что портил их, потому что ни одна душа на свете не сделала столько, сколько я в моих первых сочинениях, для того, чтобы распространить этот стиль, преувеличенный и фальшивый»

Однако, говоря словами Эрнеста Ренана, что может сравниться с Красотой Истинного знания, которое раскрывается нам только в законах природы, установленных Творцом? Настоящая реальность (не вымышленная) много раз превосходит красотой все абстрактное искусство, и весь фальшивый драматизм.

Здесь также надо отметить, что и драматизм тоже фальшивый, потому что не может быть настоящего противостояния на поле Эгосистемы. Все что человек воспринимает через Загрузки Эго и суперЭго — отражает органическую связь этих полюсов физического контроля как единого циклического гомеостаза. Пусть он сломан в данном фальшивом противостоянии войной Эго объявленной СуперЭго — эти две фигуры не разные объекты реального мира, а всего лишь два полюса единого силового поля материальной энергии. Так что война эта необходимо будет носить характер кокетства греческих Человекобогов с Олимпом Зевса, как шизоидного Притяжения Самовлюбленности (вместо двух притяжений нормального циклического гомеостаза, Самолюбия и Влюбленности).

Так или иначе, но Романтизм в его Эстетическом Рывке подняться к Небесам ценой объявленной войны «ужасу» суперЭго, приводит всего лишь к сломанному циклическому гомеостазу материальной энергии, но оставляет Романтизм в недрах душного подвала материальной энергии. Чтобы подняться над материальной энергией в Пространство-Время Интеллекта требуется полностью уйти с поля Эгосистемы, и объявить войну полю Эгосистемы как целому, упираясь ногами в почву здоровой энергии Духа. Вот тогда на смену Эстетической позиции противоборства двух математических абстракций приходит эстетическая пози-

ция борьбы разумной и совестливой энергии духа против поля Эгосистемы тупой и мертвой материальной энергии.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Во всяком случае, надо уметь распознать то низкое, что приносит с собой бунт. Всякий раз, когда бунт обожествляет тотальное неприятие всего сущего, то есть абсолютное „нет“, он идет на убийство. Всякий раз, когда он слепо принимает все существующее и провозглашает абсолютное „да“, он также идет на убийство. Ненависть к творцу может обернуться ненавистью к творению или же безоглядной вызывающей любовью к существующему миру. Но в обоих случаях бунт приводит к убийству и теряет право называться бунтом. Нигилистом можно быть двояким образом, и каждый раз из-за непомерной жажды абсолюта. По видимости, есть бунтари, желающие умереть, и есть другие, желающие умерщвлять. Но по своей сути это одни и те же люди, равно лишенные бытия, сжигаемые жаждой настоящей жизни»
>
> Так что на пути от романтиков до Лотреамона реальных достижений нет, разве что тон изменился. Лотреамон заново воссоздает, кое в чем приукрашивая, лик Бога Авраама и образ люциферианского мятежника. Бога он помещает «на престоле из человеческих экскрементов и золота», где «с идиотским высокомерием, облаченный в саван из грязных простыней, восседает тот, кто величает себя Творцом». Этот грозный «Предвечный, похожий ликом на гадюку», «лукавый вор», «раздувающий пожары, где гибнут грудные младенцы и дряхлые старцы», валяется, пьяный, по канавам или ищет гнусных наслаждений в злачных местах. Бог не умер, но он низко пал. В противоположность падшему божеству Мальдорор изображен как стереотипный всадник в черном плаще. Он Проклятый. «Да не откроется взору безобразие, каким наградило меня, с гримасой неистовой ненависти, Высшее существо». Он отринул все: «отца и мать, любовь и идеал, и даже Божью волю, чтоб обратить все помыслы на самого себя». Терзаемый гордыней, герой Лотреамона наделен всеми достоинствами метафизического денди: «У тебя не просто человечье лицо, твой лик печален, как Вселенная, и прекрасен, как самоубийство». Подобно романтическому мятежнику, отчаявшемуся в божественной справедливости, Мальдорор становится на сторону зла. Причинять муки и, причиняя их, страдать самому — такова его задача. «Песни Мальдорора» — настоящие литании злу.
>
> Романтический герой полагает, что, тоскуя по недостижимому добру, он вынужден творить зло. Сатана восстает против Создателя, ибо тот пользуется своей властью, чтобы умалить его. «Он выше нас, — гово-

рит о Боге мильтоновский Сатана, — не разумом, но силой, в остальном мы равные».

Денди творит свою собственную цельность эстетическими средствами. Но это эстетика своеобразия и отрицания. «Жить и умереть перед зеркалом» таков, по Бодлеру, девиз денди*, и в этом есть своя последовательность. Предназначение денди — быть оппозиционером. Он держится только благодаря тому, что бросает вызов. До сих пор все сотворенное получало свою цельность от творца. С того момента, когда человек освящает свой разрыв с творцом, он отдает себя на волю текущим минутам и дням, собственной рассеянной восприимчивости. Он убеждается в собственном существовании только благодаря тому, что видит его отражение на лицах других людей. Они для него — зеркало. Правда, зеркало быстро тускнеющее, поскольку способность внимания у человека ограниченна. Поэтому приходится то и дело будить внимание, пришпоривая и подстрекая его. Таким образом, денди принужден постоянно удивлять. Его призвание — в его неповторимости, а способ самосовершенствования — повышение собственной ценности. Всегда в состоянии раскола, всегда на обочине, он заставляет других творить самого себя, отрицая их ценности. Он играет собственную жизнь, поскольку не может ее прожить. Он играет ее до самой смерти, за исключением тех минут, когда он оказывается наедине с самим собой без зеркала. Но это означает для денди быть ничем. Романтики говорили о своем одиночестве столь красноречиво лишь потому, что они действительно испытывали его боль — боль нестерпимую

..Логично, что соперники Творца замыслили переделать мироздание на свой лад. Одни, те, что ради созидаемого ими мира отвергали любой закон, кроме закона собственного хотения и силы, шли прямо к самоубийству или безумию, воспевая апокалипсис. Другие, тоже стремившиеся установить закон собственными силами, предпочли пустое балаганное представление, самолюбование или заурядность, или же убийство и разрушение. Неудивительно, что трагический призыв к законности, порядку и нравственности звучит в этой безумной вселенной словно в насмешку».

На поле Интеллекта Энергии Духа люди перестают смотреть друг на друга как известно, и начинают смотреть в Одном Направлении — в направлении Бога. Пока они смотрят друг на друга, они видят только «загрузки суперЭго», «магию сверхъестественных сил» кривого зеркала чувственной информации, которая конечно не имеет никакого отношения к Господу. Это

Идолопклонство, против которого в свое время с таким ожесточением выступил иудаизм. Это мифы Олимпа, против которых в свое время так жестко выступили Сократ и Платон.

Но как только люди начинают смотреть в одном направлении — в направлении законов Природы, установленных Творцом — они видят настоящего Бога, а друг другу становятся настоящими товарищами, Церковью Дружбы. И только здесь начинается Этическое, начинается Рыцарское посвящение, как говорит Кьеркегор. Потому что Этическое — это способность отделить поле Эгосистемы как чуждую мертвую энергию от поля Интеллекта и совести, как единой энергии духа человечества. Это — проявление способности видеть законы природы, и в данном случае, законы природы своей собственной энергии. Для Ницше, который противопоставляет Бунт Прометея против Творца как Преступление Великого Индивида — еще характерна «эстетическая» позиция математического драматизма в сопоставлении симметрии двух всемогущих и противоположных сил. Для Сократа, которого Ницше осуждает как разрушителя эстетики Преступления Великого Индивида, — уже характерна «Этическая» позиция осуждения всего поля Эгосистемы как общей болезни человечества, как душного подвала материальной энергии, мешающего реальному взлету человечества в Пространство-Время Интеллекта. Это тот самый оптимизм Сократа, оптимизм Науки, который научил Вальтера Скотта придавать всем своим романам счастливые развязки. И это тот оптимизм которого не знает эстетическая позиция греческой трагедии, основанная на «ужасе» поля Эгосистемы, и на двух сломанных контролях обеих энергий психики.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

«Сократ, диалектический герой платоновской драмы, напоминает нам родственные натуры еврипидовских героев, принужденных за щищать свои поступки доводами „за“ и „против“, столь часто рискуя при этом лишиться нашего трагического сострадания; ибо кто мо жет не заметить оптимистического эле-

мента, скрытого в существе диалектики, торжественно ликующего в каждом умозаключении и свободно дышащего лишь в атмосфере холодной ясности и со знательности? — И этот оптимистический элемент, раз он проник в трагедию, должен был мало-помалу захватить ее дионисические области и но необходимости толкнуть ее на путь самоуничтожения, вплоть до смертельного прыжка в область мещанской драмы. До статочно будет представить себе все следствия сократовских поло жений: „добродетель есть знание", „грешат только по незнанию", „добродетельный есть и счастливый", — в этих трех основных фор мах оптимизма лежит смерть трагедии»

Ницше, «Рождение Трагедии»:

«Сказание о Прометее — исконная собственность всей семьи арийских народов и документ, свидетельствующий об их одаренности со знанием глубокомысленно-трагического, и даже не лишено вероятности, что этот миф имеет для определения сущности всего арийского мира такое же характерное значение, как миф о грехопадении для всего семитического, и что оба мифа находятся между собою в той же степени родства, как и брат с сестрой. ...Лучшее и высшее, чего может достигнуть человечество, оно вымогает путем преступления и затем принуждено принять на себя и его последствия, а именно всю волну страдания и горестей, которую оскорбленные небожители посылают, должны послать, на благородное, стремящееся ввысь человече ство, — суровая мысль, странно отличающаяся по тому достоинству, которое она придает преступлению, от семитического мифа о грехопадении. То, что отличает арийское представление, — это возвышенный взгляд на активность греха как на прометеевскую добродетель по существу, причем тем самым найдена этическая подпочва пессимистической трагедии — как оправдание зла в человечестве».

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение

очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия [25] и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ни ми ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Если же отчаявшееся Я пассивно, отчаяние все равно остается таким, когда желают быть собою. Возможно, испытующее Я, подобное уже описанному, желая предварительно сориентироваться в своем конкретном Я, наталкивается на некоторую трудность, на то, что христиане назвали бы крестом, то есть на некое фундаментальное зло, каким бы оно ни было. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

Кьеркегор, «Болезнь к смерти»:

«Несчастье такого Я состоит не в том, что оно ничего не добилось в этом мире, но в том, что оно не осознало само себя, не заметило, что его собственное Я есть четкая определенность, а стало быть, необходимость. Вместо этого человек потерял сам себя, позволив своему Я воображаемо отражаться в возможном. Это то, что можно назвать кривым зеркалом. …Как тот рыцарь, о котором твердят легенды, который внезапно увидел редкую птицу и упрямо последовал за нею, полагая вначале, что ее нетрудно поймать… Однако птица всегда ускользает к приходу ночи, а рыцарь, оказавшись вдали от своих, не может уже в своем одиночестве отыскать дороги, — таково же возможное желание. …Такого рода отчаяние не встречается повсеместно, герои подобного тирад, но сути, бывают лишь среди поэтов, даже среди самых великих из них, которые всегда сообщают своим творениям такую „демоническую“ идеальность в том смысле, как ее понимали древние греки. Однако это отчаяние встречается в их жизни….Однако то, с чем мы имеем дело теперь, отчаяние, когда желают быть собою, — самое насыщенное и сгущенное из всех, — это отчаяние демоническое. …. И это Я — он привязан

> к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его дан ной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против нее... И это понятно, поистине злое противоречие всегда, изо гнувшись, упирается против того, что его поддерживает!»

В этом смысле очень наивными выглядят рассуждения Ницше о том, что с вмешательством Реализма, который стал выводить на сцене настоящих людей вместо математических абстракций бесконечно больших сил в напряжении их вечного противостояния, все красивое и великое в искусстве литературы погибло. Возможно, Вальтер Скотт был первым кто понял, что здоровое человечество Энергии Духа превзойдет именно в величии и совершенстве все, что только мог навоображать себе Романтизм с его драматизмом двух математических абстракций, уходящих в бесконечность. Он приписывает Еврипиду ту роль, что Чернышевский в своей книге о Готфриде Лессинге приписывает Лессингу: что Еврипид покончил с Романтизмом и ввел на сцену, в литературу настоящих людей, и даже таких никчемных как рабы и обычные ремесленники. Однако, интерес Реализма состоит не в том, чтобы восхищаться на выдуманную математическую абстракцию, которая только способствует инфляции их собственного Эго у зрителей — дешевые эмоции поля Эгосистемы душного подвала. Интерес Реализма состоит в том, чтобы через демонстрацию Законов Борьбы Энергии Духа и материальной энергии в Истории человечества показать, как в конечном итоге побеждает Энергия Духа человечества, а вместе с ней настоящее величие, настоящая сила, настоящий позитив эмоций, и настоящие Небожители Пространства-Времени Интеллекта горних высот Контрольной Энергии и Благодати Церкви Дружбы.. И для этих целей нужно показывать Все Реальные ФАкты жизни — и зло рабства, и мелочность Милграм-Эго простых людей, и зло отчаяния бедности, не дающей развития народу, и зло Сатанов в правительствах, и крупицы бриллиантов — Добро тех редких рыцарей что несут светоч Добра в мире, зато-

ченном в душном подвале Эгосистемы, и прогресс Добра в науке, литературе, философии, религии, истории! Нужно поднимать Полотно Истории, где каждый научится читать Законы Добра и Зла в их противоборстве и так познает сам себя, и сможет избавится от поля Эгосистемы. Вот где начинается величие человечества, и его избавление от зла и ущербности порабощенных людей, от порока и разврата поработителей!

Тем не менее, несмотря на тот факт, что Ницше четко разграничив поле Эгосистемы и поле Интеллекта в античном наследии, встал на сторону материальной энергии и тем самым приговорил себя, его анализ античной культуры остается исключительно важным для науки. С ницше начинается антиковедение «Раздвоенной» античности, о которой потом писал Мережковский и многие другие, ссылаясь на Аполлонское и Дионисийское начала античной литературы, разграниченные Ницше.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «с той же степенью уверенности можно утверждать, что никогда, вплоть до Еврипида, Дионис не переставал оставаться трагическим героем, но что все знаменитые фигуры греческой сцены — Прометей, Эдип и т. д. — являются только масками этого первоначального героя — Диониса. То, что за всеми этими масками скрывается божество, представляет одно из существенных оснований для вызывавшей столь часто удивление типичной „идеальности“ этих знаменитых фигур. Не помню, кто утверждал, что все индивиды, как индивиды, комичны и посему непригодны для трагедии, из чего пришлось бы заключить, что греки вообще не могли выносить индивидов на трагической сцене. единственный действительно реальный Дионис является во множественности образов, под маской борющегося героя, как бы запутанный в сети индивидуальной воли. ...Тому, кто понял, из какого мате риала лепили прометеевские трагики до Еврипида своих героев и как далеко было от них намерение выводить на сцену точную маску действительности, будет безусловно ясна и отклоняющаяся в совершенно другую сторону тенденция Еврипида. Человек, живущий повседневной жизнью, проник при его посредстве со скамьи для зрителей на сцену; зеркало, отражавшее прежде лишь великие и смелые черты, стало теперь к услугам той кропотливой верности, которая добросовестно передает и неудачные линии природы. Одиссей, типичный эллин древнейшего искусства, опустился

теперь под руками новейших поэтов до фигуры graeculus'a, представляющего отныне в качестве добродушно-пронырливого домашнего раба средоточие драматического интереса»

С. Кьеркегор, «Равновесие между эстетическим и этическим в развитии личности»:

«Поскольку тут было показано, что всякое эстетическое мировоззре ние есть отчаяние, единственно правильно теперь будет предпри нять движение, благодаря которому появляется этическое начало. Вот то сокровище, которое я собираюсь оставить в наследство тем, кого люблю в этом мире. Это сокровище заложено в твоей внут ренней сущности: существует „или-или", делающее человека пре восходнее ангелов. Когда все вокруг человека затихает, становится торжественным, как ясная звездная ночь, когда душа остается в одиночестве в целом мире, — тогда перед ним является не какое то выдающееся человеческое существо, но сама вечная сила, тогда небеса как бы раскрываются, — и „я" выбирает самое себя, или точнее получает самое себя. Тогда душа видит высшее, то что не способен увидеть никакой смертный взор, она видит то, чего никогда больше не сможет забыть, — тогда личность обретает ры царское посвящение, которое облагораживает ее на всю вечность. Ибо величие состоит не в том, чтобы быть тем или этим, но в том, чтобы быть самим собой, а на это способен любой человек, если он только этого пожелает. при выборе важно не столько умение выбирать верно, сколько энер гия, серьезность и пафос, с которы ми человек выбирает. В таком вы боре личность возвещает о себе в своей внутренней бесконечности, и благодаря ему личность еще больше укрепляется в своем един стве. Потому что даже когда человек выбирает неверно, он и мо жет — именно опираясь на энергию с которой он выбирает, — обна ружить, что выбрал неверно. Как раз потому, что выбор был сделан со всем внутренним содержанием личности, все существо человека очищается, и сам он приводится в непосредственное отношение с той вечной силой, которая вездесущим образом проницает собой все его наличное существование. Тот же кто выбирает только эстети чески, никогда не достигает этого преображения, этого высшего по священия. Несмотря на всю страсть, ритм его души является только лишь spiritus lenis (слабое придыхание). Возможно тебе и без того удастся осуществить многое; возможно ты сумеешь даже привести в изумление мир (я ведь не мелочен); и все же тебе будет недоставать высшего, единственного, что пои стине сообщает жизни смысл, — ты можешь

> приобрести весь мир и потерять самого себя. Ибо тот кто живет эстетически не выбирает, — а тот кто выбирает эс тетическое после того, как ему явилось этическое начало, живет не эстетически, так как он уже согрешает и подлежит теперь этиче ским определениям — пусть даже жизнь его приходится определять как неэтическую. В этом то и заключается печальная сторона, когда мы рассматрива ем человеческую жизнь, — сплошь многие проживают свои жизни в состоянии тихого проклятия; они переживают самих себя, они ис чезают, как тени, их бессмертные души уносятся прочь, и они не страшатся вопроса об их бессмертии; ибо души эти уже рассея лись уже до смерти. Мое „или-или" обозначает не выбор между добром и злом, оно обо значает скорее уж выбор, благодаря которому человек выбирает добро и зло — или не выбирает их. Вопрос здесь состоит в том в ка ких определениях человек собирается рассматривать все налично существующее и жить сам. А утверждение, что человек, выбираю щий между добром и злом, тем самым выбирает добро, — по сути совершенно справедливо, ибо эстетическое — это не зло, но нечто безразличное, и именно поэтому я и говорил, что этическое образу ет выбор».

3. ЭТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ОПТИМИЗМ В РЫЦАРСКИХ РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Мы могли видеть основные характеристики Романтизма, которые оставляют Романтиков частью душного подвала материальной энергии, несмотря на их заявленную амбицию взмыть высоко в голубые небеса.

Это прежде всего, претензии на место Творца, что превращает их в рядовых Идолопоклонников магического сознания дикарей. Творец один — тот, кто установил законы природы в основании Вселенной. Романтики в своей претензии на Небожительство отвергают Законы природы Творца, и заявляют свою собственную Абсолютную Свободу. И здесь, та настоящая свобода которой владеют люди, и которая делает их Гостями Небесного Царства Творца (Контрольная Энергия) — заканчивается для Романтиков окончательно!

Далее, это Противопоставление Эстетического начала как математической абстракции двух сил поля Эгосистемы и фаль-

шивого драматизма их «противоположности» — Эстетическому началу реальной борьбы Энергии Духа с материальной энергией поля Эгосистемы.

Наконец, Противопоставление Пессимизма Романтизма как «ужаса дионисийских масок», как страха сверхъестественных сил аборигенов — Оптимизму Научного контроля, подчиняющего себе силы всех материальных энергий природы.

Мы видели, что попытки найти свое место в Небе таким путем увенчались тяжелым разочарованием для всех Романтиков. Древняя Греция бросила вызов Олимпу в надежде обести небеса, но погибла в междоусобных войнах. Сократ, который со своими учениками пытался образумить греков и наставить их на путь научного мышления, совести и справедливости энергии духа был казнен, предсказав перед смертью падение Афин. Байрон успел раскаяться в своем Романтизме, но было слишком поздно, и он погиб. Ницше просил уничтожить все его труды в минуты ясного сознания, но тоже погиб как Байрон. Движение Романтизма, пробужденное к жизни Ницше, также было приговорено погибнуть под собственной тяжестью.

«Это Я, — говорит Кьеркегор об Эго Романтизма, -отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

Действительно, никак не удастся найти даже клочка свободы тому, кто замахнулся на абсолютную свободу Творца — на место законодателя законов природы. Такие люди и такие культуры обречены быть пригвождёнными к рабству бессознательных автоматизмов материальной энергии — им не узнать Свободы Контрольной Энергии Пространства-Времени Интеллекта.

Совсем другой подход, в корне отличный от Движения Романтизма, мы обнаруживаем в творчестве Вальтера Скотта.

Здесь уместно говорить о Метафизике Интеллекта, об Этической позиции, которая красной нитью проходит через всю философию христианского Рыцарства Скотта. Об Оптимизме научного контроля, о Полотне Истории, которое строится закономерностями психики как Священной Войны Энергии Духа (Добра) со Злом (с материальной энергией). Наконец, о Пространстве-Времени Интеллекта, где Вальтер Скотт обитает уже в страстном увлечении учебой в юности, презирая все тщеславие и весь пошлый флирт материального мира. Только однажды он увлечется девушкой, но увлечется также, как увлекался своими рыцарскими романами — «за высокоразвитое чувство нравственности», и это будет глубокое и серьезное чувство. Флирт и секс совсем не интересовали этого Небожителя, рожденного носить корону самого успешного писателя своего времени. И Байрон и Томас Мур назвали его «Хорошим человеком без изъяна». И в том, как много людей так думали он также поставил рекорд, как и в славе, которая выпала на его долю писателя еще при жизни.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Вероятно, она обладала тем, что свет именует высокоразвитым чувством нравственности, которое, однако, частенько смягчалось в ней врожденной живостью характера. Женщины подобного типа всегда привлекали Скотта как в жизни, так и в литературе»

Действительно, выраженная Этическая позиция в противоположность Эстетической позиции Романтиков проходит через все романы Скотта, одинаково для женщин и мужчин. «Честь и совесть» общего Я Энергии Духа, «Честь и Совесть» того позитива эмоций Контрольной энергии, которая не приспосабливается к окружающему миру — вот что ляжет в основу его психологии Добра.

То главное, что отличает человека Пространства-Времени Интеллекта, — Отсутствие Эго-центризма и Активная Мысль в поисках научного контроля, — всегда будут отличать писателя. Изобретенный им исторический роман — уже прорыв в соци-

альной науке, потому что это первая попытка Строить Полотно Истории Законами психической энергии. И основной закон психической энергии — Священная война со злом и бесконечное превосходство энергии Добра — на этом Полотне Истории уже отмечены. Этот великий христианин, как все истинные христиане никогда не успокаивался на Догме Откровения. Но подобно Г. Лессингу в «Воспитании чувств», подобно Э. Ренану в «Будущем науки» он в Пуританах иронизирует над догмой, которая всегда скатывается в магическое сознание идолопоклонства, и ищет естественного Права законов природы Творца, намеченных в Священных Писаниях. Он не любит священников, предпочитает протестантов католикам именно в сил неприятия Догмы, превращающей Откровение в магию аборигенов, но каждую неделю читает в своем большом гостеприимном доме проповеди. Он, как все истинные христиане, как Честертон и как Тойнби, как Рассел и как Ренан — Реформатор христианства на пути к научной истине законов природы психической энергии.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Его нелюбовь к крайностям в религии, политике и общественной жизни объясняется тем, что собственными его чувствами правил разум, а не импульс; по той же причине Скотту лучше удавалось помогать людям, чем их утешать. Сам он мог вынести столько, что с трудом находил слова сочувствия для пасующих перед бедами. Природа наградила его жизнерадостным духом, который помогал ему справляться с величайшим горем и переживать мрачнейшие часы, а воображение вкупе с чудесной памятью спасало его от долгих периодов меланхолии или пессимизма. Окажись он в тюрьме, он бы и там нашел развлечение, строя себе воздушные замки. Самые распространенные в наше время формы, говоря по-современному, «бегства от действительности» — это либо в сумасшедший дом экономики, либо в психиатричку политики. Скотт жил в нормальном мире своего воображения, которое приносило счастье и ему самому, и его читателям. Другим постоянным подспорьем была для Скотта память, и память из ряда вон выходящая. В истории человечества он, возможно, являет собой единственный пример соединения феноменальной памяти с богатым воображением.
>
> ....На тридцать восьмом году жизни он пожалел не о том, что много лет убил на изучение права, а о том, что не потратил нескольких лет

на изучение античных авторов: «Я не колеблясь отдал бы половину известности, какую мне посчастливилось обрести, если б взамен смог подвести под оставшуюся половину твердый фундамент эрудиции и научных знаний». Это было сказано еще до того, как он начал писать романы, но, видимо, он продолжал считать так до самой смерти.

…Враль бесстыжий и плодовитый, Хогг, однако, не погрешил против истины, сказав о своем бессменном благодетеле: «Скотт был единственным человеком в моей жизни, кому ни богач, ни бедняк не желали плохого». Таковы были те, кто советом или делом помог Скотту составить «Песни шотландской границы», третий том которых появился в 1803 году. Труды принесли ему 600 фунтов — отнюдь не царская награда за десять с лишним лет опасностей, немилосердного напряжения сил и усердных разысканий. Но он до глубины души наслаждался этой работой, в плодах которой дремало зерно его будущих достижений.

….Все эти годы в Ашестиле он пребывал в отменном здоровье и прекрасном расположении духа, самозабвенно отдаваясь работе и развлечениям. Вспоминая впоследствии об этом времени, он сказал: «Что и говорить, я разрывался на части, но как восхитительно радостно мне жилось! Кровь бурлила в жилах — у меня было чувство, будто на свете нет ничего такого, что оказалось бы мне не по силам. Почти все мои начинания тех лет позволяли выручить из беды какого-нибудь несчастного собрата по перу. Всегда имелись груды материалов — их требовалось разобрать, обработать и разнести по указателям; тома выписок — их следовало упорядочить; всегда возникала нужда съездить куда-то, чтобы уточнить разные мелкие подробности и даты. Одним словом, я обычно мог обеспечить сносное существование полудюжине из рядов оборванного воинства Парнаса».

….Он обожал читать вслух и больше всего — Шекспира, басни Драйдена и сатиры доктора Джонсона. Из современников ему нравились Джоанна Бейли, Крабб, Бёрнс, Байрон, Вордсворт и Саути. Читал он с большим подъемом, каждое действующее лицо пьесы наделял собственным голосом и интонацией, и по его лицу было видно, как глубоко он воспринимает и переживает читаемое. Самым выдающимся его качеством, о чем единодушно свидетельствуют все хорошо его знавшие, была благожелательность. Едва ли не все, кто обращался к нему за помощью, таковую получали. Томас Кэмпбелл, Теодор Хук, Бенджамен Хейдон, Вильям Годвин, Чарльз Метьюрин — всех их он выручал из беды, а также многих других писателей и художников, кто находился в стесненных обстоятельствах, за долги угодил

в тюрьму или из последних сил пытался ее избежать. Помогал он и совсем незнакомым лицам. Достаточно одного примера. Юноше из Кембриджского колледжа Святой Троицы, который хотел посвятить себя изучению какой-то редкой дисциплины, он послал 20 фунтов с просьбой и не думать об их возвращении, «пока фортуна не позволит Вам без ущерба для себя таким же образом порадеть другому молодому человеку, попавшему в полосу неудач»

….Поначалу он спал в мамином будуаре, где ему попались на глаза несколько томиков Шекспира. «Никогда не забыть, с каким упоением я, скорчившись в одной ночной рубашке перед маминым камином, читал их, пока шум отодвигаемых стульев не возвещал, что семья отужинала и мне пора возвращаться в постель, где, полагали домашние, я обретался в целости и сохранности еще с девяти часов». После должной подготовки с репетиторами его отдали в Эдинбургскую среднюю школу; особыми успехами он там не отличался. «Кто хоть чего-то добился в жизни, — записал он однажды, — собственным образованием в первую голову обязан самому себе».

….Но большая и самая приятная часть пребывания в Келсо прошла в тетушкином саду, где Вальтер зачитывался Спенсером и впервые открыл для себя старинные баллады из «Наследия древней поэзии» Перси. «Хорошо помню место, где я в первый раз прочитал эти томики, — под огромным платаном, что возвышался над останками старомодной зеленой беседки… Летние часы убегали так быстро, что я — учтите здоровый аппетит тринадцатилетнего парня — совсем забыл об обеде: меня бросились искать и нашли с головой погруженным в пиршество воображения. Эту книгу я не просто прочел — я ее выучил и после ошарашивал своих школьных приятелей и всех, кто был готов мне внимать, душераздирающими отрывками из баллад, собранных епископом Перси. Как только я сумел наскрести несколько шиллингов, что случалось тогда отнюдь не часто, я купил комплект этих драгоценных томов и, если не ошибаюсь, отдавал им столько времени и восторгов, сколько и вполовину не отдал никакой другой книге». Нынешние туристы, попав в Келсо, едва ли смогут представить себе тот сад, где он, бросив товарищей по играм, уединялся, чтобы читать романы Филдинга, Ричардсона и Смоллетта, декламировать строфы Спенсера и, следуя за древними бардами, погружаться в реальный для него мир собственного воображения.

….Закадычным другом Вальтера по колледжу был Джон Ирвинг, разделявший его любовь к романтической героике и ставший впоследствии присяжным стряпчим. Во время триместров — по субботам, а на каникулах и того чаще они уходили за город, взяв с собой книги

из библиотеки колледжа. Понимая, что со стороны их времяпрепровождение может показаться смешным, они выбирали самые малолюдные и труднодоступные места — Трон Артура, Солсберийские кручи или Блэкфордский холм — и там на пару зачитывались рыцарскими романами, причем Вальтер читал раза в два быстрее, а понравившиеся куски запоминал так крепко, что мог и через несколько месяцев цитировать их наизусть целыми страницами. Раньше Вальтер специально занимался французским языком, чтобы расширить свое знакомство с рыцарским эпосом; теперь друзья с той же целью взялись за изучение итальянского. Они много бродили по окрестностям Эдинбурга, облазили все старые замки на десять миль в округе, а на ходу развлекали друг друга, придумывая рыцарские истории, в которых бранные подвиги мило уживались с откровенными чудесами.

….Однако самое поразительное в этих романах — то, что они вообще были написаны, ибо в истории литературы они являют собой удивительнейший пример победы духа над плотью. Скотт понимал, что не вынес бы выпавших ему испытаний, не обладай он «двужильностью лошадиной упряжки». Ему еще предстояло много помучиться, но самое страшное было уже позади; восседая на пони, он, по его словам, был «вылитый образ Костлявой». Он чудовищно исхудал, ссутулился, одежда висела на нем как с чужого плеча, лицо осунулось и пожелтело, волосы поредели и стали белее снега. При всем том он писал Саути: «До сих пор моя частная и светская жизнь складывалась — удачнее не бывает; пусть же за темной завесой будущего меня ожидают только боль и несчастья — я их охотно приму, ибо и так уже щедро взыскан Судьбою. Проклятие страха было всегда чуждо моей натуре, и даже самая редкостная непредвиденная удача не может заставить меня жадно цепляться за жизнь».

….Жизнь Скотта являет благороднейший пример торжества воображения над реальностью, а духа над плотью, если считать, что «реальностью» в данном случае были полиомиелит и увечье в детстве, три года мучительного недуга, когда ему было далеко за сорок, и разорение на шестом десятке. Внутренняя жизнь, напоенная творческим воображением, была той опорой, благодаря которой он преодолел телесные немощи, не моргнув глазом встретил крушение всех своих честолюбивых надежд и «спал под раскаты грома». Так же стойко он перенес и последний удар судьбы, хотя душевные его силы были к этому времени подорваны, а физических страданий прибавилось».

….Но в своих многочисленных статьях для «Квартального обозрения» и других журналов он не позволил ни единого обидного слова о собратьях-писателях. Созданное человеком неотделимо от его лич-

ности в широком смысле слова, и личность эта накладывает свой отпечаток на труды его. Скотт по натуре любил доставлять радость; большинству своих романов он дал счастливые развязки — не потому, что их требовал читатель, но потому, что так нравилось ему самому. Публике, к счастью, тоже. ….Именно желание приносить радость заставляло его принимать гостей на широкую ногу, превратило его в хлебосольного и обязательнейшего хозяина. За обедом он уделял внимание каждому, следил, чтобы всем было легко и непринужденно; молчальников он втягивал в общий разговор, противников успокаивал, а грозившие вспыхнуть ссоры заливал кларетом.

….Скотт был человеком уникальным в том смысле, что многое от творческого гения Шекспира соединял с немалым же от мудрости доктора Джонсона. Мы можем постигнуть истинную природу воображения и проницательности Скотта, взяв половину от поэта и половину от мудреца и слив эти половины в единое целое. Другого великого писателя, в ком два этих качества пребывали бы в таком соответствии, мы не знаем. Личность творца полностью явила себя в семи великих романах; его мудрость нашла отражение в письмах и в «Дневнике». В июне 1825 года сам он был на вершине успеха. «Повести о крестоносцах» расходились, как горячие пирожки; его слава затмила известность всех живых современников и прогремела по обе стороны Атлантики, в Европе и в Северной Америке. Для него все еще не было ничего непосильного в литературе. Он любил повторять испанскую поговорку «Я и время любых двоих одолеем» и был настолько уверен в себе, что задумал написать жизнь Бонапарта. Это планировалось как биография исторического Наполеона, которую должен был выпустить Наполеон издательского дела, а написать Наполеон от литературы, хотя Скотт себя таковым и не числил.

«Хороший человек без изъяна» — так подытожил Мур свои впечатления о Скотте. Побывали они и в Эдинбургском театре, где Скотта всегда ожидал восторженный прием; на этот раз, как он записал в «Дневнике», «публика, к счастью, подобралась на редкость хорошая и устроила Т. М. овацию. Я был готов их всех расцеловать — ведь этим они отплатили за сердечный прием, оказанный мне в Ирландии».

20 ноября 1825 года Скотт начал вести «Дневник», возможно, самое ценное и, безусловно, самое волнующее свое сочинение: а поскольку «Дневник» открывает нам личность, в которой большое сердце уравновешено величием ума, — то и самый захватывающий из всех когда-либо написанных человеческих документов этого типа».

ГЛАВА 14. ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ВАЛЬТЕРА СКОТТА «КВЕНТИН ДОРВАРД»

1. РОМАН КВЕНТИН ДОРВАРД

Нагляднее будет поочередно проанализировать несколько Исторических Романов В. Скотта инструментарием научного контроля Открытия ПЭ.

Начнем с Квентина Дорварда, одного из самых успешных исторических романов писателя. Вот что пишет об этом произведении и о том как приняла его публика, особенно во Франции, Х. Пирсон. Именно с этим романом знаменитый «скоттовский характер» шотландских горцев перекочевывает в не менее знаменитые сегодня характеры гасконских мушкетеров в исторических романах Александра Дюма — ученика В. Скотта. Влияние Квентина Дорварда на знаменитую трилогию о мушкетерах Дюма, а также на другую трилогию — Графиня де Монсоро — проявляется даже в мелочах. Так, отважным солдатом, не побоявшимся сразится бок о бок с Квентином Дорвардом с лучшими рыцарями Франции оказывается гасконец Гийо, трагически павший жертвой своей храбрости в этом бою. Мы помним как Дюма оживит всю храбрость Гаскони в знаменитом дАртаньяне, создав из него тот же самый «скоттовский характер» рыцаря «чести и совести», рыцаря благородства и отваги, свойственной только «истинным дворянам». Далее, не менее знаменитый персонаж А. Дюма — шут Генриха Третьего Шико из «Графини де Монсоро». Вы можете убедиться, что идею «необычного шута», который их дурака с погремушками превращается в мыслителя с философским юмором и закадычного друга совести и короля, Дюма тоже позаимствовал

в Квентине Дорварде В. Скотта, срисовав его с шута Карла Смелого де Глорье.

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

> «Дело в том, что Тиль Ветцвейлер, по прозванию ле Глорье, был совсем не похож на обыкновенного шута. Это был человек высокого роста, красивый, очень ловкий во многих физических упражнениях, что уже само по себе не вязалось с умственным убожеством, ибо известный навык в каком бы то ни было деле требует терпения и внимания. Ле Глорье обыкновенно сопровождал герцога на охоту и на войну; в битве при Монлери, когда Карл, раненный в горло, подвергался страшной опасности и чуть не стал пленником одного французского рыцаря, уже схватившего за узду его коня, Тиль Ветцвейлер с такой яростью набросился на врага, что сбил его с лошади и освободил своего господина. Быть может, он испугался, что этот подвиг сочтут слишком серьезным для человека его ремесла и это создаст ему врагов среди бургундских рыцарей и дворян, бросивших своего государя на попечение придворного дурака, но только, вместо того чтобы ждать благодарности за свою услугу, он предпочел обратить ее в шутку и принялся так нахально хвастаться своими подвигами в этой битве, что большинство придворных решило, будто спасение Карла было такой же выдумкой, как и остальные россказни шута По этому-то случаю ему и было дано прозвище ле Глорье (то есть хвастун), так навсегда и оставшееся за ним.
> .....
> — Обратил ты внимание на выбор Людовика? — шепнул ле Глорье, подходя к Кревкеру, следовавшему за королем, который в эту минуту выходил из зала.
> — Как же! А разве ты имеешь что-нибудь против его выбора, дружок? — ответил ему де Кревкер.
> — О нет, решительно ничего, но только, право, выбор весьма замечательный! Висельник-брадобрей, наемный головорез-стрелок, палач с двумя помощниками да надувала-шарлатан в придачу. Я пойду с тобой, Кревкер, и посмотрю, как ты распределишь по чинам этих мошенников; хочу поучиться у тебя. Сам дьявол не мог бы подобрать себе лучшего совета и быть для него лучшим председателем!
> И находчивый шут, которому все дозволялось, фамильярно подхватил под руку графа и зашагал рядом с ним во главе сильного конвоя, который, соблюдая все внешние формы почтения к королю, повел его в новое помещение.
> .....

> «Хвала господу богу, давшему нам способность смеяться и смешить других, и срам глупцу, презирающему звание шута! Простая шутка, и притом далеко не из самых блестящих — хотя, видно, и не плохая, коли она позабавила двух монархов, — сделала больше целой тысячи политических доводов для предотвращения войны между Францией и Бургундией».

Таким образом, А. Дюма очень талантливо и очень удачно развил благотворное влияние исторических романов В. Скотта на современную культуру. Ведь хотя сегодня популярность обоих писателей несколько уменьшилась за счет торжества цинизма Дарвиновской парадигмы и Макиавеллизма ею порождаемого, тем не менее, всем когда-либо державшим в руках книгу людям известны имена обоих писателей.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «во Франции «Дорвард» неожиданно произвел такой же фурор, какой в свое время «Уэверли» вызвал в Шотландии, а «Айвенго» — в Англии. Французские модницы принялись шить наряды из шотландки цветов дома Стюартов — *a la Walter Scott*, и каждое утро цепочки экипажей выстраивались перед лавкой, где торговали этой материей. Об авторе заговорил весь Париж, и роман расходился тысячами. В Германии у Скогта уже было много приверженцев во главе с Гёте, объявившим его и Байрона своими любимыми писателями. Теперь же сэру Вальтеру предстояло сделать жанр романа модным и во Франции; Дюма, Бальзак и Гюго признали влияние Скотта на их творчество. Италия и другие страны тоже не остались в стороне. Парижский гвалт перекинулся на Британские острова, и «Дорварда» начали раскупать так бойко,
>
> Прибыли, собранные «Квентином Дорвардом» в одной лишь Европе, любого писателя убедили бы в том, что его будущее обеспечено. Роман заслужил выпавший на его долю успех. Времена Людовика XI Скотт считал «самой колоритной из всех эпох», но таковой их сделало его волшебное перо. Сюжет и характеры пребывают здесь в более точном равновесии, чем в предшествующих его книгах: Скотт не допускает и малейшего перекоса. Может быть, «Дорварду» недостает творческого накала «Найджела», однако сюжет туг лучше — и лучше оформлен, и действующие лица сопряжены с ним целиком и полностью. Портреты исторических лиц — герцога Бургундии Карла Смелого, Гийома де ла Марка, Оливье ле Дэна, кардинала де Балю, астролога Галеотти Мартивалле — таковы, что

> равных им не найти у других сочинителей, а высшее достижение Скотта в этом романе, Людовик XI, не только бесподобный тип лукавого, суеверного и безжалостного политика-интригана, но и самый достоверный и тщательно разработанный образ «злодея» в мировой литературе».

Мы попробуем в этой главе дать беглый анализ этого Исторического романа Скотта с позиций Теории психической энергии, реализуя таким образом самую сокровенную мечту автора о том, чтобы подвести под свои книги научный базис.

Нам важно показать, что все романы Скотта рисуют единое Полотно Истории как Священной Войны Добра и Зла, помещая таким образом в фундамент здания истории Законы психической энергии. Действительно Скотт с замечательной проницательностью дает портреты всех характеров, открытых Теорией ПЭ:

— Милграм-Эго простых людей, наивных и в общем здоровых, но не способных выносить давление и соблазны, посылаемыми им сильными мира сего

— Сатан-Эго мертвой мысли и мертвой совести властителей этого мира, в котором еще нет научного контроля, которых он наказывает казнью в своих романах

— Гибрис-Эго Романтиков, этих раздираемых между полем Эгосистемы и Энергией Духа мучеников, которые в конце концов погибают под собственной тяжестью

— Наконец, «Скоттовский характер» здоровой Энергии Духа Пространства-Времени Интеллекта — его Рыцари Чести и Совести, которых он сумел защитить от сарказма Сервантеса.

Причем тут важно отметить, что в отличии от романтизма греческой трагедии, где в центре герой-индивид, и от романтизма баллад трубадуров, где в центре «странствующий рыцарь», — в центре скоттовских романов Церковь Дружбы, на которой и покоится Мощь Энергии Добра. Это может быть Церковь Дружбы Саксов, как в Айвенго, ил Церковь Дружбы Шотландцев, как в Квентине Дорварде, — но всегда это христианская церковь дружбы с тем естественным правом свя-

щенной борьбы добра и зла, что мы находим в проповеди Христа.

Прежде всего, это позиция Этическая: Скотт смотрит на поле Эгосистемы с позиций поля Интеллекта Энергии Духа как на слабость, болезнь и порок, — как на Зло, пожирающее все человечество.

Подобно Кьеркегору, Ренану, Миллю и Честертону он защищает Рыцарей средневековья как Воинов Христа, показывая все то прекрасное и здоровое что принесло с собой рыцарство, и отделяя это здоровье от шизоидного романтизма, справедливо высмеянного Сервантесом. Вот почему все серьезные критике согласны в оценке творчества Скотта как «рационализме и реализме», и даже «анти-романтизме», поскольку Скотт настроен критически к романтизму.

Скотт как известно начал свое изучение истории с собирания народных баллад, в которых конечно был слышен еще и отзвук культуры трубадуров средних веков. Но исторический Роман, изобретенный Скоттом — не баллады, которые он бережно собрал и опубликовал на радость публике. Ибо баллады — это еще романтизм трубадуров по большей части. Исторические романы Скотта — это реализм научного контроля в попытках показать Полотно Истории в законах Священной Войны двух реальных энергий психики человека: энергии духа поля Интеллекта и материальной энергии поля Эгосистемы.

Это мы и стараемся доказать в последующих главах.

2. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОЛЬ ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ В ПОЛОТНЕ ИСТОРИИ В. СКОТТА

Важной отличительной чертой реализма произведений писателя является смещения центра сила Добра в его Полотне Истории с индивида на Церковь Дружбы благородных людей чести и совести». Прежде всего, это смещение взгляда на индивида с эстетической точки зрения на этическую точку зрения: вместо Идолов математической абстракции противостояния

двух бесконечных сил приходит видение законов природы двух реальных энергий психики — Этики истины и совести Духа против Тщеславия раболепия и насилия материальной энергии. Эта черта между двумя реальными качественно различными энергиями психики проведена в его книгах очень четко. Здесь четкий рационализм и четкий реализм в понимании качественного различия двух энергий человеческой психики. Здесь ничего похожего на противоборство двух Эго за Тщеславие, где нет правых и виноватых, а есть только победители, и правда на стороне сильного. Здесь ясно прописаны Законы человеческой психики, Истина для всего человечества, которая состоит в том, что есть Правая Энергия Чести, Совести, Справедливости, а есть неправая, порочная, сатанинская энергия Тщеславия, проявляющаяся во лжи, раболепии, насилии и предательстве.

Уже в этой этической позиции Скотта индивид теряет свое очарование Романтизма как Идола одному ему присущего волшебного всесилия. Он становится Частью единой Энергии Чести и Совести всего здорового человечества, и секрет его силы, его отваги, ума, благородства именно в принадлежности к этой здоровой энергии человечества. Таким образом, уже сама фундаментальная этическая позиция научного контроля законов природы подразумевает Церковь Дружбы всего здорового человечества.

Конечно, вплоть до сегодняшнего дня, вплоть от Открытия Психической Энергии в трудах вашей покорной слуги, — Т. Л. Хугаевой Тиникашвили, — говорить о каком-то выраженном научном контроле в социальной теории было трудно. Только сегодня мы на основе сделанного Открытия можем четко разделить два силовых поля психики, два контроля Закона Сохранения Силы для каждого поля — физический и научный, различать циклический гомеостаз физического контроля поля Эгосистемы и устойчивое равновесие поля Интеллекта, — и так далее закономерности духовной и материальной энергий психики и их противоборства.

Однако, уже с Первых Откровений Осевого Времени, когда люди получили первые истоки информации в гуманистических религиях о противоборстве двух энергий в психике человека, о противоборстве добра и зла в психике человека — начинаются попытки найти научный контроль человека и общества в законах психической энергии. И в этом смысле Христова Церковь сделал очень много не только для того, чтобы сохранить и передать нам знания античного мира, но и для того чтобы дать нам силы прожить эти две тысячи лет в поисках окончательного знания о двух силовых полях психики, которое позволит нам завершить борьбу со Злом, борьбу с материальной энергией, так четко объявленную Ангелом Христом в его Откровении.

Заслуга Вальтера Скотта посему еще и в том, что он «Носитель духа христианства» в том смысле, в котором еще Августин Блаженный противопоставлял «Дух и Букву» Писания. Скотт, как все истинные христиане после Августина придерживается Духа Писания, и знает, что Букву, то есть окончательную научную форму в законах природы, еще предстоит найти. И именно поэтому он придерживается этого Духа христианства с истинным рвением, которое мы можем прочитать например в его «Пуританах», показывающих всю глубину его знакомства с христианской теологией и теоретически и проникновения в христианскую веру сердцем и чувством.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Те, кто приятельствовал со Скоттом, как, впрочем, и те, кто знал его только по романам «уэверлеевского» цикла, были удивлены, услышав в самом начале 1828 года о том, что будут напечатаны две его проповеди. Читатели просто не могли представить его в роли проповедника. Приезжавшие к нему в Абботсфорд знали, конечно, о том, что утром по воскресеньям он читает перед домашними и гостями англиканскую службу, но знали они и другое: к священникам как таковым он не питал никакого почтения и многих из них считал самыми обычными мошенниками. Тем не менее его привязанность к Джорджу Томсону оставалась неизменной, и в 1828 году он все еще упорно пытался раздобыть приход для учителя своих детей. Был и другой молодой священник, в ком Скотт принимал участие и который, подобно Томсону, был отчасти непригоден на должность главы приходской церкви.

> Джордж Хантли Гордон, дипломированный священнослужитель из пресвитерианцев, отличался столь полной глухотой, что не решался взять на себя ответственность за приход. Скотт познакомился с ним, полюбил его и проникся к нему сочувствием; когда же Джон Баллантайн не смог переписывать для издателя рукописи «уэверлеевских» романов, эта работа перешла к Гордону. Важные гости Абботсфорда удивленно взирали на то, как хозяин, усевшись рядом с молодым пастором, повторяет тому в слуховую трубу наиболее интересные из застольных разговоров. Между прочим, Скотт не имел привычки восседать в кресле во главе стола, но по образцу Макбета, играя роль почтительного хозяина, любил затеряться среди присутствующих и усесться где заблагорассудится.
>
> ...Когда в 1824 году Гордон жил в Абботсфорде, где был занят перепиской «Редгонтлета», он узнал, что ему, возможно, пожалуют приход, и сильно расстроился: надо было написать пару проповедей, чтобы прочитать их перед Эбердинской пресвитерией, а он опасался, что не справится с этим. Скотт тут же взялся написать проповеди за него».

Церковь Дружбы в романах писателя всегда основана на христианской церкви, но не равна ей. Скотт пользуется метафорой «Знатного Рода», чтобы передать нам сообщество благородных людей Энергии Духа — особенных людей Пространства-Времени Интеллекта.

Можно не сомневаться, что в его произведениях «Знатный Род» его Благородных героев только метафора, хотя он сам конечно же не смог бы сказать, что это метафора именно Пространства-Времени Интеллекта. Тем не менее, это так.

Скотт не говорит о «дворянстве» и «знатности аристократического рода» в истинном смысле этих слов, потому что сам очень часто вынужден писать о «дьяволах» самой гнусной порочности в среде королей, принцев и первых лордов королевства. Он только подчеркивает, что есть «моральные расы», как говорит Жюльен Бенда, что есть «знатность духа», что есть «избирательность характера» как говорит Маслоу о самоактуалах, которые дружат только с такими же здоровыми людьми как они сами.

И в этом смысле все Церкви Дружбы Скотта построены на Знатности Духа его членов, которых он метафорически на-

граждает знатностью какого-либо конкретного рода и клана– саксонского, шотландского. В остальном он, подобно самоактуалам Маслоу, демократичным во всем кроме избирательности характера в своих друзьях, — настоящий демократ.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Рассказами про дворянство Пограничного края, что он слышал в детстве, питались рыцарские грезы его юности, с которыми он не расстался до самой смерти и которые определили его крайне уважительное отношение к роду и титулу. В нем не было ни капли снобизма, то есть желания подражать знати и напускать на себя вид, будто знакомствуешь с доброй половиной здравствующих пэров. Он выказывал больше почтения вождю обнищавшего шотландского клана, чем свежеиспеченному английскому лорду. Скотт любил не сам титул, но запечатленную в нем историю. Он был горд своим родом, и обретенная им слава писателя в его глазах ничего не стоила по сравнению с честью происходить от младшей ветви харденских Скочтов и состоять в клане Баклю. Как положено вассалу, он с семьей встречал рождество в доме прямого главы рода — Скотта из Хардена. Во всем этом проявился романтический дух, вдохновивший его па поэмы и романы. Но Скотт мог бы поучить подлинному демократизму и современного социалиста. У него ни разу не возникало чувства, будто по своей человеческой сущности он выше или ниже любого из смертных. Между слугами и родными он не делал никакого различия и разговаривал с первыми как с равными. Правда, он разделял веру доктора Джонсона в необходимость общественной иерархии и, адресуясь или обращаясь к людям выше по рангу, соблюдал необходимые формальности, однако строго осуждал тех, кто оказывался недостоин своего высокого положения. „Вот к чему приводит общество подхалимов и паразитов, а также неукоснительное следование любому капризу, который взбредет в голову, так что малейшее возражение против глупой прихоти превращается в неискупимую вину". Скотт написал это об определенном лице, но данное суждение в полной мере проявляет для нас его отношение к знати, забывающей о своих обязанностях, и к приживалам, забывающим о своем достоинстве».

В Квентине Дорварде Вальтер Скотт с особенным мастерством проводит незаметно для читателя мысль о том, что Мощь Энергии Чести и Совести не в волшебной силе индивида, а в единстве и преданности друг другу от важных и благородных

членов Церкви Дружбы. Вспомним как Дюма успешно провел эту мысли в Церкви Дружбы дАртяньяна и Трех мушкетеров! Знаменитым «Один за всех и все за одного» мы обязаны именно Церкви Дружбы в романах Вальтера Скотта! Но начиналась эта Церковь Дружбы Благородных носителей Чести и Совести с шотландских стрелков Людовика Одиннадцатого в Квентине Дорварде Вальтера Скотта.

В. Скотт, Квентин Дорвард:

« — Эй, вы, — крикнул он палачам. — Если этот юноша — шотландец, я не допущу, чтобы он был повешен!

— Спаси меня, земляк! — протягивая к нему связанные руки, воскликнул он на своем родном языке. — Именем Шотландии и святого Андрея молю тебя, заступись за меня! Я ни в чем не повинен! Ради спасения твоей души помоги мне!

— Именем святого Андрея клянусь, что им удастся схватить тебя, только переступив через мой труп! — сказал стрелок, обнажая меч.

— Перережь веревки, земляк, — воскликнул Дорвард, — и я сам еще постою за себя!

Один взмах меча — и пленник очутился на свободе. Неожиданно бросившись на одного из солдат, оставленных в помощь палачам их начальником, он выхватил из его рук алебарду и крикнул:

— Теперь подходите, если посмеете! Палачи начали перешептываться.

— Скачи скорее за господином прево, — сказал Труазешель, — а я постараюсь их здесь задержать... Эй, стража, к оружию!

— В добрый час, — ответил стрелок. — А вот кстати и кое-кто из моих товарищей.

Действительно, в то время как Тристан Отшельник со своим отрядом въезжал на пригорок с одной стороны, с другой подскакали галопом пять шотландских стрелков и во главе их сам Людовик Меченый.

На этот раз Лесли далеко не выказал того равнодушия к своему племяннику, в каком еще так недавно обвинял его Дорвард. Едва он увидел своего товарища и племянника в оборонительном положении, он крикнул:

— Спасибо тебе, Каннингем!.. Джентльмены, товарищи, на помощь! Этот юноша — шотландский дворянин и мой племянник... Линдсей, Гутри, Тайри, мечи наголо, марш вперед!

Людовик Меченый, нарочно оставшийся подле племянника, дал необходимые объяснения, и наконец, после долгих переговоров,

Дорварда пропустили и повели под сильным конвоем в помещение лорда Кроуфорда.

Этот шотландский дворянин был одним из последних уцелевших обломков доблестной дружины шотландских лордов и рыцарей, долго и верно служивших Карлу VI в его кровавых войнах, утвердивших независимость французской короны и изгнавших англичан из пределов Франции. Еще юношей он сражался под знаменами Жанны д'Арк и был чуть ли не последним из шотландских рыцарей, так охотно обнажавших свой меч за лилию против общего старинного врага — Англии. Перемены, происшедшие в Шотландии, а может быть, и долгая привычка к французской жизни и обычаям заставили старого лорда окончательно оставить мысль о возвращении на родину, тем более что, занимая высокое место при дворе Людовика, он благодаря своему открытому, честному характеру приобрел огромное влияние на короля, который, хотя вообще и мало верил в человеческую добродетель и честь, питал неограниченное доверие к лорду Кроуфорду и охотно подчинялся его влиянию, ибо Кроуфорд никогда не вмешивался ни в какие дела, кроме тех, которые входили в его прямые обязанности.

Людовик Меченый и Каннингем последовали за Дорвардом и его конвоем в помещение своего начальника. Благородная наружность старика и глубокое уважение, которое ему оказывали гордые, никого, казалось, не уважавшие шотландцы, произвели сильное впечатление на молодого человека.

.....

— Ну, если дело идет о молодом Дорварде, — сказал Кревкер, — тогда я молчу. Фортуна так решительно высказалась в его пользу, что я не осмелюсь больше противоречить этой капризной богине. Но поразительно, как все эти шотландцы, от лорда до последнего конюха, стоят друг за друга!»

Из этого отрывка видно, что в основе Церкви Дружбы шотландских стрелков Честь и Совесть Горного Дворянства Шотландии — преданность друг другу самых отважных и благородных христианских сердец, которая и составляет истинную силу главного героя в романе. Видно также и то, какое значение придает В. Скотт женщине, воину, и христианской святой — Жанне дАрк, под знаменами которой считали за честь драться самые благородные из его отважных рыцарей и лордов. Так он дальше вновь упоминает имя Жанны дАрк в связи с именем другого благородного рыцаря Дюнуа, который всегда становится на сто-

рону правды в конечном итоге, и потому тоже составляет Церковь Дружбы шотландцев, оказывающихся всегда на стороне истины и совести.

В ниже приведенном отрывке важно обратить внимание на то, как проницательно писатель разграничивает окружение Людовика Одиннадцатого — тех придворных, которых он приблизил для службы себе — от Церкви Дружбы Благородных людей Чести и Совести. В первом случае — это Тщеславие и Раболепие Садомазохизма материальной энергии, и только в случае с Знатными людьми Пространства-Времени Интеллекта — это Церковь Дружбы Благородных мира сего.

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

> «Несмотря на то, что Квентин был здесь новичком и не имел представления о пышности и блеске королевского двора, то, что он теперь увидел, не оправдало его ожиданий. Были тут, правда, и придворные в роскошных костюмах, и телохранители в блестящих доспехах, и множество слуг, но Дорвард не видел ни старейших государственных сановников, ни самых знатных вельмож королевства и не слышал ни одного из имен, звучавших призывным набатом для рыцарства тех времен. Не было тут ни великих вождей, ни старых, заслуженных генералов, составлявших силу Франции, ни блестящей, жаждущей славы и подвигов молодежи, составлявшей ее гордость. Подозрительный, замкнутый характер Людовика и его вероломная политика отдалили блестящих царедворцев от его трона, вокруг которого они собирались только в редких официальных случаях, да и то весьма неохотно, с радостью покидая королевский дворец, как звери в басне, приходившие в пещеру ко льву.
>
> Впрочем, двое или трое из них показались Дорварду по виду более благородными а так как на этот раз служебные обязанности Лесли не мешали ему болтать, то Дорварду удалось узнать имена заинтересовавших его лиц.
>
> С лордом Кроуфордом, присутствовавшим здесь в полной парадной форме, с серебряным жезлом в руке, Квентин, как и читатель, был уже знаком. Из других обративших на себя его внимание самым замечательным был граф Дюнуа, сын знаменитого Дюнуа, известного под именем Бастарда Орлеанского, который, сражаясь под знаменем Жанны д'Арк, сыграл такую видную роль в освобождении Франции из-под ига англичан. Сын его с честью носил славное имя отца и,

> несмотря на свое родство с королевским домом и на давнишнюю любовь к нему дворянства и народа, сумел благодаря своему честному, прямому и открытому характеру»

Наконец, оцените как ловко Вальтер Скотт рисует развязку романа таким образом, что самым очевидным образом подчеркивает, что Мощь Благородного характера Чести и Совести вовсе не в волшебном всесилии индивида, как думали романтики, а в единстве самых лучших людей земли — в Церкви Дружбы Благородных мира сего.

Во-первых, во главу угла поставлена именно совесть Дорварда, которая берет вверх не только над его тщеславием одержать победу над врагом, но и над его мечтой о личном счастье. Ему надо только победить разбойника Вепря, чтобы заслужить счастливый брак с прекрасной графиней. И он в шаге от победы. Но он слышит мольбу о помощи девушки, которая до этого выручила их из беды. И он бросает своего почти побежденного Вепря и спешит на выручку девушке. И вот тут, когда он уже попрощался с мечтами соединится с графиней, ему на помощь вновь приходит Церковь Дружбы шотландских стрелков: его дядя Людовик Меченный заканчивает бой за него и отказывается от приза — брака с графиней — в пользу Дорварда. Так Вальтер Скотт показывает, что сила Добра существует, но ее надо искать не в волшебстве всесилия тщеславных индивидов (подобных Ахиллесу), а в Церкви Дружбы Благородных мира сего.

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

> «И действительно, юноша оправдал доверие опытного воина. Несмотря на то что удары озверевшего разбойника падали с силой ударов молота по наковальне, ловкость молодого стрелка помогала ему увертываться от них, а его умение владеть мечом наносило противнику гораздо больший урон, хотя и с меньшим шумом и треском. Вскоре страшная сила де ла Марка стала видимо ослабевать, а место, на котором он стоял, превратилось в лужу крови. Тем не менее Арденнский Вепрь продолжал сражаться с прежней отвагой и неутомимой энергией, и победа Квентина казалась еще сомнительной и далекой, как вдруг чей-то женский голос окликнул его по имени.
> — Помогите, помогите во имя пресвятой девы! — кричала женщина.

Квентин повернул голову и узнал Гертруду Павийон. Накидка свалилась у нее с плеч; ее тащил какой-то французский солдат, один из тех, которые выломали дверь часовни и захватили как добычу укрывшихся в ней перепуганных женщин.

— Подожди меня одну минуту! — крикнул Квентин де ла Марку и бросился спасать свою благодетельницу от грозившей ей страшной опасности.

— Я никого не жду! — ответил де ла Марк, потрясая своей палицей, и начал отступать, вероятно очень довольный, что избавился от такого опасного противника.

— Но меня ты подождешь! — воскликнул Меченый. — Я не допущу, чтобы моего племянника оставили в дураках! — и с этими словами он бросился на де ла Марка со своим двуручным мечом.

Между тем Квентин убедился, что освобождение Гертруды было далеко не легкой задачей и он никак не сможет решить ее в одну минуту. Похититель, поддерживаемый своими товарищами, решительно не желал отказаться от своей добычи; и пока Квентин с помощью двух-трех земляков добился того, что он ее отпустил, судьба похитила у него счастливый случай, которым только что его поманила; когда он наконец освободил Гертруду, они оказались с нею одни на опустевшей улице. Совершенно позабыв о беспомощном положении своей спутницы, он, как гончая за оленем, бросился было по следам Дикого Вепря, но Гертруда уцепилась за него с отчаянным криком:

— Именем вашей матери молю вас, не покидайте меня! Если вы честный человек, защитите меня, проводите в дом моего отца, где когда-то вы и графиня Изабелла нашли верный приют! Ради нее не покидайте меня!

Эго был вопль отчаяния, против которого нельзя было устоять. С горечью в сердце сказав «прости» всем надеждам, поддерживавшим его силы в этот страшный, кровавый день, надеждам, которые одну минуту были, казалось, так близки к осуществлению, Квентин, против воли повинуясь этому призыву, повел Гертруду в дом Павийона. Он явился как раз вовремя, чтобы спасти не только дом, но и самого синдика от неистовства разнузданной солдатни».

3. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО НАУЧНОГО КОНТРОЛЯ И СВОБОДА БЛАГОРОДНЫХ ЛЮДЕЙ

Благородные Люди В. Скотта — подчеркнуто люди Интеллекта, хотя и в разной степени, поскольку речь идет о временах, когда образование было и непопулярно и мало доступно. Тем не менее, Скотт любит начинать жизнеописания своих героев с обстоятельного описания их образования, как например его первого героя Уэверли, которому посчастливилось пользоваться широкой библиотекой в юные годы. Это может быть совсем небольшое образование как у Квентина Дорварда, которому пришлось провести два года своей юности в монастыре и научится грамоте у монахов — и он слывет «ученым» среди шотландских стрелков. Это может быть «ученый рыцарь», друг леди Эммы графини Лесли, как в «Кениволрт», посвятивший свой досуг чтению ученых книг. Это может быть ученая еврейка Сара, которая слыла бы врачом с высшим образованием или докторской диссертацией в наши времена, как в «Айвенго». Или это может быть ученая Диана, возлюбленная главного героя «Роб Роя». Наконец, это мудрствующий на латыни король Яков и шотландский лорд, а также математик-часовщик, подолгу пропадающий в своих абстрактных размышлениях в «Приключениях Найджела». Так или иначе, Скотт, будучи сам человеком «мира отвлеченностей» как говорит Газданов, и потративший всю свою молодость на чтение, никогда не забывает сказать об образованности своих главных героев, и об их причастности в той или иной степени к миру абстрактных размышлений, литературных увлечений или конкретных научных знаний.

В «Пуританах» все главные герои как и подобает настоящим христианам — истинные теологи, читающие страстные проповеди о борьбе за естественное право евангелий против деспотического закона монархий.

Таким образом, у нас не может быть никаких сомнений что Скотт понимает, что основная движущая сила его Церкви Благо-

родных людей — это сила мысли, знания, науки, хоть она еще и не показала всей своей мощи.

Сам Скотт свою молодость посвятил далеко не только чтению художественной литературы, хоть и предпочитал это чтение любому другому, и называл его «Пиршеством Фантазии». Писатель всю свою жизнь проработал шерифом и был знатоком английского права. Подобно святому Августину и Махатме Ганди — двум святым юристам — юридическое образование Скотта очень сильно сказалось в его литературном творчестве, где он всякий раз ставит акцент на Верховенстве Закона над волей правителей, и на приоритете Естественного права над позитивным государственном праве — как например в «Пуританах».

В любом его романе, Благородные люди «Скоттовского характера» — это Люди Свободные от любого внешнего давления материального мира, и прежде всего от давления социального мира, представленного властью и государством. Но это Свобода — Относительная, как всякая Свобода научного контроля. Это Свобода — Естественного Права Христианской Церкви, еще в 11 веке утвердившей приоритет Закона Божьего над властью королей. Благородные рыцари Скотта не приспосабливаются к давлению материального мира подобно животным, простым людям и Сатанам. Они Контролируют свои отношения с социальным миром на основе Естественного права, которое в романах Скотта представлено Христианской Церковью и Рыцарскими законами о чести. Но эти законы Чести и Совести составляют законы их собственного сердца, и потому их не надо принуждать их соблюдать — они сами себе самые строгие судьи.

Если же какая власть вздумает заставлять их пойти против Чести и Совести — этой путеводной звезды Церкви Дружбы Благородных людей — то тем хуже для власти! Ни один рыцарь скоттовского романа — будь то женщина-рыцарь, или наемный шотландский стрелок, будь то еврейская женщина-врач или саксонский вождь Седрик — никогда не прогибаются под давление подлой власти, и никогда не идут на сделки с Совестью! Зато они смело выступают против подлой власти, твердо настаивая

на защите естественного права своей совести не подчиняться порочным приказам.

Так мы в Квентине Дорварде, как рыцарские характеры Скотта постоянно настаивают на гандиевской доктрине «несотрудничества с несправедливой властью», на естественном праве своей совести поступать только по справедливости.

Квентину Дорварду порочный Сатан Людовик Одиннадцатый поручает якобы сопроводить благородную девицу в поместье епископа, на самом деле преследуя цели прямо преступные: отдать ее насильно замуж за страшного разбойника, известного своей свирепостью и кровожадностью. И Квентин послушный приказу пока считал его честным, не раздумывая становится на защиту дамы против короля и его союзника разбойника, как только ему становится известна истина.

Другой шотландский стрелок, его родственник Людовик Меченный, который сразу подчиняется приказу того же короля драться и убить на дуэли его ученого астролога, категорически отказывается нанести ему удар тайно, из засады, называя это подлостью достойной палачей короля, но не его честных солдатов.

Наконец, суженая Квентина, юная графиня Изабелла, твердо отказывает своему сюзерену Карлу Смелому выходить замуж за кого бы то ни было по его приказу, и без склонности своего сердца. И она опирается вовсе не на дерзость тщеславия, а на Естественное право христианской церкви и рыцарских законов, и находит поддержку в Церкви Дружбы Благородных людей.

Так, Вальтер Скотт, усиливает контраст между Бессовестностью Сатана Людовика, который «суеверен, но не знает что такое религия» и заключает «сделки» с пречистой девой Марией, и совестливостью шотландца из Церкви Дружбы Благородных людей.

Однако, самый яркий и самый пронзительный пример Неприспособляемости к давлению материального мира Контрольной энергии Церкви Дружбы человечества Скотт дает

в сцене убийства свирепым убийцей Вепрем Гийомом де ла Марк благородного епископа католической церкви, который и под лезвием топора со всей отвагой, твердостью и совестью Пространства-Времени Интеллекта продолжает утверждать естественное право Истины и Совести против Физического контроля Насильников Сатанов.

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

> «Вот я прикладываю королевскую печать к твоему святому изображению в знак того, что исполню свой обет относительно Шампани, и клянусь, что никогда больше не стану прибегать к тебе в таких кровавых делах, зная, как ты добра и милосердна!
> Заключив этот оригинальный договор с пречистой девой, Людовик с видом глубокого благочестия прочел по-латыни семь покаянных псалмов и несколько молитв из службы пресвятой деве. После этого он поднялся с колен, вполне убежденный, что заручился заступничеством святой, тем более, как он лукаво подумал, что грехи, по поводу которых он к ней до сих пор обращался, прося ее покровительства, были иного характера и богоматерь Клерийская не могла считать его закоренелым убийцей, так как в своих преступлениях он чаще признавался другим святым.
> Очистив таким образом свою совесть, или, вернее, побелив ее, как старую гробницу, Людовик отворил дверь и кликнул Меченого.
> — Мой храбрый воин, — сказал он ему, — ты давно уже служишь мне верой и правдой, но до сих пор мало подвигался по службе. У меня есть друг, которого я должен наградить, — это ты, и враг, которого надо наказать по заслугам, — это вероломный негодяй Мартиус Галеотти. Лживыми уверениями он заманил меня в эту ловушку и предал моему смертельному врагу, как мясник приводит на бойню свою жертву.
> — Я вызову его на бой! Он, говорят, ловко дерется, хоть и выглядит неуклюжим, — сказал Меченый. .....
> — Как бы то ни было, — сказал король, — я не хочу подвергать опасности твою жизнь. Меченый. Я приказал этому изменнику прийти сюда, и он сейчас явится. Тебе нужно только выбрать удобный момент, подойти к нему ближе и ударить его под пятое ребро... Понимаешь?
> — Как не понять! — ответил Меченый. — Но только, не во гнев будь сказано вашему величеству, дело это мне не подходит... Я и собаки-то не убью иначе, как в пылу схватки, если она на меня бросится, или...

— Неужто у тебя такое мягкое сердце? — воскликнул Людовик. — Да не ты ли всегда был впереди и в осаде и в битве? .....

— Государь, — ответил Меченый, — с мечом в руке я никогда не отступал перед врагами вашего величества и не щадил их. Приступ — дело отчаянное, и опасность так горячит кровь человеку, что, клянусь святым Андреем, нужно потом часа два, чтобы она успокоилась; вот это самое я и называю оправданием грабежа после победы. Да сжалится господь над нами, бедными солдатами, которые сперва становятся полоумными в пылу боя, а потом и вовсе теряют разум, торжествуя победу! Слышал я об отряде, который состоял будто бы из святых. Уж вот кому, я думаю, было дела по горло! Молиться об остальном воинстве, замаливать грехи всех тех, кто носит шлемы, латы и мечи! Но то, что предлагаете вы, ваше величество, совсем не солдатское дело, хотя, должен сознаться, дел у нас вообще-то немало. Что же касается астролога, то если он изменник, пусть и умрет смертью изменника, а я тут ни при чем. У вашего величества есть под рукой прево с двумя помощниками; такое дело им больше пристало, чем шотландскому дворянину из хорошей семьи, состоящему на службе у короля».

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

«Затем Карл обратился к молодой графине и объявил ей напрямик, что этот брак — дело решенное, не допускающее ни отсрочек, ни колебаний, хотя она и не заслужила такой милости своим прежним упорством.

— Мой герцог и сюзерен, — сказала Изабелла, призывая на помощь все свое мужество, — вы мой законный государь, и я обязана вам повиноваться...

— Довольно, довольно! — перебил ее герцог. — Все остальное мы сами беремся уладить... Ваше величество, — продолжал он, обращаясь к Людовику, — изволили сегодня принимать участие в охоте на вепря. А что вы скажете, если я предложу вам после обеда поднять волка?

Молодая графиня увидела, что ей надо на что-то решиться.

— Ваша светлость не так меня поняли, — начала она робко, но достаточно громко и твердо, чтобы заставить герцога обратить на себя внимание, в котором он охотно бы ей отказал, предвидя, что она скажет. — Долг повиновения, о котором я говорила, относится только к моим землям и замкам, пожалованным предками вашей светлости моим предкам; и я возвращаю их бургундскому дому, если мой сюзерен полагает, что отказ повиноваться ему делает меня недостойной владеть ими.

— Святой Георгий! Да знает ли эта дура, с кем она говорит?! — воскликнул герцог, с бешенством топнув ногой. — Понимаете ли вы, кто перед вами?

— Ваша светлость, — ответила Изабелла с прежней твердостью, — я знаю, что нахожусь в присутствии моего законного и, надеюсь, справедливого государя. Если вы лишите меня владений, которыми мой род обязан великодушию ваших предков, вы разорвете единственные узы, связывающие нас. Не вы дали мне это бедное тело, не вы вдохнули в него живую душу... То и другое я намерена посвятить богу в монастыре урсулинок, под руководством святой матери аббатисы.

Ярость и бешенство герцога не имели границ, а его изумление можно было бы сравнить лишь с удивлением сокола при виде голубки, машущей на него своими крылышками, чтобы защитить себя.

— Еще неизвестно, примет ли вас святая мать без всякого вклада! — проговорил он презрительным тоном.

— Если бы, приняв меня, она нанесла ущерб своей обители, — ответила Изабелла, — я надеюсь, что в числе друзей моей семьи найдутся сострадательные люди, которые вознаградят ее за доброе дело и не оставят без поддержки сироту из дома де Круа.

— Все это ложь, низкий предлог, чтобы прикрыть какую-то тайную и недостойную страсть! — сказал Карл. — Герцог Орлеанский, она будет ваша, хотя бы мне пришлось собственноручно тащить ее к алтарю!

Но тут графиня де Кревкер, женщина смелая и решительная и притом твердо уверенная в заслугах своего мужа и в благосклонности к нему герцога, не могла больше сдерживаться.

— Государь, — сказала она, — гнев заставляет вас произносить недостойные речи. Рукою дворянки нельзя распоряжаться против ее воли.

— И кроме того, вам, как христианскому государю, не подобает противиться стремлению благочестивой души, желающей покинуть грешный мир и стать невестой Христа, — добавила, со своей стороны, аббатиса.

— Ваше высочество, — перебила его Изабелла, решимость которой поддерживало общее сочувствие, — это совершенно бесполезно. Я твердо решила отказаться от этого брака, хотя и сознаю, какая это была бы для меня великая честь.

— Да и мне, сударыня, некогда ждать, пока переменится ваш каприз вместе со следующей фазой луны, — сказал герцог Карл. — Людовик Орлеанский, ручаюсь вам, что не дальше как через час Изабелла даст свое согласие.

— Только не в мою пользу, государь, — ответил французский принц, понимавший, что он уже не может воспользоваться настойчивостью Карла, не унижая своего достоинства. — Для сына Франции достаточно один раз получить формальный отказ; он не может больше настаивать.

Карл свирепо взглянул сперва на герцога Орлеанского, потом на Людовика и, прочитав на лице последнего выражение скрытого торжества, пришел в неистовую ярость.

— Пиши! — крикнул он своему секретарю. — Пиши наш приговор о конфискации владений и заключении в тюрьму этой дерзкой ослушницы! В Цухтхауз ее, в исправительный дом, в общество разгульных женщин, которые не уступят ей в наглости!

Поднялся общий ропот.

— Ваша светлость, — сказал наконец граф де Кревкер, решившись выразить общее мнение, — такой приговор требует более зрелого размышления. Мы ваши верные слуги, но мы не можем допустить, чтобы вы запятнали подобным бесчестьем бургундское дворянство и рыцарство. Если графиня провинилась — накажите ее, но пусть это наказание не позорит ее и наше звание и не заставляет нас краснеть за кровное родство и дружеские связи с ее домом.

Герцог с минуту молчал и глядел прямо в лицо говорившему, как бык, которого пастух заставляет свернуть с избранной им дороги и который стоит, размышляя, покориться ли ему или поднять дерзкого на рога. Однако благоразумие на этот раз пересилило гнев. Карл видел, что де Кревкер выразил общее мнение, и боялся дать в руки Людовику те выгоды, которые он, несомненно, мог бы извлечь из недовольства бургундских вассалов; к тому же очень возможно, что он и сам устыдился своего неблагородного поступка, так как, несмотря на всю свою грубость и вспыльчивость, был вовсе не зол.

— Ты прав, Кревкер, — сказал он, — я поступил необдуманно. Мы назначим ей наказание согласно рыцарским законам. Ее побег в Льеж был сигналом к убийству епископа — так пусть же тот, кто отомстит за его смерть, кто принесет нам голову Дикого Арденнского Вепря, получит право просить у нас ее руки! Если же она и на этот раз откажется нам повиноваться, мы отдадим победителю ее земли и все ее имущество, и уж тогда будет зависеть от его великодушия уделить ей сколько он захочет для поступления в монастырь.

— Ваша светлость, — сказала графиня, — вспомните, что я дочь графа Рейнольда, старого, верного друга вашего покойного отца. Неужели же вы сделаете из меня приз для того, кто лучше владеет мечом?

— Ваша прабабка была завоевана на турнире, — ответил герцог, — а из-за вас будут драться в настоящем бою. Из уважения к памяти

покойного графа Рейнольда я объявляю: чтобы получить приз, победитель должен быть непременно дворянином хорошего рода и незапятнанной репутации, но, будь он хоть беднейшим воином, когда-либо носившим меч, он получит по крайней мере право просить вашей руки. Клянусь в этом святым Георгием, моей герцогской короной и орденом, который я ношу!.. Ну что, господа, — добавил он, — надеюсь, что теперь мое решение соответствует законам рыцарства?»

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

«Последовавшая сцена была коротка и ужасна. Когда несчастного прелата подтащили к ногам свирепого вождя, старик, всю жизнь отличавшийся добрым и мягким характером, в эту страшную минуту выказал мужество и достоинство, присущие тому высокому роду, из которого он происходил. Взгляд его был спокоен и решителен; осанка и движения, когда наконец грубые руки солдат выпустили его, были исполнены величия венценосца и кротости христианского мученика. Сам де ла Марк был поражен твердостью своего пленника и, вспомнив о благодеяниях, оказанных ему этим человеком, на минуту смутился и потупил глаза, но, осушив залпом большой кубок вина, он снова с дерзким высокомерием взглянул на несчастного епископа.

— Людовик Бурбон, — так начал свою речь свирепый воин, сжимая кулаки, стискивая зубы и тяжело переводя дух, — я предлагал тебе мою дружбу, но ты отверг ее. Чего бы ты не дал теперь, чтоб все было иначе!.. Никкель, приготовься.

Мясник поднялся с места, взял свой топор и, обойдя де ла Марка сзади, стал подле него со своим страшным оружием в поднятой мускулистой руке.

— Взгляни на этого человека, Людовик Бурбон, — продолжал де ла Марк, — и скажи, какие условия ты можешь нам предложить, чтобы спастись в этот грозный час.

Епископ поднял грустный, но бесстрашный взгляд на грязного слугу, готового исполнить волю тирана, и с твердостью ответил:

— Выслушай меня, Гийом де ла Марк, и вы все, добрые люди, если здесь найдется хоть один человек, достойный назваться этим именем, — выслушайте, какие условия я могу предложить этому негодяю. Гийом де ла Марк, ты поднял мятеж в имперском городе, ты силой захватил замок князя Священной Германской империи, перебил его слуг, разграбил его имущество, оскорбил его священную особу. За это ты подлежишь имперскому суду и заслуживаешь быть объявленным вне закона и стать изгнанником, лишенным всех прав состо-

яния. Но ты сделал не только это — ты сделал больше. Ты преступил не только законы человеческие, за что заслуживаешь человеческой казни, — ты преступил законы божеские: ты вломился в храм господень, наложил руки на служителя церкви, осквернил святилище кровью и грабежом, ты совершил святотатство…

— Кончил ли ты? — в бешенстве перебил его де ла Марк, топнув ногой.

— Нет, — ответил прелат, — я еще не сказал тебе условий, которых ты требовал от меня.

— Так продолжай, — сказал де ла Марк, — да смотри, чтобы конец понравился мне больше начала, не то горе твоей седой голове! — И он откинулся на спинку кресла, заскрежетав зубами, особенно сильно напоминая в эту минуту дикого зверя, чье имя он носил.

— Я перечислил твои преступления, — продолжал епископ со спокойной решимостью, — теперь выслушай условия, которые я как милосердный государь, как христианин и духовный отец, забывая все личные обиды и прощая все оскорбления, могу тебе предложить. Брось свой предводительский жезл, распусти войско, освободи пленных, возврати награбленную добычу, раздай свое имущество тем, кого ты сделал сиротами и вдовами, надень на себя власяницу, посыпь голову пеплом, возьми в руку посох и босой ступай в Рим… Мы же со своей стороны обещаем тебе лично ходатайствовать перед Ратисбонским имперским сеймом за твою жизнь и перед нашим святым отцом папой за твою грешную душу!

В то время как Людовик Бурбон произносил свою речь таким повелительным тоном, словно это он сидел на епископском троне, а у его ног валялся преступник, на коленях вымаливающий прощение, де ла Марк, изумление которого мало-помалу уступало место бешенству, медленно приподнимался в своем кресле, и, когда епископ умолк, он только взглянул на Никкеля Блока и молча поднял указательный палец. В тот же миг разбойник нанес удар, как будто на бойне, и епископ без стона, без крика упал мертвый к подножию собственного трона. Льежские горожане, совершенно не подготовленные к такой ужасной развязке и ожидавшие, напротив, что переговоры окончатся мирным соглашением, вскочили со своих мест, как один человек, с громкими криками ужаса и негодования».

4. УСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ ЧЕСТИ И СОВЕСТИ ПРОТИВ ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА САДОМАЗОХИЗМА САТАНОВ

Что такое Физический Контроль циклического гомеостаза материальной энергии? Этот механизм постоянного приспособления к силе материального мира. Картина чувственной информации Эго и СуперЭго показывает соотношение сил между индивидом и материальным миром и «сигнализирует» какую позицию Насилия (Самолюбия) или Подчинения (Влюбленности) должен принять индивид согласно расположению сил на данный момент. И это расположение сил всегда изменчиво, насилие переходит в рабство, а рабство в насилие — потому что Кривое зеркало чувственной информации не может дать сколько нибудь верного отражения истины о человеке и о реальном мире и об их взаимодействии: все что оно показывает, от абстракции количественных сил вместо законов природных энергий до противостояния этих сил — все сплошная ложь. А на такой лжи никогда не построить желательных отношений со средой, и человек обречен оставаться в рамках качелей циклического гомеостаза, пока не сойдет с поля Эгосистемы на твердую почву Энергии Духа научного контроля.

Что такое Ложь, Подлость, Коварство и Предательство Сатанов? Это обыкновенное приспособление к материальному миру у материальной энергии психики.

Мой научный руководитель в аспирантуре любил говорить «Жизнь — трудная! Это только вид делают!». Вот это ощущение душного подвала Неравновесия, Голода и Боли циклического гомеостаза физического контроля и заставляет людей на поле Эгосистемы материальной энергии искать любого приспособления к внешнему давлению силы, лишь бы как то уменьшить боль, уменьшить напряжение этого голода и неравновесия. И Сатаны — это те, кто в конечном итоге выработали для себя циническую теорию лжи, коварства и подлости макиавеллизма, который позволяет им пользоваться всеми подручными средствами, использовать любую ткань материального мира, поддающуюся

их воздействию, чтобы перейти с Нижней Эгозащиты Влюбленности и Подчинения на Верхнюю Эгозащиту Самолюбия и Насилия. Макиавелли вполне выразил мысли Диавола, Отца Лжи, как его называет Христос в Евангелиях.

Есть пошлая пословица вульгарных людей: Совесть — это роскошь, а мы — люди бедные. Но в этой пословице отражена вся правда о том, что люди физического контроля циклического гомеостаза слишком бедные, слишком страдают мотивацией дефицита, голода, неравновесия, боли (страха), чтобы дорасти до понимания того, что такое Совесть Благородных людей Пространства-Времени Интеллекта с его устойчивым равновесием и мотивацией избытка и удовольствия!

Ибо Совесть есть та устойчивая правда в законах природы, доступ к которой открывает научный контроль Энергии Духа. Совесть есть попросту говоря правда о реальности, о себе, об энергиях материального мира, которая доступна только Контрольной энергии духа. Быть Честным, Иметь Честь — значит обладать устойчивым равновесием Знания законов природы, которые позволяют Контролировать материальные энергии, а не приспосабливаться к ним! Иметь Совесть и быть справедливым значит чувствовать эти законы природы в Общем Я энергии Духа человечества, и поступать согласно своим знаниям и своим чувствам.

В этом принципиальное различие между физическим контролем материальной энергии и научным контролем Энергии Духа: материальная энергия не знает что такое роскошь устойчивого равновесия Пространства-Времени Интеллекта, и вместо того чтобы добиваться этого равновесия в образовании и очищении себя от поля Эгосистемы, они соблазняют и предают совесть в «наивных» простых людях, которых считают дураками, чтобы переварить их в свою Верхнюю Эгозащиту Самолюбия и Насилия. И напротив, научный контроль Энергии Духа не приспосабливается к материальному миру: Пространство-Время Интеллекта позволяет ему эту роскошь, неслыханную для материальных энергий.

Энергия Духа сама способна устанавливать контроль над силой материальных энергий полностью защищать себя этим контролем от какого-либо опасного давления материального мира. Единственным же условием обеспечить Мощь и постоянное равновесие этого Контроля — это верное служение Истине, Законам природы Господа, Совести и Справедливости Церкви Дружбы Благородных людей научного контроля, другими словами — сохранение Чести Честных людей.

Вот почему в основе Научного контроля — честность, Честь, Совесть — Служение истине Пространства-Времени Интеллекта.

И вот почему в основе Физического контроля — Ложь, Подлость, Предательство Приспособления к материальному миру.

В итоге цель человека не в приспособление к окружающей среде и не в достижении успеха, как думают Социальные Дарвинисты, для которых Сатаны на верхах власти — это образец здоровья и успеха в приспособлении. Цель человека достичь «уровня бытия», как говорят Фромм и Маслоу, то есть достичь устойчивого равновесия Пространства-Времени Интеллекта — специального и уникального предназначения человеческой расы на земле. Любой кто стал Небожителем Пространства-Времени Интеллекта (как здорово Благородные люди Скотта отображают этот «избыток» энергии позитивных эмоций в Отваге, в Энтузиазме, в Энергии творчества) — счастливее самого удачливого Сатаны на вершинах социальной лестницы, но в пучине «душного подвала» циклического гомеостаза физического контроля.

Любой, даже великие и знаменитые мученики христианской церкви могут сказать вместе с Христом всякому, кто решится их отговаривать принять смерть за Честь и Совесть научного контроля Церкви Дружбы — «Отойди от меня Сатана»! Ведь и мученичество тоже отображает специфику Контрольной Энергии поля Интеллекта, объектом контроля которой всегда остается истина научного контроля, даже если за эту истину надо умереть. Но мученичество терзает Церковь Дружбы Благородных людей только в трудные времена победы Сатанов как

сегодня, и совершенно исчезнет с повестки дня с победой научного контроля Энергии Духа и нейтрализацией поля Эгосистемы через систему образования.

Тем не менее, и мученичество нищих апостолов рыбаков, распятых Нероном в его цирке, лучше, чем успех Нерона и Сатанов на вершинах власти! Ибо мученики уже живут на уровне Бытия Пространства-Времени Интеллекта, они уже Небожители, если предпочли объектом контроля Истину, а не приспособление к материальному миру душного, темного, вонючего подвала гадюк бесхребетных.

И опять таки Вальтер Скотт блестяще справляется с задачей, самым глубоким инсайтом высвечивая дно черной подлости, свирепости, основанной на постоянно грызущем страхе, мерзости предательства всего божеского и благородного в человеке, чего низость материальной энергии не в состоянии понять.

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

> «Людовик не был романтичен по природе: в нем не было и искры той благородной рыцарской отваги, которая не столько гонится за пользой и успехом, сколько за славой и честью. Расчетливый и хитрый, он прежде всего ставил свои личные интересы и умел ради них жертвовать не только своей гордостью, но и своими страстями. Он тщательно скрывал истинные мысли, намерения и чувства даже от своих приближенных и нередко говаривал: «Кто не умеет притворяться — тот не умеет и царствовать; что касается меня, то, узнай я, что моя шапка проведала мои тайны, я в ту же минуту бросил бы ее в огонь». Никто — ни до него, ни после — не умел лучше подмечать слабости ближних и пользоваться ими для своих выгод, в то же время ловко скрывая от всех собственные недостатки и слабости.
>
> Людовик был по природе мстителен и жесток до такой степени, что бесчисленные казни, совершавшиеся по его приказанию, доставляли ему истинное удовольствие. Он не знал ни милосердия, ни пощады в тех случаях, когда мог действовать безнаказанно; но вместе с тем никакая жажда мести не могла толкнуть его на безрассудный, необдуманный поступок. Он бросался на свою жертву только тогда, когда она была в полной его власти и не могла от него ускользнуть; и действовал всегда так осторожно, ловко и скрытно, что смысл его тайных происков становился

понятен окружающим лишь после того, как он добивался своей цели.

Прирожденная скупость Людовика не мешала ему, однако, быть щедрым до расточительности, когда дело шло о том, чтобы подкупить какого-нибудь фаворита или министра враждебного ему государя и этим предотвратить грозившее ему нападение или разрушить подготовляемый против него союз. Он любил чувственные наслаждения и всякие развлечения, но даже самые сильные его страсти — женщины и охота — не могли отвлечь его от строгого исполнения взятых им на себя обязанностей — от управления государством.

Но цельные характеры — большая редкость, и в этом хитром и одаренном государе уживались странные противоречия. Несмотря на все свое лицемерие и лукавство, Людовик иногда слишком слепо и опрометчиво полагался на прямодушие и честность других. Подобные промахи имели, по-видимому, своим источником слишком тонкую игру, побуждавшую его иногда прикидываться и надевать личину неограниченного доверия к тем, кого он хотел обмануть; обычно же он бывал так недоверчив и подозрителен, как ни один из властителей того времени.

Чтобы дополнить наш беглый набросок, укажем еще на две характерные черты этого страшного человека, сумевшего то ловкой политикой, то вовремя брошенной подачкой, то, наконец, жестокостью и крутыми мерами выдвинуться среди воинственных, суровых государей того времени и занять среди них место укротителя диких зверей, которые разорвали бы его на куски, если бы он не — подчинил их своей власти.

Первая из характерных черт Людовика — это крайнее суеверие, бич, при помощи которого провидение часто терзает людей, отказывающихся исполнять повеления религии. Людовик никогда не пытался успокоить преступную совесть, изменив хоть на волос свою макиавеллистскую политику, но тщетно старался заглушить муки раскаяния исполнением суеверных обрядов, строгим покаянием и щедрыми дарами, расточаемыми духовенству. Второй его чертой, которая, как ни странно, часто бывает неразлучна с первой, была страсть к низменным удовольствиям и тайному разгулу. Самый умный или, во всяком случае, самый хитрый из современных ему монархов, Людовик любил низменные наслаждения. Несмотря на крайнюю недоверчивость, он с удивительным легкомыслием пускался во всевозможные сомнительные похождения и любовные интриги. Страсть его к подобным развлечениям была так велика, что дала пищу для бесчисленных игривых и скандальных анекдотов, собранных и изданных отдельной книжкой, которая хорошо знакома библиофилам,

в чьих глазах (ведь другие таких книг не читают) первое издание является наиболее ценным

..... Прошло несколько дней, и наконец Людовик с улыбкой удовлетворенной мстительности выслушал известие, что его любимец и советник кардинал де Балю уже стонет в железной клетке, устроенной таким образом, что он не может даже выпрямиться и не находит отдыха ни в каком положении, и где, кстати сказать, он провел около двенадцати мучительных лет».

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

« — Ваше величество могли бы отослать дам в Бургундию и таким образом сохранить мир с герцогом, — заметил советчик. — Конечно, это, может быть, вызовет ропот и будет названо бесчестным поступком, но если такая жертва необходима...

— Будь она выгодна, Оливье, я бы, ни на минуту не задумываясь, принес ее, — ответил король. — Я старый воробей и не попадусь на удочку, называемую честью. Но гораздо хуже потери чести то, что, отослав этих дам в Бургундию, я потеряю ту выгоду, которую мы могли бы получить, давая им убежище при нашем дворе. Было бы слишком обидно упустить такой удобный случай посадить друга Франции и врага Бургундии в самом центре владений герцога и в такой близости от мятежных городов Фландрии. Нет, Оливье, я не могу отказаться от выгод, которые сулит нам брак этой девушки с человеком, близким нашему дому.....

— Нет, Оливье, я не настаиваю... то есть не очень настаиваю на добродетели, — сказал король, — но мне кажется, что мужем Изабеллы де Круа должен быть не такой всем известный отъявленный негодяй, как этот Адольф Гельдернский. Что ты скажешь, например, раз уж мне приходится придумывать самому... что ты скажешь о Гийоме де ла Марке?

— По чести, ваше величество, — ответил Оливье, — я не могу пожаловаться, что вы предъявляете слишком высокие требования к нравственным качествам будущего супруга графини, если вы довольствуетесь Диким Арденнским Вепрем. Как! Де ла Марк? Да ведь это известнейший по всей границе разбойник и убийца! Сам папа отлучив его от церкви за многие злодейства!

— Мы выхлопочем ему отпущение, Оливье, — сказал король, — святая церковь милосердна.

— Да ведь этот человек почти вне закона, — продолжал Оливье, — он изгнан из пределов империи приговором Ратисбоннского сейма.

— Мы снимем с него это запрещение, Оливье. Имперский сейм можно вразумить.

— Он знатного происхождения — это верно, — продолжал Оливье, — но по манерам, по наружности да и по натуре он настоящий фламандский мясник... Нет, она никогда не согласится на этот брак.
— Но, если я не ошибаюсь, при его способе сватовства у нее не будет другого выбора, — заметил Людовик.....
— Правда твоя, — сказал король — Благодаря нашей тайной денежной помощи де ла Марку удалось собрать шайку таких отчаянных головорезов, что теперь он может не только держаться в своем лесу, но даже быть опасным соседом и для Бургундского герцога и для епископа Льежского. Ему недостает только земель, которые он мог бы называть своими, а так как теперь ему представится удобный случай приобрести их при помощи брака, то я думаю, черт возьми, что нам едва ли придется объяснять ему, как в данном случае поступить. И тогда у герцога Бургундского окажется такая заноза в боку, что ее вряд ли сумеет вытащить самый искусный хирург. А когда Арденнский Вепрь, которого он изгнал из его владений, укрепится и захватит все земли, замки и титулы прекрасной графини, да еще, пожалуй, станет во главе мятежников Льежа — что, клянусь честью, очень возможно, — тогда мы посмотрим, будет ли наш любезный Карл думать о войне с Францией и не придется ли ему благословлять свою звезду, если Франция не объявит войну сама. Ну, как ты находишь мой план, Оливье?
— Превосходным, — ответил Оливье, — за исключением того, что этот план отдает прелестную графиню в руки Дикому Вепрю Арденн. По чести говоря, будь у великого прево Тристана побольше внешнего лоска, даже он был бы более приличным мужем для нее».

5. ЦЕРКОВЬ ДРУЖБЫ В БРАКЕ БЛАГОРОДНЫХ ЛЮДЕЙ. ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ КАК ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ ВСЕЙ ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ

В романе Д. Мережковского о Леонардо де Винчи встречаются два великих человека своего времени на службе у Чезаре Борджа: тот самый Макиавелли, который сделает Чезаре Борджа героем своего «Князя», и великий Леонардо де Винчи. И вот однажды Макиавелли с показным равнодушием рассказывает Леонардо де Винчи последние сплетни о фривольной жизни государя Чезаре. Он похитил двух женщин, жену какого-то знатного офицера и совсем юную монашку. Первая довольно быстро за-

была о муже и часто ездит на прогулки со своим новым любовником, а вторую Чезаре держал под замком и насиловал, пока эта пятнадцатилетняя девочка не перерезала себе горло бритвой.

Вот хороший пример двух разных типов женщин: первая — материальная энергия физического контроля быстро приспосабливается к давлению материального мира. Вместо того, чтобы горевать о потерянной чести, она просто переходит на Нижнюю Эгозащиту Притяжения Влюбленности и физический контроль поля Эгосистемы несет ее дальше в хаосе каждодневного приспособления к давлению материального мира.

Вторая, юная монашка — пример Женщины –Рыцаря Пространства-Времени Интеллекта, где объектом контроля всегда остается Честь и Совесть. Она не стала приспосабливаться к давлению материального мира, но как сумела осталась верной правде Царствия Небесного.

В. Скотт в в романах Айвенго, Кенилворт, Роб Рой, Приключения Найджела, в Квентине Дорварде пишет об изнасиловании женщин с тем ужасом, в котором чувствуешь понимание и осознание общей судьбы с женщинами — рыцарями Церкви Дружбы Пространства-Времени Интеллекта. Ведь у Церкви Дружбы Одна Истина, Одна Справедливость, Одна Совесть и значит Одна Честь на всех ее членов. И мужчины ЦЕркви Дружбы, всегда остро чувствуют подобно Газданову и Скотту, то Преступление против Святого Духа, которое лежит в основе изнасилования женщин.

Совершенно очевидно, что подобно самим этим женщинам, таким как юная монахиня, перерезавшая себе горло, и Газданов и Скотт готовы убить насильников и считают это единственным справедливым возмездием за такое святотатство. Ведь Господь создал мужчин и женщин для нежности отношений божеского духа в них в Церкви Духа, а вовсе не для святотатства Садомазохизма физического контроля. А Хула на Духа святого, как известно, никогда не простится….

Убить себя — это меньшее, что можно сделать, если не можешь предотвратить или отомстить. По крайней мере, возмездию

должна быть посвящена жизнь жертвы, которая не приспосабливается к давлению материального мира подобно подлой свинье садомазохизма, а блюдет Честь и Совесть Пространства-Времени Интеллекта. И героини Скотта все подобно юной монахине из романа Мережковского: знатная саксонка Урсула в Айвенго, изнасилованная норманскими баронами получает тяжелые упреки Сакса Седрика в том, что она осталась жить в бесчестье, когда кинжал был всегда рядом. Но саксонка Урсула при помощи Седрика и его Церкви Дружбы с Робин Гудом сумеет жестоко отомстить обидчику и в конечном итоге даст тому же пламени пожрать и ее саму.

Женщины-рыцари Вальтера Скотта — боевые товарищи Церкви Дружбы благородных людей. У Скотта и в помине не остается циклического гомеостаза Садомазохизма Самолюбия и Влюбленности, Господства и Подчинения. Единственные Нравственные женщины в его романах — это женщины высокообразованные в основном, женщины, которые подобно мужчинам чтут только Честь и Совесть, и ничего не знают о том, чтобы подобно героиням Симоны де Бовуар смотреть на мир «глазами мужчин» и перенимать ценности и мнения мужчин. Нет, они подобно самоактуалам Маслоу имеют сильную волю, критическое мышление, и самостоятельно принимают решения относительно того что Истина, а что Ложь, и где Справедливость и Добродетель, а где Порок и Подлость. И в этом, как и во всем остальном своем ментальном поведении они остаются равноправными членами Церкви Дружбы Благородных людей.

Скотт настолько ценит в настоящих женщинах эту силу духа поля Интеллекта, что доводит до абсурда отождествление женщин с мужчинами. Так, в романе Аббат, он вводит для главной героини Кэтрин близнеца –брата, и долго по ходу сюжета читатель не знает женщина она или мужчина, хотя она остается горячо любимой женщиной главного героя. В романе Роб Рой возлюбленная главного героя Диана прямо отказывается называть себя женщиной, и претендует во всем на мужскую позицию, что не мешает им в конечном итоге счастливо жениться. Жена Роб

Роя настолько властная и сильная женщина, что в отсутствии мужа, все члены клана беспрекословно подчиняются ее приказам. Она же — жертва подлого изнасилования, которая жестоко мстит своим обидчикам, приговаривая к смерти пленных вражеского лагеря. В «Приключениях Найджела» дочь ученого математика, ремесленника-часовщика, прекрасная леди-рыцарь Чести и Совести, тоже переодевается в мужчину, чтобы вызволить из беды своего возлюбленного. И только с такими мужественными женщинами рыцари Скотта соединяются в счастливых браках в Церкви Дружбы Благородных людей.

Изабелла, юная графиня де ла Круа и избранница Квентина Дорварда — типичный «скоттовский характер» женщины-рыцаря. Ее руководители — Честь и Совесть, ее советники — собственный критический разум, ее добродетель — справедливость. Она не подчиняется приказам своих государей, но слушает только свою совесть. Она требует, чтобы Квентин как рыцарь, обязанный ее защищать, убил ее прежде, чем она попадет в руки Вепря Гийома де ла Марк. И здесь опять Скотт со всей проницательностью вводит образ тетушки Изабеллы графини Амелины, обычной женщины физического контроля материальной энергии. Ее по ошибке похищает Вепрь Гийом де ла Марк, и тетушка подобно первой героине в рассказе Макиавелли в романе Мережковского, в конечном итоге счастлива похищению и браку со свирепым убийцей.

Но не такова женщина-рыцарь Церкви Дружбы Благородных людей, Изабелла де ла Круа, совестливость и мужество которой выделяют ее словно жемчужину на протяжении всего повествования Скотта. И именно Совесть и Честь сводят юные сердца вместе в Церковь Дружбы Благородных людей, где совершаются все браки между женщинами-рыцарями и мужчинами-рыцарями, боевыми товарищами по оружию против Зла Сатанов в Священной Войне Добра и Зла, которые не знают, что такое Садомазохизм циклического гомеостаза материальной энергии.

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

« — В таком случае, государь, я выскажусь откровенно, — ответил Галеотти. — Если в задуманном вами предприятии есть что-нибудь такое... словом, что могло бы оскорбить его чувствительную совесть, не поручайте такого дела этому юноше, по крайней мере до тех пор, пока он не пробудет у вас на службе несколько лет и не сделается столь же неразборчивым в средствах, как и другие.

— Так вот чего ты не решался мне сказать, мой добрый Галеотти! Ты боялся меня оскорбить? — сказал король. — Увы, ты знаешь не хуже меня, что в делах государственной политики не всегда можно руководствоваться отвлеченными правилами религии и нравственности .....

Всадники тронулись в путь; когда они отъезжали, Квентин расслышал, как Дюнуа спросил вполголоса лорда Кроуфорда:

— Куда вы нас везете, милорд? В Плесси?

— Нет, мой несчастный опрометчивый друг, — ответил со вздохом старик, — мы едем в Лош.

«В Лош!» Это ужасное слово (так назывался замок, или, вернее, тюрьма, гораздо более страшная, чем Плес-си) отдалось в сердце молодого шотландца, как звон погребального колокола. Он слышал о Лоше как о месте, где тайно свершались такие жестокости, которыми даже Людовик стыдился осквернять свое жилище. В этом грозном замке было несколько этажей подземных темниц, из которых многие были неизвестны даже самим тюремщикам. Люди, заживо погребенные в этих могилах, до конца дней своих дышали гнилым, зараженным воздухом и питались хлебом да водой. Здесь же были страшные камеры, так называемые клетки, в которых арестанты не могли ни встать, ни вытянуться; изобретение этих клеток приписывалось кардиналу де Балю. Неудивительно, что название этого ужасного места да еще сознание, что сам он отчасти был причиной гибели двух таких доблестных рыцарей, наполнили глубокою грустью сердце молодого шотландца, так что некоторое время он ехал, низко опустив голову и глубоко задумавшись.

Когда же наконец он выехал вперед по указанной ему дороге и занял свое место во главе отряда, графиня Амелина воспользовалась случаем, чтобы сказать ему:

— Кажется, вы сожалеете, господин стрелок, о победе, которую одержали, защищая нас?

Тон этого вопроса звучал насмешкой, но у Квентина хватило такта ответить на него просто и искренне:

— Я не могу сожалеть об оказанной вам услуге, графиня, какова бы она ни была. Но если бы дело шло не о вашей безопасности, я бы, кажется, охотнее согласился пасть от руки такого славного воина,

как Дюнуа, чем быть причиной заточения в ужасную крепость этого знаменитого рыцаря и его несчастного родственника, герцога Орлеанского.

.....

Квентин позволил себе возразить, что «рыцарский дух, который графиня Амелина считает угасшим, не совсем исчез с лица земли, и если даже он где-нибудь и ослабел, то, во всяком случае, пылает прежним жаром в сердцах шотландских дворян».

— Нет, это прелестно! — воскликнула графиня Амелина. — Он хочет нас уверить, что в его холодном, унылом отечестве горит благородный огонь, давно потухший во Франции и Германии! Бедняжка напоминает мне швейцарских горцев, помешанных на любви к своей родине... Он скоро начнет нам рассказывать о шотландских виноградниках и оливковых рощах.

— Нет, мадам, о вине и оливках я могу только сказать, что мы добываем их с мечом в руке, как дань от наших более богатых соседей, — ответил Дорвард.

— Что же касается безупречной верности и незапятнанной чести шотландцев, я скоро предоставлю решить вам самим, насколько можно на них положиться, ибо ваш скромный слуга может предложить вам в залог вашей безопасности только свою верность и честь»

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

«Ах, Квентин, если я переживу эту страшную ночь, я никогда не забуду моего спасителя! Но я хочу просить вас еще об одном, и вы должны поклясться именем матери и честью отца, что исполните мою просьбу.

— Да разве я могу в чем-нибудь вам отказать? — шепнул ей Квентин.

— Не оставляйте меня во власти этих чудовищ, лучше вонзите мне в сердце кинжал! — сказала она.

В ответ Квентин только пожал ее руку, и, казалось, если бы не ужас, парализовавший ее, Изабелла была бы готова ответить на эту ласку. Опираясь на руку своего молодого защитника и следуя за Павийоном и его адъютантом, молодая графиня, сопровождаемая дюжиной молодцов-кожевников, составлявших как бы ее почетную стражу, вошла в страшный зал.

.....

— Теперь вся его надежда на небеса, — ответил Квентин, — но, куда бы вы ни вздумали направиться, я готов всюду сопровождать и охранять вас.

— Мы еще все это обсудим, — сказала Изабелла. И, помолчав немного, прибавила:

— Я выбрала бы монастырь, но, боюсь, он будет недостаточной защитой против тех, кто преследует меня.
— Гм, гм... Я бы вам не советовал скрываться в монастыре, по крайней мере в окрестностях Льежа, — заметил синдик. — Хотя Арденнский Вепрь, бесспорно, храбрый вождь, верный союзник и старый друг нашего города, но нрав у него крутой, и, по правде говоря, он в грош не ставит все эти святые обители да монастыри — и мужские и женские. Люди говорят, будто десятка два монахинь, то есть бывших монахинь, повсюду следуют за ним в его походах...
— Идите же и готовьтесь в путь, сеньор Дорвард, — сказала Изабелла, прерывая эти подробности. — Я вверяю себя вашей чести.
Как только синдик и Квентин вышли из комнаты, Изабелла принялась расспрашивать Гертруду о дорогах и об опасностях, которые могут им встретиться в пути, и проявила при этом такую ясность ума и столько самообладания, что фламандка не могла удержаться от возгласа:
— Я, право, дивлюсь вам, сударыня! Толкуют о твердости духа мужчин, но ваша твердость и самообладание мне кажутся просто невероятными!
. — Мое сердце можно было бы теперь сравнить с крепостью, осажденной многочисленным неприятелем: спасение ее гарнизона зависит только от его собственной смелости и решительности».

Наконец, следует сказать несколько слов о противопоставлении Скоттом фигур Людовика Одиннадцатого, короля Франции и Карла Смелого, герцога Бургундского. Оба персонажа — яркие личности в истории, где первый остался профилем коварного злодея наподобие Папы Александра Борджа, а второй при всем неуемном своем темпераменте Романтика все же сохранил репутацию настоящего рыцаря. Скотт противопоставляет их как натуры абсолютно противоположные и говорит о том, что у Карла Смелого не было низости и подлости в натуре, присущих Людовику. Тем не менее, хвалить Карла Смелого, который известен своими крайними жестокостями в истории, как например предании огню сотен селений неприятеля в ходе войны, он тоже не может. Вальтер Скотт — не Романтик, и он осуждает Романтика Карла Смелого, и в то же время со всей присущей ему проницательностью он понимает, что нельзя ни в коем случае обобщать натуры Сатана Людовика и Романтика Карла. Напротив, он

обобщает Сатана Людовика с его союзником Вепрем Гийомом де ла Марком, а Карла Смелого с самым благородным дворянством Франции, изгнанным Людовиком из его королевства.

Вальтер Скотт показывает нам тот кусок истории вражды этих двух государей, где Карл Смелый взял вверх над Людовиком, но как известно, в конечном итоге, после ряда неудач, успех оказался на стороне Людовика, который сумел централизовать Францию и обезвредить анархию свирепых бандитов вроде Вепря Гийома де ла Марк хитростью и коварством, неизвестными его кузену Карлу Смелому.

И это вполне закономерно: ведь Зло материальной энергии выживает только пока оно маскируется под добро, как говорил Ф. Шеллинг, и стоит ему только снять маску лжи и лицемерия и выступить открыто как поле Эгозащиты обречено на погибель. Романтизм Карла Смелого, — это романтизм Ахиллеса из Илиады Гомера, а Илиада Гомера как известно о Поражении греков под Троей из-за Романтизма Великого Честолюбия Вожаков, гражданскими войнами погубившими Грецию.

Однако, Романтизм Карла Смелого, его сломанный циклический гомеостаз, который лишил его подлости гадюки бесхребетной в приспособлении к материальному миру, все же выгодно отличают его от Сатанов Людовика и Вепря. Совесть Карла Смелого жива и дышит и он понимает, что насилие над женщинами Сатанами Садомазохизма — это Хула на Духа Святого. Это он Карл Смелый, организует поход на Вепря и заставит Людовика участвовать в походе против своего союзника Вепря, которого у В. Скотта убьют шотландские стрелки — Дорвард и его дядя Людовик Меченный.

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

> «Решение было принято и приведено в исполнение; остается только мужественно продолжать начатую игру. Я знаю моего бургундского родича: как и все дикие быки, он зажмуривает глаза, кидаясь на врага; мне надо только выждать момент, как тому тореадору, которого мы с тобой видели в Бургосе, и слепая ярость Карла отдаст его в мои руки.
> .....

Но в характере Карла, вспыльчивом, заносчивом, необузданном и жестоком, не было коварства и низости — пороков, присущих в большинстве случаев людям с холодным темпераментом. Если герцог не желал оказывать королю больше радушия, чем того требовали законы гостеприимства, зато он не проявил и намерения нарушить их священные границы.

.....

— Эти горестные вести помутили ваш разум, любезный кузен.

— Нет! — воскликнул герцог громовым голосом. — Они только подняли в моей душе справедливое негодование, которое я слишком долго подавлял в угоду мелочным соображениям и расчетам. Но теперь, братоубийца, предатель своего отца, жестокий тиран, коварный союзник, вероломный король, человек без чести и совести! — теперь ты в моей власти, и я благодарю за это бога!»

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

«А ты лучше порадуйся со мной, Оливье, что ни один из моих планов во Фландрии не удался: ни первый — относительно графинь де Круа, ни второй — относительно Льежа. Ты меня понимаешь?

— Не совсем, государь, — ответил Оливье. — Я не могу решиться поздравить ваше величество с крушением самых излюбленных ваших планов, пока вы мне не объясните причины такой перемены в ваших желаниях и целях.

— ... Когда я только намекнул ему, что эти беглые графини де Круа могли по дороге в Льеж — потому что я ему откровенно признался, что, по моему убеждению, они направились в Льеж; — что они могли попасть в руки какого-нибудь из пограничных разбойников, — боже мой, посмотрел бы ты, как он вспыхнул! Право, можно было подумать, что речь шла о каком-нибудь святотатстве. Незачем повторять все, что он мне наговорил по этому поводу; довольно, если я скажу, что положительно считал бы свою голову в опасности, если бы в эту минуту пришло известие, что твой блестящий проект поправить выгодной женитьбой дела твоего друга Гийома Бородатого увенчался успехом.

— С позволения вашего величества, не моего друга, — сказал Оливье. — И друг и проект — не мои.

— Правда, Оливье, — согласился король. — Твой план состоял не в том, чтобы женить, а в том, чтобы обрить этого жениха. Впрочем, ты пожелал графине не лучшего мужа, когда так скромно намекнул на себя. Как бы то ни было, Оливье, счастлив тот, кому она не достанется, потому что виселица, колесование, четвертование — вот самые нежные обещания, которые мой любезный братец расто-

> чает тому, кто дерзнет жениться на молодой графине, дочери его вассала, без его всемилостивейшего разрешения».

Рыцари Вальтера Скотта как «порядочные люди» Чернышевского, которые пока что обычный дом по сравнению с дворцом, который еще будет. Так и Вальтер Скотт пока рисует нам только простой дом в виде его Церкви Дружбы Благородных людей — каким будет Дворец Церкви Дружбы здорового человечества мы пока не можем даже вообразить.

Напоследок мне хотелось бы поделиться впечатлениями о экранизации фильмов Вальтера Скотта — голливудской и советской, что мне удалось видеть. Вольная трактовка Скоттовского «Роб Роя» в голливудской экранизации удивила тем, что главный герой (Роб Рой) на вопрос о том что такое Честь? Отвечает следующее: Это подарок, который мужчина делает самому себе.

— А если честь у женщин? — спрашивает опять сынишка. «Роб Рой» отвечает в том духе, что женщинам честь ни к чему, так как о них позаботится мужчина. Это конечно не тот ответ, который дал бы Вальтер Скотт — это возврат к садомазохизму циклического гомеостаза физического контроля.

Далее, в экранизации Квентина Дорварда смешен тот факт, что режиссеры сделали все возможное чтобы передать Реализм Полотна Истории и этической позиции Церкви Дружбы Вальтера Скотта в Романтизм шизоидного всесилия греческих Гераклов, — и этим конечно уничтожили всю идею и весь колорит Скотта. Достаточно сказать, что развязку, где Дорвард одолевает Вепря наполовину с дядей Людовиком Меченным, жертвуя своей тщеславие и свое счастье Долгу Совести Церкви Дружбы заменили на «эффектный бой» один на один среди колоколов епископского поместья.

А в экранизации Айвенго, обе экранизации, и голливудская и советская, игнорировали самый важный эпизод романа — об исповеди изнасилованной норманнами саксонки Урсулы своему земляку Седрику Саксу и о ее кровавой мести своим обидчикам совместно с усилиями Седрика и Робин Гуда — Церкви Дружбы Благородных людей в романе Айвенго.

ГЛАВА 15. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРОДУКТИВНЫ ТРУД В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

1. ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТА В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ СКОТТА

Вальтер Скотт, подобно самоактуалам Маслоу, для которых «главное — это интеллектуальная мощь», не забывает подчеркнуть в своих романах, что главное для многих героев — это интеллектуальная мощь. И если он не может делать акцент на этой мощи в связи со временем о котором пишет, когда образование было малодоступным, то он обязательно подчеркивает, что его герои сожалели о недостаточном образовании, как например в случае в Уеверли или в случае с Генри Мортоном в романе «Пуритане».

Вальтер Скотт, «Уеверли»:

> «Библиотека в замке Уэверли — большой готический зал в два света с галереей — вмещала огромную коллекцию разнообразнейших книг, собранных в течение двух столетий семьей, которая всегда отличалась богатством и была склонна проявлять свое великолепие, заполняя книжные полки текущей литературой, не вдаваясь притом особенно в оценку достоинств приобретенного. В этом книжном царстве Эдуарду было разрешено хозяйничать.
> В области английской литературы он стал знатоком Шекспира и Мильтона наших ранних драматургов, помнил многие красочные и интересные отрывки из древних английских хроник и был особенно хорошо знаком со Спенсером Дрейтоном и другими поэтами, упражнявшимися в романтическом вымысле, из всех жанров наиболее привлекательном для юношеского воображения, когда страсти еще не пробудились и не потребовали поэзии более чувствительного склада. В этом отношении еще более широкие гори-

> зонты раскрыло перед ним знание итальянского языка. Он прочел многочисленные романтические поэмы, которые со дней Пульчи служили любимым упражнением для блестящих умов, и наслаждался многочисленными сборниками итальянских новелл, созданных в подражание «Декамерону» гением этого изящного, хотя и чувственного народа. По части античной литературы Эдуард шел обычной дорогой и прочел всех обычно читаемых авторов, в то время как французы дали ему почти неисчерпаемую коллекцию мемуаров, едва ли более достоверных, чем романы, и романов, так хорошо написанных, что они почти ничем не отличались от мемуаров. Одним из его любимейших авторов был великолепный Фруассар *по*с его потрясающими и ослепительными описаниями битв и турниров, а по Брантому и де ла Ну он научился сравнивать дикий и распущенный, но суеверный характер сторонников Лиги с суровым, непреклонным и порой беспокойным нравом гугенотов Испанцы внесли свой вклад по части рыцарской и романтической словесности. Древняя литература северных народов — и та не ускользнула от того, кто читал скорее для возбуждения воображения, нежели с пользой для ума. И все же, зная многое, известное лишь небольшому кругу, Эдуард мог справедливо считаться недоучкой, так как прошел мимо знаний, придающих человеку достоинство и сообщающих ему качества, необходимые для высокого положения в обществе, украшением которого он должен был служить. Между тем уместно задать себе вопрос: не станут ли те, кто привык приобретать знания посредством забавы, отвергать науку, постигаемую с некоторым усилием, а те, кто изучает историю, играя в карты, предпочитать средства цели; наконец, если и религии будут учить шутя, не обратят ли понемногу наши ученики и религию в шутку».

Вальтер Скотт, «Пуритане»:

> «Гнусная скаредность дяди создала много помех его образованию и воспитанию; но он так использовал представлявшиеся ему возможности, что и наставники и друзья его были поражены успехами, которых он добился, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Тем не менее его душу постоянно сковывало сознание, что он зависим, беден и, сверх того, недостаточно и поверхностно образован. Это сделало его сдержанным и застенчивым, и никто, кроме самых близких друзей, не подозревал, как велики и многообразны его способности и как тверд и непреклонен его характер».

Уеверли — первый роман великого Инкогнито, как известно, и здесь писатель в полной мере автобиографичен, когда описывает массивную библиотеку Уеверли и опасность «заразиться романтизмом» от чтения художественной литературы, подобно известному герою Сервантеса. Заслуга Вальтера Скотта в том, что он самостоятельно рассмотрел всю глубину этой опасности быть затянутым в романтизм шизоидного формального интеллекта, и сделал все возможное, чтобы посвятить себя научному мышлению и изучению реальности в естественных законах природы.

Однако, в отличии от Ницше, который разглядев наконец романтизм в творчестве Вагнера шарахнулся в другую крайность лженауки — в цинизм, в материализм Дарвинизма, — Скотт идет той же дорогой что и Шеллинг, и выбирает Метафизику Интеллекта, — законы природы, установленные Творцом в основании Вселенной. Он не идеалист, оторванный от реальности, и не материалист, оторванный от твердого базиса Интеллекта в законах природы — он реалист метафизики интеллекта, признающий законы природы, и факты реальности, как эмпирический материал для познания этих законов.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Нас интересует другое — как принял ее решение Скотт. Этот удар он переживал сильно п долго. В «Роб Рое» есть эпизод, в котором он почти наверняка воссоздал собственное свое состояние после отставки, — когда Фрэнк решает, что его навеки разлучили с Дианой: «Неожиданность встречи и горе разлуки ошеломили меня... Наконец слезы хлынули из глаз моих... Я машинально отирал эти слезы, едва сознавая, что они текут; но они лились все обильней. Я чувствовал, как что-то сдавило мне горло и грудь — *histerica passio* несчастного Лира; и, сев у дороги, я расплакался первыми и самыми горькими слезами со времен моего детства»
>
> Он долго не мог оправиться и однажды, вспомнив об этом за дружеским застольем, раздавил бокал, который сжимал в руке. Но к 1820 году, через десять лет после смерти Вильямины, он научился философскому отношению к опыту юности, поскольку писал: «Женитьба на своей первой любви удается едва ли одному человеку из двадцати, а из тех, кому удается, едва ли один на два десятка мо-

> жет назвать себя счастливцем. На заре жизни мы любим скорее плод собственной фантазии, нежели реальное существо. Лепим для себя снегурочек и льем слезы, когда они тают...»

Вальтер Скотт, которому довелось пасть жертв романтической любви в юности, до конца жизни не мог забыть того страшного горя, что стоило ему «Убитое Эго» Притяжения Самовлюбленности. Мы помним, как этот опыт погубил позже Байрона. Однако, отличие Скотта от Байрона состоит в том, что он сумел понять истинную причину своего несчастья — ложность романтического сознания, и напустился в поисках выздоровления не на объект своей любви подобно Байрону, а на ложь своего собственного заблудившегося в абстракциях мышления сознания. В этом смысле его первый роман Уеверли напоминает нам первый роман Газданова «Вечер у Клэр», где писатель рассказывает о своей страстной зависимости от книг с самого детства, и о том идеальном мире «отвлеченных идей», который ему удалось таким образом построить, чтобы уже никогда его не покидать. Газданов, когда критикует романтизм или ложность этого мира отвлеченных идей, говорит о «раздвоенности». Скотт говорит об «идолопоклонстве романтика». Действительно, ведь романтизм есть заблудившаяся на поле Эгосистемы формальная логика человека, а Идолов рождает «сверхъестественный страх» поля Эгосистемы.

Вальтер Скотт, «Уеверли»:

> «До сих пор ему в этих случаях не хватало мужества подойти к ней, но встречи все же оказывали свое действие. Романтический влюбленный — это странный идолопоклонник, которому иногда безразлично, из какого чурбана создает он предмет своего обожания; во всяком случае, если природа дала этому предмету достаточную долю привлекательности, он легко может разыграть роль ювелира и дервиша в восточной сказке и щедро наделить ее из сокровищницы собственного соображения сверхъестественной красотой и всеми свойствами умственного богатства. Но прежде чем прелести мисс Сесилии Стаббс возвели ее на пьедестал богини или по крайней мере той святой, имя которой она носила до мисс Рэчел Уэверли дошли

кое-какие сведения, побудившие ее предупредить надвигающийся апофеоз».

Вальтер Скотт, «Уеверли»:

«Подвиги Уилиберта Уэверли во Святой земле его долгое отсутствие и опасные приключения; его мнимая смерть и возвращение в тот самый вечер, когда избранница его сердца обвенчалась с героем, защищавшим ее от оскорблений и притеснений во время его странствий; великодушие, с которым крестоносец отказался от своих притязаний и пошел искать в соседнем монастыре мир, еже не прейде, — все это и подобные рассказы он готов был слушать, пока сердце его не загоралось огнем и глаза не начинали лихорадочно блестеть. Не менее потрясенный, слушал он, как его тетка мисс Рэчел повествовала о страданиях и мужестве леди Алисы Уэверлч во время великой гражданской войны.

Под впечатлением таких легенд наш герой старался уйти куда-нибудь подальше, чтобы погрузиться в мир фантазий, который они вызывали. В углу обширной сумрачной библиотеки, освещенной лишь догорающими головнями в огромном массивном камине, он часами предавался тому внутреннему чародейству, благодаря которому прошлые или воображаемые события представляются в действии, происходящем перед глазами мечтателя.

.....сочтет эту повесть подражанием роману Сервантеса. Но такое предположение не делало бы чести моему благоразумию. Я не собираюсь следовать по стопам этого неподражаемого писателя, изображая такое полное помрачение ума, при котором он превратно истолковывает воспринимаемые предметы, а покажу то более распространенное отклонение от здравого рассудка, которое хоть и правильно воспринимает окружающие явления, но придает им окраску собственных романтических настроений. Эдуард Уэверли был очень далек от того, чтобы ждать всеобщего сочувствия собственным переживаниям или считать, что современная обстановка способна доказать реальность тех видений, которым он любил предаваться. Больше всего он опасался выдать чувства, которые вызывали в нем собственные мечтания. У него не было никого, кому бы он хотел их поверить, и он не желал иметь наперсника. Он прекрасно понимал, какими смешными могут показаться его чувства другим, и если бы ему был предоставлен выбор — или дать холодный и связный отчет об идеальном мире, в котором он проводил большую часть своей жизни, или подвергнуться любому непозорящему наказанию, думаю, он без колебаний выбрал бы последнее».

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Гениальность, не уравновешенная человечностью, — скорее бедствие, нежели благо; то же можно сказать и об энтузиазме без сострадания. Скотт следил за тем, куда идут наука в политика его времени, и это ему не нравилось. Он видел, что страсть к знанию способна творить зло, что любовь к отвлеченностям растлевает души, а в основе того и другого лежит жажда власти. Сказанное им по этому поводу более ста лет назад мы с еще большим успехом можем отнести к нынешним временам.
>
> «Я не очень-то верю в необозримые блага, которые нам якобы сулит развитие науки; занятия в этой области, когда им предаваться до невоздержанности, ведут к тому, что ученый ожесточается сердцем, а философ готов всем на свете пренебречь ради целей своего исследования; равновесие между духом и чувством нарушено, и разум слепнет, сосредоточившись только и исключительно на одном предмете. Так, религиозные секты, внедряя строгие нормы морали, постоянно обращают рвение человеческое противу оных, и удивления достойно, сколь глухи мы бываем даже в судах к правде и кривде, если от нашей глухоты зависит, выиграем мы дело или проиграем его. Я и сам часто диву даюсь, сколь равнодушным меня оставляют ужасы уголовного процесса, когда заходит речь о формальных определениях закона. Равным образом и занятые в медицинских исследованиях подвергают мучениям малых тварей мироздания, а в конечном итоге оказываются в одной компании с этой парочкой из Вест-порта».
>
> Обо всем этом Скотт писал другу:
>
> «Вот что причинили стране наши новомодные умники: изобрели новейшую фразеологию, чтобы с ее помощью выдавать зло за добро, а добро — за зло. И Джон Буль развесил свои ослиные уши, словно и впрямь слова сами по себе могут творить добродетели или злодейства. Надумай они оправдать тиранию Бонапарта — извольте, чего уж легче: его правление всего лишь было чуть-чуть более цивилизованным, чем нужно. Робеспьер грешил слишком широким либерализмом — это ли не благородное заблуждение? Вы обратили внимание на то, как приукрашивают самую гнусную тиранию и самую кровавую анархию, открывая старый счет на новое имя?»

В романе «Роб Рой» Вальтер Скотт дает такой отчет об образовании главной героини, женщины:

В. Скотт, «Роб Рой»:

«Благодаря своему живому уму, жадно воспринимавшему все виды знаний, какие ему предлагались, Диана преуспевала не только в отвлеченных науках: я нашел в ней также незаурядного лингвиста, хорошо знакомого к тому же с древней и современной литературой. Если бы не то обстоятельство, что сильные дарования часто развиваются тем полнее, чем они меньше получают поддержки, быстрые успехи мисс Вернон в науках могли бы казаться почти невероятными; и они представлялись еще необычайней, когда этот запас ее духовного богатства, почерпнутый из книг, я сопоставлял с ее абсолютным неведением действительной жизни. Казалось, она знала и видела все, кроме того, что происходит вокруг; и мне думается, что это неведение, эта наивность в суждениях о повседневных предметах, являвшие разительную противоположность ее обширным общим знаниям, что они-то и придавали ее беседе неотразимое очарование и приковывали внимание ко всему, что она делала и говорила: невозможно было предугадать, что проявит она в следующей фразе или поступке — тонкую ли проницательность или глубочайшую наивность.

….- Самые любимые мои предметы — естественные науки и история. Но я изучаю также поэзию и древних авторов.

— Древних? Вы их читаете в подлиннике?

— Непременно. … Научившись за стенами замка ездить верхом на коне, а в случае нужды седлать его, и взнуздывать, и перемахивать через высокую изгородь, не моргнув стрелять из ружья, — словом, усвоив все мужские совершенства, по которым сходят с ума мои неотесанные кузены, я пожелала, как мой ученый кузен Рэшли, в стенах замка читать по-гречески и по-латыни и приобщиться в меру сил моих к древу познания, которым вы, мужчины, хотели бы завладеть безраздельно, — в отместку, как мне кажется, за соучастие нашей праматери в первородном грехе».

В романе «Айвенго» другая выдающаяся женщина славится своим научным складом ума, и искусством врачевания:

В. Скотт, «Айвенго»:

«Прекрасная Ревекка основательно обучалась всему, чему могли научить её соплеменники; её природные способности и сила её ума помогли ей всё это запомнить, привести в порядок и развить самостоятельным мышлением гораздо глубже того, чего можно было ожидать от юной особы её пола в том веке, когда она жила. Сведения по медицине и врачебному искусству она получила от пожилой женщины по имени Мириам, дочери одного из знаменитейших ев-

> рейских раввинов и докторов. Мириам любила Ревекку, как собственную дочь. Ходили слухи, что она передала Ревекке все тайные познания, которые получила от своего мудрого отца. Мириам стала жертвой суеверия и изуверства тех времён. Но её врачебные секреты перешли по наследству даровитой ученице. Ревекка, обладавшая не только красотой, но и обширными познаниями, пользовалась чрезвычайным уважением среди своего народа, её считали почти равной тем одарённым женщинам, о которых упоминается в священном писании. Сам отец её, отдавая невольную дань восхищения её талантам, что не мешало ему любить её безгранично, предоставлял ей несравненно большую свободу, чем было в обычае у евреев, и не только часто спрашивал у неё совета, но, как мы видели, подчас действовал, считаясь с её мнением больше, чем со своим собственным».

Наконец, не следует забывать, что подобно тому же Газданову, который до конца жизни отчаянно искал ту истину, которая должна была осенить его в его размышлениях в мире отвлеченных идей, куда он удалялся постоянно подобно Скотту, последний также до конца жизни мечтал подвести научный базис под свое художественное вдохновение. Это его вдохновение вне всяких сомнений своего рода Откровение, которое дает знание подобно проповеди Христа и апостолов — интуитивно, в поэзии, в метафоре искусства, от сердца к сердцу. И потому это тоже истина, а не романтика, и под истину действительно возможно подвести научный фундамент. Однако, прав Пирсон, который добавляет, описывая эту мечту Скотта, что последний заблуждался если думал, что в его силах обхватить необъятное. Его миссия была — вдохновение Искусства, и он сослужил своим искусством великую службу человечества. Миссия научного фундамента — это миссия Открытия Психической Энергии.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «На тридцать восьмом году жизни он пожалел не о том, что много лет убил на изучение права, а о том, что не потратил нескольких лет на изучение античных авторов: „Я не колеблясь отдал бы половину известности, какую мне посчастливилось обрести, если б взамен смог подвести под оставшуюся половину твердый фундамент эруди-

> ции и научных знаний". Это было сказано еще до того, как он начал писать романы, но, видимо, он продолжал считать так до самой смерти»

2. ПРОДУКТИВНЫЙ ТРУД И ЦЕРКОВЬ ДРУЖБЫ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Если мы правы в нашем предположении, что Вальтер Скотт строит Пространство-Время Интеллекта, то есть ищет научный контроль реальности как законов природы, то он никак не мог обойти вопрос об Естественном праве, тем более, что получил образование правоведа и всю жизнь проработал в правоохранительных органах. Ведь занятия литературой были только его хобби, хоть и принесли ему большой доход и славу. Но основным его занятием была работах на государственных должностях, которой он отдавался всем сердцем, слыл самым справедливым человеком во всем, за что брался.

Люди Пространства-Времени Интеллекта — это люди Продуктивного Труда, поскольку Труд всегда связан с той или иной формой контроля реальности, с пониманием ее закономерностей, и чем глубже это понимание, тем более эффективен и более продуктивен труд. Уровень современной техники -это уровень научного познания законов природных энергий, это самый глубокий уровень познания. Но и те «искусные пироги» и первые орудия труда, что готовили дикари в своих лесах — это тоже начатки научного контроля энергии духа. Как пишет Честертон в «Что не так с миром», когда говорит, что для простого человека уподобится Творцу Богу можно прежде всего в строительстве и уходе за своим домом и садом, и что в этом смысле мелкой частной собственности, которая принадлежит всем, а не нескольким крупным капиталистам, коммерческое производство есть продуктивная и здоровая деятельность. О том же пишет Макс Вебер в «Протестантской Этике и Капитализме»: его христиане, посвятившие себе честному производству и избегавшие праздности и транжирства роскоши как греха — это здоро-

вые люди продуктивного труда, которые преуспели в работе больше всех и способствовали росту богатства Европы. Ученые Стенфордского университета, Поррас и Коллинз, то же самое говорят о лидерах и работниках «Визинарных» или «Лучших» компаний, которые отличались именно научным контролем, высокими инвестициями в научные разработки, в отличались высокой избирательностью в подборе людей, и много времени и средств тратили на образование и создание условий для персонала, так что какую то из компаний называли даже «университетом». А главное, они не ставили себе целью ни прибыль, ни рост компании, а только продуктивный труд на пользу себе и людям. Наконец, и Артур Шлезингер в этом смысле противопоставляет Демократов — Консерваторам Америки, уверяя, что высокая продуктивность первых тесно связано с их «честью и совестью». Эрих Фромм в этой связи разделяет «продуктивных людей» Энергии Духа и «бесплодных людей» поля Эгосистемы материальной энергии в «Человек для себя».

Другими словами, бездельники — это не только откровенно праздные люди, но прежде всего и те кто занят псевдо активностью Эгозащиты материальной энергии. То есть те, кто подобно аборигенам пляшет вокруг костров и исполняет абсурдные магические ритуалы, чтобы добиться каких то воображаемых благ для себя. Мы уже знаем что именно так поступают Сатаны в их погоне за «деньгами и властью», каким бы успехом эта погоня для них не увенчалась. Ведь успех не в том, чтобы добиться материальных благ — человек очень немного может потребить, а успех в том, чтобы выйти из клетки поля Эгосистемы на свежий воздух горних просторов энергии духа Пространства-Времени Интеллекта. А это возможно только через Продуктивный Труд научного контроля, через компетентность и дисциплину в какой-либо области. И как правило в тесном сотрудничестве с другими людьми.

Вот какой Продуктивный труд явил своей жизнью Вальтер Скотт, который писал не только художественные бестселлеры, но и исторические труды.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

«1827 год стал вехой в жизни Скотта: он опубликовал свой третий бестселлер. Поэту и романисту наследовал историк, и «Жизнь Наполеона Бонапарта» явилась первым историческим сочинением, раскупавшимся, как популярнейшая беллетристика; оно доказало Маколею, Карлейлю и другим викторианцам, что история может обеспечить автору и положение и деньги, если ее красочно преподнести. «Лучше поверхностная книга, хорошо и наглядная излагающая факты известные и признанные, чем серое и скучное повествование, где сочинитель спотыкается на каждом шагу, пытаясь объять необъятное». С такими мыслями Скотт приступил к работе и по мере сил старался сделать книгу легкочитаемой. Как-то он записал после дневных трудов: «Голова болит — глаза болят — спина болит — как и грудь — уверен, что болит и сердце, — чего еще может требовать Долг?» Во время работы над биографией он ни на минуту не переставал размышлять о своем герое и в первый раз позволил себе пророчество касательно собственной книги: «Это — первое мое сочинение, в успехе которого я почему-то уверен». От начала и до завершения биографии прошло два года; но в этот период он был занят еще и романами, и рецензированием, и поездками, и работой в суде, не говоря уже о потере состояния и смерти жены, так что па выполнение титанической задачи — совладать с новоявленным Титаном — у него, по-видимому, ушло не более года. Девятитомная биография вышла в июне 1827-го, и два первых издания принесли кредиторам 18 тысяч фунтов.

«Я по натуре настолько равнодушен к мирской хвале или хуле, что, ни разу не позволив себе предаться самодовольству, которое мой великий успех был призван во мне породить, я способен встретить это (утрату популярности. — *Х. П.)* не моргнув глазом... Им не забыть, что я *носил корону».* Все это он поведал «Дневнику» в тот момент, когда его славу историка предстояло упрочить другому сочинению, которое не только разошлось лучше любого из его последних романов, но и было встречено публикой с восторгом, какой не выпадал на долю ни одной книги Скотта после «Айвенго». В декабре 1827 года появился первый выпуск «Рассказов дедушки».

Эти «Рассказы», снискавшие такую широкую популярность; что второй их выпуск увидел свет в 1828-м, третий — в 1829-м, а четвертый, посвященный истории Франции, — в 1830 году, Скотт писал для развлечения и просвещения своего маленького внука Джонни Локхарта Скотт же начал ощущать последствия своих невероятных трудов и на исходе года писал Морриту: «Мы — паломники на жизненном

пути, и вечер, по необходимости, — самый мрачный и тягостный его отрезок; но пока цель ясна, а воля тверда, этот путь нам по силам, и, с Божьей помощью, мы в положенное время придем к его концу, — возможно, с натруженным сердцем и натруженными ногами, но не утратив ни мужества, ни чести».

Когда Байрон занял его место в сердцах публики, он с чистой совестью присоединился к хору славословий по адресу преемника и перешел на романы. А если б кто потеснил его и в этом жанре, он с той же искренностью выразил бы ему свое восхищение и так же легко подыскал бы для себя новую литературную форму. В писателях он не одобрял тщеславия:

Скотт помогал Лейдену, как впоследствии помогал многим другим нуждавшимся литераторам: ссужал деньги, подыскивал работу, снабжал рекомендательными письмами к нужным лицам. В истории литературы не найдется другого писателя, в котором щедрость, дружелюбие и всеобъемлющая широта натуры слились бы так гармонично, как в характере Скотта. «Разнообразные беды, ставшие в коммерческой нашей стране уделом литераторов, — я разумею тех, у кого нет иной профессии и заработка, кроме литературы, — есть величайший общественный позор», — писал он и сам неустанно помогал тем, кто к нему обращался. Если он отмечал человека своей дружбой, то на всю жизнь; он отказывался браниться или ссориться с теми, кого любил, а диапазон его привязанностей был столь же широким, сколь его дружба прочной»

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

«Как шерифу Селкирка, Скотту часто приходилось иметь дело с людьми если и не полностью невменяемыми, то уж, безусловно, «тронутыми». Многие кляузы, какие ему доводилось разбирать, с точки зрения здравого смысла не имели оправдания, и он тратил время, пытаясь уговорить тяжебщиков взяться за ум. Одному человеку он настоятельно советовал не преследовать по суду родного брата, напомнив о библейской заповеди прощать обиды. «Уж мне ли Писания не знать, я вон сколько его перечитывал, — заявил истец, — и я прощал ему семижды семь раз, пущай теперь он мне простит».

...судебные дела в основном проходили через его заместителя; однако Скотт иногда появлялся в суде, чтобы лично выслушать свидетелей по важному делу, и почти не пропускал слушания уголовных дел. В остальном же протоколы разбирательств посылались к нему на дом. Он тщательно их изучал, составлял глубоко продуманные заключения и возвращал заместителю. В его обязанности также входило присутствовать на выездных сессиях, которые время

от времени проводились в Джедбурге. С одной из таких сессий он писал: «Вчера умудрились растянуть заседание на несколько часов, обсасывая дело о краже головки сыра… двумя несчастными мальчишками». Больше им нечем было заняться. Заседания его собственного шерифского суда проходили в куда более деловой обстановке, а решения Скотта отличались справедливостью, мягкостью и духом миротворчества; он даже не налагал штрафа, если без этого можно было обойтись. Если он состоял с одной из сторон в кровном родстве, он отказывался разбирать тяжбу и передавал дело своему заместителю. На его приговоры не влияли ни дружба (однажды он вынес решение против Джеймса Хогга), ни давление сверху: он счел лесничего герцога Баклю виновным в попытке «засудить» какого-то пастуха по обвинению в браконьерстве. Скотт вообще выказывал больше симпатий к работникам, чем к хозяевам. Когда несколько гонцов попортили лес в угодьях Баклю, Скотт отстоял интересы горожан. Герцог решил закрыть поместье для посторонних, но Скотт его отговорил, убедив, что нельзя заставлять целый город расплачиваться за горстку виноватых. «Боюсь, что наша прямая обязанность — посильно творить добро… — писал он Баклю, — уповая при этом на Всемогущего (чьей благостью вызревает брошенное в землю семя), что наши добрые дела но пропадут втуне, но со временем принесут плоды, в коих нам не придется раскаиваться». Вот какими соображениями руководствовался Скотт, исполняя свои обязанности стража закона. Но он безжалостно наводил дисциплину, когда политические страсти доводили людей до скотского состояния или организованного бунта. «Если эти дикие выходки повторятся еще раз, я сурово покараю смутьянов, к какой бы партии они ни принадлежали», — написал он после выборов, сопровождавшихся буйным разгулом страстей. Однообразие мелких дел — браконьерство, воровство, клевета — порой нарушалось убийством, кровосмешением, изнасилованием или другим столь же серьезным преступлением; но усилия Скотта главным образом сводились к тому, чтобы примирить стороны, заводившие тяжбы из-за каких-то совершенно детских обид. «Если эти джентльмены и попадут в рай, их, наверное, придется разместить в противустоящих уголках небесной сферы», — заметил он по поводу одного из таких дел».

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

«Скотт руководил издательством, готовил к печати сочинения других авторов, исполнял обязанности шерифа, проводил по полгода на сессиях Высшего суда, был секретарем Судебной комиссии, писал

поэмы и при этом еще умудрялся следить за фермой и принимать в Ашестиле бесконечный поток гостей. Под крики плотников и каменщиков, шум молотков, пил и стамесок и под болтовню домашних Скотт написал две поэмы — «Рокби» и «Невесту Трайермейна». Вторую он опубликовал анонимно через несколько недель после первой, чтобы азарта ради обмануть критиков; критики, как и следовало ожидать, обманулись. Большую часть времени Скотт проводил на воздухе за своим любимым увлечением — сажал деревья. Он попросил друзей прислать желуди, и желуди начали прибывать — телегами, в экипажах и на кораблях, в количестве, достаточном, чтобы покрыть лесом всю Шотландию. Скотт копал, разравнивал, осушал и засаживал и за всем этим постепенно охладел к охоте и рыбной ловле.

«Интерес! — воскликнул Скотт. — Вы и представить не можете, какое это беспримерное наслаждение: сажальщик подобен художнику, который накладывает краски на холст, — он каждую минуту видит воочию результат своих трудов. С этим не сравниться никакому занятию или искусству, ибо здесь воедино слиты все прошедшие, сущие и будущие удовольствия. Я вспоминаю, когда тут не было ни одного дерева, только голая пустошь, а сейчас оглядываюсь и вижу тысячи деревьев, и за всеми, я бы даже сказал: чуть ли не за каждым в отдельности я лично ухаживал»

На те месяцы, что ему приходилось ежегодно проводить в Эдинбурге, зеленый сельский сюртук сменялся на черный городской, а преизбыток энергии находил иные формы разрядки. Скотт исполнял обязанности президента повой Нефтегазовой компании. Он основал Баннатайн-клуб, занимавшийся переизданием редких шотландских книг и исторических документов, и был избран в его президенты. Он был президентом Эдинбургского королевского общества и председателем бесчисленных многолюдных собраний, где его здравый смысл, невозмутимость, терпимость и добродушие оказались просто незаменимыми качествами. В Лондоне он был избран членом знаменитого клуба Джонсона и клуба Роксбург, а также назначен на должность профессора древней истории Королевской академии наук. Вице-президенты Оксфорда и Кембриджа несколько раз просили его принять почетную степень доктора права, но ему все не удавалось выбраться из Шотландии на актовые дни университетов. Одни только общественные обязанности Скотта отняли бы у большинства людей все силы и все свободное время. Скотт же ухитрялся заседать в суде по утрам, бывать на светских приемах, исполнять дела общественные и писать романы, причем с такой быстротой, что читатели не успевали переварить последнюю его книгу, как уже появлялась новая».

3. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ В РОМАНАХ СКОТТА

Люди Контрольной энергии духа Пространства-Времени Интеллекта не приспосабливаются к материальному миру, как известно. Они контролируют материальный мир. Меньше всех приспосабливался к материальному миру сам В. Скотт, который всегда имел обыкновение взбунтоваться, если вдруг обнаруживал какое-либо давление на себя. Впрочем, в этом смысле ему очень повезло: король его времени «признал его первым писателем среди всех живущих и почивших» согласно выражению Байрона.

Так или иначе бунтарский дух Скотта находил свое выражение в пристрастии к «разного рода обитателей Пограничья, пиратов, горных разбойников и других молодцов робин-гудовского склада» согласно собственному выражению Скотта.

Х. Пирсон, «Вальтер Скотт»:

> «Об истинном отношении Скотта к людям лучше всего говорят его романы. Парадокс Скотта-писателя заключен в том, что при всем его романтическом мировоззрении главное достижение его прозы не романтически стилизованные рыцарские образы, но реалистические характеры обыкновенных людей, начисто лишенные романтического налета. «Мне не даются героические фигуры в полном смысле слова, — жаловался Скотт Морриту, — зато я питаю дурную слабость к сомнительным характерам разного рода обитателей Пограничья, пиратов, горных разбойников и других молодцов робин-гудовского склада».

Это конечно проявление Свободы Контрольной энергии человечества, которая единственная обладает этой свободой выходить из жестких рамок детерминизма из-за способности к контролю законов природы, и конечно это Относительная Свобода Воли. Это не анархия произвола, а это Естественное Право Совести и Справедливости, при котором Люди Энергии Духа Закон Чести и Совести выше любого Нормативного права государства, и тем более выше воли любого государя и короля.

Люди конструктивной энергии научного контроля всегда заняты Строительством Полотна Истории как Священной Войны Добра и Зла, то есть ищут факты Истории и систематизируют их на основе закономерностей психической энергии, чтобы найти таким образом научной контроль социальной действительности. Те тома книг что написаны на эту тему написаны не из желания зарплаты или славы, как пишет Г. Олпорт, а из простого желания найти научный контроль закономерностей социальной жизни. А эти закономерности всегда выстраиваются в Священную Войну двух энергий психики: Энергии духа и материальной энергии.

Герои Скотта, если они не заняты подобно процветающей компании Осбалдистона из «Роб Роя» производительным трудом, то они ведут продуктивную работу на поле Священной Войны Дора и Зла подобно его Протестантскому христианству из «Пуритан», которые противостоят реставрации папизма в Англии в годы возвращения на престол наследников казненного Карла Первого Стюарта. Или же они ведут Священную Войну Добра со Злом подобно Робин Гуду в «Айвенго» и Роб Рою в одноименном романе.

В каждом из этих случаев, люди энергии духа со всей отвагой обитателей Пространства-Времени Интеллекта поднимаются против Права Сильного, против физического контроля материальной энергии (Зла) и противопоставляют ей Честь и Совесть, Справедливость законов природы человеческого сердца.

В. Скотт, «Роб Рой»:

> « — Я ни в коем случае не дам согласия, чтобы молодой человек расплачивался за попытку помочь отцу, который его породил. И да падет проклятье и мое и Божье на всех бэйли, судей и судебных исполнителей, шерифов, констеблей, на всю их черную свору, которая вот уже сотню лет душит, как чума, добрую старую Шотландию! Веселое было житье, когда каждый крепко держал в руках свое добро и страна не знала докуки с ордерами, и с описями, и с повестками, и со всяким крючкотворством. Еще раз повторяю: совесть моя не позволяет мне смотреть спокойно, как хотят окрутить этого бедного несмышленыша, да еще такими средствами! Уж

лучше беритесь за старое и решайте спор железом, как честные люди.
— Ваша совесть, Мак-Грегор?! — сказал Рэшли. — Вы забыли, как давно мы с вами знакомы.
— Да, моя совесть! — повторил Кэмбел, или Мак-Грегор, или как там его звали в действительности. — Она во мне еще сохранилась, мистер Осбалдистон, и в этом, пожалуй, я имею над вами преимущество. А наше знакомство... Если вы знаете, что я собой представляю, то вам известно также, что сделало меня таким, каков я есть; и, как бы вы на это ни смотрели, я б не поменялся положением с самым гордым из угнетателей, заставивших меня признать своим домом поросшие вереском скалы».

В. Скотт, «Пуритане»:

« — По какому праву, — сказал он твердо, не дожидаясь вопросов полковника, — по какому праву ваши солдаты, сударь, оторвали меня от моих домашних и надели оковы на руки свободного человека?
— На основании моего приказа, — ответил Клеверхауз, — а теперь я приказываю вам помолчать и выслушать мои вопросы.
— И не подумаю, — заявил уверенным тоном Мортон; его смелость, казалось, наэлектризовала всех свидетелей этой сцены.
— Я желаю знать, законно ли я заключен под стражу и перед гражданским ли судьей нахожусь. И желаю знать, не наносится ли в моем лице оскорбление конституции моей родины.
— Вот уж поистине примерный молодой человек!.. — проговорил Клеверхауз.
— Вы с ума сошли, Генри, — обратился майор Беллендeн к своему юному другу. — Ради самого господа бога, — продолжал он голосом, в котором слышалось и увещание и осуждение, — помните, что вы разговариваете с одним из офицеров его величества, занимающим высокое служебное положение.
— Именно поэтому, сударь, — твердо заявил Генри, — я и хочу выяснить, по какому праву он держит меня под арестом, не имея на то законного основания. Если бы здесь был представитель судебной власти, я знал бы, что мой долг — повиноваться ему».

В. Скотт, «Пуритане»:

— Это — гнусное, отвратительное насилие, — сказал Мортон, обращаясь скорее к себе, чем к своему собеседнику. — Несчастного тихого парня, пошедшего на собрание пресвитериан только из сыновней почтительности, заковали в цепи, словно вора или убийцу, и он

умрет, возможно, от руки палача без судебного разбирательства, хотя наши законы не отказывают в нем даже наихудшему из злодеев! Быть свидетелем такого произвола, а тем более жертвой его — да от этого закипит кровь в самом смиренном и покорном рабе.

В. Скотт, «Пуритане»:

«Я, знаете, такой человек, что не побоюсь рукопашной, если дойдет до нее; но наша старая леди назвала бы это неповиновением королевской власти.
— Я буду сопротивляться любой власти на свете, — заявил Мортон, — любой власти, деспотически попирающей права свободного человека, закрепленные хартией; я решил, что не позволю бросить себя без достаточных оснований в тюрьму или, быть может, вздернуть на виселицу, и сделаю все, что сумею, чтобы спастись от этих людей хитростью или силой.
— То же и у меня на уме, когда бы только мы смогли это выполнить. Но то, что вы говорите о хартии, касается лишь таких, как вы, из господского звания, а мне до этого далеко, раз я простой батрак, и ничего больше.
— Хартия, о которой я говорю, — возразил Мортон, — принадлежит всем шотландцам, и даже самому последнему среди них. Это — свобода от кнута и тюрьмы, провозглашенная, как вы можете прочесть в Священном писании, не кем иным, как апостолом Павлом, и ее обязан отстаивать всякий, рожденный свободным, как ради себя самого, так и ради своих соотечественников.
— Так вот оно что, сударь! — сказал Кадди. — Много утекло бы воды, прежде чем леди Маргарет или моя матушка отыскали бы в Библии такие мудрые вещи. Госпожа моя — та всегда повторяла, что кесарю надо воздавать кесарево, а что до матери, то она совсем спятила со своим пресвитерианством. Болтовня этих старух вконец забила мне голову»

В. Скотт, «Пуритане»:

« — Чтобы призвать вас от имени короля и Джона Грэма Клеверхауза, имеющего особые полномочия от досточтенного Тайного совета Шотландии, — ответил корнет, — сложить оружие и распустить по домам ваших приверженцев, которых вы подняли на мятеж, противный законам господа бога, короля и всей нашей страны.
— Возвратись к пославшим тебя, — сказал один из вождей повстанцев, — и передай, что мы взялись за оружие в защиту попранного ковенанта и нашей гонимой церкви; передай, что мы отрека-

емся от развратного и вероломного Карла Стюарта, которого вы именуете королем, так же как он отрекся от ковенанта после того, что не раз давал клятву добиваться всей своей властью исполнения этого договора, добиваться деятельно, неуклонно, добросовестно во все дни своей жизни, и не иметь других врагов, кроме врагов ковенанта, и других друзей, кроме его друзей. Между тем он не сдержал своей клятвы, в свидетели которой призывал господа бога и ангелов, и первым шагом его после возвращения в королевства Англии и Шотландии было гнусное посягательство на власть всемогущего посредством этого мерзкого Акта о верховенстве и изгнание, без вызова в суд, без предъявления обвинения и без судебного разбирательства многих сотен достославных, истинно благочестивых проповедников слова божия, вследствие чего он отнял хлеб жизни у алчущих уст, у этих несчастных созданий, и насильнически заткнул им глотку мертвыми, не уснащенными солью, безвкусными, ни холодными, ни горячими опресноками четырнадцати лжепрелатов и поставленных ими продажных, бездушных, погрязших в плотских наслаждениях, позорящих род человеческий и во всем покорных их воле священников».

Вальтер Скотт, «Айвенго»:

«Постойте, — прибавил он. — Я чуть было не забыл самого главного. Пусть двое из вас отправятся поскорее к Торклистону, замку Фрон де Бефа. Отряд переодетых молодцов везёт туда несколько человек пленных. Наблюдайте за ними неотступно. Даже в том случае, если они доберутся до замка, прежде чем мы успеем собраться с силами, честь обязывает нас покарать их. Поэтому следите за ними хорошенько, и пусть самый проворный из вас принесёт мне весть о том, что у них делается. Стрелки обещали всё исполнить в точности и быстро разошлись в разные стороны. Тем временем их предводитель и слуги Седрика, глядевшие на него теперь с величайшим почтением и некоторой боязнью, продолжали свой путь к часовне урочища Копменхерст.

…….Пока они занимались этим, Локсли отвёл рыцаря в сторону и сказал ему:

— Не отрицайте, сэр рыцарь, вы тот самый герой, благодаря которому победа осталась за англичанами на второй день турнира в Ашби.

— Что ж из того, если ты угадал, друг иомен? — спросил рыцарь.

— В таком случае, — отвечал иомен, — я могу считать вас сторонником слабейшей партии.

— Такова прямая обязанность каждого истинного рыцаря, — сказал Чёрный Рыцарь, — и мне было бы прискорбно, если бы обо мне подумали иначе.

— Но для моих целей, — сказал иомен, — мало того, что ты добрый рыцарь, надо, чтобы ты был и добрым англичанином. То, о чём я хочу поговорить с тобой, является долгом всякого честного человека, но ещё большим долгом каждого честного сына этой страны.

— Едва ли найдётся человек, — отвечал рыцарь, — которому Англия и жизнь каждого англичанина была бы дороже, чем мне.

— Охотно этому поверю, — сказал иомен. — Никогда ещё наша страна не нуждалась так в помощи тех, кто её любит. Послушай, я тебе расскажу об одном деле. В нём ты сможешь принять почётное участие, если ты действительно таков, каким мне кажешься. Шайка негодяев, переодетых в платье людей, которые гораздо лучше их самих, захватила в плен одного знатного англичанина, по имени Седрик Сакс, а также его воспитанницу и его друга, Ательстана Конингсбургского, и увезла их в один из замков в этом лесу, под названием Торкилстон. Скажи мне как добрый рыцарь и добрый англичанин: хочешь помочь нам выручить их?

— Произнесённый обет вменяет мне в обязанность это сделать, — отвечал рыцарь, — но я хотел бы знать, кто же просит меня помочь им.

— Я, — сказал иомен, — человек без имени, но друг твоей родины и тех кто любит её. Удовольствуйтесь пока этими сведениями о моей личности, тем более что и сами вы желаете оставаться неизвестным. Знайте, однако, что моё честное слово так же верно, как если бы я носил колотые шпоры.

— Этому я охотно поверю, — сказал рыцарь. — Твоё лицо говорит о честности и твёрдой воле. Поэтому я больше не буду ни о чём тебя расспрашивать, а просто помогу тебе освободить этих несчастных пленников. А там, надеюсь, мы с тобой познакомимся поближе и, расставаясь, будем довольны друг другом.

.....Наконец Локсли приступил к дележу добычи и проделал это с похвальным беспристрастием. Десятую долю всего добра отчислили в пользу церкви и на богоугодные дела; ещё одну часть отделили в своеобразную общественную казну; другую часть — на долю вдов и сирот убитых, а также на панихиды за упокой души тех, которые не оставили после себя семьи. Остальное поделили между всеми членами отряда согласно их положению и заслугам. Во всех сомнительных случаях начальник находил удачное решение, и ему подчинялись беспрекословно. Чёрный Рыцарь немало удивлялся тому, как эти люди, стоявшие вне закона, сумели установить в своей среде такой справедливый и строгий порядок, и всё, что он видел, подтверждало его высокое мнение о беспристрастности и справедливости их предводителя. Каждый отобрал свою долю добычи; казначей

с четырьмя рослыми иоменами перетаскал всё предназначенное в общую казну в какое-то потаённое место; но всё добро, отчисленное на церковь, оставалось нетронутым.

.....Чёрный Рыцарь, всё время с величайшим интересом следивший за всем, что тут происходило, в свою очередь начал прощаться с разбойниками. Он не мог не выразить своего удивления по поводу того порядка, какой он видел в среде людей, стоящих вне закона.

— Да, сэр рыцарь, — отвечал иомен, — случается, что и плохое дерево даёт добрые плоды, а плохие времена порождают не одно лишь зло. В числе людей, оказавшихся вне закона, без сомнения есть такие, которые пользуются своими вольностями с умеренностью, а иные, быть может, даже жалеют, что обстоятельства принудили их приняться за такое ремесло.

— И, по всей вероятности, — спросил рыцарь, — я теперь беседую с одним из их числа?

— Сэр рыцарь, — ответил разбойник, — у каждого из нас свой секрет. Предоставляю вам судить обо мне как вам угодно. Я сам имею на ваш счёт кое-какие догадки, но очень возможно, что ни вы, ни я не попадаем в цель. Но так как я не прошу вас открыть мне вашу тайну, не обижайтесь, коли и я вам своей не открою.

— Прости меня, отважный иомен, — сказал рыцарь, — твой упрёк справедлив. Но может случиться, что мы ещё встретимся и тогда не станем друг от друга скрываться. А теперь, надеюсь, мы расстанемся друзьями?

— Вот вам моя рука в знак дружбы, — сказал Локсли, — и я смело могу сказать, что это рука честного англичанина, хотя сейчас я и разбойник.

— А вот тебе моя рука, — сказал рыцарь, — и знай, что я почитаю за честь пожать твою руку. Ибо кто творит добро, имея неограниченную возможность делать зло, тот достоин похвалы не только за содеянное добро, но и за всё то зло, которого он не делает. До свидания, храбрый разбойник!

Так расстались эти славные боевые товарищи. Рыцарь Висячего Замка сел на своего крепкого боевого коня и поехал через лес.

..... — Если бы я не думал, что слышу голос, которому должен повиноваться беспрекословно, — отвечал иомен, — я бы с охотой послал вслед этому подлецу добрую стрелу, чтобы избавить его от длинного путешествия.

— У тебя английская душа, Локсли, — сказал Чёрный Рыцарь, — и ты чутьём угадал, что обязан мне повиноваться. Я Ричард Английский! При этих словах, произнесённых с величием, подобающим высокому положению и благородному характеру Ричарда Львиное Сердце,

все иомены преклонили колена, почтительно выразили свои верноподданнические чувства и просили прощения в своих провинностях.
— Встаньте, друзья мои, — милостиво сказал Ричард, глядя на них с обычной приветливостью, успевшей потушить пламя внезапного гнева. Выражение его лица, хотя и горевшего ещё от сильного напряжения, уже ничем не напоминало о недавней отчаянной схватке. — Встаньте, друзья мои! Ваши бесчинства как в лесах, так и в чистом поле искупаются верной службой, которую вы сослужили моим несчастным подданным под стенами Торкилстона, а также и тем, что сегодня выручили из беды вашего короля. Встаньте, мои вассалы, и будьте мне впредь добрыми подданными. А ты, храбрый Локсли…
— Не зовите меня более Локсли, государь, и узнайте то имя, которое получило широкую известность и, быть может, достигло даже и вашего царственного слуха… Я Робин Гуд из Шервудского леса.
— Стало быть, король разбойников и глава добрых молодцов? — сказал король. — Кто же не знает твоего имени! Оно прогремело до самой Палестины! Но будь уверен, мой славный разбойник, ни одно дело, совершённое в моё отсутствие и в порождённые им смутные времена, не будет вменено тебе в преступление.
— Вот уж правду говорит пословица, — вмешался тут Вамба, несколько менее развязно, чем обычно, —
Когда уходит кот,
Нет у мышей забот.
…… — А ты прав, честный иомен, — сказал Ричард. — Будь при мне с одной стороны Айвенго, который дал бы мне нужный совет, сопроводив его своим хмурым и печальным видом, а с другой стороны — ты, надувающий меня ради моей же пользы, я бы ничего не мог решить по своей воле, впрочем как и всякий король христианской или языческой страны… Ну что ж, господа, в путь. Отправимся с лёгким сердцем в Конингсбург, а об этом забудем
……Такое внимание к его безопасности тронуло Ричарда и рассеяло последние следы досады на хитрость, которой предводитель разбойников заставил его тронуться в путь. Он ещё раз протянул руку Робину Гуду, подтвердил уверения в полном прощении за прошлое и в своём благоволении в будущем, а также выразил твёрдую решимость ограничить произвол в применении лесных законов, под давлением которых так много английских иоменов превратилось в бунтовщиков. Но благие намерения Ричарда не успели осуществиться из-за его безвременной кончины. Новый уста» об охране лесов и охоты был вырван из рук короля Джона, когда он вступил на престол после смерти своего братагероя».

Александр Герцен называет Петра Первого в «С того Берега» — Первым Русским Революционером. Герцен как всегда прав, ведь Петр Первый со своим плотницким топором в руках заложил основы научного познания и Верховенства Закона в России, разрушив Московский Левиафан, и обратившись к западному опыту естественного римского права. По крайней мере, это он отказался от русского «царь» (тоже происходит от цезарь) и обратился к римскому император. И это после Петра Первого начало появляться то совершенно уникальное русское дворянство, которое со временем не только создаст литературу своего христианского вдохновения, но и породит Декабристов, которые разбудят Герцена и Кропоткина и Чернышевского, и наконец от первого революционера приведут к настоящей всеобщей Революции, как первой попытки создания свободного общества Верховенства естественного права совести и чести. А первая попытка как известно комом.

Мережковский рисует великую трагедию смертельного конфликта между Петром Первым и его сыном Алексеем в его романе о Петре как трагедию Священной Войны Добра и Зла, где Алексею суждено было оказаться на стороне Зла, как защитника отжившего восточного Левиафана древней Московии.

Примерно также рисует трагедию смертельного конфликта между братьями Ричардом Львиное Сердце и Принцем Джон Вальтер Скотт. Это вне всякого сомнения Война Добра и Зла, где Ричард Львиное Сердце с со своим могучим мечом истого христианского рыцаря воплощает ту же свободу и справедливость для народа, что Петр Первый с плотницкими инструментами, строгавший корабли бок о бок со своими плотниками. Ричард Первый у Скотта не только не гнушается сражаться бок о бок со своими подданными «за честь и совесть», но и признает право Робин Гуда на Естественное право совести в «смутные времена», когда даже плохого закона государства не осталось. Они — оба рыцари Священной Войны Добра и Зла, и хорошо понимают язык чести и совести. Им достаточно встречи, чтобы тут же объ-

единиться в Церковь Дружбы Благородных людей, и начать совместную войну против Зла.

Совсем другое дело Принц Джон и его сторонники, союз которых Скотт с такой проницательностью рисует как Левиафан Садомазохизма, основанный на коварстве, лицемерии и подлости Сатанов. Именно этому лагерю Зла Церковь Дружбы Благородных людей во главе с Ричардом Английским, Локсли Робин Гудом, Седриком Сакс, женщинами-рыцарями Ровеной и Ревеккой объявляет войну.

Сцена, где Седрик Сакс бросает вызов надменному и коварному Принцу Джону — всевластному властелину в отсутствие своего брата Ричарда Английского — еще раз подчеркивает позицию чести и совести Церкви Дружбы Благородных людей против приспособления в виде коварства, лицемерия и предательства в лагере Принца Джона. Это позиция Естественного Права совести у всех свободных людей Пространства-Времени Интеллекта, которые предпочитают уйти из жизни мучениками, но остаться навечно обитателями уровня бытия Царствия Небесного божественной энергии истины, совести и справедливости.

В. Скотт, «Айвенго»:

> «Пока придворные с любезной улыбкой наперебой изощрялись в насмешках, лицо Седрика багровело от гнева, и он с яростью переводил взгляд с одного обидчика на другого, как будто столь быстро наносимые обиды лишали его возможности ответить на каждую в отдельности. Словно затравленный бык, окружённый своими мучителями, он, казалось, не мог сразу решить, на ком из них сорвать свою злобу.
> Наконец, задыхаясь от бешенства, он обратился к принцу Джону, главному зачинщику полученных оскорблений.
> — Каковы бы ни были недостатки и пороки нашего племени, — сказал он, — каждый сакс счёл бы себя опозоренным, если бы в своём доме допустил такое обращение с безобидным гостем, какое ваше высочество изволил допустить сегодня. А кроме того, каковы бы ни были неудачи, испытанные нашими предками в битве при Гастингсе, об этом следовало бы помолчать тем (тут он взглянул на Фрон де Бефа и храмовника), кто за последние два-три часа не раз был выбит из седла копьём сакса.

— Клянусь богом, ядовитая шутка! — сказал принц Джон. — Как вам это нравится, господа? Наши саксонские подданные совершенствуются в остроумии и храбрости. Вот какие настали времена! Что скажете, милорды? Клянусь солнцем, уж не лучше ли нам сесть на суда да вовремя убраться назад, в Нормандию?

— Это со страху-то перед саксами! — подхватил де Браси со смехом. — Нам не надо иного оружия, коме охотничьих рогатин, чтобы этих кабанов припереть к стене.

— Полноте шутить, господа рыцари, — сказал Фиц-Урс. — А вашему высочеству пора уверить почтенного Седрика, что в подобных шутках никакой обиды для него нет, хотя наше зубоскальство и может показаться обидным непривычному человеку.

— Обиды? — повторил принц Джон, снова становясь чрезвычайно вежливым. — Надеюсь, никто не может подумать, что я позволю в своём присутствии нанести обиду гостю. Ну вот, я снова наполняю кубок и пью за здоровье самого Седрика, раз он отказывается пить за здоровье своего сына.

Сакс ничего не ответил на это дипломатическое предложение, встал со своего места и, налив полную чашу вина, обратился к принцу с такой речью:

— Ваше высочество выразили желание, чтобы я назвал имя норманна, достойного упоминания на нашем пиру. Для меня это довольно тяжёлая задача: всё равно что рабу воспеть своего властелина или побеждённому, переживающему все бедственные последствия завоевания, восхвалять своего победителя. Однако я хочу назвать такого норманна — первого среди храбрых и высшего по званию, лучшего и благороднейшего представителя своего рода. Если же кто-нибудь откажется признать со мною его вполне заслуженную славу, я назову того лжецом и бесчестным человеком и готов ответить за это моей собственной жизнью. Подымаю мой кубок за Ричарда Львиное Сердце!

Принц Джон, ожидавший, что сакс закончит свою речь провозглашением его имени, вздрогнул, услышав имя оскорблённого им брата. .....Насладившись своим торжеством, Седрик обратился к своему спутнику:

— Пойдём, благородный Ательстан, — сказал он. — Мы пробыли здесь достаточно долго, отплатив за любезность принца Джона, пригласившего нас на свой гостеприимный пир. Кому угодно ближе ознакомиться с нашими простыми саксонскими обычаями, милости просим к нам, под кров наших отцов. На королевское пиршество мы довольно насмотрелись. Довольно с нас норманских учтивостей.

С этими словами он встал и вышел из зала, а за ним последовали Ательстан и некоторые другие гостисаксы, которые также сочли себя оскорблёнными издевательством принца Джона и его приближённых.

— Клянусь костями святого Фомы, — сказал принц Джон, когда они ушли, — эти саксонские чурбаны сегодня отличились на турнире и с пира ушли победителями!»

ГЛАВА 16. ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ВАЛЬТЕРА СКОТТА «АЙВЕНГО»

1. МИСТЕРИЯ ДОБРА И ЗЛА В РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Брат Гилбрейта Честертона Сесиль Честертон, талантливый редактор газеты, пишет в своей книге о творчестве брата, что книги Честертона — это не романы о персонажах, а Мистерии Добра и Зла. Другими словами, это Священная Война Добра и Зла как центральная тема Полотна Мировой Истории.

Вне всякого сомнения замечание Сесила Честертона еще более справедливо для исторических романов любимого писателя его брата — Вальтера Скотта.

Cecil Chesterton, «G.K. Chesterton, a criticism»:

> «We have more than once had occasion to remark that the key to nearly all Mr. Chesterton's merits and defects is to be found in the combative and propagandist impulse which is at the back of nearly all his works. He has been throughout not an artist seeking for the most perfect instrument of self-expression, but a soldier seeking the most effective engine of destruction. He tried to preach his crusade in verse: he tried to preach it in prose. In the „Napoleon of Notting Hill" he tried to use for the same purpose the very old method of parable and fable. Mr. Chesterton's tales show life as an interplay of spiritual forces transcending humanity. Of which the human characters are merely the embodiments. They are not novels, but mysteries — stories in which life is shown as a conflict of spiritual forces».

Cecil Chesterton, «G.K. Chesterton, a criticism»:

> «In order to get over the obvious difficulties presented by the existence of unmistakable Evil, the New Theologians once more called pseudoscience to their aid. For the Devil they substituted «the Brute»,

> which according to Tennyson was to be worked out as «Man» moved upwards. The evil in human nature was merely a fading trace of its animal origin, which would disappear altogether as the race approach its ultimate perfection. But during the contests which raged round the South African problem Mr. Chesterton had seen Evil face to face? And he felt it to be emphatically NOT the shadow where light should be» of Mr. Campbell, but rather the «darkness visible» of Milton. He had seen the dark features of the Asiatic adventures who had, as he believed, plotted a gigantic crime and set two simpler and braver peoples to kill each other for their profits, and they seemed to him the foul faces of Devils. Could the existence of these men be explained by saying they were undeveloped that the animal was still too strong in them? Surely it was obvious that they were very much further removed from the decent British soldiers, decent Boer farmers, whom they were sending to the slaughter. They were not relics of barbarism: they were the very latest product of elaborate civilization. The Enemy of Man was not it seemed the Brute, a thing ruder and more senseless than Man, but a thing infinitely subtler that Man — in a word, the Devil»

Мы уже анализировали с этой точки зрения роман В. Скотта «Квентин Дорвард». Давайте теперь обратимся к историческому роману «Айвенго», в котором мистерия Добра и Зла выражена еще более отчетливо.

В этом романе В. Скотт противопоставляет Церковь Дружбы Благородных людей во главе с Седриком Саксом, Локсли Робин Гудом, Ричардом Львиное Сердце и наконец, Пророком Ревеккой — Левиафану Садомазохизма, возглавляемому Принцем Джоном и его сторонниками: бароном Фрон де Бефом, рыцарем Храма Брианом Буагильбером. Это два очень четко начерченных лагеря Добра и Зла, и именно потому что силы Добра и Зла не являются вымыслом, но реальностью двух силовых полей психики человечества, роман Скотта отображает реальность такой, как она есть.

Скотт делает историческое отступление в середине книги, чтобы познакомить читателей с хроникой страшных бесчинств баронов тех дней в своих замках-крепостях, погрязших в цинизме, жестокости и садомазохизме идиотов (надо же называть вещи своими именами). Ведь именно идиотизм всегда идет рука об руку

с физическим контролем садомазохизма материальной энергии. И потому центральными преступлениями такого рода людей во все века были — Насилия Над Женщинами, Надругательство Над Тонкостью и Красотой Духа Святого. Животные никогда не насилуют друг друга, потому что насилие норма и естественный закон их жизни. Они не могут питаться иначе как пожирая друг друга, слабый сильного, и не могут спариваться иначе, как овладевая силой предметом вожделения. Человек совсем другое дело. В человеке базисная энергия — поле Интеллекта и Совести, и насилие физического контроля материальной энергии — Преступление против Духа Святого. И именно эта Хула на Духа Святого всегда в основе всей деятельности Сатанов поля Эгосистемы.

Обрисовав таким образом нравы баронов и их замков, Скотт возвращается к Левиафану Зла в своей книге — к Принцу Джону, который стремится занять трон брата, благородного рыцаря Ричарда Английского, пока тот сражается за Гроб Господень В Палестине. Барон Фрон де Беф и рыцарь коррумпированного ордена Храма Бриан Буагильбер сражаются на стороне предателя Принца Джона. Сюжет достигает своей кульминации, когда Левиафан Зла похищает лучших людей Церкви Дружбы с целью грабежа и Насилия над их Честью и помещает их в замке барона Фрон де Бефа. И именно здесь, Седрик Сакс, в обличье священника, которое он надел чтобы бежать из плена, встречает старую саксонку Ульрику (Урфриду), дочь друга своего отца, семья которой была жестоко убита Фрон де Бефом и его отцом с целью захвата их замка, а дочь обращена в наложницу.

Здесь, в этой встрече (которую пропустили все экранизации Айвенго) кульминация Мистерии Добра и Зла. Седрик Сакс, как символ силы Добра, побитой в этом мире победивших Сатанов, встречает в рясе священника Церкви Христа жертву самых страшных преступлений Зла против Духа святого в человеке. Исповедь Ульрики, которую он винит в том, что она осталась жить, ввергает его в уныние. В это же время, барон Фрон де Беф казнит другой символ силы добра как жертвы нашего мира победивших Сатанов — несчастного старика еврея Исаака,

друга Айвенго и отца благородной Ревекки, выведенной Скоттом настоящим ветхозаветным пророком. Седрик Сакс успевает покинуть замок и присоединиться к Локсли Робин Гуду и Ричарду Львиное Сердце, которые собрали целое войско разбойников Робин Гуда, чтобы спасать несчастных жертв из пасти дракона.

Здесь с небывалым мастерством Вальтер Скотт сводит свою мистерию Добра и Зла к ключевой развязке в битве за замок, где встречаются Церковь Дружбы Благородных людей, рвущаяся отомстить за поруганную Честь Добра, и Левиафан Зла Сатанов, в привычном для него русле казнящего все невинное, благородное, прекрасное в угоду утробе своего циклического гомеостаза Садомазохизма материальной энергии.

В. Скотт, «Айвенго»:

> «Здесь мы считаем не лишним оговориться и привести доводы более серьёзные, нежели сцепление чисто романических событий, в подтверждение того, что представленное нами печальное состояние нравов того времени нимало не преувеличено нами. Прискорбно думать, что храбрые бароны, боровшиеся из-за английских вольностей с представителями коронной власти, те самые бароны, которым мы обязаны существованием этих вольностей, были сами по себе жесточайшими притеснителями и запятнали себя такими крайностями деспотизма, которые были противны не только английским законам, но и велениям самой природы и простого человеколюбия. Но, увы, стоит нам привести хоть одну из многочисленных страниц труда нашего известного историка Генри, собравшего столько ценного материала из летописей тогдашнего времени, чтобы доказать, что трудно выдумать что-либо мрачнее и ужаснее того, что тогда творилось в действительности.
>
> «Саксонская хроника» описывает, какие жестокости учиняли в царствование короля Стефана важные бароны и владельцы замков, которые были все сплошь норманны; это описание служит разительным доказательством того, на какие неистовства были они способны, когда разжигались их буйные страсти:
>
> «Они жестоко угнетали бедняков, заставляя строить себе замки; а когда замки были готовы, они наполняли их порочными людьми, скорее дьяволами, которые хватали без разбора мужчин и женщин, в случае если подозревали, что у них есть деньги, ввергали в темницы и подвергали мучениям более лютым, чем те, которые претерпе-

вали святые мученики. Одних они душили, забивая им рот грязью, других вешали за ноги, или за голову, или за большие пальцы, а под ними разводили огонь. Иным обвязывали головы верёвками с узлами и затягивали узлы, пока не лопались черепа; других бросали в подземелья, кишевшие змеями и жабами…»

В. Скотт, «Квентин Дорвард»:

«Следуя примеру главнейших вассалов, каждый мелкий ленник старался отстоять свою независимость, насколько это ему позволяли расстояние от королевского двора, размеры его владений и неприступность его замков и укреплений. Все эти мелкие деспоты, не считаясь с законом и пользуясь своей безнаказанностью, зверски угнетали своих подданных и расправлялись с ними с чудовищной жестокостью. В одной Оверни насчитывалось в то время более трехсот таких независимых дворян, для которых кровосмешение, грабеж и насилие были самым обычным делом. Наряду со всеми ужасами и несчастьями, вызванными бедственным положением государства, среди мелкопоместных дворян царили безумное мотовство и роскошь, которыми они щеголяли в подражание крупным феодалам, выжимая последние соки из обнищавшего, разоренного народа».

2. НАСИЛИЕ НАД ЖЕНЩИНАМИ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ДУХА СВЯТОГО

Известно, что Нюрнбергский процесс осудил гитлеровский фашизм за «преступления против человечества». Действительно, Дарвиновской парадигме было нечего предложить взамен. Хотя если бы судили правильно, то первой осудили бы Дарвиновскую парадигму «за преступления против святого Духа Интеллекта».

Ио очевидно, что если вообще есть преступления против человечества, то это преступления против того божеского начала, которое заложено в человечестве, и которое отрицает Дарвиновская парадигма. В книге «Дорога в рай или плюс моего минуса» 2013 года я постаралась продемонстрировать подборкой цитат из Дарвина, Гитлера, Ницше, де Сада, что преступление начинается там, где Дарвиновская парадигма отказывается проводить четкую линию между «царством животных и царством

человека», как говорил Дарвин. Ибо царство животных относится к материальным энергиям (биологическая энергия), а царство человека относится к Пространству-Времени Интеллекта, — по крайней мере что касается базовой энергии человека. Чтобы уметь отделять материальную энергию психики от базисной энергии духа человека надо прежде всего знать об этом кардинальном различении между Контрольной энергией Духа в человеке и всеми прочими детерминированными материальными энергиями природы. И преступление Дарвиновской парадигмы прежде всего в том, что она начисто стерла эти границы между энергией Духа в человеке и всеми прочими материальными энергиями. У Канта, который помог Дарвиновской парадигме разрушить Метафизику Интеллекта формально сохраняется четкое разделение между трансцендентальным и материальным, между духом и материей в человеке. Однако, разрушив Процесс Познания как два полюса единого Интеллекта (Мышления и Законов Природы, Активного и Пассивного Интеллекта), Кант тем самым уничтожил и божественное, духовное в человеке, оставив его только на словах. Ведь «звездное небо над головой и моральной закон внутри» не существуют без Законов Природы, установленных Творцом для того специально, чтобы данный человеку разум мог их постигать и контролировать. Именно то положение философии, которое Кант уничтожил своей «вещью в себе». «Законодательствующий разум» Канта — это «абсолютная свобода» Гибрис-Эго, которая всегда приводит к полной несвободе материальных энергий.

Уничтожив в человеке божественное, Дарвиновская парадигма провозгласила его материальной энергией. То есть сравняла человека, носителя божественного Активного полюса Интеллекта-Мышления, с прочими материальными энергиями, которые обладают только Пассивным полюсом Интеллекта — Законами природы. И сравняв человека с материальными энергиями, сравняв человека с животным, она уничтожила понятие Греха на корню. Человек в своем преступлении теперь приравнивался к невинности животных, естество которых есть законы насилия

друг над другом. Но если и у человека тоже нет другого «естественного права», нет другой естественной природы, кроме насилии животных, то и человек также невинен в своей подлости и в своем садомазохизме, как и животное.

Ведь что такое притча Священных Писаний о первородном грехе?

Честертон всегда ставит эту библейскую притчу во главе угла своего социального анализа человеческих отношений, и не случайно. Ибо Притча о Первородном Грехе есть информация людям о том, что они носят в себе врожденный грех материальной энергии — поле Эгосистемы физического контроля. Это также есть информация о том, что в основе человека есть другая фундаментальная Энергия Духа — поля Интеллекта, которой предстоит открыть законы материальной энергии психики, и обезвредить силовое поле Эгосистемы. Это та задача, которую нам поставил Господь, отпуская нас из Рая его Пространства-Времени Интеллекта на землю материального мира — избавится от врожденного греха, найти и обезвредить поле Эгосистемы материальной энергии. Понятно, что если Господь дал нам божественную энергию активного Интеллекта, то позволять материальной энергии пожирать ее в утробе Садомазохизма циклического гомеостаза- это Преступление против Духа Святого.

Однако, совсем не так рассуждает дарвиновская парадигма, которая совершенно уничтожила в человеке энергию духа поля Интеллекта и представила человека абсолютным животным. Согласно этой теории в человеке — в человеке нет никакого греха, и любое его преступление также невинно как поведение животного. И именно эту невинность человека как животного обосновывает Ницше в «По ту сторону Добра и Зла»: действительно, материальные энергии именно потому невинны, что они находятся по ту сторону Добра и Зла разделения мира на Добра Духа и Зло материи.

Вот почему так важно, чтобы для настоящего Суда над Злом Расы Господ Сатанов говорили о Преступлении Против Духа Святого в человечестве, а не о человечестве понимаемом как

животные. Если бы в Нюрнберге судили Преступления против Духа Святого, то помимо Расы Господ Гитлеровского фашизма непременно должны были бы сказать о Дарвиновской парадигме, которая заложила ее основы. И тогда сегодня этот фашизм не возродился бы с новой еще большей силой в фашистах Путине, Трампе Нетаньяху и их проституткой армии на острове Эпштейна. Тот Холокост, что они явили миру там открыто и нагло, выставив на суд человечества кости потребленных их Садомазохизмом циклического гомеостаза материальной энергии девочек, постоянно по всему свету совершается тайно. И этот тот Холокост Эпштейна, тот фашизм, который будет набирать силу в мире победивших Сатанов. Это тот Ядерный Гриб Сатанов, душащий своим зловонием все ростки жизни энергии духа человечества, который будет набирать силу, пока Дарвиновская парадигма продолжает оставаться официальной «наукой».

Однако, не только Дарвиноская парадигма мешает нам сегодня рассмотреть Преступления против Духа святого. Есть также другая причина, связанная с трактовкой евангельских текстов. Совершенно очевидна недостаточность языка притч евангельских текстов в качестве практического руководства Естественного Права человечества. И об этом сказали все выдающиеся христиане, и первым был Христос, который предсказал продолжение Откровения «словами от Отца». То есть «словами от Интеллекта», то есть Научное Открытие Психической Энергии. Христос говорит, что Хула на Святого Духа никогда не простится — и тем самым четко разделяет смертный грех от грехов прощаемых; большой грех от маленького греха. Однако, эту линию между Грехами Святотатства, кощунства и грехами простительными или умалчивают, или не могут выразить недостаточным языком евангелий.

Разделив Нижнюю Эгозащиту Милграм-Эго, которой обычно страдают широкие массы народа не подозревая о своей болезни, и Верхнюю Эго-защиту Сатан-Эго, — теория Психической Энергии позволяет разделить простительные грехи людей, «которые не знают что творят», от намеренного кощунства Сатанов над наивностью, доверчивостью и добротой простых людей. Ведь Верх-

няя Эгозащита сделала своей сознательной целью «Охоту на овец» или на ягнят, то есть на чистых сердцем простых людей, которые легко становятся жертвами их коварства и лицемерия. Они открыто называют себя хищниками и гордятся этим, и откровенно считают все правила этики, всю совесть и справедливость — бредом простых людей. Они смеются над моралью, ведь именно мораль наивных людей помогает им превращать их в свой завтрак. Верхняя Эгозащита физического контроля материальной энергии — это и есть людоедство, ведь отношения Садомазохизма всегда направлены злорадством, желанием зла другим, желанием их использовать, употребить, обмануть, и в конечном итоге уничтожить. Это та же «утроба» циклического гомеостаза материальной энергии животных, которая потребляет друг друга в пищу. С той разницей, что здесь они предпочитают потреблять физические и моральные силы людей, а не их мясо. Хотя Честертон пишет, что каннибализм аборигенов вовсе не есть бессознательное животное состояние, но намеренный сатанизм, бесопоклонство дикарей, у которых так проявляется Садомазохизм материальной энергии психики, а не биологии.

Таким образом, Сатаны разделив людей на овец и хищников, сами упростили нашу задачу по проведению четкой границы между Преступлением против Духа и Святого и Преступлениями по незнанию у наивных людей. Именно к последним Христос как известно пришел в качестве Врача, чтобы помочь им бороться с врожденным грехом поля Эгосистемы в психике, и помог человечеству продержаться таким образом еще две тысячи лет до появления точного знания в Открытии ПЭ. Простые люди в общем здоровы и живут по законам совести, сочувствия и справедливости, которые каждый носит в сердце своей базисной Энергии Духа. Механизмы Нижней Эгозащиты срабатывают спонтанно у людей, которые ничего не знают о поле Эгосистемы — а ведь Дарвиновская парадигма продолжает уже второй век заботится о том, чтобы никто не знал о механизмах врожденного греха материальной энергии в психике человека!

В итоге простые люди не способны отразить соблазнов сознательного греха Верхней Эгозащиты Сатанов, которые за века их издевательств над наивным человечеством набрали что-то вроде «практических навыков» кощунства над доверчивостью честных людей. Они вековым опытом научились как обманывать и как эксплуатировать «овец» честности и доброты с тем, чтобы пожирать энергию их жизни в утробе своего Садомазохизма. Эксперименты Милграма показали, что простые люди в общем не способны противиться «магическому авторитету» Сатанов, которые они воспринимают подобно аборигенам через загрузки «СуперЭго». Они также подвержены вспышкам тщеславия, зависти, которые ведут их прочь от Проудктивного труда Пространства-Времени Интеллекта к псевдо-активности борьбы за деньги и власть, разбивая тем самым Церковь Дружбы совести и чести. Это Христос и старался вылечить своей проповедью и в свое время очень преуспел. Но сегодня его Откровения сердца и поэзии уже мало, и если кто еще помнит его слова, то применять в жизни не может.

Нам в данном случае важно разделить болезнь грехов Нижней Эгозащиты Милграм-Эго от кощунства Верхней Эгозащиты Сатанов, которые сознательно использую доброту незрелой Энергии Духа в людях, чтобы «охотится на овец», — то есть для предательства и обмана.

И доказать таким образом, что тотальное порабощение женщин в современном мире есть Хула на Святого Духа. То есть Преступление против Господа, которое, согласно Евангелию никогда не простится. По видимому, эти слова значат, что мертвая мысль и мертвая совесть этих людей безнадежны для реанимации.

Сегодня именно Охота на Женщин практикуется как основа Сознательной Охоты Сатанов на «наивных овец» честности. Как пишет Милль в «Подчинении женщин» мужчинам мало порабощения женщин, им нужен «сантимент», притяжение Влюбленности у женщин. Как используют бедных женщин, беззащитных женщин из нижних слоев общества, или из бедных «третьих

стран» в обществе, где Утроба Садомазохизма материальной энергии превратила людей в ненасытных развратников мы могли видеть на острове Эпштейна. Уделом бедных женщин становятся публичные дома — это и значит, что современная «культура» Дарвиновской парадигмы пожирает женщин. А Сатаны делают громадные деньги на этих публичных домах, где гибнут тысячи молодых женских жизней. Понятно, что «соблазнять» в проституцию, чтобы «сожрать» человека, будут не только бедных женщин, и не только женщин. Такова Утроба Садомазохизма циклического гомеостаза материальной энергии — если она поставлена в центре современного общества, то она будет пожирать все на своем пути. А она поставлена в центре современного общества Дарвиновской парадигмой, которая не только сняла все запреты Христианства на Садомазохизм материальной энергии, но оправдала и возвеличила его до Библии Дарвина в Церкви Сатаны Ла Вея в Америке (больше миллиона официальных последователей) и большой успех его книги.

Скандал, который вызвала книга де Бовуар «Второй пол» был связан со сделанными в книге меткими разоблачениями Симоны, а именно с тем фактом, что «Влюбленность» женщин — это не нормой, а результат дебилизации женщин в Садомазохизм поля Эгосистемы. Именно этот аргумент так здорово демонстрируемый в известной книге вызвал такую бурю протеста со стороны мужчин, которым нравилось думать, что женщины — влюбленные в них дебилы от самой природы. И когда Симона Бовуар показала, что на самом деле это ущербная культура дарвинизма вгоняет своим образованием и воспитанием женщин в мире, где царит материальная энергия поля Эгосистемы в Нижнюю Эгозащиту Влюбленности, чтобы обеспечить мужчинам Верхнюю Эгозащиту — вот тогда она сорвала банк. Настоящий ураган, который не утих до сих пор, потому что средствами сартровской философии, к которой она прибегает чтобы обосновать эту позицию, защитить открытую ею истину невозможно. Но если сказать что она хотела сказать на языке Открытия ПЭ, то

все становится предельно ясно. Она говорит, что женщин надо спасать из Влюбленность поля Эгосистемы, потому что мужчины заталкивают их туда, чтобы пить из них кровь (то же говорит Бертран Рассел). И что, нормальные отношения — это отношения Церкви Дружбы Энергии Духа мужчин и женщин, потому что Господство и Подчинение — это ненормальные отношения материальной энергии Садомазохизма. Вот что поведала миру Симона де Бовуар, и что доказало Открытие ПЭ.

У скотта мы находим то самое отношение к противоположному полу, которое демонстрируют все люди здоровой энергии духа — как к Церкви Дружбы чести и совести Благородных людей. Вот почему когда он всякий раз пишет с глубоким возмущением о насилии над женщинами — он пишет как о Преступлении против Духа Святого.

Так и в Айвенго, Седрик Сакс, благородный и отважный вождь церкви дружбы благородных людей, исповедует, постаревшую рабыней-наложницей знатную саксонку Ульрику в облачении священнослужителя. И ужас, который пронизывает все его существо — это ужас перед Преступлением против Духа Святого.

Изнасилование и развращении Ульрики, которая остается рабой-наложницей после насилия много лет до самой старости, только кульминация злодейства Сатанов, в доме которых встречаются их жертвы. Это замок знатнейшего саксанского тана, друга отца Седрика, а ведь Седрик сам ведет свой род от королей. После завоевания саксонцы остаются беззащитными жертвами произвола норманнов, и бароны Фрон де Беф решают напасть на уцелевший еще замок саксонов и отобрать его себе. Так на глазах у Ульрики убивают ее отца и семерых братьев, а насилие над дочерью делают кульминацией своего преступления. Понятно, что в романе Скотта речь вовсе не об исторической роли норманнов и саксонов — роль короля-завоевателя во многом помогла преодолеть беспредел феодалов — речь идет о Мистерии Добра и Зла. Речь идет об материальной энергии Садомазохизма, которую Скотт показывает

на примере норманнских завоевателей (завоевателей вообще), и о Энергии Духа поля Интеллекта человечества, которая до сих пор в силу своей незрелости (научный контроль зреет очень долго в отличии от готового сразу физического контроля) остается жертвой. Жертвой, подобно завоёванным саксам (или другим завоеванным народам). Так другим символом Энергии Добра в качестве Жертвы, выступают у Скотта отец и дочь евреи, угнетенное племя. Сначала Скотт рисует картину запертых у Фрон де Бефа Седрика и Ательстана, вспоминающих как с великим Торкилем Вольфгангером их отцы пировали в этом замке — теперь логове врага, заточившего из в нем как в тюрьме. Потом только он переходит к сцене, где дочь этого великого сакса является больше чем убитой — является самим воплощением обесчещенного в этом мире Добра.

В. Скотт, «Айвенго»:

> « — Да, — говорил Седрик, рассуждая сам с собой, но в то же время обращаясь и к Ательстану, — в этом самом зале пировал мой дед с Торкилем Вольфгангером, который угощал здесь доблестного и несчастного Гарольда. Гарольд шёл тогда воевать с норвежцами, ополчившимися против него под предводительством бунтовщика Тости. В этом самом зале Гарольд принял посла своего восставшего брата и дал тогда посланнику такой благородный ответ! Сколько раз, бывало, отец с восторгом рассказывал мне об этом событии! Посланец от Тости был введён в зал, переполненный именитыми саксонскими вождями, которые распивали красное вино, собравшись вокруг своего монарха.....Кто бы подумал, что через несколько дней сам Гарольд лишится своего королевства и получит взамен столько английской земли, сколько назначил в удел своему врагу норвежскому королю! И кто бы подумал, что ты, благородный Ательстан, ты, потомок доблестного Гарольда, и я, сын одного из храбрейших защитников саксонской короны, попадём в плен к подлому норманну, и что нас будут держать под стражей в том самом зале, где наши отцы задавали столь блестящие и торжественные пиры!
> ..... — Это что за маскарад? — сказал Седрик. — Не воображаете ли вы, что мы не знаем, кто забрал нас в плен, раз мы находимся в замке вашего хозяина? Передайте Реджинальду Фрон де Бефу, — продолжал он, пользуясь случаем начать переговоры, — что единственной причиной совершённого над нами насилия мы счита-

ем противозаконное желание обогатиться за наш счёт. Скажите ему, что мы готовы так же удовлетворить его корыстолюбие, как если бы мы имели дело с заправским разбойником. Пусть назначит выкуп за наше освобождение, и если он не превысит наших средств, мы ему заплатим.

Дворецкий вместо ответа только кивнул головой.

— И ещё передайте Реджинальду Фрон де Бефу, — сказал Ательстан, — что я посылаю ему вызов на смертный бой и предлагаю биться пешим или конным в любом месте через восемь дней после нашего освобождения. Если он настоящий рыцарь, то он не дерзнёт отложить поединок или отказаться дать мне удовлетворение»

В. Скотт, «Айвенго»:

« — Родилась я, — сказала она, — совсем не такой жалкой тварью, какой ты видишь меня теперь, отец мой. Я была свободна, счастлива, уважаема, любима и сама любила. Теперь я раба, несчастная и приниженная. Пока я была красива, я была игрушкой страстей своих хозяев, а с тех пор как красота моя увяла, я стала предметом их ненависти и презрения. Разве удивительно, отец мой, что я возненавидела род человеческий и больше всего то племя, которому я была обязана такой переменой в моей судьбе? Разве хилая и сморщенная старуха, изливающая свою злобу в бессильных проклятиях, может забыть, что когда-то она была дочерью благородного тана Торкилстонского, перед которым трепетали тысячи вассалов?

— Ты дочь Торкиля Вольфгангера! — сказал Седрик, пятясь от неё. — Ты... ты родная дочь благородного сакса, друга моего отца и его ратного товарища?

— Друг твоего отца! — воскликнула Урфрида. — Стало быть, передо мной Седрик, по прозвищу Сакс, потому что у благородного Херварда Ротервудского только и был один сын, и его имя хорошо известно среди его соплеменников. Но если точно ты Седрик из Ротервуда, что означает твоё монашеское платье? Неужели и ты отчаялся спасти свою родину и в стенах монастыря обрёл пристанище от притеснений?

— Всё равно, кто бы я ни был, — сказал Седрик. — Продолжай, несчастная, свой рассказ об ужасах и преступлениях. Да, преступлениях, ибо то, что ты осталась в живых, — преступление.

— Да, я преступница, — отвечала несчастная старуха. — Страшные, чёрные, гнусные преступления тяжким камнем давят мне грудь, их не в силах искупить даже огонь посмертных мучений. Да, в этих самых комнатах, запятнанных чистой кровью моего отца и моих бра-

тьев, в этом доме я жила любовницей их убийцы, рабой его прихотей, участницей его наслаждений. Каждое моё дыхание, каждое мгновение моей жизни было преступлением.

— Несчастная женщина! — воскликнул Седрик. — В то время когда друзья твоего отца, молясь об упокоении души его и всех его сыновей, не забывали в своих молитвах помянуть имя убиенной Ульрики, пока все мы оплакивали умерших и чтили их память, ты жила! Жила, чтобы заслужить наше омерзение и ненависть... Жила в союзе с подлым тираном, умертвившим всех, кто был тебе всего ближе и дороже, с тираном, пролившим кровь младенцев, чтобы не оставить в живых ни одного отпрыска славного и благородного рода Торкиля Вольфгангера. Вот с каким злодеем ты жила... да ещё предавалась наслаждениям беззаконной любви!

— В беззаконном союзе — да, но не в любви, — возразила старуха, — скорее в аду есть место для любви, чем под этими нечестивыми сводами. Нет, в этом я не могу упрекнуть себя. Не было минуты, даже в часы преступных ласк, чтобы я не ненавидела Фрон де Бефа и всю его породу.

— Ненавидела его, а всё-таки жила! — воскликнул Седрик. — Несчастная! Разве у тебя под рукой не было ни кинжала, ни ножа, ни стилета? Счастье твоё, что тайны норманского замка — всё равно что могильные тайны! Если бы я только представил себе, что дочь Торкиля живёт в гнусном союзе с убийцей своего отца, меч истого сакса разыскал бы тебя и в объятиях твоего любовника!

— Неужели действительно ты заступился бы за честь рода Торкиля? — сказала Ульрика (отныне мы можем отбросить её второе имя — Урфрида). — Тогда ты настоящий сакс, каким прославила тебя молва! Даже в этих проклятых стенах, окутанных загадочными тайнами, даже здесь произносили имя Седрика, и я, жалкая и униженная тварь, радовалась при мысли о том, что есть ещё на свете хоть один мститель за наше несчастное племя. У меня тоже бывали часы мщения. Я подстрекала наших врагов к ссорам и во время их пьяного разгула возбуждала среди них смертельную вражду. Я видела, как лилась их кровь, слышала их предсмертные стоны! Взгляни на меня, Седрик, не осталось ли на моём увядшем и гнусном лице каких-нибудь черт, напоминающих Торкиля?

— Не спрашивай об этом, Ульрика, — отвечал Седрик с тоской и отвращением. — Так мертвец напоминает живого, когда бес оживляет бездыханный труп, вызывая его из могилы.

..... — Ну, будь по-твоему, — сказала Ульрика. — Ступай своей дорогой и позабудь в своём высокомерии, что стоящая перед тобой старуха была дочерью друга твоего отца. Иди своим путём. Я останусь

одна. Зато и моё мщение будет делом только моих рук. Никто не станет мне помогать, но все услышат о том деянии, на которое я отважусь. Прощай! Твоё презрение оборвало последнюю связь мою с миром. Ведь я надеялась, что мои несчастья смогут пробудить сострадание в моих соплеменниках.

— Ульрика, — сказал Седрик, тронутый её словами, — ты так много вынесла и претерпела в этой жизни, так неужели ты будешь предаваться отчаянию именно теперь, когда глаза твои узрели твои преступления, когда тебе необходимо принести покаяние?

— Седрик, — отвечала Ульрика, — ты мало знаешь человеческое сердце. ..... Однако твои речи пробудили во мне новую душу. Правду ты сказал: те, кому не страшна смерть, способны на всё. Ты указал мне средства к отмщению, и будь уверен, что я ими воспользуюсь. Доселе в моей иссохшей груди наряду с мщением боролись ещё другие страсти; отныне оно одно воцарится в ней. Ты сам скажешь потом, что, какова бы ни была жизнь Ульрики, её смерть была достойна дочери благородного Торкиля. Перед стенами этого проклятого замка собралась боевая дружина — ступай, веди их скорее в атаку. Когда же увидишь красный флаг на боковой башне, в восточном углу крепости, наступай смелее — норманнам будет довольно дела и внутри замка, и вы сможете прорваться, невзирая на их стрелы и пращи. Иди, прошу тебя. Выполняй своё назначение, а меня предоставь моей судьбе».

3. КОВАРСТВО И ПРЕДАТЕЛЬСТВО МАТЕРИАЛЬНОЙ УТРОБЫ САДОМАЗОХИЗМА

Вальтер Скотт — редкий автор который с тем же глубоким инсайтом видит реальность не только Энергии Добра, но и Энергии Зла.

Он видит, что основа материальной энергии Садомазохизма поля Эгосистемы — в ее приспособляемости к материальному миру. У людей, у которых подобно Сатанам, материальная энергия пожрала все поле мысли и совести (мертвая мысль и мертвая совесть), не остается внутри «твердого тела поля интеллекта», не прогибающегося под материальный мир. Они пусты и эти пустоты постоянно вибрируют в поисках «силы» материального мира.

В здоровых людях, подобных Вальтеру Скотту или любому из тех пророков современности что мы цитировали в томах

об Открытии (Честертон, Газданов, Кьеркегор, Ренан и др), Энергия Духа составляет тот «идеальный мир», тот «мир отвлеченных идей», в которых как мы видели постоянно обитал дух Скотта или Газданова, отказываясь приземлится в физическом мире. Это мир Пространства-Времени Интеллекта, в котором всегда обитает живая Мысль Человека: она строит себе пространство из знаний. И пока эта мысль жива и обитает в своем пространстве-времени, живо и силовое поле Энергии Духа с его законами совести и справедливости, с его законами Церкви Дружбы Благородных людей. Вот почему пока в людях жива Энергия Духа, она образует твердое независимое от материального мира тело законов духовной энергии. Это Энергия, которая Контролирует материальный мир через знание его законов, но никогда не приспосабливается к давлению этого мира, если оно идет вразрез с природой духовной энергии: с ее служением истине, с ее совестью и справедливостью, образующими Церковь Дружбы Благородных людей. Это твердое тело духовной энергии в человеке называется «честью» человека, пока она у него есть. Эта честь устойчивого равновесия Пространства-Времени Интеллекта делает их храбрецами, и напротив «магический страх» в основе циклического гомеостаза физического контроля делает Сатанов трусами, — именно трусость и позволяет им постоянно адаптироваться под давление внешнего силы.

Совершенно иначе обстоит дело с материальной энергией поля Эгосистемы. В них нет ничего кроме Утробы Садомазохизма обыкновенного для всех материальных энергий циклического гомеостаза. Вот почему ничего не мешает им нарушать все законы божеской энергии: законы правдивости, совести, справедливости, которых у них нет. Вот почему говорят о таких людях — это люди без чести и совести. Их единственная задача, которую подсказывает им физический контроль их материального садомазохизма — это «рост силы» любыми средствами. И первое средство, которое они в силу своей свободы от совести находят самым прибыльным — это издевательство над совестью и добротой здоровых людей. Вот почему «предатель-

ство» — это основа их существа. Они делают чувствительную совесть здоровых людей предметом своей сознательной охоты, поскольку знают как надо лицемерить и притворяться «другом», чтобы обмануть доверие наивных людей и тем или иным способом поработить их. Когда современный теоретик Сатанизма такого рода, Р. Грин, в своих книгах «48 законов власти», «Искусство совращения», объединяет всех классических теоретиков Человека-Хищника, чтобы доказать, что люди живут в социальных джунглях, где сильные пожирают слабых, что надо врать как учил Макиавелли, потому что правды и этики не существует, то он не забывает сказать, что в современном мире прямому насилию «хищники» предпочитают «совращение» людей — то есть забивание людей на Притяжение Влюбленности или Самовлюбленности поля Эгосистемы, что позволяет высосать их жизненные соки через контроль этой энергии поля Эгосистемы. Понятно, что люди, которых соратили на поле Эгосистемы, полностью потеряли здоровье Энергии духа и вместе с ним, потеряли и свою жизнь и надежду на Благодать уровня Бытия в Пространстве-Времени Интеллекта, которая изначально составляет смысл жизни всякого человека.

Коварство, лицемерие, предательство Сатанов — это то, что В. Скотт как великий знаток человеческой души, определяет как центральный мотив их поведения. Ведь Диавол есть Отец Лжи, согласно Евангелию. Действительно, люди из которых извлечена Душа Мысли, превращаются в такие вот круглые колобки, которые катятся по материальному миру, легко приспосабливаясь ко всем его углам — ведь у них нет своей другой природы, кроме той же самой, материальной. Только те люди, у которых есть своя природы духовной энергии — есть честь поля Интеллекта — способны оказывать сопротивление материальному миру, когда он хочет превратить духовную энергию в материальную. Но у Сатанов нет ничего кроме материальной энергии — вот почему они катятся со всеми удобствами по материи, презирая правду, совесть и справедливость — у них нет чести Энергии Духа.

Поэтому когда Вальтер Скотт рисует Левиафан Принца Джона он показывает не столько пирамиду Господства и Подчинения, сколько именно этот внутренний механизм Коварства и бездонной подлости Сатанов, ищущих кого бы обмануть и кого бы предать, чтобы превратить в пищу для своего Садомазохизма. И для этих целей, историческая фигура Иоанна Безземельного, самого подлого короля Англии, который здесь еще только Принц Джон, конечно наиболее подходящая фигура.

С каким мастерством Скотт описывает сцену, где Принц Джон старается заставить своих вассалов подло убить своего брата-короля, подкараулив его, как полагается паукам и змеям, в засаде. И когда после долгих увещеваний один соглашается и уходит, полный надежд на заверения Принца в благородстве дела, как Принц Называет его убийцей своего брата тому, кто отказался брать это дело на свою совесть.

В. Скотт, «Айвенго»:

> Даже те, кто замечал в наружности принца выражение разнузданной дерзости, крайнего высокомерия и полного равнодушия к чувствам других людей, не могли отрицать того, что он не лишён некоторой привлекательности, …., тогда как под ними обычно скрываются беспечное равнодушие и распущенность человека, сознающего себя, независимо от своих душевных качеств, стоящим выше других благодаря знатности происхождения, или богатства, или каким-нибудь иным случайным преимуществам. Однако большинство зрителей не вдавалось в такие глубокие размышления. Для них достаточно было увидеть великолепную меховую шапочку принца Джона, его пышную мантию, отороченную дорогими соболями, его сафьяновые сапожки с золотыми шпорами и, наконец, ту грацию, с какой он управлял своим конём, чтобы прийти в восторг и приветствовать его громкими кликами.
>
> …..В связи с этим принц намеревался обойтись со своими гостями-саксами с непривычной любезностью. Не было человека, который мог бы с такой готовностью, как принц Джон, подчинять свои чувства корыстным интересам, но свойственные ему легкомыслие и вспыльчивость постоянно разрушали и сводили на нет всё, что успевало завоевать его лицемерие.
>
> …. — Ничего из этого не выйдет, — сказал принц Джон, шагая по комнате в сильном возбуждении, которому отчасти способствова-

ло и выпитое им вино. — Они уже видели на стене начертанные письмена; заметили на песке следы львиной лапы; слышали приближающийся львиный рёв, потрясший лес. Теперь ничто не воскресит их мужества.

— Дай бог, чтобы сам-то он не струсил, — шепнул Фиц-Урс, обращаясь к де Браси. — От одного имени брата его трясёт как в лихорадке! Плохо быть советником принца, которому не хватает твёрдости и постоянства как в добрых, так и в худых делах.

.....Никогда паук не затрачивал столько усилий на восстановление своей разорванной паутины, сколько затратил Вальдемар Фиц-Урс, чтобы собрать разбежавшихся сторонников клики принца Джона. Немногие из них присоединились к нему, разделяя его стремления, и никто — из личной привязанности. Поэтому Фиц-Урсу приходилось напоминать им о преимуществах, которыми они пользовались, и сулить им новые выгоды. Распутных молодых дворян он прельщал картинами необузданного разгула; честолюбивым он обещал власть, корыстным — богатство и увеличение их поместий. Вожаки наёмных отрядов получили денежные подарки, как довод, наиболее доступный их пониманию, и притом такой, без которого всякие другие были бы совершенно напрасны. Деятельный агент принца сыпал обещаниями ещё щедрее, чем деньгами.

..... — Я занимался своими делами, — отвечал де Браси спокойно, — так же как и вы, Фиц-Урс, занимались вашими.

— Это я-то занимался своими делами! — воскликнул Вальдемар. — Нет, я улаживал дела принца Джона, нашего общего патрона.

— Но разве при этом ты думал о чём-нибудь другом, — сказал де Браси, — кроме своего личного блага? Полно, Фиц-Урс, мы с тобой отлично знаем друг друга. Тобой руководит честолюбие — я стремлюсь к наслаждению, и то и другое соответствует нашим возрастам. А о принце Джоне мы одного мнения. Он слишком слабый человек, чтобы стать решительным монархом, слишком деспотичен, чтобы быть приятным монархом, слишком самонадеян и дерзок, чтобы быть популярным монархом, и слишком неустойчив и труслив, чтобы долгое время оставаться монархом. Но это тот монарх, в царствование которого Фиц-Урс и де Браси надеются возвыситься и процветать; а потому вы помогайте ему своей политикой, а я — добрыми копьями моих вольных дружинников.

..... — «Как истый рыцарь»! — повторил Фиц-Урс, глядя ему вслед. — Вернее сказать — как глупец, как дитя, способное бросить важное дело, чтобы ловить пушинку, летящую мимо. Да, вот с какими людьми предстоит мне действовать, и ради кого? Чтобы добыть корону этому легкомысленному и развратному принцу, который, на-

верно, окажется таким же неблагодарным монархом, каким был непокорным сыном и бессердечным братом. Но ведь и он не более как орудие в моих руках. Сколько бы он ни гордился своей знатностью, вздумай он поступить наперекор моим желаниям, он тотчас же узнает, чем это ему грозит. Тут размышления этого государственного мужа были прерваны голосом принца, послышавшимся из внутренних покоев:

— Благородный Вольдемар Фиц-Урс! И, сняв с головы шапочку, будущий канцлер (ибо таково было звание, к которому стремился этот хитрый норманн) поспешил на зов будущего монарха».

В. Скотт, «Айвенго»:

«Фиц-Урс и де Браси в страхе переглянулись.

— Нам остаётся одно средство, — продолжал принц, и лицо его омрачилось, как тёмная ночь. — Тот, кого мы страшимся, странствует в одиночку. Надо где-нибудь настигнуть его.

— Я за это не возьмусь, — поспешно отвечал де Браси. — Он взял меня в плен и помиловал. Я не согласен повредить хотя бы одно перо на его шлеме.

— Да кто же тебе велит наносить ему вред? — молвил принц Джон с резким смехом. — Ты, пожалуй, ещё будешь рассказывать, что я тебя подговариваю его убить. Нет, тюрьма лучше всего. А где он будет заключён, в Австрии или в Англии, не всё ли равно? Он очутится в том самом положении, в каком был, когда мы начинали своё предприятие. Ведь мы затеяли всё дело в надежде, что Ричард останется в плену в Германии. Известно, что дядя наш, Роберт, жил и умер в замке Кардифф.

— Так-то так, — сказал Вальдемар, — но ваш предок Генрих гораздо крепче сидел на престоле, чем это возможно для вашей светлости. По-моему, самая лучшая тюрьма та, от которой ключ хранится у пономаря; нет лучше подземелья, чем склеп под церковью. Больше мне нечего сказать.

— Тюрьма ли, могила ли — это меня не касается, — сказал де Браси. — Я умываю руки.

— Негодяй! — сказал принц Джон. — Надеюсь, ты не донесёшь ему о нашей беседе?

— Я ещё никогда не был доносчиком, — надменно сказал де Браси, — и не привык, чтобы меня называли негодяем.

— Полно, полно, сэр рыцарь, — вмешался Вальдемар. — А вы, государь, простите щепетильность доблестного де Браси. Я надеюсь его уговорить.

— Даром потратишь своё красноречие, Фиц-Урс, — возразил де Браси.

— Ну, полно, мой добрый сэр Морис, — продолжал хитрый дипломат. — Не кидайтесь в сторону, точно испуганный конь. Чего вам бояться? Этот Ричард... Не далее как третьего дня твоим самым большим желанием было встретиться с ним лицом к лицу на ратном поле. Я сто раз слышал, как ты мечтал об этом.

— Да, — молвил де Браси, — лицом к лицу в открытом бою. А когда же я говорил, что желал бы напасть на него в глухом лесу?

— Какой же ты рыцарь, если это тебя пугает? — сказал Вальдемар. — Разве Ланселот де Лак и сэр Тристрам стяжали свою славу в сражениях? Они именно тем и прославились, что нападали на богатырей и великанов в глубине диких неизведанных лесов.

— Да, — сказал де Браси, — только ручаюсь, что ни Тристрам, ни Ланселот не справились бы в рукопашной схватке с Ричардом Плантагенетом. А отправляться вдвоём против одного человека у них было не в обычае.

— Ты с ума сошёл, де Браси! — сказал Фиц-Урс. — Ведь ты наёмный начальник вольной дружины, за деньги взявшейся служить принцу Джону. Тебе известно, где находится наш враг, и ты колеблешься, тогда как судьба твоего хозяина, участь твоих товарищей, собственная жизнь твоя и честь каждого из нас поставлены на карту!

— Я вам говорю, — угрюмо сказал де Браси, — что он даровал мне жизнь. Правда, он прогнал меня с глаз долой, отказался от моих услуг. Стало быть, я не обязан ему ни повиновением, ни преданностью. Но я не могу поднять на него руку.

— Да этого и не требуется. Пошли Луи Винкельбранда с двумя десятками твоих копейщиков.

— У вас довольно и своих мерзавцев, — сказал де Браси, — из моих ни один не пойдёт на это дело.

— И упрям же ты, де Браси! — сказал принц Джон. — Неужели ты меня покинешь после всех твоих уверений в преданности и усердии?

— Я не хочу вас покидать, — сказал де Браси. — Я готов служить вам, как подобает рыцарскому званию, на турнирах и в ратном поле. Но эти тёмные дела противны произнесённым мною обетам.

— Вальдемар, подойди ко мне поближе, — сказал принц Джон. — Какой я несчастный принц! Вот у отца моего, короля Генриха, были верные слуги: стоило ему сказать, что ему надоел такой-то бунтарь из духовного звания, и кровь Фомы Бекета — даром что его почитали святым!

— пролилась на ступени алтаря, у которого он служил. О Траси, Морвил, Брито, отважные и преданные слуги! Исчезли ваши имена, ваше мужество, и нет подобных вам по доблести! Хоть у Реджинальда

Фиц-Урса и остался сын, но он не унаследовал ни верности, ни отваги своего отца.

— Нет, у него нет недостатка ни в том, ни в другом! — сказал Вальдемар Фиц-Урс. — Если больше некому выполнить это опасное дело, я беру его на себя.

……. — Отправляется брать в плен моего брата, — сказал принц Джон Морису де Браси, — и чувствует при этом так же мало угрызений совести, как будто дело идёт о лишении свободы какого-нибудь саксонского франклина. Надеюсь, что он строго выполнит наши предписания и с должным почтением отнесётся к особе нашего любезного брата Ричарда.

Де Браси вместо ответа только усмехнулся.

— Клянусь пресвятой девой, — продолжал принц, — мы дали ему точнейшие указания. Только ты, может быть, не слыхал нашего разговора, потому что мы с ним стояли в нише окна. Я строго приказал ему беречь Ричарда, и горе Вальдемару, если он преступит мою волю!

— Не лучше ли мне сходить к нему, — сказал де Браси, — и ещё раз повторить повеления вашей светлости? Если я не слыхал ваших слов, так, может быть, и Вальдемар их не расслышал?

— Нет, нет! — сказал принц раздражённо. — Он расслышал, поверь мне. К тому же мне нужно с тобой потолковать. Подойди сюда, Морис, дай мне опереться на твоё плечо.

В этой дружеской позе они обошли весь зал, и принц завёл приятельскую беседу в таком тоне:

— Какого ты мнения об этом Вальдемаре Фиц-Урсе, мой милый де Браси? Он надеется быть при мне канцлером. Но мы хорошенько подумаем, прежде чем поручить такую важную должность человеку, который не слишкомто уважает нашу семью, судя по тому, с какой охотой он взялся захватить Ричарда. Ты, может быть, думаешь, что несколько потерял наше расположение из-за того, что так смело отказался от этого неприятного поручения? Нет, Морис. Моё уважение к тебе скорее усилилось при виде твоей честности и твёрдости. Случается, что нам оказывают большие услуги, а мы всё-таки не в силах ни любить, ни уважать тех, кто их оказывает. Бывает также, что отказываются нам служить, а мы ещё больше уважаем этих ослушников. Я нахожу, что арестовать моего несчастного брата — не такая великая заслуга, чтобы за неё награждать титулом канцлера. Но зато ты своим рыцарским отказом заслуживаешь жезл главного маршала. Подумай-ка об этом, де Браси, и поди исполняй своё дело.

— Капризный тиран! — бормотал про себя де Браси, выйдя от принца.

— Плохо будет тому, кто тебе доверится. Твой канцлер! Скажите пожалуйста! Тот, кто доверится твоей совести, быстро станет жертвой. Но главный маршал Англии, — проговорил он, простирая руку вперёд, как бы желая схватить этот жезл, и принимая величавую осанку, — это такое звание, ради которого стоит потрудиться».

4. МЕТАФОРА «ЗНАТНОГО РОДА» О КОНТРОЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ ДУХА ПРОСТРАНСТВА –ВРЕМЕНИ ИНТЕЛЛЕКТА

Когда Скотт говорит, что он «носил корону», он вовсе не преувеличивает. Даже для нас, столькими поколениями дальше от времен Скотта, в далекой России, и Вальтер Скотт и продолжатели его дела как А. Дюма все еще остаются королями в своей области, хотя дарвинизм конечно потушил огни в том числе и хорошей литературы. Но во времена Скотта популярность его книг была совершенно уникальным явлением. Чем это можно объяснить?

Дело в том, что во первых сам факт его находки исторических романов как Мистерии Добра и Зла — уже великая правда жизни, на которой будет построена вся Мировая История Человечества. Во вторых, Скотт очень удачно подбирает художественные метаформы для представления этих двух сил, о которых он еще не может говорить в терминах науки — в терминах двух силовых полей духовной и материальной энергий психики.

Он потому вынужден подобно Христу пользоваться «притчами». Ведь когда Христа спросили его ученики: Господи, почему говоришь притчами?. Он сказал им много еще имею сказать вам, но сейчас не вместите. И еще: будут иметь уши и не услышать, глаза — и не увидят, потому я говорю притчами.

Вот и Скотт говорит притчами.

Совершенно очевидно, что не Знатность Рода образует его Церкви Дружбы Благородных людей, а «Знатность Характера», если можно так выразить. То что Жюльен Бенда называет «моральными расами» в «Предательстве интеллектуалов», а А. Маслоу называет «элитой характера» в исследовании самоактуалов.

Подобно тому, как его здоровые люди образуют церкви дружбы с такой «элитой характеров», Скотт в форме притчи о Знатности Рода говорит об элите характеров в приводимых им церквах дружбы благородных людей.

Мы не можем сомневаться в том, что Знатность Рода только метафора, потому что король Людовик в Квентине и Принц Джон в Айвенго — страшные Сатаны, но они самого знатного рода, какой можно вообразить. В то же время, Церковь Дружбы Седрика Сакса включает и шута Вамбу, за которого все готовы рисковать жизнью от самого Седрика до Ричарда Английского и Робин Гуда, и свинопаса Гурта.

Если мы приняли таким образом, что Знатность Рода только метафора «элиты характера», собираемой в Церкви Дружбы, то остается узнать почему эта метафора Знатности связывается у Скотта с Царственностью этих «Родов». И тут Скотт попадает прямо в точку. Ведь он говорит о Контрольной Энергии Духа — Божественной Энергии Интеллекта у человека, которой, как поясняет нам уже Библия материальный мир Господь дал чтоб человек управлял им. Успехи нашей науки, если бы не Ядерный Гриб Сатанов, и были бы таким Контролем в руках людей (и еще будет когда погибнут Сатаны!). Контрольная Энергия и есть такая «королевская» энергия человечества, имеющая прямое отношение к Дому Абсолютной Власти Господа-Творца, Господа-Интеллекта, сделавшего нас Гостями этого Дома Пространства-Времени Интеллекта.

Вот почему метафора Скотта о «Знатности Рода» восходящего к королям, так уместна в его Мистерии войны Добра и Зла. Потому что когда неправильно толкуют слова Христа, увещавшего людей отказать от поля Эгосистемы, то говорят что люди вообще должны отказаться от самоуважения и чувство собственного достоинства. Это бесконечно далеко от правды! Честертон, который говорит в своей статье о Грехе Гордости, что единственная проповедь, которую он хотел бы произнести — это проповедь против Гордости, этот самый Честертон в «Ортодоксии» пишет, что проповедь Христа возносит Славу Души человека

до небес, тогда когда в то же время низвергает гордость его Эго в прах и ничтожество. Вот в чем истинный смысл проповеди Христа: в разделении Закона Сохранения силы психической энергии для научного контроля поля Интеллекта и для физического контроля поля Эгосистемы. Именно второе называется гордостью и осуждается Христианством. И совершенно напротив, Сила и Слава Церкви христовой и души божеской в человеке превозносится до небес Царствия Небесного. Вот почему так важна для интуитивного правильно восприятия метафора об Энергии Добра как о королевской энергии мощи и благородства — ведь Энергия Духа действительно Контрольная энергия Царствия Небесного Пространства-Времени Интеллекта.

В ниже приведенных цитатах Скотт подчеркивает абсолютную бескорыстность Седрика Сакса в его стремлении возродить королевский род Саксов, чтобы вернуть независимость родине. Не тщеславие движет благородным Седриком, а его честь Энергии Духа, которая стремится вырваться из оков завоевателей, у которой для этого живы совесть и чувство справедливости и свободы естественного права, и есть отвага пространства-времени Интеллекта — он воплощение живой чести, противящейся тлетворному влиянию зла материальной силы. Такова же и женщина-Рыцарь Ровена, потомок королевского рода саксов, которой тоже абсолютно чуждо тщеславие, но благородная натура которая просвечивает и в силе характера, и в силе воли, в уме и красоте, в отваге устойчивого равновесия Контрольной Энергии Творца.

И даже ленивый Ательстан, другой последний потомок королевского рода саксов, несмотря на всю свою врожденную лень, во все критические моменты проявляет все рыцарство души живой чести и совести, которая борется насмерть за свою природу Духа против давления Садомазохизма материи, и до конца стоит в этой войне за Церковь Дружбы благородных людей, идет ли речь о шуте Вамбе или о невесте.

В. Скотт, «Айвенго»:

> «Между тем Седрик и Ательстан, ехавшие впереди, беседовали о состоянии страны, о несогласиях в королевской фамилии, о распрях

и вражде среди норманских дворян; они обсуждали, возможно ли во время приближавшейся междоусобной войны избавиться от норманского ига или по крайней мере добиться большей национальной независимости. Говоря о подобных предметах, Седрик всегда воодушевлялся. Восстановление независимости саксов было кумиром его души, и этому кумиру он добровольно принёс в жертву своё семейное счастье и судьбу своего сына. Но для того чтобы осуществить этот великий переворот в пользу коренных англичан, необходимо было объединиться и действовать под водительством вождя, и этот вождь должен был происходить из древнего королевского рода. Это требование выдвигали те, кому Седрик поверял свои тайные замыслы и надежды. Ательстан удовлетворял этому условию. Правда, он не отличался большим умом и не блистал никакими талантами, однако у него была довольно представительная фигура, он был не трус, искусен во всяких военных упражнениях и, казалось, охотно прислушивался к советам людей поумнее себя. Сверх того, было известно, что он человек щедрый, гостеприимный и добрый. Но каковы бы ни были достоинства Ательстана, многие из саксов склонны были признавать первенство за леди Ровеной. Она происходила от короля Альфреда, а её отец настолько прославился своей мудростью, отвагой и благородным нравом, что память его высоко чтили все его соотечественники.

Если бы Седрик захотел, ему бы ничего не стоило стать во главе третьей партии, не менее сильной, чем две другие. За Ательстана и леди Ровену говорило их королевское происхождение, но он мог противопоставить им свою храбрость, деятельный нрав, энергию и, главное, ту страстную преданность делу, которая заставила земляков прозвать его Саксом. А по рождению он сам был так знатен, что в этом смысле никому не уступал, за исключением Ательстана и своей питомицы. Но даже тень тщеславного себялюбия была чужда Седрику, и, вместо того чтобы ещё более разъединить свой и без того слабый народ созданием собственной партии, Седрик стремился устранить уже существовавший раскол; важной частью его плана было выдать леди Ровену замуж за Ательстана и таким образом слить воедино обе партии. Препятствием к его осуществлению послужила взаимная привязанность леди Ровены и его сына. Это и было главной причиной изгнания Уилфреда из родительского дома».

В. Скотт, «Айвенго»:

«Седрик прибегнул к этой суровой мере в надежде, что в отсутствие Уилфреда Ровена изменит свои чувства. Но он ошибся: Ровена оказалась непреклонной, что объяснялось отчасти характером

её воспитания. В глазах Седрика Альфред был чем-то вроде божества. Поэтому он относился к последней представительнице его рода с исключительным почтением, какое вряд ли внушали кому бы то ни было принцессы царствующих династий того времени. В его доме каждое желание Ровены считалось законом, и сам Седрик, словно решив, что её права должны быть полностью признаны хотя бы в пределах этого маленького круга, гордился тем, что подчинялся ей, как первый из её подданных.

Она с детства приучилась не только действовать по своей собственной воле, но и повелевать другими; а потому нет ничего удивительного, что в таком вопросе, в котором другие девушки, даже воспитанные в полном подчинении и покорности, склонны проявлять некоторую самостоятельность и способны оспаривать власть своих опекунов и родителей, Ровена высказала возмущение и негодование. Она решительно противилась всякому внешнему давлению и наотрез отказалась давать кому-либо право направлять её привязанности или располагать её наукой наперекор её воле. Свои суждения и чувства она высказывала смело, и Седрик, будучи не в силах противостоять привычному почтительному подчинению её воле, встал в тупик и не знал теперь, каким способом заставить её слушаться своего опекуна.

Тщетно пытался он пленять её воображение картиной будущей королевской власти. Ровена, одарённая большим здравым смыслом, считала планы Седрика совершенно неосуществимыми, а для себя лично нежелательными. Равена и не думала скрывать предпочтение, которое высказывала Уилфреду Айвенго. Более того — она неоднократно заявляла, что скорее пойдёт в монастырь, чем согласится разделить трон с Ательстаном. Она всегда питала презрение к Конингсбургскому тану, а теперь, после стольких неприятностей, перенесённых из-за него, чувствовала к нему нечто вроде отвращения».

В. Скотт, «Айвенго»:

« — Вопрос о выкупе не касается также и леди Ровены, — сказал де Браси. — Пусть никто не скажет, что я отказался от такой добычи, не успев хорошенько подраться из-за неё.

— Наш договор, — вмешался Фрон де Беф, — не касается также и этого проклятого шута. Я оставляю его за собой и намерен показать на нём, каково со мной шутки шутить.

— Леди Ровена, — ответил Ательстан с невозмутимым спокойствием, — моя наречённая невеста. Лучше я дам разодрать себя на клочья дикими лошадьми, чем соглашусь расстаться с нею. А невольник Вамба пожертвовал собою для спасения жизни моего названого от-

ца Седрика. Поэтому я скорее сам погибну, чем дозволю нанести ему хотя бы малейшую обиду.
— Твоя наречённая невеста? Леди Ровена просватана за такого вассала, как ты? — сказал де Браси. — Ты, кажется, вообразил, сакс, что вернулись времена вашего семицарствия! Знай же, что принцы из дома Анжу не выдают опекаемых ими невест за людей такого низкого происхождения, как твоё.
— Мой род, гордый норманн, — отвечал Ательстан, — гораздо древнее и чище, чем у какого-нибудь нищего французика, который только тем и зарабатывает на жизнь, что торгует кровью воров и бродяг, набирая их целыми отрядами под своё бесславное знамя. Мои предки были королями: сильные в бою, мудрые в совете, они всякий день угощали за своим столом больше народу, чем ты водишь за собой. Имена их воспеты менестрелями, законы их были закреплены Советом старейшин. Кости их погребались под пение молитв святыми угодниками, а над прахом их воздвигнуты соборы.
— Что, де Браси, попало тебе? — сказал Фрон де Беф, радуясь отповеди, полученной его приятелем. — Сакс отделал тебя довольно метко».

В. Скотт, «Айвенго»:

« — Потомок короля Альфреда в опасности, — сказал Седрик.
— Честь благородной дамы в опасности, — прибавил Чёрный Рыцарь.
— Клянусь образом святого Христофора, что у меня на перевязи, — воскликнул Робин Гуд, — если бы дело шло только о спасении верного слуги, бедняги Вамбы, я бы не пожалел своей руки или ноги, лишь бы ни один волос не упал с его головы!
— И я также, — сказал отшельник. — Как можно, сэры! Я уверен, что дурак — такой дурак, который ни в чём не виноват, да ещё мастер своего дела и умеет придать вкус и смак каждой чаше вина, не хуже доброго ломтя ветчины, — такой дурак, братцы, говорю я, всегда может рассчитывать на умного монаха. Тот за него и помолится и подерётся, пока сам не забудет, как читать молитвы и орудовать бердышом! — С этими словами он завертел над головой своей тяжёлой дубиной, словно это был лёгкий пастушеский посох.
— Дело говоришь, святой причетник! — воскликнул Чёрный Рыцарь. — Это так же верно, как если бы это говорил не ты, а сам святой Дунстан».

5. ТВЕРДОЕ ТЕЛО «ЧЕСТИ» ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ ИНТЕЛЛЕКТА В СОПРОТИВЛЕНИИ ДАВЛЕНИЮ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА

Мы видели, что Скотт правдиво изображает Сатанов, как людей, которые не только не имеют устойчивой природы Энергии Духа, своей «чести», готовой драться насмерть за совесть и справедливость с давлением материального мира, если оно разрушает эту природу Духа, но напротив: они готовы использовать эту природу Энергии Духа в других людях, чтобы обманывать их и развращать их. Это то, что они называют «приспособлением к окружающей среде». Мы видели, что Сатаны трусы, и не имеют смелости постоять даже за себя, не говоря уже о том, чтобы драться за честь Церкви Дружбы Благородных людей.

Мы видели также что простые люди не способны часто сопротивляться их соблазнам и действительно становятся жертвами, развращаются и теряют свою невинность, переходя на Притяжения Влюбленности поля Эгосистемы: А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, говорит по сему поводу Христос, — тому лучше бы жернов на шею и бросили в море». Но и простые люди повержены страху, им негде черпать силы противостоять Садомазохизму Сатанов, подавляющих их «магическим авторитетом» своих денег и власти, и страх и соблазны ломают их волю, и совращают их.

Не так обстоит дело с честью Церкви Дружбы Благородных людей. Прежде всего мощь развитой Энергии Духа дает им Отвагу, которой нет у материальной энергии, основанной на дефиците «Голода, Страха тщеславия». Далее, их смысл жизни — Благодать Пространства-Времени Интеллекта, уровня Бытия к которому они уже приобщились и стараются двигаться дальше в этом направлении. И каждый, в ком природа Энергии Духа жива, и особенно в тех кто работает над ее развитием учебой ли, молитвами ли, чтением Откровения и Святых, Философов и Мыслителей, или же общением в Клубах Камаридери Честертона, в Церквах Дружбы святых людей — каждый чувствует в себе эту жизнь Энергии Духа чувствительно-

стью своей совести. Так, у Скотта Робин Гуд — разбойник с очень чувствительной совестью, которая учит его отпустить свинопаса Гурта с его множеством золотых монет восвояси. Робин Гуд — честный иомен, который ушел в разбойники именно потому, что Государство перестало быть правлением Закона честных людей, и превратилось во власть Садомазохизма материальной энергии, с ее подлостью и насилием над честными людьми.

Подобно Робин Гуду все Благородные люди Скотта имеют один смысл и одну цель в жизни — сохранить природу своей Энергии Духа от разлагающего влияния Садомазохизма материальной энергии, — сохранить свою честь, за которую они готовы драться насмерть. Это не те люди, которых можно напугать насилием, увлечь магическим авторитетом власти, или подкупить деньгами. У них нет тщеславия, нет жадности, нет Влюбленности в авторитетов, и нет страха перед ними. Напротив, чем выше находятся бесчестные и подлые люди, тем больше они их презирают. Леди Ровена оскорблена до глубины души признаниями в любви человека, проявившего над ней насилие, даже если он хорошо собой, очень знатен, прославен как отважный рыцарь и состоит на службе у правящего Принца Джона. Она молодая женщина, но ей противен магический авторитет насильника, и она считает оскорблением даже не изнасилование, а предложение руки и сердца от человека, который не проявил уважения и надругался над ее волей человека, похитив ее. Она будет защищать свою честь свободной личности, свою совесть и справедливость от позорного Притяжения Влюбленности до последнего вздоха. Драться она не может, но угрозы бандита покарать ее отца и Айвенго, повергают ее в неизбывное горе. Мы еще увидим, но Скотт еще лучше справился с портретом другого женщины-рыцаря, стоящего насмерть за свою честь свободной личности против позорного Притяжения Влюбленности поля Эгосистемы — с портретом еврейки Ревекки, выводимой Скоттом в образе ветхозаветного пророка.

В. Скотт, «Айвенго»:

«Но леди Ровена жестом отклонила эту любезность и сказала:
— Если я нахожусь в присутствии моего тюремщика, сэр рыцарь, — а обстоятельства таковы, что я не могу думать иначе, — то узнице приличнее стоя выслушать свой приговор.
— Увы, прелестная Ровена, — отвечал де Браси, — вы находитесь в присутствии пленника ваших прекрасных глаз, а не тюремщика. Это де Браси должен получить приговор.
— Я не знаю вас, сэр, — заявила она, выпрямляясь с гордым видом оскорблённой знатной красавицы, — я не знаю вас, а дерзкая фамильярность, с которой вы обращаетесь ко мне на жаргоне трубадура, не оправдывает разбойничьего насилия.
— Твои прелести, — продолжал де Браси в том же тоне, — побудили меня совершить поступки, недостаточно почтительные по отношению к той, кого я избрал царицей моего сердца и путеводною звездой моих очей.
— Повторяю вам, сэр рыцарь, что я не знаю вас, и напоминаю вам, что ни один мужчина, носящий рыцарскую цепь и шпоры, не должен позволять себе навязывать своё общество беззащитной даме.
— Что я вам незнаком, в том действительно заключается моё несчастье, — сказал де Браси, — однако позвольте надеяться, что имя де Браси небезызвестно, оно звучит иногда в песнях и речах менестрелей и герольдов, восхваляющих рыцарские подвиги на турнирах или на поле битв.
— Так и предоставь менестрелям и герольдам восхвалять тебя, сэр рыцарь, — сказала Ровена. — Им это приличнее, чем тебе самому. Скажи мне, кто из них увековечит в песне или в записях турниров достопамятный подвиг нынешней ночи — победу, одержанную над стариком и горстью робких слуг, а также и добычу, доставшуюся победителю, — несчастную девушку, против воли увезённую в разбойничий замок?
— Вы несправедливы, леди Ровена, — сказал рыцарь, смутившись и принимая свой обычный тон, — вы сами бесстрастны и потому не находите оправдания пылкой страсти другого человека, хотя бы она была вызвана вашей красотой.
— Прошу вас, сэр, — сказала Ровена, — прекратить эти речи! Они приличны странствующим менестрелям, но вовсе не подходят рыцарям и дворянам... Я в самом деле принуждена сесть, потому что вы, по-видимому, никогда не кончите произносить такие пошлости, каких и у всякого уличного певца хватит до самого рождества.
— Гордая девица, — с досадой сказал де Браси, — видя, что на все его изысканные любезности она отвечает пренебрежением, — гордая девица, я тебе докажу, что и моя гордость не меньше твоей.

> Знай же, что я заявил претензии на твою руку тем способом, какой наиболее соответствует твоему нраву. При твоём характере тебя легче покорить с оружием в руках, чем светскими обычаями и учтивыми речами.
> — Когда учтивые слова прикрывают грубые поступки, — сказала Ровена, — они похожи на рыцарский пояс на подлом рабе. Я не удивлюсь, что сдержанность так трудна для вас. Вам было бы лучше сохранить одежду и речь разбойника, чем скрывать воровские дела под личиной деликатных манер и любезных фраз.
> ... — И Седрик тоже... — повторила Ровена. — Мой благородный, мой великодушный опекун! Я заслужила постигшее меня несчастье, если могла позабыть о судьбе Седрика, думая о его сыне!
> — Судьба Седрика также зависит от твоего решения, — сказал де Браси, — советую тебе хорошенько подумать об этом.
> ...Она обвела глазами вокруг себя, как бы ища помощи, издала несколько прерывистых восклицаний, потом подняла сжатые руки к небу и разразилась горькими слезами».

Таков Седрик Сакс, который не только не приспосабливается к новой власти как она есть — подлая власть грабителей и насильников вроде Принца Джона и ФРон де Бефа, = но всячески ей сопротивляется и живет планами о государственном перевороте. Однако, в его планах нет никакого тщеславия, и он готов подчиниться честному королю, даже если это король завоевателей норманнов — подчиниться Ричарду Английскому. Его планы построены не на желании стать у руля власти, а на ненависти к Злу Садомазохизма поля Эгосистемы, каковы Принц Джон и его вассалы. Его бунт против Зла, «рациональным авторитетам» он готов повиноваться, как говорит Фромм. И его сын Айвенго, уже давно стал преданным вассалом короля Ричарда. И сам Седрик готов пить за здоровье только одного норманна — Ричарда.

И вот мы видим, что все эти достойные люди Энергии Духа встречаются под стенами замка Фрон де Бефа, чтобы вызволить из неволи его пленников — невинных жертв энергии Зла. Встречаются Локсли Робин Гуд и его команда таких же отважных и честных людей «чести», отказавшихся служить гнилой власти; король Ричард Английский, который хоть и не называет своего

имени, но продолжает добровольно подвергать свою жизнь христианского рыцари риску за правое дело, как он делал много лет в Палестине; наконец, Седрик Сакс, готовый на любые жертвы, чтобы наказать преступников Фрон де Бефа и его друзей, похитивших его самого и всех его домочадцев.

В. Скотт, «Айвенго»:

«Прибей вы этого малого, мы так и не узнали бы дороги к дому Седрика; кроме того, если бы нам самим и удалось добраться туда, то Седрик непременно затеял бы с вами ссору из-за побоев, нанесённых его рабам. Помните, что я вам говорил: этот богатый франклин горд, вспыльчив, ревнив и раздражителен, он настроен против нашего дворянства и в ссоре даже со своими соседями — Реджинальдом Фрон де Бефом и Филиппом Мальвуазеном, которые шутить не любят. Он так крепко держится за права своего рода и так гордится тем, что происходит по прямой линии от Херварда, одного из знаменитых поборников семицарствия, что его не называют иначе, как Седрик Сакс. Он похваляется своим кровным родством с тем самым народом, от которого многие из его соплеменников охотно отрекаются, чтобы избегнуть — vae victis — бедствий, выпадающих на долю побеждённого.

....Седрик Сакс такой человек, что если сочтёт себя оскорблённым — а он очень чувствителен к оскорблениям, — то не обратит внимания на ваше рыцарство, и моё высокое положение, и на наш священный сан и выгонит нас ночевать под открытое небо, хотя бы на дворе стояла полночь. И, кроме того, остерегайтесь слишком пристально смотреть на Ровену: он охраняет её чрезвычайно ревниво. Если мы дадим ему малейший повод к опасениям с этой стороны, мы с вами пропали. Говорят, что он изгнал из дому единственного сына только за то, что тот дерзнул поднять влюблённые глаза на эту красавицу. По-видимому ей можно поклоняться только издали; приближаться же к ней разрешается лишь с такими мыслями, с какими мы подходим к алтарю пресвятой девы».

В. Скотт, «Айвенго»:

«Постойте, — прибавил он. — Я чуть было не забыл самого главного. Пусть двое из вас отправятся поскорее к Торклистону, замку Фрон де Бефа. Отряд переодетых молодцов везёт туда несколько человек пленных. Наблюдайте за ними неотступно. Даже в том случае, если они доберутся до замка, прежде чем мы успеем собраться с силами, честь обязывает нас покарать их. Поэтому следите за ними хорошенько, и пусть самый проворный из вас принесёт мне весть о том, что у них делается».

В. Скотт, «Айвенго»:

> «Пока они занимались этим, Локсли отвёл рыцаря в сторону и сказал ему:
> — Не отрицайте, сэр рыцарь, вы тот самый герой, благодаря которому победа осталась за англичанами на второй день турнира в Ашби.
> — Что ж из того, если ты угадал, друг иомен? — спросил рыцарь.
> — В таком случае, — отвечал иомен, — я могу считать вас сторонником слабейшей партии.
> — Такова прямая обязанность каждого истинного рыцаря, — сказал Чёрный Рыцарь, — и мне было бы прискорбно, если бы обо мне подумали иначе.
> — Но для моих целей, — сказал иомен, — мало того, что ты добрый рыцарь, надо, чтобы ты был и добрым англичанином. То, о чём я хочу поговорить с тобой, является долгом всякого честного человека, но ещё большим долгом каждого честного сына этой страны.
> — Едва ли найдётся человек, — отвечал рыцарь, — которому Англия и жизнь каждого англичанина была бы дороже, чем мне.
> — Охотно этому поверю, — сказал иомен. — Никогда ещё наша страна не нуждалась так в помощи тех, кто её любит. Послушай, я тебе расскажу об одном деле. В нём ты сможешь принять почётное участие, если ты действительно таков, каким мне кажешься. Шайка негодяев, переодетых в платье людей, которые гораздо лучше их самих, захватила в плен одного знатного англичанина, по имени Седрик Сакс, а также его воспитанницу и его друга, Ательстана Конингсбургского, и увезла их в один из замков в этом лесу, под названием Торкилстон. Скажи мне как добрый рыцарь и добрый англичанин: хочешь помочь нам выручить их?
> — Произнесённый обет вменяет мне в обязанность это сделать, — отвечал рыцарь, — но я хотел бы знать, кто же просит меня помочь им.
> — Я, — сказал иомен, — человек без имени, но друг твоей родины и тех кто любит её. Удовольствуйтесь пока этими сведениями о моей

личности, тем более что и сами вы желаете оставаться неизвестным. Знайте, однако, что моё честное слово так же верно, как если бы я носил колотые шпоры.
— Этому я охотно поверю, — сказал рыцарь. — Твоё лицо говорит о честности и твёрдой воле. Поэтому я больше не буду ни о чём тебя расспрашивать, а просто помогу тебе освободить этих несчастных пленников. А там, надеюсь, мы с тобой познакомимся поближе и, расставаясь, будем довольны друг другом».

Другая знаменитая картина романа — слабый от ран после героического поединка с врагами короля ричарда — вассалами принца Джона, Айвенго наблюдает с помощью своего врача Ревекки из окна башен замка за наступлением союзных войск Робин Гуда, Ричарда и Седрика на замок Фрон де Бефа, где всех содержат пленниками. Айвенго не старается выжить подобно «подлым трусам» Сатанам, он рвется в бой. Ревекка, которая питает нежную привязанность к благородному рыцарю, ибо их сердца как сердца всех благородных людей соединились в Церкви Дружбы, риская жизнью стоит у окна и пересказывает ему ход событий. Дискуссия о Рыцарстве много говорит о глубине ума и чистоте Энергии Духа обоих собеседников. И в особенности о чести людей Энергии Духа, ее смысле жизни и ее смертельной ненависти к Садомазохизму материальной энергии. Нет, люди совести будут драться насмерть с Сатанами, и еще одержат полную и окончательную победу над злом.

В. Скотт, «Айвенго»:

« — Ах, Ревекка, — отвечал он, — ты не можешь себе представить, как трудно человеку, искушённому в рыцарских подвигах, оставаться в бездействии подобно какому-нибудь монаху или женщине, в то время как вокруг него другие совершают доблестные подвиги! Ведь бой — наш хлеб насущный, дым сражения — тот воздух, которым мы дышим! Мы не живём и не хотим жить иначе, как окружённые ореолом победы и славы! Таковы законы рыцарства, мы поклялись их выполнять и жертвуем ради них всем, что нам дорого в жизни.
— Увы, доблестный рыцарь, — молвила прекрасная еврейка, — что же это, как не жертвоприношение демону тщеславия и самосожжение перед Молохом? Что будет вам наградой за всю кровь, которую вы пролили, за все труды и лишения, которые вы вынесли, за те

слёзы, которые вызвали ваши деяния, когда смерть переломит ваши копья и опередит самого быстрого из ваших боевых коней?

— Что будет наградой? — воскликнул Айвенго. — Как что? Слава, слава! Она позлатит наши могилы и увековечит наше имя!

— Слава? — повторила Ревекка. — Неужели та ржавая кольчуга, что висит в виде траурного герба над тёмным и сырым склепом рыцаря, или то полустёртое изваяние с надписью, которую невежественный монах с трудом может прочесть в назидание страннику, — неужели это считается достаточной наградой за отречение от всех нежных привязанностей, за целую жизнь, проведённую в бедствиях ради того, чтобы причинять бедствия другим? Или есть сила и прелесть в грубых стихах какого-нибудь странствующего барда, что можно добровольно отказаться от семейного очага, от домашних радостей, от мирной и счастливой жизни, лишь бы попасть в герои баллад, которые бродячие менестрели распевают по вечерам перед толпой подвыпивших бездельников?

— Клянусь душою Херварда, — нетерпеливо сказал рыцарь, — ты говоришь, девушка, о том, чего не можешь знать! Тебе хотелось бы потушить чистый светильник рыцарства, который только и помогает нам распознавать, что благородно, а что низко. Рыцарский дух отличает доблестного воителя от простолюдина и дикаря, он учит нас ценить свою жизнь несравненно ниже чести, торжествовать над всякими лишениями, заботами и страданиями, не страшиться ничего, кроме бесславия. Ты не христианка, Ревекка, оттого и не ведаешь тех возвышенных чувств, которые волнуют душу благородной девушки, когда её возлюбленный совершает высокий подвиг, свидетельствующий о силе его любви. Рыцарство! Да знаешь ли ты, девушка, что оно источник чистейших и благороднейших привязанностей, опора угнетённых, защита обиженных, оплот против произвола властителей! Без него дворянская честь была бы пустым звуком.

«Как мало он меня знает, — подумала про себя Ревекка, — если воображает, что в моей душе живут лишь трусость и низость, раз я себе позволила неодобрительно отозваться о рыцарстве назареян! Как бы я была счастлива, если бы богу было угодно источить всю мою кровь по капле, чтобы вывести из плена колено Иудино! Да что я говорю! Хотя бы этой ценой господь позволил мне освободить моего отца и его благодетеля из оков притеснителей. Тогда эти высокомерные христиане увидели бы, что дочь избранного богом народа умирает так же храбро, как и любая из суетных назарейских девушек, хвастающихся происхождением от какого-нибудь мелкого вождя с дикого, холодного Севера!»

> Она посмотрела на раненого рыцаря и проговорила про себя:
> «Он спит! Истомлённый ранами и душевной тревогой, воспользовался минутой затишья, чтобы погрузиться в сон. Разве это преступление, что я смотрю на него, и, может быть, в последний раз! Кто знает, пройдёт немного времени, и эти красивые черты не будут более оживлены энергией и смелостью, которые не покидают их даже и во сне? Лицо осунется, уста раскроются, глаза нальются кровью и остановятся. И тогда каждый подлый трус из проклятого замка волен будет попирать ногами этого гордого и благородного рыцаря, и он останется недвижим… А отец мой? О мой отец! Горе дочери твоей, если она позабыла о твоих сединах, заглядевшись на золотистые кудри юности! Не за то ли покарал Иегова недостойную дочь, которая думает о пленном чужестранце больше, чем о своём отце, забывает о бедствиях Иудеи и любуется красотой иноверца? Но я вырву эту слабость из своего сердца, хотя бы оно разодралось на куски и истекло кровью!»

Мы видим, что подобно ветхозаветным пророкам, Евангелиям Христа и русской литературе, король Ричард и Робин Гуд всегда на стороне слабейших. Это как раз противоположное тому, что делают оппортунисты, приспосабливающиеся к давлению внешней силы: они всегда на стороне силы. Чтобы встать на сторону слабого, надо, чтобы тобой двигал не физический контроль поля Эгосистемы, а совесть и справедливость Пространства-Времени Интеллекта. Поскольку мы все еще далеки от этого пространства-времени в силу победы дарвинизма и Сатанов, даже сегодня редко можно увидеть людей которыми движут совесть и справедливость. Но в Священных Писаниях, в Откровениях Газданова и Вальтера Скотта, людьми движут совесть и справедливость, и они всегда на стороне слабого. Это впрочем не значит, что они защищают даже Сатанов, когда они слабы. Сатаны за всю историю человечества как она на сегодня есть никогда не бывали слабы, потому что — это начало истории, и Научный Контроль Энергии Духа, ее сила, все еще не развит. Хитрость и коварство Сатанов в их «гибкости» лицемерия и приспособления к внешней силе — сделали их самыми сильными людьми, и привели к социальной катастрофе Ядерного Гриба Сатанов. Так что под «слабыми» понимают не всех — не сама слабость

требует опеки благородных людей. Под слабыми понимают невинных, наивных, угнетенных, замученных, но людей с живой совестью.

Другим замечательным примером такого покровительства «слабому» даже под угрозой самых тяжелый последствий бунта против власти, мы видим в притче Скотта о свинопасе Гурте и его любимом псе Фангсе. Скотт как известно так сильно любил собак, что его дом всегда был полон собаками, сопровождавшими его повсюду, и не расставававшимися с ним никогда. И вот как прекрасно изображает Скотт обиду Гурта на своего хозяина Седрика за дротик брошенный в любимого пса. Он отказывается служить ему, хотя он раб, и не может покинуть службу. Мы видим опять, что Скотт подчеркивает, что «честь» в человеке совести — это характер, а не происхождение, и что «Знатность Рода» только метафора. В конечном итоге, Седрик и Гурт конечно мирятся, ведь Гурт бросается спасать хозяина не смотря на обиду. И тогда Седрик дарует ему и его Фангсу свободу.

В. Скотт, «Айвенго»:

> « — В кандалы его! В кандалы! — закричал он. — Освальд! Гундиберт! Подлые псы! Почему этого плута до сих пор не заковали?
> Не смея противоречить, товарищи Гурта связали его ремённым поводом, то есть первым, что попалось под руку. Гурт подчинился этому без сопротивления, но укоризненно взглянул на хозяина и только сказал:
> — Вот что значит любить вашу плоть и кровь больше своей собственной!
> В данном случае предсказание об угрожающей беде исходило от такого малопочтенного пророка, каким являлась огромная тощая чёрная собака, сидевшая на дворе. Она подняла жалобный вой в ту минуту, когда передовые всадники выехали из ворот, потом вдруг громко залаяла и, бросаясь из стороны в сторону, очевидно намеревалась присоединиться к отъезжающим.
> — Не люблю я этой музыки, отец Седрик, — сказал Ательстан, называвший его таким титулом в знак почтения.
> — И я тоже не люблю, дядюшка, — сказал Вамба. — Боюсь, как бы нам не пришлось заплатить волынщику.
> — Пустяки! — сказал Седрик нетерпеливо. — Мы и так потеряли слишком много времени. А собаку эту я знаю. Это пёс моего бег-

лого раба Гурта — такой же бесполезный дармоед, как и его хозяин.

С этими словами Седрик приподнялся на стременах и пустил дротик в бедного Фангса — так как это действительно был Фанге, повсюду сопровождавший своего хозяина и на свой лад выражавший теперь свой восторг по поводу того, что вновь обрёл его. Дротик задел плечо собаки и едва не пригвоздил её к земле. Бедный пёс взвыл ещё пуще прежнего и опрометью кинулся прочь с дороги разгневанного тана.

У Гурта сердце облилось кровью при этом зрелище: Седрик хотел убить его верного друга и помощника, и это задело его гораздо больше, чем то жестокое наказание, которое он сам только что вынес. Он тщетно старался вытереть себе глаза и наконец сказал Вамбе, который, видя своего господина не в духе, счёл более безопасным держаться подальше от него:

— Сделай милость, пожалуйста, вытри мне глаза полой твоего плаща: их совсем разъела пыль, а ремни не дают поднять руки.

Вамба оказал требуемую услугу, и некоторое время они ехали рядом. Гурт всё время угрюмо молчал. Наконец он не выдержал и отвёл свою душу такой речью.

— Друг Вамба, — сказал он, — из всех дураков, находящихся в услужении у Седрика, ты один только так ловок, что можешь угождать ему своей глупостью. А потому ступай и скажи ему, что Гурт ни из любви, ни из страха не станет больше служить ему. Он может снять с меня голову, может отстегать меня плетьми, может заковать в цепи, но я ему больше не слуга. Поди скажи ему, что Гурт, сын Беовульфа, отказывается ему служить.

— Хоть я и дурак, — отвечал Вамба, — но таких дурацких речей и не подумаю передавать ему. У Седрика за поясом ещё довольно осталось дротиков, и ты знаешь, что иной раз он очень метко попадает в цель.

— А мне всё равно, — сказал Гурт, — пускай хоть сейчас убьёт меня. Вчера он оставил валяться в крови на арене Уилфреда, моего молодого хозяина, сегодня хотел убить у меня на глазах единственную живую тварь, которая ко мне привязана. Призываю в свидетели святого Эдмунда, святого Дунстана, святого Витольда, святого Эдуарда Исповедника и всех святых саксонского календаря (надо заметить, что Седрик никогда не произносил имён тех святых, которые были не саксонского происхождения, и все его домочадцы также урезывали свои святцы), — я никогда ему этого не прощу!

— А по-моему, — возразил Вамба, нередко выступавший в роли миротворца, — Седрик вовсе не собирался вбивать Фангса, а хотел

только попугать его. Ты заметил, что он привстал на стременах, чтобы пустить дротик через голову собаки, но, на беду, Фанге в эту самую минуту подпрыгнул. Вот он и получил эту царапину, которую я берусь залечить комочком дёгтя.

— Если бы так, — сказал Гурт, — если бы я мог так подумать!.. Да нет! Я видел, как метко он целился, и слышал, как дротик зажужжал в воздухе, а потом, воткнувшись в землю, всё ещё дрожал, как будто с досады, что не попал в цель. Так бросить можно только со злым смыслом. Нет, клянусь любимой свиньёй святого Антония, не стану я ему служить!

И возмущённый свинопас снова погрузился в мрачное молчание, из которого шут не мог его вывести».

В. Скотт, «Айвенго»:

« — А иные, — сказал Вамба, — были настолько умны, что сами себя наградили. Не с пустыми руками ушли. Не все ведь ходят в дурацких колпаках.

— И хорошо сделали, — сказал Локсли. — Наши уставы обязательны только для нас самих.

— А ты, мой бедняга, — сказал Седрик, обернувшись и обняв своего шута, — как мне наградить тебя, не побоявшегося предать своё тело оковам и смерти ради моего спасения? Все меня покинули, один бедный шут остался мне верен.

Когда суровый тан произносил эти слова, в глазах у него стояли слёзы — такого проявления чувства не могла вызвать даже смерть Ательстана; в беззаветной преданности шута было нечто такое, что взволновало Седрика гораздо глубже, чем печаль по убитому.

— Что же это такое? — сказал шут, вырываясь из объятий своего хозяина. — Ты платишь за мои услуги солёной водой? Этак и шуту придётся плакать за компанию. А как же он станет шутить? Слушай-ка, дядюшка, если, в самом деле, хочешь доставить мне удовольствие, прости, пожалуйста, моего приятеля Гурта за то, что он украл одну недельку службы у тебя и отдал её твоему сыну.

— Простить его! — воскликнул Седрик. — Не только прощаю, но и награжу его. Гурт, становись на колени!

Свинопас мгновенно повиновался.

— Ты больше не раб и не невольник, — промолвил Седрик, дотронувшись до него жезлом, — отныне ты свободный человек и волен проживать в городах и вне городов, в лесах и в чистом поле. Дарую тебе участок земли в моём Уолбругемском владении, прими его от меня и моей семьи в пользу твою и твоей семьи отныне и навсегда, и пусть бог покарает всякого, кто будет тому противиться.

Уже не раб, а свободный человек и землевладелец, Гурт вскочил на ноги и дважды высоко подпрыгнул.

— Кузнеца бы мне, пилу! — воскликнул он. — Долой этот ошейник с вольного человека! Благородный господин мой, от вашего дара я стал в два раза сильней и драться за вас буду в два раза лучше! Свободная душа в моей груди! Совсем другим человеком стал и для себя и для всех! Что, Фанге, — продолжал он, обращаясь к верному псу, который, увидев восторг своего хозяина, принялся в знак сочувствия скакать около него, — узнаешь ли ты своего хозяина?»

ГЛАВА 17. ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА «АЙВЕНГО»

1. ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФИИ

Глубокая религиозность Скотта с одинаковой силой обнаруживается и в романе «Айвенго», и в романе «Пуритане». Видно, что это не просто рядовой христианин, а христианин, который каждую неделю читал проповеди для своего окружения.

И конечно, будучи таким теологом, Скотт основательно знаком с Ветхим Заветом, и не может пройти мимо «еврейского вопроса». Как бы различные христианские церкви не относились к синагоге, никто не может отрицать того факта, что иудаизм стал одним из основных истоков христианства. Ошибаются только те, кто настолько невежественен, что считает иудаизм единственным истоком христианства. Христос жил и творил в Римской Империи во времена, когда уже несколько веков в египетской Александрии учёнейшие из иудеев и ученейшие из греков постоянно перечитывали и анализировали иудейские и греческие книги, а еврейский философ Филон, поклонник греческой философии и Платоник, уже создал свое переложение Библии на фундамент платоновской философии. О том, что христианство — это синтез иудаизма и греческого платонизма говорят все исследователи: Э. Ренан, А. Тойнби, А. Швейцер, Д. Штраус, Б. Рассел, Ж. Санд и Пьер Леру, Е. Трубецкой и все другие, кто потрудился прочитать историю античности.

Бертран Рассел в «Истории Западной философии» указывает три источника христианства: иудаизм, платонизм, а также философию римских стоиков. А. Швейцер и Э. Ренан прибавляют

в обязательном порядке четвертый источник, который был источником, прежде всего, для иудаизма: зороастризм.

Ж. Санд, Пьер Леру, «Спиридион»:

> «Я был уверен, что взгляд этих философов на богодухновенность Платона и святость великих языческих философов, предшественников Христа, совершенно точно соответствуют тем представлениям, какие христианин должен иметь о доброте, справедливости и величии господа. Я обратился к древним мыслителям, к учениям Пифагора и Зороастра, Платона и Эпиктета, предшественников Иисуса Христа. Я не мог верить в откровение после того, как получил столько драгоценных наставлений от многочисленных философов и мудрецов, не числивших среди своих заслуг особенных отношений с господом. Я не считал, что апостол Павел богодухновенностью превосходит Платона; Сократ казалось мне, был столь же достоин искупить грехи рода человеческого, что и Иисус из Назарета. Для меня было очевидно, что в Индии о боге знали ничуть не меньше, чем в Иудее. Одним словом, сохраняя в душе величайшее почтение и чистейшую любовь к Распятому, я не видел никаких оснований, считая его сыном божьим, отказывать в этом звании Пифагору; а ученики последнего казались мне такими же пламенными апостолами веры, что и последователи Иисуса».

Б. Рассел «История западной философии»:

> «Греческое влияние на евреев в области мысли лучше всего может быть проиллюстрировано примером философа Филона, жившего в одно время с Христом. Вполне ортодоксальный в вопросах религии, Филон в философии следует главным образом платонизму; из других важных влияний надо отметить стоиков и неопифагорейцев. После падения Иерусалима влиянию Филона среди евреев пришел конец, но христианские отцы церкви усмотрели в его учении путь к примирению греческой философии с принятием древнееврейского Священного писания. Во всех важных городах античности возникли значительные колонии евреев… В той же мере, в какой христианство эллинизировалось, оно теологизировалось. Еврейская теология всегда отличалась простотой. Яхве развился из племенного бога в единственного всемогущего Бога, который сотворил небо и землю; торжество божественной справедливости, когда стало очевидным, что она не приносит праведникам земного благоденствия, было перенесено на небеса, что повлекло за собой веру в бессмертие. Однако в процессе всей своей эволюции еврейское вероучение

> никогда не включало в себя ничего сложного и метафизического. Эта еврейская простота в целом еще характерна для синоптических евангелий (от Матфея, Марка и Луки), но от нее уже и следа не осталось в евангелии от св. Иоанна, где Христос отождествлен с платонистско-стоическим логосом. Четвертого евангелиста интересует не столько человек Христос, сколько теологический Христос. Это еще более справедливо по отношению к отцам церкви; показательно, что в их писаниях мы находим гораздо больше ссылок на евангелие от св. Иоанна, чем на три других евангелия, вместе взятых. В Посланиях св. Павла также содержится много теологии, особенно по вопросу о спасении; в то же время они свидетельствуют о том, что автор хорошо знаком с греческой культурой. Синтез греческой философии и древнееврейского Священного писания оставался более или менее случайным и отрывочным до времени Оригена (185–254 годы н.э.). Ориген, как и Филон, жил в Александрии, которая благодаря своей торговле и своему университету с самого основания города и до его падения была главным центром ученого синкретизма. Подобно своему современнику Плотину, Ориген был учеником Аммония Саккаса, которого многие считают основоположником неоплатонизма».

Христианство, как считают все эти авторы, отличается от иудаизма Метафизикой Интеллекта. Все авторы, начиная уже со Спинозы, противопоставляют Иудаизм и Христианство как магическое сознание «религии ритуалов» с одной стороны и рациональное (философское, метафизическое, научное) сознание религии сердца (религии нравственного культа) — с другой стороны.

Б. Рассел в «Истории западной философии»

> «Концепцию иного мира евреи и христиане в известном смысле разделяют с поздним платонизмом, но у них она принимает гораздо более конкретную форму, чем у греческих философов. Согласно греческой доктрине (которую можно обнаружить во многих произведениях христианской философии, но не в распространенной форме христианства) чувственный мир, существующий в пространстве и времени, является иллюзией; при помощи интеллектуальной и моральной дисциплины человек может научиться жить в вечном мире — единственно реальном. Напротив, в еврейской и христианской доктринах иной мир понимался не как нечто *метафизически*

> отличное от мира сего, а как будущее, когда добродетельные будут наслаждаться вечным блаженством, а уделом порочных явятся вечные муки»

Б. Паскаль «Мысли»:

> «Иудеи не признали Иисуса, но не все: святые приняли, плотские отвергли. И ореол его славы не только не померк от этого, но напротив, воссиял небывалым светом. Единственный приводимый вами, иудеями, довод — он содержится во всех ваших писаниях, в Талмуде, в поучениях раввинов — сводится к тому, что Иисус Христос не подчинил себе народы вооруженной рукой, мечом твоим, сильный. Неужели этим исчерпываются все ваши доводы? Иисуса Христа убили, говорите вы; он пал, он не одолел силу язычников, не дал на растерзание нам их останки, не одарил нас их богатствами. И это все что они могут сказать? Но именно этим он так любезен моему сердцу. И не надобен был бы мне тот, кого рисуете себе вы. Яснее ясного, что вы не пожелали признать Иисуса Христа только из-за собственной своей порочности, но именно этот отказ делает вас столь безупречными свидетелями, более того, превращает в орудие свершения предсказанного. Иудеи не признав в нем Мессию, убили его, тем самым с несомненностью доказав, что он — Мессия, а потом продолжая упрямо отвергать Иисуса, стали безукоризненными свидетелями его пришествия»

Спиноза тот еврей, против которого ополчились и синагога иудеев, выгнавшая его из своих рядов, и католическая церковь, запретившая книги Спинозы. Таким образом, этот благочестивый еврей шел по стопам истинных пророков и Иисуса, распятого ими. Вот его собственный отчет о соотношении Откровения Христа с Откровением Закона Моисея в «Теолого-политическом трактате». Здесь видно, что и Спиноза в том числе противопоставляет старый закон новому закону, как «сверхъестественного» верование — рациональному познанию «естественного света разума». Он ни в коем случае не говорит, что старый закон не был Откровением, или был неправилен. Он говорит только то, что позже скажет Готфрид Лессинг в Воспитании человеческого рода: Откровение дается постепенно соответственно возможностям человеческого разума. И то что было хорошо для разума младенцев, уже недостаточно и вред-

но для разума людей способных к рациональному мышлению. Не обряды и магические формулы Писания есть спасение, говорит Спиноза, а понимание философии писания и следование этой философии для своего нравственного очищения. Ибо первое — есть магическое сознание поля Эгосистемы, а второе — научный контроль Энергии Духа. Другими словами — ритуалы это усугубление поля Эгосистемы материальной энергии, а чистота совести — это борьба Энергии Духа за очищение себя от поля Эгосистемы материальной энергии.

Надо сказать еще, что в этом смысле нет никакой разницы между последовавшей деградацией христианства в магическое сознание, и тем что в иудаизме критикует Спиноза и Толстой. Последний еще более основательно критикует с этой точки зрения христианство.

Спиноза «Богословско-политический трактат»:

> «Если мы теперь обратим внимание на природу естественного божественного закона, как мы его сейчас объяснили, то увидим: 1) что он универсален, или общ всем людям: его ведь мы вывели из природы человека вообще; 2) что он не нуждается в вере в исторические рассказы, каковы бы в конце концов они ни были, ибо коль скоро этот естественный божественный закон уразумевается только из анализа человеческой природы, то несомненно, что мы можем усмотреть его как в Адаме, так и во всяком другом человеке 3) Мы видим, что этот естественный божественный закон не нуждается в религиозных обрядах (caeremoniae), т. е.в действиях, которые сами по себе безразличны и называются хорошими только в силу установления или которые представляют какое-нибудь благо, необходимое для спасения, или, если угодно, в действиях, смысл которых превосходит человеческое разумение.
>
> Поэтому, если кто-нибудь прочтет исторические рассказы Священного Писания и во всем даст ему веру, а на учение, однако ж, которому оно теми рассказами старается научить, не обратит внимания и не исправит свою жизнь, то это для него все равно. И, наоборот, кто их совершенно не знает и тем не менее имеет спасительные мнения и ведет истинный образ жизни, тот, как мы сказали, безусловно блажен и на самом деле имеет в себе дух Христа. Но иудеи думают совсем обратное. Они ведь утверждают, что истинные мне-

ния, истинный образ жизни нисколько не способствуют блаженству, пока люди получают их только путем естественного света, а не как правила, пророчески открытые Моисею. Маймонид в 8-й гл. Царей, в законе 11, открыто дерзает утверждать это в следующих словах: «Всякий, кто принимает семь заповедей1 и будет старательным исполнителем их, тот принадлежит к праведникам из народов и наследует будущий мир; конечно, при условии, если он примет и исполнит их потому, что бог предписал их в законе, и потому, что он открыл нам через Моисея, что раньше они же были предписаны сыновьям Ноя; но если кто исполнит их, руководясь разумом, тот не поселенец и не принадлежит ни к праведникам из народов, ни к их мудрецам» Впрочем, очень многие не допускают, чтобы и в остальное содержание Библии вкралась какая-нибудь погрешность, но утверждают, что бог в силу какого-то особенного предусмотрения сохранил неповрежденной всю Библию; различные же чтения, по их словам, суть знаки глубочайших тайн; то же самое они утверждают и о звездочках в середине параграфа, которых имеется; утверждают даже, что в самых значках над буквами содержатся большие тайны. Положительно не знаю, говорят ли они это по глупости и набожности, свойственной старым бабам, или же вследствие высокомерия и порочности, — чтобы их одних считали обладателями тайн божьих; знаю по крайней мере то, что я ничего у них не читал, что отзывалось бы тайною, но только детские рассуждения. Читал также и, кроме того, знал некоторых болтунов-каббалистов, безумию которых я никогда не мог достаточно надивиться. А что ошибки, как мы сказали, вкрались, то в этом, я думаю, не сомневается ни один здравомыслящий человек.

Затем, хотя религия, в том виде, в каком она проповедовалась апостолами, т. е. в виде простого рассказа об истории Христа, не подлежит ведению разума, однако суть ее, состоящую главным образом из нравственных правил, а также и всего учения Христа каждый может легко усвоить при помощи естественного света. Наконец, для того чтобы религию, которую прежде подтверждали знамениями, приспособлять к обычному пониманию людей, так чтобы каждый легко принимал ее сердцем, апостолы не нуждались в сверхъестественном свете; не нуждались они в нем также и для того, чтобы назидать людей.

Должно сказать и о всех пророках, писавших законы от имени бога, именно: что они воспринимали решения бога не адекватно, не как вечные истины; например, и о самом Моисее должно сказать, он воспринял все это не как вечные истины, но как правила и постановления и предписал их как законы бога, а отсюда произошло, что он

> вообразил бога правителем, законодателем, царем милосердным, справедливым и пр., между тем как все это суть атрибуты только человеческой природы и от божественной природы они совершенно должны быть устранены. Это, говорю, должно сказать только о пророках, писавших законы от имени бога, но не о Христе. О Христе, хотя он, по-видимому, тоже предписывал законы от имени бога, должно, однако, думать, что он воспринимал вещи истинно и адекватно, ибо Христос был не столько пророком, сколько устами божьими. Бог ведь через душу Христа (как мы показали в I гл.) открыл нечто человеческому роду. И, наконец, что никто не делается блаженным, если не имеет в себе духа Христа (см. Посл. кримл., гл. 8, ст. 9), именно посредством которого он воспринимает законы бога как вечные истины. Итак, мы заключаем, что бог только сообразно понятиям толпы и только вследствие дефекта в мышлении изображается как законодатель или властитель и называется справедливым, милосердным и пр., что в действительности бог действует и управляет всем только вследствие необходимости своей природы и совершенства и, наконец, что его решения и воления суть вечные истины и всегда заключают в себе необходимость».

Г. Лессинг «Воспитание человеческого рода»:

> «Настало время, когда должен был прийти лучший учитель и вырвать из рук ребенка уже ненужную ему книгу. И пришел Христос. Это означает, что упомянутая часть человеческого рода достигла в развитии своего разума той стадии, когда для обоснования морального поведения уже были необходимы и доступны более благородные и достойные побуждения, чем награды или наказания в земной жизни, которыми эта часть человеческого рода руководствовалась до сих пор. Дитя стало отроком. Настало время, когда вера в иную истинную жизнь, которую можно обрести после жизни земной, должна была оказать влияние на поведение этого народа. И Христос стал первым практическим учителем бессмертия души, который внушал доверие. К внутренней чистоте сердца в чаянии будущей жизни никто до Христа не призывал. Из опыта во всяком случае ясно, что новозаветные книги, в которых дошли до нас эти записанные спустя некоторое время учения, служили — и до сих пор еще служат — человеческому роду второй, лучшей, начальной книгой его начального обучения».

Э. Ренан в книге «Жизнь Иисуса» придерживается того же мнения. Он считает, что учение Христа — это впервые настоящая

религия «чистого культа нравственности, свободного от ритуала». То есть в отличие от иудаизма, где основа религии — магические ритуалы поля Эгосистемы, в проповеди Христа — религия чистой нравственности, совести, где магические ритуалы не только больше не имеют значения, но признаются вредными. Ведь магические ритуалы укрепляют поле Эгосистемы материальной энергии. А цель религии нравственности — избавление от поля Эгосистемы материальной энергии.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Этот синайский бог был, во всяком случае, страшен, и его нельзя было безнаказанно потревожить в его жилище. Он склонен был убивать того, кто попадался ему навстречу в горных проходах. Итак, Си най был прежде всего горой ужаса. Некоторые места считались та кими священными, что по ним проходили не иначе, как сняв с ног обувь. Распространено было поверье, что нельзя было увидеть бога и остаться живым. Лик его, напоминал голову Медузы, которую не может видеть живущий. Культ Синая отныне становится основой всей израильской теологии. Израильтяне настойчиво утверждали, что здесь именно Ягве впервые явил свой лик в огне. Ягве у евреев той эпохи обитает на Синае, подобно тому, как Зевс и греческие бо ги жили на Олимпе. Отсюда разряжается он грозным гулом, молния ми, ярким пламенем, грозовыми откровениями. Основное представление еврейской религии и поэзии — это образ Ягве, являющийся в виде северного сияния для суда над землей. Синая становится, та ким образом, Олимпом Израиля, исходным пунктом лучезарных по явлений Ягве. ...Несомненно все же, что в древнюю эпоху Ягве был предметом идолослужения. Ему часто придавали образ золотого тельца, иногда народ предпочитал приписывать ему свойства змея, в иных случаях изображением Ягве служил тоже египетский крылатый диск. Этот символический изображение Ягве называлось эфод, также как одежды левитов. Этот жреческий оракул, воплощенный в вещественную форму и распоряжавшийся по своему усмотрению судьбой Израиля, непосредственно угрожал пророческому движению. На этой почве возникало самое опасное соперничество. Фокусничество грозило уничтожить вдохновение, левит намеревался убить „наби“, пророка; официальный оракул стремился задушить в народе свободное творчество. Ягве, которого знает и чтит Давид, не обнаруживает никаких нравственных чувств. Впоследствии ре форма Эзекии положила конец этому грубому обычаю. Профетизм одержал полную победу».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Одно по крайней мере убеждение вынес Иисус из Иерусалима: что о каком-либо соглашении со старым иудейским культом нечего и думать. Отмена жертвоприношений, возбуждавших в нем такое отвращение, безбожного и надменного священства и вообще Закона представились ему безусловно необходимыми. С этой поры он выступал уже не иудейским преобразователем, а искоренителем иудейства. Иисус первый отважился сказать, что начиная с него или скорее с Иоанна, нет более Закона. Если порой он выражался сдержаннее, то для того лишь, чтобы не задевать слишком сильно ходячие предрассудки; но когда его ставили в тупик, он поднимал все законы и заявлял, что Закон уже не имеет никакого значения. „Никто к ветхой одежде не приставляет новых заплат, — говорил он, — не вливает также новое вино в ветхие мехи". Он провозглашает права человека — не права иудея, религию человека — не религию иудея, освобождение человека — не освобождение иудея. Как далеки мы от Иуды Гавлонита, Матфея Маргалота, призывавших к перевороту во имя Закона. Создалась религия человечества, основанная не на роде, а на сердце. Моисей превзойден, храм утратил право на существование и осужден безвозвратно... Храм, как вообще все особо посещаемые места и собрания, представлял малоназидательное зрелище. Отправление культа соединено было со множеством отвратительных подробностей, особенно с торговыми, настоящие лавочки. В них продавали животных для жертвоприношений, были столы для размена денег, словно находишься на рынке. Это мирское, рассеянное отбывание священных обрядов оскорбляло религиозное чувство Иисуса. Он говорил, что из молитвенного дома сделали вертеп разбойников».

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Только ислам, этот до некоторой степени возрожденный иудаизм, поскольку последний является воплощением наиболее характерных черт семитизма, отдал ему почести. Место иерусалимкого храма всегда было антихристианским. Оплот консервативной аристократии, храм, как мусульманская мечеть, которая его заменила, был послед ним местом во всем мире, где революция могла бы пользоваться успехом. Представьте себе в наше время новатора, который отправился бы проповедовать ниспровержение исламизма у мечети Омара! А ведь надо помнить, что храм находился в центре еврейской жизни. Это было место, где оставалось одно — победить или умереть. На этом возвышении, где Иисус страдал, несомненно, больше,

> чем на Голгофе, дни его протекали в спорах и горечи ожесточения, среди скучных препирательств из области канонического права и экзегетики. Уже с первых шагов он смотрел на свои отношения к богу как сына к отцу. В этом оригинальность его великого дела, в этом от ношении он не представитель своей расы. Ни еврей, ни магометанин не поняли этой очаровательной теологии любви. Бог Иисуса — не роковой властелин, убивающий и осуждающий нас, когда ему заблагорассудится, спасающий, когда ему угодно. Бог Иисуса — наш отец. Бог Иисуса не пристрастный деспот избравший Израиль своим народом. Это бог человечества. Иисус не будет патриотом как Маккавеи, теократом как Иуда Гавлонит. Смело возвышаясь над предрассудками своей нации, он установит учение о боге — всемирном отце. ...В нарождающейся секте не было собственно говоря, никакой иерархии: все должны были называться братьями, и Иисус безусловно запретил титулы старшинства, как-то: рабби, учитель, отец, ибо он один учитель и один отец-бог. Высший должен был быть слугой остальных».

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Ягвеизм, стремящийся утвердится в эту эпоху, сильно напоминает будущий ислам. Общество представляет собой единое целое; Ягве награждает или карает всех сразу. Учение ягвеизма у пророков, так же как ваххабизм, как истинный ислам, содержит в себе начало принуждения путем угрозы карою, требуя от светской власти, чтобы она силою понуждала к исполнению нравственных законов. Крайности фарисейзма были естественным следствием этого направления, вернее — фарисейство родилось вместе с ягвеизмом. Идея еврейской теократии, наиболее крайнее выражение которой мы находим в исламе, или вернее в ваххабизме, махдизме и тп, породила инквизицию, соединение церкви с государством, систему взаимного сыска»

Л. Толстой восстает против «вероучения еврейского» на том же основании, на котором он восстает против всякой религии, деградировавшей в магическое сознание. Он пишет с одинаковым священным ужасом перед кощунством «догматического православия» и перед еврейским вероучением, которое он полностью противопоставляет учению Христа. Однако, тут он сам себе противоречит, в той же книге, особенно при анализе искушения Христа в пустыне, он объясняет все поведение Христа отсылками к Ветхому Завету.

Лев Толстой «Соединение и перевод четырех Евангелий»:

> «Значение речей и действий Христа, приведенных в этой главе, то, что Христос отрицает все, решительно все вероучение еврейское. В сущности это до такой степени ясно и несомненно, что как-то совестно доказывать это. Надо было, чтобы наши церкви постигла та странная историческая судьба, заставившая их против здравого смысла соединять в одно несоединимые, прямо противоположные учения: христианское и еврейское, чтобы они могли утверждать такую нелепость и скрывать очевидное. Действительно, стоит только представить себе, что люди задались тем, чтобы признавая оба сочинения до последней строчки истинными, соединить в одно 1-йтом свода законов и сочинения хоть Прудона. Я выбрал 1-й том и Прудона, но1-й том и Прудон скорее могут быть соединены, чем Пятикнижие и Евангелие».

Эрнест Ренан в «Истории Израильского народа» на наш взгляд излишне оптимистичен: он говорит что Движение Профетизма, которое породило в конечном итоге Христа и христианство через синтез в греческой Александрии, осталось победителем в той смертной борьбе, что шла между Магическим сознанием Ягвеизма с одной стороны и Энергией Духа Элогизма (Профетизма) — с другой стороны. В отличие от Толстого, Ренан четко разграничивает две тенденции в иудаизме (они есть в любой культуре как мы помним): тенденцию поля Эгосистемы с его магическим сознанием и тенденцию поля Интеллекта с его метафизикой и в конечном итоге научным контролем «чистой нравственной религии».

Разграничить — очень правильно. Но объявить о Победе Профетизма, и Победе здорового поля интеллекта Энергии Духа — явно преждевременно. Я, автор Открытия ПЭ, знаю на собственном опыте, что сегодня Израиль Активно Преследует Все Здоровое, что тогда сделали Пророки и Христос.

Э. Ренан «История израильского народа»:

> «Религия без культа, без храма и без священников была идеалом, который временами преподносился глазам пророков. Иерусалимский культ был великим препятствием к осуществлению этого идеа-

ла. В Иерусалиме, этом совершенно священническом городе, менее чем в каком-нибудь другом месте в мире, могла найти осуществление такая утопия. Раз не стало Иерусалима, всякие жертвоприношения делались невозможными. Ягвеизм превращается в деизм, исчезает последний след местного культа..Александрии принадлежит слава инициативы этого движения, из которого выйдут Сивиллины книги, ессейство, христианство. Александрия становилась таким образом, антиподом Иерусалима… Это упрощенное иудейство, чисто деистическое и моральное, было, естественно другом Греции и старалось установить с нею согласие. Палестинский еврей не знал Греции или презирал ее; египетский еврей знал ее и преклонялся перед ней. Эта эллинистическая школа, которая так ребячески аргументирует, которая нас возмущает своими историческими вымыслами, была велика, плодотворна, провиденциальна. Она подлинно происходила из Второго Исайи; она подготовила христианство. Организовалась монотеистическая и этическая пропаганда… За отсутствием храмов они устраивали оратории, очень аналогичные греческим и римским коллегиям. Эти небольшие оратории были зародышевой формой синагоги, следовательно, и церкви. Им предстояла огромная будущность. Синагоги были наиболее оригинальным и наиболее плодотворным созданием еврейского народа. Сколько великого создали эти добродетельные сектанты, которыми мир еще не интересовался, но которые подготовляли будущее! Субботу — день, день дающий духовную пищу (а не только телесный отдых); толкование — поучение, начало пастырских проповедей, церковь, великую школу души, источник утешения, руководства и жизни, конфессиальную школу, — все это было делом еврейской диаспоры, освобожденной от всепоглощающего иерусалимского культа… Нет сомнения, что в Александрии было много культурных греков, которых философия привела к виду деизма, аналогичному тому эклектическому деизму, который сто лет спустя исповедовал Цицерон. Теофраст в своем трактате о благочестии» провозгласил заповеди чистейшей из религий. Стоики походили со многих сторон на просвещенных евреев».

Э. Ренан «История израильского народа»:

«Все благочестивые люди допускали, что восстановленный Израиль будет иметь новый закон. Пророческий дух мыслился непрерывным вдохновением, достаточным для того чтобы дополнять и видоизменять. Все будут знать закон непосредственно, а не путем обучения. Сам бог начертит его в сердцах. Это будет новый завет, высший, чем тот завет, который был заключен после исхода из Египта, который был нарушен по вине прежнего народа»

Э. Ренан «История израильского народа»:

«Как мы видим, религиозный прогресс, обнаруживающийся в Книге Союза, еще ярче проявляется в маленькой Торе, состоящей из десяти статей, обработанных иерусалимскими мудрецами. В договоре Ягве с его слугами условием является исключительно нравственное поведение. Ягве дает в награду блага мира сего только людям безупречной нравственности. Чтобы жить долго и счастливо надо избегать зла. Таким образом, решительный шаг был сделан. Безвозвратно миновала пора старых религий, где бог дарует блага тому, кто приносит лучшие жертвы и лучше исполняет его культ. Книга Союза уже санкционировала эти идеи, но Декалог превосходит ее ясностью. Эта страница, которой суждено было стать кодексом морали для всего мира, вполне заслужила свое высокое предназначение. Действительно, Декалогом завершается процесс возвращения израильского народа к чистому культу, от которого народ уклонился, приняв национального бога. Отныне Ягве и Элогим сливаются воедино. Ягве уже не является исключительно богом Израиля. Он — бог неба, земли, рода человеческого. Он любит добро, он учит добру. Сам Ягве должен был подчиниться железной силе духа этой нации. Если он был идолом, ложным богом, он превратился под постоянным давлением могучей воли в единого истинного бога, которому служат, поступая справедливо, которого чтут, сохраняя чистоту сердца. Десять заповедей Ягве даны всем народам и в течении многих веков будут считаться „заповедями Божьими“. Но никогда она не была более сильным ферментом, чем в ту отдаленную эпоху, когда она должна была поддерживать в немногих пламенных душах священный огонь добродетели, нравственной дисциплины и религиозного пуританизма… Первым евангелистом универсализма был, несомненно, второй Исайя, пророк 536 года. От него мир впервые услышал это великое слово „народы имеют одного лишь бога, храмом которого служит мир; почитать его можно лишь справедливостью“. Все пророки, начиная с Амоса, трудились над тем, чтобы очистить Ягве от его натуралистических злаков и национального пристрастия. У Исайи в особенности мы находим в смысле универсализма слова, возвышеннее которых нельзя себе и представить. В 6 веке второй Исайя провозглашает Ягве всевышним богом мира и человечества. Аноним 536 года является последним результатом той усиленной трехвековой религиозной работы, которая была величайшей из всех (за исключением христианства), оставивших видимый след в истории. С ним мы достигаем вершины той горы, откуда виден Иисус, стоящий на вершине другой го-

> ры, а в промежутке между ними — очень большая долина. Это — первый по времени гуманитарный мыслитель. Греция, создавшая столь прекрасные вещи, искусство, науку, философию, свободу, не создала гуманитаризма».

Большой авторитетный ученый иудаизма, Маймонид, полностью подтверждает позицию Л. Толстого о том, что иудаизм в принципе абсолютно противоположен христианству, и что Распятие Христа было справедливым делом. В следующей за Маймонидом цитате из Ренана, мы можем видеть, что Ренан также подчеркивает, что Казнь Христа была делом «законным» с точки зрения иудаизма: фанатического учения, отвергающего Развитие Знания в процессе Научного прогресса человечества. Об Этом и говорит Ренан, что «Пятикнижье было первым кодексом религиозного террора», который унаследовало христианство, а за ним и ислам. Далее в цитате Томаса Пейна из «Века Разума» мы можем видеть, что такое Настоящее Откровение в Законах Природы, постигаемых научным мышлением.

И если христианство также со временем деградировало в магическое сознание подобно иудаизму, то по крайней мере, христианство сумело из него выйти в книгах таких великих Реформаторов Христианства — апологетов Научного мышления, как Томас Пейн, Спиноза, Эрнест Ренан, А. Тойнби, А. Швейцер, К. Ясперс, Г. Честертон, А. Эйнштейн, Б. Рассел, Д. Штраус, Ж. Санд, Б. Паскаль, Л. Толстой, Д. Мережковский и многие другие.

Маймонид «Послание в Йемен»:

> «А потом возникла другая (разновидность преследователей), новая секта, которая с особым рвением отравляет нам жизнь обоими способами сразу: и насилием, и мечом, и наветами, ложными доводами и толкованиями, утверждениями о наличии (несуществующих) противоречий в нашей Торе. Эта секта вознамерилась извести наш народ новым способом. Её глава (Иисус из Назарета) коварно замыслил объявить себя пророком и создать новую веру, помимо Божественного учения — Торы, и провозгласил публично, что оба учения — от Бога. Целью его было заронить сомнение в сердца наши и посеять в них смятение. Тора едина, а его учение — её противоположность. Утвер-

ждение, что оба учения от единого Бога, направлено на подрыв Торы. Изощрённый замысел (Иисуса) этого весьма дурного человека отличался необыкновенным коварством: вначале попытаться извести своего врага так, чтобы самому остаться в живых; но если все старания останутся напрасны, предпринять попытку погубить своего врага ценой собственной гибели. Злоумышленник этот был Йешуа из Ноцрата — еврей. Хотя отец его был нееврей и только мать была еврейка, закон гласит, что родившийся от нееврея (даже раба) и дочери Исраэля — еврей. Имя же, которым его нарекли, потворствовало его безмерной наглости. Он выдавал себя за посланца Божьего, который явился, чтобы разъяснить неясности в Торе, утверждая, что он Машиах, обещанный нам всеми пророками. Его истолкование Торы, в полном соответствии с его замыслом, вело к упразднению её и всех её заповедей и допускало нарушение всех её предостережений. Мудрецы наши, благословенна их память, разгадали его замысел прежде, чем он достиг широкой известности в народе, и поступили с ним так, как он того заслуживал»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

«Если верить четвертому евангелисту, он признал свое царское достоинство, но тут же произнес следующие знаменательные слова: «Царство мое не от мира сего». Затем он объяснил, что он понимает под царским достоинством, говоря, что его царство есть истина, и что он пришел в мир провозгласить истину. Пилат ничего не понял в этом высшем идеализме. Но Христос казался ему неопасным мечтателем. Полнейшее отсутствие религиозного и философского прозелитизма у римлян той эпохи заставляло их смотреть на преданность истине как на химеру… Волнение разрасталось и перешло в настоящий мятеж. Со всех сторон раздавались крики: «Распни его, распни его!» Священники, принимая все более вызывающий тон, объявили, что Закону угрожает опасность, если богохульник не будет казнен. Пилат ясно видел, что для спасения Иисуса необходимо будет прибегнуть к кровопролитному усмирению мятежа… Мы видим, что не Тиверий и не Пилат приговорили Иисуса к смерти. Его осудила старая иудейская партия, Моисеев закон. …Эта смерть была «законной» в том смысле, что являлась следствием закона, составлявшего душу нации. Моисеев закон, правда, в своей первоначальной форме присуждал к смертной казни за всякую попытку изменить установленный культ. Между тем Иисус без всякого сомнения обрушивался на этот культ и стремился его уничтожить. Иудеи справедливо и откровенно сказа ли об этом Пилату: «У нас есть закон, и по этому закону он должен умереть, так как он называет себя Сыном Божиим».

То был отврати тельный закон, но это был закон античной жестокости; герой, который приносил себя в жертву, чтобы низвергнуть этот закон, прежде всего должен был испытать его на себе. Увы, потребуется более 18 веков, чтобы кровь, которую он прольет, принесла плоды. В течении столетий во имя его станут мучить и подвергать смерти мыслите лей столь же благородных, как и он. Еще и теперь есть страны, называющие себя христианскими, где наказуются религиозные проступки. Иисус не ответственен за эти заблуждения. Он не мог предвидеть, что какой-нибудь народ, представит его себе когда-нибудь в своем извращенном воображении каким-нибудь ужасным Молохом жаждущим горелого мяса. Христианство было нетерпимым, но нетерпимость, по существу, не христианский факт — это факт иудейский в том смысле, что в делах веры иудейство впервые поставило теорию абсолюта, установив тот принцип, что всякий, отвращающий народ от истинной религии, если он даже подтвердит свое учение чудесами, должен быть встречен камнями и побит всем без суда. Правда, у языческих наций были также свои религиозные насилия, но если бы у них существовал подобный закон, как бы они стали христианами? Таким образом, Пятикнижье было первым кодексом религиозного террора. Иудейство дало пример незыблемого догмата, вооруженного мечом. Если бы вместо того, чтобы в слепой ненависти преследовать евреев, христианство уничтожило тот порядок вещей, который причинил смерть его основателю, насколько бы оно было последовательнее, насколько бы выше были его заслуги перед человечеством!

Томас Пейн «Век разума»:

«Христианская система лжет, называя науки человеческим изобретением; человек лишь применяет их. Каждая наука имеет в своей основе систему принципов, столь же прочных и неизменных, как и те которыми регулируется и управляется вселенная. Человек не может создать эти принципы, он может только открыть их… Бог, в которого мы веруем, — бог нравственной истины, а не бог тайны или тьмы. Тайна — противник истины. Поэтому наука, будучи верой в бога и осуществлением нравственной истины, не может быть связана с тайной. Тайна служит тому, чтобы смутить ум; чудо — тому, чтобы сбить с толку чувства. Первое — тарабарщина, второе — ловкость рук. Человечество усвоило определенные законы деятельности природы. Чудо же — нечто противоположное действию упомянутых законов… Возможно существование многих религиозных систем, которые не являются дурными в нравственном отношении, а во многих отношениях даже нравственно хороши. Но может существовать

только ОДНА истинная религия. И она необходимо должна во всем согласоваться с вечным словом божьим, которое мы созерцаем в его деяниях… Человек может открыть Бога лишь с помощью своего разума. Отнимите разум и человек окажется неспособным понять что-либо; тогда будет все равно., кому читать Библию — лошади или человеку. Как же можно отвергать разум?..То, что ныне называется натуральной философией и охватывает весь круг наук, есть изучение Бога, силы и мудрости божьей в его творениях и является истинной теологией. Что же касается теологии, изучаемой ныне вместо нее, то она — изучение человеческих мнений и фантазий относительно бога»

2. ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА «АЙВЕНГО»

Позиция Вальтера Скотта в романе Айвенго в полной мере научна по этому вопросу. Он абсолютно беспристрастен, и судит обе религии — и христианство и иудаизм — с точки зрения сугубо рационалистической и научной.

Он в первую очередь обличает распустившееся и потерявшее веру христианство в образе коррумпированного Аббата Эймера, а также в образе коррумпированного Ордена Тамплиеров (храмовников), к которым принадлежит один из главных героев книги, норманн, рыцарь Храма Бриан Буагильбер. Критика Скотта не знает пощады, как мы сможем убедиться.

Гораздо более сдержана его критика в отношении иудаизма, ведь Скотт — настоящий Рыцарь, и он не будет бить лежачего. А на тот момент евреи — угнетенное племя, и Вальтер Скотт занимает по отношению к ним покровительственную позицию. Рисуя образ забитого и запуганного всеобщими нападками в общем доброго старика, ростовщика Исаака, не свободного от недостатков своей профессии в жадности к деньгам, — он бросает упрек западной цивилизации за репрессии «Против угнетенного племени». Ведь позиция Скотта в отношении евреев точно такая же как и в отношении христиан: они несут людям Настоящее Откровение, но они заблудились и надо помочь им выйти на правильную дорогу.

Ни в каком отношении Вальтер Скотт не склонен упрекать их в Распятии Христа, и нарекать «христопродавцами». В гораздо большей степени он бросает упрек в торговле Христом — аббату Эймеру и рыцарю Храма Буагильберу.

Более того, дочь еврея Исаака, девушка дивной красоты, мужской отваги и мудрости ветхозаветных пророков, нежно и преданно любит своего старика, для которого она путеводная звезда всей его жизни. Этот трогательный союз мудрой, прекрасной и благородной дочери, с добрым, но горько побиваемым стариком «угнетенного племени» — самый великодушный взгляд на иудеев, когда-либо представленный литературой. Ведь старик еврей здесь — метафора Забитой в мире победившего Зла Энергии Добра. В том что он несет людям Энергию Добра нельзя сомневаться хотя бы потому что он отец дочери, лишенной каких-либо недостатков, и представляющей собой идеал всякого христианского рыцаря, хотя апеллирует она только к ветхозаветным пророкам, как полагается еврейке. С другой стороны, благородный рыцарь Айвенго с самого начала принимает участие в несчастном еврее, которого стараются прибить вс кому не лень — и принц Джон, и Буагильбер, и Фрон де Беф — и спасает еврея от засады. С этого момента евреи отец и дочь вступают в сюжет как честь Церкви Дружбы Благородных людей в романе, и достойно выдерживают свою роль до самого конца.

Мы видим из слов, которые Скотт вкладывает в уста Ревекки, что он, подобно Ренану, нисколько не сомневаться в исторической значимости Движения Профетизма в Израиле, так что когда Буагильбер с пренебрежением говорит о племени ростовщиков, Ревекка отвечает ему отповедью о высокой знатности израильского народа, чей род уходит корнями в Откровение на Синайской горе.

Таким образом, Вальтер Скотт соединяет «знатный род» саксов со «знатным родом» иудеев, как берущих начало в едином Пространстве-Времени Интеллекта Господа-Творца.

В. Скотт, «Айвенго»:

« — Значит, мы расстаёмся, — проговорил храмовник после минутного молчания. — И зачем бог допустил нас встретиться в этом мире! Почему ты не родилась от благородных родителей и в христианской вере! Клянусь небесами, когда я смотрю на тебя и думаю, где и когда я тебя снова увижу, я начинаю жалеть, что не принадлежу к твоему отверженному племени. Пускай бы рука моя рылась в сундуках с декелями, не ведая ни копья, ни щита, гнул бы я спину перед мелкой знатью и наводил бы страх на одних лишь должников!.. Вот до чего я дошёл, Ревекка, вот чего бы желал, чтобы только быть ближе к тебе в жизни, чтобы избавиться от той страшной роли, какую должен сыграть в твоей смерти.

— Ты говоришь о евреях, какими сделали их преследования людей, тебе подобных, — сказала Ревекка. — Гнев божий изгнал евреев от отечества, но трудолюбие открыло им единственный путь к власти и могуществу, и на этом одном пути им не поставили преград. Почитай древнюю историю израильского народа и скажи: разве те люди, через которых Иегова творил такие чудеса среди народов, были торгаши и ростовщики? Знай же, гордый рыцарь, что среди нас немало есть знатных имён, по сравнению с которыми ваши хвалёные дворянские фамилии — всё равно что тыква перед кедром. У нас есть семья, родословное древо которых восходит к тем временам, когда в громе и молнии являлось божество, окружённое херувимами... Эти семьи получали свой высокий сан не от земных владык, а от Голоса, повелевавшего их предкам приблизиться к богу и властвовать над остальными. Таковы были князья из дома Иакова! Щёки Ревекки загорелись румянцем, пока она говорила о древней славе своего племени, но снова побледнели, когда она добавила со вздохом:

— Да, таковы были князья иудейские, ныне исчезнувшие. Слава их попрана, как скошенная трава, и смешана с дорожной грязью. Но есть ещё потомки великого рода, есть и такие, что не посрамят своего высокого происхождения, и в числе их будет дочь Исаака, сына Адоникама. Прощай! Я не завидую почестям, добытым ценою крови человеческой, не завидую твоему варварскому роду северных язычников, не завидую и вере твоей, которая у тебя на языке, но которой нет ни в твоём сердце, ни в поступках».

В. Скотт, «Айвенго»:

«Ревекке угрожала гораздо более ужасная участь, чем леди Ровене. Если саксонская наследница могла рассчитывать на некоторую вежливость в обращении, то еврейке не на что было надеяться, кроме крайней грубости. Зато на её стороне были прирождённая сила во-

> ли, острый ум и, кроме того, ей уже приходилось бороться с опасностями. С раннего детства она отличалась твёрдой волей, наблюдательностью и острым умом. Роскошь, которой окружал её отец и которую она видела в домах других богатых евреев, не мешала ей ясно понимать, как ненадёжны были условия, в которых они жили. Подобно Дамоклу на знаменитом пиру, Ревекка непрестанно видела среди всей этой пышности меч, висевший на волоске над головами её соплеменников. Такие размышления постепенно привели её к трезвому взгляду на жизнь и смягчили её характер, который при иных условиях мог бы сделаться надменным и упрямым.
> .....Таким образом, Ревекке оставалось только запастись терпением и всю надежду возложить на бога, к чему обычно прибегают выдающиеся и благородные души. Ревекка научилась ошибочно толковать священное писание и превратно понимала обещания, данные богом избранному народу израильскому; но она не ошибалась, считая настоящий период часом их испытания и твёрдо веря в то, что настанет день, когда чада Сиона будут призваны разделять блага, дарованные другим народам. Всё, что творилось вокруг неё, показывало, что их настоящее положение было этим временем кары и всяческих гонений, и главнейшею их обязанностью она считала безграничное терпение и безропотное перенесение всяких зол. И на себя она смотрела как на жертву, заранее обречённую на бедствия, и с ранних лет приучала свой ум к встрече с опасностями, которым, вероятно, суждено ей подвергнуться».

Мы увидим ниже, что Ревекка — это не только Женщина-рыцарь, но женщина- пророк, что в ощем еще менее свойственно для иудаизма, нежели для христианской церкви, также предавшей заветы Христа. Ренан, который тоном своих рассуждений, и своим признанием в том, что «все мы европейы — рыцари», сильно напоминает Вальтера Скотта, подчеркивает, что иудаизм и ислам совсем не женские религии, и вряд ли в их лоне могла появиться такая яркая женская личность, как героиня романа Вальтера Скотта, Ревекка.

Э. Ренан, «История Израильского народа»:

> «Чрезвычайно поразительна, на самом деле, аналогия между этими древними евреями и мусульманами. И те и др одинаково неспособны делать различие между религиозным и гражданским обществом, та же нетерпимость, та же неестественность суровой выправки, кото-

рые неизбежно должны были выродиться в лицемерие. Женщины как и у мусульман держались обязательно в стороне от движения. Их мало пришло из Вавилона и гнусные меры, проведенные фанатиками, должны были создать среди женщин страшную ненависть к новому пиетизму. Такие виды семитских религий как иудейство и ислам, суть религии исключительно для мужчин. Женщины не имеют имен, не умеют писать. Наоборот родословия по мужской линии ревностно сохранялись. На сцену мировой истории выступал теперь ханжа. ...Начиналась война между ханжою и человеком мирским. Борьба между светскими людьми и святошами была не на жизнь, а на смерть. Женщины издевались над ханжами. Пиетисты думали, что Ягве не даст им детей в наказание за то, что они уж очень умны. Чтобы хорошо понять это, надо видеть, насколько мусульманин пуританин противоположен светскому человеку. Представление о нелепости, связанной с набожностью, боязнь людского мнения, как понимаем его мы, в странах мусульманских — бессмыслица. Далеко от мысли что религия влечет за собой хотя бы что нибудь смешное, там считается настоящим человеком только тот, кто точно исполняет требования религии..... Наряды и кокетство женщин заслуживают почти такого же строгого осуждения, как поклонение идолам. Идеал Ягве — монахиня, одетая в черное, которая ходит с опущенными глазами. Вид изящной иерусалимской женщины вызывает у него раздражение.....Так называемый мусульманский фатализм, в сущности не отличается от ягвеистского. Ревнивый к своей славе, чувствительный в вопросах самолюбия, Ягве ненавидит человеческие стремления. Его оскорбляют попытки человека познать мир и сделать его лучше. Напрасно человек захочет стать его сотрудником. Ягве любит совершать свои дела через вдов и бесплодных женщин, чтобы не пришлось ни с кем делить славу».

Э. Ренан, «Жизнь Иисуса»:

«Женщины действительно принимали Иисуса с горячим усердием. Он умел обращаться с ними с той сдержанностью, которая открывает возможность для нежной идейной связи между обоими полами. Отделение женщин от мужчин, мешавшее развитию мягкости чувства у восточных народов, было, без сомнения, и тогда, как в наше время, менее строго в деревнях и селах, чем в больших городах. Три или четыре преданные галилеянки всегда сопровождали молодого учителя и спорили из-за удовольствия слушать его и по очереди прислуживать ему. Они вносили в новую секту элементы энтузиазма и чудесного, важность которых уже установлена. Одна из них, Мария из Магдалы, которая так прославила во всем мире имя своего бед-

> ного городка, по-видимому, была крайне экзальтированной женщиной. Если говорить языком той эпохи, ею владели семь демонов, т. е. она была подвержена нервным болезням, которые трудно объяснить себе на основании внешних данных. Иисус своей чистотой и кроткой красотой успокоил эту взволнованную душу. Магдалина была ему верной до самой Голгофы, и на следующий день после его смерти имела огромное значение как главный источник, из которого создалась вера в его воскресение: мы это еще увидим потом. Иоанна, жена Кузы, дворецкого Антипы, Сусанна и другие, оставшиеся неизвестными, неизменно следовали за ним и служили ему. Некоторые из них были богаты и своими средствами давали возможность молодому пророку не заниматься его прежним ремеслом плотника.
> Таким образом, нарождающаяся религия была во многих отношениях движением женщин и детей. Эти последние образовали вокруг него своего рода юную гвардию, превозносившую непорочную царственность своего учителя, и устраивали ему небольшие овации, которые доставляли ему большое удовольствие: они называли его «сыном Давидовым», кричали «Осанна!» и несли впереди него пальмовые ветви».

3. ИСТИННАЯ ВЕРА РЕВЕККИ И РОМАНТИЗМ ГИБРИС- ЭГО РЫЦАРЯ ХРАМА БУАГИЛЬБЕРА

Вальтер Скотт считаем важным с самого начала подчеркнуть, что Ревекка — Женщина-Рыцарь, Ангел Энергии Духа, Отвага которого происходит от этого Духа, а вовсе не от биологических характеристик, будь то пол или что еще. Мужество женщин Энергии Духа — ни в чем не уступит мужеству Энергии Духа мужчин. Что касается мужчин материальной энергии поля Эгосистемы — то они конечно бабы, как все люди Садомазохизма поля Эгосистемы, вне зависимости от их биологического пола.

> « — Буагильбер, — отвечала еврейка, — ты не знаешь женского сердца или видел только таких женщин, которые утратили лучшие женские достоинства. Могу тебя уверить, гордый рыцарь, что ни в одном из самых страшных сражений не обнаруживал ты такого мужества, какое проявляет женщина, когда долг или привязанность призывает её к страданию. Я сама женщина, изнеженная воспитанием, от природы робкая и с трудом переносящая телесные страдания; но когда мы с тобой явимся на роковое ристалище, ты — сражаться, а я —

> на казнь, я твёрдо уверена, что моя отвага будет много выше твоей… Прощай, я не хочу больше терять слов с тобою. То время, которое осталось дочери Израиля провести на земле, нужно употребить иначе: она должна обратиться к утешителю, который отвратил лицо своё от её народа, но никогда не бывает глух к воплям человека, искренне взывающего к нему».

С самого начала Вальтер Скотт противопоставляет еврейку храмовнику как Пророка Истинной Веры — заблудившейся в тенетах соблазнов материального мира душе. Рыцарь Храма Буагильбер, который прямо заявляет Ревекке, что она его военный трофей и будет его наложницей, не верит ни в Бога, ни в честь и совесть рыцарей. Его кумир — честолюбие и высоты самой неограниченной власти. Он искренне верит, что Орден Тамплиеров, к которому он принадлежит, сможет установить власть над миром, и подчинить себе даже королей христианских государств. Он с презрение отзывается от религии — и своей и иудейской как о «суевериях» — и считает, что нашел истинную дорогу на Небеса — Дорогу к власти над миром.

Как мы можем видеть — это в полной мере воспроизведение сцены искушения Христа Сатаной в пустыне. Толстой когда разбирает эту сцену в «Четырех евангелиях», чтобы показать, что на самом деле никакого Сатаны там не было, но было только собственное поле Эгосистемы Христа — ведь у каждого человека оно присутствует, и смысл «нравственной религии» как раз в том и состоит чтобы суметь преодолеть в себе это поле материальной энергии. И Толстой показывает, что ответы Христа все апеллируют к Ветхому завету и дают ответ именно на соблазны врожденного человеку поля Эгосистемы.

Здесь в роли искусителя выступает рыцарь Храма Буагильбер, который старается внушить Ревекке, что ее религия как и его религия — это глупые суеверия старых баб, а настоящие небожители — это властители мира. И что ей нужно, только сказать «Буагильбер, будь моим возлюбленным», как он и его орден постелют к ее ногам богатство и власть всех королевств мира. Мы видим таким образом, что Буагильбер предлагает ей

Садомазохизм Притяжения Влюбленности поля Эгосистемы, то есть позорное эмоциональное рабство материальной энергии, которое разлагает и уничтожает честь и совесть Энергии Духа человека.

Ревекка Вальтера Скотта, в отличии от Буагильбера, не дурочка шизоидной логики, развращенная соблазнами Всесилия Гибрис-Эго у Романтиков. Вот где Скотт выводит на сцену чистый дух Романтика-Рыцаря, только более правдоподобного, чем Дон Кихот Сервантеса. И выводит его не для того, чтобы посмеяться над ним, а для того, чтобы противопоставить Романтизм, ищущего Небес Власти — истинным Небесам Энергии Духа чести и совести, которые в том числе можно найти в чистой и искренней вере.

В этой дуэли между истинной верой Ревекки и гордым презрением к «суевериям» Буагильбера — истинный мужчина Ревекка, тогда как Буагильбер все больше проваливается в Притяжение Самовлюбленности как все Романтики, и теряет над собой контроль. Напротив, вера Ревекки позволяет ей до самого конца игнорировать все соблазны и оставаться абсолютно защищённой от Притяжений Влюбленности и Самовлюбленности поля Эгосистемы. Мы видим и чувствуем, что у этого мужественного пророка нет и в помине никакого поля Эгосистемы, и что «женщиной» с расстроенной волей и навязчивыми мыслями о «любви» остается гордый властелин мира Буагильбер, а вовсе не скромная девушка, ставящая выше всех благ мира свою совесть и честь. «Будь же ты мужчиной» — говорит Ревекка Буагильберу.

> « — Я не взвешиваю этих зол, — сказала Ревекка, опасаясь слишком прогневить необузданного рыцаря, но преисполненная твёрдой решимости не только не принимать его предложений, но и не прикидываться благосклонной к нему. — Будь же мужчиной, призови на помощь свою веру. Если правда, что ваша вера учит милосердию, которого у вас больше на словах, чем на деле, избавь меня от страшной смерти, не требуя вознаграждения, которое превратило бы твоё великодушие в низкий торг».

С обычной для него проницательностью Вальтер Скотт показывает в этой дуэли между девушкой чести и совести и гордым Рыцарем Романтического всесилия, что победа обязательно достанется смирению Энергии Духа перед Пространство-Временем Интеллекта, повелевающим подчинение законам природы — законам совести и справедливости в обществе людей. Что Небеса Всесилия, которые нарисовали себе Сатаны — ложные Небеса и всегда заканчиваются, как говорит Кьеркегор — полной потерей свободы. Ведь отказавшись подчиняться законам природы и потеряв таким образом научный контроль Энергии Духа, они возвращаются в лоно материальной энергии, которая лишена свободы Энергии Духа (относительной свободы контроля законов природы). Но Романтики претендуют на всесилие, на абсолютную свободу, они отрицают Бога-Творца, и утверждают свою волю подобно Буагильберу.

И вот Скотт показывает действительность как она бывает в таких случаях: тот кто послушен голосу совести и справедливости (природе Энергии Духа) — тот остается свободен и благоразумен, а тот кто заявил претензии на Всесилие Абсолютной Свооды — тот потерял остатки Свободы и превратился в раба Притяжений поля Эгосистемы материальной энергии. «Колдуньей» называет Буагильбер Ревекку только за то, что его Самовлюбленность все больше растет по мере того, как она остается спокойной, независимой, благоразумной и честной, увещевая его, взяться за ум и отпустить человека, ничем с ним не связанного. Другими словами, не быть бабой, как сказал бы А. Чехов, и заняться делом вместо этих гнусных бабьих амуров.

В. Скотт, «Айвенго»:

> « — Совершенно справедливо, — отвечал храмовник рассмеявшись. — Жениться на еврейке! Despardieux! О нет, хотя бы она была царицей Савской! К тому же да будет тебе известно, прекрасная дочь Сиона, что если бы христианнейший из королей предложил мне руку своей христианнешей дочери и отдал бы Лангедок в приданое, я и туда не мог бы на ней жениться. Мои обеты не позволяют мне любить ни одной девушки иначе, как par amours, — так я хочу любить и тебя. Я рыцарь Храма. Посмотри, вот и крест моего священного ордена.

— И ты дерзаешь призывать его в свидетели в такую минуту! — воскликнула Ревекка.

— Если я это делаю, — сказал храмовник, — тебе-то какое дело? Ведь ты не веришь в этот благословенный символ нашего спасения.

— Я верю тому, чему меня учили, — возразила Ревекка, — и да простит мне бог, если моя вера ошибочна. Но какова же ваша вера, сэр рыцарь, если вы ссылаетесь на свою величайшую святыню, когда собираетесь нарушить наиболее торжественный из ваших обетов.

— Ты проповедуешь очень красноречиво, о дочь Сираха! — сказал храмовник. — Но, мой прекрасный богослов, твои еврейские предрассудки делают тебя слепой к нашим высоким привилегиям. Брак был бы серьёзным преступлением для рыцаря Храма, но за мелкие грешки я мигом могу получить отпущение в ближайшей исповедальне нашего ордена. Мудрейший из ваших царей и даже отец его, пример которого должен же иметь в твоих глазах некоторую силу, пользовались в этом отношении более широкими привилегиями, нежели мы, бедные воины Сионского Храма, стяжавшие себе такие права тем, что так усердно защищаем его. Защитники Соломонова храма могут позволять себе утехи, воспетые вашим мудрейшим царём Соломоном.

— Если ты только затем читаешь библию и жизнеописания праведников, — сказала еврейка, — чтобы находить в них оправдание своему распутству и беззаконию, то повинен в таком же преступлении, как тот, кто извлекает яд из самых здоровых и полезных трав.

Глаза храмовника сверкнули гневом, когда он выслушал этот упрёк.

— Слушай, Ревекка, — сказал он, — до сих пор я с тобой обращался мягко. Теперь я буду говорить как победитель. Я завоевал тебя моим луком и копьём, и, по законам всех стран и народов, ты обязана мне повиноваться. Я не намерен уступить ни пяди своих прав или отказаться взять силой то, в чём ты отказываешь просьбам.

— Отойди, — сказала Ревекка, — отойди и выслушай меня, прежде чем решишься на такой смертный грех. Конечно, ты можешь меня одолеть, потому что бог сотворил женщину слабой, поручив её покровительству мужчины. Но я сделаю твою низость, храмовник, известной всей Европе. Суеверие твоих собратий сделает для меня то, чего я не добилась бы от их сострадания. Каждой прецептории, каждому капитулу твоего ордена будет известно, что ты, как еретик, согрешил с еврейкой. И те, которые не содрогнутся от твоего преступления, всё-таки обвинят тебя за то, что ты обесчестил носимый тобой крест, связавшись с дочерью моего племени.

— Как ты умна, Ревекка! — воскликнул храмовник, отлично сознавая, что она говорит правду: в уставе его ордена действительно су-

ществовали правила, запрещавшие под угрозой суровых наказаний интриги вроде той, какую он затеял. И бывали даже случаи, когда за это изгоняли рыцарей из ордена, покрывая их позором. — Ты очень умна, но громко же придётся тебе кричать, если хочешь, чтобы твой голос был услышан за пределами этого замка. А в его стенах ты можешь плакать, стенать, звать на помощь сколько хочешь, и всё равно никто не услышит. Только одно может спасти тебя, Ревекка: подчинись своей судьбе и прими нашу веру. Тогда ты займёшь такое положение, что многие норманские дамы позавидуют блеску и красоте возлюбленной лучшего из храбрых защитников святого Храма.
— Подчиниться моей участи! — сказала Ревекка. — Принять твою веру! Да что ж это за вера, если она покровительствует такому негодяю? Как! Ты лучший воин среди храмовников? Ты подлый рыцарь, монах-клятвопреступник и трус! Презираю тебя, гнушаюсь тобою! Бог Авраама открыл средство к спасению своей дочери даже из этой пучины позора!

С этими словами она распахнула решётчатое окно, выходившее на верхнюю площадку башни, вспрыгнула на парапет и остановилась на самом краю, над бездной. Не ожидая такого отчаянного поступка, ибо до этой минуты Ревекка стояла неподвижно, Буагильбер не успел ни задержать, ни остановить её. Он попытался броситься к ней, но она воскликнула:

— Оставайся на месте, гордый рыцарь, или подойди, если хочешь! Но один шаг вперёд — и я брошусь вниз. Моё тело разобьётся о камни этого двора, прежде чем я стану жертвой твоих грубых страстей.
....Мужество и гордая решимость Ревекки, в сочетании с выразительными чертами прекрасного лица, придали её осанке, голосу и взгляду столько благородства, что она казалась почти неземным существом. Во взоре её не было растерянности, и щёки не побледнели от страха перед такой ужасной и близкой смертью, напротив — сознание, что теперь она сама госпожа своей судьбы, вызвало яркий румянец на её смуглом лице и придало блеск её глазам. Буагильбер, человек гордый и мужественный, подумал, что никогда ещё не видывал такой вдохновенной и величественной красоты.

.....

— Клянусь богом, Ревекка, та, которая предпочла смерть бесчестию, должна иметь гордую и сильную душу. Ты должна стать моей. Нет, не пугайся, — прибавил он, — я разумею моей, но добровольно, по собственному желанию. Ты должна согласиться разделить со мною надежды более широкие, чем те, что открываются с высоты царского престола. Выслушай меня, прежде чем ответишь, и подумай, прежде чем отказываться. Рыцарь Храма теряет, как ты спра-

ведливо сказала, свои общественные права и возможность самостоятельной деятельности, но зато он становится членом такой могучей корпорации, перед которой даже троны начинают трепетать. Так одна капля дождя, упавшая в море, становится составной частью того непреодолимого океана, что подтачивает скалы и поглощает королевские флоты. Такова же всеобъемлющая сила нашей грозной лиги, и я далеко не последний из членов этого мощного ордена. Я состою в нём одним из главных командоров и могу надеяться со временем получить жезл гроссмейстера. Рыцари Храма не довольствуются тем, что могут стать пятой на шею распростёртого монарха. Это доступно всякому монаху, носящему верёвочные туфли. Нет, наши тяжёлые стопы поднимутся по ступеням тронов, и наши железные перчатки будут вырывать скипетры из рук венценосцев. Даже в царствование вашего тщетно ожидаемого мессии рассеянным коленам вашего племени не видать такого могущества, к какому стремится моё честолюбие. Я искал лишь родственную мне душу, с кем бы мог разделить свои мечты, и в тебе я обрёл такую душу.

— И это говоришь ты женщине моего племени! — воскликнула Ревекка. — Одумайся!

— Не ссылайся, — прервал её храмовник, — на различие наших верований. На тайных совещаниях нашего ордена мы смеёмся над этими детскими сказками. Не думай, чтобы мы долго оставались слепы к бессмысленной глупости наших основателей, которые предписали нам отказаться от всех наслаждений жизни во имя радости принять мученичество, умирая от голода, от жажды, от чумы или от дротиков-дикарей, тщетно защищая своими телами голую пустыню, которая имеет ценность только в глазах суеверных людей. Наш орден скоро усвоил себе более смелые и широкие взгляды и нашёл иное вознаграждение за все наши жертвы. Наши громадные поместья во всех королевствах Европы, наша военная слава, гремящая во всех странах и привлекающая в нашу среду цвет рыцарства всего христианского мира, — всё это служит целям, которые и не снились нашим благочестивым основателям, но мы храним это в тайне от тех слабых умов, которые вступают в наш орден на основании старинного устава и пребывают в старых предрассудках, а мы используем их как слепое орудие нашей воли. Но я не стану больше разоблачать перед тобой наши тайны. Я слышу звуки трубы. Быть может, моё присутствие необходимо. Подумай о том, что я сказал тебе. Прощай! Не прошу прощения за то, что угрожал тебе насилием. Благодаря этому я узнал твою душу. Только на пробном камне узнаётся чистое золото. Я скоро вернусь, и мы ещё поговорим».

В. Скотт, «Айвенго»:

« — У тебя нет причин бояться меня, Ревекка, — сказал храмовник, — или, вернее, тебе нечего бояться меня теперь.
— Я и не боюсь, сэр рыцарь, — ответила Ревекка, хотя учащённое дыхание не соответствовало героизму этих слов. — Вера моя крепка, и я вас не боюсь.
— Да и чего тебе опасаться? — подтвердил Буагильбер серьёзно. — Мои прежние безумные порывы теперь тебе не страшны. За дверью стоит стража, над которой я не властен. Им предстоит вести тебя на казнь, Ревекка. Но до тех пор они никому не позволят обидеть тебя, даже мне, если бы моё безумие, — потому что ведь это чистое безумие, — ещё раз побудило бы меня к этому.
— Слава моему богу, — сказала еврейка. — Смерть меньше всего страшит меня в этом жилище злобы.
— Да, пожалуй, — согласился храмовник, — мысль о смерти не должна страшить твёрдую душу, когда путь к ней открывается внезапно. Меня не пугает удар копья или меча, тебе же прыжок с высоты башни или удар кинжала не страшны по сравнению с тем, что каждый из нас считает позором. Заметь, что я говорю о нас обоих. Очень может быть, что мои понятия о чести так же нелепы, как и твои, Ревекка, но зато мы оба сумеем умереть за них.
— Несчастный ты человек! — воскликнула Ревекка. — Неужели ты обречён рисковать жизнью из-за верований, которых не признаёт твой здравый смысл? Ведь это всё равно, что отдавать свои сокровища за то, что не может заменить хлеба. Но обо мне ты так не думай. Твоя решимость зыблется на бурных и переменчивых волнах людского мнения, а моя держится на скалах вечности.
— Перестань, — сказал храмовник, — теперь бесполезны такие рассуждения. Ты обречена умереть не той быстрой и лёгкой смертью, которую добровольно избирает скорбь и радостно приветствует отчаяние, но смертью медленной, в ужасных пытках и страданиях, которую присуждают за то, что дьявольское ханжество этих людей называет твоим преступлением.
— А кому же, — возразила Ревекка, — если такова будет моя участь, кому я ею обязана? Конечно, тому, кто из эгоистичных, низких побуждений насильно притащил меня сюда, а теперь — уж и не знаю, ради каких целей — пришёл запугивать меня, преувеличивая ужасы той горькой участи, которую сам же мне уготовил.
— Всё это пустая похвальба, сэр рыцарь, — сказала Ревекка, — ты хвастаешься тем, что мог бы совершить; однако ты счёл более удобным действовать совсем по-иному. Ты принял мою перчатку. Значит,

мой защитник — если только для такого одинокого существа, как я, найдётся защитник, — явившись на ристалище, должен будет сразиться с тобой. А ты всё ещё представляешься моим другом и покровителем.

— Я и хочу быть твоим другом и покровителем, — отвечал храмовник, — но подумай, чем я при этом рискую или, лучше сказать, какому бесславию неминуемо подвергнусь. Так не осуждай же меня, если я поставлю некоторые условия, прежде чем ради твоего спасения пожертвую всем, что для меня было дорого.

— Говори, — сказала Ревекка, — я не понимаю тебя.

— Ну хорошо, — сказал Буагильбер, — я буду говорить всё, как не говорит даже грешник, пришедший на исповедь к своему духовному отцу. Если я не явлюсь на ристалище, Ревекка, я лишусь своего сана и доброго имени — потеряю всё, чем дышал до сих пор — уважение моих товарищей и надежду унаследовать то могущество, ту власть, которой теперь владеет старый изувер Лука де Бомануар и которой я воспользовался бы иначе. Таков будет мой удел, если я не явлюсь сразиться с твоим заступником. Чёрт бы побрал этого Гудольрика, устроившего мне такую дьявольскую западню! И да будет проклят Альберт Мальвуазен, остановивший меня, когда я хотел бросить твою перчатку в лицо выжившему из ума изуверу, который мог поверить нелепой клевете на существо, столь возвышенное и прекрасное, как ту.

— К чему теперь все эти напыщенные речи в льстивые слова! — сказала Ревекка. — Тебе предстоял выбор: пролить кровь неповинной женщины или рискнуть своими земными выгодами и надеждами. Зачем ты всё это говоришь — твой выбор сделан.

.....

— Если я выеду, — продолжал Буагильбер, — и покажусь на роковом ристалище, ты умрёшь медленной и мучительной смертью, в такой пытке, какая предназначена для грешников за гробом. Если же я не явлюсь, меня лишат рыцарского звания, я буду опозорен, обвинён в колдовстве, в общении с неверными; знатное имя, ещё более прославленное моими подвигами, станет мне укором и посмешищем. Я утрачу свою славу, свою честь, лишусь надежды на такое величие и могущество, какого достигали немногие из императоров. Пожертвую честолюбивыми замыслами, разрушу планы столь же высокие, как те горы, по которым язычники чуть не взобрались на небеса, если верить их сказаниям, и всем этим, Ревекка, я готов пожертвовать, — прибавил он, бросаясь к её ногам, — откажусь и от славы, и от величия, и от власти, хотя она уже почти в моих руках, — всё брошу, лишь бы ты сказала: «Буагильбер, будь моим возлюбленным».

— Это безрассудно, сэр рыцарь, — отвечала Ревекка, — Торопись, поезжай к регенту, к королеве-матери, к принцу Джону. Из уважения к английской короне они не могут позволить вашему гроссмейстеру так своевольничать. Этим ты можешь оказать мне действительное покровительство, без всяких жертв со своей стороны и не требуя от меня никаких наград.

— Я не хочу иметь с ними дела, — продолжал он, хватаясь за полу её платья, — я обращаюсь только к тебе. Что же заставляет тебя делать такой выбор? Подумай, будь я хоть сам сатана, — ведь смерть ещё хуже сатаны, а мой соперник — смерть.

— Я не взвешиваю этих зол, — сказала Ревекка, опасаясь слишком прогневить необузданного рыцаря, но преисполненная твёрдой решимости не только не принимать его предложений, но и не прикидываться благосклонной к нему. — Будь же мужчиной, призови на помощь свою веру. Если правда, что ваша вера учит милосердию, которого у вас больше на словах, чем на деле, избавь меня от страшной смерти, не требуя вознаграждения, которое превратило бы твоё великодушие в низкий торг.

— Нет! — воскликнул надменный храмовник, вскакивая. — Этим ты меня не обманешь! Если я откажусь от добытой славы и от будущих почестей, я сделаю это только ради тебя, и мы спасёмся не иначе, как вместе. Слушай, Ревекка, — продолжал он снова, понизив голос. — Англия, Европа — ведь это не весь мир. Есть и другие страны, где мы можем жить, и там я найду простор для своего честолюбия. Поедем в Палестину. Там живёт мой друг Конрад, маркиз де Монсеррат, человек, подобный мне, свободный от глупых предрассудков, которые держат в оковах наш прирождённый здравый смысл. Скорее можно вступить в союз с Саладином, чем терпеть пренебрежение этих изуверов, которых мы презираем. Я проложу новые пути к величию, — продолжал он, расхаживая крупными шагами по комнате,

— Европа ещё услышит звонкую поступь того, кого изгнала из числа сынов своих. Сколько бы миллионов крестоносцев ни посылала она во имя защиты Палестины, какое бы великое множество сарацинских сабель ни давало им отпор, никто не сумеет пробиться так глубоко в эту страну, из-за которой состязаются все народы, никто не сможет основаться там так прочно, как я и те мои товарищи, которые пойдут за мной и в огонь и в воду, что бы там ни делал и ни говорил этот старый ханжа. И ты будешь царицей, Ревекка. На горе Кармель создадим мы тот престол, который я завоюю своей доблестью тебе, и вместо гроссмейстерского жезла у меня в руке будет царский скипетр.

— Мечты, — молвила Ревекка, — одни мечты и грёзы! Но если бы и осуществились они наяву, мне до них нет дела. Какого бы могущества ты ни достиг, я его не смогу разделять с тобою. Для меня любовь к Израилю и твёрдость в вере так много значат, что я не могу уважать человека, если он охотно отрекается от родины, разрывает связь с орденом, которому клялся служить, и всё это только для того, чтобы удовлетворить страсть к женщине чуждого ему племени. Не назначай платы за моё избавление, сэр рыцарь, не продавай великодушного подвига — окажи покровительство несчастию из одного милосердия, а не из личных выгод. Обратись к английскому престолу. Ричард преклонит слух к моим молениям и освободит меня от жестокости моих мучителей.

— Ни за что, Ревекка, — отвечал храмовник с яростью. — Уж если я отрекусь от моего ордена, то сделаю это ради тебя одной! Но если ты отвергнешь мою любовь, мои честолюбивые мечты останутся со мной. Я не позволю одурачить тебя! Склонить голову перед Ричардом! Просить милости у этого гордого сердца! Никогда этого не будет, Ревекка! Орден Храма в моём лице не падёт к ногам Ричарда! Я могу отказаться от ордена, но унизить или предать его — никогда.

— Все мои надежды — на милость божью, — сказала Ревекка, — люди, как видно, не помогут.

— Так знай, — отвечал храмовник. — Ты очень горда, но и я тоже горд. Если я появлюсь на ристалище в полном боевом вооружении, никакие земные помыслы не помешают мне пустить в ход всю мою силу, всё моё искусство. Подумай же, какова будет тогда твоя участь! Ты умрёшь смертью злейших преступников, тебя сожгут на пылающем костре, и ничего не сохранится от этого прекрасного образа, даже тех жалких останков, о которых можно было б сказать: вот это недавно жило, двигалось… Нет, Ревекка, женщине не перенести мысли о такой участи. Ты ещё уступишь моим желаниям!»

Но и это еще не конец истории о разбитом сердце Романтика на притяжении Самовлюбленности поля Эгосистемы, выведенной Вальтером Скоттом с правдивостью лучшего психолога. Далее он показывает второе следствие Раздвоенного между полем Эгосистемы и полем Интеллекта сознанием шизоидов, у которых в отличие от Сатанов, все еще жива совесть. Он показывает оборотную сторону Притяжения Самовлюбленности Гибрис-Эго — Трагедию совести, как мы ее наблюдали у Байрона, например.

« — Люди нередко сваливают на судьбу последствия своих собственных буйных страстей, — сказала Ревекка. — Но я прощаю тебя, Буагильбер, тебя, виновника моей безвременной смерти. У тебя сильная душа; иногда в ней вспыхивают благородные и великие порывы. Но она — как запущенный сад, принадлежащий нерадивому хозяину: сорные травы разрослись в ней и заглушили здоровые ростки».

В. Скотт, «Айвенго»:

> « — Я околдован, клянусь небесами! — сказал Буагильбер. — Мне начинает казаться, что выживший из ума скелет был прав, я не в силах расстаться с тобой, точно меня удерживает какая-то сверхъестественная сила. Прекрасное создание! — продолжал он, подходя к ней ближе, но с великим почтением. — Так молода, так хороша, так бесстрашна перед лицом смерти! И обречена умереть в позоре и в мучениях. Кто может не плакать над тобой? Двадцать лет слёзы не наполняли мои глаза, а теперь я плачу, глядя на тебя. Но этому суждено свершиться, ничто не спасёт тебя. Мы с тобой оба — слепые орудия судьбы, неудержимо влекущие нас по предназначенному пути, как два корабля, которые несутся по бурным волнам, а бешеный ветер сталкивает их между собой на общую погибель. Прости меня, и расстанемся как друзья. Тщетно старался я поколебать твою решимость, но и сам остаюсь твёрд и непреклонен, как сама несокрушимая судьба.
>
> — Люди нередко сваливают на судьбу последствия своих собственных буйных страстей, — сказала Ревекка. — Но я прощаю тебя, Буагильбер, тебя, виновника моей безвременной смерти. У тебя сильная душа; иногда в ней вспыхивают благородные и великие порывы. Но она — как запущенный сад, принадлежащий нерадивому хозяину: сорные травы разрослись в ней и заглушили здоровые ростки.
>
> — Да, Ревекка, — сказал храмовник, — я именно таков, как ты говоришь: неукротимый, своевольный и гордый тем, что среди толпы пустоголовых глупцов и ловких ханжей я сохранил силу духа, возвышающую меня над ними. Я с юности приучался к воинским подвигам, стремился к высоким целям и преследовал их упорно и непоколебимо. Таким я и останусь: гордым, непреклонным, неизменным. Мир увидит это, я покажу ему себя; но ты прощаешь меня, Ревекка?
>
> — Так искренне, как только может жертва простить своему палачу.
>
> — Прощай, — сказал храмовник и вышел из комнаты.
>
> Прецептор Альберт Мальвуазен с нетерпением ожидал в соседнем зале возвращения Буагильбера.

— Как ты замешкался! — сказал Альберт. — Я был вне себя от беспокойства. Что, если бы гроссмейстер или Конрад, его шпион, вздумали зайти сюда? Дорого бы я поплатился за своё снисхождение!.. Но что с тобою, брат? Ты еле держишься на ногах, и лицо твоё мрачно, как ночь. Здоров ли ты, Буагильбер?

— Здоров, — отвечал храмовник, — здоров, как несчастный, который знает, что через час его казнят. Да нет, впрочем, — вдвое хуже, потому что иные из приговорённых к смерти расстаются с жизнью, как с изношенной одеждой. Клянусь небесами, Мальвуазен, эта девушка превратила меня в тряпку! Я почти решился идти к гроссмейстеру, бросить ему в лицо отречение от ордена и отказаться от жестокости, которую навязал мне этот тиран.

— Ты с ума сошёл! — сказал Мальвуазен. — Таким поступком ты погубишь себя, но не спасёшь еврейку, которая, по всему видно, так дорога тебе. Бомануар выберет вместо тебя кого-нибудь другого на защиту ордена, и осуждённая всё равно погибнет.

— Вздор! Я сам выступлю на её защиту, — ответил храмовник надменно, — и тебе, Мальвуазен, я думаю, известно, что во всём ордене не найдётся бойца, способного выдержать удар моего копья.

Оспаривая лучшие побуждения в душе своего друга, Мальвуазен имел над ним все преимущества хитрого и хладнокровного себялюбца в борьбе с человеком, одержимым пылкими и противоречивыми страстями. Тем не менее потребовалось всё его искусство, чтобы заставить Буагильбера следовать принятому решению. Он должен был неотступно наблюдать за своим другом, чтобы тот опять не вздумал бежать, и предупреждать возможность его встречи с гроссмейстером, чтобы не допустить его до открытого с ним разрыва; кроме того, Альберт должен был снова и снова приводить различные доводы в пользу того, что Бриан обязан явиться на ристалище, так как на судьбу Ревекки это не может оказать никакого влияния, а для негр самого является единственным способом спастись от бесславия и позора.

.....

Герольд сообщил Ревекке эти слова гроссмейстера. Она покорно кивнула головой, сложила руки на груди и подняла глаза к небу, как будто искала там помощи, на которую едва ли могла рассчитывать на земле. В эту страшную минуту она услышала голос Буагильбера. Он говорил шёпотом, но она вздрогнула, и его речь вызвала в ней гораздо большую тревогу, чем слова герольда.

— Ревекка, — сказал храмовник, — ты слышишь меня?

— Мне до тебя нет дела, жестокосердный, — отвечала несчастная девушка.

— Да, но ты понимаешь, что я говорю? — продолжал храмовник. — Я сам пугаюсь звуков своего голоса и не вполне понимаю, где мы находимся и для какой цели очутились здесь. Эта ограда, ристалище, стул, на котором ты сидишь, эти вязанки хвороста… Я знаю, для чего всё это, но не могу себе представить, что это действительность, а не страшное видение. Оно наполняет ум чудовищными образами, но рассудок не допускает их возможности.

— Мой рассудок и все мои чувства, — сказала Ревекка, — убеждают меня, что этот костёр предназначен для сожжения моего тела и открывает мне мучительный, но короткий переход в лучший мир».

Буагильбер погибнет, потому что Айвенго, подобно Квентину Дорварду, который будучи в шаге от мечты быть с возлюбленной, пойдет исполнять долг и спасать Гердруду — так и айвенго пойдет спасать Ревекку и примет вызов Буагибера, хотя раны его еще не зажили и его ждет его невеста Леди Ровена.

Айвенго спасет жизнь Ревеке в поединке который едва не стоил ему самому жизни. И Ревекка удалится жить в одиночестве своей святости.

4. МЕСТЬ САКСОНКИ УЛЬРИКИ САТАНУ ФРОН ДЕ БЕФУ

Барон Фрон де Беф вовсе не романтик Буагильбер, хотя они товарищи и вместе организовали нападение на Седрика и его домочадцев, среди которых путешествовали и Исаак с дочерью.

Фрон де Беф — Сатан с мертвой мыслью и мертвой совесть, гадюка бесхребетная, которая не знает что такое честь и готова на любую низость, чтобы «ради выгоды» или из трусости перед давлением материального мира. Это в его замок привезли пленников. Это он и его отец приобрели этот замок ценой подлого убийства благородного саксонца, хозяина замка и его семерых сыновей. Это они насиловали дочь хозяина и развратили ее в наложницу. Это он убил потом своего отца из ревности к наложнице Ульрике. Это Фрон де Беф предал короля Ричарда и встал на сторону изменника Принца Джона. Наконец, это он приготовил раскаленную решетку для несчаст-

ного и запуганного до смерти еврея Исаака, отца благородной Ревекки.

Образ Исаака нарисован как всегда кистью большого мастера. Будучи отцом благородной Ревекки — Ревекки пророка, Ревекки храброго рыцаря — это образ Энергии Добра. Будучи забитым и запуганным разбойниками баронами своего времени — это образ Мученика Энергии Добра. Сострадание и жалость, которые этот ораз страдающего дора внушает каждому читателю Скотта — это сострадание к самой Энергии Добра, к самому простому народу планеты, проигравшему битву с материальной энергией Зла Сатанов. Как всякое Милграм Эго простого народа, как всякая Нижняя Эгозащита поля Эгосистемы — народ, изображенный жертвой Исааком — труслив и дрожит своих господ Сатанов. Но Скотт показывает, что трусость подавленного и забитого Исаака не безгранична, и что соглашаясь на условия грабительского выкупа, предложенного Фрон де Бефом, он не забывает настаивать на выкупе вместе с ним Айвенго и его друзей. А когда выясняется, что его дочь в их руках, то всякий страх покидает Исаака даже перед лицом раскаленной решетки на которой Фрон де Беф обещал его зажарить на медленном огне и привел специально обученных рабов. Ведб Семья — эта та единственная Церковь Дружбы, которая еще сегодня доступна народу, не потерявшему окончательно здоровья Энергии Духа, совести и справедливости своей духовной природы.

Трубы Робин Гуда и Ричарда Английского овлекут Фрон де Бефа от казни старика, а тем временем его бывшая наложница, старая саксонская принцесса Ульрика, приготовит ему точно такое же огненное смертное ложе, на котором он хотел изжарить Исаака.

В. Скотт, «Айвенго»:

> «Чернокожие невольники, пришедшие вместе с бароном, были не в обычном роскошном одеянии, а в длинных рубашках и штанах из грубого холста. Рукава у них были засучены выше локтей, как у мясников, когда они принимаются за дело на бойне. Оба держали в руках по корзинке. Войдя в темницу, они стали по обеим сторонам

двери, которую Фрон де Беф собственноручно накрепко запер. Приняв такие меры предосторожности, он медленной поступью прошёл через весь подвал к Исааку, пристально глядя на него. Этим взглядом он желал отнять у еврея волю — так иные звери, как говорят, парализуют свою добычу. И точно, можно было подумать, что глаза барона имеют подобную силу над несчастным пленником. Иссак сидел неподвижно, раскрыв рот, и с таким ужасом глядел на свирепого рыцаря, что всё тело его как бы уменьшилось в объёме под этим упорным зловещим взглядом лютого норманна. Несчастный Исаак был не в состоянии не только встать и поклониться — он не мог даже снять шапку или выговорить хотя бы слово мольбы: он был убеждён в том, что сейчас начнутся пытки и, быть может, его умертвят.

.....

— Смилуйся надо мною, благородный рыцарь! — воскликнул Исаак. — Я стар, беден и беспомощен! Недостойно тебе торжествовать надо мной. Не великое дело раздавить червяка.

— Что ты стар, это верно, — ответил рыцарь, — тем больше стыда тем, кто допустил тебя дожить до седых волос, погрязшего по уши в лихоимстве и плутовстве. Что ты слаб, это также, быть может, справедливо, потому что когда же евреи были мужественны или сильны? Но что ты богат, это известно всем.

— Клянусь вам, благородный рыцарь, — сказал Исаак, — клянусь всем, во что я верю, и тем, во что мы с вами одинаково веруем...

— Не произноси лживых клятв, — прервал его норманн, — и своим упорством не предрешай своей участи, а прежде узнай и зрело обдумай ожидающую тебя судьбу. Не думай, Исаак, что я хочу только запугать тебя, воспользовавшись твоей подлой трусостью, которую ты унаследовал от своего племени. Клянусь тем, во что ты не веришь, — тем евангелием, которое проповедует наша церковь, теми ключами, которые даны ей, чтобы вязать и разрешать, что намерения мои твёрды и непреложны. Это подземелье — не место для шуток. Здесь бывали узники в десять тысяч раз поважнее тебя, и они умирали тут, и никто об этом не узнавал никогда. Но тебе предстоит смерть медленная и тяжёлая — по сравнению с ней они умирали легко.

Он снова движением руки подозвал невольников и сказал им что-то вполголоса на их языке: Фрон де Беф побывал в Палестине и, быть может, именно там научился столь варварской жестокости. Сарацины достали из своих корзин древесного угля, мехи и бутыль с маслом. Один из них высек огонь, а другой разложил угли на широком очаге, о котором мы говорили выше, и до тех пор раздувал мехи, пока угольев не разгорелись докрасна.

— Видишь, Исаак, эту железную решётку над раскалёнными угольями? — спросил Фрон де Беф. — Тебя положат на эту тёплую постель, раздев догола. Один из этих невольников будет поддерживать огонь под тобой, а другой станет поливать тебя маслом, чтобы жаркое не подгорело. Выбирай, что лучше: ложиться на горячую постель или уплатить мне тысячу фунтов серебра? Клянусь головой отца моего, иного выбора у тебя нет.

— Невозможно! — воскликнул несчастный еврей. — Не может быть, чтобы таково было действительное ваше намерение! Милосердный творец никогда не создаст сердца, способного на такую жестокость.

— Не верь в это, Исаак, — сказал Фрон де Беф, — такое заблуждение — роковая ошибка. Неужели ты воображаешь, что я, видевший, как целые города предавали разграблению, как тысячи моих собратий христиан погибали от меча, огня и потопа, способен отступить от своих намерений из-за криков какого-то еврея?.. Или ты думаешь, что эти чёрные рабы, у которых нет ни роду, ни племени, ни совести, ни закона, ничего, кроме желания их владыки, по первому знаку которого они жгут, пускают в ход отраву, кинжал, верёвку — что прикажут... Уж не думаешь ли ты, что они способны на жалость?

— Твоя дочь? — молвил Фрон де Беф, как будто с удивлением. — Клянусь, Исаак, жаль, что я этого не знал. Я думал, что эта чернобровая девушка — твоя наложница, и по обычаю древних патриархов, подавших нам такой пример, приставил её служанкой к сэру Бриану де Буагильберу.

Вопль, вырвавшийся из груди Исаака при этих словах рыцаря, отозвался во всех углах свода и так изумил обоих сарацин, что они невольно выпустили из рук несчастного еврея. Он воспользовался этим, бросился на пол и обхватил колени Реджинальда Фрон де Бефа.

— Сэр рыцарь, — сказал он, — бери всё, что потребовал, бери вдесятеро больше, разори меня, доведи до нищеты. Нет! Порази меня своим кинжалом, изжарь на этом огне, но только пощади дочь мою, отпусти её с честью, без обиды. Заклинаю тебя тою женщиной, от которой ты рождён, пощади честь беззащитной девушки! Она живой портрет моей умершей Рахили, последний оставшийся мне залог её любви, а их было у меня шестеро! Не лишай одинокого вдовца его единственной отрады. Неужели ты хочешь, чтобы родной отец пожалел, что единственная дочь его не лежит рядом с матерью в склепе наших предков?

— Жаль, — молвил норманн, в самом деле как будто тронутый, — жаль, что я не знал об этом прежде. Я думал, что ваше племя ничего не любит, кроме своих мешков с деньгами.

— Не думай о нас так низко, хоть мы и евреи, — сказал Исаак, спеша воспользоваться минутой кажущегося сочувствия. — Ведь и загнанная лисица и замученная дикая кошка любят своих детёнышей, так же и притеснённые, презираемые потомки Авраамовы любят детей своих.

— Положим, что и так, — сказал Фрон де Беф, — вперёд я буду знать это, Исаак, ради тебя. Но теперь уже поздно. Я не могу изменить того, что случилось или должно случиться. Я уже дал слово своему товарищу по оружию, а слову своему я не изменю и для десяти евреев с десятью еврейками в придачу. К тому же почему ты думаешь, что с девушкой приключится беда, если она достанется Буагильберу?

— Неминуемо приключится! — воскликнул Исаак, ломая себе руки в смертельной тоске. — Чего же иного ждать от храмовника, как не жестокости к мужчинам и бесчестья для женщин?

— Нечестивый пёс, — сказал Фрон де Беф, сверкнув глазами и, быть может, радуясь найти предлог для гнева, — не смей поносить священный орден рыцарей Сионского Храма! Придумывай способ уплатить мне обещанный выкуп, не то я сумею заткнуть твою глотку!

— Разбойник, негодяй! — вскричал еврей, невзирая на свою полную беспомощность, будучи не в силах удержать страстного порыва. — Ничего тебе не дам! Ни одного серебряного пенни не увидишь от меня, пока не возвратишь мне дочь честно и без обиды!

— В уме ли ты, еврей? — сурово сказал норманн. — Или твоя плоть и кровь заколдованы против калёного железа и кипящего масла?

— Мне всё равно! — воскликнул Исаак, доведённый до отчаяния поруганным чувством родительской любви. — Делай со мной что хочешь. Моя дочь — поистине кровь и плоть моя, она мне в тысячу раз дороже моего тела, которое ты угрожаешь истерзать. Не видать тебе моего серебра! Ни одной серебряной монетки не дам тебе, назарянин, хотя бы от этого зависело спасение твоей окаянной души, осуждённой на гибель за преступления. Бери мою жизнь, коли хочешь, а потом рассказывай, как еврей, невзирая ни на какие пытки, сумел досадить христианину».

Вальтер Скотт верен Оптимизму и Справедливости своих исторических романов, воплощающих правду Священной войны Добра и Зла. Добро обязательно победит в конечном итоге — ведь не может же божественная энергия активного Интеллекта творца проиграть творению — материальному миру, обладающему только пассивным интеллектом законов природы. Контрольная Энергия Духа, в которой вся мощь доступа

к материальным энергиям не может проиграть заурядной материальной энергии психики. Добро обязательно восторжествует, когда поле Эгосистемы возьмут под контроль и научатся нейтрализовывать правильной системой образования. И в романах Скотта всегда Добро побеждает Зло, а смертный грех Сатанов мертвой мысли совести — их Хула на Духа Святого — всегда наказываются смертью. Кроме тех случаев, когда Сатаны исторические личности подобно Принцу Джону и Людовику Одиннадцатому, и судьба их есть факт исторический. Но и тогда Скотт берет те моменты их карьеры, где они проиграли Добру: как Принц Джон проиграл Ричарду Английскому, а Людовик Одиннадцатый проиграл Карлу Смелому в описываемых событиях.

Но на простых смертных Скотт волен реализовать Справедливость Возмездия Божьего, и он решительно казнит Сатанов мертвой совести в каждом своем романе. Так от рук изнасилованной и развращенной им саксонской принцессы погибает и Фрон де Беф — и погибает на том самом огненном ложе, которое он готовил беззащитному старику Исааку.

В. Скотт, «Айвенго»:

> « — Подлая, лютая ведьма! — проговорил Фрон де Беф. — Зловещая сова! Так это ты пришла издеваться над человеком, которого сама же погубила?
> — Да, Реджинальд Фрон де Беф, — ответила она, — это я, Ульрика, дочь убитого Торкиля Вольфгангера, сестра его зарезанных сыновей. Это я пришла требовать отчёта у тебя и всего твоего рода: что сталось с моим отцом и семьёй, с моим именем, с честью — со всем, что отнял у меня проклятый род Фрон де Бефов? Подумай о перенесённых мною обидах и скажи: правду ли я говорю? Ты был моим злым духом, а я хочу быть твоим. Я буду мучить тебя до последнего твоего вздоха.
> — Мерзкая фурия, — воскликнул Фрон де Беф, — ты не будешь свидетельницей моего конца! Эй, Жиль, Клеман, Юстес, Сен-Мор, Стивен! Схватите эту проклятую ведьму и сбросьте её с высоты стен! Она предала нас саксонцам! Эй, Сен-Мор, Клеман, подлые трусы, рабы, куда вы запропастились?
> — Ну-ка, позови их ещё, доблестный барон, — молвила старуха со злобной усмешкой, — созывай своих вассалов, пригрози им

за промедление кнутом и тюрьмой. Но знай, могучий вождь, что отныне не будет тебе ни ответа, ни помощи, ни повиновения. Слышишь ты эти страшные звуки? — продолжала она, внезапно меняя тон; до них вновь доносился оглушительный шум разгоревшейся битвы. — Эти крики возвещают падение твоего дома. Скреплённое потоками крови могущество баронов Фрон де Бефов потрясено до самых основ руками тех врагов, которых ты так презирал. Ведь там саксы, Реджинальд! Презренные саксы берут приступом стены твоего замка! Что же ты лежишь тут, как избитый холоп? Ведь саксы овладевают твоей твердыней!

— Боги и бесы! — вскричал раненый рыцарь. — О, если бы хоть на минуту воротилась моя прежняя сила, чтобы дотащиться до места боя и умереть как подобает рыцарю!

— И не думай об этом, храбрый воин! — возразила она. — Ты умрёшь не как честный воин, а как лисица в своей норе, когда крестьяне поджигают хворост вокруг её логова.

— Врёшь, ненавистная старуха! — воскликнул Фрон де Беф. — Мои слуги — отважные молодцы, мои стены крепки и высоки! Мои ратные товарищи не побоятся любого полчища саксов, хотя бы их вождями были сам Хенгист и Хорса! Это боевой клич храмовника и воинов — вольной дружины покрывает шум битвы. Клянусь честью, когда мы зажжём потешный костёр на радостях нашей победы, ты сгоришь в нём — и тело и кости твои сгорят! А я доживу до того времени, когда буду знать, что ты из земного огня попала в адское пламя, в то сатанинское царство, которое никогда ещё не порождало худшего беса, чем ты.

— Думай что хочешь, — отвечала Ульрика, — пока не убедишься в другом... Да нет, — сказала она, прерывая самое себя, — можешь и сейчас узнать свою участь, которую не могут предотвратить ни всё твоё могущество, ни сила и отвага, хотя она подготовлена моими слабыми руками. Замечаешь ли ты удушливый дым, который чёрными клубами ходит по комнате? Ты, может быть, думаешь, что у тебя в глазах темнеет и начинается предсмертное удушье? Нет, Реджинальд, тому причина иная. Ты помнишь про хворост и дрова, что сложены внизу, под этими комнатами?

— Женщина! — воскликнул Фрон де Беф вне себя от ярости. — Неужели ты подожгла его? Так и есть — замок объят пламенем!

— Да, пожар разгорается быстро, — сказала Ульрика с устрашающим спокойствием. — Вскоре я подам сигнал осаждающим, чтобы они смелее теснили тех, кто бросится тушить пожар. Прощай, Фрон де Беф! Пускай Миста, Скогула и Зернебок, божества древних саксов, или бесы, как зовут их нынешние монахи, займут место утешителей

у твоего смертного одра — Ульрика покидает тебя. Но знай, если это может тебя утешить, знай, что Ульрика пойдёт с тобой одной дорогой и разделит твою кару, как делила твои злодеяния. Прощай, отцеубийца, прощай навсегда! И пусть каждый камень этих сводов обретёт язык и повторяет: «Отцеубийца!»

С этими словами она вышла из комнаты, и Фрон де Беф расслышал, как заскрипел громадный ключ и два раза повернулся в дверном замке, лишив его всякой надежды на спасение. В исступлении и тревоге он стал изо всех сил звать на помощь слуг и союзников:

— Стивен и Сен-Мор! Клеман и Жиль! Я сгорю здесь без помощи. Помогите, помогите! Храбрый Буагильбер, отважный де Браси! Это я, Фрон де Беф, призываю вас! Это я, ваш хозяин, предатели вассалы! Ваш союзник, соратник, вероломные рыцари-обманщики! Пусть проклятия разразятся над вашими малодушными головами за то, что вы бросили меня на погибель!.. Но они не слышат, не могут слышать: мой голос заглушается шумом битвы. А дым всё гуще, всё чернее, уже огонь пробивается сквозь пол. О, хоть бы один глоток чистого воздуха, а там пусть гибель! — В безумном припадке отчаяния и тоски несчастный то отдавал какие-то боевые приказания, то бормотал невнятные речи, проклиная себя самого, и род человеческий, и сами небеса.

— Вон показались красные языки пламени сквозь густой дым! — восклицал он. — Сатана идёт против меня под знаменем своей стихии. Прочь, злой дух! Я не пойду за тобой без моих товарищей! Все, все тебе предназначены, все защитники этих стен. Ты думаешь, Фрон де Беф согласится пойти к тебе один? Нет! И безбожный храмовник, и распутный де Браси, и Ульрика, гнусная развратница, и слуги, что помогали мне во всём, и саксонские псы, и проклятые евреи, мои пленники, — все, все пойдут со мной… Славная компания по дороге в ад! Ха-ха-ха! — В исступлении он расхохотался, и своды потолка ответили эхом. — Кто здесь хохочет? — воскликнул Фрон де Беф изменившимся голосом, ибо шум битвы не мог заглушить отзвуки его безумного смеха. — Кто смеялся? Ульрика, это ты? Отвечай же, ведьма! Скажи хоть слово, и я прощу тебя. Только ты могла смеяться в такую минуту или сам сатана! Прочь! Прочь!»

5. НАПАДЕНИЕ ИЗРАИЛЬСКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА ОТКРЫТИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ, И НА МЕНЯ, АВТОРА ЭТОГО ОТКРЫТИЯ

Заканчивая Главу о еврейском вопросе в романе Вальтера Скотта не могу не сказать несколько слов о том ужасном положении, в котором очутилась сегодня я, Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили — автор Открытия, доказывающего справедливость Евангелий Христа и излагающего истины Евангелий научным языком формул и фактов истории и психологии.

Заговор Спецслужб во главе с режимом Путина, которому усердно помогают США, Британия, Израиль, Ватикан, Франция и Германия, со всей очевидностью обнаруживает справедливость утверждений всех тех авторов, кто противопоставлял иудаизм христианству. Конечно Ренан тоже прав в том, что когда то существовало Движение Профетизма, из которого вышел «последний пророк» Христос. Однако, этого движения совершенно точно больше не существует, а осталось только то, что Маймонид и Толстой, каждый со своей точки зрения, называют мировоззрением совершенно противоположным и вражденым друг другу. В этом смысле «еврейка Ревекка» конечно вымысел Вальтера Скотта, которого не могло быть в реальности. Могла быть вполне такая женщина –рыцарь, но она не могла быть иудейкой. То что говорит иудейка Ревекка в романе Скотта насильнику Буагильберу, сегодня должны сказать все жертвы Холокоста Эпштейна тем силам в Израиле, которые были причастны к учреждению этого Содома и Гоморры.

То что говорит Ревекка своим насильникам могла бы сказать и я спецслужбам Израиля, принимающим такое активное участие в травле автора Великого Открытия только потому, что они до сих пор ненавидят и Спинозу и Христа. И возможно Эйнштейна, который всегда был на стороне Спинозы, Христа и пророков. Но пророки выступали против закона, и именно им наследовал Христос. Против всякого «кодекса террора», который допускает какие либо другие метода установления истины кроме научных дебатов. А магическое сознание допускает все мето-

ды, особенно любое насилие, КРОМЕ НАУЧНЫХ ДЕБАТОВ, как вы можете видеть на примере травли Автора Открытия ПЭ, которому в первую очередь запрещают всякий научный дискурс с научным сообществом. По этой же причине, по причине деградации христианства в магическое сознание, Ватикан всеми силами поддерживает войну Израиля, объявленную Научному Доказательству Истины Евангелий Христа.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «При всех своих громадных недостатках еврейский народ — суровый, эгоист, пересмешник, жестокий, узкий и тонкий софист — создал, тем не менее, самое дивное движение бескорыстного энтузиазма, о каком говорит история. Оппозиция всегда составляет славу страны: самые великие люди чаще всего те, которых их народ пре дает смерти. Сократ возвеличил Афины, город, который не счел возможным ужиться с ним; Спиноза был величайшим из современных евреев, и синагога исключила его с позором. Иисус был честью израильского народа, и он его распял»

ГЛАВА 18. ПРИРОДА ЭНЕРГИИ ДУХА И НЕНАВИСТЬ К РАСЕ ГОСПОД САТАНОВ

1. ДАРВИНОВСКАЯ ПАРАДИГМА И ЛАБОРАТОРИЯ ДОКТОРА МОРО

Мы видим в двух нижеприведенных цитатах из работ Газданова и Честертона, что они одинаково возмущены той «социальной лабораторией», которую произвела на свет Дарвиновская парадигма с ее доктриной «приспособления к окружающей среде». И оба писателя и Газданов и Честертон ссылаются на одно и то же произведение Герберта Уэллса, друга Честертона — «Остров Доктора Моро».

Газданов, «Ночные дороги»:

> «Это было, как мне казалось, когда я думал обо всех этих людях, — среди них бывали прокуроры, адвокаты, доктора, — проявлением многообразнейшего инстинкта самосохранения, вызвавшего постепенную атрофию некоторых способностей, ставших не только ненужными, но даже вредными для той жизни, которую эти люди теперь вели, — и прежде всего, способности критического суждения и той известной интеллектуальной роскоши, к которой они привыкли в прежнее время и которая в теперешних обстоятельствах была бы неуместна и невозможна. Я разговаривал как-то об этом с одним из моих товарищей, и он вдруг сказал, прерывая меня:
> — Т ы помнишь книгу Уэллса, которую мы читали много лет тому назад — «Остров доктора Моро»? Ты помнишь, как животные, обращенные в людей, после того как из-за какой-то катастрофы доктор Моро потерял над ними власть, — ты помнишь, с какой быстротой они забывали человеческие слова и возвращались к прежнему состоянию?
> — Это унизительное сравнение, — сказал я, — это чудовищное преувеличение, я не могу с тобой согласиться. Но позже, после того как мне пришлось видеть множество примеров этого душевного и ум-

> ственного обнищания, я думал, что мой товарищ был, может быть, более прав, чем мне казалось сначала. Превращения, которые происходили с людьми под влиянием перемены условий, бывали настолько разительны, что вначале я отказывался им верить. У меня получалось впечатление, что я живу в гигантской лаборатории, где происходит экспериментирование форм человеческого существования, где судьба насмешливо превращает красавиц в старух, богатых в нищих, почтенных людей в профессиональных попрошаек, — и делает это с удивительным, невероятным совершенством. Я как сквозь сон вспоминал и узнавал этих людей»

Честертон пишет, что катастрофа современного мира лженауки Дарвиновской парадигмы началась с аргументов Берка против Французской Революции, когда он впервые обратился не к Естественному Праву законов природы (или божественному праву, что тоже самое, jus divinum), а к аргументам Эволюции, отрицающим какую-либо определенную природу у человека.

Одна дело если мы признаем природу человека в заложенных в нем законах природы. Совсем другое дело, если мы считаем его глиной, способной бесконечно меняться под давлением окружающей среды. Честертон пишет, что начиная уже с Берка и дальше до официального признания Дарвиновского парадигмы в обществе постепенно утвердилась катастрофическая доктрины, утверждающая человека именно в качестве такой гибкой глины, из которой «сильные мира сего» могут лепить слуг, карликов и обезьян соответственно своим вкусам.

Газданов замечает по этому поводу, что люди которых ему довелось наблюдать в эмиграции во Франции бесконечно деградировали, и не то чтобы менялись, а просто превращались в ничтожества. Действительно, если природа у человека есть, если законы Творца действительно заложены в основе психики человека, то изменить эту природу не удастся никакой Дарвиновской парадигме, никакой ложной науке. Настоящая наука может открыть эти законы и поставить их под контроль, но и ей не под силу изменить эти законы. Следовательно очевидно причина катастрофы не в том, что лженаука, утверждающая что природу человека можно менять, действительно сможет ее изменить.

Катастрофа в том, что Дарвиновская парадигма, сама того не подозревая привела к утверждению дурной природы человека, и к деградации его здоровой и божественной природы. Беда в том, что энергия-паразит, материальная энергия поля Эгосистемы получила всяческую поддержку с этой лженаукой, а здоровая Энергия Духа, таким образом, была разрушена активным и мощным полем эгосистемы материальной энергии. И все это в полном соответствии с законами двух силовых полей психики: если развивать поле Эгосистемы ложной информацией, то это приведет к полной деградации поля Интеллекта духовной энергии.

Chesterton, «What is wrong with the world»:

> «Here Burke made his brilliant diversion; he did not attack the Robespierre doctrine with the old mediaeval doctrine of jus divinum (which, like the Robespierre doctrine, was theistic), he attacked it with the modern argument of scientific relativity; in short, the argument of evolution. He suggested that humanity was everywhere molded by or fitted to its environment and institutions; in fact, that each people practically got, not only the tyrant it deserved, but the tyrant it ought to have. „I know nothing of the rights of men," he said, „but I know something of the rights of Englishmen." There you have the essential atheist. His argument is that we have got some protection by natural accident and growth; and why should we profess to think beyond it, for all the world as if we were the images of God! We are born under a House of Lords, as birds under a house of leaves; we live under a monarchy as niggers live under a tropic sun; it is not their fault if they are slaves, and it is not ours if we are snobs. Thus, long before Darwin struck his great blow at democracy, the essential of the Darwinian argument had been already urged against the French Revolution. Man, said Burke in effect, must adapt himself to everything, like an animal; he must not try to alter everything, like an angel. The last weak cry of the pious, pretty, half-artificial optimism and deism of the eighteenth century came in the voice of Sterne, saying, „God tempers the wind to the shorn lamb." And Burke, the iron evolutionist, essentially answered, „No; God tempers the shorn lamb to the wind." It is the lamb that has to adapt himself. That is, he either dies or becomes a particular kind of lamb who likes standing in a draught. The subconscious popular instinct against Darwinism was not a mere offense at the grotesque notion of visiting one's grandfather in a cage

> in the Regent's Park. Men go in for drink, practical jokes and many other grotesque things; they do not much mind making beasts of themselves, and would not much mind having beasts made of their. The real instinct was much deeper and much more valuable. It was this: that when once one begins to think of man as a shifting and alterable thing, it is always easy for the strong and crafty to twist him into new shapes for all kinds of unnatural purposes. The popular instinct sees in such developments the possibility of backs bowed and hunch-backed for their burden, or limbs twisted for their task. It has a very well-grounded guess that whatever is done swiftly and systematically will mostly be done by a successful class and almost solely in their interests. It has therefore a vision of inhuman hybrids and half-human experiments much in the style of Mr. Wells's „Island of Dr. Moreau." The rich man may come to breeding a tribe of dwarfs to be his jockeys, and a tribe of giants to be his hall-porters. Grooms might be born bow-legged and tailors born cross-legged; perfumers might have long, large noses and a crouching attitude, like hounds of scent; and professional wine-tasters might have the horrible expression of one tasting wine stamped upon their faces as infants. Whatever wild image one employs it cannot keep pace with the panic of the human fancy, when once it supposes that the fixed type called man could be changed».

Однако, даже в этом случае человека не удастся изменить дальше, чем позволят границы силового поля материальной энергии. Все, чего можно добиться активацией в обществе поля Эгосистемы — это развития отношений Садомазохизма и утверждения на их основе власти Сатанов Верхней Эгозащиты, то есть Расы Господ и Влюбленной в них расы рабов Нижней Эгозащиты Милграм-Эго.

И действительно, как мы могли видеть, природа материальной энергии физического контроля Садомазохизма — это максимальное приспособление к материальному миру, доходящее до полного изживания всякой духовной природы человека, — то есть изживания законов силового поля Интеллекта и Совести в человеке. Нам важно подчеркнуть этот момент — границы изменения человека, чтобы показать, что даже изменения происходят согласно законам природы в человеке, и двигаются от законов здоровой энергии к законам энергии-паразита.

И поскольку энергия-паразит психики — это обычная материальная энергия, то она легко приспосабливается к давлению материальной силы на основе ее собственного физического контроля Садомазохизма.

Однако, совершенно иначе обстоит дело в случае с Духовной энергией поля Интеллекта в человеке, как мы имели случай убедиться. Эта энергия не имеет физического контроля и не способна к приспособлению к материальному миру. ЕЕ сфера обитания — Знания и Контроль Пространства-Времени Интеллекта. В человеке можно разрушить поле Интеллекта и заставить его деградировать подобно знакомым Газданова в идиота поля Эгосистемы материальной энергии. Но это будет только означать, что для нас потеряна в этом человека Энергия Духа, а не то, что мы «приспособили Энергию Духа к материальному миру». Делать так — значит выбрасывать в море Кладезь Сокровищ Самого Великого Богатства Космоса: Богатство Энергии Духа.

Энергия Духа имеет научный контроль в отличие от материальной, которая движется физическим контролем Садомазохизма. И Научный контроль означает, что Энергия Духа — Контролирует материальный мир, а не приспосабливается к нему. Энергия Духа имеет постоянную природу устойчивого равновесия, и этот факт сказывается в особом поведении людей Энергии Духа.

Подобно Рыцарям Вальтера Скотта — мужчинам и женщинам — Энергия Духа в человеке имеет объектом контроля свою природу — честь и совесть, которые отсутствуют у материальной энергии Расы Господ Сатан Эго.

Мы видели, что Раса Господ Сатан-Эго (то есть Верхняя Эгозащита Притяжения Самолюбия) являет собой полную противоположность Энергии Духа Рыцарей. Что природа Сатан-Эго — это Утроба Садомазохизма, которая охотится на честных и наивных людей и поглощает и разлагает их тонкую, творческую, продуктивную энергию в праздности и разврате Утробы Садомазохизма. Что именно поэтому энергия Сатан –Эго — это энергия лицемеров, предателей, подлецов, убийц, грабителей,

одним словом — энергия человеко-хищников, как говорил Св. Павел.

Вот почему столкновение между людьми Энергии Духа и Расой Господ Сатан-Эго всегда рождает мощную волну Ненависти в людях Энергии Духа, и запускает процесс Священной войны со Злом.

«Власть» Расы Господ Сатан-Эго — это власть насильников и дегенератов, давно потерявших свою человеческую, духовную природу. И напротив, Контроль истинной мощи человеческого рода — мощи здоровой Энергии Духа — это власть совести и справедливости, власть Церкви Дружбы Благородных людей, Власть — научного контроля в природе и Естественного Права Открытия Законов ПЭ в обществе.

Вот почему когда сталкиваются эти две претензии на Власть — Власть Расы Господ Сатанов материальной энергии и Власть Энергии Духа Естественного права и Церкви Дружбы, то возникает смертельное противостояние. Сталкивается Бог и Дьявол, ибо материальная энергия достигает пика своего могущества в лицемерии, коварстве, подлости и предательстве Сатан Эго Верхней Эгозащиты.

И если эти чудовища способны ввести в заблуждение простых людей, над которыми они с тайным смехом издеваются испокон веку, и предстать перед ними « магическими авторитетами» «Отцов нации», то им никогда не удавалось обмануть людей здоровой и развитой Энергии Духа. И тогда между ними начиналась страшная война ни на жизнь, а на смерть.

Именно об этом «гневе», рожденным «бунтом природы человека», «бунтом защитников духа» пишет А. Камю в «Письмах к немецкому другу», в «Бунтующем человеке». Он пишет, что на опыте убедился, что все софистика об относительности разума и законов природы была опровергнута его опытом, когда в ответ на агрессию Гитлеровской Расы Господ, они с товарищами почувствовали Бунт своей человеческой природы, Бунт своего Духа и вступили в войну, полные Гнева этого Духа. И значит, заключает Камю, есть природы человека, и есть Энергия Духа в человеке.

Это те самые «честь и совесть», которые никогда не приспосабливаются под давление материального мира, но защищают свою природу, о которых пишет Вальтер Скотт в своих исторических романах. И Именно защита чести и совести духовной природы человека рождает в человеке мощную волну ненависти ко злу Сатан-Эго Расы Господ, являясь Энергией Священной Войны со Злом, составляющей существо Мировой Истории.

Об этом гневе, об этой ненависти и говорят Камю и Газданов в приведенном ниже отрывке из моей книги о творчестве Газданова:

> «С другой стороны, и Камю и Газданов, как мы видели настаивают на том, что человек, бунтующий в соприкосновении с абсурдом материального мира, чтобы сохранить «форму» своей интеллектуальной и нравственной природы — это всегда сообщество людей духовной энергии, ибо энергия духа человечества — это единое целое. Другими словами, и Газданов и Камю продолжают в этом смысле христианскую философию Церкви Дружбы Града Божьего Августина.
> А. Камю, «Письма к немецкому другу»:
> «Вспомните. На мое удивление внезапной вспышкой гнева одного из ваших начальников вы откликнулись так: „Но это тоже очень хо рошо. Просто вы не понимаете. Французы лишены этой добродете ли — способности гневаться". Нет, это не так, просто французы не любят щеголять своими добродетелями. Они вспоминают о них лишь в случае крайней необходимости. И это свойство придает на шему гневу ту силу молчания, которую вы начинаете чувствовать лишь сейчас. Именно с таким гневом в душе — единственным, какой мне ведом, — я буду напоследок говорить с вами. Мы же, нарекшие себя защитниками духа, знаем при этом, что дух может погибнуть, когда сила, обрушившаяся на него, достаточно велика. Но мы веруем в иную силу. Вы воображаете, что в этих немых уже отрешившихся от земного лицах вы сможете обезобра зить лицо нашей правды. Но вы не принимаете в расчет упорство, которое заставляет Францию бороться не торопясь. В самые тяже лые минуты нас поддерживает эта приводящая в отчаяние надеж да: наши товарищи окажутся терпеливее своих палачей и много численнее, чем их пули. И вы убедитесь: французы способны на гнев. Декабрь 1943»
> Газданов, «На Французской земле»:
> «В очень многих случаях эти люди были воодушевлены той самой „жаждой мести", которая со времен наивно-романтической литера туры изветшала, износилась и стала звучать как шаблон, вызывав

ший снисходительную улыбку. Мы знали, однако, что в этих словах было заключено некогда страшное содержание, которое медленно умирало и в последнее время почти перестало существовать или, во всяком случае, выродилось. И вот теперь, во время этой войны, эти слова вновь налились кровью»

…И, конечно, более беспощадных и опасных врагов, награжденных, вдобавок, нечеловеческой выносливостью, звериным терпением, хитростью и пониманием партизанской обстановки, германская ар мия не могла себе представить. Если бы немцы умели читать в чело веческих взглядах, то в глазах этих людей они давно бы прочли свой смертный приговор. Но они печатали вздорные сообщения о «коммунистических бандах», и когда спохватились, было слишком поздно

.Он сидел против меня в мирной парижской квартире; на нем бы ли открытая рубашка и серый летний пиджак. Иногда он оборачи вался по сторонам и смотрел вокруг своими мягкими карими глаза ми. В нем не было ничего ни воинственного, ни героического. В этом смысле именно теперь он был похож на двух своих товарищей по партизанской войне — на капитана Пьера и на Алексея Петрови ча. Они втроем представляли бы из себя совершенно идиллическое соединение, бесконечно удаленное от всякого представления о войне. Если бы другие люди были похожи на них, то мир, надо ду мать, никогда бы не нарушался. Они были благожелательны, мягки и уступчивы. Эту категорию людей национал-социалисты презирали: их мягкость они считали бы признаком слабости, их уступчивость — признаком трусости. Более грубой ошибки нельзя было совершить, потому что события показали, что ни один из них не боялся ни рис ка, ни ответственности, ни смерти и ни один из них не уклонился бы от борьбы самой страшной, самой неравной, самой безнадежной. И в нужную минуту эти идеалисты оказались рядом с советскими партизанами во время последней схватки на французской земле. Победа над ними значила бы, что побеждены последние остатки свободы, разума и культуры; и она оказалась так же невозможна, так же неосуществима, как и иллюзия тех малограмотных преступни ков, которые правили Германией, — по поводу всеобщего торжества национал-социализма

….Партизан нельзя сравнивать с регулярными войсками. Они про-шли

через медленную смерть германского плена, через все невообрази мые человеческие унижения; громадное большинство людей может понять это только отдаленно-теоретически. Они были обречены — и вот, в силу необыкновенной случайности, они спаслись от немину

емой гибели, и в их руках появилось оружие. Они сражались за свою родину в чудовищно неравном бою; и если бы они были со вершенно неумолимы, я думаю, никто не имел бы права упрекнуть их в этом.

.....Много лет тому назад в России один офицер убил другого шестью выстрелами из револьвера (это было во время гражданской войны). Когда председатель суда спросил его, почему он это сделал, он отве тил: — Этот человек и двое его товарищей ворвались в мой дом, свя зали меня, застрелили на моих глазах мою мать, и он изнасиловал при мне сначала мою сестру, потом мою жену в присутствии моего шестилетнего сына. Мне было бы стыдно смотреть вам в глаза, ес ли бы я не убил его. И я хотел вас спросить: могли бы вы на моем месте поступить иначе?

Его присудили к условному наказанию — и через полчаса он был свободен.

Сколько тысяч таких историй могли бы рассказать советские парти заны? Они гибли в немецких лагерях от голода и побоев, они умира ли в тюрьмах гестапо, все усилия немецкого народа были направле ны к тому, чтобы их уничтожить. Но эту силу победить было нельзя. Ни танки, ни гранаты, ни бомбы, ни голод, ни плен не могли сломить этих людей. Они возникали всюду как страшное напоминание о смерти, и вот, во тьме европейских ночей, раздались их выстрелы, загремели сходящие с рельсов поезда, взлетели на воздух мосты и там, где они проходили, оставались немецкие трупы.

....За тысячи верст от своей родины, в чужой стране они продолжали борьбу. Они продолжали бы ее на Аляске или на Огненной Земле, в Клондайке или в Тибете до тех пор, пока жизнь не покинула бы их. Это было крайнее выражение того справедливого гнева, который сильнее, чем любые стратегические сопоставления, численность ар мий и вооружения, предопределил поражение Германии.

Не все советские пленные, конечно, стали партизанами; только луч шие из них. Они сохранили до конца свою дисциплину, и это не мог ло быть иначе, потому что всякое нарушение этой дисциплины, как всякий неправильно рассчитанный шаг, грозило им смертельной опасностью. Их идеи и их интересы — одновременно — диктовали им примерное поведение по отношению к населению, так как без его поддержки партизанская война была бы невозможна. Кроме то го, они воевали за общее дело, против общего врага, подвергаясь тому же риску, что и французы, и отсюда возникла та их связь с Resistance и населением, которая прочнее любых других человече ских отношений. Об этом знают все, для кого «боевой товарищ» не есть только теоретическое представление, а личный опыт, кото

рый ничем нельзя заменить.

….Я думаю, что до сих пор в истории бесчисленных войн, которые вело

человечество, не было такого убедительного примера какой-то апри орной непобедимости, как тот, что мы могли наблюдать здесь,

во Франции, и который выразился в существовании советского пар тизанского движения на этой иностранной территории. Упорную си лу его не могли задержать ни тысячи километров, отделявшие его

от тех мест, где оно возникло, ни годы жестокого плена, ни кажущая ся на первый взгляд бесспорной материальная невозможность борь бы. И вот, на какой-то короткий период, над этими людьми оказа лись бессильны пространство, и время, и неотступная, ежедневная угроза смерти

….Они бежали отовсюду — из Голландии, из Бельгии, из Эльзаса,

с севера Франции, с юга, из центральных департаментов. Конечно, было бы ошибочно думать, что все советские пленные до одного

действовали так. Это был отбор. Среди множества пленных не могло, конечно, не быть провокаторов, шпионов, негодяев и просто слабых людей, не выдержавших страшного испытания войной. Таких немцы старались использовать. Это была тоже одна из характерных черт

последних лет европейской истории: Германия в этой войне, вне

своих границ, могла рассчитывать только на поддержку предателей. В силу исторического парадокса, ее ставка была сделана именно

на ту европейскую «гниль», против которой, якобы, была направлена вся борьба национал-социализма. Ставки всегда бывают либо выиг рышными, либо проигрышными. Но, кажется, до сих пор ни одна

из них не стоила так дорого.

….Нельзя забыть эти последние годы немецкой оккупации во Фран ции, эту внешнюю монументальную несокрушимость немецкого во енно-гражданского аппарата, этих часовых, этих офицеров, эти гру зовики, эту, на первый взгляд, безупречную организацию. И вместе с тем, мы знали, что со всех сторон на немцев направлены миллио ны враждебных взглядов, и вся эта мнимая несокрушимость может рухнуть в несколько дней, и опять повторится то, что уже было много раз в истории, когда великолепные армии превращались, как

по волшебству, в жалкий сброд пленных и оборванцев. Так это

и произошло, но зрелище, которого мы были свидетелями, стоило слишком много человеческих жизней»

2. НЕНАВИСТЬ К САТАНАМ В РОМАНЕ В. СКОТТА «РОБ РОЙ»

Рыцари Вальтера Скотта — свободные люди научного контроля, — которые не признают никакого внешнего давления, но только доводы разума, совести и справедливости, единый закон для всех.

И если вдруг во главе страны становится Раса Господ Сатан –Эго с их Утробой Садомазохизма, которая не признает никаких доводов разума, совести и справедливости, а только коварство, ложь и грубое насилие, — рыцари Скотта уходят бастовать, уходят в мятежники и разбойники до тех пор, пока справедливая власть закона не будет восстановлена.

Такова история разбойника Робин Гуда в «Айвенго», такова история разбойника Роб Роя в одноименном романе, такова история Генри Мортона в «Пуританах».

Ненависть этих людей к беззаконной власти Сатанов Расы Господ не знает границ.

В. Скотт, «Роб Рой»:

> « — Но они узнают, — сказал он, и в его глухом, но глубоком голосе звучала подавленная страсть, — они узнают, что имя, поставленное ими под запрет, имя Мак-Грегор, действительно таит в себе заклятье и может вызвать самого лютого дьявола... Они услышат о моей мести — все те, кто с усмешкой слушал рассказ о моих обидах... Жалкий шотландский скотовод, банкрот, босоногий бродяга, лишенный всего своего достояния, обесчещенный и гонимый, потому что жадность людская зарилась на большее, чем могло дать это скудное достояние, — он встанет перед ними страшным оборотнем. Кто глумился над земляным червем, кто давил его пятой — тот завопит и взвоет, когда увидит над собой крылатого дракона с огненною пастью. Но к чему я это говорю? — сказал он более спокойным тоном, усаживаясь вновь. — Вы, впрочем, понимаете, мистер Осбалдистон: трудно не выйти из себя, когда вчерашние друзья и соседи травят тебя, как выдру, как тюленя, как лосося на мели; когда на тебя занесено столько клинков, столько наведено дул, как было сегодня у брода на Эйвон Ду».

В. Скотт, «Роб Рой»:

> «Невозможно описать, с каким презрением, гадливостью, омерзением жена Мак-Грегора глядела на несчастного, который молил о жалком благе — существовании.
> — Я позволила бы тебе жить, — сказала она, — если бы жизнь была для тебя таким же тяжелым, изнурительным бременем, как для меня, как для каждой благородной и высокой души. Но ты, жалкий червь, ты ползал бы в этом мире, нечувствительный к его мерзостям, к его неизбывным бедствиям, к постоянному росту преступлений и горя; ты способен жить и наслаждаться в то время, как благородные гибнут из-за предательства, а злодеи без роду и племени наступают пятой на шею храбрым и родовитым; ты способен объедаться, как собака мясника на бойне, жирея на требухе, когда вокруг уничтожают потомков древнейших и лучших родов! Нет, я не дам тебе жить и наслаждаться такими радостями! Ты умрешь, подлая собака, прежде, чем вон то облако пройдет по солнцу».

Таким примером, удачливого Сатан-Эго, процветающего на предательстве, на паутине лжи, заманивающей в Утробу Садомазохизма поля Эгосистемы самую благородную Энергию Духа здоровых людей, мужчин и женщин, в «Роб Ройе» изображен некий Решли, двоюродный брат главного героя Френка Осбалдистона. Решли, которого Осбалдистон именует Дьяволом, успевает втереться в доверие и обмануть и отца Осбалдистона, главу компании, которую он разоряет, и Роб Роя, и прекрасного женщину –рыцаря Диану, возлюбленную Осбалдистона. Вальтер Скотт всегда подчеркивает в Сатанах — это полное отсутствие духовной природы, которая делала бы их устойчивыми в чести и совести. Нет напротив, Утроба Садомазохизма материальной энергии с ее циклически гомеостазом неисчерпаемо прогибается в приспособлении к материальному в мире в лицемерии, коварстве и предательстве.

В. Скотт, «Роб Рой»:

> «Я был ошеломлен. Диана поставила вопрос с резкой прямотой, как мог бы обратиться джентльмен к джентльмену, добродушно, но решительно требуя объяснений некоторым сторонам его поведения и отбросив те недомолвки, околичности, смягчения, иносказания, какими в высших кругах общества сопровождаются обычно объяснения между лицами разного пола.

— Я не терплю увиливания и не склонна шутить в таком деле. Рэшли не может, не должен, не смеет вести обо мне, Диане Вернон, такие речи, которые нельзя мне передать, когда я того прошу.

Она встала с вдохновенным видом Камиллы, готовой ринуться в битву:

— Отговорки, сэр, вам не помогут: я должна получить от вас иной ответ.

Ее лицо вспыхнуло, в глазах загорелся дикий огонь, когда она заговорила вновь:

— Я требую такого объяснения, какого гнусно оклеветанная женщина вправе спросить у каждого мужчины, именующего себя джентльменом,

С минуту она молчала, а затем продолжала с обычным для нее спокойствием:

— Я очень мало услышала от вас такого, чего не ждала услышать и не должна была бы ждать, потому что, за исключением одного обстоятельства, это все верно. Но как бывают яды настолько сильные, что несколько капель их могут будто бы отравить колодец, так и в сообщениях Рэшли была одна ложь, способная отравить весь источник, где, как говорится, обитает сама Истина. Такова основная и гнусная ложь, будто я, зная Рэшли — а я, к сожалению, вынуждена была его узнать слишком хорошо, — будто я при каких бы то ни было обстоятельствах могу помышлять о том, чтобы соединить с ним свою судьбу. Нет, — продолжала она с каким-то внутренним содроганием, выражавшим, казалось, невольный ужас, — любая судьба лучше, чем такая: пьяница, игрок, задира, лошадник, безмозглый дурак в тысячу раз предпочтительней Рэшли; монастырь, тюрьма, могила милее любого из них.

Грустные и горькие интонации звучали в ее голосе, отвечая странному и захватывающему романтизму ее положения. Такая юная, такая красивая, такая неискушенная, предоставленная всецело самой себе и лишенная всякой опоры, какую девушка находит в поддержке и покровительстве подруг, лишенная даже той слабой защиты, которую дают предписанные формы обращения с женщиной в светском обществе! Едва ли будет метафорой, если я скажу, что сердце мое обливалось кровью от боли за нее. Но в ее пренебрежении к церемониям чувствовалось столько достоинства, столько прямоты в ее презрении ко лжи, столько твердой решимости в этой манере прямо смотреть в глаза окружающим ее опасностям, что жалость моя уступила место пламенному восхищению. Диана казалась мне королевой, покинутой своими подданными и лишенной власти, но презирающей по-прежнему те общественные нормы, которые обязательны

для лиц низшего ранга, и среди лишений доверчиво положившейся на справедливость небесную и на непоколебимую твердость собственного духа.

Я хотел бы высказать и участие свое и восхищение ее высоким мужеством в этой трудной обстановке, но мисс Вернон тотчас же заставила меня замолчать.

— Я говорила вам в шутку, — сказала она, — что ненавижу комплименты, теперь говорю вам всерьез, что не прошу участия и презираю утешение. Что легло мне на плечи — я вынесла. Что предстоит нести — снесу, как смогу. Никакие слова сострадания ни на волос не облегчат рабу его ношу. Есть на свете лишь один человек, который мог бы мне помочь, но он предпочел лишь увеличить легшую на меня тяжесть,

— это Рэшли Осбалдистон. Да! Было время, когда я способна была его полюбить. Но Боже, с какою целью втерся он в доверие к такому одинокому существу! И как настойчиво преследовал он эту цель из года в год, ни разу не прислушавшись к голосу совести или сострадания! Ради чего обращал он в яд ту пищу, что сам предлагал моему уму! Милосердное провидение! Что ждало бы меня в этом мире и в будущем! Я погибла бы и телом и душой, если бы поддалась козням этого законченного негодяя!

Пораженный коварством обдуманного предательства, которое она раскрыла предо мною, я вскочил со стула и не помня себя положил руку на эфес шпаги.

Я чувствовал, что мне необходимо прогуляться в одиночестве и успокоиться, прежде чем я смогу решиться на новую встречу с Рэшли, — после того, как предо мною так неожиданно раскрылись во всей мерзости его низкие цели. В семье Дюбуа (он был убежденным реформатором) я наслушался рассказов о католических священниках, о том, как они, злоупотребляя дружбой, гостеприимством и самыми святыми узами, удовлетворяют те греховные страсти, отказ от которых предписан их саном. Но эта обдуманная система: взяться за воспитание одинокой сироты, девушки благородного происхождения, так тесно связанной с его собственной семьей, в коварном расчете обольстить ее впоследствии, — система, которую мне сейчас подробно изложила с таким искренним и чистым возмущением сама намеченная жертва... Замысел этот казался мне гнуснее всего, что мне рассказывали в Бордо, и я чувствовал, что мне будет крайне трудно при встрече с Рэшли скрыть отвращение, которое он мне внушал.

Когда Рэшли подошел к мисс Вернон и обратился к ней с прощальным приветствием, она откинула голову с видом высокомерного презрения, но все же протянула руку и промолвила:

— Прощайте, Рэшли! Да вознаградит вас Бог за добро, какое вы сделали, и да простит вам зло, которое вы замышляли.
— Аминь, моя прелестная кузина! — ответил Рэшли тоном кроткой святости, подобающим, подумал я, ученику иезуитов. — Счастлив тот, чьи добрые намерения принесли плоды в делах и чьи злые замыслы погибли в цвету.
Таковы были его прощальные слова.
— Законченный лицемер! — сказала мне мисс Вернон, когда за ним затворилась дверь. — Как может иногда то, что мы больше всего презираем и ненавидим, принять внешний вид того, что мы больше всего почитаем!»

.....

«Я был немало удивлен, узнав в одном из его спутников того самого Морриса, по чьей милости мне пришлось предстать пред судьей Инглвудом, а в другом — мистера Мак-Витти, купца, который своим чопорным и суровым видом оттолкнул меня накануне.
Едва ли можно было бы нарочно создать союз, более опасный как лично для меня, так и для моего отца. Я вспомнил ложное обвинение Морриса, которое тот так же легко мог возобновить, как раньше со страху легко от него отказался; я вспомнил, как сильно мог Мак-Витти подорвать дело моего отца, — и уже подорвал, засадив Оуэна в тюрьму. И вот я увидел их обоих в обществе третьего — того, кто своим даром сеять раздор не многим уступал в моих глазах великому зачинателю всякого зла и вызывал во мне отвращение, граничившее с ужасом.
— Удачная встреча, сэр, — обратился я к нему. — Я думал отправиться в длинное и рискованное путешествие, чтобы вас разыскать.
— Плохо же вы знаете того, кого искали, — возразил Рэшли с обычным своим невозмутимым спокойствием. — Меня всегда легко находят мои друзья и еще легче — враги. Ваш тон принуждает меня спросить, к какому разряду я должен отнести мистера Фрэнсиса Осбалдистона.
— К разряду врагов, сэр, — был мой ответ, — смертельных врагов — если вы сейчас же не загладите свою вину перед вашим благодетелем, моим отцом, и не дадите отчета, как распорядились вы его имуществом.
— Кому же, мистер Осбалдистон, — ответил Рэшли, — я, представитель и пайщик торгового дома вашего отца, должен, по-вашему, дать отчет в своих действиях, направленных к целям, совпадающим во всем с моими личными целями? Уж наверное, не молодому джентльмену, которому при его вкусе к изящной словесности подобная беседа показалась бы скучной и невразумительной.

— Ваша насмешка, сэр, не ответ. Я от вас не отступлюсь, пока не получу полного разъяснения относительно ваших бесчестных замыслов: вы пойдете со мной в суд.

— Да будет так, — сказал Рэшли и сделал два-три шага, как бы сопровождая меня, но остановился и добавил: — Если бы я уступил вашему желанию, вы скоро почувствовали бы, у кого из нас больше причин бояться суда. Но я не хочу ускорять вашу гибель. Ступайте, юноша! Ищите забавы в мире поэтических фантазий и предоставьте будничные дела тем, кто знает в них толк и умеет их вести».

.....

«Я взял на подозрение вашего двоюродного брата Рэшли Осбалдистона с того самого часа, как он понял, что ему не получить в жены мисс Ди Вернон; и, я думаю, он по этой причине затаил злобу на его превосходительство. Потом вышел еще спор из-за ваших бумаг; а сейчас мы получили прямые доказательства, что, как только его принудили их вернуть, он поскакал в Стерлинг и донес правительству обо всем, что делалось втихомолку среди горцев, да еще прибавил то, чего и не было; потому, конечно, и был разослан по области приказ об аресте его превосходительства с молодою леди и устроена была неожиданно облава на меня. Я нисколько не сомневаюсь, что Рэшли, сговорившись с каким-нибудь сквайром из Низины, подбил злосчастного Морриса (он же вертел им как хотел) заманить меня в ловушку. Но был бы Рэшли Осбалдистон даже последним и лучшим в своем роду — пусть сам сатана перережет мне горло обнаженным палашом, если, встретившись с Рэшли лицом к лицу, мы разойдемся прежде, чем мой кинжал испробует его горячей крови!

Он произнес свою угрозу, зловеще сдвинув брови и положив для большей убедительности руку на кинжал».

В. Скотт, «Роб Рой»:

« — Заяц улизнул, — сказал этот мерзавец, — но след еще не простыл — ищейки схватят его за задние ноги.

Донесшийся из сада стон возвестил, что его предсказание оправдалось. Через пять минут в библиотеку вошел Рэшли с двумя пленниками — сэром Фредериком Верноном и его дочерью.

— Лисица, — сказал он, — вспомнила свою старую нору, но не подумала, что предусмотрительный ловец может ее заложить. Я не забыл садовую калитку, сэр Фредерик, или — если этот титул больше вам по вкусу — благороднейший лорд Бьючемп.

— Рэшли, — сказал сэр Фредерик, — ты гнусный негодяй!

— Я больше заслуживал этого названия, сэр баронет — или милорд, — когда под руководством опытного наставника стремился

разжечь гражданскую войну в сердце мирной страны. Но я сделал все, что было в моих силах, — сказал он, возведя глаза к потолку, — во искупление моих ошибок.

Больше я не мог сдерживаться. Я хотел молча наблюдать их встречу, но тут почувствовал, что должен заговорить или умереть.

— Если есть в преисподней рожа, — проговорил я, — отвратительней всех других, то это рожа подлости под маской благородства.

— А-а! Мой любезный кузен! — сказал Рэшли, подойдя ко мне со свечой и оглядывая меня с головы до ног. — Добро пожаловать в Осбалдистон-холл! Извиняю вашу желчную злобу — тяжело в одну ночь потерять родовое поместье и любовницу: ибо мы пришли вступить во владение этим бедным домом от имени законного наследника, сэра Рэшли Осбалдистона.

....

Рэшли между тем сошел с коня и пеший схватился в отчаянном поединке с вожаком разбойников.

Я наблюдал за поединком из окна кареты.

Рэшли наконец упал.

— Согласен ты просить помилования во имя Бога, короля Иакова и старой дружбы? — произнес голос, отлично мне знакомый.

— Никогда! — твердо ответил Рэшли.

— Тогда умри, изменник! — сказал Мак-Грегор и пронзил палашом простертого у его ног противника.

Еще секунда, и он уже был у дверей кареты, протянул руку мисс Вернон, помог сойти ее отцу и мне и, вытащив за шиворот судейского секретаря, швырнул его под колеса.

— Мистер Осбалдистон, — сказал он шепотом, — вам-то ничего не угрожает; я должен позаботиться о тех, кому помощь моя нужнее. Ваши друзья скоро будут в безопасности. Прощайте и помните Мак-Грегора.

Он свистнул, его шайка собралась вокруг него, и, умчав с собою Диану и ее отца, они почти мгновенно скрылись в гуще леса.

.....Время от времени, однако, до меня доходили известия, что он по-прежнему крепко держится в горах Лох-Ломонда, наперекор всем могущественным врагам, и даже добился до известной степени признания правительства, как «покровитель Леннокса», который в силу этой должности, самовольно принятой им на себя, собирает «черную дань» аккуратней, чем иной помещик арендную плату. Невозможным казалось, что жизнь его не завершится насильственной смертью. Тем не менее он мирно скончался в преклонном возрасте, в 1733 году; и до сих пор в его родной стране живет память о нем, как о шотландском Робин Гуде — грозе богатых, друге бедняков,

> одаренном такими качествами и ума и сердца, которые служили бы украшением человеку и не столь двусмысленного ремесла, как то, на какое обрекла Роб Роя судьба».

3. НЕНАВИСТЬ К САТАНАМ РАСЫ ГОСПОД В РОМАНЕ В. СКОТТА «ПУРИТАНЕ»

Главный герой романа «Пуритане» — замечательная личность. Это конечно «скоттовский характер» — свободный человек чести и совести, которого невозможно принудить сделать что-нибудь против этой своей духовной природы. И который поэтому как все рыцари Энергии Духа всем сердцем ненавидит Сатанов, и посвящает свою жизнь войне с ними.

Генри Мортон после незаконного ареста уходит в горы к мятежникам и становится одним из командиров мятежных пуритан.

В. Скотт, «Пуритане»:

> «Но города, деревни, фермы и хозяйства мелких крестьян послали к пресвитерианам сильное пополнение. Эти люди больше всего страдали от притеснений, чинимых правительством. Они были оскорблены, раздражены и доведены до отчаяния всякого рода насилиями и жестокостями. Их взгляды и на цель этого страшного восстания, и на средства достижения этой цели никоим образом не совпадали, но все же большинство видело в нем как бы двери, отверстые провидением, чтобы добиться давно уже отнятой у них свободы исповедания и сбросить с себя тиранию, давящую одновременно и тело и душу. Вот почему множество этих людей взялось за оружие и, выражаясь языком их времени и их партии, решилось связать свою собственную судьбу с судьбой победителей при Лоудон-хилле.
>
> ...Письмо майору Беллендену было от Генри Мортона. Он писал следующее:
>
> «Боюсь, мой уважаемый друг, что сделанный мною шаг, кроме многих других печальных последствий, вызовет ваше безоговорочное и суровое осуждение. Но я принял свое решение честно и искренне и с полного одобрения моей совести. Я не могу дольше терпеть, чтобы мои права и права моих ближних попирались самым бесстыдным образом, чтобы на каждом шагу нарушали нашу свободу, чтобы нашу кровь проливали рекой безо всякого законного основания и су-

> дебного разбирательства. Само провидение через насилия угнетателей указало путь к нашему освобождению от этой невыносимой тирании, и я не могу считать достойным имени и прав свободного человека того, кто, думая так же, как я, не отдаст своего оружия в защиту нашей страны. Пусть господь бог, ведающий мое сердце, будет моим свидетелем: я не разделяю ни ненависти, ни злобы, ни других безудержных страстей, одолевающих угнетенных и исстрадавшихся мучеников, совместно с которыми я теперь действую. Мое самое пылкое и искреннее желание состоит в том, чтобы это противоестественное побоище было возможно скорее пресечено благодаря совместным усилиям всего доброго, мудрого и умеренного, что только не наличествует в обеих партиях, и чтобы наступил мир, который, не ущемляя законных оговоренных конституцией прав короля, мог бы обеспечить действие справедливых законов вместо царящего ныне произвола военных властей, предоставил каждому право общаться с богом в согласии с собственной совестью, а правительство угасило наконец фанатический энтузиазм этих людей посредством разумного и мягкого управления, вместо того чтобы доводить их до неистовства преследованиями и нетерпимостью».

Однако, Генри Мортон — образованный человек, мечта которого жить в государстве Верховенства Закона и равенства всех перед законом Конституции. Однако, он понимает что нормативное право государства берет свои истоки в Естественном праве духовной природы людей, в совести и справедливости, в Священных Писаниях, и соглашается с Пуританами в том, что именно Естественное право должно быть в основе государственного закона для всех.

Однако, будучи образованным человеком, он не может не видеть, что и Естественное Право Пуритан, взятое из догматического богословия часто превратно искажается их фанатизмом, с которым он не может согласится также как с беззаконием и произволом коррумпированных чиновников.

Генри Мортон, таким образом ищет Третьего пути: он ищет Естественного Права Научного контроля, Открытия законов психической энергии человека, которому еще только предстоит прийти.

В. Скотт, «Пуритане»:

«Прочтя эти строки, Мортон не мог не проникнуться сочувствием к участи этого странного, раздавленного судьбой человека, который, дойдя до последней ступени падения и даже позора, постоянно думал о высоком положении, предназначенном ему его рождением, и, погрязнув в разврате, втайне, с горьким раскаянием, вспоминал дни своей юности, когда он переживал чистую, хоть и несчастную страсть.

«Увы! — подумал Мортон. — Что мы такое, если наши лучшие и наиболее похвальные чувства могут быть до такой степени унижены, извращены, если достойная уважения гордость может превратиться в высокомерное и дерзкое пренебрежение общественным мнением, если страдания несчастной любви живут в той же душе, которую избрали своей твердыней развращенность, мстительность, алчность. И всюду одно и то же: у одного широта взглядов переходит в холодное и бесчувственное безразличие, у другого религиозное рвение превращается в исступленный и дикий фанатизм. Наши решения, наши страсти подобны морским волнам, и без помощи того, кто вложил в нас жизнь, мы не можем сказать: „До сих пор, но не дальше“»

Однако Мортон всецело на стороне той религиозной революции, что свергла с престола абсолютную монархию Карла Стюарта, поскольку он всей душой за власть Естественного права, справедливого закона для всех, и старается вновь найти этот закон в рядах мятежников, пылающих праведным гневом против Сатанов, узурпировавших народную власть.

В. Скотт, «Пуритане»:

« — Неужели вы можете сомневаться в справедливости наших целей? — ответил на это Берли. — Ведь мы боремся за реформу церкви и государства, за восстановление поруганного святилища, за возвращение рассеянных по всему миру святых страстотерпцев и низложение мужа греха.

— Скажу вам со всей откровенностью, мистер Белфур, — отозвался Мортон, — что этот язык, который, как я вижу, так сильно действует на других, для меня нисколько не убедителен. Надо, чтобы вы были об этом осведомлены заранее. (Тут молодой проповедник тяжко вздохнул.) Мои слова вам, сударь, не по душе, но это, может быть, оттого, что вы не выслушали меня до конца. Я уважаю Писание не менее глубоко, чем вы или любой другой христианин. Я взираю на книги Завета со смиренной надеждой извлечь из них правила поведения и закон, следуя которому я мог бы спасти свою душу. Но я

хочу отыскать его, поняв общий смысл Писания, дух, которым оно проникнуто, а не выхватывая оттуда отдельные места пли прилагая цитаты из Библии к обстоятельствам и событиям, нередко имеющим к ним весьма отдаленное отношение.

Молодой проповедник, казалось, был возмущен и потрясен до глубины души этим заявлением Мортона и собирался, видимо, ответить ему страстной отповедью.

— Помолчи, Эфраим! — сказал Берли. — Помни, что он еще младенец в пеленках. Слушай меня, Генри Мортон. Я буду говорить с тобой на мирском языке, пользоваться доводами бренного разума, который все еще продолжает оставаться твоим слепым и несовершенным руководителем. Ради чего готов ты обнажить меч? Не ради того ли, чтобы церковь и государство были преобразованы в соответствии со свободно выраженною волей независимого парламента, чтобы были изданы такие законы, которые раз и навсегда пресекли бы для исполнительной власти возможность проливать кровь, пытать и бросать в тюрьмы инакомыслящих, отнимать их имущество, надругаться над человеческой совестью по своему нечестивому произволу?

— Безусловно, — ответил Мортон, — я считаю эти насилия достаточным основанием для войны и буду бороться с ними, пока моя рука способна держать шпагу.

— Послушайте... — вмешался Мак-Брайер, — вы подходите к этому делу с непостижимой бесстрастностью. Но моя совесть не позволяет мне прикрашивать и замазывать злодеяния, вопиющие о возмездии гнева господня...

— Успокойся, Эфраим Мак-Брайер! — прервал его Берли.

— Не успокоюсь, — упрямо заявил молодой человек. — Разве дело, на которое я послан господом, не его дело? Разве не кощунство, не эрастианское посягательство на его права, не присвоение его власти, не унижение его имени — ставить короля или парламент на его место, допускать, чтобы они, как хозяева, распоряжались домом его и прелюбодействовали с женою его?»

В. Скотт, «Пуритане»:

«Исполненный ужаса и отвращения ко всему, что он видел и слышал, Мортон поспешно протиснулся к выходу и покинул хижину. За ним последовал Берли, который не спускал с него глаз и заметил его волнение.

— Куда вы? — спросил он, беря Мортона под руку.

— Куда угодно — мне безразлично куда, но здесь я оставаться дольше не стану.

— Скоро же ты устал, юноша! — сказал Берли. — Твоя рука не успела еще взяться за плуг, а ты готов уже оставить его? Так-то привержен ты делу отца?

— Ни одно дело, — негодуя, ответил Мортон, — ни одно дело при таком руководстве не может увенчаться успехом; одни одобряют кровожадный бред сумасшедшего, вождь других — старый педант, глава третьих... — Он остановился, и его спутник закончил оборванную им мысль:

— Гнусный убийца, хотел ты сказать, вроде Джона Белфура Берли? Я могу снести это ложное истолкование моих действий, не испытывая ни обиды, ни злобы против тебя. Ты не можешь понять, что в эти дни гнева и ярости не трезвым и не спокойно-рассудительным дано свершить суд и добиться освобождения. Если б ты видел парламентские армии тысяча шестьсот сорокового года, ряды которых были полны сектантов и всевозможных энтузиастов, еще более ревностных и неистовых, чем мюнстерские анабаптисты, вот тогда тебе было бы чему удивляться; и все же эти люди на поле сражения были непобедимы и руки их сотворили поразительные дела, доставившие свободу их родине.

— Но их действиями, — ответил на это Мортон, — мудро руководили, а их неудержимое религиозное рвение находило для себя выход в молитвах и проповедях, не внося разлада в управление армией и жестокости — в их поведение. Я часто слышал об этом от отца и должен сказать, что больше всего его удивляло резкое противоречие между их религиозными догматами и мудрой умеренностью, с какою они вели военные действия и управляли страной. А в нашем совете, на мой взгляд, — сплошной хаос!

— Разумеется, я был бы рад способствовать смягчению ужасов гражданской войны, — сказал Мортон, — и я не покину принятого мною поста, разве только если увижу, что творятся дела, несогласные с моей совестью. Но кровавые побоища после того, как враг запросил пощады, или расправы без следствия и суда никогда не встретят с моей стороны ни поддержки, ни одобрения, и вы можете быть уверены, что я воспротивлюсь им словом и делом, твердо и решительно, будут ли в них повинны наши сторонники или наши враги.

Белфур нетерпеливо махнул рукой.

— Ты скоро убедишься воочию, — сказал он, — что упрямое и жестокосердное племя, с которым нам приходится иметь дело, должно быть наказано скорпионами, прежде чем сердца их смирятся и они примут кару за свои беззакония. Это о них сказано в Священном писании: «Я воздвигну меч против тебя, и меч сей отмстит за поругание завета моего».

Ненависть мятежников к Сатанам во власти так сильна, что они отважно идут на мученичество как благородные рыцари Священной войны со злом:

В. Скотт, «Пуритане»:

> « — Известно ли вам, кто это? — спросил Лодердейл тихим, глухим голосом, перешедшем под конец фразы в шепот.
> — Полагаю, — ответил Мак-Брайер, — что это гнусный исполнитель ваших кровожадных приговоров над страдальцами божьими. Я одинаково презираю и вас и его и благодарю господа, что мне так же мало страшны мучения, которые этот человек может мне причинить, как приговор, который вы можете мне вынести. Кровь и плоть мои могут содрогаться под тяжестью мук, на которые в вашей власти меня обречь, мое хрупкое естество может проливать слезы и испускать крики, но душа моя прочно утверждена на скале вечности.
> — Выполняй свое дело, — приказал палачу герцог.
> Палач подошел; он спросил хриплым, отвратительным голосом, какую ногу преступника он должен зажать первою.
> — Пусть сам выбирает, — ответил герцог, — я готов пойти на любое благоразумное его решение.
> — Поскольку решение предоставляется мне, — заявил узник, вытягивая вперед правую ногу, — берите лучшую: я охотно жертвую ею делу, за которое принимаю страдания»

В. Скотт, «Пуритане»:

> «Блажен, кто обменяет в день сей дом свой на боевой шлем, кто продаст одежды свои, чтобы приобрести меч, кто разделит участь свою с участью детей ковенанта, и да будет так, пока не исполнится обетованное; и горе, горе тому, кто ради бренных житейских целей и личной корысти уклонится от великого дела, ибо проклятие будет на нем еще горше, чем на Мерозе, который не пришел к господу, чтобы помочь ему против могущественного врага. Итак, поднимайтесь и действуйте; кровь мучеников, что дымится на лобном месте, вопиет об отмщении; кости святых, что, белея, лежат на дорогах, требуют воздаяния; стоны невинных, что доносятся с заброшенных островов морских, из темниц, сокрытых в твердынях тирана, исходят мольбой об освобождении; молитвы гонимых христиан, скрывающихся от меча утеснителей в пещерах и бесплодных пустынях, терзаемых голодом, мучимых холодом, лишенных огня, пищи, крова, одежды, ибо они предпочитают служить скорее богу, чем человеку, — все они с вами, все ходатайствуют за вас, бдят у врат царства,

> стучат, осаждают их, дабы явил господь вам милость свою. Само небо будет сражаться за вас, подобно тому как звезды в беге своем сражались против Сисары. И кто жаждет заслужить бессмертную славу в мире сем и вечное блаженство в оном, что грядет, тот пусть вступает в службу господню и получит задаток из руки смиреннейшего его слуги, а именно благословение и ему, и дому его, и детям его, и потомкам его до девятого колена, и благословение, коим господь осенил Авраама и род его, навеки и навсегда. Аминь!
> Красноречие проповедника вознаградил глухой гул одобрения, прокатившийся в рядах вооруженных слушателей по окончании его речи, которая так хорошо осветила и то, что они уже совершили, и то, что еще предстояло им совершить. Слушая эту проповедь, возносившую их над всеми невзгодами и бедствиями этого мира и отождествлявшую дело, за которое они борются, с делом самого божества, раненый забывал о том, что у него болят раны, слабый и голодный — о переносимых тяготах и лишениях».

4. НЕНАВИСТЬ К САТАНАМ РАСЫ ГОСПОД В РОМАНЕ В. СКОТТА «ТАЛИСМАН ИЛИ РИЧАРД В ПАЛЕСТИНЕ»

Вальтер Скотт, будучи настоящим ученым, человеком безукоризненной объективности, пишет с большим юмором о фанатизме пуритан, хотя не забывает подчеркивать все то настоящее, героическое и мудрое, что они совершили. Скотт также объективно судит об глобальной роли исторического христианства и не забывает показать глубины деградации христианской теологии в магическое сознание. Мы видели как он объективен и в отношении иудаизма. Вспоминается известная пьеса Готфрида Лессинга «Натан Мудрый», где Лессинг стремится примирить все то мудрое, что есть во всех гуманистических религиях. Вообще, как пишет В. Дильтей в книге об истории Возрождения и Реформации, эта тенденция поисков «философской веры», как говорит К. Ясперс, или универсальной религии –характерна для европейского философского и религиозного дискурса. О том же пишет Ромен Роллан во Вселенском евангелии Вивеваканды.

И Натан Мудрый и Вальтер Скотт затрагивают тему ислама. И хотя ислам в общем и целом очень немного связан с научным

прогрессом, все же был в его истории период, когда иранский Багдад династии Аббасидов оставил далеко позади науку христианского мира. Вальтер Скотт в романе «Талисман или Ричард в Палестине» вспоминает Саладина Благородного, как представителя как раз этой благородной научной цивилизации Багдада Аббасидов, ислама построенного на персидском зороастризме (Скотт обращается к зороастризму в романе).

> «Расцвет ислама в Багдаде (VIII–XIII вв.) — это «Золотой век ислама», начавшийся с основания города в 762 году династией Аббасидов. Багдад стал мировым центром науки, культуры и торговли, объединив исламские ценности с античным наследием. Центрами знаний были «Дом мудрости» (Байт аль-Хикма), мечети и библиотеки, где работали выдающиеся учёные, развивая астрономию, медицину и философию.
>
> **Ключевые аспекты расцвета:**
>
> **Культурный и научный центр:** Багдад, насчитывавший около миллиона жителей, был центром притяжения для ученых со всего мира, где активно переводились греческие, индийские и персидские рукописи.
>
> **«Дом мудрости»:** Знаменитая библиотека и исследовательский центр, ставшие символом эпохи просвещения в исламском мире.
>
> **Развитие науки:** Исламские учёные усовершенствовали астролябию, развивали математику, медицину и философию, обосновывая важность знаний».

В этом смысле Скотт еще раз подчеркивает, что подобно всем великим Реформаторам Христианства, чьи книги мы много цитировали в томах об Открытии, он не является сторонником Ортодоксии и догматического богословия. Но смотрит в будущее подобно Ренану и Спинозе, Фоме Аквинскому и Честертону, ждет Открытия Законов природы психики человека, чтобы положить в основу религии научный контроль и метафизику интеллекта вместо туманного Откровения сердца (верного, но смутного и часто неясного Откровения Воображения, как говорит Спиноза).

Вот почему его Церковь Дружбы Благородных Людей включает и католиков и пуритан, и иудеев и мусульман — и только истинно верующих и чистым сердцем из них. Таковым он изображает «монарха сарацин Саладина».

Все три имени сарацина ниже — это имена Саладина в романе. Действительно, Саладин не страшится в образе сарацинского лекаря, гостя Ричарда, упрекать его в неблагородстве, чтобы вызволить из его гнева, попавшего в ловушку Сатанов, рыцаря-шотландца Кеннета, главного героя романа. Саладин, выпросив с риском для жизни свободу рыцаря, дарует ему свободу, хотя Ричард отдал его ему в рабство. Наконец, узнав, что они с рыцарем влюблены в одну женщину — сестру Ричарда, благородную леди Эдит, Саладин нисколько не обижен, но всегда на стороне своего друга.

В. Скотт, «Ричард в Палестине»:

> «Вспомни, король, что ты можешь умертвить тысячи людей, но ни одному человеку не можешь вернуть здоровье. Короли обладают властью сатаны мучить, мудрецы — властью аллаха исцелять... Остерегайся стать помехой для оказания блага человечеству, которого ты сам дать не в состоянии. Ты можешь отрубить голову, но не можешь вылечить больной зуб.
> — Это неслыханная дерзость, — сказал король, снова ожесточившись, как только хаким стал говорить высокомерным, почти повелительным тоном. — Мы считали тебя нашим лекарем, а не советником или духовником.
> — Так-то вознаграждает славнейший государь Франгистана за благодеяние, оказанное его королевской особе? — спросил эль-хаким. От прежнего смирения и униженности, с какими он упрашивал короля, не осталось и следа; он держал себя высокомерно и властно. — Знай же, — продолжал он, — перед всеми европейскими и азиатскими дворами — мусульманскими и назареянскими, — перед всеми рыцарями и благородными дамами, повсюду, где внимают звукам арфы и носят мечи, повсюду, где любят честь и презирают низость, перед всем миром я ославлю тебя, Мелек Рик, как неблагодарного и неблагородного человека. И даже те страны — если есть такие, — где не слышали о твоей славе, узнают о твоем позоре!
> — Ты смеешь мне угрожать, подлый неверный! — воскликнул Ричард, в бешенстве подступая к Адонбеку. — Тебе надоела твоя жизнь?
> — Рази! — сказал эль-хаким. — И тогда твой собственный поступок возвестит о твоей низости лучше моих слов, хотя бы каждое из них жалило, как шершень.
> Ричард в гневе отвернулся, скрестил на груди руки и снова принялся ходить по шатру; затем он воскликнул:

— Неблагодарный и неблагородный!.. Иными словами — трусливый и бесчестный!.. Хаким, ты выбрал себе награду. И хотя я предпочел бы, чтобы ты попросил бриллианты из моей короны, все же я как король не могу отказать тебе. Итак, бери шотландца. Начальник стражи выдаст его тебе по этому распоряжению».

В. Скотт, «Ричард в Палестине»:

« — Если я отправлюсь в лагерь Саладина, — повторил сэр Кеннет слова эмира. — Увы! Разве я свободен в своих действиях, и разве я не должен идти туда, куда тебе заблагорассудится повести меня?

— Твоя собственная воля, — сказал эмир, — может руководить твоими поступками с такой же свободой, с какой ветер несет пыль пустыни в ту или иную сторону. Благородный враг, который вступил со мной в единоборство и чуть не победил меня, не может стать моим рабом, как тот, кто униженно склонился перед моим мечом. Если богатство и власть соблазнят тебя и ты присоединишься к нам, я готов предоставить тебе то и другое; но человек, отказавшийся от милостей султана, когда топор был занесен над его головой, боюсь, не согласится принять их теперь, после того как я сказал ему, что он волен в своем выборе.

— Будь же до конца великодушен, благородный эмир, и воздержись от упоминаний о таком способе отплаты, согласиться на который мне запрещает совесть. Разреши мне лучше исполнить долг вежливости и выразить мою благодарность за твою рыцарскую щедрость, за незаслуженное великодушие.

— Саладин всегда бывает впереди, — подтвердил Ильдерим, — и не в его привычках отворачивать голову своего коня при встрече с храбрецом... Но не о султане собираюсь я с тобой говорить. Буду краток: если тебя удовлетворит восстановление твоего доброго имени в той мере, в какой этого можно достичь, разоблачив вора, который украл английское знамя, я могу указать тебе правильный путь для достижения цели — разумеется, если ты пожелаешь следовать моим советам, ибо, как говорит Локман, «если дитя порывается ходить, его должна вести няня, если невежда жаждет понять, его должен просветить мудрец».

— Да, ты мудр, Ильдерим, — заметил шотландец, — мудр, хотя и сарацин, благороден, хотя и неверный. Я был свидетелем твоих мудрых и благородных поступков. Так веди же меня! И если ты не потребуешь от меня ничего, что противоречило бы данному мной обету верности и моей христианской вере, я буду беспрекословно повиноваться тебе. Сделай то, что ты обещал, и возьми мою жизнь, когда все будет свершено.

— Саладин великодушен, — ответил эмир, — и не станет понуждать благородного коня взять непреодолимое препятствие...»

В. Скотт, «Ричард в Палестине»:

« — Я мог об этом догадаться, — ответил Саладин. — Но его страсть существовала еще до того, как возникли мои планы... и, теперь я могу добавить, вероятно переживет их. Честь не позволяет мне мстить за свое разочарование тому, кто совершенно к нему непричастен. И если эта высокородная дама предпочитает его мне, то кто осмелится утверждать, что она не воздает должное рыцарю одной с ней веры и полному благородства!

— Да, но слишком незнатного происхождения, чтобы породниться с Плантагенетами, — высокомерно сказал Ричард.

— Возможно, что таковы взгляды во Франгистане, — возразил султан.

— Наши восточные поэты говорят, что храбрый погонщик верблюдов достоин поцеловать в уста прекрасную королеву, тогда как трусливый принц недостоин прикоснуться губами к подолу ее платья... Но с твоего разрешения, благородный брат, я должен на время покинуть тебя, чтобы принять эрцгерцога австрийского и того рыцаря-назареянина; они гораздо меньше заслуживают гостеприимства, но все же я обязан встретить их должным образом — не ради них, но ради моей чести, ибо, что сказал мудрый Локман? «Не говори, что пища, отданная чужестранцу, для тебя потеряна, так как если от нее прибавилось силы и жира в его теле, то не меньшую пользу она принесла и тебе, придав почета и возвеличив доброе имя»».

И именно руками султана Саладина Вальтер Скотт вершит божье возмездие в конце своего повествования о Ричарде Львиное Сердце, которого пытались коварно извести Сатан, великий магистр Ордена тамплиеров и его сообщники. И Саладин так и говорит Ричарду и другим христианским королям, вначале шокированным отрубленной головой предателя Саладином: он убил его не за то, что он их общий враг, а за то, что он только что убил своего беззащитного товарища на смертном одре, чтобы скрыть, что они вместе хотели отравить Ричарда. За предательство своего друга — за отсутствие природы духовной энергии чести и совести, — вот за что казнит великого магистра тамплиеров султан Саладин.

В. Скотт, «Ричард в Палестине»:

«Со вздохом он передал чашу гроссмейстеру тамплиеров. В это мгновение Саладин сделал знак карлику, и тот, выступив вперед, произнес хриплым голосом слова «Accipe hoc!» Тамплиер отпрянул, как конь, увидевший льва под придорожным кустом, но сразу овладел собой и, вероятно, чтобы скрыть замешательство, поднес чашу к губам... Но его губы так и не коснулись края чаши. С быстротой молнии Саладин выхватил из ножен саблю. Она мелькнула в воздухе — и голова гроссмейстера покатилась к краю шатра, а туловище еще секунду продолжало стоять, и руки все еще крепко сжимали чашу; затем оно рухнуло, и шербет смешался с кровью, хлынувшей из вен.

Со всех сторон послышались крики о предательстве, и австрийский эрцгерцог, от которого Саладин с окровавленной саблей в руках был ближе всего, попятился, как бы опасаясь, что следующая очередь будет за ним. Ричард и другие гости схватились за мечи.

— Не бойся, благородная Австрия, — сказал Саладин так спокойно, словно ничего не случилось, — а ты, король Англии, не приходи в гнев от того, что ты только что видел. Не за свои многочисленные предательства — не за то, что по его наущению, как может засвидетельствовать его собственный оруженосец, была сделана попытка лишить жизни короля Ричарда; не за то, что он гнался в пустыне за принцем шотландским и мною и нам тогда удалось спастись только благодаря быстроте наших коней; не за то, что он подбивал маронитов напасть на нас вовремя этой встречи и лишь потому, что я неожиданно для них привел с собой так много арабских воинов, им пришлось отказаться от своих планов, — не за эти преступления лежит он сейчас здесь, хотя каждое из них заслуживает такого наказания, а потому, что всего за полчаса до того, как он, подобно самуму, отравляющему воздух, осквернил своим приходом это помещение, им был заколот кинжалом его соратник и сообщник Конрад Монсерратский, чтобы тот не смог покаяться в бесчестных заговорах, в которых они оба участвовали.

— Как! Конрад убит? Убит гроссмейстером, его поручителем и самым близким другом! — воскликнул

Ричард. — Благородный султан, я готов верить тебе... Но все же ты должен доказать свои слова, не то...

— Вот стоит доказательство, — перебил Саладин, указывая на перепуганного карлика. — Аллах, который создал светлячков, чтобы они светили ночью, может раскрывать тайные преступления при посредстве самых ничтожных созданий.

И султан приступил к рассказу о том, что узнал от карлика. Нектабанус из глупого любопытства или же, как он наполовину признался,

в надежде чем-нибудь поживиться прокрался в палатку Конрада, покинутую всеми слугами, так как некоторые из них ушли из лагеря, чтобы известить брата маркиза о его поражении, а другие не захотели упустить случая принять участие во всеобщем пиршестве, устроенном Саладином. Раненый спал под действием чудесного талисмана Саладина, так что карлик имел возможность беспрепятственно всюду порыться; вдруг чьи-то тяжелые шаги спугнули его и заставили забиться в укромный уголок. Он спрятался за занавеску, но мог оттуда видеть движения и слышать слова гроссмейстера, который вошел и тщательно задернул за собой полог шатра. Его жертва, вздрогнув, проснулась; по видимому, маркиз сразу же заподозрил недобрые намерения своего давнего союзника, так как в страхе спросил, зачем он его тревожит.

— Я пришел исповедать тебя и отпустить твои грехи, — ответил гроссмейстер.

Из дальнейшего разговора испуганный карлик запомнил лишь то, что Конрад молил гроссмейстера не обрывать висящую на волоске жизнь, а тамплиер ударил его турецким кинжалом в сердце, произнеся при этом «Accipe hoc!» — слова, которые долго преследовали потрясенное воображение тайного свидетеля.

— Я проверил этот рассказ, — сказал в заключение Саладин, — приказав осмотреть труп; и я заставил это несчастное создание, по воле аллаха ставшее обличителем преступника, повторить в вашем присутствии произнесенные убийцей слова, и вы сами видели, как они подействовали на его совесть!

Султан умолк, и теперь заговорил король Англии:

— Если это правда, в чем я не сомневаюсь, то мы присутствовали при акте величайшей справедливости, хотя вначале нам казалось иное. Но почему здесь, при нас? Почему твоею собственной рукой?

— Я предполагал поступить по-другому, — сказал Саладин, — но если бы я не поспешил обрушить на злодея кару, он вовсе избег бы ее, ибо допусти я, чтобы он отведал из моей чаши, как он собирался сделать, я уже не мог бы предать его заслуженной смерти, не опозорив себя нарушением законов гостеприимства. Если бы он убил моего отца, а потом вкусил моей пищи и отпил из моей чаши, я не тронул бы и волоска на его голове. Но довольно о нем… Пусть уберут отсюда труп, и не будем больше вспоминать о предателе.

Тело унесли, и следы убийства уничтожили или скрыли с такой быстротой и сноровкой, которые показывали, что подобные случаи были не так уж необычны и не могли вызвать замешательства среди слуг и придворных Саладина».

5. РОМАНТИЗМ ГИБРИС — ЭГО КОРОЛЯ РИЧАРДА И ЕГО ПОКАЯНИЕ

Вальтер Скотт, верный своему научному мышлению реалиста, спешит разоблачить романтизм в каждом историческом персонаже с тем, чтобы работать в направлении победы Добра, победы здоровой Энергии Духа. Ведь Романтизм Гибрис — Эго — тоже проявление активности поля Эгосистемы материальной энергии. И хотя это случай когда Утроба Садомазохизма, циклический гомеостаз физического контроля уже сломан -это все еще тяжелая болезнь Энергии Духа, которая провоцирует беды и для самого носителя и для его окружения. Мы видели уже таких разоблачаемых Скоттом романтиков — рыцарей: Карла Смелого, Бриана Буагильбера, Ричарда Английского.

Вот как Скотт отзывается от Романтизме короля Ричарда в «Айвенго»

В. Скотт, «Айвенго»:

> «Король, наделённый львиным сердцем, был образцом рыцаря, совершающего блестящие, но бесполезные подвиги, описываемые в романах того времени; слава, добытая собственной доблестью, была для него гораздо дороже той, какую он мог бы приобрести мудростью и правильной политикой своего правления. Поэтому его царствование было подобно полёту стремительного и сверкающего метеора, который, проносясь по небу, распространяет ненужный и ослепительный свет, а затем исчезает, погружаясь в полную тьму. Его рыцарские подвиги послужили темой для бесчисленных песен бардов и менестрелей, но он не совершил никаких плодотворных деяний из числа тех, о которых любят повествовать историки, ставя их в пример потомству».

В отличии от Сатан-Эго Расы Господ, Романтизм Гибрис-Эго шизоидов часто больше вредит им самим, нежели окружающим. Характеристика Романтиков не в мертвой мысли и мертвой совести подобно Расе Господ Сатанов, нов «раздвоенности» сознания, где живая еще мысль и совесть тяжело страдают под романтически Притяжением Самовлюбленности сломанного циклического гомеостаза Садомазохизма.

Гирис-Эго шизоидов подобно Милграм-Эго простого народа поддается излечению вследствие живого поля Интеллекта и Совести. Вальтер Скотт с обычным для него мастерством описывает и наклонность Ричарда к покаянию, и то как чувствительна его совесть и как остро ощущает он угрызения этой совести в поисках мира с другими христианскими королями и общей победы в борьбе за Гроб Господен.

В романе «Ричард в Палестине» Вальтер Скотт рисует реальность внутреннего раздора между христианскими государями, что привело к их полному поражению в движении Крестовых походов.

Король Ричард под пером Скотта — не только романтик, но и мудрый король, готовый признать свои ошибки, отказаться от тщеславия своего Эго, протянуть руку примирения христианским королям и просить их снова стать боевыми товарищами в борьбе за общее великое дело в служении Господу, как они его понимали.

Вальтер Скотт вводит для этих целей персонаж благородного рыцаря, который решил стать монахом и полностью отказался от мира. Этот рыцарь является королю и призывает его к покаянию. Король сначала взбешен, нов конечном итоге он делает то, что когда-то сделал сам Скотт, отказавшись от своего романтизма и твердо став на путь поисков правды в своей прекрасной литературе исторических романов.

Истинная смелость короля Львиное Сердце не в том, что он дерется как лев с сарацинами — его истинный подвиг в преодолении самого себя, в отказе от своего Гибрис-Эго: король публично просит прощения у своих боевых товарищей, чтобы излечится от болезненного тщеславия, хотя его товарищи много больше виноваты в грехе тщеславия перед ним.

Этот героический поступок отличает Романтика Ричарда от подлости магистра тамплиеров, Сатаны Расы Господ, который пользуясь покаянием Ричарда, как слабостью, бросает ему в лицо публично обвинение в унижении всех христианских королей и присвоении себе всей славы Крестного похода. Таким обра-

зом, Вальтер Скотт подчеркивает контраст, между абсолютной подлостью Сатан-Эго, его мертвой совестью, и благородством романтизма Ричарда, готового к покаянию перед теми, кто тайно замышляет его убить. Живая совесть, живая Энергия Духа, — вот что делает человека человеком, а вовсе не успех в приспособлении к материальному миру, в котором так приноровились Сатаны с их вечно алчущей Утробой Садомазохизма.

В. Скотт, «Ричард в Палестине»:

> «Услышав эти мрачные слова, Ричард весело рассмеялся, чего с ним давно не случалось.
> — Великая вещь совесть, — сказал он, — если даже ты, тупоголовый северный лорд, можешь заставить своего короля сознаться в безумии. Поистине, если бы они не считали себя способными занять мое место, я и не подумал бы о том, чтобы срывать шелковые украшения с кукол, которых ты мне показал. Что мне до того, в какой мишуре они щеголяют, но я не могу допустить, чтобы они соперничали со мной в благородном деле, которому я себя посвятил. Да, де Во, я сознаюсь в своей слабости, упрямстве и честолюбии. Несомненно, в нашем христианском лагере найдется немало рыцарей получше Ричарда Английского, и было бы благоразумно назначить одного из них вождем войска».

В. Скотт, «Ричард в Палестине»:

> « — Король Англии, — продолжал он, простирая свою худую руку, — кровь, кипящая в твоих голубых жилах, не более благородна, нежели та, что медленно течет в моих. Ее не много, и она холодна, но все же это кровь царственного Лузиньяна — доблестного и святого Готфрида. Меня зовут — вернее, звали, когда я был в миру — Альберик Мортемар.
> — О чьих подвигах, — перебил Ричард, — столь часто гремели трубы славы! Неужели это правда, может ли это быть? Как могло случиться, чтобы такое светило исчезло с горизонта рыцарства и никто не знал, куда оно, угаснув, скрылось?
> — Отыщи упавшую на землю звезду — и ты увидишь лишь мерзкую студенистую массу, которая, проносясь по небосводу, на миг зажглась ослепительным светом. Ричард, если бы я надеялся, сорвав кровавую завесу, окутывающую мою ужасную судьбу, заставить твое гордое сердце подчиниться велениям церкви, я нашел бы в себе мужество рассказать тебе о том, что терзает мои внутренности и что

доныне я, подобно стойкому юноше-язычнику, хранил втайне от всех.

Как ни иссохло и ни сморщилось это бренное тело, в нем еще живы два стремления: одно из них, действенное, жгучее, неотступное, — служить делу иерусалимской церкви, другое, низменное, презренное, порожденное невыносимой скорбью, приводящее меня то к порогу безумия, то к отчаянию, — оплакивать свою злосчастную судьбу и охранять священные останки, опасаясь как тягчайшего греха бросить на них хотя один взгляд. Не жалей меня! Жалеть о гибели такого презренного человека грешно... Не жалей меня, а извлеки пользу из моего примера. Ты стоишь на высочайшей, а потому самой опасной вершине, на какую когда-либо возносился христианский государь. Ты горд душой, падок на радости жизни и скор на кровавую расправу. Отдали от себя грехи, этих прилепившихся к тебе дщерей, хотя бы они и были дороги грешному Адаму, изгони злых фурий, которым ты дал приют в своем сердце — гордыню, страсть к наслаждениям, кровожадность.

— Вы называете его безумным иереем, милорд? — спросил де Во. — Я полагаю, он скорей напоминает блаженного Иоанна Крестителя, только что покинувшего пустыню. Он влез на одну из осадных машин и оттуда стал проповедовать воинам, как никто не проповедовал со времен Петра Пустынника. Его крики встревожили весь лагерь, и собралась многотысячная толпа. То и дело отступая от основной нити своей речи, он обращался к воинам на их родных языках и для каждого народа находил наилучшие доводы, чтобы пробудить в них усердие к делу освобождения Палестины.

— Клянусь богом, благородный отшельник! — воскликнул король Ричард. — Но разве можно было ждать иного от потомка Готфрида?»

В. Скотт, «Ричард в Палестине»:

«После первого взрыва негодования он спокойно сел и, опустив голову, скрестив на груди руки, с мрачным видом слушал рассуждения архиепископа о невозможности продолжать крестовый поход, коль скоро союзники его покидают. Больше того — он сдержался и не прервал прелата даже тогда, когда тот осмелился осторожно намекнуть, что горячность самого Ричарда была одной из главных причин, отвративших государей от этого похода.

— Confiteor, — ответил Ричард, потупив взгляд и с несколько грустной улыбкой. — Я признаю, преподобный отец, что у меня есть основания восклицать culpa mea. Но разве не жестоко, чтобы из-за Непостоянства моего нрава я заслужил такое наказание, чтобы за несколько вспышек справедливого гнева мне было суждено уви-

деть, как вянет передо мной на корню столь богатая жатва во имя господа и во славу рыцарства? Но она не увянет. Клянусь душой Завоевателя, я водружу крест на башнях Иерусалима или же он будет водружен на могиле Ричарда!

.... — Не знаю, — сказал он, — что происходит со мной; кажется мне, что христианские государи с их холодными умствованиями заразили и меня вялостью духа. В былое время, если бы такой брачный союз предложил мне мирянин, я тут же расправился бы с ним, а если бы это сделал какой-нибудь священнослужитель, я плюнул бы ему в лицо, как вероотступнику и приспешнику Ваала... А теперь такой совет кажется мне не столь уж нелепым. Почему, в самом деле, мне не искать дружбы и союза с сарацином, честным, справедливым, великодушным, который любит и почитает достойного врага как друга, между тем как христианские государи отступаются от своих союзников, изменяют божьему делу и заветам славного рыцарства. Но я возьму себя в руки и не буду думать о них. Я предприму лишь одну попытку воскресить, если это окажется возможным, благородный дух братского единения; если мне не удастся, тогда мы поговорим с тобой, архиепископ, о твоем предложении, которого я пока не принимаю, но и не отвергаю окончательно. Идем на совет, милорд, время не ждет. Ты говоришь, Ричард запальчив и горд... Ты увидишь, как он унизится и уподобится скромному дроку, которому он обязан своим прозвищем».

В. Скотт, «Ричард В Палестине»:

«Государи заняли свои места, и воцарилась глубокая тишина.

— Сегодня, — продолжал английский король, — большой церковный праздник. В такой день христианам подобает примириться со своими братьями и покаяться друг перед другом в своих заблуждениях. Благородные государи и вы, духовные отцы нашего священного похода, Ричард — воин, и рука повинуется ему лучше, нежели язык... а его язык слишком привык к грубой речи, свойственной людям его ремесла. Но из-за поспешных слов Плантагенета и его необдуманных поступков не отступайтесь от благородного дела освобождения Палестины, не отказывайтесь от земной славы и вечного спасения, которые если и можно заслужить, то лишь здесь, не отказывайтесь из-за того, что один воин действовал, быть может, слишком поспешно, а его слова были жестки, как стальные доспехи, которые он носит с детства. Если Ричард провинился перед кем-нибудь из вас, Ричард искупит свою ошибку словом и делом... Благородный брат мой король Франции, имел ли я несчастье оскорбить тебя?

— Повелитель Франции не может ни в чем упрекнуть повелителя Англии, — ответил Филипп с королевским достоинством, пожимая в то же время руку, протянутую ему Ричардом. — И какое бы решение я ни принял относительно дальнейшей судьбы нашего дела, оно будет подсказано мне обстоятельствами, возникшими в моем собственном королевстве, но, конечно, не завистью или неприязнью к моему доблестному царственному брату.

— Австрия, — сказал Ричард, подходя к эрцгерцогу и глядя на него одновременно чистосердечно и величественно; Леопольд встал, как бы помимо своей воли, подобно автомату, чьи движения зависят от какого-нибудь внешнего возбудителя. — Австрия считает, что имеет основания быть в обиде на Англию; Англия — что у нее есть причина к неудовольствию Австрией. Пусть же они простят друг друга, дабы не нарушался мир между европейскими державами и согласие среди нашего воинства. Сейчас мы вместе подняли стяг более славный, чем все, когда-либо осенявшие земного государя, — стяг вечного спасения; да не будет между нами вражды из-за эмблем нашего земного величия. Но все же пусть Леопольд вернет знамя Англии, если оно находится у него, и тогда Ричард скажет, правда единственно из любви к святой церкви, что он раскаивается в своей горячности, побудившей его оскорбить государственный флаг Австрии.

Эрцгерцог стоял угрюмый и недовольный, опустив глаза; его лицо все больше мрачнело от сдерживаемого гнева, которому страх и отсутствие сообразительности препятствовали излиться в словах.

Патриарх Иерусалимский поспешил прервать неловкое молчание и засвидетельствовать, что эрцгерцог австрийский торжественной клятвой снял с себя подозрение в какой-либо причастности, прямой или косвенной, к посягательству на английское знамя.

— В таком случае мы были крайне несправедливы к благородному эрцгерцогу, — сказал Ричард, — и, моля о прощении за то, что мы обвинили его в столь подлом проступке, мы протягиваем ему нашу руку в знак восстановления мира и дружбы... Но что это? Австрия отказывается принять нашу руку без перчатки, как прежде отказалась принять нашу латную перчатку! Как! Нам не суждено быть ни его союзником на мирном поприще, ни его противником на поле брани? Что ж, пусть будет так. Мы принимаем то неуважение, с каким он к нам относится, в качестве наказания за все зло, что мы, возможно, причинили ему в запальчивости, и полагаем наши счеты на этом законченными.

Он произнес эти слова скорее с величественным, чем с презрительным видом и отвернулся от эрцгерцога. Когда он отвел свой взгляд, австриец, по-видимому, почувствовал такое же облегчение, какое

испытывает непослушный, ленивый ученик, лишь только строгий учитель перестает на него смотреть.

— Благородный граф Шампанский, достославный маркиз Монсерратский, доблестный гроссмейстер тамплиеров — я пришел сюда покаяться, как на исповеди. Есть у вас какие-нибудь обвинения против меня, и притязаете ли вы на удовлетворение?

— Я не знаю, на чем они могли бы быть основаны, — ответил сладкоречивый Конрад, — если не считать того, что король Англии отнимает у своих бедных братьев по оружию всю славу, какую они надеялись завоевать в этом походе.

— Мое обвинение, коль скоро мне предложено высказаться, — начал гроссмейстер тамплиеров, — тяжелее и серьезнее, чем обвинение маркиза Монсерратского.

Мы готовы многим добровольно поступиться из уважения к его отваге, его рвению, его богатству и могуществу; но он считает себя вправе все захватывать, не оставляя ничего, что мы могли бы уступить ему из учтивости и любезности, и тем низводит своих союзников до положения вассалов и слуг, роняет в глазах воинов и подданных престиж нашей власти, которую мы больше не можем самостоятельно осуществлять.

Коль скоро доблестный Ричард пожелал от нас правды, он не должен ни удивляться, ни гневаться, слушая того, кому запрещены всякие помыслы о мирской славе, для кого светская власть — ничто, вернее — кто считается с ней лишь в той мере, в какой она способствует процветанию храма господня и повержению льва, рыскающего в поисках добычи, которую он мог бы пожрать. Итак, повторяю: Ричард не должен ни удивляться, ни гневаться, слушая такого человека, как я, говорящего правду в ответ на его вопрос. И я знаю, что правду моих слов признают в душе все, кто слышит меня, хотя чувство уважения заставляет их безмолвствовать.

Вся кровь прилила к лицу Ричарда, когда гроссмейстер открыто, не пытаясь смягчить свои обвинения, порицал его действия. Одобрительный шепот, который послышался после речи тамплиера, ясно показывал, что почти все присутствующие считают справедливыми выдвинутые упреки. Объятый яростью и в то же время огорченный, Ричард все же понимал, что, дав волю душившей его злобе, он тем самым даст своему хладнокровному и осторожному обвинителю преимущество над собой, к чему тот главным образом и стремился. Поэтому он сделал над собой огромное усилие и молчал до тех пор, пока не прочел про себя «Отче наш», как велел ему поступать духовник в тех случаях, когда им начинал овладевать гнев. Затем король заговорил спокойно, но не без горечи, особенно вначале:

— Да так ли это? Неужели надо было нашим братьям столь старательно отмечать несдержанность нашего нрава, грубость и стремительность, с какой проявлялось наше усердие, которое иногда вынуждало нас отдавать приказы, если для совещания не было времени? Мне не могло прийти в голову, что подобные обиды, нанесенные мною случайно и непредумышленно, могли так глубоко запасть в сердца моих союзников по этому священнейшему походу, что из-за меня они отнимут руки от плуга, когда борозда уже почти закончена, из-за меня они свернут с прямой дороги в Иерусалим, которая уже открылась перед ними благодаря их мечам. Напрасно я думал, что мои скромные заслуги могут перевесить необдуманно совершенные мною ошибки… что те, кто не забыл, как я рвался вперед на приступ, помнят и то, что при отступлении я всегда бывал последним… Если я водружал свое знамя на завоеванном поле сражения, то это была единственная награда, к которой я стремился, между тем как другие делили добычу. Я мог назвать завоеванные города своим именем, но предоставлял владеть ими другим. Если я упорно настаивал на смелых решениях, то ведь я и не щадил ни своей крови, ни крови моего народа, столь же смело приводя их в исполнение… Если в спешке похода или горячке битвы я принимал на себя начальство над воинами других, я всегда относился к ним как к своим, покупая на собственные средства продовольствие и лекарства, которые их государи не имели возможности приобрести… Но мне стыдно напоминать вам о том, что все, кроме меня, кажется, забыли. Поговорим лучше о будущем, о том, что нам предстоит делать. Верьте мне, братья, — продолжал Ричард, и его лицо загорелось страстным порывом, — ни гордость, ни ярость, ни честолюбие Ричарда не станут камнем преткновения на пути, на который церковь и слава призывают вас как бы трубным гласом архангела. О нет, нет! Я не переживу мысли, что мои ошибки и слабости послужили к разрушению благородного содружества присутствующих здесь государей. Я отрубил бы своей правой рукой левую, если бы это могло послужить доказательством моей искренности. Я добровольно уступлю вам право начальствовать над воинством, даже над моими вассальными подданными. Пусть их поведут те государи, которых вы назначите, а их король, всегда готовый обменять предводительский жезл на копье простого рыцаря, будет служить под знаменем Бо-Сеан в рядах тамплиеров или же под знаменем Австрии, если Австрия поставит во главе своих войск достойного человека. А если вы устали от этого похода и чувствуете, что от доспехов на вашем изнеженном теле появляются ссадины, тогда оставьте Ричарду всего десять или пятнадцать тысяч воинов, чтобы завершить выполнение данного вами обета. И когда Сион будет заво-

еван, — воскликнул он, размахивая простертой ввысь рукой, словно водружая знамя креста над Иерусалимом, — когда Сион будет завоеван, мы напишем на его воротах не имя Ричарда Плантагенета, а имена тех благородных государей, которые дали ему средства к победе! Грубое красноречие и решительное выражение лица воина-короля подняли упавший дух крестоносцев, вновь пробудили в них благочестивое рвение и, направив их внимание на главную цель похода, заставили большую часть присутствующих покраснеть от стыда за мелочность тех поводов для недовольства, которые они прежде принимали так близко к сердцу. Глаза зажигались огнем, встречая взгляд другого, послышавшиеся с разных сторон возгласы заражали мужеством. Они вспомнили военный клич, раздавшийся в ответ на проповеди Петра Пустынника, и все как один громко воскликнули:

— Веди нас, доблестный Ричард Львиное Сердце, нет никого достойней тебя вести за собою храбрецов. Веди нас... На Иерусалим, на Иерусалим! Такова воля божья... Такова воля божья! Да будет благословен тот, кто приложит руку к ее осуществлению!»

ОГЛАВЛЕНИЕ

MY FAREWELl LETTER 3
Глава 1. Слабость Циклического Гомеостаза Материальных Энергий 9
1. Определение Циклического Гомеостаза Материальных Энергий Природы. Циклический Гомеостаз Материальной Энергии Психики 9
2. Материальные энергии и приспособление к среде 15
3. Психический Пол: Что такое Женщина и Мужчина по отношению к Человеку? 17
4. Пространство-Время Интеллекта Энергии Духа. Конец Циклического гомеостаза 19
Глава 2. Апология Христианства Честертона и Пространство-Время Интеллекта Энергии Духа 23
1. Крест и Круг как символы двух пространственно-временных континуумов 23
2. Честертон о глупости Дарвиновской парадигмы: Человек Чудовищно и Категорически выпадает из мира Биологической энергии 25
3. Почему Право Сильного — это Слабость, а Мученичество за Честь и Совесть — это Сила? 31
4. Сила и Мужество Христианства. Сила Любви и Сила Ненависти Энергии Духа человечества 36
Глава 3. Четыре пункта Женственности у Сатанов поля Эгосистемы 44
1. Нижняя и Верхняя Эгозащита нормального циклического гомеостаза поля Эгосистемы — две части одного механизма 44
2. Женщины как стыдный Полюс Слабости. Закон сохранения силы физического контроля 48
3. Женщины — дуры с магическим сознанием 50
4. Женщины — лживы и порочны 55
5. Женщины — властолюбивые рабыни, не способные к дружбе 64

6. Женщины — их смысл жизни в Романтике половых отношений ... 67
Глава 4. Романтика Половых Отношений как Смысл жизни Сатанов поля Эгосистемы ... 71
1. Праздность Влюбленных женщин ... 71
2. Нищета и Праздность поля Эгосистемы ... 78
3. Разврат, Нищета и Праздность поля Эгосистемы Сатанов ... 84
4. Римская Сатира о Праздности, Транжирстве (Роскоши) и Разврате Сатанов материальной энергии ... 94
Глава 5. «Роман с Интеллектом» и Конец Циклического гомеостаза ... 105
1. Продуктивная деятельность человечества ... 105
2. Продуктивность Энергии Духа как Интеллектуальная любовь к Богу ... 112
3. Розовый дом Д. Эпштейна (The Pink House) и вовлеченность академических кругов трафикинг на острове Эпштейна ... 120
Глава 6. Продуктивный Труд и Конец Циклического гомеостаза ... 126
1. Истинное Я Человечества и Полотно Истории ... 126
2. Продуктивный Труд и Священная Война со Злом ... 132
3. Выход из душного Подвала циклического гомеостаза материальной энергии. Благодать Церкви Дружбы ... 143
Часть Вторая ... 151
Gospel on Tesla's Rape ... 152
Глава 7. Ядерный Гриб Сатанов. заговор Спецслужб и Палачи Теслы, Автора Открытия ... 153
1. Заговор Спецслужб Ядерного Гриба Сатанов. Имена моих палачей, которые мне известны ... 153
2. Ядерный Гриб Сатанов — как Магическое Сознание Варваров ... 159
3. Ядерный Гриб Сатанов на острове Эпштейна. Идолопоклонство и Сатанизм ... 168
7 февраля 2026 Источник: Meduza ... 172

2 февраля 2026 Политика Карина Халикова 173
16.02.2026 Элизео Бертолази, Милан 177
Глава 8. Садомазохизм Господства и Рабства — Хула на Духа Святого 181
1. Порабощение женщин — цитадель рабства на Земле 181
2. Сатаны Расы Господ — это Сила! 188
3. «Дебилизация» женщин. «Слабые» женщины отвратительны 196
4. Проститутки и Горничные 201
Глава 9. Романтизм Самовлюбленности. Поэзия Равенства на поле Садомазохизма 214
1. Отравление Культурой Романтизма 214
2. Романтический Брак Принцессы Дианы 219
3. Брак как форма торговли женщинами 228
Глава 10. Романтизм на острове Эпштейна. Гибельность культуры Романтизма 234
1. Люцеферский бунт Движения Романтизма как практическое орудие в руках Садомазохизма 234
2. Мемуары Вирджинии Джуффре. Романтизм на острове Эпштейна 240
18 февраля 2026 Мария БЕРК, Ирина РИНАЕВА 249
Глава 11. Реальная Сила Энергии Духа 256
1. Сила человека — это Пространство-Время Интеллекта Энергии Духа 256
2. Аборигены Социальных Джунглей 260
3. Царствие Небесное Пространства-Времени Интеллекта. 269
4.Реальная Сила Общества для цивилизованных людей научного сознания 277
5. Пути к реальной силе общества людей 292
Глава 12. Я обвиняю! 307
Часть Третья. Вальтер Скотт и Конец Циклического Гомеостаза 314

Глава 13. Вальтер Скотт — Человек Пространства-ВРемени Интеллекта ... 315
1. Реализм психологической Правды характеров в романах Вальтера Скотта ... 315
2. Романтизм как материальная энергия поля Эгосистемы ... 319
3. Этическая Позиция и Оптимизм в Рыцарских романах Вальтера Скотта ... 336
Глава 14. Исторический роман Вальтера Скотта «квентин Дорвард» ... 344
1. Роман Квентин Дорвард ... 344
2. Центральная Роль Церкви Дружбы в Полотне Истории В. Скотта ... 348
3. Естественное право научного контроля и Свобода Благородных людей ... 358
4. Устойчивое Равновесие Чести и Совести против Циклического гомеостаза Садомазохизма Сатанов ... 367
5. Церковь Дружбы в Браке Благородных людей. Честь и Совесть женщины как Честь и Совесть всей Церкви Дружбы ... 373
Глава 15. Естественное Право и Продуктивны Труд в исторических романах Вальтера Скотта ... 383
1. Пространство-Время Интеллекта в исторических романах Скотта ... 383
2. Продуктивный Труд и Церковь Дружбы Вальтера Скотта ... 391
3. Естественное Право Церкви Дружбы в романах Скотта ... 397
Глава 16. Исторический роман Вальтера Скотта «Айвенго» 409
1. Мистерия Добра и Зла в романах Вальтера Скотта ... 409
2. Насилие над Женщинами как Преступление против Духа Святого ... 413
3. Коварство и предательство материальной Утробы Садомазохизма ... 424
4. Метафора «Знатного Рода» о Контрольной Энергии Духа Пространства –Времени Интеллекта ... 432

5. Твердое тело «Чести» Пространства-Времени Интеллекта в сопротивлении давлению материального мира 438
Глава 17. Еврейский вопрос в историческом романе Вальтера Скотта «Айвенго» 451
1. Еврейский вопрос в истории религии и философии ... 451
2. Еврейский вопрос в историческом романе Вальтера Скотта «Айвенго» 467
3. Истинная вера Ревекки и Романтизм Гибрис- Эго Рыцаря Храма Буагильбера 472
4. Месть саксонки Ульрики Сатану Фрон де Бефу 485
5. Нападение Израильских Спецслужб на Открытие Психической Энергии, и на меня, Автора этого Открытия 493
Глава 18. Природа Энергии Духа и Ненависть к Расе Господ Сатанов 495
1. Дарвиновская парадигма и Лаборатория Доктора Моро 495
2. Ненависть к Сатанам в романе В. Скотта «Роб Рой» ... 505
3. Ненависть к Сатанам Расы Господ в романе В. Скотта «Пуритане» 512
4. Ненависть к Сатанам Расы Господ в романе В. Скотта «Талисман или Ричард в Палестине» 518
5. Романтизм Гибрис — Эго короля Ричарда и его Покаяние 525

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Психический Пол и В. Скотт. Сатаны- Женщины.